

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ОБЩЕСТВО И ПРАВО

2 0 1 2

№ 4
(41)

ОБЩЕСТВО И ПРАВО

2012 № 4 (41)

Выходит с 2003 г. ежеквартально

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Агафонов Ю.А. доктор философских наук, кандидат юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, начальник Краснодарского университета МВД России

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Ильяшенко А.Н. доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника Краснодарского университета МВД России по научной работе

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Андреев Э.М. доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института социально-политических исследований РАН

Антонян Ю.М. доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, проректор по научной работе Института гуманитарного образования

Баев О.Я. доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, академик РАЕН, заведующий кафедрой криминалистики Воронежского государственного университета

Волков Ю.Г. доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, директор Института по переподготовке и повышению квалификации Южного федерального университета

Гилинский Я.И. доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Санкт-Петербургского юридического института Академии Генеральной прокуратуры РФ

Голенкова З.Т. доктор философских наук, профессор, заместитель директора Института социологии РАН

Голик Ю.В. доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и процесса Российского государственного торгово-экономического университета

Дмитриев А.В. доктор философских наук, профессор, член-корреспондент РАН, советник Президиума РАН

Кибальник А.Г. доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и процесса Северо-Кавказского федерального университета

Клейберг Ю.А. доктор юридических, педагогических, психологических наук, профессор, заслуженный деятель науки и образования РФ, академик РАЕН, президент Международной академии образования и Международной академии социальной работы

Курдюк П.М.	доктор юридических наук, профессор, заместитель председателя Законодательного собрания Краснодарского края
Ларичев В.Д.	доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, главный научный сотрудник ВНИИ МВД России
Малков В.Д.	доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Московского государственного лингвистического университета
Маршак А.Л.	доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социологии Российской академии предпринимательства
Меретуков Г.М.	доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Кубани, заведующий кафедрой криминалистики Кубанского государственного аграрного университета
Наумов А.В.	доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Российской правовой академии Министерства юстиции РФ
Рассказов Л.П.	доктор юридических, исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Кубанского государственного аграрного университета
Сапрунов А.Г.	доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Краснодарского университета МВД России
Старилов Ю.Н.	доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой административного и муниципального права Воронежского государственного университета

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Ганченко И.О.	доктор педагогических наук, профессор, первый заместитель начальника КрУ МВД России
Бикмашев В.А.	кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права КрУ МВД России
Дегтяренко Т.А.	кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии и педагогики КрУ МВД России
Зайцев Р.Я.	кандидат юридических наук, доцент, преподаватель кафедры конституционного и административного права КрУ МВД России
Звягольский А.Ю.	доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и административного права КрУ МВД России
Карлеба В.А.	кандидат юридических наук, доцент, заслуженный юрист РФ, начальник кафедры уголовного процесса КрУ МВД России
Карнаушенко Л.В.	доктор исторических наук, профессор, начальник кафедры философии и социологии КрУ МВД России
Мятченко И.В.	кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой русского и иностранных языков КрУ МВД России

Нарыков Н.В.	доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и социологии КрУ МВД России
Палазян А.С.	доктор юридических наук, доцент, начальник кафедры теории и истории права и государства КрУ МВД России
Петров И.В.	доктор экономических наук, профессор, начальник кафедры гражданского права и гражданского процесса КрУ МВД России
Попов М.Ю.	доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры философии и социологии КрУ МВД России
Упоров И.В.	доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и административного права КрУ МВД России
Шалин В.В.	доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и социологии КрУ МВД России
Яковлев В.В.	кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры криминологии КрУ МВД России

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Краснодарский университет МВД России

РЕДАКЦИЯ:

Н.К. Алексаньян, С.Н. Тельнова
Художественное оформление обложки: Д.В. Котелевский

АДРЕС ИЗДАТЕЛЯ И РЕДАКЦИИ:

350005, г. Краснодар, ул. Ярославская, 128
Тел.(861) 258-35-96
Электронный адрес: society_and_law@mail.ru

© ФГКОУ ВПО Краснодарский университет МВД России, 2012

SOCIETY AND LAW

CHIEF EDITOR:

Agafonov Ju.A.	Doctor of philosophy, master of law, professor, Honoured lawyer of the Russian Federation, Chief of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
-----------------------	--

DEPUTY CHIEF EDITOR:

Ilyashenko A.N.	Doctor of law, professor, Deputy chief of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (scientific work)
------------------------	--

EDITORIAL COUNCIL:

Andreev E.M.	Doctor of philosophy, professor, main scientific associate of the Institute of social-political researches of the Russian Academy of Sciences
---------------------	---

Antonyan Ju.M.	Doctor of law, professor, honoured worker of science of the Russian Federation, the vice rector on scientific work of the Institution of humanitarian education
-----------------------	---

Baev O.Ja.	Doctor of law, professor, honoured worker of science of the Russian Federation, academician of the Russian Academy of Natural Sciences, head of the chair of criminalistics of the Voronezh state University
-------------------	--

Volkov Ju.G.	Doctor of philosophy, professor, honoured worker of science of the Russian Federation, director of the Institute for refresher of the Southern federal University
---------------------	---

Gilinsky Ja.I.	Doctor of law, professor, professor of the chair of criminal law of the St. Petersburg law institute of the Academy of the Office of Public prosecutor of the Russian Federation
-----------------------	--

Golenkova Z.T.	Doctor of philosophy, professor, deputy director of the Institute of sociology of the Russian Academy of Sciences
-----------------------	---

Golik Ju.V.	Doctor of law, professor, professor of the chair of criminal law and procedure of the Russian state trade and economic University
--------------------	---

Dmitriev A.V.	Doctor of philosophy, professor, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, adviser of the Presidium of the Russian Academy of Sciences
----------------------	---

Kibalnik A.G.	Doctor of law, professor, the head of the department of criminal law and process of the North Caucasian federal university.
----------------------	---

Kleyberg Ju.A.	Doctor of law, pedagogical, psychological sciences, professor, honoured worker of science and education of the Russian Federation, academician of the Russian Academy of Natural Sciences, president of the International Academy of education and International Academy of social work
-----------------------	---

Kyrdyuk P.M.	Doctor of law, professor, deputy chairman of Legislative assembly of the Krasnodar region
---------------------	---

Larichev V.D.	Doctor of law, professor, honoured worker of science of the Russian Federation, main scientific associate of Center of research and science of Russian Federation of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Malkov V.D.	Doctor of law, professor, honoured worker of science of Russian Federation, professor of the chair of criminal legal disciplines of Moscow state linguistic University
Marshak A.L.	Doctor of philosophy, professor, head of the chair of sociology of the Russian Academy of business
Meretukov G.M.	Doctor of law, professor, honoured worker of science of Kuban, head of the chair of criminalistics of Kuban state agrarian University
Naumov A.V.	Doctor of law, professor, professor of chair of criminal law and criminology of the Russian legal academy of the Ministry of justice of the Russian Federation
Rasskazov L.P.	Doctor of law, historical sciences, professor, honoured worker of science of the Russian Federation, head of the chair of theory and history of state and law of the Kuban state agrarian University
Saprunov A.G.	Doctor of law, professor, professor of chair of criminal law of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Starilov Ju.N.	Doctor of law, professor, honoured worker of science of the Russian Federation, head of the chair of administrative and municipal law of the Voronezh state University

EDITORIAL BOARD:

Ganchenko I.O.	Doctor of pedagogical sciences, professor, the first deputy chief of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Bikmashev V.A.	Master of law, assistant professor, professor of the chair of criminal law of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Degtyarenko T.A.	Master of psychological sciences, assistant professor, assistant professor of the chair of psychology and pedagogy faculty of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Zaitsev R.Ja.	Master of law, assistant professor, instruktör of constitutional and administrative law of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Zvyagolsky A.Ju.	Doctor of historical science, professor, professor of the chair of constitutional and administrative law of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Karleba V.A.	Master of historical sciences, assistant professor, honoured lawyer of the Russian Federation, chief of the chair of criminal procedure of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Karnaushenko L.V.	Doctor of historical sciences, professor, chief of the chair of philosophy and sociology of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Myatchenko I.V.	Master of philology, assistant professor, head of the chair of russian and foreign languages of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Narykov N.V.	Doctor of philosophy, professor, professor of the chair of philosophy and sociology of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Palazyan A.S.	Doctor of law, assistant professor, chief of the chair of theory and history of state and law of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Petrov I.V.	Doctor of economics, professor, chief of the chair of civil law and civil procedure of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Popov M.Ju.	Doctor of sociological sciences, professor, professor of the chair of phylosophy and sociology of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Uporov I.V.	Doctor of historical sciences, master of law, professor, professor of the chair of constitutional and administrative law of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Shalin V.V.	Doctor of philosophy, professor, professor of the chair of philosophy and sociology of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Jakovlev V.V.	Master of law, assistant professor, chief of the chair of criminology of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

EDITION:

N.K. Aleksanjan, S.N. Telnova

FOUNDER:

Krasnodar University of MIA

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА	15	CHIEF EDITOR'S COLUMN
ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА	16	THEORY AND HISTORY LAW AND STATE
Атарщикова Е.Н. Язык как объект правового регулирования	16	Atarshchikova E.N. Language as object of legal regulation
Зинков Е.Г. Пространственно-территориальное разграничение правового пространства в геополитическом измерении	20	Zinkov E.G. Spatial and territorial differentiation of legal space in geopolitical measurement
Исхаков Э.Р. Развитие законодательства по здравоохранению и деятельность полиции России в обеспечении медицинской помощи и профилактики заболеваний в 1812 году	25	Iskhakov E.R. Legislation development on health care and activity of police of Russia in ensuring medical care and prevention of diseases in 1812
Смирнов Д.А. О понятии принципов права	29	Smirnov D.A. About concept of the principles of the right
Литвинова С.Ф. Стабильность как оценочная категория качества права со стороны общества	38	Litvinova S.F. Stability as estimated category of quality of the right from society
Мартыненко Б.К. Категория «насилие» – оценочное понятие?	43	Martynenko B.K. The category «violence» – estimated concept?
Резников Е.В. Профессиональная идентичность адвоката	46	Reznikov E.V. Professional identity of the lawyer
Семенов В.Е. Проблемы совершенствования воспитания правовой культуры	49	Semenov V.E. Problems of improvement of education of legal culture
Долгов А.А. Должностные правонарушения и ответственность за их совершение в России первой половины XIX в.: причины и меры наказания	52	Dolgov A.A. Official offenses and responsibility for their commission in Russia of the first half of the XIX century: reasons and punishment measures
Кудрякова Д.В. Формирование и организация деятельности избирательных комиссий советского периода 1936–1988 г.	58	Kudryakova D.V. Formation and organization of activity of election commissions of the Soviet period of 1936–1988
Маков М.А. Историческая связь столыпинской и современной реформ полиции	61	Makov M.A. Historical connection between Stolypin's and modern police reforms
Марченко С.А. Формирование частей особого назначения Кубано-Черноморской области на первоначальном этапе	69	Marchenko S.A. Formation of parts of the Kuban-Chernomorsky area of special function at an initial stage

КОНСТИТУЦИОННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО	73	CONSTITUTIONAL AND MUNICIPAL RIGHT
Мухачев И.В., Адамоков Б.Б. Онлайн обсуждение проекта устава муниципального образования, его изменений и дополнений	73	Mukhachev I.V., Adamokov B.B. Online discussion about municipality statute`s projects, its amendments and additions
Трофимов М.С. Теоретические вопросы закрепления обязательного характера мнения населения на уровне местного самоуправления	77	Trofimov M.S. Theoretical questions of fixing of a binding character of opinion of the population at the level of local government
Саурин А.А. Право частной собственности: конституционные характеристики	83	Saurin A.A. Private property right: constitutional characteristics
Гончаров С.В. Вопросы досрочного прекращения полномочий главы муниципального образования как меры муниципально-правовой ответственности	91	Goncharov S.V. Questions of the early termination of powers of the head of municipality as measures of municipal-and legal responsibility
Денисова А.В. Понятие и сущность управления земельными ресурсами в субъектах Российской Федерации	95	Denisova A.V. Notion and essence of management to land resources in territorial subjects of the Russian Federation
ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС	100	CIVIL LAW AND CIVIL PROCESS
Макаренко А.И. Авторское право как институт интеллектуальной собственности в российском гражданском законодательстве	100	Makarenko A.I. Copyright as an institution of intellectual property in the Russian civil legislation
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО	104	ENTERPRISE RIGHT
Дорохов С.А. Направления совершенствования государственной поддержки индивидуальных предпринимателей	104	Dorokhov S.A. Directions to improvement of the state supporting of individual entrepreneurs
ЭКОЛОГИЯ: ВОПРОСЫ ПРАВООХРАНЫ	107	ECOLOGY: RIGHT PROTECTION QUESTIONS
Навасардова Э.С. К вопросу об управлении курортом «Кавказские Минеральные Воды» (историко-правовой анализ)	107	Navasardova E.S. To a question of management of the resort "Caucasus Mineralnye Vody region" (the historical and legal analysis)
Колесникова К.В. Формы бюджетного финансового обеспечения охраны окружающей среды и природопользования	112	Kolesnikova K.V. Forms of the budget financial security of environmental protection and environmental management

Буркин Д.О. Эколого-правовая культура научных исследований	115	Burkin D.O. Ecology-legal culture of scientific researches
УГОЛОВНАЯ ПОЛИТИКА: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА	118	CRIMINAL POLICY: THEORY AND PRACTICE
Кибальник А.Г., Мартиросян А.С. Эволюция уголовной ответственности за геноцид в XX веке	118	Kibalnik A.G., Martirosyan A.S. Evolution of criminal responsibility for genocide during XX century
Козаев Н.Ш. Структура достижений научно-технического прогресса и их отражение в уголовном законе	123	Kozayev N.Sh. Structure of achievements of scientific- technical progress and their reflection in the criminal law
Хун А.З. Проблемы теории и практики применения ч. 4 ст. 111 УК РФ	127	Hoon A.Z. Problems of the theory and practice of application of h. 4 Art. 111 of the criminal code of Russian Federation
Анфиногенов В.А. О порядке исполнения и отбывания наказания в пенитенциарных учреждениях	132	Anfinogenov V.A. On the order of punishment execution and serving in penitentiary establishments
Волосюк Е.А. Грамматическое толкование и понимание норм уголовного закона	137	Volosuyk E.A. Grammatical interpretation and understanding of criminal law's norms
Галушкова В.В. Проблемы систематизации уголовно-правовых средств противодействия преступлениям в сфере незаконного оборота наркотиков	140	Galushkova V.V. Problems of systematization of criminal and legal means of counteraction to crimes in the drug trafficking sphere
Ганченко О.И. Компаративное исследование положений уголовного законодательства стран ближнего зарубежья об ответственности за шантаж	143	Ganchenko O.I. Comparative research of provisions of the criminal law of the neighboring countries on the responsibility for blackmail
Шалахов А.Н. Дискуссионные вопросы посредничества во взяточничестве	147	Shalakhov A.N. Debatable questions of mediation in bribery
ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПРЕСТУПНОСТИ	150	THE CRIMINALITY PREVENTION
Антонян Ю.М., Волконская Е.К. Мотив преступного поведения: основные характеристики	150	Antonyan Yu.M., Volkonskaya E.K. Reason of criminal behavior: basic descriptions
Ильяшенко А.Н. Типология жертв насильственных преступлений, совершаемых в семье	158	Ilyashenko A.N. Typology of victims of the violent crimes committed in a family

Малков В.Д. Уголовно-правовые и криминологические характеристики терроризма и его предупреждение в системе обеспечения национальной безопасности России	164	Malkov V.D. Criminal-legal and criminological characteristics of terrorism and its prevention in system of ensuring national security of Russia
Пономарев Е.Г. Коррупция в России: истоки и условия преодоления	172	Ponomarev E.G. Corruption in Russia: origins and conditions of overcoming
Щербакова Л.М. Проблемы оптимизации криминологических исследований	177	Shcherbakova L.M. Optimization problems in criminal sciences
Сапронов Ю.В. Предупреждение преступлений на почве этнического, религиозного и политического экстремизма	181	Sapronov Yu.V. The prevention of crimes because of ethnic, religious and political extremism
Азарова И.В. Предупреждение и актуальные проблемы борьбы с преступностью	186	Azarova I.V. Warning and topical issues in the fight against crime
Гончарова М.В. Социальные последствия рецидива корыстных преступлений	190	Goncharova M.V. Social consequences of the relapse of mercenary crimes
Камалова А.К. О некоторых сторонах механизма преступного поведения	195	Kamalova A.K. Some aspects of the mechanism of criminal behavior
Соломоненко Г.Г. Борьба с убийствами по найму в сфере шоу-бизнеса	201	Solomonenko G.G. Struggle against hired murders in the sphere of show-business
УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО	204	CRIMINAL LEGAL PROCEEDINGS
Ульянов В.Г. Порядок приостановления уголовных дел нуждается в совершенствовании	204	Ulyanov V.G. Order of stay of criminal cases needs improvements
Хайдаров А.А. Особенности судебного следствия по делам лиц, в отношении которых ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера	208	Haydarov A.A. Features of judicial examination for persons concerning whom production about application of a coercive measure of medical character is conducted
Пастельняк А.В. Состязательность как принцип судебного правоприменения	213	Pastelnyak A.V. Adversarial as a principle of judicial enforcement

РАСКРЫТИЕ И РАССЛЕДОВАНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ	216	DISCLOSURE AND INVESTIGATION OF CRIMES
Ларичев В.Д. Выявление и документирование преступлений, связанных с рейдерскими захватами имущественных комплексов	216	Larichev V.D. Identification and documenting of crimes, connected with raider captures of property complexes
Буякова Г.А. К вопросу о криминалистической характеристике нецелевого расходования бюджетных средств	222	Buyakova G.A. To a question of the criminalistic characteristic of a no-purpose expenditure of budgetary funds
Федотова Д.В. Особенности предварительного расследования в отношении подозреваемого или обвиняемого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве	227	Fedotova D.V. Features of preliminary investigation concerning the suspect or accused with which the pre-judicial cooperation agreement is concluded
Степанов С.Д. Криминалистически значимые сведения о лицах, совершивших преступления, связанные с незаконными захватами имущественных комплексов юридических лиц (рейдерство)	234	Stepanov S.D. Criminalistic the significant data on the persons who have made crimes, connected with illegal captures property complexes legal entities (raiding)
Табакова Н.А. Особенности выявления и расследования налоговых преступлений в условиях их частичной декриминализации	238	Tabakova N.A. Distinctions of tax crimes revelation and investigation in context of their partial decriminalization
ПРОКУРОРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ	243	PUBLIC PROSECUTOR'S ACTIVITY
Гребенюк О.Б. Состояние и перспективы осуществления деятельности органов прокуратуры в сфере защиты жилищных прав обманутых дольщиков	243	Grebenyuk O.B. Condition and prospects of implementation of activity of bodies of prosecutor's office in the sphere of protection of the housing rights of the deceived shareholders
Христинич И.В. Федеральный государственный пожарный надзор как объект прокурорского надзора	250	Hristinich I.V. Federal state fire supervision as object of public prosecutor's supervision
АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО И АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС	255	ADMINISTRATIVE LAW AND ADMINISTRATIVE PROCESS
Жеребцов А.Н. Административно-правовая обязанность в охранительном правоотношении правового принуждения, не связанного с осуществлением юридической ответственности	255	Zherebtsov A.N. Administrative and legal responsibility in the security relation legal coercion, not associated with the implementation of legal responsibility

Дмитриев С.Н. Особенности возникновения правового акта в германском административном процессе	263	Dmitriev S.N. Features of emergence of the right act in the german administrative process
Ищенко С.А. Административно-правовое регулирование олимпийского движения в Российской Федерации	269	Ishchenko S.A. Administrative and legal regulation of the Olympic movement in the Russian Federation
Труфанов М.Е. Профилактика правонарушений несовершеннолетних в системе элементов административной правоприменительной политики	275	Trufanov M.E. Prevention of offenses of minors in system of elements of administrative law-enforcement policy
Данилов Д.Б. Специфика судебных актов по делам об административном правонарушении за незаконное использование товарного знака	279	Danilov D.B. Specifics of judicial acts on cases of an administrative offense for illegal use of the trademark
ОБЩЕСТВО: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА	284	SOCIETY: YESTERDAY, TODAY, TOMORROW
Алексеева А.П. «Стратегия развития физической культуры и спорта в Российской Федерации на период до 2020 года»: достоинства и недостатки	284	Alekseeva A.P. «Strategy of development of physical culture and sport in the Russian Federation for the period till 2020»: merits and demerits
Данилова М.И. Образование в глобальном мире	287	Danilova M.I. Education in the global world
Урютова Ю.А. Риски информационной эпохи и проблема сохранения национально-культурной идентичности	292	Uryutova Yu.A. Risks of information era and problem of preservation of national and cultural identity
Чернышева Ю.А. Уголовно-правовые вопросы распоряжения человека своим телом	296	Tchernysheva Yu.A. Criminal and legal questions orders of the person the body
ВОПРОСЫ СОЦИОЛОГИИ	299	SOCIOLOGY QUESTIONS
Казанцев В.Г. Социоструктурные процессы в регионах в условиях трансформации современного российского общества	299	Kazanzev V.G. Sociostructure processes in regions in conditions transformations of the modern russian society
Михайлов Д.А. Социальный маркетинг как социальный институт: социологический анализ	304	Mikhaylov D.A. Social marketing as social institute: sociological analysis

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФИИ	309	PHYLOSOPHY QUESTIONS
Ковелина Т.А., Лагутин А.О., Онищенко В.Л. Эгоизм как принцип жизненной ориентации в контексте этических концепций М. Штирнера и И. Бентама (историко-философский аспект)	309	Kovelina T.A., Lagutin A.O., Onishchenko V.L. Egoism as the principle of vital orientation in a context of ethical concepts of M. Shtirner and I. Bentam (historic-philosophical aspect)
Упоров И.В. Девиантное поведение несовершеннолетних как предпосылка совершения ими преступных деяний	312	Yuporov I.V. Deviant behavior minors as precondition of commission by them criminal actions
Бугаенко Ю.Ю. Концептуализация понятия правовая культура с позиций социальной философии	316	Bugayenko Yu.Yu. Conceptualization of intention legal culture from positions of social philosophy
Горшенева-Долунц И.К. О сущности современной культурной политики	321	Gorsheneva-Dolunts I.K. About essence of modern cultural policy
СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК И ТОЛЕРАНТНОСТЬ	329	SOCIAL ORDER AND TOLERANCE
Клейберг Ю.А. Толерантность и деструктивная толерантность: понятие, подходы, типология, характеристика	329	Kleyberg Yu.A. Tolerance and destructive tolerance: concept, approaches, typology, characteristics
Шалин В.В. Роль образования и научно- исследовательской деятельности в формировании культуры толерантности студентов	335	Shalin V.V. Role of education and research activity in formation of culture of tolerance of students
СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ	338	MODERN PROBLEMS OF HIGHER EDUCATION
Скрипкина А.В. Корпоративная культура в формировании имиджа вуза	338	Skripkina A.V. Corporate culture in formation of image of higher education institution
Новоселецкая Д.И. Компетентностный подход в формировании профессионально- коммуникативных качеств личности курсантов военных вузов	343	Novoseletskaia D.I. Competence-based approach in formation of professional and communicative qualities of the identity of mili- tary higher education institutions
Щуров Е.А. Моделирование педагогических условий формирования правового сознания студентов вузов социокультурной сферы	346	Shurov E.A. Modeling of pedagogical conditions of formation of legal consciousness of students of higher education institutions of the sociocultural sphere

Уважаемые коллеги!
В очередной раз представляем Вашему вниманию выпуск журнала «Общество и право». Среди многообразия рубрик и статей постараемся выделить несколько, на наш взгляд, наиболее интересных и информационно насыщенных.

В традиционной рубрике «Теория и история права и государства» хотелось бы отметить статью Е.Г. Зинкова «Пространственно-территориальное разграничение правового пространства в геополитическом измерении», в которой дано теоретическое обоснование механизма регулирования и контроля над территорией государства, а также принципа верховенства права применительно к глобальным отношениям.

В рубрике «Конституционное и муниципальное право» внимание читателей должна привлечь научная работа И.В. Мухачева и Б.Б. Адамокова «Онлайн обсуждение проекта устава муниципального образования, его изменений и дополнений». В ней авторы предлагают, в частности, параллельно с публичными слушаниями проводить публичное обсуждение устава муниципального образования при активном использовании ресурсов Интернета и социальных сетей.

Интерес читателей, на наш взгляд, должна вызвать статья А.Г. Кибальника и А.С. Мартиросяна «Эволюция уголовной ответственности за геноцид

в XX веке», в которой авторы описывают различные этапы становления и развития геноцида как тяжчайшего преступления против человечества.

В рубрике «Предупреждение преступности» немалый интерес у читателей вызовет работа В.Д. Малкова «Уголовно-правовые и криминологические характеристики терроризма и его предупреждение в системе обеспечения национальной безопасности России». В ней автор подробно описывает цели террористической деятельности (например, изменение политического строя, политики государства, свержение руководства и др.), которые лежат в основе существования разнообразных видов терроризма (политического, государственного, международного, религиозного, националистического и т.п.).

Хотелось бы выделить исследование В.Г. Казанцева «Социоструктурные процессы в регионах в условиях трансформации современного российского общества», в котором, в частности, анализируются условия эффективности стратегии примирения: готовность участников регионального конфликта к переговорам, исторический опыт поддержания гармоничных отношений, сохранение толерантности конфликтующих сторон.

Добро пожаловать на страницы нашего журнала в качестве авторов и читателей!

**Главный редактор
доктор философских наук,
кандидат юридических наук,
профессор,
начальник Краснодарского
университета МВД России
генерал-лейтенант полиции
Ю.А. Агафонов**

Атарщикова Елена Николаевна

доктор юридических наук,
профессор кафедры теории и истории государства и права
Северо-Кавказского федерального университета
(тел.: 89624018364)

Язык как объект правового регулирования

В настоящей статье рассмотрена роль государственной политики в области языка. Сделан вывод о важности языковых прав для современной России.

Ключевые слова: язык, государственная политика, правовое регулирование, языковые права.

E.N. Atarshchikova, Doctor of law, professor of the chair of theory and history of state and law of North Caucasian Federal University; tel.: 89624018364.

Language as an object of law regulation

The role of state policy in language's sphere is shown in this article. The conclusion about importance of language's rights for modern Russia has been made.

Key words: language, state policy, law regulation, language's rights.

Язык народа есть важнейший компонент его национальной культуры, который формируется вместе с образованием этноса, являясь одновременно предпосылкой и условием его существования. Языковая политика, по нашему убеждению, предусматривает, прежде всего, соблюдение языковых прав как отдельного человека, так и наций, народов и этнических групп. Научный интерес к этому культурно-историческому явлению в России появился сравнительно недавно (в конце 80-х - начале 90-х гг. XX в.) как следствие глубоких изменений, происшедших в социально-экономической и политической сферах государства, повлекших за собой распад Советского Союза и формирование независимых национальных государств на идеологических, культурных и языковых началах.

В это время появился целый ряд работ, посвященных различным вопросам теории и практики языковой политики в многонациональных государствах. Среди отечественных ученых следует отметить исследования А.Н. Баскакова, М.Н. Губогло, Ю.Д. Дешериева, Л.М. Дробижевой, М.И. Исаева, В.Ю. Михальченко, А.Д. Швейцера. Более широкое освещение данная проблематика получила в трудах зарубежных ученых, например: Г. Альфредссона, Ф. Грина, Т. Гурра, К. Джаспаерта, Д. Лейтина, Г. Клосса, С. Круна, М. Раннута, Т. Скунтаба-Кангаса, В. Кумлика, У. Фейза, Р. Филипсона, Дж. Фишмана, изучавших отдельные вопросы, связанные с соблюдением языковых прав миноритарных групп.

Как отмечает М.Н. Губогло, языковые проблемы могут являться фундаментальной причиной политической конфронтации и даже

насилия во всем мире. Работ, специально посвященных всестороннему изучению вопросов, связанных с соблюдением языковых прав коренных народов и национальных меньшинств, анализом и систематизацией общемирового опыта проведения языковой политики, в отечественной историографии крайне мало [1, с. 87].

Правовая языковая политика есть ничто иное, как «совокупность мер, принимаемых государством, классом, партией, этносом для изменения или сохранения существующего функционального распределения языковых образований, для введения новых и консервации употребляемых языковых норм» [2, с. 68]; «руководство социальными лингвистическими нуждами» [3, с. 442]. Направление языковой политики определяется на основе научного понимания закономерностей развития литературного языка. Поскольку русский язык является важнейшей (точнее сказать, самой необходимой), частью духовной культуры всего населения России, он должен находиться под защитой государства как объект национальной безопасности.

Правовая языковая политика – это идеология и соответствующие ей действия, направленные на решение языковых проблем, на достижение определенного языкового состояния в обществе. Понятно, что это всегда государственная политика, следовательно, регулируемая правовой системой государства и находящаяся под защитой его институтов.

Государственная языковая политика – составная часть государственной международной, образовательной, научной, национальной политики. Для ее успешной реализации необходимо разработать основные принципы и

цели, дополнить действующее законодательство нормативно-правовыми актами, регламентирующими использование государственного языка Российской Федерации, а также ввести нормативные процедуры и правила сбережения языка как национального и мирового объекта культуры.

Нормативно-правовое регулирование языка, по нашему убеждению, не является локально-отраслевым. Оно неизбежно затрагивает общественно-политическое сознание населения в целом и оказывает воздействие на социальные, экономические и культурные стороны жизни каждого гражданина. Непродуманные и необоснованные действия в области правового регулирования по отношению к порядку использования языка могут привести к далеко идущим негативным последствиям.

Нормативно-правовой базой современной языковой политики России, наряду с Конституцией, стали закон РФ от 25 октября 1991 г. № 1807-1 «О языках народов РСФСР» (в ред. от 11 декабря 2002 г.), анализ изменений и дополнений, внесенных в федеральные законы «О языках народов Российской Федерации», «О государственном языке Российской Федерации».

Для России языковая политика является одной из наиболее важных проблем межнациональных отношений. Это именно та проблема национально-государственного строительства, которая непосредственно касается жизни и деятельности каждого конкретного человека и поэтому решать ее следует предельно осмысленно.

Динамика языковой политики в западных демократиях все больше определяется общепризнанными нормами международного права, устанавливающими основные критерии прав человека. На основании данных норм представляется возможным вполне объективно и цивилизованно оценивать правомерность языковых притязаний (обязанностей) как отдельного индивида, так и различных этнических групп, включая коренные народы и национальные меньшинства.

В международно-правовом дискурсе обозначилась особая категория прав - языковых, которые рассматриваются ныне в качестве неотъемлемой и важнейшей составляющей общей системы прав человека и народов. Важной основой для разработки языковых прав являются международные документы по правам человека. И языковые права должны рассматриваться как естественное развитие положений, содержащихся в таких документах, как всеобщая декларация прав человека ООН от 1948 г., Международный пакт о гражданских и политических правах от 1996 г., в котором говорится, что «каждое лицо имеет право

пользоваться родным языком» (ст. 27). Европейская Хартия по региональным языкам и языкам меньшинств принята 22 июня 1992 г. Советом Европы и открыта для подписания государствами-участниками с 5 ноября 1992 г.

Вопрос соблюдения языковых прав неизбежно упирается в вопрос о коллективном политическом статусе каждой этнолингвистической группы: коренная, автохтонная, миноритарная (меньшинство), мажоритарная (большинство), проживающая давно или прибывшая недавно (иммигранты) и т.п. Соблюдение языковых прав отдельного индивида означает, прежде всего, то, что каждый человек имеет право на свободное использование своего родного языка независимо от его статуса (государственный/негосударственный, официальный/неофициальный) и демографической характеристики носителей (большинство/меньшинство).

Каждому обществу приходится решать чисто прагматическую задачу установления языка-посредника для общения, а именно официального (государственного) языка для элементарного ведения дел (работы правительства, управления вооруженными силами, функционирования судебной системы и производственной сферы, коммерческих операций, торговли и т.п.), что удается сделать без каких-либо осложнений в условиях относительного монолингвизма.

Однако в многонациональных обществах правовая языковая политика отличается особой сложностью, т.к. в данном случае должны учитываться многие факторы: типологические характеристики этнических групп, способы их интеграции в государство, специфика межнациональных отношений, роль автохтонного языка и его носителей в общественно-политических процессах.

Проблема все более актуализируется в современном мире «открытых обществ», где миграция приобретает все более массовые масштабы, существенно влияющие не только на экономическую, но и на политическую этнокультурную жизнь многих стран. Россия с каждым годом все более и более втягивается в этот процесс в ряде регионов. Так, на Дальнем Востоке, Северном Кавказе, Москве и других регионах страны он может стать в ближайшее время одним из ключевых, определяющих перспективу развития.

По данным Международного института сравнительного языкового права, который исследовал законодательство 147 суверенных государств, конституционные положения, касающиеся языков, содержатся в законодательстве 110 из них, включая 18 из 22 федеральных государств. Принимая законодательные акты, государства так или иначе решают про-

блемы развития национальных языков, языкового суверенитета, языковых прав человека, проявлений неравенства между различными языками в едином географическом пространстве, регулируют отношения между группами языкового большинства и меньшинства.

Язык - это не только продукт социальных отношений и объект правоотношений, но одновременно и многофункциональный инструмент, широко используемый в жизни общества.

Считаем проблему языкового законодательства в российском обществе на сегодняшний день одной из наиболее актуальных, а языковое планирование - важнейшим фактором социального взаимодействия и политического моделирования. Каждый из языков народов России, в том числе и русский язык, будучи объектом деловой, общественной, культурной, научной и иной деятельности, является объектом правового регулирования в государственной языковой политике Российской Федерации. Наряду с перечисленными выше функциями, государственный язык Российской Федерации выполняет еще и роль инструмента государственного управления, предназначенного для выражения воли народа и государственного управления.

История русского языка в XXI в. - это одновременно и история становления современной языковой политики, осуществлявшейся в русскоязычном сообществе. Понятие «русскоязычного сообщества» не эквивалентно понятию русского народа: русскоязычное сообщество образуется различными этносами, где русский этнос играет роль лингвистического и культурного интегратора всего сообщества, а другие этносы характеризуются более или менее выраженным билингвизмом.

Правовая языковая политика может быть определена как система мер, осуществляемых государством, объединениями государств или влиятельными общественными институтами для сохранения или изменения статуса и корпуса того или иного языка. Противопоставление статуса и корпуса, а соответственно - статусной и корпусной языковой политики является более или менее традиционным в теории языковой политики. В английской терминологии в этих случаях противопоставляются сходные термины *status planning* и *corpus planning* (как показывают эти термины, языковая политика зачастую неправомерно отождествляется с языковым планированием - *language planning*).

Под статусом языка понимается: 1) его роль, место и функции в данном государстве в сравнении с другими языками, функционирующими в этом государстве; 2) его роль за пределами государства, т.е. на международной арене, в сравнении с другими языками, также действующими на международной арене [4, с. 24].

Правовая языковая политика, направленная на сохранение или изменение статуса языка, всегда предполагает одновременное воздействие и на другие языки, действующие в том же государстве или на международной арене, т.к. изменение статуса одного языка автоматически влечет за собой изменение статуса и прочих языков. Поэтому данный вид языковой политики всегда является комплексным.

Под корпусом языка понимается его внутреннее устройство (фонетика, орфография, грамматика, лексика, терминология), а также соотношение форм существования языка (письменная и бесписьменная формы, литературный язык и диалекты). При этом чаще всего преследуется цель структурного обогащения данного языка (например, развитие терминологии) или защиты этого языка от структурного проникновения («языковой интервенции») другого языка или других языков. В тех случаях, когда изменения корпуса языка влекут за собой и изменение его статуса среди других языков (например, когда в исторической ретроспективе бесписьменный язык становился письменным), корпусная языковая политика также становится комплексной, т.е. затрагивающей сферу употребления и других языков.

Русский язык как объект правовой политики, нацеленной на сохранение или изменение его статуса, выступает в следующих функциях: 1) русский язык как официальный язык Российской Федерации (в соотношении с другими языками РФ); 2) русский язык как фактически используемый (но юридически в этой роли не закрепленный) общий язык Содружества Независимых Государств; 3) русский язык как фактически используемый язык межэтнического делового и бытового общения в странах бывшего социалистического лагеря, а также в странах, население которых вовлечено в партнерские деловые отношения с Россией и странами СНГ; 4) русский язык как официальный язык всемирных организаций (ООН, ЮНЕСКО и пр.) [4, с. 36].

Русский язык как объект языковой политики, нацеленной на сохранение или изменение его корпуса, выступает в своей основной функции — как национальный язык русского народа. К настоящему времени определилась необходимость разработки мер, направленных на сохранение и государственной защиты литературных норм русского языка, его словарного запаса, сферы его использования. Представляется актуальной также защита русского языка и от самой языковой политики в тех случаях, когда она принимает (как это было нередко в прошлом) агрессивные формы (массовые переименования населенных пунктов, меняющие «лингвистическую среду» обитания человека; неоправданные орфографические изменения,

нарушающие историческую преемственность литературного языка и пр.).

Указанные проблемы в своем юридическом преломлении составляют суть формирующейся в рамках теории языковой политики особой дисциплины, посвященной разработке принципов законодательного регулирования языка.

Государственная власть, как правило, стремится контролировать языковую ситуацию в стране. Она всегда, пусть с разной степенью активности, поощряет существующую ситуацию или изменяет ее, поддерживает одни языки и сдерживает роль других. Это называется языковой политикой государства.

С конца 80-х гг. XX в. привычные инструменты языковой политики начали ломаться. Практически не финансировавшиеся академические институты вынуждены были свернуть многие проекты. Так, например, было со вторым изданием БАС и с телефонной Службой русского языка в Институте русского языка РАН в Москве, работа которой была возобновлена в 1995 г. благодаря личной инициативе и усилиям отдельных сотрудников Института.

Ломались и «активные» инструменты: отмена цензуры, свобода слова. Эти процессы одни лингвисты характеризовали как расшатывание норм, языковой хаос, другие – как актуализацию живой, а потому стихийной, общенародной речи.

Однако именно в это время был принят закон «О языках народов РСФСР» (25 октября 1991 г.), а в новой Конституции России (1993 г.) впервые после 1917 г. статус русского языка был определен как государственный (ч. 1 ст. 68).

Итак, в общей системе прав человека четко оформилась самостоятельная рубрика – язы-

ковые права, которыми наделяются как отдельный индивид, так и целые группы населения. Групповые языковые права, как таковые шире языковых прав отдельного человека и реализуются, как правило, в рамках специального законодательства. Осознание важности и необходимости целенаправленной правовой языковой политики, понимание того, что русский язык как государственный язык Российской Федерации, национальный язык русского народа и средство межнационального общения играет особую роль в обеспечении консолидации, единства и культурного развития народов России, в осуществлении сотрудничества с народами, государствами и странами, с мировым сообществом в целом, свойственно и руководству российского государства.

---

1. *Винокур Г.О. Избранные работы по русскому языку. М., 1959.*

2. *Большая советская энциклопедия. М., 1986.*

3. *Губогло М.Н. Языки этнической мобилизации. М., 1998.*

4. *Кузнецов С. Концепция языковой политики в русской школе на пороге XXI века. М., 2007.*

---

1. *Vinokur G.O. Selected works on Russian language. M., 1959.*

2. *Grand Soviet encyclopedia. M., 1986.*

3. *Guyboglo M.N. Languages of ethnical mobilization. M., 1998.*

4. *Kuznetsov S. Conception of language's policy in Russian school in the beginning of XXI century. M., 2007.*

Зинков Евгений Геннадьевич

доктор философских наук,
профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин
Северо-Кавказского филиала Российской академии правосудия (г. Краснодар)
(тел.: 88612516920)

Пространственно-территориальное разграничение правового пространства в геополитическом измерении

В научной статье рассмотрен вопрос толкования юридической природы современного пространственно-территориального понимания государственного суверенитета в условиях глобализации.

Ключевые слова: правовое пространство, пространство, территория, геополитика, доминимум, империум, юрисдикция.

E.G. Zinkov, Doctor of philosophy, professor of the chair of humanitarian and socio-economic studies of the North Caucasus branch of the Russian Academy of Justice (Krasnodar); tel.: 88612516920.

Spatial and territorial differentiation of legal space in geopolitical measurement

Scientific article discussed the interpretation of the legal nature of modern spatial understanding of State sovereignty in the context of globalization.

Key words: law space, space, territory, geopolitics, dominimum, impirium, jurisdiction.

Современная теория права содержит в себе несколько подходов к пониманию юридической природы понятия «территория». Представители самой ранней теории публично-вещного права государства на территорию (*dominium juris publici*) или как ее еще называют теория объекта, а также объектная теория, видят в территории вещь и в соответствии с этим рассматривают объектом права собственности (частно-правового характера) и не более. Другой подход к пониманию природы территории, - это пространственная теория, а она связывает территорию с суверенитетом государства (*imperium*) в значении публично-правового характера, вычерчивающего определенный предел верховных прав суверена, т.е. власти. В свою очередь теория компетенции, получившая свое развитие много позже, раскрывает территорию через юридически абстрагированную идею предела государственной компетенции над территорией. В этом случае теория компетенции указывает нам на то, что в своем активе она имеет сразу два понятия «территория», основывающихся на материальном и идеальном понимании юридического феномена, тем самым образуя сложносоставное единое целое понятие.

Справедливости ради следует отметить то, что в свое время Г. Гроций писал о сложности прояснения природы понятия «территория»,

указывая на то, что вряд ли возможно однозначное определение понятия «территория», так как происхождение оно свое берет толи от «устрашения врагов» [*terrendis hostibus*], по Флакку Сицилийскому, толи от «попрания» [*terendo*], по Варрону, «или от «земли» [*terra*], по Фронтину, или от «права устрашения» [*terrendi iure*], которым обладают должностные лица, по ... Помпонию» [1, с. 642], пытаясь при этом разграничивать между собой такие понятия, как «территория» и «земля». Однако это не привело к появлению ясности определения понятия «территория», но в дальнейшем способствовало развитию такой науки как геополитика при участии теории права и философии права.

Современная зарубежная и отечественная научная литература чрезвычайно широко толкует понятие «геополитика», в котором условно усматривается три основных аспекта.

Первый известен еще с античных времен и носит мировоззренческий характер, обосновывающий достижение исторических или политических целей путем экспансии или обороны с тем, чтобы поддерживать минимальный объем территории географического пространства, позволяющего народу, проживающему на нем, осуществлять свои экономико-правовые, политико-правовые цели и задачи.

Второй аспект понятия «геополитика» характеризуется конкретным историческим типом международных отношений и вытекающего из этого международного права, господствовавших во времена передела окончательно сложившегося колониального захвата территорий, не входивших в круг стран «старого мира», а также стратегией международной политики периода Новейшей истории. Тогда государствам, не принявшим участия в переделе «новых территорий», ничего не оставалось, как прибегнуть к доктрине «жизненного пространства» для оправдания экспансионистской политике и вытекающей из нее международно-правовой практики.

Третий аспект касается активно развивающейся области научных знаний, у которой есть свой объект, предмет, категориальный аппарат и методология исследования зависимости регионов и государств от географической территории и располагающегося на ней пространства в праве, которое в свою очередь формирует правовое пространство, влияющее на международно-правовые отношения.

На основе трех перечисленных аспектов смыслового использования понятия «геополитика» возникли три научных направления: цивилизационный, военный (или военно-стратегический) и географический детерминизм.

В настоящей работе нас больше всего интересует последнее направление. В силу тех причин, что оно является самым старым и проверенным научным знанием, в котором предметом геополитики выступает контроль пространственно-территориальных взаимоотношений между субъектами геополитики, объектом – все виды земного (планетарного) пространства, включая антропологическое измерение геополитических процессов и явлений как системы.

Идеи географического детерминизма можно найти в трудах Геродота, Гиппократ, Полибия и Аристотеля. Интерес к этим идеям возродился в период Великих географических открытий, что нашло отражение в трудах Ж. Бодена. Он обращает свой взор на климатические особенности земного шара и вслед за Полибием утверждает о том, что климатические особенности конкретного пространственно – территориального региона формируют характер народа и его политико-правовые обычаи. В частности, Боден говорит, что с севера всегда приходят великие полководцы, а с юга – великие мыслители.

Дальнейшее развитие идеи географического детерминизма получили у Ш.Л. Монтескье. Он обратил внимание на зависимость законодательного устройства государства, а также нравственной устойчивости граждан от клима-

тических особенностей территориально-географического пространства. Так, по его мнению, в северных зонах люди более нравственно устойчивы, в умеренных – менее, а жители жарких зон подвержены ослаблению нравственных устоев, что приводит к рабству и другим проявлениям морально-этического разложения [2, с. 352].

Положения географического детерминизма не остались без внимания таких мыслителей, как К. Риттер, И. Кант, Г.В. Гегель и Г.Т. Бокль. Бокль в отличие от своих предшественников не стал ограничиваться только рамками климатических особенностей территории, а указал на антропологический фактор, в частности, на безграничную энергию человеческого разума, благодаря которой природные условия подчиняются человеку. В работах Бокля в геополитической науке выписывается эколого-экономическое пространственно-территориальное образование.

Основоположником геополитики как научной дисциплины по праву считается Ф. Ратцель. В своих научных трудах ученый отмечает, что «государство развивается на пространственной базе, все более и более сопрягаясь с ней, извлекая из нее все больше и больше энергии. Таким образом, государства оказываются пространственными явлениями, управляемыми и оживляемыми этим пространством» [3, с. 3]. Благополучие и могущество государства исследователь видит в увеличении территориальных границ, указывая на то, что государственное образование «должно иметь в качестве своей пространственной основы площадь приблизительно в пять миллионов квадратных километров» [там же]. Развитие и одновременный рост государств Ратцель считает «всеобщей, универсальной тенденцией. Развитие контактов людей, обмен, торговля – это предлюдия к установлению политического контроля государства над новыми колонизируемыми территориями. Торговля и война у него – две формы, две стадии в процессе территориального государства» [4, с. 105-106].

Идеи Ф. Ратцеля поддержал и развил Р. Челлен, высказавшись о том, что «сильные, жизнеспособные государства, имеющие ограниченное пространство, подчиняются категорическому императиву расширения своего пространства путем колонизации, слияния или завоевания» [5, с. 52], тем самым неоднозначно высказав идею борьбы за существование, основанную на теории естественного отбора. Во всей этой борьбе за пространство Челлен видел только силовые способы происхождения государственных территорий, полностью отрицая закон.

Другим продолжателем идей Ф. Ратцеля был В. де ла Бланш, говоривший о человеке

как «географическом факторе», способном воздействовать на исторические процессы и образовывать все новые и новые территории.

Исходя из вышесказанного и учитывая исследование современных российских социологов И. П. Рязанцева и А. Ю. Завалишина, «территория» – «это не просто некая площадь, произвольно «вырезанная» из географической карты, как-либо обозначенная на поверхности планеты или конкретного государства, а, с одной стороны (объективный аспект), интеграция земной поверхности и проживающей на ней территориальной общины (в этом смысле можно говорить о формировании социальнотерриториальной общности как геосоциальной единицы), с другой стороны (субъективный аспект), рефлексии места проживания и моделей территориального поведения в общественном сознании, влияющие на действия индивидов, инкорпорированных в данную территориальную общину. Таким образом, ... территорией является не вообще любая часть земной поверхности, но лишь та, на которой происходит интеграция деятельности социума и его территориальная саморефлексия» [6, с. 16]. Учитывая все вышесказанное, мы можем определить понятие «территория» в ее юридическом контексте, имеющем в своем активе три формы толкования.

Итак, первое толкование говорит нам о том, что «территория» является частью географической поверхности земли, на которой взаимодействуют субъекты права, представляя собой материальную основу правовой деятельности человека. И независимо от сознания последнего материальная основа обеспечивает пространственно-территориальный характер правового действия.

Второе толкование «территории» погружает нас во многоаспектное состояние своего понимания:

а) воспринимается субъектом права как «место пространство» в виде населенного пункта со всеми его прилегающими участками географического расположения и внутренней инфраструктурой;

б) как материализующаяся субъектом права локально или глобально расположенная пространственно-коммуникативная сеть, оформляющаяся в единое целое лишь в сознании субъекта права;

в) как возникающая в метакоммуникации юридическая абстракция, способная существовать лишь в мыслительно-воображаемой правовой реальности юридического действия.

Третье толкование «территории» выглядит как легитимация правового пространства в индивидуальном и коллегиальном сознании со всеми присущими этому пространству в праве атрибутами, вытекающему из идеально смодели-

рованного конструкта рефлекслируемого сознанием субъекта права, не существующего в не его осознания, некоей географической протяженности, проецируемой на определенную территорию.

Исходя из приведенного перечня толкования термина «территория», мы обратимся к ст. 67 Конституции Российской Федерации, где определено юридическое понятие государственной территории Российской Федерации, и дадим ему оценку с позиции выше указанных определенных термина «территория».

Согласно официального текста Конституции, «территория Российской Федерации включает в себя территории ее субъектов, внутренние воды и территориальное море, воздушное пространство над ними» [7, с. 19].

Таким образом, настоящее определение понятия «территория» ориентирует нас только на географический фактор ее восприятия, тогда как научно-теоретический анализ термина «территория» говорит и о других не менее важных аспектах социально-правового характера, не исключая и географического элемента. Примером тому может послужить территориальная юрисдикция (jurisdiction – судопроизводство, подсудность).

Понятие «юрисдикция» всегда носит территориальный характер, но оно гораздо уже территориального верховенства правовой нормы. Так как правовые нормы с точки зрения территориального аспекта не запрет, а социально-правовая модель принципов права, обязательный характер которых наступает с определения пределов принудительного действия правовых норм, которые содержат в себе сразу средство, способ и место процессуальных изменений.

Здесь уместно возникает вопрос по поводу механизма регулирования и контроля над территорией государства после вступления Российской Федерации во «Всемирную Торговую Организацию»; каким пространственно-территориальным субъектом международного права будет управлять власть и как в этом случае будет выглядеть территориально-политический и правовой суверенитет государства.

Подобного характера вопрос затронут и в статье В. Зорькина, где автор рассуждает о принципе верховенства права применительно к глобальным отношениям. В частности, председатель Конституционного суда России обращает наше внимание на то, что «принцип верховенства права - это принцип приоритета прав человека, которым должно руководствоваться современное демократическое государство в своей правотворческой и правоприменительной деятельности. Применительно к внутригосударственному праву верховенство

права предстает как верховенство правового закона (т.е. закона, гарантирующего права человека), если слово "закон" употреблять в широком смысле, имея в виду и нормативный акт, и судебный прецедент» [9]. При этом В. Зорькин указывает и на то, «что право человека - это высшая ценность не для общества и тем более не для отдельного человека, а только для государства, главное содержание деятельности которого (законодательной, исполнительной и судебной) состоит в обеспечении и охране прав человека. Потому что только право (в отличие от норм нравственности или религии) может иметь общезначимый и общеобязательный в масштабах государства характер» [там же].

Однако продолжая свою мысль, автор акцентирует наше внимание на том, что «тезис о приоритете прав человека подвергается многочисленным нападкам даже в тех случаях, когда речь идет о внутригосударственной правовой системе. Несмотря на то, что этот принцип получил совершенно четкое, недвусмысленное закрепление в Конституции РФ, некоторые российские теоретики до сих пор говорят о том, что приоритет прав личности - "общественно опасный тезис" и что ставить свое право выше права части или всего общества - "признак необузданного эгоизма и индивидуализма". Такой подход свидетельствует о непонимании диалектики личного и общественного блага, согласно которой общее благо - это не внешнее по отношению к человеку, довлеющее над ним начало, а необходимое условие блага каждого члена общества» [там же].

Так, в системе права существуют два правовых пространства. Первое оформилось в публичное право и состоит из конституционного, административного, финансового, уголовного права, где приоритет отдается общественному благополучию. Второе оформилось в частное право и состоит из гражданского, трудового, семейного права, в свою очередь отдающих предпочтение личному благу. А в целом все выглядит как дуальная форма пространственно-территориального устройства государства.

Исходя из вышесказанного, подчеркнем неприемлемость применение к Российской Федерации концепции радикального монизма, в которой говорится о том, «что понятия, связанные с принципом государственного суверенитета (и, соответственно, национальные специфики конституций и правовых систем) должны быть полностью отброшены и выведены из правовой теории и практики. ...нормы международного права должны стать общеобязательным канонem внутригосударственного правотворчества и правоприменения» [там же].

Таким образом, логика построения ответа на столь сложный вопрос, как суверенитет госу-

дарства, будет строиться, в первую очередь, исходя из проведенного научного анализа данной исследовательской работы. Благодаря которой появляется возможность говорить о том, что у Российской Федерации остается только один способ заявить о своем суверенитете - это информационно-правовая политика Российской Федерации во всем своем многообразии современного состояния. В ней большую роль играют пространственно-территориальные составляющие в многочисленных аспектах проявления, вплоть до пространственных метасмысловых пределов самоопределения нации, что и является собственно основой ее суверенитета на современном уровне своего развития, составляющего триаду «пространство», «население», «власть».

Учитывая сказанное выше, государство есть население, организованное в пространственно-территориальной среде права в общество, идентифицирующее себя с конкретным географическим местом расположения как единый социально-правовой организм, воплотившийся в государственную власть.

В заключение нашего научного исследования хочется сказать о том, что пространственная теория права в современных условиях должна обращать свое внимание не на территорию как объект публичной власти или его частнопроводного интереса, и не население на ней (территории) проживающее, а на взаимоотношения и взаимосвязи, возникающие между ними в процессе их взаимодействия. По причине того, что земля не может кому либо принадлежать в принципе как географическое явление (на примере Антарктики), а вот возникающие взаимоотношения на ней становятся объектом публичного и частного интереса, а также самого права, оформляясь в самостоятельные правовые пространства. В этом случае государство вправе прекращать эти взаимоотношения и взаимосвязи и возобновлять их, и в силу определенных обстоятельств создавать вновь появляющиеся по тем или иным причинам возникающие.

1. Гроций Г. О праве войны и мира: в трех книгах. Перевод с лат. А.С. Саккетти [текст] / Г. Гроций. М.: Изд-во Юридической литературы, 1956. С. 642.

2. См.: Монтестье Ш.Л. Избранные произведения [текст] / Ш.Л. Монтестье. М., 1995. С. 352.

3. Ratzel F. Politische Geographie [der text] / F. Ratzel. Munch. Lpz., 1897.

4. Ратцель Ф. Человечество как жизненное явление на земле [текст] / Ф. Ратцель. М.: Книжное дело, 1901. С. 105-106.

5. Цум. по: Dorpalen A. *The World of General Haushofer. Geopolitics in Action [of the text]* / A. Dorpalen. N.Y., 1942. P. 52.

6. Рязанцев И.П., Завалишин А.Ю. *Территориальное поведение россиян (историко-социологический анализ) [текст]* / И.П. Рязанцев, А.Ю. Завалишин. М.: Академический Проект; Гаудеамус, 2006. С. 16.

7. *Статья 67, гл. 3 Федеративное устройство. Раздел первый, Конституция Российской Федерации. Гимн Российской Федерации. Герб Российской Федерации. Флаг Российской Федерации [текст]* / Конституция Российской Федерации. Гимн Российской Федерации. Герб Российской Федерации. Флаг Российской Федерации. М.: Омега-Л, 2007. С. 19.

8. Зорькин В. *Верховенство права и императив безопасности [текст]* / В. Зорькин // *Российская газета. Федеральный выпуск № 5782 (109). Электронный ресурс. 2012. Режим доступа: URL: <http://www.rg.ru/2012/05/15/zorkin-poln.html>*

1. Grotius G. *On the laws of war and peace: in three books. Translated from the Lat. by A.S. Sakketi [text]* / G. Grotius. M.: Publishing House of law books, 1956. P. 642.

2. See: Montesquieu Ch.L. *Selected works [text]* / Ch.L. Montesquieu. M., 1995. P. 352.

3. Ratzel F. *Politische Geographie [der text]* / F. Ratzel. Munch. Lpz., 1897. P. 3.

4. Ratzel F. *Humankind as a living phenomenon on Earth [text]* / F. Ratzel. M.: book case, 1901. P. 105-106.

5. Cited by: Dorpalen A. *The World of General Haushofer. Geopolitics in Action [of the text]* / A. Dorpalen. N.Y., 1942. P. 52.

6. Ryazantsev I.P., Zavalishin A.Yu. *Territorial behavior of Russians (historical-sociological analysis) [text]* / I.P. Ryazantsev, A.Yu. Zavalishin. M.: Academic Project; Gaudeamus, 2006. P. 16.

7. *Article 67, ch. 3 Section of the federal structure. The first Constitution of the Russian Federation. The Hymn of the Russian Federation. Coat of arms of the Russian Federation. The flag of the Russian Federation [text]* / Constitution of the Russian Federation. The Hymn of The Russian Federation. Coat of arms of the Russian Federation. The Flag of The Russian Federation. M.: Omega-L, 2007. P. 19.

8. Zorkin V. *Rule of law and security imperative [text]* / V. Zorkin // *Rossiyskaya Gazeta. Federal issue № 5782 (109). Electronic resource. is 2012. Mode of access: URL: <http://www.rg.ru/2012/05/15/zorkin-poln.html>*

Исхаков Эдуард Робертович
 доктор медицинских наук, профессор,
 профессор кафедры криминологии и психологии
 Уфимского юридического института МВД России
 (e-mail: iskhakov1964@mail.ru)

Развитие законодательства по здравоохранению и деятельность полиции России в обеспечении медицинской помощи и профилактики заболеваний в 1812 году

В статье приводятся правовые акты о здравоохранении, изданные в 1812 г., и раскрывается их содержание. Показана деятельность полиции по взаимодействию с армией по обеспечению медицинской помощи и санитарно-гигиенических мероприятий.

Ключевые слова: медицинская деятельность полиции, законодательство по здравоохранению, 1812 год.

E.R. Iskhakov, Doctor of medical sciences, professor, professor of the chair of criminology and psychology of the Ufa legal institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia; e-mail: iskhakov1964@mail.ru

Legislation development on health care and activity of police of Russia in ensuring medical care and prevention of diseases in 1812

The article describes legal acts issued in 1812 year about health and medical care and its content. Show police activity in cooperation with Army in medical supplement and in sanitation.

Key words: medical activity of police, legislation about medicine, 1812 year

Особый год для деятельности полиции был 1812 – этот год считался «спасением отечества» от нашествия войск Наполеона. В 1812 г. вопросы здравоохранения находились в ведении Министерства полиции, выделенному из Министерства внутренних дел согласно манифесту Александра I и в связи с принятием трех законодательных актов – Манифест «О разделении государственных дел на особые управления с означением предметов, каждому управлению принадлежащих» от 25 июля 1810 г., Высочайше утвержденным разделением дел по министерствам от 17 августа 1810 г. и актом под названием «Общее учреждение министерств» от 25 июня 1811 г. По этим документам в состав Министерства полиции входил Медицинский департамент с выполнением функций здравоохранения – дела медицинские и карантинные были отнесены к части общего благоустройства или полиции исполнительной. Руководил всей медицинской деятельностью – Медицинский Совет, который был «составлен из Председателя, определявшегося по Высочайшему назначению, Директора Медицинского Департамента,

Генерал Штаб-Докторов Военной, морской и Гражданской Части, двух медицинских чиновников и аптекаря, а также из Почетных Членов, коих положено приглашать в заседание в важных случаях; при Совете назначен Ученый Секретарь с нужным числом переводчиков и канцелярских чинов. Предметы Медицинского Совета: 1) по медицинским потребностям, рассмотрение чрезвычайных требований военных аптек, снабжение Военных Департаментов аптечными материалами и посудой, подряды и поставка их, ассигнование для них сумм, пробы и сличение аптечных веществ, рассмотрение и проверка отчетов в их употреблении, снабжение полков и гражданских ведомств хирургическими инструментами» [1, с. 26-27].

Н. Варадинов указывает, что «по части медицинской, Министру Полиции, Медицинскому Совету, при нем учрежденному, Департаменту Медицинскому вверяются все предметы, относящиеся до экономической медицинской части в губерниях и в обоих Военных Министерствах; управление это учреждается посредством Губернских Управ, а в войсках посредством Генерал-Штаб-Доктора; к этой части причислены

снабжение врачевными веществами, инструментами и другими медицинскими потребностями с принадлежащими к тому людьми и заведениями; но особенное управление и надзор над военными госпиталями, снабжение их нижними чинами и служителями принадлежит военному Начальству и Генерал-Штаб-Докторам: часть учебная медицинских установлений, как-то образование медиков, приглашение их из других государств, экзамены и разрешение практики – Министерству Народного Просвещения; часть ученая этих установлений, как распространение и усовершенствование медицинских познаний, испытание новых открытий, одобрение новых лекарств и тому подобные предметы, со всеми принадлежащими к тому заведениями, состоят в ведомстве Народного Просвещения» [1, с. 34-35].

Медицинский департамент Министерства полиции взаимодействовал с Медицинским Департаментом Военного Министерства. Военное Министерство было организовано на основании Указа «Высочайше утвержденное учреждение Военного Министерства» от 27 января 1812 г., по которому устанавливалась структура Военного Министерства, соответственно в Военное министерство входил Департамент Медицинский [2, с. 23-39]. Одновременно 27 января 1812 года принимается «Учреждение для управления Большой действующей Армии», где имелся раздел «Положение для Временных Военных госпиталей при Большой Действующей Армии». По которому, в Главе 1 «Состав и устройство временных Военных госпиталей» Параграфом 25 на Министра Полиции возлагалась обязанность снабжать аптеку действующей армии – обеспечивать запас медикаментов на период ведения боевых действий [3, с. 43-102]. Сами же Указ и «Учреждение» были направлены на дальнейшее развитие организации военной медицинской службы и ее регламентацию деятельности – устанавливался порядок организации помощи раненым во время сражения; санитарно-гигиенические правила для войск; устанавливались специальные службы осуществляющие эвакуацию раненых и контроль за процессом помощи раненым.

Для установления надзора по части практической, судебной и полицейской медицины и штат Канцелярии 14 марта 1812 г. определяется должность Гражданского Генерал-Штаб-Доктора на основе «Высочайше утвержденное Положение Генерал-Штаб-Доктора Гражданской части [4, с. 230]. Согласно Положения – Генерал-Штаб-Доктор гражданской части является главным Инспектором практической, судебной и полицейской медицины в Империи; перечислены учреждения и организации ему подчиняющиеся; устанавливаются сферы его

деятельности, в том числе практические испытания всех новых открытий по части Врачебной, надзор за правильностью лечения больных в госпиталях и больницах и за содержанием в оных; осуществляет смену врачей неспособных врачей, определяет на вакантные места достойных медицинских чиновников; госпитали и больницы Городских Приказов Общественного призрения и частными людьми лично смотрит и наблюдает за порядком, лечением и содержанием больных. Подчинялся министру Полиции: ему устанавливалась форма предписания для лечебных учреждений (госпиталям), врачебной управе или лекарю для исправления выявленных им недостатков.

28 марта 1812 г. было принято Высочайше утвержденное «Положение для снабжения Большой действующей Армии лекарствами» [5, с. 246-256]. Данным Указом устанавливалась система чрезвычайного снабжения лекарствами и прочими врачевными пособиями действующей армии, а также определялись учреждения, получающие и распределяющие лекарства, единое управление – Инспектор – из Министерства полиции, его обязанности и ответственность – он полностью подчинялся и отчетывался перед министром Полиции. Устанавливались правила функционирования, расположения, планировки помещений аптекарских учреждений; порядок заготовления лекарств; порядок для требований на получение лекарств и отпуск по ним, причем запрещалось отпускать за деньги лекарства частным людям; регулировался порядок приема дополнительных аптечных запасов; устанавливался порядок транспортировки лекарств в войска; – устанавливались специальные лица – «Приемщики, препровождающие транспорт», которые обеспечивали порядок и сохранность груза лекарств, имеющие соответствующие обязанности, в том числе устанавливался порядок финансовой и материальной отчетности.

Н. Варадинов пишет, что в 1812 г. Министерство полиции активно содействовали военному ведомству в том числе и в снабжении войск медицинскими пособиями, что «содействие это проявлялось еще в больших размерах при снабжении войск медицинскими принадлежностями.... . Еще до начала войны и прежде обнаружения Высочайшего указа, 13 июня, о вторжении неприятеля в пределы наши, приступлено к чрезвычайному снабжению лекарствами и другими медицинскими пособиями большой действующей армии; для этой цели были учреждены, в разных местах сосредоточения войск, временные запасные аптекарские магазины, главная подвижная аптека, передовые аптеки и вспомогательные аптечные заведения. Учреждения эти поручены Инспектору Аптекарской части, избранному

Министром Полиции и Высочайше утвержденному. Власть Инспектора была очень значительна по управлению сими заведениями; но зато на его обязанность возложено полное попечение, чтобы временные аптекарские магазины, аптеки и прочия аптекарские временные учреждения были снабжены лекарствами, посудой и всеми аптечными принадлежностями и в таком полном комплекте необходимых вещей передавались бы в военное ведомство» [6, с. 190-191].

27 июня 1812 г. принят Указ Именной, данный Управляющему Военным Министерством Князю Горчакову 1-му «О составлении новых шести полков», согласно которому при формировании новых воинских полков и их передислокации, регламентировалась медицинская помощь больным и раненым оставленным в прежних местах дислокации: они оставались на попечении полиции, для них выделялся городской врач [7, с. 375].

Другой важной заботой Правительства России в 1812 г. было предохранение народного здоровья от продуктов разложения трупов людей и лошадей, не только оставшихся на местах сражений, но и в местах прохождения неприятельских войск. Данная забота была возложена на Министерство полиции – получив Высочайшее повеление в ноябре месяце силы полиции приступили к зарытию и сожжению трупов людей и лошадей. Так, все трупы и остовы лошадей на месте Бородинского сражения были уже зарыты 25 ноября 1812 г. В начале 1813 г. все останки людей и лошадей оставшихся от войны 1812 года были сожжены и отчасти зарыты [6, с. 248].

Министерство Полиции в 1812 г. участвовало в закупке медикаментов, чтобы не только восполнить запас взамен потраченных на войну, но и иметь их для лечения в мирных условиях. Интересным и даже перекликающимся с современностью наших дней остается тот факт, что денег на приобретение иностранных медикаментов было потрачено почти в 2 раза больше чем на закупку отечественных. Кроме того Министерство полиции увеличили число Аптек и аптекарских магазинов в стране [6, с. 249].

Другим бедствием, посетившим Россию в 1812 г. наряду с Наполеоном, явились особо опасные инфекции. Министерству полиции пришлось проводить борьбу против распространения такой особо опасной инфекции, как чума («морская язва» так называлась тогда болезнь). Чума свирепствовала на юге России (Новороссийск, Одесса, Херсон, Феодосия), которая стала быстро распространяться дальше, вызывая значительную смертность среди заболевших. Министерством с местным начальством были предприняты меры, в том

числе и карантинные, по недопущению дальнейшего распространению инфекции и локализации уже имеющихся очагов. Например, в южные губернии были посланы медики из С.-Петербурга [6, с. 242-243]. 15 ноября 1812 г. было принято Положение Комитета Министров «О принятии мер предосторожности против заразы, открывшейся в Феодосии и Одессе» [8, с. 456]. Согласно положению устанавливались карантинные меры и их финансирование: запрещалось перемещение через определенные участки, изоляция в домах на 30 дней, посещение домов разрешалось только священнику и повивальной бабке, проводилась дезинфекция, роздано продовольствие жителям, для лечения больных привлекались пленные французские лекари.

По мнению С.А. Адрианова, если бы не суровая зима 1812 г., истребившая как армию Наполеона, так и положившая конец чумной заразе, последствия были бы более чем плачевные, невзирая на прибытие в эпидемические районы бывшего министра МВД и на тот момент Члена Государственного Совета князя Куракина, так как местная полиция не справлялась с распространением инфекции [9].

10 декабря 1812 г. принимается Положение Комитета Министров – «О продовольствии разоренных жителей и об устройстве Смоленской и частью Калужской Губерний» [10, с. 476]. В его разд. 4 «О предохранительных средствах и народному здравью» указывалось, что в связи с множеством трупов в губерниях после выдворения наполеоновских войск возвращаются все врачи, откомандированные в свое время из Смоленской губернии, а также начинаются обучение по дезинфекции в местах нахождения трупов, даны указания Медицинскому департаменту на принятие соответствующих санитарно-гигиенических мер.

Завершил год документ, принятый 31 декабря 1812 г., который можно рассматривать как первый документ по санитарно-просветительской работе, направленный на обучение широких масс населения основах первой помощи [11, с. 497-500]. По высочайшему повелению было напечатано и разослано от Министерства полиции по всем Губерниям «Краткое показание способов и средств – которым в небытность врача, или до прибытия его, немедленно должны быть употреблены для спасения мнимо-мертвых, равно и подвергших жизнь свою внезапной опасности», которым указываются и описываются достоверные признаки смерти – гниение, а также вероятностные; способы оказания первой помощи при утоплении, отравлении угарным и другими токсическими газами, переохлаждении; при механической странгуляционной асфиксии (повешении), пораженных молнией,

обмороках, отравлении ядом, при ожогах, асфиксии новорожденных, укушенных бешеными животными.

Таким образом, 1812 г. был довольно непросто для Министерства полиции, которому пришлось активно проводить медицинскую деятельность в условиях войны с Наполеоном. В этом же году государством были приняты нормативные правовые акты, направленные на дальнейшее совершенствование организации здравоохранения в Российской Империи.

1. Варадинов Н. История МВД. Ч. 2, кн. 1. СПб.: Типография МВД. 1859.

2. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание первое. Т. 32. СПб., 1830. № 24.971.

3. Там же. № 24.975.

4. Там же. № 25.037.

5. Там же. № 25.063.

6. Варадинов Н. История МВД. Ч. 1. СПб.: Типография МВД. 1858.

7. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание первое. Т. 32. СПб., 1830. № 25.166.

8. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание первое. Т. 32. СПб., 1830. № 25.266.

9. МВД. Исторический очерк 1802-1902 годы. Под редакцией С.А. Адрианова / СПб.: Типография МВД. 1901.

10. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание первое. Т. 32. СПб., 1830. № 25.282.

11. Там же. № 25.308.

1. Varadinov N. History of Ministry of internal affairs. P. 2, vol. 1. SPb.: Typography of the MIA. 1859.

2. Full collection of acts of Russian Imperia. Issue 1. Vol. 32. SPb., 1830. № 24.971.

3. In the same place. № 24.975.

4. In the same place. № 25.037.

5. In the same place. № 25.063.

6. Varadinov N. History of the Ministry of Internal Affairs. P. 1. SPb.: Typography of the MIA. 1858.

7. Full collection of acts of Russian Imperia. Issue 1. Vol. 32. SPb., 1830. № 25.166.

8. Full collection of acts of Russian Imperia. Issue 1. Vol. 32. SPb., 1830. № 25.266.

9. Ministry of internal affairs. Historic narrative since 1802 till 1902 / Editor S.A. Andrianov. SPb.: Typography of the MIA. 1901.

10. Full collection of acts of Russian Imperia. Issue 1. Vol. 32. SPb., 1830. № 25.282.

11. In the same place. № 25.308.

Смирнов Дмитрий Анатольевичдоктор юридических наук,
директор Юридического института
Северо-Кавказского федерального университета
(тел.: 88652355942)

О понятии принципов права

В данной статье раскрывается взгляд автора на принципы права как категорию, представляющую одну из самых сложных и неоднозначных категорий в юридической науке. Автор исследует три основных направления в понимании принципов права: широкое, нормативное и доктринальное.

Ключевые слова: принципы права, теория права, требование, категория, наука.

D.A. Smirnov, Doctor of law, Director of Law Institute of North Caucasian Federal University; tel.: 88652355942.

About concept of the principles of the right

This article reveals the author's view on principles of law as a category that represents one of the most complex and ambiguous categories in legal science. The author explores the three main directions in the understanding of the principles of law: wide, normative and doctrinal.

Key words: principles of law, theory of law, requirement, category, science.

Проблема принципов права не является новой для отечественной науки. Она исследовалась в советский период как в теории права, так и в отраслевых юридических науках. В последние годы появилась масса работ, в которых анализировались общеправовые, межотраслевые, отраслевые и иные принципы права. Активно разрабатывались вопросы, связанные с отдельными принципами права, носящими как общеправовой, так и межотраслевой или отраслевой характер. Однако понятия, сущности, классификации и системы принципов права остаются чрезвычайно актуальными в научной полемике, что подтверждает относительно малую изученность данной тематики в юридической науке.

Еще в начале XX в. Н.Н. Алексеев утверждал: «Существует огромная сложность в формулировании общих принципов права ... Догматическая юриспруденция разбилась на целый ряд отдельных и в значительной степени самостоятельных дисциплин, не связанных никакой общей идеей и не объединенных общей системой. Каждая юридическая дисциплина имеет свою общую часть и свои общие понятия ... и это различие местных нужд каждой отдельной дисциплины порождало изобилующую противоречиями множественность логических определений» [1, с. 6-11].

Значительное количество взглядов на понятие принципов права в основном связано с двумя основными подходами к пониманию права: широкому и узкому (нормативному). В первом случае право рассматривается как включающее в себя нормы и другие правовые

явления: правосознание, правоотношения, субъективные права, акты применения права, правопорядок и другие составляющие правовой материи [2, с. 106-107]. Отсюда и широкое толкование понятия принципов права. Во втором случае выражение права сводится к закону и иным общепризнанным источникам. В этом случае ученые считают, что принципы не могут существовать вне норм права. И, наконец, в понимании принципов можно выделить группу ученых, не связывающих понятие принципов права с обязательным их законодательным и иным правовым опосредованием, и полагающих, что они представляют собой категории юридической науки, которые определяют необходимость тех или способов и форм правового регулирования общественных отношений [3, с. 13]. Данное направление в современной юридической науке определили в качестве доктринального [4, с. 14-17].

Таким образом, можно обозначить три основных направления в понимании принципов права: широкое, нормативное и доктринальное. Рассмотрим их подробнее.

Сторонники доктринального понимания принципов права полагают, что принципы права носят исключительно доктринальный характер и не обладают императивностью [5, с. 5-10]. Так, К.С. Юдельсон пишет: «Принципы права на основе ... методологии вырабатываются советской юридической наукой и учитываются в законодательной деятельности» [6, с. 32]. Примерно такого же мнения придерживается И.Б. Морейн: «Принципы права являются наиболее общим выражением основ-

ных руководящих начал, исходных положений науки права в целом или отдельной его отрасли или даже института» [7, с. 14]. Не исключаются данные взгляды и в современной теории права. Например, К.А. Чернов отмечает, что «принципы права – это некие идеи, определенным образом влияющие на построение системы права, реализацию права и в конечном итоге воплощающиеся в правопорядке» [8, с. 14].

Доктринальный подход не может соответствовать нашей правовой системе. Даже на самом элементарном примере – прямое действие норм Конституции РФ, где закрепляются основные принципы действующего права – мы можем убедиться в несостоятельности данного направления, отражающего сущность взглядов на содержание и правовую природу принципов права. К тому же в данном случае существенное значение приобретает проблема толкования законодательства. А значит, неизбежным является разброс мнений ученых по поводу количества и набора принципов права.

Значительное количество теоретиков признают принципы права в качестве идей, лежащих в основе правового регулирования [9, с. 193-195; 10, с. 108-110]. Интересная точка зрения по данному вопросу высказана представителем широкого понимания права Р.З. Лившицем: «Принцип – это всегда исходное направляющее начало. Применительно к праву нужно иметь в виду, что в этой области, как и во всех других областях, принцип – это, прежде всего, идея. Но не только идея. Как само право не сводится к идеям, а охватывает и нормы, и социальные отношения, так и его принципы выходят за пределы только идей и обретают нормативное и правоприменительное содержание» [11, с. 195].

Л.С. Явич полагал, что некоторые принципы могут формироваться, совершенствоваться и действовать, не будучи до определенного времени четко выраженными в законодательстве, могут функционировать в сфере судебной практики и правовых обычаев (традиций), в области складывающихся комплексов субъективных прав и конкретных правоотношений, хотя, конечно, оптимальный вариант заключается в наиболее полном закреплении основных начал в конституционном законодательстве [10, с. 149-150].

Многие современные ученые поддерживают точку зрения Р.З. Лившица, Л.С. Явича и других признанных теоретиков в области юриспруденции, и отличаются либо крайне широкими взглядами на принципы права, либо ограничиваются более узкими воззрениями. Так, В.М. Ведяхин и О.Е. Суркова, поддерживая широкий взгляд, отмечают: «Принципы права – это основные идеи, отражающие сущность,

назначение, закономерности, тенденции развития российского права, закреплённые прямо или косвенно в правовых нормах, либо содержащиеся в сознании правоприменителей» [11, с. 26].

Однако, признавая в качестве принципов права идеи правоприменителей, содержащиеся в их сознании, российская правовая система приближается к несвойственным ей характеристикам религиозных правовых систем, где доктрина может выступать в качестве источника права. Там принципы права могут быть закреплёны в доктринальных работах, и являться действующими принципами права, несмотря на отсутствие их нормативно-правовой регламентации.

По мнению Шахта, «мусульманское право представляет собой замечательный пример "права юристов"». Оно было создано и развивалось частными специалистами. Правовая наука, а не государство играет роль законодателя, учебники имеют силу закона. Принципы права в мусульманском праве являются трудами мусульманских правоведов. По их мнению, «принципы права» – это своего рода «общая часть» мусульманского права, которая рассматривается как исходный пункт при применении любой конкретной правовой нормы. Современные мусульманские исследователи отмечают, что такие общие принципы не содержатся в каких-либо определенных стихах Корана или преданиях, а были выработаны правоведами на основе толкования всех источников мусульманского права и анализа практики конкретных его норм [12, с. 73].

Некоторые ученые придерживаются иных взглядов на принципы права. Например, Н.М. Вагина считает, что «по природе принципы права представляют собой основополагающие идеи, закреплённые в различных формальных источниках, а также хотя и не имеющие такого закрепления, но получившие общее признание в устойчивой юридической практике, в правоотношениях» [13, с. 10].

Менее широкий подход наблюдается у А.В. Овода, исходящего из того, что: «Принципы права – это выводимые из содержания различных форм позитивного права или выраженные в устойчивой юридической практике общепризнанные основополагающие идеи, адекватно отражающие уровень познания закономерностей развития права как особого регулятора общественных отношений, в том числе различные аспекты взаимодействия права с другими явлениями, выступающие как самостоятельные юридические закономерности и качественные характеристики самого права. ... Содержание всех принципов права выводится из содержания действующего законодательства и устойчивой юридической практики. При

этом нормы-принципы рассматриваются как элемент законодательства, прием юридической техники» [14, с. 17]. А.В. Овод справедливо отмечает многообразие различных характеристик принципов права и ограничивается их формальным закреплением в законодательстве и судебной практике.

Представителей широкого понимания принципов права объединяет мнение, ориентированное на различие права и закона. Однако в действительности такое понимание права и его принципов ведет к растворению его в других правовых явлениях, размыванию его в других правовых явлениях, что, по мнению Р.О. Халфиной, способно «повлечь за собой существенное ослабление его действенности, а с другой стороны – применение средств воздействия, присущих праву, к таким сферам общественных отношений, в которые право не должно вмешиваться» [15, с. 22]. В действительности нужно учитывать, по замечанию В.Н. Кудрявцева, что «профессиональному юристу ... должна быть присуща четкая и определенная позиция: никакое пожелание, убеждение или мнение не могут рассматриваться как правовая норма, коль скоро они не выражены в юридическом акте, принятом надлежащим образом» [16, с. 6]. С позиций широкого правопонимания трудно ориентировать правоохранительные и правоприменительные органы, граждан и общественные объединения на достижение задач, стоящих перед цивилизованным гражданским обществом, поскольку это требует специальной юридической подготовки, знаний в области юриспруденции. Ясность в применении права может быть в данном случае нарушена. Широкая трактовка права и его принципов доступна только для узкого круга лиц, отличающихся высоким уровнем правосознания и имеющим юридическое образование. И в этом случае нормативный подход представляется более приемлемым для широкого круга общественности, для граждан и иных лиц.

Нужно согласиться с М.И. Байтиным, утверждающим, что «современное нормативное понимание права существенно отличается от традиционного «нормативизма», суть которого не в том, что право рассматривается как совокупность норм, а в том, что сами нормы трактовались как нечто самодовлеющее, «абстрактно должное», оторванное от «сущего», от реальных общественных отношений. ... Нормативное понимание права в современных условиях делает упор на обоснование и раскрытие роли права как четкого, властного регулятора общественных отношений в целях формирования цивилизованного гражданского общества и правового государства, осуществления связанного с этим социально-

экономических и других реформ, обеспечения и охраны интересов, прав и свобод граждан, воспитания членов общества в духе уважения и строжайшего соблюдения Конституции РФ и законов, укрепления законности и правопорядка, борьбы с преступностью» [2, с. 111-112].

Нормативное направление характерно для тех, кто правом считает только то, что закреплено государством в официально признанных источниках права. Сторонники подобного направления дают различные трактовки принципов права, но имеют единое представление о форме выражения принципов права. Например, М.И. Байтин определяет принципы права как «исходные, определяющие идеи, положения, установки, которые составляют нравственную и организационную основу возникновения, развития и функционирования права» [17, с. 148].

В.М. Реуф, определяя отличительным признаком принципов права их отражение в правовых нормах, отмечает, что принципы права «носят основополагающий характер, выражают сущность права и в концентрированном виде характеризуют его содержание. То есть принципы права – это образно выражаясь, душа права, его сердцевина. На основе принципов можно судить не только о праве в целом, его сути, но и о тенденциях его дальнейшего развития» [18, с. 7-8].

Подобного мнения придерживается и Д.А. Липинский: «Принципы права – это отправные идеи (начала, положения), характеризующие сущность, содержание и назначение, а также определяющие законодательную и правоприменительную деятельность. ... Принцип права – категория объективно-субъективная. Его субъективность во многом зависит от научного правосознания, направления исследования, научной школы и других факторов. Объективность же принципа права заключается: во-первых, в том, что в нем отражаются основные закономерности развития и функционирования права; во-вторых, он должен быть закрепленным в той или иной форме в действующем законодательстве» [19, с. 127-128].

Некоторые представители нормативного направления говорят о том, что принципы – это идеи, и в то же время сводят их к нормам права. Примером подобных взглядов могут служить работы С.С. Алексеева, где он говорит о принципах как об исходных, сквозных идеях, началах, выражающих главное и решающее в содержании права, и отмечает: «Существуя, прежде всего, в юридических нормах, правовые принципы свойственны всей правовой материи, всему механизму правового регулирования. Они проявляются и в юридической практике, и в правосознании, и в правоприменительных актах» [20, с. 76-77]. С.С. Алексеев

характеризует преломление принципов права в других правовых категориях, но делает акцент на закреплении принципов права в юридических нормах. Принципы могут являться и нормами, и идеями-правилами, лежащими в основе массы норм. Их нужно только понять, выявить. Так, общеправовые принципы закрепляются в Конституции РФ, но их дух будет присутствовать во всех нормах отраслевого законодательства, в том числе и налогового.

На самом деле норма права представляет собой также идею, но облеченную в особую форму. В этом смысле и нормы, и принципы права совпадают. Нельзя уходить от нормативности, как и злоупотреблять идеологией и философией. Иная правовая материя – правоотношения, правосознание и т.д., не может говорить о принципах права. Здесь в чистом виде идеи правосознания, которые могут и не стать принципами права.

Таким образом, по мнению представителей нормативного направления, принципы права должны быть прямо или косвенно закреплены в нормах права [21, с. 149-150; 22, с. 427-430; 23, с. 127-128], т.е. могут быть в виде норм-принципов либо вытекать из совокупности юридических норм [24, с. 11], иначе теряется их юридическое предназначение. При этом отметим, что есть принципы права, имеющие прямое действие (например, в Конституции сформулированы такие принципы, как верховенство закона, равенство перед законом и судом, принцип презумпции невиновности и т.д.). И есть такие принципы, которые могут применяться с учетом конкретных юридических норм, например демократизм, разделение властей, федерализм и др. [25, с. 95-99].

Анализ разных определений принципов права позволяет утверждать, что теоретики права в качестве родового признака принципа права, как правило, называют такие категории, как «идея», «начало», «положение» [26, с. 13]. Некоторые используют совокупность этих категорий в различной комбинации. Свои выводы они основывают на понятиях принципа как такового общенаучного термина. Принцип в науке – это основополагающее теоретическое знание, не являющееся ни доказуемым, ни требующим доказательства. В русском языке принцип толкуют по-разному. В.И. Даль считает: «Принцип — научное или нравственное начало, основание, правило, основа, от которой не отступают» [27, с. 431]. Аналогичное толкование понятия «принцип» дает С.И. Ожегов: «Принцип — основное, исходное положение какой-либо теории, учения, науки и т.п.» [28, с. 515]. Существуют и иные похожие значения принципов в русском языке, указывающие на то, что принцип – это «основное начало» [29, с. 867].

И все же нельзя забывать, что в данном случае речь идет о принципах права, а не просто принципах чего-то. В связи с этим, определение принципов права через родовое понятие «начало» не совсем удачно. Слово «начало» выступает в значении «основные положения, принципы», если речь идет о началах науки, учения, нормативного акта. Получается, что в данном случае «определяемое понятие определяется через определяющее» [26, с. 14], а это нелогично. То же самое следует сказать и об определении принципа права через родовые понятия «основа» или «положение».

Термин «идея» представляется менее подходящим для определения принципов права, чем такой термин, как «требование». Конечно, и принципы, и нормы права – это, прежде всего, идеи. Но, норма права рассматривается в теории права, как правило [20, с. 86], предписание [21, с. 316; 30, с. 399] или требование [22, с. 450]. Это отличает норму права от чисто философского содержания. Принципы права объективируются в нормах права и, поэтому, должны определяться с более реалистичной направленностью, в качестве правового инструмента, воздействующего на основные процессы правового регулирования. Иначе говоря, «идея» является в большей степени категорией правосознания, нежели нормативной материи. Безусловно, указание на то, что принцип права является идеей, объясняет, чем являлся принцип до его нормативного закрепления, а также верно отражает генетический аспект этого понятия, но не более того, поскольку: «Сам процесс правотворчества есть процесс превращения правовых идей – правосознания – в правовые нормы. Как только эти нормы созданы, они подчиняются уже иным закономерностям, свойственным системе права данного государства, а не закономерностям, присущим формам сознания» [31, с. 39].

Официальное мнение органов государственной власти для определения принципа права сводится к применению термина «положение». Так, в п. 3.6.1 Рекомендаций по подготовке и оформлению проектов федеральных законов (доведены письмом Минюста России от 23 февраля 2000 г. № 1187-ЭР) дано следующее определение: «Предписание-принцип – закрепляет исходные, руководящие нормативные положения общего характера, имеющие значение для отдельной отрасли, подотрасли, института права или права в целом». Данный родовый признак является более приемлемым, поскольку, «идея есть руководство к действию, к достижению цели, а положение – результат действия материализованной идеи» [32, с. 50].

Однако более убедительным представляется мнение ученых, согласно которому принцип

права следует определять через понятие «требование» [33, с. 90-91; 34, с. 63-64]. В этом случае не наблюдается логической ошибки, выраженной в филологическом подходе при использовании для определения принципа права синонимов принципа – «основа», «основное положение», «начало». Нельзя объяснить сущность термина посредством его иноязычного синонима [32, с. 50]. К тому же при таком подходе принцип права рассматривается как инструмент, имеющий активную функциональную нагрузку, а не как декларативное утверждение. Положение – это утверждение, мысль, лежащие в основе чего-либо [33, с. 905; 28, с. 554]. В его содержании не наблюдается обязательности, а прослеживается только декларативность. В то же время принцип права в функциональном ряду правовых категорий стоит на первом месте и имеет немалое значение в механизме правового регулирования. Нельзя забывать, что от смысла, вкладываемого в понятие «принцип права» зависит его практическое применение. Понятие принципа права должно исключать всякие признаки декларативности и отсутствия активной функциональности в механизме правового регулирования, если государство стремится к созданию качественного правового инструментария. Поэтому нужно учитывать, что термин «положение», также как и «идея» ни к чему не обязывают и имеют широкую смысловую нагрузку. Совсем другое дело с термином «требование». Он означает правило, условие, обязательное для выполнения [33, с. 1341; 28, с. 806], что более свойственно правовой материи.

Возвращаясь к приведенным выше определениям принципов права, отметим, что не каждый ученый стремится закрепить в них признак нормативного фиксирования в качестве одного из основополагающих, позволяющих провести четкую грань между принципами права и другими правовыми идеями, в том числе идеями правосознания и правовой идеологией. А между тем, определение принципов права в качестве идей или основ, основных начал и других понятий не представляется настолько значимым по сравнению с признаком нормативного закрепления.

Можно выделить целый ряд причин, позволяющих определить необходимость нормативного закрепления принципов права. Во-первых, принципы права образуют систему координат, на которую ориентируется законодатель, что позволяет избежать принятия волюнтаристских решений, не вписывающихся в эту систему, заведомо ей противоречащих. И от того, насколько четко будет сформулирован тот или иной принцип права, зависит эффективность правотворческой деятельности и, в конечном итоге, качество законодательства. Во-вторых,

отраженные в позитивном законодательстве принципы права становятся более осязаемым явлением для правоприменителей. Реальность принципов права дисциплинирует последних, существенно ограничивает возможности для произвольного использования по собственному усмотрению аналогии права при обнаружении в нем пробелов. В-третьих, выраженные в нормативных предписаниях принципы права способствуют правовому просвещению населения, повышению уровня их правовой культуры, поскольку принципы права значительно легче усвоить и прибегать к ним на практике в конфликтных ситуациях, демонстрируя правовую подкованность. В-четвертых, принципы права служат ориентиром для органов и лиц, осуществляющих толкование правовых норм, а, как известно, опираться надежнее всего на что-то незыблемое, фундаментальное. Таким основательным ориентиром, своеобразным фундаментом для всего правоинтерпретационного процесса служат четко сформулированные в позитивном законодательстве принципы права. В-пятых, исследование правовых норм, содержащих в себе принципы права, позволяет выработать и обосновать рекомендации по совершенствованию законодательства [18, с. 12].

Взгляды в юридической науке на формальное закрепление принципов права породили мнения о разнице между «принципами права» и «правовыми принципами» [34, с. 23; 35, с. 23]. Некоторые считают, что правовые принципы, признаваясь в качестве категорий правового сознания, предшествуют созданию системы права и принципов права [3, с. 14]. «Всякий принцип права есть правовой принцип, но не всякий правовой принцип есть принцип права» [27, с. 128].

Однако подобное разграничение представляется не совсем обоснованным. Ведь в теории права не наблюдается разницы между правовыми нормами и нормами права, что соответствует проводимому сопоставлению правовых принципов и принципов права. В этом отношении следует согласиться с О.В. Смирновым, утверждающим, что «понятия «правовой принцип» и «принцип права» во многом однозначны, поэтому их нельзя противопоставлять друг другу как неправовую категорию (правовой принцип) правовой (принципу права). Трактовка правового принципа как категории правосознания справедлива постольку, поскольку само право мы рассматриваем в качестве продукта человеческого сознания. Вместе с тем система права и его принципы, будучи объективированы лежат в иной плоскости, нежели правосознание» [3, с. 16-17]. Современные взгляды на принципы права соот-

ветствуют мыслям О.В. Смирнова [19, с. 128; 35, с. 13].

Действительно, необходимо различать принципы права и принципы правосознания [11, с. 29]. При этом следует помнить, что принципы права составляют часть правовой материи, неразрывно связаны с содержанием и формой права, а принципы правосознания – это только идеи [36, с. 12]. Принципы права и принципы правосознания являются идеологическими категориями, но, будучи взаимосвязанными и взаимообусловленными они все же представляют собой различные элементы правовой надстройки.

Разграничение принципов права и принципов правосознания приводит к необходимости выделения принципов правовой системы [37, с. 12-13]. Обширность позитивного права не может содержать все принципы: и правовые, и внеправовые (принципы правосознания или надпозитивные принципы), поскольку право не охватывает всей полноты правовых феноменов, не концентрирует в себе всего богатства и разнообразия правовой действительности. Поэтому в теории права понятие «принципы права» теоретически и практически не вполне отражает многогранность и многозначность исходных, основополагающих начал правовой жизни, прежде всего такого целостного, структурно сложного образования, как «правовая система». Поэтому вместо широкого трактования принципов права следует выделять принципы правовой системы, поскольку последняя охватывает совокупность права, юридическую практику и правовую идеологию [21, с. 170]. В этом случае понятие принципов правовой системы могло бы объединять принципы права, принципы правоотношений (принципы судебной практики) и принципы правосознания (доктринальные принципы, в основе которых лежат взгляды ученых).

Выявив разницу между принципами права и другими правовыми категориями, можно остановиться и на других основах содержания принципов права. Приведенные выше определения указывают на ряд признаков, характеризующих принципы права в качестве правовой категории. Однако, учитывая многообразие точек зрения на понятие принципов права, следует прибегнуть и к иным дефинициям принципов права.

Так, следует выделять такой признак принципов права, как основательность. Подчеркивая его, ученые прибегают к указанию на основы, начала, ведущие положения, основательность, исходность и другие понятия. Приведем примеры. С.Н. Братусь рассудил, что принципы являются ведущим началом, законом данного движения материи или общества, а также явлений, включенных в ту или иную форму дви-

жения. Из этого следует, что принцип — движущая сила или закон, относящийся именно к данной группе однородных социальных явлений. Разумеется, есть широкие принципы, пронизывающие не одну, а несколько форм движения, не один вид, а несколько связанных между собой видов общественных отношений. Но и в таких случаях принцип преломляется через специфику данного вида общественных отношений и поэтому становится специфическим признаком данной группы социальных явлений [38, с. 135].

С.А. Комаров и А.В. Малько определяют принципы права как основные, исходные начала, положения, идеи, выражающие закономерности и сущность права как специфического социального регулятора. Они представляют собой наиболее общие правила поведения [39, с. 264].

Раскрывая понятие принципов права, М.Н. Марченко показал их значение в том, что «принципы права выступают в качестве своеобразной несущей конструкции, на основе которой покоятся и реализуются не только нормы, институты или отрасли, но и вся его система. Принципы служат основным ориентиром всей правотворческой деятельности, правоприменительной и правоохранительной деятельности государственных органов» [40, с. 23].

Наиболее удачной характеристикой в отношении признака основательности будет указание на то, что принципы права – это «основополагающие» требования, поскольку они действительно «полагают» основы права, т.е. его создание, функционирование, а также применение.

Нельзя забывать и о признаке объективно-субъективной обусловленности принципов права. Здесь следует согласиться с В.И. Зажицким, который отмечает, что «правовые принципы формируются учеными на основе достижений правовой мысли за всю историю цивилизации, отечественных достижений, а также с учетом специфических объективных закономерностей общества» [41, с. 92].

Принципы, как и любая другая правовая категория, не возникают и не существуют сами по себе. Появление, изменение или прекращение их существования всегда обусловлено потребностями и закономерностями общественного развития на определенном этапе. Так, например, в связи с изменением общественного строя в XX в. потерял свою актуальность целый ряд принципов налогового права, таких, как сословность налогообложения, двойное налогообложение, круговая порука, применение откупной системы и др. В то же время с принятием Конституции РФ 1993 г., которая закрепила основные принципы рос-

сийского налогового права, особое значение приобретают принципы всеобщности и равенства налогообложения, нашедшие свое отражение в ст. 3 Налогового кодекса РФ.

Таким образом, представляется, что принципы – это прежде всего объективная категория. Причем, как справедливо утверждают С.Г. Келина и В.Н. Кудрявцев, каждой исторической эпохе присущи свои правовые принципы, более того, «обычно выделяются и закрепляются в законе именно те основные начала правовой системы, которые имеют в данных социально-экономических и политических условиях наиболее важное, а подчас и решающее значение, как, например, принцип равенства граждан перед законом в борьбе с феодализмом или принцип защиты интересов трудящихся в период пролетарской революции» [42, с. 16].

В основе принципов права всегда лежат экономические, политические и социальные явления и законы. В результате принцип права существует потому, что таковы законы природы и общества. Но здесь нужно учитывать, что принципы права отражают не все закономерности и явления, а только те, которые представляют интерес для государства. Фактическое превращается в нормативное лишь в тех случаях, когда оно, по тем или другим причинам, оказывается для нас ценным, в иных случаях этого никогда не бывает [35, с. 60]. В основе подобного интереса должны лежать, прежде всего, моральные, политические и экономические ценности.

Моральные ценности впитывают в себя основные представления человека о справедливом и нравственном, в основе которых лежат также обычаи, традиции, деловые обыкновения, семейные и корпоративные ценности, правила этикета, корректности, приличия, обрядов и ритуалов, т.е. то, что на уровне сознания основной массы общества инстинктивно и традиционно представляется наиболее ценным.

Политические ценности отображают отношения классов, сословий, наций, политических партий и других общественных объединений. Они характеризуют групповой интерес, в основе которого могут выступать различные лозунги и цели. Например, народовластие, строительство коммунизма, внедрение рыночной экономики и т.д. [22, с. 442].

Экономические ценности воплощают в себе прогрессивные открытия и достижения человечества в экономике, т.е. экономические законы и основания, исключающие произвольность в выборе критериев для осуществления той или иной общественной деятельности.

Следует также отметить и субъективное начало принципов [43, с. 10]. Так, рассматри-

вая данный вопрос, Н.А. Громов и В.В. Николайченко приходят к выводу о том, что принципы «являют собой волевой акт государства, продукт сознательного творчества законодателя и по форме юридического выражения субъективны» [44, с. 34]. К тому же субъективная сторона принципа заключается в регулировании поведения людей, коллективов и организаций. Исходя из этого, можно предположить, что законодатель имеет возможность выбора тех или иных принципов, которые в дальнейшем будут положены в основу всего законодательства и в какой-то мере, определять его дальнейшее развитие.

В целом с этим утверждением можно согласиться. Хотя может возникнуть вполне оправданное опасение: а в какой мере выбранная система будет удовлетворять потребностям общества и в полной ли мере будут охраняться права и свободы граждан. С.Г. Келина и В.Н. Кудрявцев отмечают, что чем более близок субъективный выбор законодателя к объективным закономерностям общественного развития, присущим данной исторической эпохе, тем более эффективно будет функционировать эта правовая система [42, с. 16]. И это положение, на наш взгляд, вполне соответствует действительности. Так, например, в юридической литературе авторы приводят различные причины того, что в настоящее время ряд принципов не нашел своего отображения в налоговом законодательстве. В этом случае решающую роль сыграл именно субъективный фактор.

Но при всем этом основополагающую роль в формировании принципов права все же играют объективные факторы, к которым, например, можно отнести: уровень экономического развития государства, отношение государства к обеспечению прав и свобод тех или иных социальных слоев общества, политическую ситуацию в стране, уровень нравственного состояния общества и т.д.

Необходимо разделять мнение тех авторов, которые полагают, что содержание принципов права не произвольно, а обусловлено потребностями и закономерностями общественного развития. Нельзя не выделить признак целенаправленности принципов права. В приведенных выше определениях принципов права данный признак сформулирован различными юридическими терминами, но имеет свою сущность. Целенаправленность дает возможность выделить желаемые пути и результаты в области правового регулирования общественных отношений, которых стремится добиться законодатель, устанавливая те или иные нормы права. Принципы направляют законодательную и правоприменительную деятельность [19, с. 127]. С.С. Алексеев поддерживая регулиру-

ющее целенаправленное начало указывает: «Будучи своего рода сгустками правовой материи, они как бы направляют функционирование права, определяют линию судебной и иной юридической практики, помогают установить пробелы в праве, необходимость отмены устаревших и принятия новых юридических норм» [44, с. 90].

Признаки принципов права отображают его характеристику. Многие теоретики указывают и на другие моменты, раскрывающие содержание категории принципов права. Но, исследование сущности принципов права нельзя сводить только к сумме его закономерностей и признаков, поскольку их проявление осуществляется в самых различных плоскостях и категориях. И все же, основные моменты, раскрытые выше, позволяют дать определение принципам права в качестве категории, имеющей целенаправленное субъективно-объективное начало и основательность.

Принципы права – это закрепленные в нормах права основополагающие требования, соответствующие моральным, политическим и экономическим ценностям общества, направляющие процесс создания и применения права.

1. Алексеев Н.Н. *Общее учение о праве. Симферополь, 1919.*
2. Байтин М.И. *Вопросы общей теории государства и права. Саратов, 2006.*
3. Смирнов О.В. *Основные принципы советского трудового права. М., 1977.*
4. Козлова В.Н., Миронова Л.А. *Проблемы понятия, классификации и нормативного закрепления конституционных принципов гражданского процессуального права // Арбитражный и гражданский процесс. 2008. № 5.*
5. Демичев А.А. *Позитивистская классификация принципов гражданского процессуального права Российской Федерации // Арбитражный и гражданский процесс. 2005. № 7.*
6. Юдельсон К.С. *Советский гражданский процесс. М., 1956.*
7. Морейн И.Б. *Перевод на другую работу. М., 1965.*
8. Чернов К.А. *Принцип равенства как общеправовой принцип российского права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2003.*
9. Керимов Д.А. *Философские основания политико-правовых исследований. М., 1986.*
10. Явич Л.С. *Сущность права. Л., 1985.*
11. Ведяхин В.М., Суркова О.Е. *Факторы формирования и реализации принципов права. Самара, 2005.*
12. Сюкияйнен Л.Р. *Мусульманское право. Вопросы теории и практики. М., 1986.*
13. Лившиц Р.З. *Теория права. М., 1994.*

14. Вагина Н.М. *Принципы публичного права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2004.*

15. Овод А.В. *Принцип законности в публичном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2005.*

16. Халфина Р.О. *Что есть право: понятие или определение // Советское государство и право. 1984. № 11.*

17. Кудрявцев В.Н. *О правопонимании и законности // Государство и право. 1994. № 3.*

18. Байтин М.И. *Сущность права. М., 2005.*

19. Реуф В.М. *Специально-юридические принципы права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2004.*

20. Липинский Д.А. *Принципы права // Теория государства и права / Отв. ред. А.В. Малько. М., 2006.*

21. Алексеев С.С. *Государство и право. Начальный курс. М., 1994.*

22. *Теория государства и права / Под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. М., 1997.*

23. *Теория государства и права. 2-е изд. / Под ред. А.С. Пиголкина, Ю.А. Дмитриева. М., 2008.*

24. *Теория государства и права / Отв. ред. А.В. Малько. М., 2006.*

25. Дмитриева И.К. *Основные принципы трудового права: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2004.*

26. Кузнецова О.А. *Нормы–принципы российского гражданского права. М., 2006.*

27. Даль В. *Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 3. М., 1955.*

28. Ожегов С.И. *Словарь русского языка. М., 1986.*

29. *Малая Советская энциклопедия. Т. 6. М., 1930.*

30. *Теория государства и права. 2-е изд. / Под ред. В.К. Бабаева. М., 2006.*

31. Фарбер И.Е. *Правосознание как форма общественного сознания. М., 1963.*

32. Воронов А.Ф. *О понятии, значении и нормативном закреплении принципов гражданского и арбитражного процессуального права // Законодательство. 2003. № 12.*

33. *Большой толковый словарь русского языка. СПб., 1998.*

34. Лукашева Е.А. *Принципы социалистического права // Советское государство и право. 1970. № 6.*

35. *Марксистско-ленинская общая теория государства и права. Социалистическое право. М., 1973.*

36. Попов А.Н. *Принцип справедливости в уголовном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1993.*

37. Байниязова З.С. *Основные принципы российской правовой системы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2004.*

38. Братусь С.Н. Предмет и система гражданского права. М., 1963.

39. Комаров С.А., Малько А.В. Теория государства и права. М., 2004.

40. Общая теория государства и права. Т. 2. Теория права / Под ред. М.Н. Завалова. М., 1996.

41. Зажицкий В.И. Правовые принципы в законодательстве Российской Федерации // Государство и право. 1996. № 11.

42. Келина С.Г., Кудрявцев В.Н. Принципы советского уголовного права. М., 1988.

43. Фролов С.Е. Принципы права (вопросы теории и методологии): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2001.

44. Громов Н.А., Николаиченко В.В. Принципы уголовного процесса, их понятие и система // Государство и право. 1997. № 7.

1. Alekseev N.N. The general doctrine about the right. Simferopol, 1919.

2. Baytin M.I. Questions of the general theory of the state and right. Saratov, 2006.

3. Smirnov O. V. Basic principles of the Soviet labor law. M., 1977.

4. Kozlov V.N., Mironov L.A. Problems of concept, classification and standard fixing of the constitutional principles of a civil procedural law // Arbitration and civil process. 2008. No 5.

5. Demichev A.A. Positivist classification of the principles of a civil procedural law of the Russian Federation // Arbitration and civil process. 2005. No 7.

6. Yudelsohn K.S. Soviet civil process. M., 1956.

7. Moreyn I.B. Transfer to other work. M., 1965.

8. Chernov K.A. The principle of equality as legal the principle of the Russian right: autoref. dis. ... cand. law scien. Kazan, 2003.

9. Kerimov D.A. The philosophical bases on – political legal researches. M., 1986.

10. Yavich L.S. The essence is right. L., 1985.

11. Vedyakhin V.M., O.E.Factory's Surkov of formation and realization of the principles of the right. Samara, 2005.

12. Syukiyaynen L.R. Muslim right. Theory and practice questions. M., 1986.

13. Livshits R.Z. The theory is right. M., 1994.

14. Vagina N. M. Principles of public law: autoref. dis. ... cand. law scien. Kazan, 2004.

15. Ovod A.V. Printsip's of legality in public law: autoref. dis. ... cand. law scien. Kazan, 2005.

16. Halfina R.O. That there is a right: concept or definition // Soviet state and right. 1984. No 11.

17. Kudryavtsev V.N. About right understanding and legality // State and right. 1994. No 3.

18. Baytin M.I. The essence is right. M., 2005.

19. Reuf V.M. Special and legal principles of the right: autoref. dis. ... cand. law scien. Volgograd, 2004.

20. Lipinsky D.A. Printcipe of the right // State and right Theory / Otv. edition of A.V. Malko. M., 2006.

21. Alekseev S.S. State and right. Initial course. M., 1994.

22. The state and right theory / Under the editorship of N.I. Matuzov, A.V. Malko. M., 1997.

23. State and right theory. 2nd prod. / Under the editorship of A.S. Pigolkin, Yu.A. Dmitriev. M., 2008.

24. State and right theory / Otv. edition of A.V.Malko. M., 2006.

25. Dmitriev I.K. Basic principles of the labor law: autoref. dis. ... doc. law scien. M., 2004.

26. Kuznetsova O.A. Norms principles of the Russian civil law. M., 2006.

27. Distance of Century. Explanatory dictionary of living great Russian language. T. 3. M., 1955.

28. Ojegov S. I. Russian dictionary. M., 1986.

29. Small Soviet encyclopedia. T. 6. M., 1930.

30. State and right theory. 2nd prod. / Under the editorship of V.K. Babayev. M., 2006.

31. Farber I.E. Sense of justice as form of public consciousness. M., 1963.

32. Voronov A.F. About concept, value and standard fixing of the principles of a civil and arbitration procedural law // Legislation. 2003. No 12.

33. Big explanatory dictionary of Russian. SPb., 1998.

34. Lukasheva E.A. Principles of the socialist right // Soviet state and right. 1970. No 6.

35. Marxist-Leninist general theory of the state and right. Socialist right. M., 1973.

36. Popov A.N. Printcipe of justice in criminal law: autoref. dis. ... cand. law scien. SPb., 1993.

37. Bayniyazova Z.S. Basic principles of the Russian legal system: autoref. dis. ... cand. law scien. Saratov, 2004.

38. Bratus S.N. Subject and system of civil law. M., 1963.

39. Komarov S.A., Malko A.V. Theory whitebait of the state and right. M., 2004.

40. General theory of the state and right. T. 2. The theory is right / Under the editorship of M.N. Zavalov. M., 1996.

41. Zazhitsky V.I. Legal principles in the legislation of the Russian Federation // State and the right. 1996. No 11.

42. Kaelin S.G., Kudryavtsev V.N. Principles of the Soviet criminal law. M., 1988.

43. Frolov S.E. Principles of the right (theory and methodology questions): abstract yew. ... edging. yуpυd. sciences. Nizhny Novgorod, 2001.

44. Gromov N.A., Nikolaychenko V.V. Principles of criminal trial, their concept and system // State and right. 1997. No 7.

Литвинова Светлана Федоровна

кандидат юридических наук, доцент кафедры частного права

Института права и управления

Владивостокского государственного университета экономики и сервиса

(тел.: 84232404081)

Стабильность как оценочная категория качества права со стороны общества

В настоящей статье доказывается, что категория «стабильность», характеризующая право, является оценочной категорией, в соответствии с которой право может быть стабильным и нестабильным. В статье в качестве критерия разделения права на стабильное и нестабильное определяется состояние общества.

Ключевые слова: стабильность права, правовые явления, российское общество, категория.

S.F. Litvinova, Candidate of law, associate professor of the chair of private law Institute of law and management of the Vladivostok State University of economy and service; tel.: 84232404081.

Stability estimated category of quality of the right from society

The article presents arguments that the characterizing law category of «stability» is an appraisal category, according to which the law can be stable as well as unstable. A criterion of dividing law on stable and unstable is a society condition.

Key words: stability of law, legal phenomena, Russian society, category.

Стабильность права в доктринальной литературе рассматривается как положительное и желаемое его свойство и качество, к которому необходимо стремиться в ходе строительства и развития демократического, правового государства и гражданского общества. Это дает основание говорить о стабильности как об оценочной модальности, т.е. о понятии, используемом для характеристики правовых явлений с точки зрения определенной системы ценностей. Использование этого термина ограничивается рамками, определенными ментальными константами и культурными традициями определенного народа. Стабильность права рассматривается как условие, при котором через право выражается идентичность обществ [1], т.е. ощущение членами общества самих себя, ощущение целостности, принимаемого ими образа себя во всех своих свойствах, качествах и отношениях к окружающему миру.

В качестве условий обеспечения стабильности права как совокупности правовых норм в доктрине выделяются: связь права с экономикой, политикой, моралью [2, с. 92-93]; ориентация права на социальные и общедемократические ценности [там же]; квалифицированность и неторопливость законодателя [3, с. 46]; институализация (процесс определения и закрепления правовых норм, статусов и ролей, приведения их в систему, ориентированную на удовлетворение некоторых важнейших обще-

ственных потребностей) [4, с. 44]; соответствие содержания права общественному мнению [5, с. 14-17]; соответствие права потребностям общества [6]; совпадение содержания правовых норм с ценностями общества [7, с. 120]; общепризнанность норм [8, с. 30]; отражение в праве баланса интересов общественных групп [9, с. 38].

Качественными характеристиками стабильного права в доктринальной литературе выделяются: неизменность сущности права; неизблемость его принципов; нормативного содержания; [10] определенность [11, с. 13]; традиционность [11, с.13; 12, с. 190; 13, с. 286-287]; понятность [3, с. 46]; постепенное изменение [11, с.13]; изменение права при неизменности его форм [11, с.13].

В качестве способов обеспечения стабильности права учеными выделяются: систематизация права; запись правовых обычаев; закрепление в нормативных договорах механизма, предупреждающего от непродуманного, одностороннего расторжения договоров; закрепление принципа о нераспространение обратной силы законов [3, с. 46]; судебное толкование [14, с. 103; 15; 16; 17, с. 86]; наличие бланкетных норм [18, с. 536; 19, с. 565].

В качестве последствий воздействия стабильного права на общество в доктрине выделяются: формирование идентичности общества [1]; возможность усвоения обществом его предписаний [3, с. 46]; предсказуемость права

[3, с. 46] и правоприменительной практики для общества [14, с. 103]; формирование опыта [20]; формирование «священности» (уважительного отношения) к праву [11, с. 13]; формирование чувства безопасности, уверенности [1]; формирование условий управлять своими делами эффективно [21, с. 30] и успешно исполнять свои обязанности [20].

В качестве характеристики нестабильности права в работах ученых отмечаются: частые, поспешные и непредсказуемые изменения; принятие противоречивых указов [3, с. 46]. Очевидно, что эти характеристики относятся к праву как совокупности правовых норм, отраженных в нормативно-правовых актах.

В качестве влияния нестабильного права на общество отмечается формирование «неверия масс в правовые предписания» [там же]. Государство теряет свой авторитет, что приводит к увеличению правонарушений и невозможности повышения правосознания людей.

Все характеристики стабильности или нестабильности права можно разделить на две категории. Первую категорию составляют характеристики, которые отражают объективные правовые явления и их признаки. Вторую категорию составляют характеристики субъективного характера и отражают восприятие обществом стабильности. Среди субъективных характеристик можно выделить также два вида признаков стабильности: признаки, характеризующие степень восприятия права людьми (возможность усвоения основных правовых предписаний, хорошая известность норм права для населения, предсказуемость, священность права) и характеризующие настроения людей под воздействием права (чувство защищенности, неверия). Учитывая вышеизложенное, наполнение содержанием категории «стабильность» было бы неполным без учета ее понимания субъектами права.

Стабильность как жизненная ценность занимает одно из основных мест в рейтинге ценностей среди населения России. Фонд общественного мнения установил, что для россиян «стабильность милее демократии, а безопасность дороже свободы» [22]. По мнению большинства респондентов (49 %), протестированных в ходе всероссийского опроса, проводимого Всероссийским центром изучения общественного мнения, Россия могла бы объединиться под лозунгом «стабильность» [23], поскольку Россия нуждается не в быстрых, кардинальных переменах в экономической и политической жизни страны, а в стабильности, реформах эволюционного характера, считали 64 % опрошенных респондентов против 29 % в 2007 г. (в 2004 г. 50 % против 39 %) [24].

Восприятие стабильности очень тесно связано с менталитетом общества, поскольку лю-

бая идея – это форма постижения в мысли явлений объективной реальности, форма отражения внешнего мира [25], которая одинакова у людей того или иного общества, принадлежащих к одной культуре, имеющих общий умственный инструментарий (менталитет) [26, с. 13].

В России понимание населением термина стабильность изучалось социологом Л.А. Паутовой. Ею проводились исследования повседневного представления о стабильности населения РФ с использованием различных исследовательских стратегий [27]. Поскольку исследования Л.А. Паутовой являются уникальными, по сути, единственными в своем роде и вызывающие доверие, выводы, сделанные в ее работах, будут использоваться в качестве основы для определения смысла стабильности права как принципа российского права.

В результате проведенных Л.А. Паутовой исследований были сделаны следующие выводы. Очевидно, что для респондентов стабильность – это, прежде всего, равновесный порядок. Смысл репрезентации стабильности – это всегда ожидание уверенности в сегодняшнем и особенно в завтрашнем дне. Люди оценивают свою жизнь стабильной тогда, когда эта жизнь улучшается. Если жизнь не улучшается – то это застой. Причем важно не объективное улучшение (например, экономический рост или повышение благосостояния населения), а субъективное восприятие – стало лучше жить или не стало [27].

Созвучны с выводами Л.А. Паутовой выводы, сделанные Фондом общественного мнения и Всероссийским центром изучения общественного мнения. Слово стабильность вызывало у 38 % в 2007 г. [28] и 49 % в 2009 г. [29] опрошенных положительные чувства и не у кого не вызывало отрицательного чувства (0 %) в 2007 г. [28] и только у 1 % опрошенных в 2009 г. [29] И это положительное чувство тесно связано со счастьем. В соответствии с результатами опроса Всероссийским центром изучения общественного мнения со стабильностью ассоциируется хорошая счастливая жизнь у 35 % респондентов [30], а в соответствии с опросом Фонда общественного мнения, понимают стабильность, уверенность в завтрашнем дне как счастье оценивают 6 % респондентов (этот ответ стоит на пятом месте после ассоциации счастья со здоровьем, детьми, семьей и богатством) [31]. Самое большое количество респондентов (41 %) ассоциируют стабильность политической и экономической жизни с порядком [32].

Таким образом, можно констатировать, что только в том случае, если российское общество сможет предсказывать изменения права и результаты правоприменительной практики и

будет уверено в завтрашнем дне, то можно будет говорить о стабильности права в России, о качественном (эффе́ктивном) праве.

1. Orsy Ladislas, S.J. *Stability and Development in Canon Law and the Case of «Definitive» teaching* // *Notre Dame Law Review*. - 2000-2001. P. 865-879.

2. *Общая теория права: учебник для юридических вузов* / Ю.А. Дмитриев, И.Ф. Казьмин, В.В. Лазарев и др. / Под общ. ред. А.С. Пиголкина. – 2-е изд., испр. и доп. М.: Изд-во МГТУ им. Н.Э. Баумана, 1996.

3. *Общая теория государства и права. Академический курс в 2-х т.* / Под ред. проф. М.Н. Марченко. Т. 2. Теория права. М.: Издательство «Зерцало», 2000.

4. Князев С.Д. *Принципы административного права Российской Федерации: отраслевой формат и юридическое значение* // *Государство и право*. 2003. № 10. С. 39-47.

5. Friendman Barry. *Will of the People: How Public Opinion Has Influenced the Supreme Court and Shaped the Meaning of the Constitution*, 2009.

6. Mittal Sonia, Weingast Barry R. *Constitutional Stability and the Deferential Court* // *University of Pennsylvania Journal of Constitutional Law*. 2010-2011. P. 337-352.

7. Rigsby Bruce. *Custom and Tradition: Innovation and Invention* // *Macquarie Law Journal*. - 2006. Vol. 6. P. 113-138.

8. Gonzalez Jennifer S. *Constitutionalizing the International Legal System: Trade Efficiency v. Sustainability. A Thesis Presented to the Graduate and Research Committee of Lehigh University in Candidacy for the Degree of Master of Arts in Environmental Policy Design*. Lehigh University, 2009.

9. Карапетов А.Г. *Политика и догматика гражданского права: исторический очерк* // *Вестник Высшего арбитражного суда Российской Федерации*. 2010. № 5. С. 38.

10. Червонюк В.И., Калинин И.В., Иванец Г.И. *Элементарные начала общей теории права: учеб. пособие для вузов* / Под общей ред. д-ра юрид. наук, проф. В.И. Червонюка. М.: КолосС, 2003. [Электронный ресурс] URL: <http://slovari.yandex.ru/> (дата общеня: 07.05.2012).

11. Косарев А.И. *О закономерностях развития в истории государства и права* // *Государство и право*. 2007. № 4. С.10-17.

12. Алексеев С.С. *Собрание сочинений в 10 томах (+Справочный том)*. Т. 6. *Восхождение к праву*. М.: Статут, 2010.

13. Алексеев С.С. *Теория права*. М.: Изд-во БЕК, 1996.

14. Витрянский В.В. *Обобщение надзорной практики Высшего Арбитражного Суда Рос-*

сийской Федерации по применению гражданско-правовых норм // *Вестник ВАС РФ*. 2000. № 11. С. 103.

15. Дивин И.М. *Судебная практика как источник современного права России* // *Закон*. 2011. № 4. С. 97-102.

16. Колесов Ю. *Суды должны понимать истинную цель сделок* [Электронный ресурс] URL: <http://www.vremya.ru/2005/218/13/139704.html>

17. Рогожин Н.А. *Значение судебной практики для развития предпринимательского права* // *Закон*. 2010. № 10. С. 86.

18. Алексеев С.С. *Собрание сочинений в 10 томах (+Справочный том)*. Т. 3. *Проблемы теории права. Курс лекций*. М.: Статут, 2010.

19. Мелехин А.В. *Теория государства и права: учебник*. М.: Маркет ДС корпорейшн, 2007. 633 с.

20. Владимирова Л.С. *Проблема подготовки кадров правоохранительных органов в российской и зарубежной практике: управленческий опыт* // *Российское общество и государство: актуальные проблемы на современном этапе. Материалы Международной научно-практической конференции*. Владимир, 2009. С. 292-298.

21. Eskridge William N., Frickey Philip P. / Eds. *Hart and Sack's. The Legal Process: Basic Problems in the Making and Application of Law*. N.Y.: Foundation Press, 1994.

22. *Повышенная важность. Что для россиян самое главное* // Фонд общественного мнения: [сайт]. URL: <http://fom.ru/obshchestvo/72> (дата обращения: 2012. 13 июля).

23. *Всероссийский опрос. 06.03.2010* // *Всероссийский центр изучения общественного мнения: [сайт]*. - URL: http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=662&q_id=47755&date=06.03.2010 (дата обращения: 2012. 13 июля).

24. *Рынок, демократия, стабильность: до роги, которые мы выбираем*. Пресс-выпуск № 678 от 19.04.2007 // *Всероссийский центр изучения общественного мнения: [сайт]*. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=268&uid=4424> (дата обращения: 2012. 13 июля).

25. Копнин П. *Идея* // *Философская Энциклопедия. В 5-х т.* М.: Советская энциклопедия. Под редакцией Ф. В. Константинова. 1960-1970 // *Yandex – словари: [сайт]*. URL: <http://slovari.yandex.ru/> (дата обращения 2012. 14 июля).

26. См.: Шевяков М.Ю. *Менталитет: сущность и особенности функционирования: дис. ... канд. философ. наук: 09.00.11*. Волгоград, 1994.

27. Паутова Л.А. *Комплексный подход к исследованию социального представления о*

стабильности // Социология. 2004. № 19. С. 32-65.

28. Всероссийский опрос. 18.03.2007// Всероссийский центр изучения общественного мнения: [сайт] URL: http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=417&q_id=33490&date=18.03.2007 (дата обращения: 2012. 13 июля).

29. Всероссийский опрос. 05.04.2009// Всероссийский центр изучения общественного мнения: [сайт] URL: http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=598&q_id=43339&date=05.04.2009 (дата обращения: 2012. 13 июля).

30. Всероссийский опрос. 20.09.1995 // Всероссийский центр изучения общественного мнения: [сайт]. URL: http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=496&q_id=36466&date=20.09.1995 (дата обращения: 13.07.2012).

31. «Жить в деревне, не думая о политике». Рецепт счастливой жизни. 27.07.2011 // Фонд общественного мнения: [сайт]. URL: <http://fom.ru/obshchestvo/10107> (дата обращения 13.07.2012).

32. Всероссийский опрос. Что такое, по вашему мнению, «порядок»? 09.01.2010 // Всероссийский центр изучения общественного мнения: [сайт]. URL: http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=637&q_id=46038&date=09.01.2010 (дата обращения: 13.07.2012).

1. Orsy Ladislav, S.J. *Stability and Development in Canon Law and the Case of «Definitive» teaching* // Notre Dame Law Review. - 2000-2001. P. 865 - 879.

2. *General theory of law: textbook for law universities* / Ju.A. Dmitriev, I.F. Kazmin, V.V. Lazarev, etc. / Edited by A.S. Pigolkin. – 2nd edition, cor. and dop. M.: N.E. Bauman MGTU Publishing House, 1996.

3. *General theory of state and law. The academic course in 2 vol.* / Edited by M.S. Marchenko. Vol. 2. Theory of law. M.: «Mirror» Publishing House, 2000.

4. Knyazev S.D. *Principles of the Russian Federation Administrative Law: sectoral format and legal significance* // State and law. 2003. № 10. P. 39-47.

5. Friendman Barry. *Will of the People: How Public Opinion Has Influenced the Supreme Court and Shaped the Meaning of the Constitution*, 2009.

6. Mittal Sonia, Weingast Barry R. *Constitutional Stability and the Deferential Court* // University of Pennsylvania Journal of Constitutional Law. - 2010-2011. P. 337-352.

7. Rigsby Bruce. *Custom and Tradition: Innovation and Invention* // Macquarie Law Journal.

2006. Vol. 6. P. 113-138.

8. Gonzalez Jennifer S. *Constitutionalizing the International Legal System: Trade Efficiency v. Sustainability. A Thesis Presented to the Graduate and Research Committee of Lehigh University in Candidacy for the Degree of Master of Arts in Environmental Policy Design.* Lehigh University, 2009.

9. Karapetov A.G. *Policy and dogmatics of the civil law: a historical essay* // Bulletin of the Russian Federation Supreme Economic Court. 2010. № 5. P. 38.

10. Chervonuk V.I., Kalinsky I.V., Ivanets G.I. *Elementary beginning of General theory of law: textbook for universities* / Edited by Doctor, prof.V.I. Chervonuk, M.: ColosS Publishing House, 2003. [Electronic resource] URL: <http://slovari.yandex.ru/> (date of visit: 07.05.2012).

11. Kosarev A.I. *On the regularities of history of state and law development* // State and law. 2007. № 4. P. 10-17.

12. Alekseev S.S. *Collected works in 10 volumes (+Reference volume). Vol. 6. The ascent to law.* M.: Statute Publishing House, 2010.

13. Alekseev S.S. *Theory of law.* M.: BEK Publishing House, 1996.

14. Vitryansky V.V. *Generalization of Supreme Arbitration Court of the Russian Federation supervisory practice on the application of civil law rules* // Bulletin VAS of the Russian Federation. 2000. № 11. P. 103.

15. Divin I.M. *Judicial practice as a source of the Russian modern law* // The law. –2011. – № 4. – P. 97-102.

16. Kolesov Ju. *Courts must understand the true purpose of the deals* [Electronic resource] URL: <http://www.vremya.ru/2005/218/13/139704.nhtml>

17. Rogozhin N.A. *The value of the judicial practice for the entrepreneurial law development* // The law. 2010. № 10. P. 86.

18. Alekseev S.S. *Collected works in 10 vol. (+Reference volume). Vol. 3. Problems of theory of law. Course of lectures.* M.: Statute Publishing House, 2010.

19. Melekhin A.V. *Theory of state and law: textbook.* Moscow: Market DS Corporation Publishing House, 2007.

20. Vladimirova L.S. *The problem of law enforcement personnel training in the Russian and foreign practice: management experience* // Russian society and state: actual problems at the morden times. Materials of the International scientifically-practical conference. Vladimir, 2009. P. 292-298.

21. Eskridge William N., Frickey Philip P. / Eds. Hart and Sack's. *The Legal Process: Basic Problems in the Marking and Application of Law.* N.Y.: Foundation Press, 1994.

22. *The increased importance. The most valua-*

ble thing for Russians // Public opinion Fund: [web site]. URL: <http://fom.ru/obshchestvo/72> (date of visit: 2012. July 13)

23. Russian poll. 06.03.2010. // The Russian centre of public opinion studying: [web site]. - URL:http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=662&q_id=47755&date=06.03.2010 (date of visit: 2012. on July 13).

24. Market, democracy, stability: the roads that we choose. Press-release № 678 dated 19.04.2007 // Russian public opinion research center: [web site]. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=268&uid=4424> (date of circulation: 2012. July 13)

25. Koptin P. Idea. // Encyclopedia of Philosophy. 5 Vol. – Moscow: Soviet encyclopedia. Edited by F.V. Konstantinova. 1960-1970. // Yandex - dictionaries: [web site]. URL: <http://slovari.yandex.ru/> (the date of visit of 2012. 14 July)

26. See: Shevyakov M.Ju. Mentality: the essence and peculiarities of functioning: dis. ... cand. phil. scien. 09.00.11. Volgograd, 1994.

27. Pautova L.A. An integrated approach to the study of social understanding about stability // Sociology. 2004. № 19. P. 32-65.

28. Russian poll. 18.03.2007// Russian Public Opinion Research Center: [web site]. URL: http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=417&q_id=33490&date=18.03.2007 (date of visit: 2012. July 13).

29. Russian poll. 18.03.2007// Russian Public Opinion Research Center: [web site]. URL: http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=417&q_id=33490&date=18.03.2007 (date of visit: 2012. July 13).

30. Russian poll. 18.03.2007// Russian Public Opinion Research Center: [web site]. URL: http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=417&q_id=33490&date=18.03.2007 (date of visit: 2012. July 13).

31. «Live in village without thinking about politics» Recipe for a happy life. 27.07.2011 // Public Opinion Fund: [web site]. URL: <http://fom.ru/obshchestvo/10107> (the date of the visit 13.07.2012).

32. Russian poll. In your opinion what «order» is? 09.01.2010 // Russian Public Opinion Research Center: [web site]. URL: http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=637&q_id=46038&date=09.01.2010 (date of visit: 13.07.2012).

Мартыненко Борис Константинович

кандидат юридических наук,
 профессор кафедры общетеоретических правовых дисциплин
 Северо-Кавказского филиала Российской академии правосудия
 (e-mail: ckvorcov@inbox.ru)

Категория «насилие» - оценочное понятие?

В статье исследуется вопрос оценки категории «насилия» как оценочного понятия.

Ключевые слова: насилие, принуждение, суд, ответственность, эволюция, законодатель, статья.

B.K. Martynenko, Candidate of law, professor of the chair of general theoretical legal disciplines of North-Caucasus branch of the Russian Academy of Justice; e-mail: ckvorcov@inbox.ru

The category of «violence» - the estimated concept?

The paper investigates the question of evaluation of the category of «violence» as of the valuation concepts.

Key words: violence, coercion, the court, responsibility, evolution, the legislator, article.

Государственно-правовая действительность настолько многообразна и изменчива, что законодатель не всегда может отразить в законе все особенности конкретных ситуаций. В таких случаях он вынужден прибегнуть к использованию такого приема юридической техники, как включение в текст правовых норм оценочных понятий.

Использование оценочных понятий обусловлено формальной определенностью права, необходимостью кратко и лаконично излагать содержание правовых норм. В то же время наличие оценочных понятий предполагает высокий уровень правовой культуры правоприменителя, нравственную зрелость должностных лиц, принимающих решение на основе предоставляемого им законом усмотрения. Хотя закон, иной нормативный акт не является учебником или учебным пособием, но для того, чтобы обеспечить понятийную точность и определенность нормативного текста в законодательной технике используется такое средство, как определение понятий (дефиниции). Тем самым используемые в законе термины делают понятным сам текст закона, способствуют установлению сферы его действия, уяснению природы правовых институтов, обеспечивая вследствие этого эффективность его (закона) действия.

В правовой науке, к сожалению, не существует единого подхода к природе и содержанию указанных понятий. Одни ученые предлагают под оценочными понятиями понимать «относительно-определенные понятия, содержание которых выявляется только с учетом конкретных ситуаций, обстоятельств рассматриваемого казуса» [1]. Другие считают, что в

содержание оценочных понятий входят не только субъективные, устанавливаемые в каждой конкретной ситуации признаки, но и объективные признаки, не зависящие от конкретной ситуации [2]. Полагаем, что последний подход в понимании оценочных понятий является более верным, т.к. на наш взгляд, в содержание конкретного оценочного понятия, наряду с переменными признаками, характерными для каждого конкретного случая, входят и постоянные признаки, совокупность которых позволяет говорить о наличии того или иного оценочного понятия.

Таким образом, под оценочным следует понимать понятие, заключающее в себе как относительно постоянные, так и переменные признаки, в котором содержание последних прямо не закреплено в законе и их уяснение и конкретизация происходят в процессе правоприменительной деятельности. Уяснение оценочных понятий осуществляется посредством их интерпретации [3].

Оценочные понятия используются во многих отраслях современного российского права, но наиболее широко они применяются в области уголовного права. В настоящее время в УК РФ насчитывается более двухсот статей, в содержание которых включены оценочные понятия (в УК РФ 1996 г. (в редакции ФЗ от 05.01.2006 № 11-ФЗ) насчитывается 52 % статей, сконструированных при помощи оценочных понятий [4]).

А в статьях гл. 19 УК РФ «Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина» практически все квалифицируемые в них составы деяний приведены с использованием большого количества оценочных

категорий, понятий и признаков. К таковым, прежде всего, относятся следующие выражающие их термины: «насилие» (ст. 139); «насилие» (ст. 141); «принуждение» (ст. 144); «насилие», «угроза применения насилия» ...

Таким образом, трактовка многих важнейших конституционных понятий, составляющих основу государственного устройства РФ, нормативно-правовой фундамент всей жизни российского общества, определяющий социальную деятельность и статус индивида в социуме, остается прерогативой правоприменителя. На наш взгляд, в принципе недопустима ситуация, когда толкование положений основополагающего законодательного акта страны отдано на откуп даже не местному законодателю, а правоприменителю (нередко даже непрофессиональному юристу) самого низкого ранга, решающему по своему пониманию и усмотрению, например, что такое права и свободы человека, кто является гражданином, что такое свобода совести (входит в число важнейших завоеваний человечества) [5].

Использование законодателем оценочных понятий при конструировании уголовно-правовых норм позволяет правоприменителю реагировать на соответствующие социально значимые изменения, происходящие в явлениях, описанных с помощью оценочных понятий.

Особенностью оценочных понятий является то, что их признаки не закреплены в законе и их разъяснение происходит в процессе правоприменительной деятельности. Наличие в законодательстве оценочных понятий позволяет правоприменителю учитывать социальную обстановку, специфические обстоятельства рассматриваемого им дела, которые «обладают многообразным содержанием и в конкретном своем проявлении выступают в различной форме» [6]. Поэтому указанные обстоятельства не всегда возможно отразить и закрепить в законе или подзаконном акте. Кроме того, общественные отношения в период действия уголовно-правовой нормы постоянно развиваются, усложняются. Суд должен в определенных пределах учитывать изменения, происходящие в реальной действительности. Такую возможность и обеспечивают оценочные понятия.

Как мы уже отмечали, уяснение оценочных понятий осуществляется посредством их интерпретации. При этом, как и любые принципы интерпретационной деятельности, принципы применения оценочных понятий следует подразделять на: общие (принцип грамматического (филологического, языкового) анализа; принцип законности; принцип объективности, всесторонности; принцип обоснованности, целесообразности, справедливости, гуманизма; принцип логичности; принцип системности

и др.), специальные (непосредственно специально-юридический принцип интерпретации оценочных понятий; принцип динамичности права; исторический (историко-политический); принцип функциональности; принцип верховенства судебского усмотрения; интерпретация правовых оценочных понятий должна быть научно обоснована; и др.) и отраслевые (принципы интерпретации свойственные отдельным отраслям права, присущие им в силу особенностей их правового регулирования).

Только при одновременном соблюдении указанных принципов и пределов применения оценочных понятий уместно говорить о правомерности их применения. Нарушение хотя бы одного из указанных критериев либо превышение пределов применения оценочных понятий является основанием признания такого применения неправомерным и не влекущим для сторон никаких правовых последствий.

Абстрактность, неконкретизированность содержания таких понятий, дающая возможность учесть все местные условия, особенности конкретных ситуаций, социально-политическую обстановку, психологические особенности лиц, к которым применяется норма права, а также ряд моментов, не нашедших отражения в законе, делают оценочное понятие специфическим средством индивидуального регулирования [3]. Видимо, это целесообразно, потому что к многообразным отношениям не всегда можно применить четкие и категоричные нормы права.

Вместе с этим заметим, что количество оценочных понятий и степень их конкретизации зависит от социально-политической ситуации. Количество и частота использования оценочных понятий возрастает, когда социально-политическая ситуация в стране нестабильна и требует максимально жесткого контроля со стороны государства [4].

В целом, в истории развития законодательства, и уголовного в том числе, прослеживается тенденция конкретизации значения оценочных признаков.

На первом этапе судебная практика в решениях по конкретным делам (прецедентам) толкует оценочный признак и вырабатывает примерные ориентиры в оценке преступлений с такими признаками. Подобное толкование не обязательно для других судов, но имеет силу убеждающего примера.

На втором этапе Верховный Суд обобщает прецедентные решения отдельных судов и более абстрактно формулирует рекомендации по применению того или иного оценочного признака в руководящем постановлении по определенной категории дел (обязательное к исполнению для нижестоящих судов, рассматривающих дела этой категории).

На третьем этапе устоявшееся определение оценочного признака закрепляется в уголовном законе, как правило, в примечании к той статье, в которой описан состав преступления с данным оценочным признаком.

Таким образом, подводя итоги нашим рассуждениям, исходя из анализа сущности и содержания дефиниции «оценочное понятие», вполне логичным представляются следующие выводы. Во-первых, категория «насилие» в уголовном праве – безусловно оценочное понятие. Во-вторых, широкое использование законодателем оценочных понятий в своей деятельности выступает одним из признаков правового государства, и соответственно, чем чаще используются оценочные понятия в российском праве, тем выше должны предъявляться требования к уровню правовой культуры и правового сознания участников правоотношений.

1. См.: Кудрявцев В.Н. *Общая теория квалификации преступлений*. М., 1972. С. 134.

2. См., например: Питецкий В.В. *Применение оценочных признаков уголовного закона: Учеб. пособие*. Красноярск, 1995. С. 7.

3. Кашанина Т.В. *Оценочные понятия в советском праве* // *Правоведение*. 1976. № 1. С. 26, 29.

4. См.: Коробец Б.Н. *Оценочные понятия в российском уголовном праве (социальная обусловленность и юридическая сущность)*. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Специальность 12.00.08. Москва. 2007.

5. См.: Джинджолия Р.С. *Унификация оценочных признаков при квалификации преступлений против личности: Монография* / Р.С. Джинджолия / Под ред. проф. А.А. Магомедова. М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2004. С. 101-103.

6. Агамиров Н.И. *Оценочные понятия в законодательстве (теоретические вопросы) // Проблемы совершенствования советского законодательства. Труды ВНИ-ИСЗ. Вып. 43. М, 1989. С. 62.*

1. See: Kudryavtsev V.N. *General theory of crime qualification*. M., 1972. P. 134.

2. See, for example: Pitetsky V.V. *Use of estimates the signs of the criminal law: Textbook*. Krasnoyarsk, 1995. P. 7.

3. Khashanina T.V. *The estimated concepts in the Soviet law* // *Law*. 1976. № 1. P. 26, 29.

4. See: Corobets B.N. *The estimated concepts in the Russian criminal law (social conditioning and a legal entity)*. Autoref. dis. ... cand. law sci. en. Speciality 12.00.08. Moscow. 2007.

5. See: Jinjolia R.S. *Student assessment signs of the qualification of crimes against personality: Monography* / R.S. Jinjolia / Under ed. prof. A.A. Magomedov. M.: UNITY-DANA, law and jurisprudence, 2004. P. 101-103.

6. Agamirov N.I. *The estimated concepts in the law (theoretical problems) // Problems of improvement of Soviet legislation. The works of VNI-ISZ. Vol. 43. M., 1989. P. 62.*

Резников Евгений Владимирович

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры теории государства и права
Волжского института экономики, педагогики и права
(e-mail: evreznikoff@yandex.ru)

Профессиональная идентичность адвоката

В данной статье анализируется профессиональный аспект такой дефиниции, как «правовая идентичность», являющейся относительно новым понятием, выработанным наукой теории государства и права. Автором показаны основные направления интеграционного теоретико-практического исследования данной категории.

Ключевые слова: право, субъект права, идентичность, правовая идентичность.

E.V. Reznikov, Candidate of law, associate professor, associate professor of the chair of state and law of the Volga Institute of economics, pedagogy and law; e-mail: evreznikoff@yandex.ru

Professional identity of the lawyer

This paper analyzes the professional aspect of this definition as a "legal identity", which is a relatively new concept, worked out by science theory of law. The author shows the main direction of the integration of theoretical and practical research in this category.

Key words: law, legal personality, identity, legal identity.

Адвокатская профессия является одной из основных, наиболее распространенных и одновременно наиболее престижных юридических профессий. По своему содержанию деятельность адвоката является комплексной, объединяя в себе все важнейшие компетенции юриста, к которым добавляется ряд специфических функций и навыков. Поэтому идентичность адвоката представляет собой один из развитых видов профессиональной идентичности юриста, имеющий универсальное значение в масштабе правовой системы и всего общества.

Адвокат – это независимый советник по правовым вопросам, обеспечивающий юридическую поддержку субъектам права в защите их прав и интересов. Сквозной и неизменной особенностью адвокатской деятельности, определяющей основную специфику профессиональной идентичности адвоката, всегда была и остается направленность на защиту чужих интересов правовыми средствами.

Другая особенность адвокатуры как юридической профессии заключается в ослабленной связи с государственной властью. Адвокат, не принимающий никаких юридически обязательных решений, не встроен в иерархическую систему государственных органов, не находится у нее в оперативном подчинении. Самоуправляющееся адвокатское сообщество есть институт гражданского общества, построенный на началах децентрализации; вышестоящие органы этого сообщества выполняют, по существу, лишь вспомогательные контрольно-

дисциплинарные функции, в то время как основная часть собственно адвокатских функций выполняется индивидуально практикующими адвокатами или их добровольными соединениями в форме адвокатских бюро и т.п.

Как и судья, адвокат обладает независимостью, однако эта независимость имеет совершенно иную природу. В отличие от судьи, адвокат полностью самостоятелен в выборе как сферы своей деятельности, так и ее инструментария. Адвокат самостоятельно организует свой труд. Если судья при составлении правосудия связан в своих решениях позициями сторон, и возможности проявления инициативы с его стороны крайне ограничены, то активность адвоката, напротив, имеет чрезвычайно широкие рамки. Адвокат самостоятельно распоряжается своим временем и иными ресурсами, включая свои процессуальные полномочия, которыми в каждый момент времени он пользуется по своему усмотрению.

Вместе с тем, свобода адвокатской деятельности имеет одно фундаментальное ограничение, вытекающее из самой ее природы и, соответственно, влияющее на идентичность адвоката. Основной задачей адвоката является представительство интересов лица, обратившегося за юридической помощью. Таким образом, отношения «адвокат-клиент» являются одной из доминант профессиональной деятельности и, следовательно, профессиональной идентичности.

Как и у судьи, в деятельности адвоката присутствует сильный исследовательский эле-

мент. На протяжении всей работы по делу он должен постоянно проявлять компетенцию наблюдения (идентификации): адекватно определить суть требований доверителя; придать им ту правовую форму, которая в наибольшей степени соответствует их содержанию; провести максимально полный сбор информации, относящейся к делу; правильно определить круг правовых норм, подлежащих применению; осуществить точную юридическую квалификацию всех обстоятельств. Эта исследовательская составляющая должна войти в состав профессиональной идентичности в виде мотивации к познанию.

Наиболее ярким выражением познавательного компонента профессиональной идентичности является работа адвоката с доказательствами. В деятельности адвоката доказывание – это не только и не столько собирание самих фактов, хотя и без этого так называемое «адвокатское расследование» едва ли может состояться. Формирование позиции по делу прежде всего требует селекции имеющихся фактов и их проверки на предмет достоверности, относимости и допустимости, т.е. придания им собственно статуса доказательств. Часто необходимо закрепление доказательства в соответствующей правовой форме. Наконец, центральная часть доказывания – связывание доказательств, построение логической цепочки, подкрепляющей позицию адвоката.

С этим связан риторический компонент профессиональной идентичности. Деятельность адвоката сопряжена с постоянной необходимостью прямо или косвенно убеждать других в своей правоте. Поскольку адвокат не обладает властными полномочиями, риторика фактически является единственным доступным ему легальным способом влияния на людей. Это касается в том числе стадии работы с доверителем, поскольку именно речевыми средствами адвокат устанавливает с ним необходимый деловой контакт, достигает договоренности об условиях сотрудничества, направляет его дальнейшие действия и др. Особый тип риторических навыков активизируется при составлении юридических документов. Наконец, риторической кульминацией дела является судебное заседание, где соревнование сторон за исход происходит путем как логического, так и эмоционального воздействия на суд и других участников процесса.

Идентичность адвоката должна включать в себя особое отношение к языку и речи как к основным инструментам профессиональной деятельности, в том числе умение и стремление добиться чужого внимания, точно сформулировать свою позицию, сделав ее понятной для собеседников, связав отдельные фрагмен-

ты свое речи в целое и подкрепив каждый из тезисов корректной и убедительной аргументацией.

В условиях состязательного правосудия идентичность адвоката неизбежно связана с соревновательностью. Говоря о юридическом опыте, Г. Гурвич обращал внимание на «крайне драматичный характер такого опыта, преобладание в его структуре элементов антиномичности. Ни один вид непосредственного опыта не разрывается болезненными конфликтами в такой степени, как юридический опыт» [1]. Адвокатам, как никому другому, известна эта особенность юридической практики. Сама идея «защиты» как основного вида профессиональной деятельности адвоката априори предполагает наличие «нападения». В подавляющем большинстве случаев защита прав и интересов доверителя происходит в условиях, когда существует другая сторона правоотношения с противоположными интересами, которые также, как правило, защищены на профессиональном уровне. Как следствие, фактор соперничества пронизывает собой идентичность адвоката.

Профессиональная идентичность адвоката складывается из множества факторов, включая его профессиональные и личные качества, знания и опыт, в том числе чужой, а также особенности его психической организации, меняющиеся общественные условия, потребности клиентов и т.п. Субъектами формирования профессиональной идентичности выступают сам адвокат, его коллеги, государство (в лице законодателя, суда и других органов), клиенты, повседневное окружение и др. Разумеется, исключительно большую роль, если не центральную роль в этом процессе играет адвокатское сообщество.

Основной организационной формой адвокатуры, как самоуправляемого сообщества адвокатов, являются адвокатские палаты, создаваемые на уровне Российской Федерации и в отдельных субъектах Федерации. К ведению адвокатских палат относится, в частности, защита социальных и профессиональных прав адвокатов, организация информационного обеспечения и обмена опытом между ними, созыв собраний (конференций) адвокатов, разъяснения по поводу возможных действий адвокатов в сложных ситуации с точки зрения профессиональной этики и т.п. В числе других важных для профессиональной идентичности мероприятий – принятие Всероссийским съездом адвокатов Кодекса профессиональной этики адвоката, а также введение Федеральной палатой адвокатов системы профессиональных поощрений. Кроме того, действует ряд общественных объединений адвокатов: Федеральный союз адвокатов России, Между-

народный союз (содружество) адвокатов, Гильдия российских адвокатов и др.

Разумеется, роль адвокатского сообщества в формировании профессиональной идентичности может различаться в зависимости от степени активности самого сообщества, от способа его организации и от степени интегрированности отдельного адвоката в профессиональные объединения.

Таким образом, в целом идентичность адвоката строится на идее оказания доверительной помощи в защите чужих интересов при помощи

познавательных и риторических средств, на основе независимости и соревновательности.

---

1. Гурвич Г. Юридический опыт и плюралистическая философия права // *Философия и социология права. Избранные сочинения.* СПб., 2004. С. 262.

---

1. Gurvich G. *Legal experience and plural philosophy right // Philosophy and sociology of the right. Elected compositions.* SPb., 2004. P. 262.

Семенов Виктор Егоровичкандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры теории и истории государства и права
Северо-Кавказского федерального университета
(тел.: 88652354446)

Проблемы совершенствования воспитания правовой культуры

В статье автор попытался проанализировать процессы формирования правосознания, воспитания правовой культуры в современных условиях. Сделан вывод о том, что в нашей стране этому вопросу уделяется недостаточно внимания.

Ключевые слова: правосознание, правовая культура, воспитание, государственная политика.

V.E. Semenov, Candidate of law, assistant professor, assistant professor of the chair of theory and history of state and law of North Caucasian Federal University; tel.: 88652354446.

Problems of improvement of education of legal culture

The author tries to make analysis of forming processes of feeling for law and order, education of law culture in modern conditions. The conclusion about not-enough attention to this question in our country has been made.

Key words: feeling for law and order, law culture, education, state policy.

Формирование правосознания, вопросы правового воспитания молодежи являются весьма актуальными. В настоящее время чрезвычайно остро стоит проблема совершенствования правового воспитания. Одна из важнейших задач правового воспитания – воспитание высокого чувства гражданственности, патриотизма. Особое значение это принципиальное положение имеет при решении данной задачи среди молодежи. Формирование высокой правовой культуры молодежи способствует повышению механизма правового воздействия.

В период системного кризиса, охватившего Россию, проблемы переоценки ценностных ориентаций, жизненной стратегии молодежи играют особую роль. От успеха формирования правосознания общества, в том числе и молодежи, зависит продвижение нашей страны к правовому демократическому государству. В настоящее время как никогда остро стоит вопрос о создании целостной комплексной программы осуществления в нашей стране глубоко продуманной молодежной политики, охватывающей весь комплекс социальных, экономических и духовных факторов, определяющей воздействие на правосознание молодежи, уровень ее жизни.

В течение многих десятилетий в стране декларировалась идея о постоянной заботе, о развитии молодого поколения. Были принят Федеральный закон от 28 июня 1995 г. «О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений». В нем в ст. 3 изложены принципы государственной

поддержки молодежных и детских объединений. Но это одно из направлений государственной молодежной политики в России.

В основных направлениях государственной молодежной политики в Российской Федерации (1993 г.) выделены основные направления реализации государственной молодежной политики, обеспечения, соблюдения прав молодежи, обеспечения гарантий в сфере труда, содействия предпринимательской деятельности молодежи, государственная поддержка молодой семьи, гарантированное предоставление социальных услуг, поддержка талантливой молодежи, формирование условий, направленных на физическое и духовное развитие молодежи.

Остановимся на анализе последнего направления. Духовное становление молодого человека является важнейшей задачей общества. В условиях роста преступности, в том числе среди молодежи и даже несовершеннолетних, нет единой концепции воспитания молодежи. Ослаблено внимание к этому процессу в средней и высшей школе, на предприятиях, в учреждениях, организациях. Переход к многообразию форм собственности привел не только к росту прагматизма и деловитости, но и иждивенческих настроений. А идеологический плюрализм создал условия для размывания ценностных ориентиров. Ценности советского периода у значительной части населения ушли в прошлое. В настоящее время идет поиск идеи, объединяющей наше общество, консолидирующей его.

С точки зрения автора эту идею можно выразить следующим образом: создание сильного федеративного правового демократического государства с обеспечением глубокого сочетания различных форм организации местного самоуправления с сильной государственной властью на основе принципов демократии. Главной стержневой силой развития этой идеи должны быть патриотизм и гражданственность, высокое чувство общественного долга. Идея воспитания патриотизма, гражданственности, высокого чувства долга, сопричастности к делам России должны быть в центре всей работы с молодежью. Воспитание патриота, гражданина является важнейшей задачей воспитания правовой культуры. Решить эту задачу без комплексного подхода невозможно. Если даже скоординировать и обеспечить высокий теоретический уровень этого процесса без всестороннего комплексного подхода к работе с молодежью, без создания соответствующих экономических, социальных и политических факторов, то решить эту задачу не представляется возможным.

Необходим действительно комплексный подход к проблеме воспитания молодежи. В условиях роста безработицы, падения уровня жизни, проживания части молодежи за чертой бедности, роста количества разводов, экономического и политического кризиса эти проблемы приобретают особое значение. Автор считает целесообразным в соответствии с вышеизложенным рекомендовать создание единой программы молодежной политики в нашей стране, в которой предусмотреть весь комплекс мер, обеспечивающих проведение в жизнь молодежной политики, направленной на формирование гражданского общества, демократического правового государства. При этом принципиальное значение имеет создание механизма реализации этой программы экономической ее обеспеченности.

Естественно, автору понятно, что в условиях экономического кризиса решать эту задачу крайне сложно. Но в то же время главная цель состоит в том, чтобы воспитать молодого человека, которому предстоит определять будущее XXI в., поэтому необходимо при жесточайшей экономии государственных средств найти возможность для финансирования молодежной политики. Автор считает необходимым выделение в комплексе духовного обновления российского общества следующих составных частей: 1) нравственное воспитание молодежи; 2) воспитание правовой культуры. Их актуальность объясняется тем, что они являются определяющими формирование духовного облика молодежи. Необходимо отметить, что исследование процесса формирования правосознания, и правовой культуры в современных условиях привело нас к выводу о том, что оно в условиях перехода к новым экономическим реалиям носило весьма сложный противоречивый характер и обуславливалось

сложностями переходного периода от моноидеологической системы к плюралистической, от господства государственной собственности к многообразию форм собственности. Это создало массу явлений как позитивного, так и негативного характера. Позитивные явления заключались в следующем: 1) отход от догматизма в анализе явлений духовного облика молодежи; 2) переход к многополярному видению процесса воспитания политической и правовой культуры; 3) приоритет общечеловеческих ценностей. Негативные тенденции заключались в следующем: 1) рост инфантилизма потребительства; 2) размывание ценностных ориентаций.

Воспитание правовой культуры молодежи - процесс сложный, противоречивый. Для успеха воспитания правовой культуры молодежи необходимо объединение, координация усилий всех органов, определяющих этот процесс. Необходимо соблюдать принципы системности, плановости, учета специфики каждой молодежной группы, учета как возрастных, так и психологических особенностей каждой возрастной группы.

Каналы, формирующие индивидуальное правосознание, весьма различны. Они имеют достаточно широкий диапазон. Для формирования высокой правовой культуры необходимо, чтобы ее элементы приобрели качество нормативности, стали нормами поведения молодого человека. В целях повышения эффективности этой работы автор позволил бы себе высказать следующие рекомендации.

1. При Правительстве Российской Федерации создать межведомственный координационный совет по воспитанию правовой культуры молодежи. Аналогичные советы создать при органах исполнительной власти субъектов федерации.

2. Разработать программу воспитания правовой культуры молодежи включив ее составной частью программы по работе с молодежью. При этом особое внимание уделить проблемам духовности, воспитания высокого чувства патриотизма, гражданственности.

3. В программе предусмотреть вопросы формирования правосознания, воспитания правовой культуры всех категорий молодежи.

4. Министерству образования и науки РФ, соответствующим министерствам и ведомствам субъектов федерации разработать программу изучения основ права, Конституции РФ в средних школах, в высших учебных заведениях. Программы должны быть направлены на изучение своеобразия российской правовой системы, создания в России правового демократического общества с учетом опыта развития других стран. При изучении Конституции РФ необходимо обратить особое внимание на государственную символику, воспитывать у

школьников и студентов высокое чувство гражданственности и патриотизма.

5. При изучении курсов, формирующих правовую культуру студенческой молодежи, особое внимание уделять органической связи теоретических положений с практикой осуществления реформ в России, региональному аспекту развития законодательства.

6. Создать в стране систему обучения всех граждан России основам правовых знаний, предусмотрев возможность обучения каждой категории граждан, в том числе и молодежи. Разработать и издать соответствующие программы, учебники, учебно-методические пособия. Регулярно проводить республиканские конкурсы на лучшие учебники и учебные пособия.

7. Средствам массовой информации более детально, глубоко вести пропаганду высокого уровня правовой культуры, положив в основу понимание происходящих изменений в российском законодательстве.

8. Учитывая сложный, противоречивый характер происходящих изменений в России, обращать внимание на изучение совершенствования законодательства, на его обусловленность, объективный характер реформ.

9. Воспитание правовой культуры молодежи должно строиться с учетом ее возрастных особенностей, различных форм и методов как в учебной, так и во внеучебной работе.

10. При воспитании правовой культуры молодежи особенно важно добиваться соединения теоретических положений с реальной практикой применения законодательства. Особое внимание уделять органической связи слова и дела, ибо разрыв между словом и делом, двойной стандарт, двойная мораль нанесут непоправимый вред делу воспитания молодежи. Они воспитывают приспособленчество, карьеризм, дефекты правосознания, правового нигилизма.

11. При выборе методов и форм воспитания правовой культуры молодежи необходимо исходить из понимания особенностей восприятия молодежи, использовать активные формы и методы: проблемные лекции, семинары, мозговые «атаки», «штурмы».

12. Разнообразие форм и методов формирования правосознания, высокой правовой и политической культуры должно базироваться на принципах демократизма, плюрализма в области идеологии, политического плюрализма, общечеловеческих ценностей, использование позитивного опыта предыдущих поколений.

13. Воспитание политической и правовой культуры является составной частью общего процесса воспитания. Для успешного решения этой проблемы требуется всесторонний учет всех факторов, определяющих стратегию реформ.

14. Необходимо в процессе воспитания политической и правовой культуры учитывать изменение ценностных стратегий молодежи в период перехода к демократическому правовому государству.

15. Для успеха процесса воспитания правовой культуры создать систему подготовки кадров для обучения молодежи основам правовых знаний. При этом необходимо включить в эту работу всех ведущих специалистов правоохранительных органов, профессорско-преподавательские коллективы юридических факультетов, преподавателей средних школ, всех специалистов в области права.

16. Считать целесообразным проведение олимпиад, конкурсов на лучшее знание основ права. Использовать опыт ряда университетов страны, юридических вузов накопленный в этом направлении. Ежегодно проводить всероссийские конкурсы студентов, школьников, представителей различных категорий молодежи. При этом активно использовать средства массовой информации для освещения итогов этой работы изменить формы проведения.

17. В республиканских региональных органах печати ввести специальную рубрику, посвященную проблемам правового воспитания, в том числе и молодежи. Регулярно освещать накопленный опыт воспитания правовой культуры на центральном и местном телевидении, вскрывать негативные тенденции.

Долгов Александр Александрович

соискатель кафедры теории и истории государства и права
Кубанского государственного аграрного университета
(тел.: 89184833729)

Должностные правонарушения и ответственность за их совершение в России первой половины XIX в.: причины и меры наказания

В статье рассматривается опыт противодействия должностным преступлениям, имевшийся в первой половине XIX в., который может быть полезен для современной России, где проблема должностных преступлений также остается весьма актуальной.

Ключевые слова: контроль, чиновник, бюрократия, Сенат, взятки, должностное преступление, казна, суд, порок, статистика, законодательство, судебная реформа.

A.A. Dolgov, post-graduate of the chair of theory and history of state and law Kuban State agrarian University; tel.: 89184833729.

Official offenses and responsibility for their commission in Russia of the first half of the XIX century: reasons and punishment measures

In article experience of counteraction to the malfeasances, the XIX century which was available in the first half which can be useful to modern Russia where the problem of malfeasances also remains very actual is considered.

Key words: control, official, bureaucracy, Senate, bribes, malfeasance, treasury, court, defect, statistics, legislation, judicial reform.

К началу XIX в. в России сложилась ситуация, когда, как отмечает Л.Ф. Писарькова, «в атмосфере системы коллективных злоупотреблений, оставаться честным чиновником было практически невозможно» [1]. Отсутствие надлежащего контроля за деятельностью правительственного аппарата порождало беззаконие и беспримерное взяточничество. Пагубные последствия этих явлений для общества и меры, необходимые к «истреблению лихоимства», неоднократно обсуждались в Сенате и в специально созданных комиссиях [2]. Однако эти пороки бюрократии продолжали существовать и более того - прогрессировать. Злоупотребления вытекали из самой жизни и состояния общества, поэтому их нельзя было ликвидировать росчерком пера или очередным указом. Как отмечалось в этой связи в литературе в самом начале века (1803 г.), «правительство искушает честность, оставляя ее в бедности» [3]. Прошло двадцать лет.

Но ситуация практически не изменилась, и член Госсовета Н.С. Мордвинов отмечал: «Доколе правосудие в России не будет достаточно вознаграждено удовлетворением всех необ-

ходимых нужд исполнителей оно, то правда не воссядет на суде, ибо правду водворить не можно там, где скудость обитает! Она несовместима с нищетой» [4]. В правительственных кругах взятки признавались злом, но при низком жалованьи служащих - злом неизбежным и неискоренимым. Как отмечалось в "Записке" созданного в 1827 г. Комитета для соображения законов о лихоимстве, «близкое к нищете положение большей части посвящающих себя гражданской службе часто самого благорасположенного и лучшей нравственности чиновника невольным образом превращает во врага правительству» [5]. Проблема должностных преступлений была предметом обращения декабриста А.А. Бестужева в его письме к Николаю I, где он дал характеристику ситуации, сложившейся в стране к началу 1820-х гг.: «Все элементы были в брожении ...Одни судебные места блаженствовали, ибо только для них Россия была обетованной землей. Лихоимство их взошло до неслыханной степени бесстыдства. Писаря заводили лошадей, понытчики покупали деревни, и только возвышение цены взяток отличало высшие места ...В казне, в судах, в комиссариатах, у губернаторов, у ге-

нерал-губернаторов, везде, где замешался интерес, кто мог, тот грабил, кто не смел, тот крал» [6]. А к середине XIX в. эти пороки поразили все звенья государственного аппарата, стали обычным и повсеместным явлением.

Более того, взяточничество перестало быть обличаемым пороком российского общества. Чиновники полагали неззорным, выражаясь современным сленгом, «пилить бюджет». Так, на протяжении не одного десятилетия неизменной статьёй незаконных доходов чиновников многих губерний служили "соляные операции". Добыча соли всегда была связана с крупным казнокрадством. Например, из Илецкого месторождения (Оренбургская губерния), где вырабатывались сотни тысяч пудов соли и получались сотни тысяч рублей, до середины 1840-х гг. в казну поступало не более половины намечаемых сумм, остальные деньги оседали в карманах чиновников, которые наживали там огромные капиталы [7]. Неизменные доходы приносили транспортировка и хранение соли. В данном случае умение заключалось в том, чтобы потопить барку "с солью", предварительно продав эту соль, или воспользоваться затоплением соляных амбаров во время наводнения и показать «утекшую» (для казны) такую соль, которая была продана или в преддверии наводнения или после. При этом петербургское начальство не особенно карало соляные чины, а порой и награждало их "за особые труды" по спасению «утопленной» соли. Важными источниками незаконных доходов были приношения откупщиков питейных сборов, заведывание казенными крестьянами, а также всякого рода общественные работы, заготовления и подряды. Так, будущий сенатор А.Г. Казначеев, назначенный начальником казенного управления в одну из губерний, по приезде обнаружил, что все начальствующие лица, начиная с писаря, представляли крепко устроенную организацию с целью обирания казны и крестьян [8]. Было обычным делом, когда во все судебные установления от земского суда до Сената проситель не приходил с пустыми руками.

По понятиям того времени добровольные приношения были вполне обычны и отказываться от них значило бы обидеть просителей и выказать пустой педантизм. Тема должностных преступлений, как известно, находила отражение в художественной литературе, и не только в известных произведениях XIX в., но и раньше. Так, в "Ябеде" В.В. Капниста положительный герой Добров разделяет взятки на праведные и неправедные и признается в том, что «если правое чье дело верх берет И правый мне за труд в признательность дает, То признаюсь, беру. Мне совесть не пеняет» [9]. Вымогательством денег с просителей, широко

процветавшим в первой половине XIX в., особенно отличались столоначальники и секретари, происходившие из духовного звания и обучавшиеся в духовных училищах, где взятки были широко распространены среди учащихся. Как отмечал В.И. Глориантов, «они были по взяточничеству гораздо смелее, настойчивее и даже, можно сказать, бессовестнее ... чем чиновники, не обучавшиеся в этих школах; первые с просителями торговались, как на Балчуге, и прямо назначали для себя цену десятками и даже сотнями рублей, а вторые довольствовались тем, что им давали» [10]. Повсеместно ситуация складывалась так, что не дать запрашиваемую сумму – значит, обречь себя на многолетнюю волокиту или проиграть дело, так как решение его полностью зависело от воли чиновника, который мог при желании повернуть все в противоположную сторону.

К середине XIX в. в центральных учреждениях сформировались более тонкие способы «проведения дел». Так, Л.Ф. Писарькова пишет о том, что «в департаменте полиции, по слухам, для получения взяток существовала особая агентура, которая находилась в счетном отделении, как наименее влияющем на дела и, следовательно, наименее могущем возбудить подозрение. Очевидно, что слухи эти были справедливы, так как директор департамента полиции Оржеховский, выйдя в отставку, не скрывал, что разбогател от службы. Встретившись с одним из сенаторов, который на старости лет скромно жил одним жалованьем, он стал дразнить его за бескорыстие: вот Вы не пользуетесь от службы, что же Вы выиграли? Теперь едва существуете. А я "брал", охотно сознаюсь в этом. Зато сам богат и обеспечу детей» [11]. Признавался во взяточничестве и губернский прокурор, автор "Записок" Г.И. Добрынин, служивший в 1810-е гг. в Белоруссии. В отличие от Оржеховского, он брал взятки «не из жадности, а от стыда, что он, губернский стряпчий, живет хуже всякого секретаря» [12]. По собранным при Николае I сведениям о взятках губернаторам, оказалось, что не злоупотребляли служебным положением только двое: киевский И.И. Фундуклей и ковенский А.А. Радищев.

По этому поводу известный исследователь царского чиновничества П.А. Зайончковский приводит слова Николая I: «Что не берет взятки Фундуклей, - это понятно, потому что он очень богат, ну а если не берет их Радищев, значит, он чересчур уж честен» [13]. В атмосфере повсеместных злоупотреблений оставаться честным чиновником было практически невозможно. Представление о положении чиновника, не бравшего взятки, дает письмо товарища председателя Самарской палаты гражданского суда к князю А.М. Урусову. Отка-

завшись от взятки в 500 рублей серебром и добившись возвращения в казну 1500 рублей серебром, списанных уже в безвозвратный расход, председатель суда Селиванов с больной женой и двумя маленькими детьми больше недели сидел на хлебе и воде. Автор письма, указывая на это, отмечает: «Удивительно, что там, где актрисы, актеры, фигляры и шарлатаны находят покровителей, честный дворянин, скажу более, чиновник, может умереть с голоду» [14]. И это все происходило, несмотря на наличие законов, определявших юридическую ответственность за должностные преступления (о них речь пойдет ниже). Бессилие закона наглядно иллюстрирует записанный статистиком и историком А.И. Артемьевым в 1845 г. разговор казанского губернатора с мужиком, продававшим дорогие дрова: «Эх, барин, ведь самому дорого достаются: надо дать полесовщику, чтобы позволил нарубить бревен, надо дать сельскому заседателю, а сюда приедешь - городовому, базарному; да что калякать - везде дай, а то и дрова отнимут и самого в шею» [15]. И это была типичная ситуация.

При этом нельзя сказать, что законодатель оставался совершенно безучастным к проявлениям злоупотреблений со стороны чиновничества. Так, Устав о службе по определению от правительства (составная часть Устава о гражданской службе [16]) определял, что чиновник должен строить свою работу, имея в виду приумножение богатств страны, ее силы и влияния в мире. Служащие призывались исполнять свои обязанности согласно данной присяге «нелицемерно и добросовестно», соблюдать существующие законы, «не позволяя себе ни из вражды, ни из свойства или дружбы, а тем более из корысти или взяток ничего противного долгу присяги, честности и возложенного на них служения». Однако, как мы показали, практика была совершенно иной.

При этом законы Российской империи унавливали два вида ответственности чиновников - административную и судебную. В Уставе о службе по определению от правительства встречается лишь минимальное количество статей об административной ответственности. Постановления власти по этому поводу разбросаны по всему Своду законов Российской империи. Так, в первом томе определяется ответственность министров, во втором томе - ответственность губернаторов и других местных должностных лиц, в пятнадцатом томе дается классификация служебных преступлений и определяются следующие за них наказания, а в шестнадцатом томе говорится о судебной ответственности. Административная ответственность чиновников заключалась в том, что они отвечали за проступки по службе перед своими начальниками.

В законах, если обобщить, перечислялись служебные проступки и преступления: 1) неисполнение указов и других законных по службе требований, 2) превышение и бездействие власти, 3) преступления в отношении казенного имущества, 4) подлоги по службе, 5) неправоудие, 6) мздоимство и лихоимство, 7) нарушение правил о вступлении в должность и об оставлении должности, 8) нарушение порядка при определении на службу и к должностям и при увольнении от них, 9) нарушение служебной дисциплины, 10) медленность, нерадение и несоблюдение установленного порядка в отпращении должности, 11) преступления и проступки чиновников по некоторым особым родам службы (при следствии и суде, по делам межевым, полицейским, нотариальным, финансовым, по подрядам и поставкам и публичной продаже имущества). По каждой из этих групп определялись их виды и условия, при которых они совершались, и сообразно с этим назначались те или иные наказания. Закон регулировал и такой актуальный сегодня вопрос, как участие государственного служащего в коммерческой деятельности. Так, состоявшие в должностях первых трех классов, а также директора департаментов и канцелярий министерств и равных им учреждений, начальники главных управлений, управляющие правительственными кредитными установлениями, губернаторы и градоначальники и еще ряд близких к ним лиц по закону не имели права участвовать в учреждении промышленных и кредитных установлений, служить в них на каких-либо должностях. Если они занимали какие-либо должности в железнодорожных, пароходных, страховых и других товариществах, то они должны были оставить службу и сложить присвоенные им звания [17]. Служащим Государственного контроля воспрещалось принимать участие в коммерческих или иных предприятиях, отчетность которых представлялась на проверку в это учреждение.

Следует заметить, что активная законопроектная деятельность, направленная на выработку мер борьбы с взяточничеством, развернулась в начале правления Николая I [18]. В мае 1826 г. им был учрежден упомянутый выше специальный комитет - «Для соображения законов о лихоимстве и положения предварительного заключения о мерах к истреблению сего преступления». В окончательной записке на имя императора, датируемой мартом 1827 г., члены этого комитета изложили свои соображения относительно причин взяточничества, адекватности существующего законодательства потребностям борьбы с ним и возможных дальнейших мер по искоренению взяточничества [19]. Они, в частности, писали: «Случаи, в коих судья посягает на удовлетво-

рение страсти любостязания, суть следующая: 1) Самое действие суда: суд, как сказано в законах, может быть неправый, несправедливый, лицемерный, пристрастный, лицемерный, разорительный, вымышленный или произвольный, подобострастный, мстительный, сопряженный с пожертвованием казенного имущества, продажный, поощряющий ябеду; 2) Другой случай, отличный от предыдущего, предъявляет судье в форме или обряде судопроизводства возможность удовлетворения любостязанию через проволочку и через умышленное запутывание подверженных его решению дел; 3) Третий случай есть отказ в суде; 4) Четвертый – принуждение к суду». Подобного рода действия, сопряженные с взяточничеством, по мнению членов комитета, могли происходить только по одной единственной причине – недостатках и противоречиях «определяющего и постоянного законодательства ... Там, где законы ясны и положительны, где все случаи, доводящие гражданина до суда исчислены, и на каждый из них постановлен один, а не несколько законов, там правосудие не завися от произвола Судей, говорит только их устами и так сказать выливается из пера их на бумагу назначенную для судебного приговора; там пристрастие, лицемерие и лихоимство, сия зараза политического тела не обретает на оном месте».

Однако действенных законодательных мер выработано не было. Это случилось позже, с принятием Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. [20]. Здесь в ст. 401 предусматривалась ответственность за мздоимство чиновника или иного лица, состоящего на государственной или общественной должности, который по делу или действию, касающемуся обязанностей его по службе, примет, хотя и без всякого в чем-либо нарушения своих обязанностей, подарок, состоящий в деньгах, вещах или в чем бы то ни было ином. В ст. 402 речь шла об ответственности за лихоимство – получение взятки для учинения или допущения чего-либо противного обязанностям службы. Высшей степенью лихоимства признавалось вымогательство взятки. Вымогательство в то время толковалось весьма широко, а именно: как всякая прибыль или иная выгода, приобретенная по делам службы притеснением или же угрозами и вообще страхом притеснения; требование подарков или неуставленной законом платы, или ссуды, или же каких-либо услуг, прибылей или иных выгод по касающемуся до службы или должности виновного в том лица или действию, под каким бы то ни было видом или предлогом; любые неуставленные законом или в излишестве против определенного количества поборы деньгами, вещами или чем-либо иным; незаконные

наряды обывателей на свою или же чью-либо работу.

Законодательство того времени не предусматривало усиления или ослабления уголовной ответственности и наказания в зависимости от размера взятки, каковой признавалась передача вознаграждения как лично, так и через посредничество других лиц. Что касается уголовной ответственности за должностные преступления, здесь хотелось бы выделить еще один момент. В двадцати четырех статьях Уложения о наказаниях уголовных и исправительных при описании большого ряда конкретных составов преступлений законодателем впервые были включены специальные обстоятельства – условия, при которых допускалось существенное смягчение наказания, вплоть до полного от него освобождения. При этом российский законодатель учитывал не только и даже не столько раскаяние, сколько полученную экономию сил и средств государства при повинной и признании. Другими словами, здесь учитывались главным образом объективные факторы. Одновременно с этим государство и общество экономили "заряды" уголовной репрессии. Так, по Уложению о наказаниях уголовных и исправительных при подлоге Указа Правительствующего Сената предписывалось: если лицо добровольно, по собственному побуждению явится к суду или начальству с повинной и тем предупредит всякое вредное последствие, то наказание будет существенно смягчено: вместо 5-6 лет пребывания под стражей и лишения прав будет назначено от 4 до 8 месяцев тюремного заключения; сверх того, участь повинившегося могла быть "подвергнута монаршему милосердию" [21]. Аналогично законодателем решался вопрос об уменьшении вины и наказания при подлоге документов губернского правления, судебной власти или иных учреждений; – при подделке печати, штемпеля; при мздоимстве и лихоимстве, в том числе для взяточников на уровне общественной деятельности.

Тем не менее, несмотря на принятие Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. ситуация коренным образом не изменилась, поскольку должностные правонарушения к тому времени уже укоренились в системе государственной гражданской службы. И только позже, уже с продвижением судебной реформы, когда у поданных Российской империи появилась возможность более эффективного судебного обжалования действий и решений чиновников, положение стало некоторым образом меняться к лучшему. Реформы 60-х гг. в целом, несмотря на свою половинчатость и непоследовательность, дали мощный импульс превращения феодальной России в капиталистическую. Они представили шанс взрастить

свободное общество [22]. Но это уже происходило в исторический период, выходящий за рамки нашей статьи. В то же время можно заметить, что опыт противодействия должностным преступлениям, имевшийся в XIX в., может быть полезен для современной России, где проблема должностных преступлений также остается весьма актуальной.

1. Писарькова Л.Ф. К истории взяток в России (по материалам "секретной канцелярии" кн. Голицыных первой половины XIX в.) // Отечественная история. 2002. N 5. С. 47. См. также: Куракин А.В. Административно-правовые аспекты юридической ответственности в механизме противодействия коррупции в системе государственной службы РФ // Административное и муниципальное право. 2008. N 5. С. 39.

2. РГИА. Ф. 1409. Оп. 2. Д. 4671. Ч. 1. Л. 3 - 40.

3. Малиновский В.Ф. Размышления о преобразовании России, 1803 г. // Голос минувшего. 1915. N 10. С. 250.

4. ОПИ ГИМ. Ф. 281. Оп. 1. Д. 76. Л. 33.

5. РГИА. Ф. 1409. Оп. 2. Д. 4671. Л. 36 об. - 37.

6. Дореформенная бюрократия по запискам, мемуарам и литературе / Сост. Катаев И.М. СПб., 1914. С. 18.

7. Модестов Н. Из Оренбургской старины (исторические очерки) // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Оренбург, 1915. Вып. 32. С. 18.

8. Писарькова Л.Ф. От Петра I до Николая I: политика правительства в области формирования бюрократии // Отечественная история. 1996. N 4. С. 40-44.

9. Русская драматургия XVIII в. М., 1987. С. 328.

10. Глориантов В.И. Воспоминания давно прошедшего времени // Русский архив. 1906. Кн. 1. N 2. С. 216.

11. Писарькова Л.Ф. Российский чиновник на службе в конце XVIII - первой половине XIX в. // Человек. 1995. № 3. С. 47

12. Цит. по: Чечулин Н.Д. Русское провинциальное общество во второй половине XVIII в. СПб., 1889. С. 105.

13. Цит. по: Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978. С. 156.

14. ОПИ ГИМ. Ф. 170. Оп. 1. Д. 73. Л. 39 об.

15. ОР РНБ. Ф. 37. Д. 153. 1845. Л. 5.

16. Устав о гражданской службе // Свод законов Российской империи. Т. 3. СПб., 1832.

17. Архипова Т.Г., Сенин А.С., Румянцев М.Ф. История государственной службы в России XVIII - XX вв. М., 2001. С. 126.

18. Гребенюк Р.А. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика взяточничества: Дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2004. С. 36.

19. Текст записки в сокращении опубликован в кн.: Мордвинцев Б. Достаточны ли существующие доселе законы о лихоимстве к искоренению оногo // Чистые руки. 1999. № 2. С. 91-94.

20. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. // Свод законов Российской империи. Т. 15. СПб., 1857.

21. Торопов А. История законодательства об ответственности за взяточничество в Российской империи // Адвокат. 2008. № 9. С. 74.

22. Рассказов Л.П. Карательные органы в процессе формирования и функционирования административно-командной системы в советском государстве (1917-1941 гг.). Уфа, 1994. С. 42-43.

1. Pisarkova L.F. To history of bribes in Russia (on materials of "confidential office" book of Golitsyn of the first half of the XIX century) // National history. 2002. N 5. P. 47. See also: Kurakin A.V. Administrative and legal aspects of legal responsibility in the mechanism of counteraction of corruption in system of public service of the Russian Federation // Administrative and municipal law. 2008. N 5. P. 39.

2. RGIА. T. 1409 . Op. 2. D. 4671. P. 1. L. 3 - 40 .

3. Malinovsky V.F. Reflections about transformation of Russia, 1803 // Voice of the past. 1915. N 10. P. 250.

4. OPI GIM. T. 281. Op. 1. D. 76. L. 33.

5. RGIА. T. 1409. Op. 2. D. 4671. L. 36 об. - 37.

6. Prereform bureaucracy on notes, memoirs and literature / Comp. Katayev I.M. SPb., 1914. P. 18.

7. Modestov N. From the Orenburg old times (historical sketches) // Works of the Orenburg scientific archival commission. Orenburg, 1915. Is. 32. P. 18.

8. Pisarkova L.F. From Peter I to Nikolay I: policy of the government in the field of bureaucracy formation // National history. 1996. N 4. P. 40-44.

9. Russian dramatic art of the XVIII century. M., 1987. P. 328.

10. Gloriantov V.I. Memoirs long ago past tense // Russian archive. 1906. Book 1. N 2. P. 216.

11. Pisarkova L.F. The Russian official on service at the end of XVIII - the first half of the XIX century // Person. 1995. No 3. P. 47

12. Zit. on: Chechulin N.D. The Russian provincial society in the second half of the XVIII century. SPb., 1889. P. 105.

13. Zit. on: Zayonchkovsky P.A. *Government apparat of autocratic Russia in the XIX century*. M., 1978. P. 156.

14. OPI GIM. T. 170. Op. 1.D. 73. L. 39 ob.

15. OR RNB. T. 37. D. 153. 1845. L. 5.

16. *The charter about civil service // Set of laws of the Russian Empire*. T. 3. SPb., 1832.

17. Arhipova T.G., Senin A.S., Rummyantseva M.F. *History of public service in Russia the XVIII-XX centuries*. M., 2001. P. 126.

18. Grebenyuk R.A. *Criminal and legal and criminological characteristic of bribery: Dis. ... cand. law scien. Stavropol, 2004. P. 36.*

19. *The note text in reduction is published in book: Mordvintsev B. Whether laws existing hitherto on a likhoimstvo to eradication of it // Clean hands are sufficient*. 1999. No 2. P. 91-94.

20. *The code about punishments criminal and corrective 1845 // Code of laws of the Russian Empire*. T. 15.

21. Toropov A. *History of the legislation on responsibility for bribery in the Russian Empire // Lawyer*. 2008. No 9. P. 74.

22. Rasskazov L.P. *War bodies in the course of formation and functioning of command system in the Soviet state (1917-1941)*. Ufa, 1994. P. 42-43.

Кудрякова Дарья Владимировна

аспирант кафедры государственного и международного права
Кубанского государственного аграрного университета
(тел.: 89181308262)

Формирование и организация деятельности избирательных комиссий советского периода 1936-1988 гг.

В статье рассматривается и анализируется влияние советского законодательства на изменение механизма формирования и организации деятельности избирательных комиссий советского периода 1936-1988 гг.

Ключевые слова: избирательные комиссии, выборы, избирательное законодательство.

D.V. Kudryakova, post-graduate of the chair of public and international law of the Kuban State agrarian University; tel.: 89181308262.

Formation and organization of activity of election commissions of the Soviet period of 1936-1988

This article discusses and analyzes the influence of Soviet legislation to change the mechanism of formation and organization of the election commissions in the USSR in the 1936-1988 years.

Key words: electoral commissions, elections, electoral law.

За время после принятия первой Конституции СССР в государстве произошли изменения, имеющие большое значение. В стране сформировалась система власти под руководством одной партии, которая стремилась любым образом подчинить себе управление государством. Официально было провозглашено о построении основ социализма в СССР.

Законодательство о формировании избирательных комиссий и организации их деятельности в 1936-1988 гг. существенно отличается от ранее действовавшего законодательства. Новое советское законодательство качественным образом повлияло на изменение механизма формирования и организации деятельности избирательных комиссий.

Принятая 5 декабря 1936 г. Конституция СССР существенно изменила структуру и порядок формирования органов представительной власти, что определило новый этап в развитии избирательного процесса в Советском государстве. Конституция СССР 1936 г. и принятая 21 января 1937 г. новая Конституция РСФСР регулировали основные начала избирательной системы, однако они не содержали положений об органах, организующих подготовку и проведение выборов.

Одними из важнейших полномочий Центральной избирательной комиссии были наблюдение на всей территории СССР за неуклонным исполнением в ходе выборов

«Положения о выборах в Верховный Совет СССР», а также рассмотрение жалоб на неправильные действия избирательных комиссий. Окружная по выборам в Совет Союза избирательная комиссия наблюдала за своевременной организацией избирательных участков, регистрировала кандидатов в депутаты в Совет Союза. В полномочия участковой избирательной комиссии входили прием избирательных бюллетеней и подсчет голосов по каждому кандидату в депутаты.

Положения о выборах, принимавшиеся президиумами верховных советов СССР и РСФСР в 1945, 1946, 1947, 1950 гг. незначительно отличались от положений 1937–1938 гг.

С 1950 по 1978 гг. новых положений о выборах не принималось, вносились лишь небольшие изменения. Система избирательных комиссий, образованная в конце 30-х гг., просуществовала практически до конца 80-х гг. Ее характерная особенность заключается в том, что для каждых выборов формируется огромное число новых избирательных комиссий. Эти комиссии не имеют ни своего аппарата, ни собственных ресурсов, а их составы не обладают достаточной компетентностью [1]. Согласно справке о числе и составе городских и районных избирательных комиссий по выборам в местные Советы депутатов трудящихся Краснодарского края от 29 октября 1950 г. было образовано шесть городских избирательных комиссий в составе 60 человек, 72 районных

избирательных комиссий составе 548 человек. Всего по выборам в местные Советы депутатов трудящихся было образовано 78 избирательных комиссий в составе 608 человек [2]. Всего по выборам во все звенья местных Советов депутатов трудящихся III созыва Краснодарского края в 1950 г. было образовано 746 избирательных комиссий, в составе которых было занято 4319 членов избирательных комиссий [3].

Принятая в 1977 г. новая Конституция СССР, а также принятая в 1978 г. Конституция РСФСР содержали положения об избирательных комиссиях. «Проведение выборов в Советы обеспечивают избирательные комиссии, которые образуются из представителей общественных организаций, трудовых коллективов и собраний военнослужащих по воинским частям». Эта норма перешла и в законы о выборах народных депутатов. Принципиально эту норму можно трактовать как утверждение о том, что выборы организуют и проводят специальные органы – избирательные комиссии. Таким образом, необходимо отметить важнейший факт того, что впервые в Конституцию СССР, а также и Конституцию РСФСР вошли положения об избирательных комиссиях.

Согласно закону «О выборах в Верховный Совет РСФСР» от 8 августа 1978 г. для проведения выборов в Верховный Совет РСФСР образовывались следующая система избирательных комиссий: Центральная избирательная комиссия по выборам в Верховный Совет РСФСР, окружные избирательные комиссии по выборам в Верховный Совет РСФСР, участковые избирательные комиссии. В законе определен порядок их формирования, количественный состав избирательных комиссий разного уровня. Полномочиям и порядку работы избирательных комиссий посвящен отдельный раздел закона.

Для проведения выборов на местном уровне образовывались следующие избирательные комиссии: в крае, области, автономной области, автономном округе, районе, городе, районе города, поселке и сельсовете соответственно краевая, областная, окружная (автономного округа), районная, городская, районная в городе, поселковая, сельская избирательная комиссия; в избирательном округе – окружная избирательная комиссия; в избирательном участке – участковая избирательная комиссия.

Закон РСФСР «О выборах в местные Советы народных депутатов РСФСР» от 3 августа 1979 г. устанавливал систему избирательных комиссий, похожую на действующую в настоящий момент. Избирательные комиссии краев, областей, установленные законом, – это прообразы будущих комиссий субъектов Федера-

ции, а районные и городские избирательные комиссии – прообразы избирательных комиссий муниципальных образований.

По мнению исследователей, изменения правового регулирования избирательного процесса в период 1936-1988 гг. были направлены на формальную демократизацию советской избирательной системы. В ней появились такие новации, как всеобщий и прямой характер выборов, тайное голосование, обсуждение кандидатов в депутаты и право агитации на собраниях и в СМИ, расширение перечня субъектов, имеющих право выдвигать депутатов. Однако нормативные акты этого периода не предусматривали альтернативность выборов и механизмов обеспечения свободного волеизъявления избирателей [4]. По нашему мнению, это не в полной мере способствовало отражению той политической активности, которую проявляли народные массы.

Оценивая значение КПСС в формировании государственных органов, С.Г. Кузьменко отмечает, что важнейшей особенностью стадий избирательного процесса в 1936-1988 гг. является абсолютное доминирование коммунистической партии. Выдвижение кандидатов в депутаты, делегирование населением представителей в избирательные комиссии на практике осуществлялось только после утверждения соответствующих кандидатур территориальными партийными органами. Реальная практика выборов не соответствовала тем демократическим формам участия населения в избирательном процессе, которые декларировались избирательным законодательством [5].

Следует согласиться с мнением А.А. Веняминовой относительно недостатков избирательной системы, которая считает, что одним из главных недостатков рассматриваемой избирательной системы, по сути сводящему на нет все ее демократические достижения, – являлись безальтернативность и формальность выборов, на которых избиратели не только голосовали за одного кандидата, но и показывали фантастические показатели явки и голосов, поданных "за" (до 99 и более процентов) [6].

Таким образом, система избирательных комиссий претерпевала изменения, связанные с быстро меняющимся законодательством. Произошедшие изменения носили как положительные, так и отрицательные черты. Несомненным достоинством является то, что процесс организации и деятельности избирательных комиссий законодательством был определен достаточно подробно, однако на практике возникали проблемы с непосредственной работой избирательных комиссий во время выборов. Это объяснялось слабым знанием избирательного законодательства и отсутствием

практического опыта членов избирательных комиссий на низовых уровнях. Однако необходимо отметить, что органы государственной власти принимали меры, чтобы члены избирательных комиссий и избиратели были ознакомлены с порядком проведения выборов, обязав вышестоящие избирательные комиссии наблюдать за деятельностью нижестоящих избирательных комиссий.

Вместе с тем, с повышением роли КПСС избирательные комиссии формировались как полностью зависимые от руководства страны органы и ему подотчетные. Это сказывалось как на составе избирательных комиссий, так и на организации их деятельности, что во многом говорит о декларативности избирательного законодательства советского периода.

1. Бузин А.Ю. Правовой статус избирательных комиссий: хронологический обзор российского законодательства // Вестник Центральной избирательной комиссии Российской Федерации. 2003. № 3. С. 110-129.

2. ГАКК. Ф. 583. Оп. 2. Д. 198. Л. 92-93.

3. ГАКК. Ф. 583. Оп. 2. Д. 198. Л. 139.

4. Советское государственное право: Учебник. М.: Юрид. лит. 1983. С. 347-351.

5. Кузьменко С.Г. Избирательная система РСФСР периода развитого социализма (1937-1988 гг.) // Государственная власть и местное самоуправление. 2010. № 3.

6. Веняминава А.А. Избирательный процесс в советском государстве: 1917- начало 1990-х гг. / Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2008.

1. Buzin A.Yu. The legal status of election commissions: a chronological overview of the Russian legislation // Bulletin of the Central Election Commission of the Russian Federation. 2003. № 3. P.110-129.

2. GAKK. F. 583. Op. 2. D. 198. L. 92-93.

3. GAKK. F. 583. Op. 2. D. 198. L. 139.

4. Soviet state law: Tutorial. M.: Leg. lit. 1983. P. 347 -351.

5. Kuzmenko S.G. The electoral system of the RSFSR period of developed socialism (1937 - 1988) // State and local authorities. 2010. № 3.

6. Venyaminova A.A. Electio process in the Soviet Union: 1917 - early 1990 / Author. dis. ... cand. law scien. Krasnodar, 2008.

Маков Михаил Анатольевич

адъюнкт кафедры государственно-правовых дисциплин
Академии управления МВД России
(тел.: 84956670313)

Историческая связь столыпинской и современной реформ полиции

Статья посвящена анализу положений столыпинской и современной реформ полиции, который свидетельствует о схожести проблем, присущих российской полиции в начале XX в. и полиции России начала XXI в., а также о схожести путей их решения.

Ключевые слова: актуальность, историческая связь, полиция, реформа, современность, столыпинская реформа.

M.A. Makov, adjunct of the chair of state and law disciplines of Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia; tel.: 84956670313.

Historical connection between stolypin's and modern police reforms

The article is devoted to the analysis of the Stolypin's and modern police reform statements, which witnesses the similarity of the problems inherent in the Russian police at the beginning of XX and XXI centuries, as well as the similarity of the ways of solving these problems.

Key words: applicability, historical connection, police, reform, contemporaneity, Stolypin's reform.

Промышленный подъем 1893-1900 гг. охватил все отрасли промышленности Российской империи и привел к серьезному изменению социальной структуры общества, вызвав стремительный рост городского населения и индустриальных рабочих. Однако стремительные темпы роста промышленности и развития рыночных отношений вступали в противоречие со многими сохранявшимися феодальными пережитками как в сельском хозяйстве, так и в государственном строе. Все это вызвало социальные противоречия, обострению которых также способствовал мировой экономический кризис 1900-1903 гг., сильно ударивший по России и перешедший в депрессию, тянувшуюся до 1909 г.

Поражение в войне с Японией в 1904-1905 гг. показало, что Россия не способна конкурировать со странами, свободно развивающимися капиталистическим путем.

Назревшие противоречия привели к революционному взрыву 1905-1907 гг. и показали явную нерешенность аграрного и других насущных вопросов тогдашней России.

Страна остро нуждалась в политических и экономических реформах, которые могли бы укрепить и оздоровить экономику.

Лидером этих реформ история сделала Петра Аркадьевича Столыпина.

Значение и масштаб этой яркой, талантливой личности, выдающегося исторического

деятеля выходят далеко за рамки его времени. Способный творить и оперативно реагировать на вызовы современной ему эпохи, предлагая адекватные им решения, он органически сочетал мощный интеллект и сильную волю, масштабный государственный ум и подлинный патриотизм. Столыпин был способен систематизировать уже наработанный предшественниками опыт. При всем своем авторитарном стиле руководства, он оставался открытым к конструктивной критике, к восприятию иного мнения. Единственная тревога, которая волновала его – была тревога за Россию, что часто звучало в его выступлениях и разговорах [1, с. 152].

Столыпинская программа представляла совокупность проектов законодательных и нормативных актов, подготовленных министерствами и ведомствами в начале XX в. Проекты предполагали существенные, а нередко коренные изменения во всех без исключения сферах жизни российского общества. Часть из них вступила в силу, другая часть оставалась нереализованной. Не все из этих проектов были инициированы и подготовлены командой Столыпина – некоторые достались ему «по наследству». Однако именно Столыпин объединил их в цельную систему, в основе которой лежало представление Столыпина о том, какой должна быть Россия, чтобы, сохранив уникальность своей культуры, не проиграть в мировой конкурентной борьбе. Это позволяет

говорить о наличии у Столыпина самостоятельной концепции преобразований.

Анализируя и сопоставляя плюсы и минусы столыпинских преобразований, следует со всей определенностью сказать, что их позитивные итоги многократно превосходят имевшиеся при их реализации издержки. Накопленный Столыпиным и его «командой» опыт по реформированию России в кризисной ситуации представляет собой уникальную лабораторию идей, не утративших свою ценность и по сей день. По сути, Столыпин смог предложить обществу структурированную общенациональную идеологию, основными компонентами которой являлись: законность и правовой порядок, единое и неделимое государство, сильная вертикаль исполнительной ветви власти, частная собственность и свободный труд, патриотизм и внешнеполитический авторитет Великой державы [2, с. 21].

Отдавая дань масштабности и многообразию столыпинских реформ, остановимся на вопросах реформирования полиции.

Проблемы развития и реформирования органов государственного управления в России давно уже являются предметом оживленных дискуссий, острой политической борьбы, и зачастую взаимоисключающих оценок. Особую важность в этом плане приобретает анализ проекта реформы полиции.

Первая русская революция со всей очевидностью обнажила весь спектр противоречий, накопившихся в России на протяжении десятилетий. Революция показала необходимость принципиальной реформы всего государственного механизма, важнейшей частью которого являлась полиция. Увеличение численности полиции, улучшение материального положения ее чинов и некоторые другие меры, осуществленные правительством в ходе революционных событий, не затронули в значительной степени правовых основ ее организации и деятельности. Полицейское дело регулировалось множеством разновременно изданных, не всегда согласованных между собой и во многих случаях устаревших «узаконений» и распоряжений. Полиция по-прежнему противопоставляла себя всему населению, лишаясь тем самым широкой социальной поддержки [3, с. 112-113].

С 1906 г. (момента назначения Столыпина министром внутренних дел и Председателем Совета Министров) в стране почти постоянно работали различные комиссии и подкомиссии,

которые выработали значительное число проектов по переустройству полицейских сил.

Вопросы организации и деятельности полицейских структур, работа и предложения комиссий обсуждались в Государственной думе, в различных министерствах, на страницах периодических изданий, в структурах государственной власти.

Следует отметить, что если в аграрных вопросах Столыпин был профессионалом, то в полицейских вопросах Столыпин не обладал столь серьезными знаниями и не раз говорил генералу П.Г. Курлову, товарищу министра внутренних дел по делам департамента полиции, а также шефу отдельного корпуса жандармов: «я сам не знаток полицейского дела...» [4, с. 99].

Тем не менее, будучи политическим лидером с государственным мышлением, Столыпин, с одобрения императора, выступил инициатором создания особой межведомственной комиссии (далее – Комиссия) для разработки коренной реформы полицейской системы Российской империи. В качестве председателя (с его подачи) был назначен государственный секретарь, сенатор, тайный советник Александр Александрович Макаров, которого Столыпин знал лично еще с момента работы Саратовским губернатором – Макаров с 1901 по 1906 г. был прокурором Саратовской судебной палаты. В мае 1906 г. Столыпин пригласил его к себе товарищем министра (заместителем).

Комиссия активно принялась за работу и в 1911 г. опубликовала «Краткую объяснительную записку к заключению Межведомственной комиссии под председательством сенатора А.А. Макарова по преобразованию полиции в империи», выдержки из которой приведены ниже.

«Комиссия... признает, что печальный опыт последних лет должен служить для нее главным и надежным источником в деле устранения тех многочисленных недостатков полицейского дела и сложившегося уклада полицейского строя, недостатков, наличие которых была не только отмечена научной литературой, но успела со всей очевидностью проявиться в жизни.

Комиссия полагала, поэтому более правильным исходить в своей работе именно из необходимости урвать недуги существующего полицейского строя, устранить условия, препятствующие полиции надлежащим образом выполнять свое назначение, и развить и улучшить те стороны полицейского устройства, от

которых зависит правильная и успешная постановка полицейского дела» [5, с. 6].

Основные недостатки полицейского строя Комиссия сгруппировала в семь пунктов:

1) отсутствие должного единства в полицейском устройстве; сложность его; разнообразие отдельных видов полиции и проистекающее от сего многоначалие;

2) отсутствие должной планомерности в распределении между служащими возлагаемых на них полицейских обязанностей;

3) отсутствие служебного ценза и надлежащей устойчивости в служебном положении чинов полиции;

4) малочисленность состава чинов полиции и несоответствие его с количеством и плотностью населения;

5) материальная необеспеченность чинов полиции;

6) обремененность чинов полиции как прямыми обязанностями, так и обязанностями, не соответствующими назначению полиции, и

7) отсутствие общего полицейского устава, объединяющего сложные и многообразные обязанности чинов полиции [там же].

Главными предложениями по итогам работы комиссии были:

упразднение губернских жандармских управлений;

создание особой канцелярии при губернаторе, на которую возлагались все дела по полицейской части;

введение новой должности помощника губернатора по полицейской части, который должен заведовать особой канцелярией;

переименование уездных исправников в уездных начальников (предполагалось упразднить уездные и городские полицейские управления и заменить их канцеляриями при уездных начальниках и полицмейстерах);

учреждение новых должностей старших офицеров полицейской стражи, вместо инспекторов, и новых должностей помощников становых приставов;

переименование околоточных надзирателей в полицейских надзирателей с повышением класса должности (волостные старшины, сельские старосты и десятские только формально включались в состав полиции, тем самым сохранялась давно уже изжившая себя полицейская повинность);

установление особых норм соотношения между численностью населения и полицией

для определения численного состава полиции в каждом городе или уезде;

установление образовательного ценза для лиц, желающих занять полицейские должности;

учреждение особых курсов и полицейских школ для подготовки полицейских чинов;

значительное увеличение содержания чинов полиции (оплата планировалась в зависимости от разряда местности, в которой проходит служба (столичная полиция находилась вне разряда);

освобождение полиции от несвойственных ей обязанностей и передача их в другие учреждения.

Окончательный проект преобразования полиции был рассмотрен Советом Министров 12 июля 1911 г. и 31 января 1912 г. На рассмотрение были представлены три документа: проект «Учреждения полиции», проект «Устава полицейского» и «Заключение».

В первом документе излагалась организация реформированной полиции, определялись ее виды; нормы личного состава полицейских чинов, их оклады; источники финансирования.

Проект преобразования полиции был значительно дополнен по сравнению с обсуждавшимся в декабре 1908 г., а также существенно детализирован.

Второй документ «Устав полицейского» представлял собой свод узаконений, определяющий служебные права и обязанности чинов полиции. Этим Уставом предполагалось заменить действующий, но явно устаревший «Устав о предупреждении и пресечении преступлений». В числе нововведений особого внимания заслуживал институт «карательных постановлений» и «правила о полицейском надзоре». Сущность института карательных постановлений заключалась в том, что классным полицейским чинам, не ниже станового пристава и соответствующему ему чиновнику городской полиции, предоставлялось право по маловажным проступкам, при очевидности совершения определенными лицами, предлагать виновным уплатить штраф и тем искупить свою вину, в случае отказа – привлечь их к судебной ответственности на общих основаниях. Что касается правил о полицейском надзоре, то целью их становилась борьба с тунеядством, нищенством и «ограждение» населения от преступных посягательств со стороны таких лиц, которые «отвыкнув от труда и живя попрошайничеством, часто впадают в преступление

лишь бы иметь возможность предаваться праздности».

Определенный интерес представлял третий документ «Заключение», которым определялся порядок осуществления реформы полиции – пока в 50 губерниях. Там же предусматривались необходимые изменения и дополнения к действующим законоположениям, перечислялись обязанности, снимаемые с полиции и передаваемые в другие ведомства и организации.

В представленных материалах было собрано все законодательство, регулирующее служебную деятельность полиции и ее отношение к населению.

В результате обсуждения материалов в Совете Министров 12 июля 1911 г. было создано Особое совещание из представителей министерства внутренних дел, министерства финансов, Государственного контроля под председательством государственного контролера Н.А. Харитонова для обсуждения и выработки законопроекта с установлением окладов полицейским чинам, т.к. Совет Министров справедливо полагал, что надлежащее вознаграждение полицейских служащих является первым условием правильной полицейской организации.

После рассмотрения в Совете Министров 31 января 1912 г. одобренные законопроекты были направлены в Государственную думу.

В сессию 1913-1914 гг. комиссия Государственной думы успела рассмотреть только проект «Учреждения полиции», перечень обязанностей, снимаемых с полиции, и несколько статей «Устава полицейского». Затем работа была прервана начавшейся войной.

Работа Комиссии затянулась на целое десятилетие. За период ее активной деятельности, начиная с 1908 по 1916 гг. была принята масса временных «узаконений» по усилению полиции в различных местностях России, которые приходилось периодически продлевать до окончания работы комиссии и проведения реформы.

По сведениям, за 1916 г. проект о преобразовании полиции находился еще на рассмотрении в Государственной думе. Однако усилившееся революционное движение побудило министерство внутренних дел срочно провести в жизнь лишь те предложения комиссии, которые могли усилить надежность полиции.

Решающим моментом для принятия решения об усилении полиции и увеличении размера ее денежного содержания была забастовка полицейских в Москве. В связи, с чем срочно

была проведена частичная реформа, касающаяся исключительно вопросов личного полицейского состава. Причем преобразование проводилось в упрощенном и ускоренном порядке.

Попыткой реформирования российской полиции можно признать законопроект, внесенный министерством внутренних дел в Совет Министров 26 сентября 1916 г. В нем говорилось о безотлагательном усилении полиции и увеличении присваиваемого ей денежного содержания. 30 октября 1916 г. Николай II утвердил положение «Об усилении полиции в 50-ти губерниях Империи и об улучшении служебного и материального положения полицейских чинов». По сути этот акт явился результатом тех многочисленных споров и дискуссий по проблемам реформирования полиции, которые волновали российское общество и находились в центре внимания Комиссии. Фактически это положение явилось единственным практическим результатом десятилетней работы над проектом полицейской реформы. Однако этот правовой акт не затрагивал фундаментальных вопросов изменения организации, структуры и деятельности российской полиции, а лишь повышал численность полицейских чинов, оклады их денежного содержания и образовательный ценз.

Таким образом, попытки адаптировать полицейские структуры российской империи к новым социально-экономическим условиям и приспособить их к более успешной борьбе с революционным движением практически ничем не окончились. Задача оказалась очень сложной и неразрешимой. Одни боялись усиления власти губернаторов, другие – ослабления жандармерии. Общие причины, связанные с провалом политики Столыпина, сказались и на провале реформы российской полиции [3, с. 162-167].

А теперь вернемся к обсуждаемым и предложенным Комиссией преобразованиям российской полицейской системы с тем, чтобы сравнить их с положениями современной реформы органов внутренних дел.

1. Кардинальное изменение образа.

Член Комиссии действительный статский советник В.Э. Фиш подготовил свой персональный проект реформирования полиции империи – «Проект учреждения государственной стражи в России». По мнению автора, существовавшую в России полицию необходимо изменить полностью: «чем меньше новая организация будет походить на старую, тем с

большим сочувствием это будет встречено всем населением» [там же, с. 115].

Предложение Президента Российской Федерации о переименовании милиции в полицию явилось прямым откликом на более чем столетней давности инициативу Фиша.

2. Содержание полиции.

Одним из важнейших вопросов, имевших не только теоретическое, но и практическое значение для реорганизации полицейского дела в Российской империи, был вопрос о целесообразности введения в государстве муниципальной полиции. Он стал достаточно подробно обсуждаться уже в ходе первых заседаний Комиссии. В итоге: «По глубокому убеждению Комиссии, на всем пространстве Российской Империи обеспечение спокойствия и деятельное, непреклонное преследование лиц, учинивших преступные деяния, должны быть главной задачей органов полиции государственной... Вводить в Империи новый, заимствованный с Запада, институт муниципальной полиции не представляется достаточных оснований» [5, с. 13].

Федеральный закон от 18 апреля 1991 г. № 1026-1 «О милиции» определял частичное финансирование милиции общественной безопасности за счет средств бюджетов субъектов Российской Федерации и местных бюджетов, что влекло зависимость милиции от органов местной власти, превращая ее, по сути, в муниципальную.

В ходе реформы данное положение было отменено и Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» установил, что финансовое обеспечение деятельности полиции является расходным обязательством Российской Федерации и обеспечивается за счет средств федерального бюджета (п. 1 ст. 47) [6].

3. Увеличение денежного содержания сотрудников полиции.

Комиссия единодушно считала, что существенное увеличение окладов служащим полиции и жандармерии является важнейшей задачей реформ: «Безотрадная неустойчивость полицейской службы делает вступление в нее риском, едва ли приемлемым для человека, ценящего уверенность в завтрашнем дне. Опыт показывает, что подобное положение является общим и постоянным поводом к уклонению от вступления в ряды полиции лиц, чувствующих призвание к этого рода деятельности и могущих значительно повысить ее уровень... Если государство вправе требовать,

а общество – ожидать от полиции непрерывного и бескорыстного несения труда, при наличии указанных выше тяжелых условий, то оплата этого труда соответственно его исключительным особенностям является делом не только справедливости, но и государственной мудрости... Если действующие ныне штаты лишают полицию возможности даже безбедного существования и создают чуть ли не освященное обычаем право ее на получение праздничных и иных видов даяний и поборов, то незначительные прибавки к окладам чинов полиции не выведут их из круга борьбы за существование путем незаконных приемов, при оценке коих имеет значение не размер полученного, а самый факт необходимости стать на путь мздоимства. Только такое содержание, которое позволит полиции на всех ее ступенях существовать безбедно и не будет направлять помыслов и действий служащих в сторону тайного заработка куска хлеба, – только он поставит чинов полиции на правильный путь нестяжания и даст начальству нравственное основание применять беспощадно преследование за всякое лихоимство» [5, с. 45, 55-56].

Современная реформа была направлена на увеличение денежного довольствия и повышение уровня социальной защищенности сотрудников и пенсионеров, установление государственных гарантий для членов семей погибших при исполнении служебного долга сотрудников органов внутренних дел было повышено столь существенным образом – в зависимости от региона, должности и выслуги лет оно увеличилось в пределах от 1,7 до 2,1 раза.

4. Образовательный ценз.

Для лиц, желающих занять полицейские должности, Комиссия предложила установить образовательный ценз. Это было связано в основном с общей низкой грамотностью чинов полиции, особенно нижнего звена.

В ходе современной реформы вопросам повышения грамотности и образовательного ценза также было уделено самое пристальное внимание.

Так, впервые Федеральным законом от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» были определены квалификационные требования к должностям в органах внутренних дел.

Квалификационные требования к должностям в органах внутренних дел предусматривают наличие для должностей рядового состава и младшего начальствующего состава среднего (полного) общего образования, для должностей среднего начальствующего состава – образования не ниже среднего профессионального, соответствующего направлению деятельности, для должностей старшего и высшего начальствующего состава – высшего профессионального образования, соответствующего направлению деятельности (п. 2 ст. 9).

В число квалификационных требований к должностям среднего, старшего и высшего начальствующего состава, выполнение обязанностей по которым предусматривает расследование или организацию расследования уголовных дел, административное расследование, рассмотрение дел об административных правонарушениях либо проведение антикоррупционных и правовых экспертиз, входит наличие высшего профессионального юридического образования (п. 3 ст. 9).

Кроме того, п. 4 ст. 9 определено, что устанавливаются квалификационные требования к стажу службы в органах внутренних дел или стажу (опыту) работы по специальности, профессиональным знаниям и навыкам сотрудника органов внутренних дел, необходимым для выполнения служебных обязанностей [7].

5. Специализация.

С образовательным цензом тесно связан и вопрос специализации в полицейской службе.

Комиссия полагала, что «многообразие и сложность полицейской службы требуют сами по себе распределения служебной работы, соответственно указанным родовым их особенностям. Если при малочисленности состава полицейских чинов приходится мириться с неизбежным выполнением разнородных по значению, духу и по способу деятельности обязанностей одними и теми же лицами, то в больших центрах, при значительном составе служащих, польза дела, без сомнения, требует, чтобы только лица, пригодные к успешному несению тяжелой и требующей особой выносливости наружной службы, привлекались к этой последней и, наоборот, чтобы лица, более склонные и способные к административно-надзирающей деятельности, требующей большего знания законов, наблюдательности, тактичности и умения обращаться с представителями разных классов общества, – призы-

вались постоянно именно к исполнению такого рода полицейской службы.

Придавая особое значение возможно широкой и последовательной специализации в области полицейской службы, комиссия проектировала... разделение обязанностей чинов полиции по родовым признакам службы: наружной, административной, уголовной и розыскной, подведя под каждую из них те виды деятельности, которыми они отличаются друг от друга. При этом комиссия имела в виду предоставить самой жизненной практике выработать подробности специальных родов полицейской службы, полагая, что разнообразие местных условий полицейской деятельности и разнородность состава лиц, образующих полицейские кадры, делают совершенно невыполнимою задачу предусмотреть в законе порядок и условия исполнения теми или иными чинами упомянутых выше разнородных обязанностей» [5, с. 39-40].

Современная реформа продолжила углубление специализации сотрудников органов внутренних дел; появились новые подразделения: по исполнению административного законодательства и по организации его применения; по взаимодействию с органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления.

6. Права личности.

Комиссия после разностороннего обсуждения в печати проблемы закрепления в действовавшем законодательстве, регламентировавшем деятельность полиции, демократических прав и свобод, зафиксированных в Манифесте 17 октября, разработала и предложила проект закона «О неприкосновенности личности», который устанавливал, что всякое лицо, подозреваемое в преступном деянии, могло быть лишено свободы только на основании письменного постановления судебных органов. Причем полиции вменялось в обязанность, в случае отсутствия письменного требования судебных властей, препровождать арестованных в течение 24 часов к ближайшему судебному следователю, участковому мировому судье, или уездному члену окружного суда, даже если им и не было подсудно вмененное в вину преступное деяние [3, с. 160].

Важным направлением современной реформы стала гуманизация форм и методов работы полиции, переход взаимоотношений органа правопорядка и общества к партнерской модели, направленной на обеспечение эффективной защиты прав и свобод граждан.

Началась работа по созданию и внедрению эффективной системы контроля за деятельностью полиции со стороны гражданского общества.

Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» уделил больше внимания обеспечению прав личности; в нем появились такие статьи, как «Соблюдение и уважение прав и свобод человека и гражданина», «Законность», «Беспристрастность», «Открытость и публичность», «Общественное доверие и поддержка граждан», «Взаимодействие и сотрудничество».

7. Избавление от несвойственных функций.

Комиссия пришла к выводу, что «исторически сложившиеся условия развития полицейского дела сделали правильное его выполнение совершенно невозможным. Помимо мероприятий, направленных к предупреждению, обнаружению, устранению и преследованию деяний, признаваемых преступными или недопустимыми, на полицию постепенно стали возлагаться множество самых разнообразных обязанностей в области гражданского управления, уголовного и гражданского суда, государственного и общественного хозяйства, а иногда даже специально-технического характера. Обязанности эти предусмотрены почти во всех частях Свода Законов и столь многочисленны, что дать им исчерпывающий перечень оказалось делом невозможным, а предполагать в ком-либо достаточное знакомство со всеми этими обязанностями – маловероятно. Тем не менее, не подлежит сомнению, что надлежащему выполнению полицией ее прямых и непосредственных обязанностей препятствуют именно те чуждые ей служебные действия, которые должны были бы выполняться другими, специально для сего призванными, органами как государственной власти, так равно общественных и сословных учреждений, по принадлежности» [5, с. 78].

Современная реформа была направлена в частности и на освобождение органов внутренних дел от несвойственных функций, избавление от излишних управленческих звеньев и повышение роли оперативных служб. Основная задача – свести к минимуму отрыв от основной функции (правоохраны). Перечень функций, от которых избавляется МВД, достаточно широк: медвытрезвители, организация выдворения и депортации лиц, которые находились незаконно на территории России, конвоирование и охрана арестантов, розыск укло-

нистов от прохождения службы в армии, поиск должников по алиментам, проведение техосмотров, контроль кассовых аппаратов, ведение реестра дисквалификаций.

Таким образом, проанализировав основные положения столыпинской и современной реформы полиции, можно прийти к выводу, что в основной своей массе проблемы, присущие российской полиции в начале XX в., актуальны и для полиции России начала XXI в., а пути их решения зачастую одни и те же.

Внимание к историческому опыту, использование положений, наработанных предыдущими поколениями, позволяет осуществлять реформы наиболее оптимально в интересах общества.

Изменения, происходящие в обществе, требуют постоянного внимания со стороны государства и его институтов к проблемам совершенствования органов внутренних дел. При этом важнейшими основами являются.

1. Глубокое правовое обеспечение организации и деятельности органов внутренних дел.
2. Приоритетное финансирование и должное материальное обеспечение сотрудников.
3. Высокий уровень организации качественного отбора кандидатов на службу и создание должной системы, обеспечивающей профессиональную подготовку.

1. Ахтиямов В.В. *Психоисторические аспекты жизни и деятельности С.Ю. Витте и П.А. Столыпина: Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Омск, 2005.*

2. Столыпин П.А.: *Программа реформ. Документы и материалы. В 2-х т. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2002.*

3. Фомичев А.Ю. *Проекты реформы российской полиции в конце XIX – начале XX в.: Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. М., 2001.*

4. Курлов П.Г. *Гибель императорской России. М.: Изд-во «Захаров», 2002.*

5. *Краткая объяснительная записка к заключению Межведомственной комиссии под председательством сенатора А.А. Макарова по преобразованию полиции в империи. СПб.: Государственная типография, 1911.*

6. *Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции». «Собрание законодательства РФ». 14.02.2011. № 7. Ст. 900.*

7. *Федеральный закон от 30.11.2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изме-*

нений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». «Собрание законодательства РФ». 05.12.2011. № 49 (ч. 1). Ст. 7020.

---

1. Achtiyamov V.V. *Psychohistorical aspects of life and activity of S.Ju. Witte and P.A. Stolypin: Dis. ... cand. hist. scien.: 07.00.02. Omsk, 2005.*

2. Stolypin P.A.: *Program of reforms. Documents and materials. In 2 vol. M.: «Russian political encyclopedia» (ROSSPEN). 2002.*

3. Fomichev A.Ju. *Projects of reform of the Russian police in the end XIX – beginning of the XX: Dis. ... cand. law scien.: 12.00.01. M., 2001.*

4. Kurlov P.G. *The death of the Imperial Russia. M.: «Zakharov», 2002.*

5. *A brief explanatory note to the conclusion of the Interdepartmental Commission under the chairmanship of Senator A.A. Makarov on the transformation of the police in the Empire. SPb.: State Printing House. 1911.*

6. *Federal law dated 07.02.2011 № 3-FZ «About police» // «Code of Legislation of Russian Federation». 14.02.2011. № 7. Art. 900.*

7. *Federal law dated 30.11.2011 № 342-FZ «Service in the internal affairs bodies of the Russian Federation and introduction of amendments to certain legislative acts of the Russian Federation» // «Code of Legislation of Russian Federation». 05.12.2011. № 49 (part 1). Art. 7020..*

Марченко Станислав Андреевич

соискатель кафедры теории и истории государства и права
Кубанского государственного аграрного университета
(тел.: 89184833729)

Формирование частей особого назначения Кубано-Черноморской области на первоначальном этапе

В статье рассматриваются вопросы формирования вооруженных коммунистических отрядов – частей особого назначения в период 1920–1921 гг. по защите советской власти в Кубано-Черноморской области.

Ключевые слова: бело-зеленые отряды, врангелевские десанты, комсомольцы, коммунисты, Красная Армия, отряды особого назначения, ЦК РКП(б), части особого назначения.

S.A. Marchenko, post-graduate of the chair of theory and history of state and law Kuban State agrarian University; tel.: 89184833729.

Formation of parts of the Kuban-Chernomorsky area of special function at an initial stage

In article questions of formation of the armed communistic groups – parts of special function during 1920-1921 on protection of the Soviet power in Kuban-Chernomorsky area are considered.

Key words: white and green groups, vranglevsky landings, Komsomol members, communists, Red Army, special groups, CC RKP Central(b), parts of special function.

Последние отголоски Гражданской войны прозвучали на Кубани во второй половине августа 1920 г.: высадившиеся под общим командованием врангелевского генерала С.Г. Улагая десанты развернули боевые действия в районе ст. Приморско-Ахтарской, на Таманском полуострове и под Новороссийском. На соединение с врангелевскими десантами из Майкопского, Лабинского и Баталпашинского отделов двинулась «Армия возрождения России» под командованием генерала П.П. Фостикова. Однако в ходе боев 24–30 августа войска 9-й Кубанской армии М.К. Левандовского, усиленные резервами, нанесли поражение десанту, который был вынужден эвакуироваться в Крым. Одновременно были разбиты отряды П.П. Фостикова. Боевые действия на Кубани и Черноморье были завершены. Гражданская война вступила в свою завершающую фазу, когда против советской власти стали сражаться разрозненные «бело-зеленые» отряды. В ноябре – декабре 1920 г. советская власть была установлена на всей территории Кубани и Черноморья [1].

В период августовских боев ЦК РКП(б) направил директивы ряду партийных органов, в том числе и Кавказскому бюро ЦК партии, о мерах помощи в борьбе с врангелевцами. Руководствуясь указанными директивами, Кавказское бюро распространило циркулярное письмо Кубано-Черноморскому, Донскому, Терскому, Дагестанскому областным и Ставро-

польскому губернскому комитетам партии «об усилении политической работы среди населения по разоблачению врангелевской авантюры, созданию добровольческих вооруженных отрядов из коммунистов, широкой массы рабочих и казачье-крестьянского актива для борьбы с Врангелем и бело-зелеными бандами» [2]. Как позднее отмечал штаб Частей особого назначения (ЧОН) Кубано-Черноморской области (КЧО), «момент высадки Улагая – был моментом стихийной организации частей особого назначения» [3] (в скобках заметим, что в рассматриваемое время на территории РСФСР действовали так называемые «Отряды особого назначения» (ООН), которые приказом командующего ООН РСФСР № 4 от 14 августа 1921 г. были переименованы в «Части особого назначения» [4]).

Следует сказать, что Отряды особого назначения (ООН) начали создаваться в соответствии с циркулярным письмом ЦК РКП(б) от 17 апреля 1919 г. местным партийным организациям для защиты советской власти. В соответствии с приказом РВС Республики № 1010/183 от 20 июня 1919 г. была объявлена утвержденная ЦК РКП(б) 14 мая 1919 г. «Инструкция по формированию отрядов в столичных и губернских городах, крупных фабрично-заводских районах в виде батальонов, рот, отделений, взводов из коммунистов, сочувствующих, комсомольцев, рабочих». ООН использовались для охраны важнейших полити-

ческих, экономических и военных объектов, поддержания революционного порядка, подавления выступлений контрреволюции, в прифронтовой зоне – в боевых действиях, совместно с частями Красной Армии. К сентябрю 1919 г. ООН были созданы в 33 губерниях РСФСР, а также на Украине и в Белоруссии. В ноябре 1919 г. формирование и управление ООН было передано органам Всевобуча по указанию ЦК РКП(б), а политическое руководство оставлено за партийными комитетами [5]. Следует отметить, что части особого назначения часто применялись при борьбе с восставшими крестьянами [6].

Отряды особого назначения стали создаваться на Кубани в период окончания Гражданской войны и установления советской власти как добровольные вооруженные формирования для оказания помощи регулярным частям Красной Армии. Так, член РВС 9-й Кубанской армии М.С. Эпштейн констатировал, что «ничего так не поднимало дух красноармейцев, как боевая работа локоть об локоть с отрядами особого назначения и один только вид готовящихся к походу бойцов отрядов особого назначения поднимал дух и решимость проходящих через Краснодар красных частей» [7]. Как вспоминал один из первых кубанских коммунаров И.Е. Зайчук, «чтобы успешнее отразить вражеское нашествие, в городах и станицах Кубани под руководством партийных организаций создавались части особого назначения. Только в одном Екатеринодаре под боевые знамена чоновцев встали шесть тысяч коммунистов, комсомольцев и беспартийных. Эти отряды несли охрану важных объектов города» [8]. По словам комсомолки А. Солодченко, «все комсомольцы вступили вместе со своими старшими товарищами – членами партии – в Екатеринодарский коммунистический полк. Райком комсомола закрыли на замок. Я накануне прошла 96-часовую военную подготовку во всеобуче, умела владеть винтовкой, гранатой, неплохо знала строевую службу. ...В составе коммунистического полка образовали комсомольский батальон, которому поручили охрану города. Находились мы на казарменном положении. Караульную службу несли и в центре города, и на окраинах, и далеко за его пределами...» [9].

Впоследствии, анализируя первый период деятельности ЧОН, штаб ЧОН КЧО отмечал: «В момент высадки десанта не было ни одной более или менее крупной партийной организации, которая не стояла бы под ружьем. Некоторые отряды особого назначения героически дрались с белогвардейцами: 1) Приморско-Ахтарский отряд особого назначения двое суток не давал продвигаться вперед высадившемуся десанту белых, которые получили воз-

можность продвигаться вглубь Кубани лишь после того, как отряд был почти целиком уничтожен; 2) Новороссийский отряд особого назначения совместно с частями Красной Армии сбросил высадившихся белых в море; 3) Краснодарский отряд особого назначения принимал активное участие в боях под Тимашевской и т.д.» [10].

В резолюции X съезда РКП(б), прошедшего 8-16 марта 1921 г., об очередных задачах военного строительства было признано необходимым считать ООН основой милиционных частей, придать им правильную штатную организацию и повысить боевую выучку [11]. Вслед за этим, приказом главного начальника Всевобуча РСФСР Н.И. Подвойского № 92/4 от 25 марта 1921 г. было объявлено «Положение об Отрядах Особого Назначения РСФСР», утвержденное Оргбюро ЦК РКП(б) 24 марта. В соответствии с Положением, личный состав ООН подразделялся на кадровый и милиционный (переменный). Высшим политическим руководителем отрядов в РСФСР являлся Совет в составе члена ЦК РКП(б), начальника ООН, представителей ВЧК и РВС Республики. Местные Советы создавались в губерниях и уездах. Формирование ООН проводилось по территориальному принципу из коммунистов, объединенных совместной работой на заводе, фабрике или в учреждении. ООН получали организацию регулярных частей, согласно штатам и положениям РККА. В Положении особо подчеркивалось, что «Совет, не вмешиваясь в технические распоряжения комсостава ООН, следит за состоянием ООН, поднятием боеспособности и недопущением уклонения от службы в ООН» [12]. Согласно приказу начальника Всевобуча № 93 от 27 марта того же года, при управлении Всевобуча был сформирован штаб ООН [5].

В начале марта 1921 г. Кубано-Черноморский областной комитет партии поставил перед командующим ЧОН области Б.Д. Бобровым (ранее занимал должность «Командарм IX», т.е. командующего 9-й армии) задачу в недельный срок сформировать Краснодарский коммунистический полк особого назначения и уже 15 марта во вновь образованном подразделении были проведены ночные учения, а на параде 1 мая полк был представлен в составе четырех батальонов, пулеметной команды и конных разведчиков [3]. В то же время были вновь созданы ООН в Армавире, Майкопе, Тихорецкой, Кропоткине, Ейске и Новороссийске [13].

С мая 1921 г. начинается планомерная и систематизированная работа по организации системы вооруженных партийных ООН в регионе: «область была дислоцирована по числу отделов на батальоны, батальоны – на район-

ные роты, райроты – на райвзводы». В связи с отсутствием кадрового состава, командирами рот и взводов назначались коммунисты из числа руководителей военных отделов станиц по совместительству. Во все отряды поступило оружие и боеприпасы, стало возможным переформировать ООН в Краснодарский и Майкопский полки, Армавирский, Славянский, Кавказский и Новороссийский батальоны особого назначения. А вот, как резюмировалось в одном из отчетных документов штаба ЧОН КЧО, «в отделах Туапсинском, Ейском, Тимашевском – формирование отрядов особого назначения туго прививалось, благодаря малой инициативе Отпарткомов» [там же]. Вместе с тем, остро ощущалось недостаточное количество квалифицированного состава для «вновь формируемых отрядов особого назначения Кубано-Черноморской области» [14].

В сентябре 1921 г. был сформирован штаб ЧОН Северо-Кавказского военного округа (СКВО), который на совещании начальников ЧОН утвердил штаты полка, батальона и роты, и с октября в округе начали формироваться территориальные ЧОН по типу регулярных частей, руководствующихся в повседневной деятельности уставам РККА. Комсостав ЧОН формировался не только военными специалистами, но и опытными политработниками [15]. Одним из первых нормативных документов в округе явилась «Инструкция по учету коммунистов, кандидатов и членов РКСМ, зачисленных и подлежащих зачислению в Части особого назначения», утвержденная 16 сентября 1921 г. начальником ЧОН СКВО и командующим СКВО К.Е. Ворошиловым. Инструкция регламентировала следующие вопросы:

«при каких условиях должен протекать учет»;

«кто должен состоять на учете»;

«кто и какую составляют очередь призыва»;

«порядок принятия на учет»;

«порядок создания медицинской комиссии»;

«ведение учета»;

«порядок снятия с учета» [16].

Рассматриваемая Инструкция основывалась на ведомственном документе под грифом «Сов. секретно», разработанном «Комчон-респ» (командующим ЧОН РСФСР) А.К. Александровым и озаглавленном «Обязанности коммуниста по учету в ЧОН», утвержденном секретарем ЦК РКП(б) В.В. Куйбышевым. Документ определял, что «каждый член и кандидат РКП(б) до 55 лет и члены РКСМ от 17 лет обязаны состоять в ЧОН в одной из трех очередей призыва». Помимо этого, они были обязаны «определить и твердо знать свое отношение к ЧОН (очередь призыва, разряд военной подготовки и часть, в которую зачислены)». В этой связи очередь призыва обуславлива-

лась: «а) состоянием здоровья; б) родом занятий; в) возрастом и полом». Что касается разряда военной подготовки, то он устанавливался «Особой испытательной комиссией» [17].

Анализируя деятельность ООН на первоначальном этапе, командир Краснодарского коммунистического полка особого назначения Ф.Ф. Устинов отмечал: «Существующие до июля 1921 года отряды особого назначения не имели той определенной систематической работы, которая протекает сейчас в ЧОН. Не было определенного плана в работе, отсутствовал в достаточном количестве кадровый состав, редко, а иногда и вовсе не было в отрядах тех руководящих приказов, которые говорили бы и указывали на значение, укрепление и организацию отрядов особого назначения и направляли бы работу в таковых. Все указанные выше дефекты и являлись главным недостатком в создании мощных рядов ЧОН. Организация, учет коммунаров, оружия, обучение и борьба с бандитизмом не была поставлена в должной мере и не имело того принципа, по которому в настоящее время созданы части особого назначения». Далее он указывал, что все недостатки в деятельности ООН были приняты во внимание и, начиная «со 2-го полугодия 1921 года указанные отряды стали сводиться в более крупные соединения с задачей к таковым кадрового состава. Существующие в Кубанской области ООН были сведены в определенную форму по своему строению, как-то: батальоны, роты и взводы. После указанной реорганизации отрядов особого назначения в части особого назначения, был введен кадровый состав, с введением которого работа в ЧОН стала протекать систематично, введен новый учет как коммунаров, так и оружия, обучение коммунаров военному делу стало протекать по определенному плану...» [18].

Таким образом, формирование ЧОН в Кубано-Черноморской области берет свое начало с момента противостояния десантам генерала С.Г. Улагая в августе 1920 г., когда коммунисты и комсомольцы региона пополняли ряды вновь образованных Отрядов особого назначения. После окончательного установления советской власти на Кубани произошла структурная модернизация отрядов по образцу регулярных частей РККА, однако нехватка военных специалистов в лице кадровых военных давала о себе знать, в связи с чем этой проблеме было уделено особое внимание.

1. *Очерки истории Кубани с древнейших времен по 1920 г.* / Под общ. ред. В.Н. Ратушняка. Краснодар, 1996. С. 534.

2. *Очерки истории Краснодарской организации КПСС / Под ред. А.С. Коновалова. Краснодар, 1976. С. 227.*

3. *Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). – Ф. Р-147. – Оп. 1. – Д. 56. – Л. 56.*

4. *Части особого назначения (ЧОН) / Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия / Гл. ред. С.С. Хромов. – М., 1983. – С. 648-649.*

5. *Управления, штабы соединений и частей особого назначения / Центральный государственный архив Советской Армии (с июня 1992 г. Российский государственный военный архив). В 2 т. Т. 2. Путеводитель / Сост. Т.Ф. Каряева, Н.Н. Волкова, Н.Е. Елусеева. М., 1993. С. 316.*

6. *Рассказов Л.П. Карательные органы в процессе формирования и функционирования административно-командной системы в советском государстве (1917-1941 гг.). Уфа, 1994. С. 153.*

7. ГАКК. – Ф. Р-147. – Оп. 1. – Д. 56. – Л. 57.

8. *Зайчук И.Е. Штаб кубанской комсомолки / Начало большого пути: Воспоминания комсомольцев 20-х годов / Сост. Т.П. Глек, Ф.А. Палкин. Краснодар, 1980. С. 14.*

9. *Солодченко А. Страницы прошлого / Юность комсомольская: Воспоминания первых кубанских комсомольцев / Сост. Т.Н. Багратян. Краснодар, 1965. С. 142.*

10. ГАКК. – Ф. Р-147. – Оп. 1. – Д. 56. – Л. 56.

11. *См.: X съезд РКП(б). Стенографический отчет. – М, 1963.*

12. ГАКК. – Ф. Р-147. – Оп. 1. – Д. 2. – Л. 40-41.

13. ГАКК. – Ф. Р-147. – Оп. 1. – Д. 56. – Л. 56об.

14. ГАКК. – Ф. Р-147. – Оп. 1. – Д. 10. – Л. 51.

15. ГАКК. – Ф. Р-147. – Оп. 1. – Д. 56. – Л. 57.

16. ГАКК. – Ф. Р-147. – Оп. 1. – Д. 3. – Л. 73-73об.

17. ГАКК. – Ф. Р-147. – Оп. 1. – Д. 3. – Л. 118-118об.

18. ГАКК. – Ф. Р-147. – Оп. 1. – Д. 56. – Л. 31.

2. *Sketches of history of the CPSU Krasnodar organization / Under the editorship A.S. Konovalov. Krasnodar, 1976. P. 227.*

3. *State Archive of Krasnodar region (SAKK). – T. R-147. – Op. 1. – D. 56. – L. 56.*

4. *The Part of Special Function (PSF) / Civil war and military intervention in the USSR: Encyclopedia / HI. edition S.S. Khromov. – M., 1983. – P. 648-649.*

5. *Managements, staffs of connections and parts the state archive of the Soviet Army of special function / Central (since June, 1992. Russian state military archive). In 2 t. T. 2. Guide / Col. T.F. Karyayeva, N.N. Volkova, N.E. Yeliseyeva. M., 1993. P. 316.*

6. *Rasskazov L.P. War stories bodies in the course of formation and functioning of command system in the Soviet state (1917-1941). Ufa, 1994. P. 153.*

7. ГАКК. – Т. R-147. – Оп. 1. Д.– 56. – Л. 57.

8. *Zaychuk I.E. Staff Kuban komsomoliya / Beginning of a big way: Memoirs of Komsomol members of the 20th years / Sost. T.P. Glek, F.A.Palkin. Krasnodar, 1980. P. 14.*

9. *Solodchenko A. Pages past / Youth Komsomol: Memoirs of the first Kuban Komsomol members / Sost. T.N. Bagratyan. Krasnodar, 1965. P. 142.*

10. ГАКК. – Т. R-147. – Оп. 1. – Д. 56. – Л. 56.

11. *See: X RKP congress. Verbatim record. – M., 1963.*

12. ГАКК. – Т. R-147. – Оп. 1. Д.– 2. – Л. 40-41.

13. ГАКК. – Т. R-147. – Оп. 1. Д.– 56. – Л. 56об.

14. ГАКК. – Т. R-147. – Оп. 1. Д. – 56. – Л. 56об.

15. ГАКК. – Т. R-147. – Оп. 1. Д.– 10. – Л. 51.

16. ГАКК. – Т. R-147. – Оп. 1. Д.– 3. – Л. 73-73об.

17. ГАКК. – Т. R-147. – Оп. 1. Д.– 3. – Л. 118-118об.

18. ГАКК. – Т. R-147. – Оп. 1. Д.– 56. – Л. 31.

1. *Sketches of history of Kuban from the most ancient times to 1920 / Under a general edition of V.N. Ratushnyak. Krasnodar, 1996. P. 534.*

Мухачев Игорь Владимирович
 доктор юридических наук, профессор,
 заведующий кафедрой конституционного и международного права
 Северо-Кавказского федерального университета

Адамоков Беслан Билялович
 аспирант кафедры конституционного и международного права
 Северо-Кавказского федерального университета
 (тел.: 89288118181)

Онлайн обсуждение проекта устава муниципального образования, его изменений и дополнений

В статье рассматривается проблема проведения публичных слушаний при принятии устава муниципального образования или внесению изменений в него. Дается обоснованный вывод по этой проблеме.

Ключевые слова: местное самоуправление, муниципальные правовые акты, устав муниципального образования, публичные слушания, публичное обсуждение.

I.V. Muhachev, Doctor of law, professor, chief of the chair of constitutional and international law of North Caucasian Federal University;

B.B. Adamokov, post-graduate of the chair of constitutional and international law of North Caucasian Federal University; tel.: 89288118181.

Online discussion about municipality statute's project, its amendments and additions

The problem of public hearings in making municipal charter or revise it. We give a reasonable conclusion on this issue.

Key words: local government, municipal legal acts, regulations of the municipality, public hearings, public discussion.

В соответствии со ст. 28 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления», публичные слушания в муниципальных образованиях одна из стадий принятия муниципальных правовых актов, состоящая из вынесения проекта акта на обсуждение и последующем обязательном рассмотрении органами, должностными лицами местного самоуправления при принятии правового акта результатов проведенного обсуждения. Императивный характер приведенной нормы «является фактором, определяющим, что публичные слушания станут не только юридическим, но и фактическим, реально действующим институтом непосредственной демократии» [1, с. 28-34].

Перечень вопросов, которые обязательно подлежат вынесению на публичные слушания, устанавливается федеральным законодательством, одним из них является проект устава муниципального образования. При этом порядок организации и проведения публичных слушаний определяется уставом муниципального образования и (или) решениями представительного органа муниципального образования.

По смыслу содержания ст. 44 Федерального закона на публичные слушания выносятся все проекты уставов муниципальных образований, а также проекты муниципальных правовых актов о внесении изменений в уставы муниципальных образований без исключения. Однако автор считает, что в данном случае должно быть исключение. Так, на публичные слушания не должны выноситься проекты муниципальных правовых актов о внесении изменений в уставы муниципальных образований, если данные изменения вносятся с целью привести уставы в соответствие федеральному или региональному законодательству.

О.Е. Тимчишина и А.Л. Токарский отмечают, что если обязательное вынесение на публичные слушания устава муниципального образования можно считать обоснованным, т.к. данный муниципальный правовой акт является актом высшей юридической силы в системе муниципальных правовых актов, то целесообразность вынесения на публичные слушания всех, без исключения, муниципальных правовых актов о внесении изменений и дополнений

в устав муниципального образования не может не вызывать сомнений [2, с. 96-99].

Но эта проблема не является основной в данной статье. Публичные слушания важная форма связи между гражданами и органами местного самоуправления, формой влияния граждан, общественности на содержание решений, принимаемых органами муниципальных образований.

Как отмечает О.А. Ежукова, потенциал публичных слушаний как формы участия населения в осуществлении местного самоуправления особенно велик в связи с тем, что наряду с референдумом публичные слушания относятся к институтам непосредственной демократии, т.е., по сути, являются средствами выражения народного суверенитета. «Отличие публичных слушаний от референдума главным образом состоит в характере их юридических последствий: у итогов референдума императивное значение, в то время как результаты публичных слушаний являются рекомендацией для органов местного самоуправления при принятии решений» [3, с. 63-66].

Но можно задаться вопросом, так ли работоспособен данный институт непосредственной демократии? Цели публичных слушаний можно разделить на основные и дополнительные. Так, в качестве основной цели можно выделить выявление и учет мнения жителей муниципального образования по проектам муниципальных правовых актов по наиболее значимым вопросам местного значения. В дополнительные цели можно выделить – изучение общественного мнения по предмету публичных слушаний; улучшение взаимодействия населения муниципального образования и органов местного самоуправления; развитие институтов гражданского общества; информирование населения муниципального образования о деятельности органов местного самоуправления и ответственности органов местного самоуправления перед населением муниципального образования.

Однако порядок проведения публичных слушаний еще до конца не урегулирован. Так, законодателем не регламентируется в какие дни допустимо или недопустимо проводить публичные слушания, что может создать препятствия работающим гражданам в осуществлении своего права принять участие в публичных слушаниях.

Также представляется неприемлемым проведение публичных слушаний с ограниченным количеством представителей населения муниципального образования. И в соответствии с Положением о порядке организации и проведения публичных слушаний в муниципальном образовании городе-курорте Пятигорске количество представителей от населения ограни-

чивается количеством свободных посадочных мест.

Оповещение осуществляется посредством опубликования (обнародования) муниципального правового акта о назначении публичных слушаний в муниципальных средствах массовой информации в порядке, установленном для официального опубликования (обнародования) муниципальных правовых актов, иной официальной информации. В соответствии с Положением о публичных слушаниях в муниципальном образовании город Владикавказ, информация о публичных слушаниях, их подготовке и проведении размещается на официальных сайтах органов местного самоуправления и публикуется в официальном печатном органе муниципального образования город Владикавказ газете «Владикавказ».

Автор считает, что подобный порядок проведения публичных слушаний, тем более по проекту устава муниципального образования малоэффективен и не отвечает поставленным целям, т.к., к сожалению, далеко не все муниципальные образования имеют свои официальные сайты или официальные печатные органы. Также нынешнее поколение «информационных технологий» довольно редко обращается к печатным источникам информации или посещает сайты муниципальных образований, молодые люди могут не посещать подобные мероприятия, боясь быть просто не услышанными или не принятыми в серьез. Ограниченное количество сидячих мест в помещении, где проводятся публичные слушания, также не позволяет в полной мере учесть мнение населения муниципального образования по поводу темы проводимых публичных слушаний. Все это в совокупности, использование модельных уставов муниципальных образований, с незначительными изменениями, проведение публичных слушаний, в таком порядке, не отвечает принципу демократизма при принятии устава муниципального образования. Как представляется, самыми важными сторонами которого следует считать: 1) самостоятельность субъектов правотворчества – обеспечивает последовательность демократизма такого процесса, что находит свое отражение в окончательном решении вопросов местного значения; 2) прямое участие граждан в правотворчестве – дает возможность обобщить и учесть волю и интересы граждан, их мысли, предложения относительно проекта; 3) коллективность – данная сторона находит свое отражение в совместном изучении проекта устава, сборе, обсуждении и анализе различных материалов; 4) гласность – широкое обсуждение проектов всех правовых актов. Для обеспечения гласности и организации широкого обсуждения проекта необходимо доведение до каж-

дого проекта принимаемого устава муниципального образования.

Решение данных проблем, связанных с привлечением населения к участию в местном самоуправлении, зависит от органов местного самоуправления и государственной власти, которые призваны разработать формы наиболее эффективного сотрудничества с населением муниципального образования.

Первоочередной задачей органов местного самоуправления должно стать обеспечение условий, при которых каждый человек будет иметь реальную возможность влиять на процесс выработки и принятия решений органами и должностными лицами местного самоуправления.

Одной из задач должно стать информирование населения о возможности участия в процессе разработки проекта устава муниципального образования. В этой связи необходимо это использование возможностей Интернета и социальных сетей для доведения проекта устава муниципального образования до населения и возможность его всестороннего обсуждения, не ограничиваясь «количеством посадочных мест».

Автор считает, что доведение проекта устава муниципального образования или вносимых в него изменений, а также информация о проведении предстоящих публичных слушаниях, будет более эффективным, если местные органы власти больше будут задействовать ресурсы Интернета (социальные сети), а не просто размещать данную информацию на официальном сайте или путем теле-, радиовещания.

Так, социальные сети стали одним из важнейших инструментов общения людей в XXI в. Правительства многих стран все с большим постоянством прибегают к данному виду общения с населением своей страны.

К примеру, Республиканская партия США поощряет своих членов присоединяться к социальным сетям, проводя среди них дружеский турнир «Поединок в современных СМИ» (New Media Challenge). Социальные сети используются республиканцами также и для прямого общения с гражданами. Youcut - платформа, на которой пользователи могут обсуждать и голосовать за те или иные способы сокращения государственного долга США.

Практическое использование социальных сетей в Российской Федерации началось сравнительно недавно, но с каждым днем набирает все большие обороты. Исследование на эту тему провело агентство коммуникаций «Новый Интернет». На пресс-конференции в РИА «Новости» совладелец агентства К. Максимюк сообщил, что в настоящее время проекты в социальных сетях реализуют 150-200 государ-

ственных структур (органы власти, вузы, театры, фонды, государственные корпорации и т.п.). Затраты государственных учреждений на такие проекты увеличились за последние два года (в 2010 г. - менее 200 тыс. рублей в месяц, в 2012 г. - более 1 млн рублей). Объем рынка коммуникаций в социальных сетях для государственных интернет-проектов составляет 600 млн рублей, стоимость среднего проекта – более 1 млн рублей. Государственные учреждения реализуют такие проекты примерно с 2008 г. - с приходом Д. Медведева на пост Президента РФ.

Также по решению Президента Д. Медведева было объявлено о проведении публичных обсуждений проекта Федерального закона «О полиции», был создан официальный сайт Комиссии по модернизации i-Russia.ru, в итоге переросший в разветвленную сеть онлайн-площадок. До процесса запуска публичного обсуждения было оговорено, что комментарии будут использованы при доработке законопроекта организационным комитетом по подготовке законопроекта и экспертным советом МВД по нормотворчеству, затем он будет внесен в Думу и принят, как обещал Д. Медведев, до конца 2010 г. Больше всего поправок было принято и опубликовано администрацией сайта к первой главе законопроекта под названием «Общие положения» — 3784, всего же на сайте опубликовано почти 16 000 предложений [4].

Несмотря на то, что государства довольно поздно начали применять социальные сети в своей работе, их политическое значение растет, по сравнению со значением традиционных СМИ, во всем мире. Первоначально политики воспринимали социальные сети настороженно, но теперь прошло уже достаточно времени, и как отдельные политические фигуры, так и целые правительства начинают использовать социальные сети в целях ведения более открытой коммуникации с гражданами.

Социальные сети, такие как Facebook, ВКонтакте, Twitter и др. стали наиболее популярными в Интернете сайтами не только потому, что являются удобным программным средством для общения, но и из-за того, что предоставляют возможности для социального объединения, интеграции. Именно благодаря сервису объединения, выражения своей позиции, своего взгляда на мир и события, социальные сети становятся, начиная с конца 2000-х гг., важнейшим социальным институтом, оказывающим влияние на общественные процессы и приводящим к серьезным социальным изменениям. Человек в социальных сетях получает право автора сообщений (авторизация), он всегда может выразить свою позицию по отношению к любому вопросу, написав комментарий или сообщение. Свободу выражения

своего мнения пользователи социальных сетей воспринимают как неотъемлемое право. Ведь именно ради такой свободы коммуникации люди и обращаются к социальным сетям.

В этой связи автор предлагает наряду с публичными слушаниями проводить и онлайн обсуждение проекта нового устава муниципального образования или проектов изменений и дополнений, вносимых в устав, в социальных сетях и на официальном сайте муниципального образования, как это происходило с обсуждением Федерального закона «О полиции».

В отношении устава муниципального образования на обсуждения должны выноситься не весь проект устава, а только основные положения или проект вносимых изменений и дополнений. Любой желающий может высказать свои замечания по проекту муниципального правового акта путем авторизации и дальнейшем оставлении комментария.

Процесс авторизации и добавления гражданина к процессу обсуждения должен носить жесткий характер с указанием своих паспортных данных и местом жительства. Данные меры, по мнению автора, направлены на недопущение в процессе обсуждения нецензурных выражений или каких-либо высказываний противоречащих целям онлайн обсуждения, любой нарушающий правило онлайн обсуждения может быть заблокирован или привлечен к ответственности. Такой порядок участия граждан в онлайн обсуждении поможет решить вопрос об участниках публичных слушаний, которые делятся на участников с правом выступления и участников без права выступления. Любой авторизованный гражданин автоматически приобретает право высказать свои замечания, по обсуждаемому проекту муниципального правового акта минуя подачу заявки на обсуждение. Также данный способ в полной мере решит проблему ограниченности сидячих мест при публичном слушании и возможность любому гражданину высказать свое мнение независимо от возраста, не боясь быть воспринятым предвзято.

Использование органами местного самоуправления социальных сетей в своей деятельности позволит надлежащим образом известить население о месте, времени и предмете проведения публичных слушаний; о начале онлайн обсуждения в интернете, с помощью новостной ленты; в большей мере учесть мнение населения муниципального образования.

Подводя итог, можно с уверенностью утверждать, что онлайн обсуждение принимаемого муниципального правового акта в большей

мере отвечает целям, поставленным перед институтом публичных слушаний. Так онлайн обсуждение позволит в большей мере охватить количества жителей муниципального образования. Онлайн обсуждение не будет ограничено временными рамками, то есть оно может проводиться не только в определенный день, а в течение всего процесса разработки проекта муниципального правового акта. Онлайн обсуждение и вообще использование органами местного самоуправления социальных сетей сделает деятельность этих органов более прозрачной, повысит степень ответственности органов местного самоуправления перед населением и позволит более продуктивно воспитать в молодом поколении институты гражданского общества.

1. Нудненко Л.А. Новеллы Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» о непосредственной демократии // *Право и политика*. 2004. № 3.

2. Тимчишина О.Е., Токарский А.Л. Проблемы в реализации положений федеральных законов «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», «О государственной регистрации уставов муниципальных образований» в Свердловской области // *Бюллетень Минюста юстиции РФ*. 2007. № 12.

3. Ежукова О.А. Публичные слушания по вопросам местного значения в городе Москве: основы правового регулирования и практика // *Конституционное и муниципальное право*. 2010. № 4.

4. Никольский А. Обсуждение закона «О полиции» в Интернете завершено // *Ведомости*. 2010. 15 сентября.

1. Nudnenko L.A. Novels of Federal law «On general principles of local authority's organization in Russian Federation» about direct democracy // *Law and Politics*. 2004. № 3.

2. Timchishina O.E., Tokarsky A.L. Problems in realization of federal laws «On general principles of local authority's organization in Russian Federation», «On state registration of municipal units' statutes» in Sverdlovsk Oblast // *Bulletin of Russian Ministry of Justice*. 2007. № 12.

3. Ezhukova O.A. Public hearing of local importance's questions in Moscow city: basics of law regulation and practice // *Constitutional and municipal law*. 2010. № 4.

4. Nikolsky A. The discussion of statute «On police» in Internet is over // *Vedomosti*. 2010. 15 September.

Трофимов Максим Сергеевич
 кандидат юридических наук, доцент,
 заместитель директора Юридического института
 Северо-Кавказского федерального университета
 (тел.: 89054913219)

Теоретические вопросы закрепления обязательного характера мнения населения на уровне местного самоуправления

Настоящая статья посвящена анализу таких форм прямой демократии, как общественные собрания и голосование граждан, влиянию мнения общественности на решения муниципальных образований. В статье поддерживается идея об обязательном характере мнения населения, выраженного на общественных собраниях и голосованиях, для закрепления в законодательных актах органов местного самоуправления.

Ключевые слова: муниципальное право, муниципальные образования, местное самоуправление, мнение населения.

M.S. Trofimov, Candidate of law, assistant professor, vice-director of Law Institute of North Caucasian Federal University; tel.: 89054913219.

Theoretical questions of fixing of a binding character of opinion of the population at the level of local government

The article is devoted to examination of such forms of direct democracy in local authority as public sessions and civil polls, influence of population's opinion on decisions of municipal units. This article suggests that compulsory character of population's opinion expressed at public sessions and civil polls should be consolidated in legislature in exceptional cases.

Key words: municipal law, municipal units, local authority, population's opinion.

Принципиально важно, что в Федеральном законе «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ местное самоуправление понимается как форма народовластия. Именно население самостоятельно осуществляет местное самоуправление через формы непосредственной демократии и опосредовано участвует в управлении, реализуя свое право на самоуправление с помощью форм представительной демократии. Население муниципального образования определяет структуру и формирует органы местного самоуправления, делегируя им часть своих полномочий по осуществлению муниципального управления.

Следовательно, для наиболее эффективно и успешного осуществления местного самоуправления в законодательстве должны быть закреплены различные формы как прямой, так и опосредованной демократии.

В настоящей статье речь пойдет о некоторых формах непосредственной демократии в системе местного самоуправления, их месте в

системе форм участия населения в осуществлении местного самоуправления, о характере мнения населения, выясненного с помощью консультативных форм участия граждан в осуществлении местного самоуправления и гарантировании эффективного осуществления местного самоуправления в России, в частности, через повышение значения мнения населения, выявленного на основе публичных слушаний и опросов граждан.

Итак, В.В. Комарова разделяет формы непосредственной демократии при осуществлении местного самоуправления на: 1) императивные формы прямого волеизъявления граждан – местный референдум; муниципальные выборы; отзыв выборного должностного лица и депутата выборного органа местного самоуправления избирателями; собрание (сход), съезд (конференция) населения муниципального образования; 2) регулятивные формы прямого волеизъявления граждан – гражданская инициатива; обращения граждан; наказания избирателей; отчеты; территориальное общественное самоуправление; 3) консультативные формы прямого волеизъявления граждан –

митинги, шествия, демонстрации, пикетирование; публичные слушания; опросы граждан; консультативный референдум; народное обсуждение [1, с. 585].

При этом в Федеральном законе «Об общих принципах...» нашли свое закрепление не все из указанных выше форм прямой демократии в системе местного самоуправления. Соответственно, дополнительные формы, в силу открытого перечня форм участия населения в осуществлении местного самоуправления гл. 5 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ, могут предусматриваться конституциями (уставами) и законами субъектов Российской Федерации или уставами муниципальных образований.

Определенный интерес представляет исследование всех форм участия населения в осуществлении местного самоуправления, т.к. именно с их помощью граждане реализуют свое право на самоуправление, а их закрепление в законодательстве России рассматривается как правовая гарантия организации и осуществления местного самоуправления [2, с. 239-240]. Однако в настоящей статье мы коснемся только анализа влияния мнения населения, выявленного путем проведения публичных слушаний и опросов граждан, на осуществление местного самоуправления в части принятия органами местного самоуправления управленческих решений.

Такие формы участия населения в осуществлении местного самоуправления, как публичные слушания и опрос граждан, закрепленные в ст. 28, 31 Федерального закона от 6 октября 2003 г., играют, хотя и не ведущую, но весьма важную роль в системе местного самоуправления. Публичные слушания проводятся для обсуждения проектов муниципальных правовых актов по вопросам местного значения с участием жителей муниципального образования. В соответствии с ч. 3 ст. 28 Федерального закона «Об общих принципах...» на публичные слушания в обязательном порядке должны выноситься:

1) проект устава муниципального образования, а также проект муниципального правового акта о внесении изменений и дополнений в данный устав;

2) проект местного бюджета и отчет о его исполнении;

3) проекты планов и программ развития муниципального образования, проекты правил землепользования и застройки, проекты планировки территорий и проекты межевания территорий, а также вопросы предоставления разрешений на условно разрешенный вид использования земельных участков и объектов капитального строительства, вопросы отклонения от предельных параметров разрешенного

строительства, реконструкции объектов капитального строительства, вопросы изменения одного вида разрешенного использования земельных участков и объектов капитального строительства на другой вид такого использования при отсутствии утвержденных правил землепользования и застройки;

4) вопросы о преобразовании муниципального образования.

При этом мы поддерживаем точку зрения ряда исследователей о том, что перечисленные в законе случаи обязательного вынесения на публичные слушания проектов муниципальных правовых актов, могут быть дополнены законодателями субъектов РФ, а также в уставах муниципальных образований. Кроме того, муниципальные нормативные правовые акты и правоприменительная практика в течение последних лет шли именно по этому пути (см., например: Постановление Волжской городской Думы Волгоградской области «Об утверждении положения о проведении общественных слушаний по вопросам местного значения муниципального образования «Город Волжский» от 31 декабря 2002 г.; Положение об общественных слушаниях в городе Красноярске от 6 июля 2000 г. № 24-265).

Опрос граждан проводится на всей территории муниципального образования или на части его территории для выявления мнения населения и его учета при принятии решениями местного самоуправления и должностными лицами местного самоуправления, а также органами государственной власти (ч. 1 ст. 31 ФЗ «Об общих принципах...»). Следовательно, для выявления мнения населения на опрос может быть вынесен любой вопрос или вопросы, которые непосредственно затрагивают интересы населения муниципального образования (части территории муниципального образования), относящие к компетенции местного самоуправления. На опрос не могут выноситься вопросы, которые не могут быть вынесены на местный референдум, относящие к исключительной компетенции представительных органов муниципального образования, а также противоречащие законодательству Российской Федерации.

Несомненно, что опрос граждан и публичные слушания включены в новый федеральный закон о местном самоуправлении в целях предоставления населению больших возможностей для участия в принятии управленческих решений органами местного самоуправления.

Мнение населения, выявленное с помощью опросов граждан и публичных слушаний, по общему правилу носит рекомендательный характер. И в большинстве случаев это справедливо. Работа органов и должностных лиц местного самоуправления по решению вопро-

сов местного значения и принятию связанных с этим управленческих решений связана с целенаправленной деятельностью в сфере муниципального управления и должным уровнем профессиональной подготовки (в особенности для муниципальных служащих). То есть выборные должностные лица органов местного самоуправления, муниципальные служащие, привлекаемые органами местного самоуправления представители различных учреждений и организаций, участвуют в разработке и принятии управленческих решений, применяя имеющиеся у них специальные познания и навыки в той области, в которой лежит проблема. Тогда как общественность в лице населения не всегда объективна и далеко не всегда способна компетентно судить о технических и иных, требующих специальных познаний, сторонах принимаемых решений.

В тоже время, мы считаем возможным в Федеральном законе «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» 2003 г., законодательных актах субъектов Российской Федерации, регулирующих вопросы организации и осуществления местного самоуправления, закрепить в исключительных случаях не рекомендательный, а обязательный характер выявленного мнения населения для всех субъектов муниципально-правовых отношений.

Такое предложение делается нами на основе следующих доводов:

рекомендательный характер мнения населения в Федеральном законе «Об общих принципах...» 2003 г. указан только для опроса граждан, тогда как в отношении публичных слушаний такого указания нет;

обязательный характер мнения населения, выявленного путем опросов граждан или публичных слушаний, является дополнительной гарантией прав граждан в области местного самоуправления;

местное самоуправление не противопоставляется государственной власти, но, по нашему мнению, нуждается в довольно жесткой опеке со стороны государства с одновременным предоставлением населению больших возможностей участия в принятии управленческих решений.

В тоже время, нельзя не признать, что существуют и серьезные контраргументы:

в Федеральном законе «Об общих принципах...» 2003 г. нет указания на возможность придания мнению населения, выявленного с помощью опросов граждан и публичных слушаний, обязательного характера;

существует достаточное количество императивных форм непосредственного осуществления населением самоуправления, чтобы создавать еще одну;

основную роль в муниципальном управлении играют органы местного самоуправления, которые действуют на основе делегированных населением полномочий по управлению, и именно они правомочны принимать обязательные для исполнения нормативные правовые акты;

население всегда разнородно, представлено различными социальными группами, поэтому крайне трудно выявить единое мнение населения по тому или иному вопросу, выносимому на обсуждение.

Исходя из вышесказанного, вполне закономерен вопрос: насколько оправдано придание результатам опроса граждан или результатам публичных слушаний обязательного характера?

Конечно же, далеко не во всех случаях выявленное мнение населения может и должно носить для органов местного самоуправления обязательный характер. Придание в законодательстве субъектов РФ и муниципальных правовых актах обязательного характера мнению населения, выявленного органами местного самоуправления на основе проведения публичных слушаний и опросов граждан, должно основываться на тщательном анализе необходимости такого подхода.

Дело в том, что не требуется, по нашему мнению, просто закрепление обязательного характера мнения населения в нормативных правовых актах. В тоже время, есть смысл обязать органы местного самоуправления учитывать мнение населения, в том случае, если органам местного самоуправления не удастся наладить диалог с населением, население не ощущает связи с органами местного самоуправления, условия жизни не улучшаются, и, как следствие, в обществе нарастают протестные настроения.

В этой связи оговоримся, что существует такое понятие, как социальная диагностика. Согласно экоантропоцентрической концепции Т.М. Дридзе, отношения человека со средой обитания строятся как опосредуемые обстоятельствами его личной и социокультурной жизни многомерные пространственно-временные, прямые и обратные связи с окружением. Одна и та же ситуация может по-разному оцениваться отдельными людьми. Особенно это проявляется при возникновении проблемной (или конфликтной) жизненной ситуации. Эта ситуация требует от человека повышенной целенаправленной активности, выработки жизненно важных решений, а также выбора той или иной стратегии деятельности, средств и способов достижения желаемого результата [3, с. 20-21].

Следовательно, при возникновении конфликтной ситуации, требующей при принятии органами местного самоуправления управлен-

ческого решения (издании правового акта), учета мнения населения, необходимо анализировать также различные социальные факторы (социальный состав участников согласительных процедур, их уровень жизни, доходы, доступность различных благ и услуг, т.к. большинство из них предоставляются именно на местном уровне, и т.д.). Такой подход к проблеме при принятии управленческого решения требует от органов местного самоуправления напряженной работы по повышению уровня жизни населения, деятельности во благо населения, хотя бы с целью снизить уровень социальной напряженности и свести к минимуму блокирование населением инициатив органов местного самоуправления в области муниципального управления [4, с. 173-174].

Но и только цели уменьшения уровня социальной напряженности в обществе будет недостаточно для придания на законодательном уровне мнению населения, выявленного на основе публичных слушаний и опросов граждан, обязательного характера.

По нашему мнению, такая мера должна также служить защитным механизмом приоритетных направлений развития муниципальных образований, устанавливаемых в законодательстве субъектов Российской Федерации, в той или иной области деятельности местного самоуправления и связанных с решением вопросов местного значения.

В том случае, если деятельность органов местного самоуправления или проект нормативного правового акта органа муниципального образования может нанести ущерб приоритетам развития муниципального образования, население вполне может «блокировать» реализацию такого решения или нормативного правового акта.

В частности, в качестве приоритетов развития территорий муниципальных образований в градостроительной сфере можно предусмотреть:

- строительство школ, детских садов, поликлиник, спортивных сооружений, детских площадок и других объектов социальной инфраструктуры;

- развитие торговой сети, строительство предприятий бытового обслуживания и общественного питания;

- строительство социального жилья, гостиниц, мотелей;

- развитие инженерной и транспортной инфраструктуры, в том числе тепловых узлов, телефонных станций;

- строительство и реконструкцию театров, кинотеатров, клубов и других учреждений культуры;

- реконструкцию и реставрацию памятников истории и культуры, восстановление церквей и

- других объектов недвижимости богослужебного назначения;

- расчистку завалов и пустырей, ликвидацию свалок, комплексное благоустройство территории;

- вывод на периферию муниципальных образований складских помещений и оптовых торговых предприятий;

- вывод автостоянок из дворов жилых домов, скверов, детских площадок и иных земельных участков;

- охрану лесных массивов, создание парков, скверов, клумб и иных природных объектов в границах муниципального образования;

- строительство сооружений газо-, электро- и водоснабжения населения.

Таким образом, обязательный характер мнения населения при обязательности проведения согласительных процедур будет играть охранительную функцию, служить гарантией осуществления местного самоуправления.

В тоже время, население муниципального образования не должно иметь возможности блокировать деятельность органов местного самоуправления по реализации управленческих решений. Здесь главенствующее место занимают приоритетные направления развития муниципального образования, и мнение населения может и должно быть учтено, но не станет решающим.

Закрепление в законодательстве субъектов РФ приоритетов развития муниципальных образований и доведение их до общественности позволит органам местного самоуправления реализовывать свои планы в указанных направлениях, принимая мнение населения лишь в качестве рекомендательного.

В свою очередь, закрепление в законодательстве субъектов Российской Федерации приоритетных направлений развития муниципальных образований, а также допущение возможности придания мнению населения обязательного характера, должно стимулировать органы местного самоуправления максимально информировать население о предполагаемой реализации управленческих решений, максимально аккуратно подходить к формулированию, разработке и принятию управленческих решений, максимально учитывать интересы граждан, проживающих на территории муниципального образования.

Как справедливо отмечает А.С. Карпов, огромное значение во взаимодействии органов местного самоуправления и населения в области принятия управленческих решений имеет информирование населения и общественные обсуждения. Также он пишет, что «граждане, получившие возможность ознакомиться с полной информацией по проекту, далее сами выбирают форму своего участия, в том числе –

такие варианты как проведение общественной экспертизы или судебный процесс» [5, с. 9-12].

По нашему мнению, обязательный характер мнения населения не должен явиться препятствием для деятельности органов местного самоуправления. Как отмечает Н.Д. Сорокина, исследовавшая отношение жителей г. Москвы к строительству ряда объектов, «результаты опросов также показали, что, несмотря на достаточно большой протестный потенциал жителей, определенная часть из них готова участвовать в процессе согласования интересов. Более того, наряду с негативными последствиями строительства рационально мыслящая категория населения видит и позитивные результаты, прежде всего в решении проблемы благоустройства близлежащей территории. К тому же достаточно большая часть опрошенных не видит ущемления своих интересов в случае застройки. Эту часть жителей также можно рассматривать как потенциально готовую к процессу согласования интересов» [6].

Еще одним необходимым условием придания мнению населения, выявленного с помощью публичных слушаний и опросов граждан, обязательного характера, является внесение изменений в ст. 28 и ст. 31 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 6 октября 2003 г., указывающих на возможность для регионального законодателя или органов местного самоуправления самостоятельно устанавливать обязательность мнения населения для органов местного самоуправления.

Таким образом, использование регионального законодателем закрепления обязательно характера мнения населения, выявленного с помощью публичных слушаний и опросов граждан, способно положительным образом сказаться на возможности участия населения в принятии органами местного самоуправления управленческих решений и гарантировать такую сторону осуществления местного самоуправления, как принятие органами местного самоуправления управленческих решений в интересах населения.

При этом, опросы граждан и публичные слушания необходимо рассматривать не иначе как способы (инструменты) согласования общественных интересов в муниципальных образованиях.

В завершение отметим, что институт согласования общественных интересов и учета мнения населения является одним из важнейших демократических институтов реализации местного самоуправления во всем мире. Только путем согласования интересов населения, органов публичной власти и третьих лиц, участвующих в муниципально-правовых отно-

шениях, можно избежать в будущем конфликтов в принятии и реализации управленческих решений на уровне местного самоуправления и снизить социальную напряженность, свойственную некоторым муниципальным образованиям, вызванную отсутствием поддержки со стороны населения принимаемых органами местного самоуправления управленческих решений [7, с. 61-66].

1. *Муниципальное право / Под ред. Ю.А. Дмитриева. М., 2005.*

2. *Муниципальное право России. 4-е изд. / Под ред. А.С. Прудникова, И.А. Алексеева. М., 2009.*

3. *Дридзе Т.М. Две новые парадигмы для социального познания и социальной практики // Социальная коммуникация и социальное управление в экоантропоцентрической и семиосоциопсихологической парадигмах. Кн. 1. М., 2000.*

4. *Трофимов М.С. Об обязательном учете мнения населения при реализации градостроительных решений // Моя законотворческая инициатива. М., 2007.*

5. *Карпов А.С. Реализация технологии учета мнений заинтересованной общественности в законодательстве // Экологическая безопасность: природа и общество. СПб., 2004.*

6. *Сорокина Н.Д. Место социальной диагностики в технологии согласования интересов при реализации градостроительных решений // Социальное управление, коммуникация и социально-проектные технологии. М., 2005.*

7. *Трофимов М.С. О создании правового механизма согласования общественных интересов при принятии управленческих решений органами местного самоуправления // Труды юридического факультета Ставропольского государственного университета. Вып. 13. Ставрополь, 2006.*

1. *Municipal Law / Edited by Yu.A. Dmitriev. M., 2005.*

2. *Russian Municipal Law. 4th edition / Edited by A.S. Prudnikova, I.A. Alexeev. M., 2009.*

3. *Dridze T.M. Two new paradigms for social cognition and social practice // Social communication and social management in eco-anthropocentric and semio-socio psychological paradigms. Vol. 1. M., 2000.*

4. *Trofimov M.S. On duty concordance of population opinion for city-making decisions' realization // My law-making initiative. M., 2007.*

5. *Karpov A.S. Realization of technology of taking into account of interested societies in legislature // Ecological security: nature and society. SPb., 2004.*

6. Sorokina D.N. *The place of social diagnostic in technology of interests concordance for city-making decisions realization // Social management, communication and social-project technologies. M., 2005.*

7. Trofimov M.S. *On making of law mechanism for public interests' concordance during management decisions taking by municipalities // Works of Law Faculty of Stavropol State University. Vol. 13. Stavropol, 2006.*

Саурин Александр Анатольевич
кандидат юридических наук, доцент,
заместитель Главы администрации Краснодарского края
(тел.: 88612625716)

Право частной собственности: конституционные характеристики

В статье исследуются основные проблемы, связанные с закреплением в Конституции государства важнейшего фундаментального права – права частной собственности. Предлагаются подходы по выявлению содержания конституционного принципа неприкосновенности собственности. Рассматривается вопрос о возможности разграничения субъективного конституционного права собственности и соответствующего отраслевого (гражданско-правового) права.

Ключевые слова: право частной собственности, конституционные характеристики права собственности, принцип неприкосновенности собственности, право частной собственности на землю и природные ресурсы.

A.A. Saurin, Candidate of law, assistant professor, vice-governor of Krasnodar region; tel.: 88612625716.

Private property right: constitutional characteristics

The paper examines the main problems associated with binding to the constitution an important fundamental right - the private property right. The approach revealing the content of the constitutional principle of the inviolability of property is considered as well as aspects of distinguishing of subjective constitutional property rights and the appropriate rights imposed by civil law. Respect of the most important (constitutional) objects of property - land and natural resources.

Key words: private property right, constitutional features of property right, property immunity, land and natural resource as private property.

На ранних этапах становления правовых систем формального различия между формами собственности, по сути, не проводилось, и собственность ассоциировалась с непосредственным обладанием (владением) вещью – не случайно, как уже отмечалось, именно римское понятие «владение» (лат., *dominium*) означало собственность вообще, т.е. как государственную, так и частную; эти понятия, как видно, в римском праве вообще не различались. Собственно термин "частный" (*private* - англ., *privee* - фр., *privat* - нем.) появился в середине XVI в. как характеристика экономической (хозяйственной) деятельности индивида, в отличие от деятельности публичных структур. В связи с этим широко распространено мнение, что возникновение понятия «частная собственность» стало результатом противопоставления нового экономического уклада (основанного на собственности отдельных лиц, прежде всего, на средства производства) прежнему, основанному на государственной (или квазигосударственной) организации экономики. В советский период развития нашего общества экономическая система СССР базировалась на принципе отрицания частной собственности (т.е. именно возможности нахождения средств производства в частных руках). Кроме того, как справедливо

указывают исследователи, «поскольку термин «частная собственность» ассоциировался с эксплуатацией наемного труда, а целью социалистических преобразований было объявлено уничтожение эксплуатации человека человеком, он к этому времени уже не использовался в большинстве конституций» [1]. Поэтому вместо «частной собственности» для характеристики принадлежности имущества тому или иному индивиду использовался термин «личная собственность».

В настоящее время право частной собственности закреплено в Конституции Российской Федерации. Уже в основах конституционного строя – в ч. 2 ст. 8 – мы находим указание на то, что в Российской Федерации частная собственность прямо признается и защищается равным образом с государственной, муниципальной и иными формами собственности. Развитие данной нормы мы находим во многих законодательных актах Российской Федерации, прежде всего, в области гражданского права: так, согласно п. 4 ст. 212 Гражданского кодекса Российской Федерации [2] права всех собственников защищаются равным образом. По мнению Г.А. Гаджиева, эти положения формируют «нормативное содержание конституционного принципа неприкосновенности собственности, содержание которого, к сожалению,

нию, пока в полной мере не выявлено ни наукой, ни практикой» [3]. Как представляется, достаточно полно выявить содержание данного принципа можно только в том случае, если четко и последовательно определить пределы ограничения права частной собственности в интересах государства и других субъектов права, равно как и пределы ограничения права публичной собственности.

Весьма примечательно то, что первое место в конституционном перечне – в ст. 8 Конституции Российской Федерации – заняла именно частная собственность, недвусмысленно подчеркивая либеральный характер российского государства. По мнению В.Д. Мазаева, это и ряд других положений Конституции Российской Федерации (например, ч. 2 ст. 9 Конституции Российской Федерации, допускающая частную собственность на землю и другие природные ресурсы – т.е. объекты, которые, как правило, относятся к национальному достоянию всего общества) показывают приоритетность именно института частной собственности в конституционном перечне форм собственности [4].

Однако данный принцип остается лишь декларацией, если его не наполнить конкретным правовым содержанием. Как совершенно справедливо отмечают исследователи, трактовка данного принципа в каждый конкретный исторический момент развития государства и общества зависит от тех или иных представлений и их изменение «приводит в динамичное состояние правовое регулирование отношений собственности» [5]. К сожалению, в нашем государстве динамика эта порой бывает настолько стремительна, что она не всегда позитивно отражается на стабильности данного фундаментального права. Так, хрестоматийным стал пример, касающийся соотношения права собственности (всей совокупности правомочий) собственника жилья и прав на это жилье членов семьи предыдущего собственника. В 2004 г. целый ряд изменений действующего законодательства привел сначала практически к отказу государства от защиты права пользования жильем указанных лиц (членов семьи предыдущего собственника), а затем, наоборот, к последовательному обеспечению этих гарантий (в ущерб интересам нового собственника жилья). При этом, как признаваемое Конституцией Российской Федерации право частной собственности, так и гарантируемое Конституцией же право на жилище, в своем исходном (конституционном) значении остались неизменными, однако, как видно, содержание права применительно к конкретным субъектам существенно изменялось.

В связи с этим видный российский правовед, судья Конституционного Суда Российской Федерации Г.А. Гаджиев совершенно справедливо

во задается вопросом: «что это – энтропия, влекущая спонтанное развитие законодательства, или оправданное экспериментирование?» [там же]. И дает такой ответ на данный вопрос: «Безусловно, определенные изменения в институте права собственности неизбежны, но они должны носить не спонтанный или конъюнктурный характер, а опираться на объективные правовые принципы правового регулирования отношений собственности, содержащиеся в Конституции Российской Федерации и Гражданском кодексе Российской Федерации» [там же].

Ключевая статья Конституции Российской Федерации, закрепляющая формально-юридическое отношение государства к праву частной собственности – это ст. 35, в которой содержится развернутая характеристика данного права как субъективного, т.е. определяющего меру возможного поведения управомоченного лица. Часть 1 ст. 35, по сути, еще раз провозглашает особую защиту права частной собственности (воспроизводя положения ст. 8 Конституции Российской Федерации) и указывает на то, что право частной собственности охраняется законом. В развитие данного конституционного положения была принята целая система норм, гарантирующих указанную систему отношений. Это положение дополняется ч. 2 ст. 35 Конституции Российской Федерации, в соответствии с которой вышеуказанное право принадлежит каждому, т.е. право на защиту частной собственности имеют не только граждане, но и иностранцы, и лица без гражданства (дальнейшее развитие данного института – гарантии защиты права частной собственности юридических лиц, как российских, так и иностранных).

Очевидна неполнота приводимой конституционной формулировки: «каждый вправе иметь имущество в собственности», – такой подход гарантирует право на обладание только одним из объектов собственности – имуществом, в то время как существует и целый ряд иных объектов – имущественные права, например.

Конституция Российской Федерации не связывает обладание имуществом с какими-либо условиями или цензами, и, таким образом, возникает вопрос, можно ли считать, что данное право неотчуждаемо и принадлежит каждому от рождения? Согласно ч. 2 ст. 17 Конституции Российской Федерации основные права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения. Является ли право собственности одним из основных прав? Конституция Российской Федерации, как известно, не определяет в своих положениях, являются ли те или иные права «основными» или нет, но совокупность все рассмотренных отношений, связанных с правом собственно-

сти, формальное закрепление данного права как одной из основ конституционного строя Российской Федерации, безусловно, позволяют сделать такой вывод. С другой стороны, вопрос о неотчуждаемости требует отдельного рассмотрения – в общем случае, ответ, конечно, также утвердителен, но есть и целый ряд исключений (ограничений).

При этом невозможно согласиться с позицией отдельных исследователей, полагающих, что «право частной собственности - это право гражданина. На наш взгляд, неотчуждаемость этого права следует понимать как необходимый элемент правоспособности гражданина, как невозможность вообще лишать гражданина права иметь имущество в собственности, владеть, пользоваться и распоряжаться им как единолично, так и совместно с другими лицами» [6]. Безусловно, право частной собственности и гражданство не имеют прямой связи: данное право принадлежит каждому индивиду, каждому физическому лицу и защищается (или ограничивается) в равной степени, вне зависимости от ценза гражданства.

Конституция Российской Федерации предлагает классическую (гражданско-правовую) «триаду» правомочий собственника: каждый вправе владеть, пользоваться и распоряжаться своим имуществом как единолично, так и совместно с другими лицами. И это положение получает дальнейшее развитие применительно к конституционным объектам права собственности: земле и природным ресурсам. Согласно ч. 1 ст. 36 Конституции Российской Федерации граждане и их объединения вправе иметь в частной собственности землю. При этом в соответствии с ч. 2 ст. 36 владение, пользование и распоряжение землей и другими природными ресурсами осуществляются их собственниками свободно, если это не наносит ущерба окружающей среде и не нарушает прав и законных интересов иных лиц. По мнению исследователей, данные нормы ст. 36 напрямую связаны с положениями ст. 9 Конституции Российской Федерации: «Не случайно в ч. 1 ст. 9 Конституции РФ предусмотрено, что земля и другие природные ресурсы используются и охраняются как основа жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории. Это положение Конституции РФ применяется независимо от того, находятся ли земля и другие природные ресурсы в частной, государственной, муниципальной и иных формах собственности. Следовательно, признак национального достояния присутствует во всех формах права собственности на землю и другие природные ресурсы, и он должен учитываться в судебной практике. При столкновении частных и общенациональных интересов споры должны разрешаться в пользу последних»

[7]. Со столь однозначным выводом трудно согласиться. Безусловно, существует вопрос: до какой степени можно ограничить эти частные интересы в пользу общенациональных. К примеру, национальным интересам соответствует извлечение доходов из континентального шельфа и их распределение между жителями той страны, которой принадлежит шельф. Однако извлечение природных ресурсов из шельфа – технологически весьма сложный и финансово затратный процесс. И редкое государство может позволить себе финансировать эту деятельность. Так не разумнее ли привлечь частный капитал, например, крупные зарубежные компании для этой работы? Но ни одна компания не примет участие в проекте такого рода, если не будет гарантий права частной собственности – именно механизмов ее защиты в случае столкновения частных интересов и общенациональных. Можно, конечно, рассчитывать, что через десятилетия появятся достаточно недорогие технологии эксплуатации шельфа, но произойдет это или нет, неизвестно, а развитие страны замедлится. Поэтому следует сделать вывод о том, что общенациональные интересы должны иметь приоритет перед частными лишь в тех случаях, когда это жизненно необходимо, когда возникает ситуация, создающая угрозу существования данной нации, например, военные действия, стихийные бедствия и другие чрезвычайные события или явления. Но ни при каких обстоятельствах на результат рассмотрения такого спора не должны влиять экономические оценки, получаемые или упускаемые выгоды и т.п. Конечно, возможны ситуации, связанные с тем, что реализация (или невозможность реализации) права частной собственности затрагивает интересы большого круга людей, всего населения, народа. В таких случаях определенные ограничения данного права целесообразны и допустимы, но и они имеют определенные пределы.

Право частной собственности регулируется в наибольшей степени нормами гражданского права. Однако та совокупность правовых норм, которую содержит Конституция Российской Федерации в отношении права частной собственности, также является весьма значимой. Более того, ряд ученых предлагает разграничивать соответствующие категории, отделяя от права собственности в гражданско-правовом смысле так называемое «субъективное конституционное право собственности» [5]. При этом содержание конституционного субъективного права собственности трактуется ими шире, чем понятие субъективного гражданского права собственности. В поддержку данного тезиса Г.А. Гаджиев приводит следующие аргументы.

1. Моменты возникновения и прекращения субъективного конституционного права не совпадают с моментами возникновения и прекращения субъективного гражданского права частной собственности.

2. Возможность путем компенсации полностью восстановить прежнее положение (в случае если государство лишило собственника его имущества).

3. Конституционное право частной собственности, по существу, обеспечивает существование целого ряда других конституционных прав, создавая условия для их реализации [там же].

Эти аргументы являются далеко не бесспорными, если толковать право частной собственности исключительно как субъективное. Так, очевидно, что трудно будет найти различия, связанные с моментами возникновения субъективного конституционного права собственности и субъективного гражданского права частной собственности: существует единый перечень основания возникновения права собственности, и возникает оно одновременно во всех смыслах – и конституционном, и гражданско-правовом. Равным образом и прекращение права собственности вряд ли может прекратиться неодновременно в конституционно-правовом и гражданско-правовом смыслах: собственник лишается всех своих правомочий – которые одинаково закреплены и в конституции и в актах гражданского законодательства – и поэтому, если на основании конституционных норм и (или) через систему конституционного правосудия он впоследствии добивается восстановления утраченного права собственности, то речь в данном случае идет, как представляется, именно о восстановлении права (повторного обретения права частной собственности), а не его сохранении в конституционном смысле и при это в отсутствие его же в смысле гражданско-правовом.

Возможность получения компенсации также совершенно равным образом характеризует и «конституционное» и «гражданско-правовое» право собственности, не делая в данном случае совершенно никаких различий, более того, природа данной компенсации имеет, как представляется, прежде всего, гражданско-правовое, а не конституционно-правовое значение, поскольку направлена она не на восстановление нарушенного или утраченного права, а на адекватное материальное возмещение имущественных потерь.

Наконец, обеспечение реализации других конституционных прав и свобод – это, безусловно, крайне важно, но и в данном случае сложно обнаружить отличия от «гражданско-правового» права частной собственности. В данном случае в связи с особой важностью института, мы видим его закрепление в акте

высшей юридической силы государства – но в Конституции Российской Федерации закреплены и многие другие институты: финансового права, уголовного, административного и т.д., но это ведь не создает различий в понимании (определении), к примеру, «конституционно-правовой» и «финансово-правовой» (или «налогово-правовой») обязанности платить законно установленные налоги и сборы.

Что же касается субъективных прав, то, соглашаясь с общей позицией о необходимости их подразделения на конституционные и отраслевые [8], следует признать справедливость и постановки вопроса об отделении субъективного конституционного права собственности от соответствующего отраслевого (гражданско-правового) права. На возможность разделения этих прав в свое время указывал Л.Д. Воеводин, критикуя попытки распространения свойств гражданского права частной собственности как «абсолютного субъективного права» на «абстрактное конституционное право» [9]. Но проблема состоит в том, что, рассматривая субъективные права, невозможно преодолеть естественное отождествление субъективного конституционного права частной собственности и одноименного отраслевого права: например, продажа имущества ведет к утрате, т.е. отчуждению права собственности на него, и тем самым, к прекращению субъективного конституционного права частной собственности. Но ведь оно, это конституционное право, как следует из конституционных же положений, неотчуждаемо: исходя из норм ч. 2 ст. 17 Конституции Российской Федерации субъективное конституционное право частной собственности попросту не может прекратиться. Именно с этих позиций исследователи и критикуют концепцию субъективного конституционного права частной собственности: «Не может быть отнесено к неотчуждаемым право на собственность, поскольку владелец собственности может произвести отчуждение по своей воле - передать, подарить, наследовать и т.д.» [10]. И единственный способ в какой-то степени данное противоречие разрешить – это признание того (как, например, показано у О.А. Ильичевой), что "объектом конституционно-правовой защиты частной собственности является не только основное неотчуждаемое право - право частной собственности на землю, но и само отношение частной собственности, являющееся одним из элементов основ конституционного строя Российской Федерации" [11] – но в этом случае мы уже, в принципе, выходим за рамки собственно субъективных прав. Так, Н.Н. Соломатина предлагает следующие критерии отграничения субъективного конституционного права частной соб-

ственности от соответствующего отраслевого права:

1) возможность отчуждения: можно отказаться от отраслевого права – от права собственности на конкретное имущество, но невозможно отказаться от абстрактного субъективного конституционного права частной собственности – только от возможности его осуществления;

2) возможность ограничения: субъективное конституционное право частной собственности может быть ограничено только федеральным законом и только в соответствии с ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации, субъективное гражданско-правовое право частной собственности может быть ограничено на основании как закона, так и договора;

3) возможность возникновения и прекращения: субъективное конституционное право частной собственности возникает и прекращается вне зависимости от воли человека – наоборот, для возникновения (прекращения) субъективного гражданского права частной собственности необходимы волевые действия субъекта;

4) возможность объективации: субъективное конституционное право частной собственности не связано с наличием у лица какого-либо имущества, т.е. не имеет объективации, в то время как право частной собственности как отраслевое возникает только в отношении конкретного объекта и прекращается в случае исчезновения (отчуждения, гибели и т.п.) этого объекта [12].

По мнению А.П. Анисимова и А.И. Мелихова, этот перечень целесообразно дополнить пятым критерием – критерием защиты, согласно которому субъективное гражданское право собственности защищается Европейским судом по правам человека, в то время как абстрактное право устанавливается государством и не является предметом защиты Европейского суда (в противном случае произошло бы нарушение суверенитета данного государства) [13].

С предложенными критериями, в принципе, следует согласиться, однако, нельзя не отметить, что они отграничивают не субъективное конституционное право частной собственности от отраслевого (гражданско-правового) права частной собственности, а абстрактное конституционное право на обладание частной собственностью от конкретного субъективного права частной собственности. Право же на собственность, как справедливо указывают исследователи, представляет собой потенциальную, еще не реализованную возможность обладать каким-либо имуществом. Несмотря на фундаментальный характер права на собственность, в отечественной юриспруденции

его, как правило, не рассматривают как субъективное право. Это обусловлено двумя причинами. Во-первых, право на собственность представляет собой элемент правоспособности, которую ученые не признают субъективным правом, а, во-вторых, право на собственность выступает не субъективным правом, а интересом, не обеспеченным обязанностью государства [там же]. Поэтому, исходя из изложенного, следует сделать вывод о том, что в качестве субъективных прав, конституционное и гражданско-правовое право частной собственности не имеют значимых содержательных отличий.

В целом же, как представляется, на основе синтеза конституционного и гражданского права собственности возникает явление, которое можно охарактеризовать как систему института частной собственности, элементами которой является множество субъектов – частных собственников, - вступающих между собой в различные отношения по поводу имущества (имущественных прав). Следствием наличия данной системы и взаимодействия ее элементов является возникновение так называемого частного сектора экономики. И только наличие и постоянное развитие данного частного сектора позволяет сделать экономику в государстве конкурентной. Конкурентоспособность же экономики является одной из приоритетных целей нашего государства: «Россия должна быть и будет страной с конкурентоспособной рыночной экономикой. Страной, где права собственности надежно защищены, а экономические свободы позволяют людям честно работать, зарабатывать. Зарабатывать без страха и ограничений» [14].

Однако сказанное не означает, что право частной собственности должно стоять за рамками государственного контроля и вне поля государственного регулирования. Несмотря на то, что, как уже было отмечено, право частной собственности Конституция Российской Федерации признает и защищает равным образом с другими формами собственности, данное положение вовсе не означает невозможность его ограничения. Наоборот, в целом ряде случаев условием возникновения (поддержания) конкуренции является ограничение права частной собственности. С другой стороны, допустимость таких ограничений дает основание отдельным исследователям сделать вывод о том, что «фактически различные формы собственности не равны между собой. В частности, законом определяется, какие виды имущества могут находиться только в государственной или муниципальной собственности. К такому относится, например, имущество, изъятое из гражданского оборота. Различны также способы приобретения и прекращения права соб-

ственности для различных субъектов. Например, государство может приобретать право собственности за счет конфискации какого-либо имущества или иного отчуждения (выкупа) для своих нужд» [15]. Корректность данного вывода вызывает серьезные вопросы: можно ли говорить о равенстве прав в ситуации, когда эти права в одном случае возникают, а в другом нет? Не случайно, в самых ранних определениях права частной собственности (например, Декларации прав человека и гражданина 1793 г.) очень четко указывалось, что право частной собственности означает принадлежащую каждому гражданину возможность пользоваться и располагать по усмотрению своим имуществом, своими доходами и т.д. Поэтому некорректно в такой ситуации ставить вопрос «равны ли между собой формы собственности». С точки зрения объема правомочий (возможностей по владению, пользованию и распоряжению), несомненно, равны, хотя и объем правомочий сопоставлять здесь не всегда корректно: физическое лицо может продать любое принадлежащее ему имущество (или иным способом совершить его отчуждение). Может ли сделать то же самое собственник-государство? Теоретически да, но на практике – если речь идет о сверхсекретной военной технологии, например, и тому подобном, – большой вопрос. Поэтому неравенство в данном случае заключается не в формах собственности, а в субъектах, которые данное право реализуют: но подвергать данный вопрос исследованию, как представляется, бесперспективно. Очевидно, и постоянно проявляться на практике неравенство (правильнее сказать, неодинаковость) субъектов права – и нет необходимости сопоставлять даже таких полярных субъектов как индивида и государства, чтобы это доказать. Аксиоматично уже и то, что два индивида не могут быть равны во всем; можно ставить вопрос лишь о формально-юридическом равенстве, о равенстве возможностей, предоставляемых правом, и это приводит к выводу о принципиальной невозможности решения поставленного вопроса. Государственная, муниципальная, частная и иные формы собственности не могут быть равны или не равны по отношению друг другу: это различные правовые институты как в конституционно-правовом, так и в гражданско-правовом смысле.

Право частной собственности в отношении наиболее важных (конституционных) объектов – земли и природных ресурсов – особым образом урегулировано в Конституции Российской Федерации. И в данном контексте речь в Конституции идет уже не о правах человека, а о правах гражданина. В соответствии с ч. 1 ст. 36 Конституции России граждане и их объ-

единения вправе иметь в частной собственности землю. Исследование данных положений вызывает несколько очевидных вопросов: означает ли данная формулировка Конституции признание права частной собственности на землю только за гражданами (объединениями граждан)? И означает ли она невозможность приобретения земли в собственность в Российской Федерации иностранными и гражданами и лицами без гражданства? – и если нет, то не будет ли означать продажа земли иностранцу передачу ему части государственной территории Российской Федерации? В Постановлении Конституционного Суда РФ от 23.04.2004 г. № 8-П "По делу о проверке конституционности Земельного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Мурманской областной Думы" [16] сформулированы определенные правовые позиции, разъясняющие данные вопросы.

Во-первых, согласно ч. 3 ст. 62 Конституции Российской Федерации иностранные граждане и лица без гражданства пользуются в Российской Федерации правами и несут обязанности наравне с гражданами Российской Федерации, кроме случаев, установленных федеральным законом или международным договором Российской Федерации. Тем самым в качестве общего принципа российского законодательства установлен "национальный режим" для иностранных лиц и лиц без гражданства, т.е. в отношении прав и обязанностей они приравнены к российским гражданам.

Во-вторых, сама по себе возможность предоставления иностранным гражданам, лицам без гражданства и иностранным юридическим лицам права на определенных условиях приобретать в собственность и в определенных пределах владеть, пользоваться и распоряжаться земельными участками, с точки зрения Конституционного Суда Российской Федерации, не противоречит конституционно-правовому статусу земли как публичного достояния многонационального народа России.

В-третьих, как указывает Конституционный Суд Российской Федерации, федеральный законодатель, предоставляя иностранным гражданам и лицам без гражданства право приобретать в частную собственность землю, должен исходить приоритета права российских граждан иметь в собственности землю, обеспечивая рациональное и эффективное использование земли и ее охрану, защиту экономического суверенитета Российской Федерации, целостность и неприкосновенность ее территории.

Наконец, в-четвертых, объектом права собственности на землю являются земельные участки, представляющие собой часть поверхности земли в границах территории Российской

Федерации. При предоставлении земли в частную собственность приобретателю передается не часть государственной территории, а лишь земельный участок как объект гражданских прав, что не затрагивает суверенитет Российской Федерации и ее территориальную целостность.

Данные правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации, как представляется, в целом, довольно системно связывают конституционное право гражданина на землю с гражданско-правовым регулированием права частной собственности на землю, распространяющимся как на граждан Российской Федерации, так и на иностранных граждан, и на лиц без гражданства. Достаточно спорным выглядит лишь вывод Конституционного Суда Российской Федерации о том, что, ограничивая право собственности иностранных граждан на землю (например, устанавливая запрет на обладание на праве собственности земельными участками, находящимися на приграничных и иных территориях Российской Федерации) федеральный законодатель тем самым устанавливает приоритет права российских граждан иметь в собственности землю, обеспечивая рациональное и эффективное использование земли и ее охрану, защиту экономического суверенитета Российской Федерации. Как представляется, речь в данном случае идет совершенно не о приоритете – и в этом контексте – о равенстве или неравенстве российских граждан и иностранцев, а о различии их правового статуса, объеме правоспособности. У граждан России он шире (на территории Российской Федерации), но это не делает их право собственности «приоритетным» по отношению к праву частной собственности иностранных граждан в Российской Федерации. В данном случае имеет место иное: право частной собственности иностранного гражданина ограничивается по объектному составу по сравнению с гражданином России, но ни о какой приоритетности речь в данном случае не идет. Да, объекты права частной собственности различаются, но объем правомочий собственника – одинаков, и права по владению, пользованию и распоряжению объектом собственности защищаются государством равным образом.

1. Андреева Г.Н. *Объекты права собственности в конституциях зарубежных стран: ретроспективный взгляд. Конституционное и муниципальное право.* 2007. № 2.

2. *Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая). Федеральный закон от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 06.12.2011, с изм. от 27.06.2012). Собрание законодательства Российской Федерации.* 1994. № 32. Ст. 3301.

3. Гаджиев Г.А. *Конституционные основы современного права собственности. Журнал российского права.* 2006. № 10. С. 10.

4. Мазаев В.Д. *Конституционная модель российской экономической системы: образ и реальное наполнение. Журнал российского права.* 2008. № 12.

5. Гаджиев Г.А. *Конституционные основы современного права собственности. Журнал российского права,* 2006. № 12. С. 92.

6. Андреев В.К. *О праве частной собственности в России (критический очерк).* М.: Волтерс Клувер. 2007. С. 39.

7. Андреев В.К. *Указ соч.* С. 21

8. Витрук Н.В. *Субъективные права советских граждан и их развитие в период строительства коммунистического общества: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Киев, 1965.* С. 19.

9. Воеводин Л.Д. *Конституционные права и обязанности советских граждан. М., 1972.* С. 101.

10. Рассказов Л.П., Упоров И.В. *Естественные права человека. СПб.: Лексикон.* 2001. С. 11.

11. Ильичева О.А. *Судебная защита конституционного права частной собственности на землю гражданина Российской Федерации: понятие и сущность // Российский судья.* 2007. № 1. С. 28.

12. Соломатина Н.Н. *Соотношение частных и публичных начал в праве частной собственности // Сб. Гармонизация частных и публичных интересов. Саратов. Научная книга.* 2005. С. 95-96.

13. Анисимов А.П., Мелихов А.И. *Конституционно-правовое регулирование права частной собственности на земельные участки: монография. Волгоград. Мастер.* 2009. С. 84.

14. *Послание Президента России Владимира Путина Федеральному Собранию Российской Федерации. Российская газета.* 2003. № 93.

15. Шуплецова Ю.И. *Вещные права на природные ресурсы: публичные и частные интересы. М. Юриспруденция.* 2007. С. 71.

16. *Собрание законодательства Российской Федерации.* 2004. № 18. Ст. 1833.

1. Andreeva G.N. *Objects of the property right in constitutions of foreign countries: retrospective look. Constitutional and municipal law.* 2007. No 2.

2. *Civil code of the Russian Federation (part one). The federal law of 30.11.1994 No 51-FZ (an edition of 06.12.2011, with amendment of 27.06.2012). Russian Federation Code.* 1994. No 32. Art. 3301.

3. Gadzhiev G.A. *Constitutional bases of the modern property right. Magazine of the Russian right.* 2006. № 10. P. 10.
4. Mazayev V.D. *Constitutional model of the Russian economic system: image and real filling. Magazine of the Russian right.* 2008. No 12.
5. Gadzhiev G.A. *Constitutional bases of the modern property right. Magazine of the Russian right.* 2006. No 12. P. 92.
6. Andreev V. K. *About the right of a private property in Russia (a critical sketch).* M.: Volters Kluver. 2007. P. 39.
7. Andreev V.K. *Decree work.* P. 21.
8. Vitruk N.V. *The subjective rights of the Soviet citizens and their development during construction of communistic society: Autoref. dis. ... cand. law scien.* Kiev, 1965. P. 19.
9. Voyevodin L.D. *Constitutional laws and duties of the Soviet citizens.* M., 1972. P. 101.
10. Rasskazov L.P., Uporov. I.V. *Natuere emphasis human rights.* SPb.: Lexicon. 2001. P. 11.
11. Ilyicheva O.A. *Judicial protection of a constitutional law of a private property on the earth of the citizen of the Russian Federation: concept and essence // Russian judge.* 2007. No 1. P. 28.
12. Solomatina N.N. *Ratio of the private and public beginnings in the right of a private property // Sb. Harmonization of private and public interests.* Saratov. Scientific book. 2005. P. 95-96.
13. Anisimov A.P., Melikhov A.I. *Constitutional and legal regulation of the right of a private property on the land plots: monograph.* Volgograd. Master. 2009. P. 84.
14. *Message of the President of Russia Vladimir Putin to Federal Assembly of Russia.* Russian newspaper. 2003. No 93.
15. Shupletsova Yu.I. *Real rights to natural resources: public and private interests.* M.: Jurisprudention. 2007. P. 71.
16. *Russian Federation Code.* 2004. No 18. Art. 1833.

Гончаров Станислав Викторович
соискатель кафедры конституционного права
Института им. К.В. Россинского (г. Краснодар)
(тел.: 88612483217)

Вопросы досрочного прекращения полномочий главы муниципального образования как меры муниципально-правовой ответственности

В статье рассматриваются некоторые дискуссионные вопросы досрочного прекращения полномочий главы муниципального образования как меры муниципально-правовой ответственности, формулируются соответствующие предложения и рекомендации.

Ключевые слова: досрочное прекращение полномочий, глава муниципального образования, ответственность.

S.V. Goncharov, post-graduate of the chair of constitutional law Institution of K.V. Rossinsky (Krasnodar); tel.: 88612483217.

Questions of the early termination of powers of the head of municipality as measures of municipal and legal responsibility

In the article they are considered some debatable questions of prior termination of powers of chapter of municipal structure how measures of municipal -legal responsibility, appropriate proposals and recommendations are formulated.

Key words: prior termination of powers, chapter of municipal structure, responsibility.

В действующем ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее ФЗ 2003 г.) [1] предусмотрен достаточно обширный перечень оснований досрочного прекращения полномочий главы муниципального образования (ч. 6 ст. 36). Однако из 16 оснований абсолютное большинство не связано с деятельностью главы муниципального образования по решению вопросов местного значения, и досрочное прекращение полномочий происходит вне зависимости от эффективности указанной деятельности (например, смерть, признание судом недееспособным или ограниченно дееспособным, выезд за пределы России на постоянное место жительства и др.). Мы полагаем, что такого рода основания досрочного прекращения полномочий главы муниципального образования носят технический характер и для науки муниципального права особого интереса не представляют.

Совсем иная ситуация с теми основаниями, которые связываются с результатами деятельности главы муниципального образования: 1) удаление в отставку (п. 2.1. ч. 6 ст. 36 ФЗ 2003 г.); 2) отрешение от должности (п. 3 ч. 6 ст. 36 ФЗ 2003 г.); 3) отзыв избирателями (п. 9 ч. 6 ст. 36 ФЗ 2003 г.).

Анализ указанных правовых норм показывает, что данные основания досрочного прекращения полномочий главы муниципального образования следует расценивать как санкции муниципально-правовой ответственности, которые применяются к главе муниципального образования как представителю публичной власти и которые в совокупности представляют собой меру муниципально-правовой ответственности в виде досрочного прекращения полномочий главы муниципального образования.

При этом нужно подчеркнуть, что реализация муниципально-правовой ответственности (муниципально-правовых санкций) в обязательном порядке влечет за собой досрочное прекращение полномочий выборного должностного лица (органа местного самоуправления), в отношении которого применяется муниципально-правовая санкция, что, собственно, является спецификой муниципально-правовой ответственности (в отличие, например, от административно-правовой, дисциплинарной ответственности).

Применительно к главе муниципального образования основная идея, определяющая сущность его публичной ответственности, заключается в том, что допускаемые им нарушения муниципально-правовых норм свидетель-

ствуют о недостаточно эффективной работе главы муниципального образования, и если нарушение (совокупность нарушений) является серьезным, то оно означает недопустимо низкий уровень этой эффективности, означающий наличие основания для досрочного прекращения полномочий главы муниципального образования, которое реализуется путем применения соответствующей муниципально-правовой санкции.

В литературе указывается, что муниципально-правовая ответственность, в том числе досрочное прекращение полномочий главы муниципального образования, наступает при нарушении, прежде всего, норм устава муниципального образования, иных локальных нормативных правовых актов органов и должностных лиц местного самоуправления, а также актов, принятых населением на местном референдуме [2, с. 199]. Как видно, нормы актов федерального уровня и уровня субъектов РФ не называются. Тем самым обозначается проблема, которая была предметом рассмотрения в Конституционном Суде РФ [3] по запросу Народного Хурала Республики Бурятия о проверке конституционности п. 3 ст. 49 действовавшего тогда (1997 г.) ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».

По мнению заявителя, установленная данными положениями возможность досрочного прекращения полномочий органа местного самоуправления (должностного лица) нарушает самостоятельность органов местного самоуправления, в том числе в решении вопросов ответственности и досрочного прекращения полномочий их выборных должностных лиц, позволяет органам государственной власти субъектов Российской Федерации вмешиваться в функционирование местного самоуправления и потому противоречит ст. 3, 12, 130 Конституции России. В соответствии с их содержанием, органы местного самоуправления как особая разновидность осуществления власти народом не входят в систему органов государственной власти и предназначены для самостоятельного решения населением вопросов местного значения. Кроме того, механизм досрочного прекращения полномочий имеет чисто процедурный характер и не относится к общим принципам организации системы органов государственной власти и местного самоуправления, находящимся согласно п. «н» ч. 1 ст. 72 Конституции России в совместном ведении Российской Федерации и ее субъектов. Следовательно, такого рода процедуры должны в соответствии с ч. 4 ст. 76 Конституции России определяться не федеральным законом, а законом субъекта РФ.

Мы полагаем, что доводы заявителя достаточно серьезные, и они актуальны также и применительно к ФЗ 2003 г. Сразу отметим, что Конституционный Суд не согласился ни с одним из аргументов заявителя.

В частности, в Постановлении Конституционного Суда указывается, что для того, чтобы защитить права граждан (в том числе право на осуществление местного самоуправления) от возможных злоупотреблений своими полномочиями со стороны органов местного самоуправления и выборных должностных лиц местного самоуправления и вместе с тем гарантировать муниципальным образованияам защиту от необоснованного вмешательства в их деятельность, Российская Федерация как суверенное государство вправе предусмотреть адекватные меры ответственности органов местного самоуправления и выборных должностных лиц местного самоуправления. И в том числе, досрочное прекращение полномочий соответствующего органа местного самоуправления, выборного должностного лица местного самоуправления. А сама возможность досрочного прекращения полномочий один из основных принципов, определяющих статус органов и выборных должностных лиц местного самоуправления. Установление общих принципов организации местного самоуправления относится к совместному ведению Российской Федерации и ее субъектов (п. «н» ч. 1 ст. 72 Конституции Российской Федерации). По предметам совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов издаются федеральные законы и принимаемые в соответствии с ними законы и иные нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации (ч. 2 ст. 76 Конституции Российской Федерации). Следовательно, федеральный законодатель был вправе предусмотреть возможность досрочного прекращения полномочий органа местного самоуправления, выборного должностного лица местного самоуправления. Вместе с тем, ряд общественных отношений, связанных с применением данной меры ответственности (в том числе с основаниями ее применения), остается неурегулированным, и поэтому в силу п. «н» ч. 1 ст. 72 и ч. 2 ст. 76 Конституции Российской Федерации законодатель субъекта Российской Федерации в этой части вправе осуществить собственное правовое регулирование.

С этими доводами Конституционного Суда следует согласиться, хотя, заметим уже применительно к ФЗ 2003 г., что субъекты РФ отнюдь не проявляют инициативу в вопросах дополнительного регулирования вопросов ответственности органов местного самоуправления и главы муниципального образования, в том числе в части досрочного прекращения

полномочий. Так, в Законе Краснодарского края «О местном самоуправлении Краснодарского края» [4] нормы об ответственности органов и должностных лиц местного самоуправления заимствованы из федерального закона 2003 г., причем, в весьма сокращенном виде.

Более сложная ситуация складывается со следующим положением рассматриваемого Постановления Конституционного Суда. По мнению заявителя, муниципальные образования имеют многоуровневый характер, в связи с чем недопустимо установление федеральным законодателем единого порядка досрочного прекращения полномочий органов и должностных лиц местного самоуправления разного уровня и требуется различное регулирование их ответственности, при этом делается ссылка на ст. 12 и 130 Конституции России.

Контрдовод Конституционного Суда заключается в том, что Конституция России и другие законы не предусматривают различий в правовом статусе муниципальных образований. Муниципальные образования независимо от размеров территории и численности населения, а также своей структуры и места в системе территориального устройства пользуются одними и теми же конституционными правами и гарантиями. Между ними нет отношений подчиненности, и, следовательно, органы одних муниципальных образований не вправе применять санкции в отношении органов и должностных лиц других муниципальных образований. Поэтому установленный федеральным законодателем единый порядок досрочного прекращения полномочий органов местного самоуправления, выборных должностных лиц местного самоуправления не противоречит Конституции России.

Формально противоречия, действительно, нет. Однако если обратиться к сути явления, опять уже применительно к ФЗ 2003 г., то обнаружится, что система муниципальных образований в России достаточно сложная (городские и сельские поселения, муниципальные районы, городские округа, внутригородские территории городов федерального значения), при этом городские и сельские поселения входят в состав муниципального района, но при отсутствии административной соподчиненности. Закон допускает, что глава субъекта РФ может (при определенных условиях) отрешать от должности главу любого муниципального образования, входящего в состав субъекта РФ. Однако представляется неправильным, чтобы глава субъекта РФ мог отрешать от должности главу муниципального образования поселения «через голову» муниципального района.

В этом контексте институт отрешения от должности главы муниципального образования

не предусматривает участия в его реализации представительного органа местного самоуправления, перед которым согласно ч. 5 ст. 36 ФЗ 2003 г. подотчетен и которому подконтролен глава муниципального образования. Поэтому мы полагаем, что только в том случае, если представительный орган не принимает адекватных мер при совершении главой муниципального образования действий, указанных в п. 1 и 2 ч. 1 ст. 74 ФЗ 2003 г., глава субъекта РФ получает полномочия для реализации муниципально-правовой санкции в отношении главы муниципального образования в рамках реализации муниципально-правовой ответственности главы муниципального образования перед государством. А если речь идет о главе муниципального образования поселения, то отрешение от должности может являться возможно только при бездействии как представительного органа поселения, так и представительного органа муниципального района, в состав которого входит поселение.

В целом же, как нам представляется, любая муниципально-правовая санкция не должна применяться без участия в этом процессе населения муниципального образования либо представительного органа местного самоуправления, поскольку в противном случае определенным образом ущемляется самостоятельность местного самоуправления как фундаментальный принцип его функционирования, закрепленный в конституционном порядке.

1. *ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 06.10.2003 г. № 131 (в ред. 25.07.2011 г.) // Справочно-правовая система «Консультант +» (дата обращения – 04.10.2011г.).*

2. *Муниципальное право России / Отв. ред. Г.Н. Чеботарев. М.: Юристъ, 2006.*

3. *Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16.10.1997 N 14-П «По делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 49 Федерального закона от 28 августа 1995 г. "Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации"» // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 1997. № 5.*

4. *Закон Краснодарского края от 07.06.2004 N 717-К (в ред. от 07.06.2011) «О местном самоуправлении в Краснодарском крае» // Справочно-правовая система «Консультант +» (дата обращения – 07.10.2011 г.).*

1. *Federal Law "About the general principles of the organization of local government in the Russian Federation" of 06.10.2003 No 131 (in an*

edition 25.07.2011)//Legal-reference system "Consultant +" (address date – 04.10.2011).

2. *Municipal right of Russia / Ch. ed. G.N. Tchebotaryov. M.: Law, 2006.*

3. *The resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 16.10.1997 N 14-P "On the case of check of constitutionality of point 3 of article 49 of the Federal law of August 28, 1995 "About the general principles of the organization of*

local government in the Russian Federation"// Messenger of the Constitutional Court of the Russian Federation. 1997. No 5.

4. *The law of Krasnodar region of 07.06.2004 N 717-K (in an edition of 07.06.2011) "About local government in Krasnodar region"//Legal-reference system "Consultant +" (address date – 07.10.2011).*

Денисова Армина Вазгеновна

соискатель кафедры административного и финансового права
Кубанского государственного аграрного университета
(тел.: 89186573754)

Понятие и сущность управления земельными ресурсами в субъектах Российской Федерации

В статье рассматривается сущность управления земельными ресурсами на уровне субъектов РФ как элемент государственного управления. Дано понятие государственного управления земельными ресурсами как организующей деятельности по обеспечению рационального использования земель.

Ключевые слова: государственное управление, рациональное использование земель, земельные ресурсы, уполномоченный орган исполнительной власти.

A.V. Denisova, post-graduate of the chair of administrative and financial law Kuban State University; tel.: 89186573754.

Notion and essence of management to land resource in subjects of Russian Federation

In article is considered essence of management to Land resource at a rate of RF subject as element of state management. Notion of state management to Land resource is given as organizing activity on ensuring the rational use the lands.

Key words: state management, rational uses the lands, land facility, representative organ executive authorities.

Рациональное использование земель является одной из главных проблем современной России и, таким образом, выступает в числе важнейших приоритетов внутренней политики государства. Правовое регулирование землепользования при всей его противоречивости опирается, в конечном счете, на понимание земли как общенародного достояния. В связи с этим возрастает и роль государственного управления в сфере охраны и использования земель.

Как элемент государственного управления в целом [1], в широком смысле государственное управление в области использования и охраны земельных ресурсов - это целенаправленное организующее воздействие государства в лице уполномоченных органов на обеспечение рационального использования земель в целях развития всего общества [2]. Государственное управление использования земельных ресурсов в узком смысле - это организующая деятельность органов исполнительной власти, направленная на обеспечение рационального использования земель обществом.

Государство в лице органов исполнительной власти, вступая в земельные правовые отношения, оказывается выразителем общественных публичных интересов. В данном случае мы следуем мнению о том, что у государства нет (в идеале) интересов, отличных от того сообщ-

ества, интересы которого они призваны выражать [3] При этом заметим, что государство, реализуя управленческие функции в современных условиях, с одной стороны, призвано обеспечивать "общие", существенные для всего сообщества интересы, к которым, безусловно, относятся такие, как охрана земель, как компонента окружающей среды, с другой стороны, должно быть направлено на обеспечение стабильности землепользования и земельного правопорядка. Последние функции, если учесть многообразие социальных интересов, направленных на приобретение земельных ресурсов, наполняются весьма существенным значением в современных условиях.

Таким образом, цель государственного управления в области использования и охраны земель в самом общем смысле - обеспечение публичных интересов, а также обеспечение соотношения и баланса интересов отдельных социальных групп при использовании земли. Указанная цель достигается посредством реализации соответствующими органами властных полномочий, прежде всего участием данных органов в соответствующих правовых отношениях, основанных на власти и подчинении.

Механизм государственного управления земельными ресурсами и его составляющие являются объектом не прекращающихся науч-

ных исследований [4]. Однако, как показывает опыт, процесс государственного управления земельными ресурсами испытывает затруднения. Это связано с общими проблемами переходного периода и трудностями административной реформы. В то же время, как представляется, есть и проблемы системного характера, касающиеся только места и роли государства в обновленных земельных отношениях.

Одна из проблем, как представляется, связана с тем, что те звенья, которые составляют, по мнению специалистов, механизм государственного управления, развиваются в земельной сфере не одинаково. Но более важной проблемой оказывается, по нашему мнению, то, что механизм управления испытывает трудности в достижении самой цели управления. Кроме того, на становлении управленческих земельных отношений отражаются проблемы формирования метода правового регулирования земельных отношений в целом. Это имеет выражение и в реализации, и в развитии соответствующих земельных правовых отношений.

В том, что касается составляющих механизма государственного управления, имеются разные мнения. Так, А.П. Алехин, анализируя точки зрения по этому поводу, выделяет следующие элементы государственного управления: анализ ситуации; прогнозирование; программирование; информационное обеспечение; регулирование; организация; координация; контроль [1]. Можно утверждать, что при осуществлении государственного управления в рамках реализации земельных отношений, все эти элементы имеют свое место и выражение в определенных полномочиях государственных органов или органов местного самоуправления.

Содержание данного круга отношений в целом задано положениями действующего земельного законодательства, а также законодательства, регулирующего деятельности государственной исполнительной власти. Какие правовые отношения должны быть включены в круг, названный отношениями в области управления земельными ресурсами, зависит от установленных норм, регулирующих управленческие функции органов государственной власти. Однако и эти нормы должны быть основаны на общих представлениях о публичных функциях по управлению земельными ресурсами.

В такие функции, как известно, входят: учет (количественный и качественный) земельных ресурсов как объекта управления; управление процессами перераспределения; охрана земельных ресурсов; контроль за соблюдением установленных законом требований по использованию ресурсов. В основе управления нахо-

дится, с одной стороны, то свойство земли, которое именуется ограниченностью ресурса, с другой стороны - разнообразие интересов в использовании этого ограниченного ресурса. Отсюда необходимое исполнение публичной властью как минимум двух функций - охрана ресурса от истощения и других негативных явлений, которые могут привести к невозможности его использования в социально важных целях, а также обеспечение баланса интересов. Для реализации этих целей, собственно, и устанавливаются соответствующие полномочия органов государственной власти.

Напомним, что согласно ст. 9 ЗК к полномочиям РФ в области земельных отношений относятся:

- 1) установление основ федеральной политики в области регулирования земельных отношений;
- 2) установление ограничений прав собственников земельных участков, землепользователей, землевладельцев, арендаторов земельных участков, а также ограничений оборотоспособности земельных участков;
- 3) государственное управление в области осуществления мониторинга земель, государственного земельного контроля, землеустройства;
- 4) установление порядка резервирования земель, изъятия земельных участков, в том числе путем выкупа, для государственных и муниципальных нужд;
- 5) резервирование земель, изъятие земельных участков, в том числе путем выкупа, для нужд РФ;
- 6) разработка и реализация федеральных программ использования и охраны земель;
- 7) иные полномочия, отнесенные к полномочиям РФ Конституцией РФ, Земельным кодексом, федеральными законами.

Российская Федерация осуществляет управление и распоряжение земельными участками, находящимися в собственности РФ (федеральной собственностью).

Далее, ст. 10 ЗК определено, что к полномочиям субъектов РФ относятся резервирование, изъятие, в том числе путем выкупа, земель для нужд субъектов РФ; разработка и реализация региональных программ использования и охраны земель, находящихся в границах субъектов РФ; иные полномочия, не отнесенные к полномочиям РФ или к полномочиям органов местного самоуправления.

Субъекты РФ также осуществляют управление и распоряжение земельными участками, находящимися в собственности субъектов РФ.

Нетрудно заметить, что ЗК РФ относит к ведению федеральных органов власти решение фундаментальных вопросов: выработку основ земельной политики, правового регулирования

ограничений землепользования и изъятия земель у собственников и владельцев. Задачи субъектов Федерации обрисованы значительно скромнее: принятие конкретных решений по резервированию и изъятию земель, разработка и реализация программ использования и охраны земель.

Так, в ст. 5 Закона Краснодарского края № 532-КЗ [5] сформулированы полномочия специального органа исполнительной власти по управлению земельными ресурсами. Специально уполномоченный орган [6] исполнительной власти Краснодарского края по управлению и распоряжению земельными ресурсами, находящимися в государственной собственности Краснодарского края (далее - уполномоченный орган), в пределах полномочий, установленных высшим исполнительным органом государственной власти Краснодарского края, вправе:

осуществлять от имени Краснодарского края юридические действия по защите имущественных прав и законных интересов Краснодарского края в области управления и распоряжения земельными ресурсами;

участвовать в разработке и выполнении краевых программ по рациональному использованию и мониторингу земель, повышению плодородия почв, охране и учету земельных ресурсов Краснодарского края;

осуществлять функции по приватизации земельных участков, предоставлению земельных участков, выкупу земельных участков для государственных нужд Краснодарского края;

осуществлять реквизицию земельных участков в случаях, установленных законодательством Российской Федерации;

осуществлять организацию и проведение торгов (аукционов, конкурсов) по продаже земельных участков или права их аренды;

заключать договоры безвозмездного срочного пользования, аренды земельных участков;

контролировать перечисление в краевой бюджет средств от продажи и аренды земельных участков, а также от продажи права аренды земельных участков на торгах (аукционах, конкурсах);

контролировать проведение работ по выбору и формированию земельных участков из земель, находящихся в государственной собственности Краснодарского края, а также при изъятии земельных участков органами государственной власти Краснодарского края в случаях, установленных законодательством Российской Федерации;

устанавливать порядок принятия и рассмотрения заявлений граждан и юридических лиц о приобретении прав на земельные участки из земель, находящихся в государственной собственности Краснодарского края;

принимать в пределах своей компетенции меры по устранению нарушений федерального законодательства и законодательства Краснодарского края в области земельных отношений путем предъявления исков в суды и направления материалов в правоохранительные органы для привлечения виновных лиц к ответственности;

осуществлять иные полномочия, предусмотренные законодательством Российской Федерации, настоящим Законом и иными нормативными правовыми актами Краснодарского края.

Таким образом, из содержания приведенной нормы регионального Закона следует определение объема полномочий субъекта Федерации по управлению земельными ресурсами. Прежде всего, это – учет земельных ресурсов и мониторинг их рационального использования (на территории субъекта РФ). Далее, важным представляется полномочие органа исполнительной власти по изъятию (выкупу) земель у собственников и пользователей, а также по приватизации земель и передаче их в пользование по различным договорам. Наконец, выполнение возложенных на орган власти функций немислимо без наделения его полномочиями защиты и контроля.

Если обратиться к специальным функциям государственного управления земельными ресурсами, то Земельным кодексом РФ выделены такие, которые считаются преимущественно земельными. Им посвящены особые главы ЗК - гл. X, XI, XII и некоторые статьи в иных главах. К ним относятся: плата за землю, мониторинг земель, кадастровый учет земельных участков, контроль за соблюдением земельного законодательства, охраной и использованием земель (земельный контроль). Ряд управленческих полномочий закреплен за органами государственной власти и в области землеустройства. Представленный перечень функций не случаен, он продиктован не только спецификой земли как объекта управленческих отношений, но и тем, что сама управленческая деятельность обладает особенностями и особым перечнем задач, которые стоят перед уполномоченными органами государственной власти, реализующими эти функции.

Основные черты управления в области земельных отношений:

объектом управления является земля; все основные функции осуществляются одним уполномоченным органом;

функции управления урегулированы нормативными актами земельного законодательства.

В то же время, помимо перечисленных функций, которым ЗК уделил особое внимание, к государственному управлению в рамках земельных отношений относится и иная деятельность, осуществляемая преимущественно

органами государственной исполнительной власти, если объектом этого управления являются различные аспекты земельных отношений. Однако Земельный кодекс РФ не обращается к ним специально.

Существует ряд управленческих функций, тесно соприкасающихся с земельными, но не ограничивающихся только управлением земельным фондом. К таким управленческим действиям можно отнести, в частности, деятельность государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним.

Экологический и санитарно-эпидемиологический контроль как вид исполнительно-распорядительной деятельности также имеет в виду экологическое или санитарно-эпидемиологическое состояние земли как природного объекта. Однако в данном случае земля выступает только как один из контролируемых объектов, поэтому основная масса норм, регулирующих эти виды управленческих функций, сосредоточены не в земельном законодательстве, а в законодательстве, соответственно экологическом и санитарно-эпидемиологическом и т.д.

Основными отличиями данных функций являются следующие: объектом управления являются отношения не только по использованию земли, но иные общественные отношения, иные, помимо земли, объекты материального мира (использование вещей, получение доходов и т.п.); управление осуществляется уполномоченным органом специальной компетенции, осуществляющим преимущественно только этот вид деятельности; отношения в области управления урегулированы отраслевым законодательством (гражданским, налоговым, экологическим и т.п.).

При изучении основных функций по управлению в области охраны и использования земли следует отграничивать данные функции от предоставленных органам государственной власти полномочий в области управления и распоряжения земельными участками, находящимися в государственной или муниципальной собственности.

Полномочия органов государственной власти в области управления и распоряжения земельными участками, находящимися в государственной собственности, предполагают реализацию не административно-властных полномочий, а реализацию правомочий собственника в отношении конкретного земельного имущества. Такие правомочия реализуются на основании ст. 29 ЗК, ст. 124, 125, 214 и др. статей ГК, в частности при осуществлении приватизации земельных участков или предоставлении их в пользование, в том числе в аренду.

Система законодательства об управлении в области охраны и использования земли выстраивается на основе положений ст. 72 Конституции РФ, согласно которой в совместном ведении РФ и субъектов РФ находятся следующие вопросы: вопросы владения, пользования и распоряжения землей, недрами, водными и другими природными ресурсами; разграничение государственной собственности; природопользование; охрана окружающей среды и обеспечение экологической безопасности; особо охраняемые природные территории; охрана памятников истории и культуры; административное, административно-процессуальное, трудовое, семейное, жилищное, земельное, водное, лесное законодательство, законодательство о недрах, об охране окружающей среды.

Основным нормативным актом земельного законодательства, определяющим основы управленческих функций органов государственной власти в земельных отношениях, является Земельный кодекс РФ. Земельный кодекс РФ содержит общие, принципиальные нормы, устанавливающие функции государственного управления земельными ресурсами, а также ряд основных положений, на основе которых должно осуществляться регулирование указанных функций. Детальное регулирование отношений в области управления установлено отдельными нормативными актами.

Так, Земельным кодексом РФ установлены положения, согласно которым (ст. 9) определено, что государственное управление в области осуществления мониторинга земель, государственного земельного контроля, землеустройства и ведения государственного земельного кадастра находится в ведении РФ. Исходя из данного положения основное правовое регулирование в области управления земельными ресурсами осуществляется федеральными нормативными актами РФ.

Исходя из положений ст. 9, 10 и иных статей ЗК субъекты РФ не наделены полномочиями в области государственного управления земельными ресурсами, а именно в области ведения кадастра, мониторинга земель, землеустройства, поскольку исключительной компетенцией в этой области наделена Российская Федерация.

Это означает, что субъекты РФ, в целом обладая правом урегулировать земельные отношения на своем уровне, не вправе утверждать нормы, касающиеся регулирования ведения кадастра, мониторинга, государственного земельного контроля.

Отношения в области государственной регистрации прав на земельные участки и сделки с ними также не могут находиться в ведении субъектов РФ, поскольку осуществление госу-

дарственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним является институтом гражданского законодательства и согласно ст. 71 Конституции РФ относится к предмету ведения РФ.

В отношении правового регулирования землеустройства Земельный кодекс РФ (ст. 69) установил, что порядок проведения землеустройства устанавливается федеральными законами, законами и иными нормативными правовыми актами субъектов РФ. Таким образом, ЗК, определяя, что управление в области землеустройства является полномочием РФ, но не исключает возможности урегулирования некоторых отношений по землеустройству и на уровне субъекта РФ.

Регулирование отношений в области перевода земель из одной категории в другую также предусматривает участие в этом процессе субъектов РФ. Данная возможность установлена ст. 1 Федерального закона № 172-ФЗ [7]. Ряд положений о регулировании субъектами РФ перевода земель из одной категории в другую и установления порядка использования таких земель установлены ЗК РФ (ст. 87, 94, 95 и др.).

В целом же управление земельными ресурсами на уровне субъектов РФ представляет собой организующее воздействие уполномоченного органа исполнительной власти на участников земельных отношений в целях защиты общественных интересов и поддержания баланса интересов отдельных субъектов, реализуемое посредством учета земельных ресурсов, обеспечения их рационального использования, выявления и пресечения правонарушений в сфере землепользования.

1. См.: Алехин А.П., Кормалицкий А.А. Административное право России. М., 2005. С. 3.

2. См.: Боголюбов С.А., Галиновская Е.А., Минина Е.Л., Устюкова В.В. Все о земельных отношениях: учебно-практическое пособие. - "Проспект", 2010 г.

3. Тихомиров Ю.А., Публичное и частное право / Общая теория государства и права / отв. ред. М.М. Марченко. М., 2002. Т. 2. С. 390, 391; Васильева М.И. Публичные интересы в экологическом праве. М., 2003. С. 54-58 и др.

4. См., например, Комов Н.В. Модернизация российского землепользования на основе взаимодействия государственных и рыночных

механизмов управления земельными ресурсами // "Землеустройство, кадастр и мониторинг земель". № 8. Август 2010 г.

5. Закон Краснодарского края от 5 ноября 2002 г. № 532-КЗ "Об основах регулирования земельных отношений в Краснодарском крае" (с изм. и доп.) // "Кубанские новости". № 240. От 14 ноября 2002 г.

6. Постановлением главы администрации края от 11 марта 2002 г. № 253 полномочия по распоряжению земельными участками, находящимися в государственной собственности, делегированы департаменту имущественных отношений Краснодарского края.

7. Федеральный закон от 21 декабря 2004 г. № 172-ФЗ "О переводе земель или земельных участков из одной категории в другую" (с изменениями и дополнениями) // СЗ РФ от 27 декабря 2004 г. № 52 (часть I). Ст. 5276.

1. See.: Alehin A.P., Kormalickiy A.A. Administrative right to Russia. M., 2005. P. 3.

2. See.: Bogolyubov S.A., Galinovskaya E.A., Minina E.L., Ustyukova V.V. All about land relations: scholastic-practical monography. - "Avenue", 2010.

3. Tihomirov Yu.A. Public and quotient law / Main theory state and law / Ch. ed. M.M. Marchenko. M., 2002. T. 2. P. 390, 391; Vasilieva M.I. Public interests in ecological right. M., 2003. P. 54-58.

4. See for instance, Komov N.V. Modernization of the Russian land-use on base of the interaction state and market mechanism of management land resource // "Land managing, cadaster and monitoring the lands. № 8. August 2010.

5. Act Krasnodar region from November 5 2002 532-KZ "About base of the regulation land relations in Krasnodar edge" (with change. and add.) // "Kuban news". № 240. November 14 2002.

6. Act chapters to administrations of the edge from March 11 2002 № 253 authorities on dictation land area, residing in state property, and authorized department of the property relations Krasnodar region.

7. Federal law from December 21 2004 № 172-FZ "About translation of the lands or land area from one category in other" (with change and additions) // SZ RF from December 27 2004. № 52 (the part I). Art. 5276.

Макаренко Андрей Иванович

преподаватель кафедры гражданского права
Краснодарского университета МВД России
(тел.: 89189980029)

Авторское право как институт интеллектуальной собственности в российском гражданском законодательстве

В настоящей статье раскрывается проблематика отнесения интеллектуальной собственности и ее институтов к отрасли российского гражданского законодательства.

Ключевые слова: авторское право, интеллектуальная собственность, гражданское право, соотношение правовых институтов.

A.I. Makarenko, senior teacher of the chair of civil law and civil procedure of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia; tel.: 89189980029.

Copyright as an institution of intellectual property in the Russian civil legislation

The present article deals with the problems of classification of intellectual property and its institutions to the industries in the Russian civil law.

Key words: copyright, intellectual property, civil law, ratio of legal institutions.

Рассмотрение любого элемента системы невозможно без определения его места в указанной системе и связи с иными элементами, а также рассмотрения самой системы в целом. Таким образом, чтобы определить понятие и соотношение результатов авторской деятельности в системе объектов Гражданского права Российской Федерации, необходимо определить понятие авторского права как института интеллектуальной собственности в российском гражданском законодательстве; изучить систему объектов интеллектуальной собственности в целом; установить место объектов интеллектуальной собственности в системе гражданского права и законодательства, что позволит определить критерии выделения результатов авторской деятельности, на данном этапе его правового регулирования, а также его развития в дальнейшем.

Если говорить о комплексности законодательства об интеллектуальной собственности в Российской Федерации, то на сегодняшний день она является бесспорной. Кодификация норм об интеллектуальной деятельности завершилась сравнительно недавно в 2006 г. Федеральным законом от 18.12.2006 № 231-ФЗ «О введении в действие части четвертой

Гражданского кодекса Российской Федерации» было установлено, что часть четвертая Гражданского кодекса Российской Федерации вступает в законную силу 1 января 2008 г. [1]. Для сравнения, третья часть ГК РФ «Наследственное право и международное частное право» вступила в законную силу 01.03.2002. Вторая часть ГК РФ «Отдельные виды обязательств» вступила в законную силу 01.03.1996 [2], а первая часть «Общие положения» 01.01.1995 [3].

Так, как право интеллектуальной собственности урегулировано частью четвертой Гражданского кодекса РФ, а те изменения, которые предлагает внести законодатель в «концепции развития гражданского законодательства» охватывают лишь отдельные объекты правового регулирования в указанной области. Уже 18.07.2008 Президент Российской Федерации Д.А. Медведев издал указ №1108 «О совершенствовании Гражданского кодекса Российской Федерации» фактически признав необходимость дальнейшего реформирования ГК РФ через полгода после завершения его кодификации. Причем, следует отметить, что реформа гражданского законодательства коснулась не только первых трех частей ГК РФ, но и вновь принятой четвертой части [4]. Этим же указом был создан Совет при Президенте РФ по со-

вершенствованию и кодификации гражданского законодательства РФ. В который вошли такие видные юристы практики, как В.Ф. Яковлев - советник Президента Российской Федерации, А.А. Иванов - Председатель Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. А также такие знаменитые ученые, как Е.А. Суханов - заведующий кафедрой гражданского права Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, М.И. Брагинский - главный научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, В.В. Витрянский - заместитель Председателя Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации.

Принятие четвертой части ГК РФ ознаменовало или, по крайней мере, должно было ознаменовать начало новой эпохи авторского права в российской федерации. В целом, кодификация оказала положительное влияние как на теорию гражданского права, так и на практику применения соответствующих норм. Показав значительный результат в виде приведения значительного массива нормативных правовых актов в единый кодифицированный закон – Гражданский кодекс РФ. Достаточно упомянуть, что в связи с ее принятием были отменены и утратили силу более 50 нормативных правовых актов, некоторые из которых действовали еще со времен СССР. Например, некоторые статьи из гражданского кодекса РСФСР (Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1964. N 24. Ст. 406), а также закона РСФСР от 11 июня 1964 г. «Об утверждении Гражданского кодекса РСФСР» (там же).

Тем не менее, в научной литературе нет единого мнения по поводу определения места интеллектуальной собственности в системе российского законодательства. Так, Д. Шестаковым высказывалось следующее мнение: «регулирование отношений, возникающих по поводу создания и использования результатов интеллектуальной деятельности, должно быть, исходя из Конституции РФ, представлено комплексной отраслью «Право интеллектуальной собственности (интеллектуальное право)», закрепленной в нормах «Кодекса интеллектуальной собственности РФ». Исходя из смысла представляемых аргументов видно, что Шестаковым предлагалось не только выделить интеллектуальную собственность в отдельную отрасль законодательства, но и, соответственно, отдельную отрасль права в связи с тем, что

оно включает в себя нормы конституционного, административного, гражданского, трудового, процессуального права. Таким образом, предлагалось комплексное регулирование всех объектов интеллектуальной собственности как целостной системы независимой и отделенной от системы гражданского права.

Иной точки зрения придерживается А.П. Сергеев, указывающий что «раздел VII части четвертой ГК РФ был сформирован за счет норм, устанавливающих общие правила регулирования, относящиеся ко всем объектам исключительных прав, тогда как правила специальные должны оставаться «подведомственными» специальным законам». Согласен с А.П. Сергеевым и В.А. Лапач, называющий такую позицию – «наиболее экономичной и оптимальной».

Представляется необходимым отметить, что ссылка на конституционное положение п. «о» ст. 71 Конституции РФ не может быть обоснованием для целесообразности выведения законодательства об «интеллектуальной собственности» из системы гражданского права. Так как расположение норм конституционного законодательства подчиняется своей внутренней логике, учитывает важность того или иного положения, его системную связь с иными положениями, но не определяет построения и структуры правовых связей.

Что касается непосредственно Части IV ГК РФ, то принятие данного законопроекта также не избежало различных споров о его соотношении с ГК в целом. Характеризуя законопроект о части IV ГК РФ, В.И. Еременко заметил следующее: «законопроект является симбиозом норм гражданского, административного и трудового права. По сути, кодификация подменена инкорпорацией, когда сравнительно небольшое число общих положений сопровождается специальными законами в сфере правовой охраны интеллектуальной собственности, которые практически не затронуты изменениями и дополнениями». С подобной критикой выступил и В.А. Хохлов в статье – «О проекте четвертой части Гражданского кодекса РФ: есть ли варианты?», указав, что гл. 69 ГК РФ не следует рассматривать как общую часть интеллектуальной собственности, обращая внимание на то, что, по его мнению «законодатель при разработке проекта не удалось преодолеть давно известный барьер разнородности объектов интеллектуальной собственности, не позволяющий создавать уни-

версальные нормы», и указывает следующий вывод «нормы, вошедшие в данную главу (гл. 69 ГК РФ) задуманы, как замещающие все общие правила и авторского, и патентного законодательства, и законодательства о товарных знаках, и т.п.». Таким образом, представляется что, по мнению В.А. Хохлова, кодификация законодательства была заменена инкорпорацией общих норм существовавших на тот момент законов, и соответственно, не приводящая к созданию действительно общих положений интеллектуальной собственности, а является объединением норм авторского, патентного и иных прав. Возражая, профессор А.Л. Маковский указывает на то, что «кодификация законодательства является одной из форм (и при том наиболее совершенных) его систематизации, цели которой совсем не сводятся к «унификации» этого законодательства» и отмечает следующее: «никогда, ни при одной кодификации гражданского законодательства не удавалось достичь того, чтобы все обобщающие «вынесенные за скобки» нормы были действительно общими по отношению ко всем без исключения специальным нормам, «оставшимся в скобках». Важно лишь, чтобы из текста закона это обстоятельство было ясным».

Также следует отметить, что понятие «интеллектуальная собственность» является достаточно условным и обозначает лишь результаты интеллектуальной деятельности и исключительные права на них, что в свою очередь является объектом гражданских прав. Существование результатов интеллектуальной деятельности может порождать личные неимущественные отношения, связанные с имущественными отношениями, входящими в предмет гражданского права.

Исходя из вышеуказанного, представляется логичным сделать следующие выводы:

1. Право интеллектуальной собственности может являться только подотраслью гражданского права.

2. Большинство исследователей цивилистической науки рассматривают совокупность объектов права интеллектуальной собственности как систему, указывая на их взаимную связь.

3. Законодатель внес положения об интеллектуальной собственности, в Гражданский кодекс РФ, закрепив тем самым право интеллектуальной собственности как подотрасль гражданского права.

Таким образом, представляется необходимым отметить, что рассмотрение результатов интеллектуальной деятельности, в том числе исключительные права на них (интеллектуальная собственность), в качестве объектов гражданских прав, что предусмотрено ст. 128 ГК РФ, а отношения возникающие, исходя из их оборотоспособности, рассматривать как имущественные и связанные с ними личные неимущественные, являющиеся предметом гражданского права в силу ст. 2 ГК РФ.

1. «Российская газета». № 289. 22.12.2006; *Федеральный закон от 18.12.2006 № 231-ФЗ (ред. от 12.04.2010) «О введении в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» (принят ГД ФС РФ 24.11.2006)*. См. также: Шестаков Д. *Интеллектуальная собственность в системе российского права и законодательства / Д. Шестаков // Российская юстиция. 2000. № 3. С. 19-20; Лапач В.А. Система объектов гражданских прав: Теория и судебная практика. СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2002. С. 465; Еременко В.И. Кодекс интеллектуальной собственности Российской Федерации, или часть четвертая Гражданского кодекса Российской Федерации // Адвокат. 2006. № 7.*

2. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья)» от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. от 30.06.2008) // СПС «КонсультантПлюс», 2011.

3. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая)» от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 19.10.2011) // СПС «КонсультантПлюс», 2011.

4. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 06.04.2011) // СПС «КонсультантПлюс», 2011.

1. «Russian newspaper». № 289. 22.12.2006. *Federal Law of 18.12.2006 № 231-FZ (as amended on 12.04.2010) "On the Implementation of Part IV of the Civil Code of the Russian Federation" (adopted by the State Duma on 24.11.2006)*. See also: Shestakov D. *Intellectual property in the Russian law and legislation / Shestakov // Russian justice. 2000. № 3. P. 19-20; Lapach V.A. System of objects of civil rights: theory and judicial practice. - SPb.: Publishing House "Press Law Center," 2002; Eremenko V.I. Intellectual Property Code of the Russian Federation, or the fourth part*

of the Civil Code of the Russian Federation // Advocate. 2006. № 7.

2. *"Civil Code of the Russian Federation (Part Three)" from 26.11.2001 № 146-FZ (as amended on 30.06.2008) // ATP "Consultant", 2011.*

3. *"Civil Code of the Russian Federation (Part*

II)" from 26.01.1996 № 14-FZ (as amended on 19.10.2011) // ATP "Consultant", 2011.

4. *"Civil Code of the Russian Federation (Part One)" from 30.11.1994 № 51-FZ (as amended on 06.04.2011) // ATP "Consultant", 2011.*

Дорохов Сергей Александрович

аспирант кафедры гражданского права и процесса
Северо-Кавказского федерального университета
(тел.: 89187489466)

Направления совершенствования государственной поддержки индивидуальных предпринимателей

В тексте статьи рассмотрены актуальные проблемы государственной поддержки индивидуальных предпринимателей. Предлагается создать многофункциональные центры поддержки индивидуальных предпринимателей при муниципальных образованиях, которые станут работать на благо предпринимателей, оказывая им всестороннюю поддержку.

Ключевые слова: государственная поддержка, индивидуальный предприниматель, центр поддержки, фонд поддержки.

S.A. Dorohov, post-graduate of the chair of civil law and procedure of North Caucasian Federal University; tel.: 89187489466

Directions to improvement of the state supporting of individual entrepreneurs

In article are considered actual problems of legal support of individual businessmen. It is offered to create the multipurpose centers of support of individual businessmen, at municipalities which will begin to work for the benefit of businessmen, giving it full support.

Key words: individual businessman, state support, support center, support fund.

В последние годы проблемы малого бизнеса все более привлекают внимание ученых и практиков. Формирование благоприятных условий для развития малого бизнеса обеспечивает населению получение доходов от самостоятельной хозяйственной деятельности, а местным бюджетам – налоги. Поэтому разносторонняя поддержка сферы малого бизнеса должна быть отнесена к числу основных направлений в развитии отдельных территорий.

В настоящее время малый бизнес поддерживается, прежде всего, на государственном уровне. Муниципальные образования значительно меньше участвуют в его развитии, хотя по своей природе этот уровень управления более всего близок и доступен гражданам. Следовательно, именно муниципалитетам надо решать конкретные задачи, связанные с развитием частной инициативы граждан. Поэтому возникает необходимость сместить акценты государственной поддержки малого бизнеса на муниципальный уровень.

Вместе с тем, полная децентрализация поддержки малого бизнеса невозможна. Одной из важнейших задач региональных властей является обеспечение равных условий для социально-экономического развития муниципальных образований, в том числе, по поддержке малого бизнеса. Развитие предпринимательства тесно связано с такими проблемами, как отсутствие стартового капитала для начала

предпринимательской деятельности, большие процентные ставки по кредитам, сложности в получении лицензий. Необходимо принять законодательные меры, которые будут четко регулировать взаимоотношения государства и предпринимателя объединенных одной экономической целью – развития производства определенных товаров.

Сегодня работа в этом направлении ведется: запущена программа поддержки предпринимателей, в центрах занятости выдают субсидии на развитие молодым предпринимателям, в субъектах федерации проводятся конкурсы на получение грантов, работает бизнес инкубатор. Однако сегодня необходимо разрабатывать все новые, эффективные и гибкие программы по поддержке предпринимателей, постоянно их совершенствовать. Предприниматель сегодня будет вкладывать силы средства, если он будет уверен в наличии спроса на его продукцию, здесь важную роль должно сыграть государство.

Подлинная цель экономических реформ – создание эффективной экономики, обеспечивающей высокий уровень и качество жизни населения; достойное участие России в мировом экономическом сообществе. Развитое малое предпринимательство – уникальный и эффективный инструмент для достижения этих целей. Для обеспечения эффективного развития индивидуального предпринимательства необходимо совершенствование законода-

тельства по направлениям, связанным с налогообложением, упрощением форм ведения бухгалтерской отчетности, приобретением и использованием ККТ, проведением контрольно-надзорных мероприятий (проверок), приватизацией государственного и муниципального имущества, доступом к финансовым ресурсам, специальным регулированием отдельных видов деятельности.

1. Налогообложение субъектов малого и среднего предпринимательства. Можно выделить следующие общие проблемы, подлежащие решению: ослабление общей налоговой нагрузки на малый бизнес путем постепенного снижения ставок, введения дополнительных льгот, совершенствования специальных налоговых режимов; создание благоприятных налоговых условий для развития малого предпринимательства; усиление налогового стимулирования малых инновационных предприятий; улучшение налогового администрирования и снижение издержек налогоплательщиков на обслуживание налоговых органов, включая упрощение процедур обжалования решений налоговых органов; упрощение и сближение бухгалтерской и налоговой отчетности предприятий и др.

2. Доступ субъектов малого предпринимательства к финансовым ресурсам. Необходимо приступить к работе по совершенствованию законодательства, связанного с деятельностью небанковских депозитно-кредитных организаций (НДКО). Значительная часть кредитов этих организаций предоставляется малому бизнесу. Речь идет о микро-кредитах от 3 тыс. до 300 тыс. рублей. К числу предложений, направленных на решение проблем, связанных с деятельностью небанковских кредитных организаций и стимулирования кредитования ими малого бизнеса, можно отнести: предоставление им права на работу с наличными денежными средствами; расширение круга лиц, одобряемых Банком России в качестве руководителей и главных бухгалтеров НДКО таким образом, чтобы кроме банковского стажа засчитывался также общий финансовый стаж; снижение объема обязательной отчетности пропорционально фактически осуществляемым небанковскими депозитными кредитными организациями операциям по сравнению с банковскими операциями.

Созданию и развитию микро-финансовых организаций будет во многом способствовать создание механизмов страхования рисков микро-финансовых организаций, обеспечение доступа в бюро кредитных историй. Принимая во внимание, что значительное число венчурных и инновационных предприятий является субъектами малого предпринимательства, необходимо особо подчеркнуть актуальность

формирования и развития нормативной правовой базы в сфере венчурного инвестирования и инновационного предпринимательства. Поэтому необходимо принять Федеральный закон «О венчурном инвестировании», в котором выделить аспект микрокредитования субъектов малого предпринимательства, а также внести изменения в Федеральный закон «Об инвестиционных фондах», предусматривающие создание благоприятных условий для субъектов малого и среднего предпринимательства.

Учитывая, что Федеральный закон «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» является базовым и решает только часть проблем, по нашему мнению, следует разработать комплекс поправок в действующее законодательство, обеспечивающих эффективную реализацию норм данного Закона на практике:

1) предусмотреть в качестве мер государственной поддержки лизинговой деятельности - предоставление лизингополучателям – субъектам малого предпринимательства права осуществлять лизинговые платежи поставками продукции на условиях, предусмотренных договорами лизинга;

2) освободить от обязанности ведения бухгалтерского учета в полном объеме индивидуальных предпринимателей, переведенных на ЕНВД, заменив ее обязанностью ведения книги учета доходов и расходов по аналогии с плательщиками, применяющими УСН;

3) расширить перечень информации отражаемой в ЕГР юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, дополнив сведениями об их отнесении к категории микро-предприятия, малого предприятия;

4) снизить для предпринимателей объем требуемых налоговыми органами документов: а) упростить систему бухгалтерского учета, перейти от ежеквартальной отчетности к «ежегодной»; б) законодательно ввести принцип «одного окна» для налоговой отчетности; в) радикально сократить размер форм налоговой отчетности – при этом было бы целесообразно их утвердить в качестве специального раздела Налогового кодекса, обеспечив столь необходимую предпринимателям стабильность в этой части правового поля.

Основная часть трудностей и препятствий на пути становления и развития малого предпринимательства, лежит за рамками самой сферы малого предпринимательства. На основании имеющихся статистических и аналитических данных можно выделить ряд проблем, с которыми сталкиваются в своей деятельности представители малого бизнеса: несовершенство нормативно-правовых основ администрирования малого бизнеса со стороны государства, что проявляется во множестве суще-

ствующих административных барьеров при регистрации, получении лицензий; затруднение доступа субъектов малого предпринимательства к государственному и местному заказу; отсутствие реальных финансово-кредитных механизмов для инвестирования малых предприятий; проблемы материально-ресурсного обеспечения малого бизнеса; трудность в осуществлении инновационных проектов и программ предпринимателей; неразвитость системы информационной поддержки малых предприятий; проблемы кадрового обеспече-

ния и подготовки специалистов для малого предпринимательства; несовершенство государственной инфраструктуры поддержки малого бизнеса.

Эти проблемы должна решать вновь созданная структура поддержки малого предпринимательства, при чем обязательно на региональном и муниципальном уровнях, поскольку без поддержки государства и местных органов власти, комплексная и результативная инфраструктура поддержки возникнуть и существовать не может.

Навасардова Элеонора Сергеевна
 доктор юридических наук, профессор,
 заведующая кафедрой экологического, земельного и трудового права
 Северо-Кавказского федерального университета
 (тел.: 88652267326)

К вопросу об управлении курортом «Кавказские Минеральные Воды» (историко-правовой анализ)

Статья посвящена формированию и развитию управления курортом «Кавказские Минеральные Воды». Также дана историко-правовая оценка экологическому состоянию этого курорта.

Ключевые слова: курорт, Кавказские Минеральные Воды, государственное управление, муниципальное управление, окружающая среда

E.S. Navasardova, Doctor of law, professor, head of the chair of ecological, land and labor law of North Caucasian Federal University, professor; tel.: 88652267326.

To a question of management by the resort "Caucasus Mineralnye Vody region" (historical and legal analysis)

Article is devoted to formation and development of management by the resort "Caucasus Mineralnye Vody region". The historical and legal assessment is also given to an ecological condition of this resort.

Key words: resort, Caucasus Mineralnye Vody region, public administration, municipal management, environment.

Эколого-курортный регион «Кавказские Минеральные Воды» (КМВ) ведет свою официальную историю с 1803 г., когда рескриптом Александра I, адресованным Инспектору Кавказской линии, Астраханскому военному губернатору и Главнокомандующему в Грузии было дано предписание приступить к строительству на территории современного курорта «заведений, кои для удобства врачевания нужны». Примечательно, что авторы научно-информационного издания «Управление курортами Кавминвод» (1803-2003 гг.). Страницы российской истории» обозначили этот документ как рескрипт о признании государственного значения Кавказских Минеральных Вод и необходимости их устройства [2, с. 5], хотя в тексте документа о таком признании не говорится. Однако именно с этого времени российское государство начинает выстраивать систему управления курортами КМВ на общеимперском, региональном и местном уровнях как основного элемента государственно-правовой курортной политики.

Эта система создавалась применительно ко всем курортам Российской империи, однако в отношении курортов КМВ она носила особый характер в силу не прекращавшихся еще довольно длительное время военных действий на Северном Кавказе. С государственно-правовой точки зрения, организационная и правовая курортная политика выражалась и в

придании полномочий по обустройству курортов военной администрации, и в установлении специального правового регулирования градостроительной и иной хозяйственной деятельности. В настоящее время, стремление к унификации правового регулирования, с одной стороны, и несогласованность разноотраслевых нормативных правовых актов, с другой, привело к негативным последствиям, касающимся состояния природных лечебных ресурсов на КМВ, о которых речь пойдет далее.

Если говорить о местном уровне управления, то его органами и должностными лицами с приданием им и организационно-хозяйственных, в том числе строительных функций, и заведованием медицинской частью в разные годы дореволюционного периода выступали: Смотритель Вод, Дирекция Вод, частноуправляющий, Директор Вод, Правительственный комиссар. Они же или создаваемые ими комиссии с соответствующими согласованиями распоряжались источниками минеральных вод, землями курортов, давали разрешения на строительство подземных сооружений. По мере введения в населенных пунктах КМВ городского самоуправления их полномочия по земельным вопросам сокращались, но в целом оставались в объеме, достаточном для проведения имперской курортной политики, направленной не только на создание курортной и связанной с ней инфраструктурой,

но и, в первую очередь, недопущением истощения минеральных подземных источников, строительства промышленных предприятий.

В первые годы советской власти, по существу, была продолжена политика, направленная на поддержание развития курортов. Достаточно сказать, что уже в 1919 г. издается декрет СНК «О лечебных местностях общегосударственного значения» [3, с. 30-32]. В течение нескольких лет выходят в свет: Охранная грамота Народного комиссариата здравоохранения РСФСР от 8 апреля 1920 г. № 4/154, выданная Управлению КМВ и признающая за этими курортами общегосударственное значение, Положение о Кавказских Минеральных Водах, утвержденное Народным Комиссаром здравоохранения и введенное в действие с 1 августа 1925 г., Обязательное постановление Терского Округного Исполнительного Комитета № 21 от 28 июля 1928 г. «О горно-санитарной охране курортов «Кавказские Минеральные Воды».

Как отмечается в литературе, санаторное дело стало развиваться в настоящем понимании этого слова в 20-30 гг. XX в. [2, с. 57]. Преемственность сохранялась и в созданной организационно-правовой системе управления (Большой Совет КМВ, Управление Вод, Ответственный Президиум, Директор Вод, Комиссар КМВ, Управление КМВ, Кавминводздравтрест, Управление курортами КМВ).

Нельзя сказать, что в дореволюционный период и в первые десятилетия советской власти была создана система специального экологического управления курортами КМВ, но существовавшие организационные структуры реализовывали некоторые направления деятельности, которые ныне мы бы назвали функциями экологического управления.

Промышленное освоение Ставропольского края началось в 60-е гг. XX в. В этот период строится несколько производственных объектов, сыгравших отрицательную роль в сохранении природных ресурсов курортов КМВ. Это Невинномысский завод «Азот» и построенный позже завод «Ставропольполимер» (ныне «Ставролен») в Буденновске, причем, государственная экологическая экспертиза Госкомприроды СССР в 1989 г. пришла к выводу о «недопустимости последующего развития производственного объединения «Ставропольполимер» не только путем создания новых, но и расширения действующих, строящихся и проектируемых производств без существенного улучшения общей экологической обстановки в регионе». Экологическая опасность этих объектов заключается еще и в том, что при определенных условиях, связанных с атмосферными процессами, происходит перенос загрязняющих веществ в район КМВ.

Наряду со строительством санаторно-курортных объектов, в этот период в Пятигорске сооружаются промышленные предприятия, включая мусороперерабатывающий завод. Практически не ограничиваются миграционные процессы. В городах КМВ активно ведется жилищное строительство.

Все это негативно сказывается на состоянии источников минеральных вод. Несмотря на формирование в конце 80-х гг. системы органов экологического управления, параллельно обновляемой нормативно-правовой базе курортов КМВ (9 июля 1985 г. издается постановление Совмина РСФСР № 300 «Об установлении границ и режима округа санитарной охраны курортов Ессентуки, Железноводск, Кисловодск и Пятигорск в Ставропольском крае»), экологическая ситуация на курортах значительно ухудшается.

В 1992 г. начинается новый этап государственного строительства на КМВ. Издается Указ Президента РФ от 27 марта 1992 г. № 309, которым району Кавказских Минеральных Вод придается статус особо охраняемого эколого-курортного региона Российской Федерации, имеющего федеральное значение, в границах округа санитарной защиты курорта. Подтверждаются и границы округа горно-санитарной охраны, включающие часть территорий не только Ставропольского края, но и Карачаево-Черкесии, а также Кабардино-Балкарии. Высшим органам исполнительной власти этих субъектов предписывается обеспечение соблюдения требований режима охраны КМВ.

Этим же документом создавался орган государственного управления - администрация Кавказских Минеральных Вод особо охраняемого эколого-курортного региона Российской Федерации, руководитель которой назначался Президентом Российской Федерации. На тот момент Администрация была призвана выполнять, в том числе, координирующие межтерриториальные функции.

В последующие несколько лет принимается ряд нормативных правовых актов, развивающих положения указа.

Принципиально важным из них являлось постановление Правительства РФ от 6 июля 1992 г. № 462 «Об особо охраняемом эколого-курортном регионе Российской Федерации - Кавказских Минеральных Водах». Им утверждалось Положение о курорте с указанием границ округа горно-санитарной охраны. Оно продублировало описание границ, установленных постановлением Совмина РСФСР от 9 июля 1985 г., подтвердив, что в состав территории особо охраняемого эколого-курортного Кавказских Минеральных Вод входят:

в Ставропольском крае - города Георгиевск, Минеральные Воды, Железноводск, Пятигорск, Ессентуки, Кисловодск, Лермонтов, а также районы Минераловодский, Георгиевский и Предгорный;

в Кабардино-Балкарской Республике - Зольский район;

в Карачаево-Черкесской Республике - Малокарачаевский и Прикубанский районы.

При отсутствии полноценного унифицированного конституционного, муниципального, экологического, налогового законодательства Администрация КМВ наделялась широким кругом полномочий, что должно было способствовать социально-экономическому развитию региона при приоритете охраны уникальных природных лечебных ресурсов и в целом охраны окружающей среды.

Однако эти полномочия Администрация КМВ реализовывала относительно недолго, да и то, с учетом социально-экономических и правовых реалий. Если и была принята в 1993 г. Федеральная целевая программа «Развитие особо охраняемого эколого-курортного региона РФ – Кавказские Минеральные Воды», утвержденная постановлением Правительства РФ от 23 октября 1993 г. № 1063, то предусмотренные в ней мероприятия в подавляющем своем большинстве не были проведены. Выдача лицензий на добычу минеральной воды сначала была передана комиссии по лицензированию Ставропольского края, а затем и вовсе перешла к федеральному центру. Недолго просуществовали контрольные полномочия.

К концу 90-х гг. начало формироваться унифицированное федеральное законодательство, а с начала 2000-х и система органов исполнительной власти, в которой не нашлось места этому органу.

Утрата полномочий Администрацией КМВ, практически бесконтрольная миграция, отсутствие финансирования со стороны Российской Федерации (хотя поддержка развития курортов федерального значения в соответствии со ст. 13 Федерального закона от 23 февраля 1995 г. № 26-ФЗ «О природных лечебных ресурсах, лечебно-оздоровительных местностях и курортах» является расходным обязательством РФ) и т.д. привели, мягко говоря, к удручающим последствиям.

Чем характеризуется ныне экологическая ситуация на КМВ? Можно сказать, что она близка к критической. И само состояние курорта и имеющиеся новые экологические и социально-экономические угрозы ставят под вопрос сам факт его дальнейшего существования как «всероссийской здравницы».

Основные проблемы связаны с неконтролируемым развитием промышленности, старым неканализованным жилищным фондом (а

имеющаяся канализация в городах курортах изношена на 70-80%). По отдельным показателям предельно допустимые концентрации вредных веществ в почве и атмосферном воздухе (в основном за счет выбросов автотранспорта) во 2-ой и 3-ей зонах округа горно-санитарной охраны превышают норму в 10–100 раз» [4, с. 55; 7]. На этой же территории находится множество несанкционированных свалок бытовых и производственных отходов, скотомогильники.

В ряду проблем – судьба уникального озера Тамбукан – источника лечебных грязей. Идет процесс опреснения воды, что сказывается на лечебных свойствах грязей. Значительное число скважин минеральной воды находится в аварийном состоянии. Из-за отсутствия финансирования практически не ведется мониторинг состояния подземных минеральных вод.

В настоящее время землями курортов практически бесконтрольно распоряжаются органы местного самоуправления городов-курортов, до недавнего времени даже не имевшие утвержденные в установленном порядке документы территориального планирования и правила землепользования и застройки. В том же Кисловодске Правила землепользования и застройки были утверждены только в 2009 г. В 2009 г. был утвержден генеральный план Пятигорска. Как результат – вынесение постановлений органами местного самоуправления о застройке первой зоны округа горно-санитарной охраны курортов.

Печальна участь лесов КМВ, большая часть которых посажена искусственно. При нормативе 40% лесистость КМВ составляет лишь 10%. При этом идет рубка лесных насаждений.

Недавно Глава администрации г. Пятигорска выступил с предложением пересмотра границ зон округа горно-санитарной охраны в сторону уменьшения их площади, мотивируя это отсутствием земель, необходимых для развития города. И это развитие отнюдь не связано с восстановлением курортно-рекреационного потенциала. Это при том, что «в городе за последние 10 лет объем промышленной продукции превысил производство санаторно-курортных учреждений более чем в 12 раз. Экологическая ситуация усугубляется тем, что значительная часть предприятий (около 1500 реальных источников загрязнения) расположена в первой и второй зоне округа санитарной охраны» [4, с. 55].

Печальный перечень фактов можно продолжить. В частности, в г. Буденновске, который находится в непосредственной близости к курортам КМВ, и где уже имеется завод «Ставролен», признанный «главным загрязнителем воздуха» не только в г. Буденновске, но и Ставропольском крае» [1, с. 10], начинается

строительство газоперерабатывающей установки.

Государственная экологическая экспертиза проектной документации не проводилась, несмотря на высокую вероятность негативного воздействия на окружающую среду особо охраняемой природной территории федерального значения - курорты Кавказских Минеральных Вод. Мотивировка: будущий объект не подпадает под действие норм ст. 11 Федерального закона «Об экологической экспертизе». Как известно, несмотря на поручение Президента РФ данное по итогам состоявшегося 27 мая 2010 г. заседания президиума Государственного совета, посвященного реформированию системы государственного управления в сфере охраны окружающей среды о расширении перечня объектов государственной экологической экспертизы, соответствующие изменения в ФЗ «Об экологической экспертизе» не были внесены.

Кстати, как отмечалось на заседании Совета по развитию гражданского общества и правам человека, прошедшего 15 марта 2012 г. в Новокуйбышевске, это поручение снято с контроля, хотя оно и не было выполнено [5]. Отрадно, что требование об установлении обязательности проведения государственной экологической экспертизы проектной документации экологически опасных объектов, включая радиационно, химически и биологически опасные объекты закреплено в Основах государственной политики в области экологического развития России период до 2030 г. от 30 апреля 2012 г.

Отметим, что Администрация КМВ не приложила никаких усилий к блокированию решения о строительстве ГПУ-1.

Не вызывает оптимизма и возможные новеллы законодательства об особо охраняемых природных территориях, содержащиеся в проекте федерального закона № 50654-6, одной из которых является исключение из числа особо охраняемых природных территорий курортов и лечебно-оздоровительных местностей. Как справедливо отметил вице-президент РСТ Ю.А. Барзыкин, предлагаемые изменения в законодательстве не соответствуют заявленным целям и задачам и приведут к существенному ухудшению эффективности использования особо ценных земельных ресурсов, имеющих социально-экономическое значение для Российской Федерации, потере уникальных природных лечебных ресурсов для лечения и реабилитации граждан, что негативно отразится на здоровье граждан Российской Федерации, а также снижении конкурентоспособности России на мировом рынке туристических услуг [6].

Что же касается управления курортами КМВ, то 3 февраля 2012 г. утратил силу п. 2 Указа

Президента РФ от 27 марта 1992 г. № 309 «Об особо охраняемом эколого-курортном регионе Российской Федерации», предусматривавший возложение непосредственного государственного управления курортом на администрацию КМВ.

Учитывая сложившуюся ситуацию, полагаем, что упразднение Администрации КМВ в том виде и с теми полномочиями которые она имела до последнего времени мера целесообразная. Однако, как показала практика последнего десятилетия, этот курортный регион должен иметь орган управления, наделенный властными координационными полномочиями. В качестве варианта можно предложить наделение соответствующей компетенцией уже созданный Департамент Минрегионразвития по Северо-Кавказскому федеральному округу. При этом, как представляется, недопустимо пересматривать границы как округа горно-санитарной охраны, так и границы зон округа. Имея в виду статус курорта КМВ как имеющего федеральное значение целесообразно, на наш взгляд, принять федеральный закон «О курорте «Кавказские Минеральные Воды», а также ускорить принятие государственной программы «Развитие курорта КМВ».

1. *Государственный доклад о состоянии окружающей среды и природопользовании в Ставропольском крае в 2007 году. Ставрополь, 2008.*

2. *Краснокутская Л.И., Михайленко В.И. Управление курортами Кавминвод (1803-2003). Страницы российской истории. Пятигорск, 2004.*

3. *Об охране окружающей среды: сборник документов партии и правительства. 1917-1985 гг. / Сост. А.М. Галеева, М.Л. Курок. М., 1986.*

4. *Прижигалинский В.П., Юрина В.П. Проблемы загрязнения природоохранной среды Кавказских Минеральных Вод и пути преодоления // Современные исследования социальных проблем. 2011. № 1.*

5. *Стенографический отчет о заседании Совета по развитию гражданского общества и правам человека. 15 марта 2012 г. Новокуйбышевск // URL: www.state.kremlin.ru.*

6. *URL: http://www.rostourunion.ru/pages/rus/ob_rst/novosti/mayi_2012/poziciya_rst_po_predlogeniyam_o_lechebnoozdorovitelnyh_mestnostyah_i_kurortah/index.html*

7. *www.mpr.stavkrai.ru*

1. *State Report about environment's condition and using of nature in Stavropol Territory in 2007. Stavropol, 2008.*

2. *Krasnokutskaya L.I., Mihaylenko V.I. Management for resorts of Caucasian Mineral Spa*

(1803-2003). *Pages of Russian history. Pyatigorsk, 2004.*

3. *On environment's defense: collection of Party and Government's documents. 1917-1985 / Compiled by A.M. Galeeva, M.L. Kurok. M., 1986.*

4. Prizhigalinsky V.P., Yurina V.P. *Problems of solution of Caucasian Mineral Spa nature-defended sphere and ways of their overcoming // Modern researches of social problems. 2011. № 1.*

5. *Stenographical report about sitting of Council for development of civil society and human rights. 15 March 2012. Novokuibyshevsk / URL: www.state.kremlin.ru*

6. URL: http://www.rostourunion.ru/pages/rus/ob_rst/novosti/mayi_2012/poziciya_rst_po_predlogeniyam_o_lechebnoozdorovitelnyh_mestnostyah_i_kurortah/index.html7. URL: www.mpr.stavkray.ru

Колесникова Кира Владимировна

кандидат юридических наук,

доцент кафедры экологического, земельного и трудового права

Северо-Кавказского федерального университета

(тел.: 88652268872)

Формы бюджетного финансового обеспечения охраны окружающей среды и природопользования

В статье рассмотрены формы бюджетного финансирования экологически значимых мероприятий. Рассмотрен ряд проблем, связанных с недостатками их правового регулирования и практики правоприменения.

Ключевые слова: бюджет, субсидия, субвенция, дотация, бюджетный кредит.

K.V. Kolesnikova, Candidate of law, assistant professor of the chair of ecological, land and labor law of North Caucasian Federal University; tel.: 88652268872.

Forms of the budget financial security of environmental protection and environmental management

Forms of budget financing for ecological-important arrangements are shown in this article. Some problems which committed to defects of their law regulation and enforcement's practice are shown also.

Key words: budget, subsidies, subvention, donation, budget credit.

Источники финансового обеспечения охраны окружающей среды и природопользования весьма разнообразны. Условно их можно разделить на две группы: внебюджетные источники и бюджетные источники. К внебюджетным относятся средства природопользователей и страховые выплаты; к бюджетным – средства бюджетов всех уровней власти.

Экологические мероприятия финансируются за счет собственных средств бюджетов, т.е. в бюджете каждого уровня власти закреплен ряд собственных полномочий, в области охраны окружающей среды и природопользования, который обязателен для финансирования средствами данного бюджета. Казалось бы, все просто, есть полномочия, есть обязанность финансирования, однако на практике при анализе законов о бюджете как Российской Федерации, так и ее субъектов, а также муниципальных образований – ситуация оказывается достаточно сложной.

Главной проблемой, естественно, является недостаток финансовых средств. При анализе законов о бюджете за последние несколько лет явно прослеживалась серьезная тенденция к снижению объемов бюджетного финансирования деятельности в области охраны окружающей среды и природопользования. Анализ законов о бюджете на 2012 г. показал, что тенденция к такому снижению по некоторым статьям расходов прекратилась, однако это не означает что денежных средств хватает для

исполнения всех взятых полномочий, уже не говоря об их качественном исполнении. Объем финансирования не достигает необходимого уровня, а уж тем более не приближается к мировым стандартам.

Существует и ряд других проблем. Во-первых, структура законов о бюджете всех уровней такова, что определить виды финансируемых собственных полномочий достаточно трудно, если не сказать невозможно, да и структура указанных законов каждый год меняется. Во-вторых, трудности связаны с нечеткостью формулировок собственных полномочий, а также с терминологическими неточностями. Во всех бюджетах одни и те же полномочия сформулированы по-разному, финансирование охраны отдельных природных объектов одновременно предусматривается несколькими разделами, к тому же структура бюджетного классификатора, как основы проектирования бюджетов всех уровней, слабо ориентирована на полномочия публично-правовых образований в области охраны окружающей среды и природопользования.

С каждым годом Российская Федерация передает субъектам все больше и больше полномочий в области охраны окружающей среды и природопользования при этом «забывая» передавать финансовые средства на их исполнение. У субъектов РФ, которые, прежде всего, вынуждены направлять средства бюджетов на социальную сферу, просто не остается

ся денег, экологические мероприятия финансируются по остаточному принципу.

Еще один источник финансирования мероприятий в области охраны окружающей среды и природопользования – межбюджетные трансферты.

Они предоставляются из бюджета одного уровня бюджетной системы бюджету другого уровня в виде: 1) субвенций как целевых межбюджетных трансфертов, передаваемых субъектам РФ и органам местного самоуправления на исполнение делегированных полномочий; 2) субсидий – межбюджетных трансфертов, предоставляемых бюджетам субъектов РФ в целях софинансирования расходных обязательств, возникающих при выполнении полномочий органов государственной власти субъектов РФ по предметам их ведения и предметам совместного ведения РФ и ее субъектов, и расходных обязательств по выполнению полномочий органов местного самоуправления по вопросам местного значения; 3) бюджетных инвестиций – средств, направляемых на создание или увеличение за счет средств бюджета стоимости государственного (муниципального) имущества, которое может быть представлено и объектами, имеющими природоохранное назначение.

Надо сказать, что механизм предоставления финансовой помощи бюджетам также далек от совершенства. Например, на сегодняшний день отсутствует перечень софинансируемых расходных обязательств, вследствие чего распределение субсидий в области охраны окружающей среды и природопользования в подавляющем большинстве случаев носит ситуативный характер и зависит от приоритетов, устанавливаемых на каждый финансовый год.

Несмотря на то, что существуют определенные методики расчета (хотя и несовершенные) предоставляемых субвенций, для финансирования реализации делегированных полномочий, субвенции рассчитываются путем распределения между субъектами РФ лимитов бюджетных обязательств, зависящих от объема бюджетных ассигнований. К тому же их объем может уменьшаться пропорционально срокам их перечислений субъектам РФ.

Это лишь часть проблем, связанная с институтом финансовой помощи бюджетам в виде субвенций и субсидий. Законодатель идет по пути предоставления получателю трансфертов самостоятельности в вопросе выбора цели направления денежных средств, тем самым уходя от целевого назначения межбюджетных трансфертов. Такой подход в свете ухудшающейся экологической обстановке и без того мизерного финансирования экологических мероприятий не оправдан.

Говоря об инвестициях можно выделить два способа их расходования – непосредственно через бюджет и через целевые программы. Что же касается бюджетного инвестирования охраны окружающей среды и природопользования, то оно осуществляется в форме капитальных вложений.

Из анализа закона о бюджете на 2012 г. видно, что данная строка расходов прописана как «бюджетные инвестиции в объекты государственной собственности», при этом из бюджетного классификатора, утвержденного Приказом Минфина России от 21 декабря 2011 г. № 180н (ред. от 20 марта 2012 г.)

«Об утверждении Указаний о порядке применения бюджетной классификации Российской Федерации» совершенно не понятно в какую именно собственность осуществляются инвестиции: в объекты социального назначения – жилье и объекты инфраструктуры или все таки в объекты экологического назначения. Таким образом, можно говорить о том, что механизм бюджетного инвестирования также не является эффективным инструментом финансирования охраны окружающей среды и природопользования.

Еще одним видом межбюджетных трансфертов являются дотации. Дотации определяются как межбюджетные трансферты, предоставляемые на безвозмездной и безвозвратной основе без установления направлений и (или) условий их использования. Бюджетным кодексом РФ определен бесцелевой характер дотаций, но мы можем предположить, что они могут направляться, в том числе, и на экологические, природоохранные цели.

Размер выделяемых дотаций рассчитывается для каждого региона отдельно, в соответствии с установленными Правительствам методикой, в которой заложены определенные критерии. Однако при расчете не учитывается состояние окружающей среды в регионе. Как представляется, расчет дотаций, связанных с выравниванием бюджетной обеспеченности, должен быть ориентирован на соблюдение минимальных социальных стандартов, составной частью которых должен быть признан, условно говоря, минимальный экологический стандарт.

Еще одним элементом финансового механизма охраны окружающей среды являются кредиты. Кредиты на природоохранные мероприятия можно разделить на бюджетные и небюджетные. К небюджетным могут относиться банковские, а также иные виды кредитов, выдаваемые различными кредитными организациями, в том числе и международными.

Бюджетный кредит определяется БК РФ как денежные средства, предоставляемые бюджетом другому бюджету бюджетной системы Рос-

сийской Федерации, юридическому лицу (за исключением государственных (муниципальных) учреждений), иностранному государству, иностранному юридическому лицу на возвратной и возмездной основах. При этом БК также допускает получение кредитов и иностранных государств, однако эти средства могут поступать только в бюджет Российской Федерации.

Как показывает анализ законов о бюджете и иной правовой базы, в настоящее время, если говорить об экологических мероприятиях, кредиты выдаются только на осуществление мероприятий, связанных с ликвидацией последствий стихийных бедствий и техногенных аварий, произошедших на территории субъекта Российской Федерации.

К тому же новый БК практически исключил возможность предоставления из бюджетов кредитов юридическим лицам. Представляется, что позиция законодателя, является необоснованной. Было бы разумным кредитовать юридических лиц, например, в целях внедрения ими наилучших существующих технологий или проведения иных природоохранных мероприятий.

Еще одним видом кредита, связанным с бюджетным финансированием экологических

мероприятий является инвестиционный налоговый кредит. Он представляет собой такое изменение срока уплаты налога, при котором организации предоставляется возможность в течение определенного срока и в определенных пределах уменьшать свои платежи по налогу с последующей поэтапной уплатой суммы кредита и начисленных процентов.

Однако в научной литературе неоднократно указывалось, что в регулировании налоговых отношений инвестиционный налоговый кредит никакой заметной роли не играет.

Так на сегодняшний день выглядит финансовый механизм охраны окружающей среды и природопользования. Не одна из перечисленных форм бюджетного финансирования не является отлаженной или эффективной. При этом законодатель не идет по пути усовершенствования системы, скорее наоборот, в этом направлении явно чувствуется регресс. Это видно на примере упразднения целевых бюджетных экологических фондов, которые достаточно эффективно работали и в направлении целевого финансирования экологических мероприятий и в направлении выдачи кредитов на природоохранную деятельность.

Буркин Дмитрий Олегович

аспирант кафедры экологического, земельного и трудового права
Северо-Кавказского федерального университета
(тел.: 88652354446)

Эколого-правовая культура научных исследований

В статье рассматриваются эколого-правовые аспекты развития современной науки. Особое внимание уделено искоренению правового нигилизма и повышению ее эколого-правовой культуры.

Ключевые слова: научные исследования, окружающая среда, эколого-правовая культура, правовой нигилизм.

D.O. Burkin, post-graduate of the chair of ecological, land and labor law of North Caucasian Federal University; tel.: 88652354446.

Ecology-legal culture of scientific researches

Ecological-law aspects of modern science's development are shown in this article. The main attention is paid to liquidation of law nihilism and improvement of its ecological-law culture.

Key words: scientific researches, environment, ecological-law culture, law nihilism.

Связь эколого-правовой культуры с научными исследованиями трудно переоценить, т.к. зрелое эколого-правовое сознание не может возникнуть лишь на основе повседневного опыта. Передовые научные разработки являются питательной средой для стабильного функционирования и качественного развития право-эко-сознания, катализатором формирования эколого-правовой культуры. Пункт 3 ст. 70 Федерального закона «Об охране окружающей среды» от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ (в действ. ред.) гласит, что научные исследования в области природоохраны ведутся научными организациями в соответствии с законом о науке и государственной научно-технической политике.

Экологическая составляющая признается одним из наиболее важных приоритетов современных научных представлений и в Федеральном законе «О науке и государственной научно-технической политике» от 22 августа 1996 г. №127-ФЗ. Пункт 1 ст. 11 этого закона определяет улучшение экологической обстановки в качестве одной из основных целей государственной научно-технической политики, а п. 4. ст. 14 называет экологическую безопасность в числе наиболее значимых критериев эффективности создаваемых производств и объектов, использующих достижения науки и техники. Указанная статья обязывает органы государственной власти осуществлять экспертизу научных и научно-технических программ и проектов, финансируемых за счет бюджетных средств, с учетом критерия экологической безопасности, а также своевременно и в полном

объеме информировать население о результатах таких экспертиз.

Мониторинг экологической безопасности внедряемых в производство научных и научно-технических достижений представляет собой актуальную проблему современных теоретических и прикладных исследований. Многие ученые осуществляют свои разработки без учета экологических факторов, что вызывает понятную озабоченность со стороны специалистов в сфере охраны окружающей среды и экологического права. «Несмотря на явную угрозу экологического коллапса в России, – пишет А.И. Казанник, – ученые и инженеры разрабатывают научные концепции, проекты и технологии освоения природных богатств, которые способны причинить колоссальный ущерб окружающей природной среде. Они находятся в непримиримом противоречии с объективными законами взаимодействия общества с природой, тормозят процесс повышения экологической культуры материального производства» [1, с. 83].

Вместе с тем, Федеральный закон «Об охране окружающей среды» уже в ст. 1 вводит термин «наилучшая существующая технология», под которой подразумевает технологию, основанную на последних достижениях науки и техники, и направленную, главным образом, на снижение негативного воздействия на окружающую среду. В законе неоднократно указывается на необходимость использования лишь наилучших существующих технологий, которые следует иметь в виду при выработке технологических нормативов для стационарных и передвижных источников

воздействия на окружающую природную среду. В качестве общеобязательной нормы закон, таким образом, закрепляет внедрение новейших достижений науки и техники в производство с целью уменьшения негативных воздействий на окружающую среду. Так как данная практика в России регламентирована законодательно, то ее проведение в жизнь является примером реализации высокой эколого-правовой культуры.

Однако на деле так называемые новейшие достижения науки и техники далеко не всегда соответствуют современным экологическим стандартам и интересам общества в сфере охраны окружающей среды. Решение актуальных научных задач зачастую происходит без учета указанных факторов, которые, несмотря на все принятые законы, все еще воспринимаются рядом ученых-специалистов как несущественные. «Некоторые рекомендации ученых в области природопользования, – отмечает А.И. Казанник, – сформулированы с чисто отраслевых позиций, без учета сложных экологических взаимосвязей в природе. Зачастую они носят конъюнктурный характер и направлены на получение сиюминутных экономических выгод» [там же, с. 83].

Поэтому в настоящее время важны не просто правовые предписания по использованию новейших достижений науки и техники в производстве, но и обеспечение обществом и государством полного соответствия этих научно-технических достижений не только узкоотраслевым интересам, но и новейшим стандартам в области охраны окружающей среды. Это может быть достигнуто лишь при достаточно высоком уровне экологической и, что самое главное, эколого-правовой культуры ученых-специалистов, которые должны учитывать природоохранные факторы и требования современного экологического права в своих научных разработках.

С другой стороны, Федеральный закон «Об охране окружающей среды» обуславливает и обратную зависимость динамики самого экологического права от эволюции научных представлений. Например, п. 3 ст. 19 устанавливает, что нормативы и нормативные документы по охране окружающей среды разрабатываются, утверждаются и вводятся в действие на основе современных научно-технических достижений, а также с учетом международных правил и стандартов. Статья 20 гласит, что разработка нормативов в сфере охраны окружающей среды достигается путем проведения научно-исследовательских работ по обоснованию указанных нормативов.

Экологическое право следует относить к так называемым наукоемким отраслям права, потому что выработка и применение его норм не обходится без новейших достижений наук об

окружающей природной среде, без участия ученых неправовой квалификации, специалистов в сфере экологии и смежных естественнонаучных дисциплин, которые задействованы в эколого-правовом нормотворчестве и правоприменении. Проблемы эколого-правовой культуры научных разработок касаются не только всех технических новинок и проектов, связанных с воздействием на окружающую среду, но и фундаментальных исследований мировоззренческого характера. Например, юридические работы по проблематике эколого-правовой культуры позволят осознать ее роль и место в процессе развития права окружающей среды в целом, выработать предложения по ее неуклонному повышению. Исследования, направленные на выработку предложений по изменению и дополнению экологического законодательства на основе новейших естественнонаучных открытий, строят прочный научный фундамент для этой отрасли права, без которого достижение высокого уровня эколого-правовой культуры попросту невозможно. И даже изучение истории развития эколого-правовых норм дает богатейший материал для определения перспектив их дальнейшего совершенствования, показывая экологическую и правовую культуру общества в их цельной ретроспективе [2, с. 125-131].

Эколого-правовая культура актуальна, прежде всего, для естественных наук, результаты которых обуславливают содержание и динамику эволюции экологического права. Для таких исследований в законе, как известно, предусмотрены даже преференции исключительного характера – например, специальные научные квоты на вылов водных биоресурсов или поддержка проектов в области использования природных ресурсов, осуществляемых для государственных или муниципальных нужд на особых условиях. Однако указанные научные исследования, порядок ведения которых урегулирован нормами экологического законодательства, должны быть сами подчинены не только его целям, но и достаточно высоким стандартам эколого-правовой культуры научного труда. В противном случае такие явно «привилегированные», с точки зрения закона, экологические проекты будут не только малоэффективными, но и откроют путь всякого рода злоупотреблениям – негативным проявлениям эколого-правового нигилизма в научной сфере.

Как пример можно привести нашедшую проблему необоснованного увеличения научных квот на добычу биоресурсов моря с последующей нецелевой реализацией выловленных через научные учреждения гидробионтов в коммерческих интересах третьих лиц. Эта проблема, получившая широкое распространение в рыбопромышленной отрасли, привела в 2008 г.

к внесению изменений в Федеральный закон «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов» от 20 декабря 2004 г. № 166-ФЗ (в действ. ред.), п. 3 ст. 21 которого был дополнен подпунктами 3.1 и 3.2, обязывающими научные организации использовать выделяемые им научные квоты на добычу водных биоресурсов только в исследовательских целях, с последующим возвращением выловленных таким образом организмов назад, в водную среду, а при невозможности сделать это – обязательно их уничтожить. Действующая до настоящего времени правовая новелла запретила организациям отраслевой рыбопромысловой науки любое, даже побочное коммерческое использование водных биоресурсов, полученных в результате освоения предусмотренных законом научных квот. В качестве обоснования данной меры законодатели сослались на процветавшую в отрасли коррупцию, которая лишала научные квоты их первоначального назначения и смысла, превратив их в источник неосновательного обогащения. Безусловно, подобная практика должна рассматриваться как проявление эколого-правового нигилизма, требующего незамедлительного вмешательства государства.

Однако принятые в этой связи меры – полный запрет научным учреждениям извлекать прибыль из добытых ими водных биоресурсов (а она могла бы стать источником дополнительного финансирования научных исследований), а также предписание уничтожать многие тонны ценных гидробионтов, добытых в рамках предоставленных таким учреждениям научных квот, – тоже нельзя назвать ни обоснованными, ни сколько-нибудь приемлемыми с позиции рационального использования природных ресурсов и защиты интересов указанной отраслевой науки.

Не «драконовскими» мерами, а последовательным усилением эколого-правовой культуры научных исследований и самой рыбопромысловой отрасли можно было бы решить эту

наболевшую проблему. Здесь имеет значение практически все: и эколого-правовая подготовка специалистов, идущих в эту отраслевую науку, и более продуктивное участие соответствующих научно-промысловых и экспертных научных советов в определении научных размера квот (которые должны быть обоснованы научно, а не продиктованы чьими-то коммерческими интересами), и эффективная работа правоохранительных органов, которым следует пресекать все случаи злоупотребления научными квотами, чтобы они не бросали тень на экологические исследования в целом.

Думается, что приведенный пример как нельзя лучше иллюстрирует значение развитой эколого-правовой культуры для эффективного преодоления проблем современной науки. Ведь она призвана решать не только важнейшие хозяйственные задачи, но и снабжать само российское экологическое право естественнонаучным материалом мировоззренческого уровня для дальнейшего развития и совершенствования его правовых норм.

---

1. Казанник А.И. *Формирование экологической культуры в образовательных учреждениях профессионального образования России // Вестник Омского юридического института. 2005. № 3.*

2. Навасардова Э.С., Нутрихин Р.В. *Землеустройство на Северном Кавказе: взаимодействие обычного права горцев с межевыми узаконениями Российской Империи // Аграрное и земельное право. 2011. № 4.*

---

1. Kazannik A.I. *Forming of ecological culture in Russian educational establishments for professional education // Bulletin of Omsk Law Institute. 2005. № 3.*

2. Navasardova E.S., Nutrihin R.V. *Organization of the use of land in North Caucasus: interaction of highlanders' common law to bordering laws of Russian Empire // Agrarian and land law. 2011. № 4.*

Кибальник Алексей Григорьевич

доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой уголовного права и процесса
Северо-Кавказского федерального университета

Мартirosян Александра Сергеевна

соискатель кафедры уголовного права и процесса
Северо-Кавказского федерального университета
(тел.: 88652354446)

Эволюция уголовной ответственности за геноцид в XX веке

В статье приведен обзор исторической эволюции уголовной ответственности за геноцид в течение XX в. Особое внимание уделено значению решений военных трибуналов (после II Мировой войны) для юридической оценки актов геноцида.

Ключевые слова: геноцид, уголовная ответственность, I Мировая война, II Мировая война, Нюрнбергский трибунал, Конвенция о геноциде (1948).

A.G. Kibalnik, Doctor of law, professor, head of the chair of criminal law and procedure law of North Caucasian Federal University;

A.S. Martirosyan, post-graduate of the chair of criminal law and procedure law of North Caucasian Federal University; tel.: 88652354446.

Evolution of criminal responsibility for genocide during XX century

This article contains the review of historical evolution of criminal responsibility for genocide during XX century. The main attention is paid to importance of military tribunal's decisions (after World War II) for juridical estimation of genocide's acts.

Key words: genocide, criminal responsibility, World War I, World War II, Nuremberg Tribunal, Convention on Genocide (1948).

В обиходе и в литературе (как научной, так и популярной) зачастую употребляется понятие «геноцид» применительно к самым разным отрицательным, а нередко и просто чудовищным проявлениям человеческой деятельности. Сам термин «геноцид» происходит от греческого «γένος» («племя», «род») и латинского «caedo» («уничтожаю», «убиваю»). В русском языке С.И. Ожегов впервые определил геноцид, как «истребление отдельных групп населения, целых народов по расовым, религиозным или национальным мотивам» [1].

Понимание того, что геноцид является одним из наиболее ужасных и преступных проявлений человеческой деятельности сложилось далеко не сразу, а в результате всей человеческой истории, особенно истории нового и новейшего времени. Как это ни прискорбно, но мировая цивилизация практически во все эпохи своего развития – как на Востоке, так и на Западе – знает примеры, когда представители одной расовой, национальной либо религиозной группы стремились к уничтожению представителей другой

такой группы. Достаточно вспомнить о библейских историях гонений на евреев, о массовом уничтожении христианского населения во время турецкой экспансии в Европу на протяжении XIV-XVIII вв., о трагических страницах собственно европейской истории, связанных с избиением католиками протестантов и протестантами католиков во время религиозных войн XVI-XVII вв. и многие другие факты.

Юридического термина «геноцид» не существовало очень долго – его ввел юрист Лемкин (Lemcine) между двумя мировыми войнами применительно к фактам массового уничтожения армянского населения по указанию властей Османской Турции в 1914-1918 гг. [2].

Политика геноцида в отношении армян была обусловлена рядом факторов. Ведущее значение среди них имела идеология Панисламизма и Пантюркизма, которую с середины XIX в. исповедовали правящие круги Османской империи. Воинствующая идеология панисламизма отличалась нетерпимостью в отношении немусульман, проповедовала откоро-

венный шовинизм, призывала к отуречиванию всех нетурецких народов. Вступая в войну, младотурецкое правительство Османской империи строило далеко идущие планы создания «Большого Турана» (присоединение к империи Закавказья, Северного Кавказа, Крыма, Поволжья, Средней Азии). На пути к этой цели агрессорам надо было покончить, прежде всего, с армянским народом – планы уничтожения армянского населения младотурки начали разрабатывать еще до начала I Мировой войны.

Предпринимая уничтожение армянского населения, правящие круги Турции намеревались достичь нескольких целей – и главной из них была ликвидация так называемого «Армянского Вопроса». Турки избавлялись от экономической конкуренции, в их руки перешло бы все достояние армянского народа. С другой стороны, устранение армянского народа как национальности помогло бы проложить путь к захвату Кавказа, к достижению «великого идеала туранизма» [3].

С первых же дней I Мировой войны в Турции развернулась антиармянская пропаганда. В феврале 1915 г. военный министр Энвер отдал приказ об уничтожении армян, служащих в турецкой армии. Этот приказ был выполнен с беспримечной жестокостью.

В мае-июне 1915 г. началась массовая депортация и резня армянского населения турецких провинций (Западной Армении, Киликии, Западной Анатолии и других). Осуществлявшаяся депортация армянского населения на деле преследовала цель его уничтожения. Очевидцы событий оставили многочисленные описания страданий, выпавших на долю армянского населения. Корреспондент английской газеты «Таймс» сообщал в сентябре 1915 г.: «Из Сасуна и Трапезунда, из Орду и Айнтаба, из Мараша и Эрзрума поступают одни и те же сообщения о зверствах: о мужчинах, безжалостно расстрелянных, распятых, изувеченных или уведённых в трудовые батальоны, о детях, похищенных и насильно обращенных в магометанскую веру, о женщинах, изнасилованных и проданных в рабство в глубокий тыл, расстрелянных на месте или высланных вместе с детьми в пустыню на запад от Мосула, где нет ни пищи, ни воды... Многие из этих несчастных жертв не дошли до места назначения..., и их трупы точно указывали путь, по которому они следовали» [4].

В результате геноцида армян, осуществленного младотурками в 1915-1918 гг., погибло 1,5 млн человек. Около 600 тыс. армян стали беженцами; они рассеялись по многим странам мира, пополнив собой уже имеющиеся и образовав новые армянские общины [там же]. Подобные действия турецких вла-

стей и турецкой армии впервые в мировой истории были названы преступлением против человечества – и это произошло в совместной Декларации стран-союзниц (Англии, Франции и России) от 24 мая 1915 г.

Военный трибунал 22 апреля 1919 г. (после поражения Турции в войне) обвинил руководителей младотурецкого правительства именно в геноциде армян, отметив в своем приговоре что «решение об истреблении армян было принято в ЦК партии Иттихад (правящая партия младотурок – авт.), а депортация и резня являлись чем-то вроде "чистки", ибо они должны были радикально решить армянский вопрос» [5].

Однако геноцид как преступление против мира и безопасности не был юридически закреплён, не смотря на столь чудовищные проявления национально-религиозных чисток армянского населения во время I Мировой войны.

Понадобилось еще одна мировая война для того, чтобы мир осознал не просто ужас и бесчеловечность подобного деяния, но и было выработано понимание его преступности и наказуемости как одного из тяжчайших преступлений. Политика уничтожения групп людей в зависимости от их расовой, национальной и религиозной принадлежности получила теоретическое обоснование и была возведена в ранг государственной политики в нацистской Германии.

Идеологическое обоснование расового геноцида содержалось в программной книге третьего рейха – «Mein Kampf» («Моя борьба»). Основной темой книги была расовая доктрина Гитлера: «Немцы должны осознавать превосходство арийской расы и хранить расовую чистоту. Их долг - увеличить численность нации, с тем чтобы исполнить свое предназначение - достичь мирового господства». Национальность и раса, продолжал Гитлер, «заключена в крови, а не в языке. Смешение крови в Германском государстве можно остановить, лишь удалив из него все неполноценное» [6].

Первейшая обязанность государства, с точки зрения идеологии нацизма, - сохранять и поддерживать свои расовые основы. Гитлер сформулировал семь пунктов «обязанностей государства», среди которых в плоскости интересующей нас проблемы надо отметить следующие: 1) понятие «раса» необходимо поставить в центре внимания; 2) необходимо сохранять расовую чистоту; 3) в качестве первоочередной задачи ввести практику контроля за рождаемостью.

Расовые представления Гитлера нашли воплощение в Нюрнбергских законах о гражданстве и расе, принятых в 1935 г., которые

предоставляли гражданство «всем носителям германской или схожей крови» и лишали его каждого, кто считался представителем еврейской расы. Благодаря этим законам расизм получил юридическое обоснование в Третьем рейхе и со временем воплотился в «окончательном решении еврейского вопроса» [4]. В конечном итоге государственная национальная политика нацистской Германии вылилась в осуществлении «холокоста» (Holocaust) – физического уничтожения еврейского населения Европы.

23 июля 1938 г. вышел указ, по которому каждый еврей был обязан зарегистрироваться в полиции и получить специальное удостоверение с отметкой «J» («еврей») и предъявлять его по первому требованию властей. Распоряжение от 17 августа 1938 г. обязывало мужчин еврейской национальности добавлять имя «Израэль», а женщин – «Сара» к своему настоящему, нееврейскому имени [7]. Апогея антиеврейская кампания достигла в ноябре 1938 г., когда в ответ на убийство в Париже польским евреем Г. Грюншпаном германского посла Э. фон Рата по всей Германии прокатилась волна организованных еврейских погромов («Хрустальная ночь»). Геринг заявил об «окончательном расчете с евреями».

30 января 1939 г., в шестую годовщину прихода к власти, Гитлер выступил в рейхстаге с первой публичной угрозой физического истребления евреев: «Если при международной финансовой поддержке евреям в Европе и за ее пределами снова удастся свергнуть народы в новую мировую войну, то результатом этого будет не установление большевистского мирового правления и еврейского триумфа, а уничтожение евреев в Европе» [7].

Маховик гитлеровских планов физического истребления евреев начал раскручиваться в полную силу с первых дней II Мировой войны. В мае 1940 г. на территории оккупированной Польши был создан концлагерь Аушвиц (Освенцим), превратившийся вскоре в огромную фабрику по уничтожению людей. 20 января 1942 г. был утвержден план так называемого «Окончательного решения», ответственность за исполнение которого возлагалась на А. Эйхмана: «Европа будет прочесана с запада на восток... Несомненно, огромное число евреев исчезнет за счет естественной убыли. С остальными, которым удастся выжить, следует обращаться соответствующим образом, потому что... они могут стать зародышем нового еврейского развития. Не забывайте опыт истории» [4].

Гестапо и СД тут же принялись за работу, постоянно наращивая темпы отправки мил-

лионов евреев в «лагеря смерти». Помимо «лагерей смерти» насчитывалось свыше 400 перевалочных и транзитных лагерных центров, осуществлявших отправку рабочей силы на запад. Но Аушвиц оставался главным центром холокоста. В период наивысшей активности он вмещал до 100 тыс. человек, а через его газовые камеры ежедневно проходило до 12 тыс. узников.

На Нюрнбергском процессе Р. Хесс говорил: «В помещениях для уничтожения мы использовали "циклон Б", кристаллизованную синильную кислоту, которую засыпали через специальное небольшое отверстие. Требовалось от 3 до 15 минут, чтобы умертвить людей в камере, в зависимости от климатических условий. Мы узнавали о том, что люди мертвы, когда прекращались их крики. Обычно мы ждали полчаса, прежде чем открыть двери, и вытаскивали тела. После этого специальная команда («зондеркоммандос», состояла из числа заключенных – авт.) изымала кольца и золотые зубы из трупов» [там же, с. 344].

Холокост явился самым чудовищным проявлением варварства за все время существования цивилизации. Попытки историков, психологов, социологов и психиатров найти рациональное объяснение этому трагическому историческому феномену до сих пор не увенчались успехом.

Только после окончания II Мировой войны геноцид был официально квалифицирован как тягчайшее преступление против человечества. В основу правовых документов о геноциде легли основные принципы, разработанные международным военным трибуналом в Нюрнберге, судившим главных военных преступников гитлеровской Германии.

Судебный процесс над группой главных нацистских военных преступников состоялся в Нюрнберге с 20 ноября 1945 г. по 1 октября 1946 г. Для расследования и поддержания обвинения был образован Комитет из главных обвинителей: от Великобритании – Х. Шоукросс, от СССР – Р.А. Руденко, от США – Р.Х. Джексон, от Франции – Ф. де Ментон, а затем Ш. де Риб. Суду были преданы высшие государственные и военные деятели третьего рейха.

Всем им было предъявлено обвинение в составлении и осуществлении заговора против мира и человечности, а именно: убийство военнопленных и жестокое обращение с ними, убийство гражданского населения и жестокое обращение с ним, разграбление общественной и частной собственности, установление системы рабского труда и др. Был также поставлен вопрос о признании преступными таких организаций, как руководящий со-

став НСДАП, штурмовые (СА) и охранные отряды нацистской партии (СС), служба безопасности (СД), государственная тайная полиция (гестапо), правительственный кабинет и генштаб.

На Нюрнбергском процессе геноцид был описан как «преднамеренное и систематическое истребление расовых или национальных групп гражданского населения на определенных оккупированных территориях с целью уничтожить определенные расы и слои наций и народностей, расовых и религиозных групп» (п. «с» ст. 6 Устава Нюрнбергского трибунала от 8 августа 1945 г.). Таким образом, было выработано понимание того, что геноцид – это одностороннее массовое убийство, в котором государство, или другая преобладающая сила, намеренно уничтожает значительную часть национального, этнического или религиозного сообщества или группу, в то время как принадлежность к ней иногда произвольно определяется самим исполнителем.

В то же время в решениях Нюрнбергского трибунала отмечено, что не могут считаться потерпевшими от геноцида «жертвы войны» – т.е. военные и гражданское население, кроме группы пострадавших (жертв), которые сдались и (или) не обладают организованной военной силой, способной противостоять военной силе нападающего. Определение геноцида, выработанное в документах Нюрнбергского процесса, не включило в себя жертв воздушных бомбардировок противника среди гражданского населения.

На 3-й сессии генеральной Ассамблеи ООН была принята и открыта для подписания Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказания за него от 9 декабря 1948 г. (далее – Конвенция о геноциде). Именно в этом документе, вступившем в силу в 1951 г., геноцид был определен как «любое из следующих действий, совершаемых с намерением уничтожить, полностью или частично, какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую».

Статья I Конвенции о геноциде допускает, что любое государство-участник может обратиться к ООН с просьбой о вмешательстве как в случае совершения этого преступления как в мирное, так и в военное время. При этом ст. IV Конвенции о геноциде прямо указывает, что ответственности за это преступление подлежат все лица, вне зависимости от того, «являются ли они по Конституции ответственными правителями, должностными или частными лицами».

В соответствии со ст. 1 Конвенции о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против че-

ловечества от 26 ноября 1968 г., геноцид относится к перечню преступлений, к которым «никакие сроки давности не применяются». Так, например, недавно в Хорватии судили Д. Шакича, одного из командиров «усташей» (профашистски настроенных националистов-партизан), коменданта концлагеря Ясеновац, виновника зверских расправ над сербами, цыганами и евреями во время Второй мировой войны. Количество погибших узников Ясеноваца исчислялось сотнями тысяч.

В мировой юридической практике после II Мировой войны обвинение в осуществлении геноцида как преступления против мира и безопасности человечества официально выдвигалось только дважды – при расследовании военных преступлений, совершенных во время войн в бывшей Югославии и в Руанде.

Уголовная ответственность за геноцид, впервые установленная в международном праве послевоенного периода, была определена в национальном законодательстве многих государств. Произошло это в силу прямого указания ст. V Конвенции о геноциде: «Договаривающиеся стороны обязуются провести необходимое законодательство, каждая в соответствии со своей конституционной процедурой». В нашей стране уголовная ответственность за геноцид была установлена только в ст. 357 УК РФ 1996 г., несмотря на то, что Конвенцию Советский Союз ратифицировал еще в 1954 г.

1. Ожегов С.И. *Словарь русского языка*. 4-е изд. М., 1960. С. 98.

2. Сартр Ж.П. *О геноциде // Материалы Расселовского трибунала по военным преступлениям (1968 г.)*. М., 1990. С. 14.

3. *Новейшая история Востока*. М., 1988. С. 244.

4. *Вторая Мировая война в цифрах и фактах*. М., 1985. С. 13-18.

5. Ованесян В. *Геноцид – преступление против человечества // Независимая газета*. 2000. 2 сентября.

6. Гитлер А. *Mein Kampf*. Puga, 1990. С. 24.

7. Neier A. *War Crimes: Brutality, Genocide, Terror and the Struggle for Justice*. London, 1974. С. 62-68.

1. Ozhegov S.I. *Dictionary of Russian Language*. 4th edition. M., 1960. P. 98.

2. Sartre J.P. *On Genocide // Materials of Russell's Tribunal for War Crimes (1968)*. M., 1990. P. 14.

3. *The Newest History of East*. M., 1988. P. 244.

4. *World War II in digits and facts*. M., 1985. P. 13-18.

5. Ovanesyanyan V. *Genocide – crime against*

mankind // Nezavisimaya Gazeta. 2000. 2 September.

6. Hitler A. *Mein Kampf*. Riga, 1990. P. 24.

7. Neier A. *War Crimes: Brutality, Genocide, Terror and the Struggle for Justice*. London, 1974. P. 62-68.

Козаев Нодар Шотаевич

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права
Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова
(тел.: 89034849978)

Структура достижений научно-технического прогресса и их отражение в уголовном законе

В статье выделены четыре группы инновационных технологий: производственные, социальные, информационные и витальные. Также в статье даны их краткая характеристика, концептуально показана связь с уголовным правом.

Ключевые слова: развитие науки и техники, производственные технологии, социальные технологии, информационные технологии, витальные технологии, уголовное право.

N.Sh. Kozhev, Candidate of law, assistant professor, assistant professor of of the chair of criminal law of North-Ossetia State University named by K.L. Hetaгурov; tel.: 89034849978.

Structure of achievements of scientific-technical progress and their reflection in the criminal law

This article is identified four groups of innovative technologies: industrial, social and vital. Also their brief description conceptually shows the relationship of the criminal law are given in this article.

Key words science and technology, industrial technology, social technology, information technology, vital technology, criminal law.

Развитие науки и техники не является социально нейтральным. Как справедливо указывает С.А. Угаров, «более высокая степень развития производства требует и более высокой степени развития общества и человека в их взаимодействии с природой» [1]. Отсюда вопрос о структуре достижений научно-технического прогресса (НТП), связях и взаимовлиянии ее элементов тесно связан с вопросами понимания социальной справедливости, закономерностей общественного развития, гуманистических принципов. На современном этапе развития общества, при опоре на ценностный подход к оценке достижений НТП, отчетливо выделяются два ведущих ориентира: меркантилистский и гуманистический. Тезисно первый из них может быть охарактеризован как извлечение максимальных прибылей, приумножение материальных благ за счет наращивания темпов НТП. Его превалирование над вторым приводит к усугублению социальных (в широком смысле) проблем, а будучи доведенным до абсолютизма он может повлечь глобальную катастрофу. Второй – является скорее идеальной моделью реализации результатов взаимодействия науки и практики, но он должен признаваться ведущим, поскольку подразумевает ориентацию именно на истинные ценности, такие как жизнь, здоровье, благоприятная среда существования.

Многие из революционных технологий «ломают» традиционные представления о границах существующих областей знания, поскольку не могут существовать в отрыве от других, ранее известных. Поэтому структуризация достижений НТП во многом условна. Однако в целях определения уголовно-правового проблемного поля, обусловленного реализацией достижений НТП, попытаемся обозначить и проанализируем структуру последних.

Для этого следует выделить четыре основные группы технологий – достижений НТП, представляющих особый интерес в рамках настоящего исследования: производственные, социальные, информационные и витальные. Все они имеют на сегодняшний день как положительный, так и отрицательный опыт применения и вполне прогнозируемые перспективы развития, вместе с тем отсутствие надлежащего контроля может повлечь ряд серьезных проблем. Решение наиболее существенных из них может быть обеспечено научно-обоснованной уголовно-правовой политикой государства, правовую основу которой составляет уголовное законодательство.

Первая группа из выделенных – это производственные технологии, т.е. технологии, применяемые в сфере промышленного и сельскохозяйственного производства. Исторически они возникли ранее других, во многом обусловив эволюцию социально-политических отношений, но и сами претерпевают постоянные из-

менения исходя из запросов и потребностей общества. Сегодня все чаще говорят о кризисе фундаментальных инноваций, подмене истинно-нового технического знания незначительными усовершенствованиями (имитация инноваций). Согласно экспертным оценкам приоритетность развития некоторых производственных технологий уступает, причем значительно, более «молодым» отраслям научно-технического знания. Так, доля голосов экспертов, отданных в пользу электронизации, составила 13 %, промышленных материалов – 2,7 %, энергетики – 2,3 %, в то время как средства информатики и связи поддержали 26,5 % опрошенных, биотехнологии – 23,8%.

Как известно результатом применения технологий в производственном процессе является определенный продукт (работа, услуга): материальный, энергетический или интеллектуальный. Средствами его получения выступают производственные операции: добычи, переработки, транспортирования, складирования, сбережения, передачи прав владения, продажи и т.п. Таким образом, можно заключить, что уголовно-правовые проблемы возникают при нарушении установленных правил производства данных операций. Соответствующие составы преступлений мы находим в гл. 24, 25, 26 УК РФ.

Вторая группа технологий, представляющих интерес для уголовно-правовой науки – социальные технологии. Учитывая мнения ученых, можно сделать вывод о том, что они представляют собой совокупность методов и средств организации человеческой деятельности с целью воздействия на социальные процессы, обусловленные задачами методов воздействия на ее стимулирование и функционирование, а также на организацию деятельности субъекта воздействия с контролем состояния, преобразования и оптимизации личностных ресурсов [2]. В этом контексте органично звучит идея Н.Е. Нарышкина о том, что «современное государство – это государство качественно иного типа социального «мышления», ориентированное на сбалансированные корреспондирующие отношения между индивидом и обществом, поощряющее развитие научно-технического прогресса и инноваций, а также заинтересованное в «инвестировании в человека» [3].

Деятельность последнего может не только определять содержание социальной технологии, но и быть механизмом, условием, либо результатом ее реализации [4]. В рамках проблем уголовного права наибольший интерес представляют технологии формирования социальных систем; функциональные, направленные на поддержание стабильности социальных систем и процессов; технологии,

направленные на преобразование социума; технологии социальной борьбы как средство защиты правопорядка и безопасности общества, подавления нежелательных явлений (например, преступности), миротворческие, направленные на мирное решение социальных проблем [5]. Если более конкретно проанализировать, какие социальные технологии отражены в УК РФ, то следует обратить внимание на нормы гл. 19 (избирательные технологии, социально-обеспечительные технологии, технологии обеспечения личных и политических свобод); 20 (технологии обеспечения социальной ценности семьи); 24, 29 и 34 (технологии обеспечения общественной, государственной и мировой безопасности); 25 (технологии защиты общественной нравственности).

Следующей группой достижений НТП выступают информационные технологии как совокупность методов сбора, хранения и переработки информации. Но, несмотря на кажущуюся простоту определения, их революционное значение при переходе к постиндустриальному обществу и формированию инфосферы (информационной культуры) переоценить сложно. По словам Г.Г. Почепцова, «информация начинает нести в себе как созидательную, так и разрушительную силу, но гораздо в более сильной степени, чем это было ранее» [6]. Небывалое увеличение объемов информации влечет комплекс проблем как общесоциально-го так и правового свойства, наиболее существенными из которых являются: необходимость постоянной адаптации людей к быстро меняющимся условиям их жизни; проблема отбора значимой и достоверной информации; проблема устаревания, доступности и сохранения уникальной информации; проблема «информационных войн» [7], рост количества преступлений и иных правонарушений в информационной сфере и как следствие необходимость создания адекватных методов воздействия на данные негативные явления. Кроме того, проблемы тотальности этих технологий порождают опасность вмешательства в личную жизнь людей, подрыва национальной безопасности и безопасности других стран, манипулирования общественным мнением и поведением людей и т.п. [8]. Это требует разносторонних и, в первую очередь, правовых мер защиты информационного поля.

Венцом научно-технического прогресса являются витальные технологии, вызывающие наибольшее количество дискуссий. Само понятие «витальные технологии» ново и не изучено в рамках уголовного права, хотя данный термин применяется такими науками как социология, психология, биомедицинские науки, философия и даже экономика и футурология. Обобщение знаний данных наук позволяет

дать определение витальных технологий - это совокупность способов, приемов и методов сохранения жизни; сохранения, восстановления и укрепления здоровья; обеспечения репродуктивной функции. Более известным и распространенным понятием является термин «биотехнологии», который не является полностью соподчиненным понятию «витальные технологии», но имеет довольно обширную область пересечения с ним.

В литературе биотехнологии обычно определяются как совокупность приемов, связанных с использованием клеточных и тканевых культур, размножением микроорганизмов и ферментацией, генной инженерией. Поскольку биотехнологии являются, пожалуй, самыми прогрессивными из всех вышеперечисленных, в последние двадцать лет отмечается достаточно высокий научный интерес к ним. Помимо массы отдельных узкоориентированных публикаций [9], имеется ряд комплексных диссертационных исследований, которые по тем или иным причинам пока не вызвали надлежащего интереса у российского законодателя [10, 11, 12, 13]. Рассматриваемые в них вопросы во многом дискуссионные и подвергаются осмыслению с биомедицинской, морально-этической и правовой точек зрения, что представляется необходимым.

На современном этапе сложилась парадоксальная ситуация – технические возможности позволяют создавать новые биологические объекты, «выращивать» и синтезировать ткани и целые органокомплексы, вмешиваться в геном человека, животных, растений, но человечество пока не нашло адекватных механизмов управления этими процессами. Эффект правового «запаздывания» применительно к биотехнологиям выражен наиболее очевидно, особенно, если рассматривать российское право. В международном и зарубежном праве многих стран, где ведутся активные разработки в области биологии и генетики, дело обстоит несколько лучше. В результате недостаточной правовой проработанности указанных вопросов человек становится уязвимым при применении новых биотехнологий, в результате клинических исследований, а в ряде случаев налицо отсутствие гарантий безопасности и жизни человека при возможных вмешательствах в его здоровье [11].

Структура проблем в области уголовного права, связанных с развитием биотехнологий может быть представлена следующим образом: 1) биоэтические проблемы в уголовном праве, связанные с экстракорпоральным оплодотворением и суррогатным материнством; 2) проблемы охраны жизни граждан в уголовном праве, связанные с эвтаназией, клонированием человека и причинением смерти по неосторожности; 3) этико-правовые проблемы охраны

здоровья граждан, связанные с трансплантацией органов и тканей, причинением вреда здоровью по неосторожности в ходе оказания медицинской помощи и применения нетрадиционных методов лечения.

Как показывает практика, достижения НТП не существуют изолированно друг от друга. В их взаимодействии проявляется эффект взаимоусиления и взаимообогащения новых технологий. Так, к примеру, применение мощных компьютеров позволяет решать сложные задачи в области генной инженерии. Благодаря полученной способности дешифровать генетические коды, ученые приобрели возможность получать принципиально новые формы жизни, клонировать живые существа, воздействуя на половые клетки, влиять на развитие будущих поколений.

Подводя итог, следует отметить, что имея огромное значение в жизни общества, определяя поведение индивидов и их коллективов, все указанные технологии отражены в уголовном законодательстве путем, во-первых, установления уголовно-правового запрета, в целях минимизации отрицательного эффекта их применения; во-вторых, косвенного указания на некоторые из них (например, социальные) как на средство достижения целей привлечения виновных лиц к уголовной ответственности и профилактики преступлений; в-третьих, отражения в уголовной политике, что несет прогнозные функции относительно будущего состояния уголовного законодательства и вопросов противодействия преступности.

В структуре достижений научно-технического прогресса, было бы правильным рассматривать витальные технологии наиболее значимыми, несмотря на популяризацию и широкое внедрение производственных, информационных и социальных технологий. Кроме того, представляется, что разрешение проблем уголовного права, обусловленных развитием витальных технологий, влечет за собой снижение качественно-количественного уровня проблем, обусловленных научно-техническим развитием информационных, социальных и производственных технологий.

1. Угаров С.А. *Научно-технический прогресс: социальные аспекты*. М., 1987. С. 15.

2. Афанасьев В.Г. *Человек в управлении обществом*. М., 1977. С. 401.

3. Нарышкин С.Е. *Инновационный потенциал современного российского общества // Журнал российского права*. 2009. № 8. С. 12.

4. Сурмин Ю.П., Туленков Н.В. *Теория социальных технологий*. Киев, 2004.

5. Патрушев В.И. *Введение в теорию социальных технологий*. М., 1998.

6. Почепцов Г.Г. Паблик-релейшнз для профессионалов. М., 1999. С. 452-453.

7. Почепцов Г.Г. Информационные войны. М., 2000. С. 576.

8. Гладышев А.Г. и др. Основы социального управления / Под. ред. В.Н. Иванова. М., 2001.

9. Юдин Б.Г. Наука в обществе знаний // Вопросы философии. 2010. № 9.

10. Бахин С.В. Научно-технический прогресс в области медицины и международно-правовая защита прав человека. Дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1990.

11. Концевенко А.С. Правовое регулирование биомедицинских исследований и применения новых биотехнологий в Европейском Союзе. Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011.

12. Старовойтова О.Э. Юридический механизм реализации и защиты соматических прав человека и гражданина в Российской Федерации (историко-правовой и теоретический анализ). Дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2006.

13. Тарасьянц Е.В. Международная защита и поощрение прав человека в области биомедицинских исследований. Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010.

1. Ugarov S.A. Scientific and technical progress: social aspects. М., 1987. P. 15.

2. Afanasiev V.G. Man in a management society. М., 1977. P. 401.

3. Naryshkin S.E. Innovative potential of modern Russian society // Magazine of the Russian right. 2009. № 8. P. 12.

4. Surmin Yu.P., Tulenkov N.V. Theory of social technologies. Kiev, 2004.

5. Patrushev V.I. Introduction to the theory of social technologies. М., 1998.

6. Pochepcov G.G. Public-relations for professionals. М., 1999. P. 452-453.

7. Pochepcov G.G. Informational wars. М., 2000. P. 576.

8. Gladyshev A.G. and other. Social government bases / Under ed. V.N. Ivanov. М., 2001.

9. Yudin B.G. Science in society of knowledge's // Questions of philosophy. 2010. № 9.

10. Bahin S.V. Scientific-technical progress in medical sphere and international-law defense of human rights. Dis. ... cand. of law. L., 1990.

11. Koncevenko A.S. the Legal adjusting of biomedical researches and application of new biogeotechnologies in European Union. Dis. ... cand. of law scien. М., 2011.

12. Starovoytova O.E. Juridical mechanism of realization and defense of somatic rights of man and citizen in Russian Federation (historical-law and theoretical analysis). Dis. ... doc. of law. SPb., 2006.

13. Tarasyants E.V. International defense and encouragement of human rights in bio-medical researches' sphere. Thesis ... cand. of law. М., 2010.

Хун Аслан Заурканович

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права
Краснодарского университета МВД России
(тел.: 89184608189)

Проблемы теории и практики применения ч. 4 ст. 111 УК РФ

Среди преступлений против жизни и здоровья наиболее опасным после квалифицированного и «простого» убийства является состав ч. 4 ст. 111 УК РФ. В статье раскрыты объективные и субъективные признаки данного состава преступления.

Ключевые слова: здоровье, убийство, вина, двухобъектный состав преступления, тяжкий вред здоровья, телесные повреждения, умысел.

A.Z. Hoon, Candidate of law, associate professor of criminal law Krasnodar Ministry of Internal Affairs University of Russia; tel.: 89184608189.

Problems of the theory and practice of application of h. 4 Art. 111 of the criminal code of Russian Federation

One of crimes against life and health by the most dangerous after the qualified and "simple" murder the structure of h. 4 Art. 111 of the criminal code of Russian Federation. In article objective and subjective signs of this structure crimes are solved.

Key words: health, murder, wine, two-object structure of the crime, heavy harm of health, injuries.

Одной из актуальных проблем современного общества стала проблема криминального насилия. Ежегодно потерпевшими от криминального насилия выступают сотни тысяч людей. В данной статье содержится сложный для уяснения состав преступления с двумя формами вины: умыслом по отношению к причинению тяжкого вреда здоровью и неосторожностью по отношению к смертельному исходу. Существование данной нормы порождает серьезные проблемы в правоприменительной деятельности, приводит к многочисленным ошибкам в квалификации.

В прежних уголовных кодексах повышение ответственности за умышленное тяжкое телесное повреждение при наличии смертельного исхода вообще не связывалось с какой-либо формой вины по отношению к смерти потерпевшего. Это видно из формулировки «те же деяния, если они повлекли за собой смерть потерпевшего» (ч. 2 ст. 108 УК РСФСР, 1960 г.) Однако судебная практика все более склонялась к тому, чтобы в подобных случаях устанавливать не только умысел на причинение тяжкого телесного повреждения, но и неосторожности по отношению к смерти потерпевшего. Хочется обратить внимание, что «телесные повреждения» в УК 1960 г. представлены тремя видами: тяжкими, менее тяжкими и легкими телесными повреждениями. В УК РФ 1996 г. не используется термин «телесные повреждения», а используется понятие «вред здоровью». Под вредом здоровью понимают либо телесные повреждения, т.е. нарушение анато-

мической целостности органов и тканей или их физиологических функций, либо заболевания или патологические состояния.

Часть 4 ст. 111 УК существенно отличается от ч. 2 ст. 108 УК РСФСР 1960 г. не только указанием на неосторожную форму вины по отношению к причинению смерти потерпевшему. Использование законодателем конструкции двойной формы вины, при которой преступление в целом признается умышленным (ст. 27 УК РФ), подчеркивает его особо высокую опасность. В учебной литературе данный состав преступления в отличие от квалифицированного или особого квалифицированного стали называть «сверхквалифицированным» [1].

Причинение столь тяжкого последствия не может рассматриваться, как некая «добавка» к деянию, предусмотренным ч. 1-3 ст. 111 УК РФ. Это обстоятельство значительно поднимает степень тяжести преступления, приближая его к убийству. Возможно, при дальнейшем совершенствовании системы УК РФ данное преступление будет выделено в самостоятельный состав.

К сожалению, предпосылкой многих квалификационных ошибок является недооценка опасности данного преступления.

Конструкция ч. 4 ст. 111 УК как бы объединяет два деяния с материальным составом: умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (первое последствие) и неосторожное причинение смерти (второе последствие). Наличие двух последствий разного рода позволяет характеризовать его как двухобъектный

состав преступления. Объектами его является здоровье и жизнь человека. В связи с этим иногда возникает вопрос: почему данный состав входит в группу преступлений против здоровья, а не против жизни? Такое решение отвечает требованиям системности. К тому же в силу ст. 27 УК РФ преступление с двумя формами вины «в целом признается совершенным умышленно», а умысел в составе преступления, закрепленном в ч. 4 ст. 111 УК РФ, относится к причинению вреда именно здоровью.

Причинение столь тяжкого последствия (смерти человека) не может рассматриваться как некая добавка к деянию, предусмотренному в ч. 1-3 ст. 111 УК РФ. Это обстоятельство значительно поднимает степень тяжести преступления, приравнивая его к убийству. Возможно, при дальнейшем совершенствовании системы УК РФ данное преступление будет выделено в самостоятельный состав [2].

Отграничение рассматриваемого преступления от смежных составов (в силу его двухобъектности) проводится по двум направлениям: во-первых, от убийства как умышленного преступления (ст. 105-108 УК); во-вторых, от причинения смерти по неосторожности (ст. 109 УК).

Наибольшую сложность представляет отграничение данного деяния от убийства. По каким элементам состава можно провести их разграничение? Сделать это по объекту невозможно в силу сказанного выше о двухобъектности преступления, предусмотренным ч. 4 ст. 111 УК РФ. По объективной стороне разграничить их также не удастся. Одними и теми же действиями можно совершить и то, и другое преступление. Последствие (конечный результат – смерть потерпевшего) также при этом совпадает. И причинная связь между действием и последствием в виде смерти должна быть установлена обязательно. И даже промежуток времени между нанесением ранения и наступлением смерти не имеет самостоятельного значения для разграничения рассматриваемых составов. Одной из причин ошибок является, к сожалению, мнение, будто наличие значительного разрыва во времени между причинением травмы и наступлением смерти требует квалификации по ч. 4 ст. 111 УК РФ и исключает квалификацию содеянного как убийства. Это мнение лишено каких-либо оснований. Для привлечения к ответственности лица, совершившего преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 111 УК РФ, необходимо установление причинной связи между причинением тяжкого вреда здоровью и наступившей смертью. Если же виновный, например, причинил легкий вред здоровью, а причинной смерти оказалось загрязнение раны инфекцией, то в данном случае причинная связь отсутствует, так как такую

связь виновный не предвидел и не мог предвидеть, а так же не охватывалась его сознанием. Также если рассмотрим ситуацию, когда виновный причинил тяжкий вред здоровью, а смерть потерпевшего не наступила по независящим от виновного обстоятельствам. В этом случае, на наш взгляд, необходимо исходить из направленности умысла, т.к. если он был прямым, то содеянное следует квалифицировать как покушение на убийство, а если умысел был косвенным, то в уголовном праве уделяется особое внимание проблеме вины, поскольку малейшее отступление от принципа виновной ответственности может повлечь нарушение законности, обусловить несправедливое решение вопроса о виде ответственности и ее объеме. В уголовном законодательстве под виной, прежде всего, принято понимать психическое отношение субъекта к совершаемому деянию и наступившим последствиям. Вина – это предусмотренное уголовным законом психическое отношение лица в форме умысла или неосторожности к совершаемому деянию и его последствиям, выражающее отрицательное или безразличное отношение к интересам личности и общества.

По смыслу уголовного закона при убийстве умысел виновного направлен на лишение жизни потерпевшего, а при совершении преступления, предусмотренным ч. 4 ст. 111 УК – на причинение тяжкого вреда здоровью. Однако установить содержание и направленность умысла виновного можно на основе тщательного анализа действий виновного и всей ситуации преступления, т.е. признаков объективной стороны, как причинение тяжкого вреда здоровью.

Судебная практика свидетельствует, что при умышленном лишении жизни содеянное признается убийством, даже если смерть наступила спустя значительное время после нанесения ранения.

Важную роль играет оценка конкретного способа причинения вреда, который определяется характером применяемых орудий; силой и числом ранений; характером причиняемых повреждений и т.д. Все элементы способа рассматриваются в их соотношении, комплексно. Так, опасность применяемого орудия не допускает абсолютизации. Пистолет опаснее палки. Однако если он используется для прицельного выстрела в руку или ногу, а палка – для нанесения сильных ударов по голове, то опасность этих орудий как бы уравнивается.

До введения в действие УК 1996 г. такие ошибки встречались часто, поскольку в ч. 2 ст. 108 УК РСФСР 1960 г. не говорилось о неосторожной вине по отношению к смерти. Теперь, учитывая редакцию ч. 4 ст. 111 УК, понятие преступления с двумя формами вины, из-

бежать подобных ошибок можно, если начать анализ субъективной стороны «с конца», т.е. с выяснения отношения виновного к наиболее тяжкому последствию – смерти потерпевшего. В ст. 27 УК прямо говорится, что уголовная ответственность за такие последствия наступает, если они «не охватывались умыслом виновного лица». Поэтому первый вопрос, который ставит перед собой правоприменитель, состоит в том, охватывалось ли умыслом лица причинение смерти потерпевшему. И лишь при отрицательном ответе на этот вопрос возникает задача установления неосторожной формы вины по отношению к этому последствию. Следующий этап ее исследования – установление формы вины по отношению к тяжкому вреду здоровью, причинно связанному со смертью потерпевшего. Здесь возможен только умысел. Важно, чтобы сознанием виновного охватывалось, что этот вред может оказаться тяжким. Необходимо также установить вид умысла: прямой либо косвенный.

В практике встречаются случаи игнорирования косвенного умысла на лишение жизни при ошибочной квалификации содеянного по ч. 4 ст. 111 УК. Два лица, обвинялись в убийстве, сопряженном с разбоем. Судом было установлено, что, выследив потерпевшего, они напали на него в безлюдном месте с целью завладения имуществом, нанесли ему множественные удары бейсбольной битой по голове, удары кулаками и ногами, после чего завладели паспортом, сберегательной книжкой и скрылись. В результате умышленных действий осужденных потерпевшему была причинена открытая черепно-мозговая травма с ушибом, размягчением, отеком и сдавлением головного мозга, множество переломов, что характеризуется как тяжкий вред здоровью по признаку опасности для жизни. Эти повреждения стали непосредственной причиной смерти потерпевшего.

Верховный суд РФ указал: «Переквалифицировав действия виновных на ст. 111 ч. 4 УК и сославшись на отсутствие доказательств, подтверждающих прямой умысел на убийство, суд в приговоре никаких убедительных доводов не привел. Между тем нанесение множества ударов битой, руками и ногами в жизненно важную часть тела потерпевшего с причинением опасных для жизни телесных повреждений, ставших причиной смерти, может, как правильно было указано в протесте прокурора, свидетельствовать об умысле на лишение жизни. Этого суд не учел и применил более мягкую норму уголовного закона, что повлекло назначение мягкого несправедливого наказания» [3].

Традиционная практика поглощения физического насилия неосторожными преступлениями против жизни и здоровья неприемлема

еще и потому, что этим создается неоправданно большой разрыв в наказуемости, главным образом между ст. 109 и ч. 4 ст. 111 УК РФ, который предусматривает случай, тесно граничащий с причинением смерти по неосторожности в результате менее опасного насилия [4].

Меньше проблем возникает при отграничении ч. 4 ст. 111 от ст. 109 УК, чем отграничение от ст. 105 УК. Сходство этих составов определяется тремя моментами: а) смерть потерпевшего; б) наличие причинной связи между действием (бездействием) виновного и смертельным исходом; в) неосторожность по отношению к смерти потерпевшего. Различие состоит в психическом отношении к причинению тяжкого вреда здоровью как промежуточному результату. В первом случае это – умысел (прямой или косвенный). Во втором случае – отсутствие умысла на причинение легкого или средней тяжести вреда здоровью.

Санкции ч. 4. ст. 111 УК РФ предусматривают наказание в виде лишения свободы на срок от 5 лет до 15 лет (особо тяжкие преступления, тогда как максимальный срок санкций в ч. 1 ст. 109 УК РФ – 2 года лишения свободы (преступления небольшой тяжести). При наступлении смерти одного человека санкция ч. 4 ст. 111 УК РФ завышена, а смерти двух и более лиц, наоборот – занижена.

Имеются разночтения в трактовке некоторых признаков составов группы преступлений, объектом которых является вред причиненных человеческому здоровью [5]. Например, в ст. 121 УК РФ речь идет только о венерических заболеваниях, а отыскать где-либо их исчерпывающий перечень практически невозможно. Поэтому некоторые авторы необоснованно сужают или расширяют круг венерических заболеваний, что зачастую ведет к смешению таких различных понятий, как «венерические заболевания» и «заболевания, передающиеся половым путем». До сих пор в литературе встречается разногласия по поводу субъективной стороны преступлений, описанных в ст. 121 и 122 УК РФ, которые, по мнению некоторых авторов, могут выражаться лишь в форме умысла. В подтверждении своей точки зрения они ссылаются на ч. 2 ст. 24 УК РФ, хотя в соответствии с этой нормой, в отсутствии указания на неосторожность, форма вины будет зависеть от характеристики конкретного состава и может быть только умышленной (например в ч. 1.1 ст. 122 УК), только неосторожной (например, ч. 4, ст. 122 УК РФ) или умышленной и неосторожной (например, ч. 4, ст. 122 УК). Эти и другие разногласия, на наш взгляд, отражают потребность в разработке Пленумом Верховного Суда постановления, разделяющего некоторые аспекты применения законода-

тельства об ответственности за посягательства на здоровье человека [6].

Завершая данную работу, необходимо отметить, что вопросы квалификации преступлений не теряют своей остроты и актуальности. В настоящее время очень часто встречаются ошибки в квалификации даже тех признаков преступлений, формулировка которых не изменилась или претерпела незначительные изменения по сравнению с прежним уголовным законодательством.

С принятием УК РФ 1996 г., несмотря на то, что законодательно была признана двойная форма вины, оставлен состав умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, повлекшего по неосторожности смерть потерпевшего, проблемы квалификации преступлений против жизни и здоровья не исчезли, а приобрели новую остроту и актуальность. При решении вопроса о квалификации того или иного преступного деяния следует учитывать практику, наработанную применением УК 1960 г.

Такое благо, как жизнь человека охраняется государством в первую очередь, и правильная квалификация совершенного преступления обеспечивает соблюдение основных принципов уголовного права, прежде всего, принципа законности. В этой связи представляется необоснованным мнение о том, что не имеет смысла разграничивать убийство и причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего. Данные преступления посягают на разные объекты, неодинакова их общественная опасность. Если состав преступления, предусмотренного ст. 105 УК РФ, характеризуется только умышленной виной, то смерть потерпевшего, наступившая вследствие причинения ему тяжкого вреда здоровью, наступает по причине неосторожности.

Также иногда встречаются проблемы квалификации причинения смерти по неосторожности, которое может квалифицироваться как умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшего смерть потерпевшего, если тяжкий характер повреждения охватывался умыслом виновного. Здесь для квалификации по ст. 109 УК РФ необходимо отсутствие умысла как в отношении причинения смерти, так и в отношении причинения тяжкого вреда здоровью, и неосторожность в отношении причинения смерти.

В связи со стремлением Российской Федерации к правовому государству актуальность вопроса о правильной квалификации преступлений против личности возросла, т.к. каждый раз при неправильной квалификации существенно нарушаются охраняемые законом права личности и общества в целом. Науке уголовного права, законодателям и правоприменительным органам еще многое предстоит сделать, чтобы полностью исключить ошибки в квалификации преступлений.

менительным органам еще многое предстоит сделать, чтобы полностью исключить ошибки в квалификации преступлений.

Ни одно из преступлений не может остаться без внимания и, пожалуй, самое действенное сегодня средство борьбы с преступностью, является профилактика. Профилактика как социальное явление многопланова. Общепрофилактическое предупреждение насильственных преступлений против жизни и здоровья во многом зависит от проводимых в стране социально-экономических и политических преобразований, связанных с утверждением общечеловеческих ценностей, реализацией принципов социальной справедливости.

Решение общесоциальных задач создает попутно предпосылки и для успешной борьбы с насильственными преступлениями. В числе этих задач надо выделить целенаправленное воспитание в человеке совестливости; привитие ему культуры общения и нравственных личностных идеалов; формирование уважения к человеческой личности, ее неприкосновенности; нетерпимости к любым актам насилия над ней, к проявлениям грубости, агрессивности, цинизма; возрождение в значительной мере утраченных традиций взаимопомощи, милосердия, сострадания ко всему живому; совершенствование полового воспитания подростков и молодежи, подготовки их к семейной жизни; воспитание уважения к достоинству женщины, отвращения к распущенности и вседозволенности. К основным направлениям специально-криминологической (целенаправленной) профилактики в данной сфере относятся:

своевременное реагирование на правонарушения, совершаемые на почве семейных и других бытовых конфликтов и могущие перерасти в тяжкие преступления;

обеспечение решительной борьбы с хулиганством и эффективной охраны общественного порядка на улицах и в других общественных местах;

решительное усиление борьбы с разжиганием расовой и межнациональной розни;

пресечение криминогенных влияний на несовершеннолетних и молодежь со стороны рецидивистов и профессиональных преступников;

активизация деятельности с целью выявления антиобщественных молодежных группировок со склонностью ее участников к насилию;

активизация деятельности, направленной на ликвидацию организованных преступных групп и преступных сообществ;

активизация борьбы с фактами незаконного изготовления, сбыта, хранения и ношения холодного и огнестрельного оружия;

усиления контроля по выдаче лицензии на приобретение оружия в целях самообороны и охоты;

обеспечение справедливой ответственности за насильственные преступления и хулиганство на основе ее дифференциации и индивидуализации;

решительное противодействие пропаганде жестокости и насилия в средствах массовой информации.

1. Маршакова Н.Н. Преступления против личности (в схемах и определениях): Учебное пособие. Н. Новгород, 2008.

2. Борзенков Г. Как применять ч. 4 ст. 111 УК РФ // Уголовное право, 2009, № 5.

3. Бюллетень Верховного суда РФ. 2008. № 8.

4. Шарапов Р.Д. Преступное насилие. М.: Из-во «Юрлитинформ», 2009.

5. Смирнов Р.Ю. Особенности законодательной регламентации преступлений про-

тив здоровья человека в УК РФ // Следователь. 2009. № 4.

6. Сабитов Т. Принцип виновной ответственности // Уголовное право. 2010. № 5.

1. Marshakova N.N. Crimes against the personality (in schemes and definitions): manual. N. Novgorod, 2008.

2. Borzenkov G. How to apply h. 4 Art. 111 of the criminal code of Russian Federation // Criminal law, 2009. No 5.

3. Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2008. No 8.

4. Sharapov R.D. Criminal violence. M.: Publishing house "Yurлитинформ", 2009.

5. Smirnov R.Yu. Features of a legislative regulation of crimes against health of the person in the criminal code of Russian Federation // Investigator. 2009. No 4.

6. Sabitov T. Principle of guilty responsibility // Criminal law. 2010. No 5.

Анфиногенов Василий Анатольевичсоискатель кафедры уголовного права и процесса
Северо-Кавказского федерального университета
(тел.: 88652354446)

О порядке исполнения и отбывания наказания в пенитенциарных учреждениях

В статье рассмотрены некоторые вопросы исполнения и отбывания наказаний в пенитенциарных учреждениях России. Особое внимание уделено анализу недостатков УИК РФ и их устранению.

Ключевые слова: исполнение наказания, отбывание наказания, пенитенциарные учреждения, Уголовно-исполнительный кодекс РФ.

V.A. Anfinogenov, post-graduate of the chair of criminal law and procedure of North Caucasian Federal University; tel.: 88652354446.

On the order of punishment execution and serving in penitentiary establishments

Several questions of punishment's execution and serving in Russian penitentiary establishments are shown in this article. The main attention is paid to analysis of Russian Criminal-Executive Code defects and to their liquidation.

Key words: punishment's execution, punishment's serving, penitentiary establishments, Russian Criminal-Executive Code.

Порядок исполнения наказания – понятие сложное. В специальной юридической литературе его, как правило, относят к режиму отбывания наказания. Так, по мнению ряда авторов, под режимом понимается «урегулированный нормами исправительно-трудового права порядок исполнения и отбывания наказания в виде лишения свободы, в котором выражается кара, обеспечивающая воспитательное и предупредительное воздействие на осужденных и создающая условия для применения мер исправительно-трудового воздействия» [1, с. 107].

В данном случае нет необходимости проводить и рассматривать различия между порядком исполнения и порядком отбывания наказания. Бесспорно, это разные понятия, в теории их разделяют для более четкого определения субъектов и участников уголовно-исполнительных правоотношений, объекта карательного и воспитательного воздействия и т.д. Не случайно, ч. 2 ст. 9 УИК РФ наравне с другими основными средствами исправления осужденных, такими, как воспитательная работа, общественно полезный труд, получение общего образования, профессиональная подготовка и общественное воздействие относит к средствам исправления и установленный порядок исполнения и отбывания наказания (режим). На практике режим исполнения и отбывания наказания является единым процессом. Поэтому, делая акцент на порядок исполнения

наказания, мы подразумеваем и порядок отбывания наказания.

Из анализа имеющихся в литературе определений режима можно сделать вывод, что большинство авторов в принципе едины во мнении, что порядок исполнения (отбывания) наказания – это режим. Вместе с тем отождествлять режим с порядком исполнения наказания, на наш взгляд, нежелательно и, видимо, неправильно, ибо эти понятия далеко не синонимичны. Не случайно, еще в 20-х гг. XX в. профессор С.В. Познышев отмечал, что «пенитенциарный режим, в широком смысле этого слова, обнимает всю систему мер, посредством которых пенитенциарные учреждения стремятся к достижению своих целей» [2]. Такое определение заслуживает внимания: посредством установления режимных требований органы, исполняющие наказания, решают многие задачи, в том числе обеспечивают надлежащую реализацию наказания. Они управляют поведением осужденных, контролируют это поведение, препятствуют их возможному противодействию, обеспечивают безопасность сотрудников и других лиц, находящихся на территории учреждения, не допускают проникновения в колонию запрещенных предметов, а также посторонних граждан и т.д.

Вместе с тем, рассматривая режим отбывания наказания как определенную совокупность правил или даже как установленный порядок, мы, невольно, либо сужаем содержание режи-

ма, либо придаем ему очень схожее значение с другими понятиями, например, с правом порядком в исправительном учреждении, либо придаем ему весьма емкое значение, включая в него почти все стороны деятельности исправительного учреждения и делаем его аморфным и абстрактным.

Такой вывод легко можно сделать, проанализировав ч. 1 ст. 82 УИК РФ, где указывается, что режим в исправительных учреждениях – это установленный законом и соответствующими закону нормативными правовыми актами порядок исполнения и отбывания лишения свободы, обеспечивающий охрану и изоляцию осужденных; постоянный надзор за ними; исполнение возложенных на них обязанностей; реализацию их прав и законных интересов; личную безопасность осужденных и персонала; раздельное содержание разных категорий осужденных; различные условия содержания в зависимости от вида исправительного учреждения, назначенного судом; изменение условий отбывания наказания.

Известно, что правоотношения в местах лишения свободы носят комплексный характер, поскольку они регулируются не только уголовно-исполнительным законодательством, но и уголовным, уголовно-процессуальным, трудовым и другими отраслями права. Поэтому утверждать, что нормы названных отраслей права регулируют режим исполнения наказания, означает придавать ему весьма непонятное с позиции права значение, особенно в рамках анализа структуры правоотношений, прав и обязанностей субъектов этих отношений. В этой связи Н.А. Стручков справедливо утверждал, что «режим – это правовой порядок в исправительно-трудовых учреждениях, обеспечивающий исправление и перевоспитание осужденных, решение задач частного (специального) и общего предупреждения преступлений» [3, с. 156].

Правовой порядок обычно предполагает борьбу с любыми нарушениями правовых норм, применения мер государственного принуждения к правонарушителям, восстановление нарушенных субъективных прав. Иными словами, правовой порядок представляет собой системы общественных отношений, в которых поведение субъектов является правомерным; это состояние урегулированности социальных связей. Особенности правового порядка состоят в том, что он: а) запланирован в нормах права; б) возникает в результате реализации данных норм; в) обеспечивается государством; г) создает условия для организованности общественных отношений, делает человека более свободным, облегчает жизнь; д) выступает итогом законности [4, с. 116].

Все названные признаки правового порядка как правовой категории в условиях мест лишения свободы имеются. Есть законы, которые регулируют отношения между осужденными и другими лицами, от осужденных требуется выполнение не любых, а строго определенных законом обязанностей. Для поддержания установленного порядка в колонии имеются определенные силы и средства. В этой связи, если попытаться применить правовой порядок как правовую категорию к деятельности мест лишения свободы, то режим содержания осужденных призван выполнять строго определенные вспомогательные функции: обеспечивать охрану и изоляцию осужденных, постоянный надзор за ними, раздельное содержание различных категорий осужденных и т.д. Исходя из этого, если попытаться проанализировать как эти, так и другие установления, например, имевшие место в свое время в упраздненном законе в качестве режимных требований (ст. 22 ИТК РСФСР), то нетрудно заметить, что многие из них к режиму вообще не относились, особенно, охрана осужденных и их изоляция.

Такое мнение основано на том, что охрана является самостоятельным направлением деятельности администрации исправительного учреждения, хотя и, бесспорно, влияющая на состояние режима в исправительных учреждениях.

Вместе с тем известно, что отдельные виды наказаний исполняются в условиях установленного в них режима, но без охраны. Поэтому не режим обеспечивает охрану и изоляцию осужденных, а скорее охрана является одним из основных и видимо самостоятельным средством, с помощью которого обеспечивается изоляция. Следовательно, отдельные исследователи режиму искусственно приписывали функции, которые в дальнейшем нашли отражение в законе. Они не только загромождают определение понятия режима, но и вносят элементы неразберихи в правоприменительную деятельность. Видимо, недостаточная теоретическая разработанность понятия режима, побудила некоторых ученых утверждать (в УИК РФ это обстоятельство тоже отражено), что режим создает условия для применения других средств исправления. Однако известно, что условия создаются и регулируются законами. Поэтому режим, или, что правильнее, режимные требования в исправительном учреждении выступают всего лишь как инструмент, средство, с помощью которого и реализуется или осуществляется правоприменительная деятельность.

Режим (как правовая специфическая категория) должен иметь строго определенное изложение в законе и правильное применение в деятельности уголовно-исполнительной си-

стемы. Он может выступать только в форме определенных режимных требований, обусловленных, прежде всего, спецификой порядка исполнения наказания в виде лишения свободы. Эти требования должны регулировать поведение осужденных, проведение обысков, досмотров, порядок пользования осужденными теми или иными вещами и предметами, порядок изъятия запрещенных предметов, распорядок дня и т.д. Иными словами, режим должен выполнять обеспечивающую функцию в деле реализации наказания.

Другие вопросы, особенно связанные с реализацией осужденными своих прав, а также выполнением ими возложенных на них обязанностей, применение к осужденным, нарушающим порядок исполнения наказания, противодействующим администрации в решении стоящих перед ней задач, должны охватываться понятием «правопорядок» в местах лишения свободы. Введение в законодательство этого понятия обусловлено и принятием Закона РФ «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» от 21 июля 1993 г., предоставляющий администрации ИУ определенные права (контроль на объектах учреждений; применение в случае необходимости мер воздействия и принуждения к нарушителям; досмотр и обыск осужденных, их вещей, транспортных средств и т.д.).

Итак, с точки зрения теории права, правопорядок в местах лишения свободы как социально-правовая категория находится в тесной связи с общественным и государственным строем, включает реальное состояние отношений, основанных на праве и законности, между осужденными и государственными органами. В этой связи правопорядок включает в себя определенный порядок исполнения наказания в отношении осужденных к лишению свободы, основанный на строгом и неукоснительном соблюдении закона. Правильное уяснение и четкое определение данного понятия необходимо не столько для теории, сколько для практики, особенно для выработки правильного направления в решении проблем, связанных с праворегулирующей и правообеспечивающей деятельностью уголовно-исполнительной системы.

В содержание правопорядка в местах лишения свободы составной и неотъемлемой частью входит внутренний распорядок исправительного учреждения, который содержит определенные режимные требования. Согласно ч. 3 ст. 82 УИК РФ, в исправительных учреждениях действуют Правила внутреннего распорядка исправительных учреждений, утвержденные Министерством юстиции РФ по согласованию с Генеральной прокуратурой РФ. Этот акт со-

держит нормы, предусматривающие порядок изъятия предметов, запрещенных к использованию, производство проверок, свиданий, приема и вручения осужденным посылок, передач, бандеролей и корреспонденции, а также перечень и количество продуктов питания и предметов первой необходимости, разрешаемых к продаже осужденным и т.д.

Нетрудно заметить, что многие вопросы далеки от порядка исполнения наказания и не содержат процессуального характера, например, перечень работ и должностей, на которых запрещается использование осужденных, перечень и количество предметов и вещей, которые они могут иметь при себе, перечень и количество продуктов питания и предметов первой необходимости, разрешаемых к продаже осужденным. Названные установления напрямую затрагивают правовое положение осужденных, поэтому они должны быть отнесены к соответствующей группе норм, и соответственно, более детально регламентироваться законом, а не отсылать к ведомственному нормативному акту – Правилам внутреннего распорядка исправительных учреждений. В свою очередь, закон не должен содержать положений, носящих процессуальный, организационный характер и не затрагивающих основные права и обязанности осужденных.

Порядок исполнения наказания в местах лишения свободы должен включать в себя процедурные вопросы, обеспечивающие реализацию осужденными своих прав, и выполнение ими требований, входящих в содержание наказания. Поэтому важно, чтобы вопросы – от приема осужденных в колонию и до их освобождения из нее носили четкий отрегулированный и единообразный характер. В принципе уголовно-исполнительный закон содержит норму, регламентирующую порядок приема осужденных в исправительное учреждение (ст. 79 УИК РФ). Однако эта норма также является отсылочной, ибо, в ней указывается, что прием осужденных в исправительное учреждение производится в порядке, установленном Правилами внутреннего распорядка исправительных учреждений. Как видим, четкого определения понятия внутреннего распорядка ни в законе, ни в ведомственном нормативном акте, да и в науке уголовно-исполнительного права, на сегодня не содержится.

Однако, по мнению А.И. Зубкова и Н.К. Дорофеева, «внутренний распорядок ИТУ должен регулировать жизнь и деятельность осужденных, порядок общения их с внешним миром и осуществления своих специфических и общегосударственных прав и обязанностей, порядок взаимоотношений между администрацией и осужденными и целый ряд других организаци-

онно-технических вопросов, обеспечивающих перевоспитание осужденных» [5, с. 18].

К сожалению, далее исходя из смысла текста, описанные авторами требования внутреннего распорядка сводятся ими к правилам внутреннего распорядка, поскольку, по их мнению, такие требования направлены на конкретизацию отдельных вопросов исполнения и отбывания уголовного наказания и применения мер исправительного воздействия в плане развития и разъяснения требований. В данном случае не совсем понятно, каким образом можно развивать и разъяснять режимные требования, причем, с помощью самих же требований правил внутреннего распорядка. Кстати, такой подход закреплен и в УПК РФ.

Порядок как процессуальная категория должен предусматривать логическое чередование поведенческих актов, действий осужденных. Поэтому он являет собой обязательный компонент наказания. Только посредством определенного порядка осуществляется реализация карательного и воспитательного воздействия. Поэтому А.И. Зубков и Н.К. Дорофеев, давая определение внутреннему распорядку ИУ, правы в том, что он направлен на обеспечение нормальной деятельности ИУ в целом, его частей и служб и отдельных должностных лиц [там же].

Следовательно, очень важно для исполнения наказания начинать решать эти вопросы с момента поступления осужденного в исправительное учреждение. А именно, осужденный, поступивший в учреждение, должен получить полную информацию о своих правах и обязанностях, высказать свои жалобы или сделать заявление о неправильных по отношению к нему действиях, если они имели место, например, во время этапирования в учреждение. На наш взгляд, именно эти и подобные вопросы и должны детально регулироваться Правилами внутреннего распорядка.

Причем этот порядок должен доводиться осужденному в присутствии руководителя учреждения или лица его исполняющего. К сожалению, такая процедура в законе не отражена. Закон (ст. 79 УИК РФ) лишь указывает, что прием осужденных к лишению свободы в исправительные учреждения осуществляется администрацией учреждения в порядке, установленном Правилами внутреннего распорядка исправительных учреждений. Если попытаться проанализировать Правила, касающиеся приема осужденных, то в них в основном указывается на техническую сторону этого порядка; кто принимает в рабочее и нерабочее время, на что надо обращать внимание при приеме осужденных и т.д. Видимо, это установление больше подходит к должностным инструкциям. Помимо этого в названных Правилах указыва-

ется, что прибывшие в ИУ осужденные после уточнения данных подвергаются обыску, а принадлежащие им вещи - досмотру. Предметы, изделия и вещества, хранение и использование которых запрещено, сдаются на хранение или в необходимых случаях уничтожаются. На наш взгляд, эта норма должна содержаться в законе, так как она непосредственно затрагивает не только режимные требования, но и правовое положение осужденного.

Установленный в местах лишения свободы порядок исполнения наказания (как впрочем, и условия) существенным образом влияет на реализацию осужденными своих прав и обязанностей. Поэтому вполне естественно, порядок в то же время создает и условия, возможности, в которых права и обязанности осужденных обеспечиваются в строгом соответствии с законом. Иными словами, закон определяет и сам порядок, его основу, форму проявления, пределы требований и т.д.

Порядок исполнения наказания – понятие очень емкое. Поэтому сводить его к чисто режимным требованиям неправомерно, хотя, бесспорно, отдельные вопросы обусловлены спецификой исправительного учреждения, прежде всего, как учреждения со специфическими задачами, особенностями их реализации, наличием режимных требований, установлением ограничений, как для осужденных, так и для других категорий граждан, охраны и т.д. В то же время известно, что наказание реализуется в условиях многообразия отношений между осужденными, администрацией, другими лицами. Поэтому именно по причине наличия многообразия отношений все они даже теоретически не могут быть полностью урегулированы правовыми предписаниями.

1. *Исправительно-трудовое право* / Под ред. А.В. Маслихина. Рязань, 1993.

2. *Познышев С.В. Основы пенитенциарной науки*. М., 1923.

3. *Стручков Н.А. Уголовная ответственность и ее реализация в борьбе с преступностью*. Саратов, 1977.

4. *Малько А.В. Краткий курс теории государства и права*. Саратов, 2003.

5. *Зубков А.И., Дорофеев Н.К. Строго регламентированный распорядок ИТУ и его реализация*. Томск, 1972.

1. *Correctional-labor law* / Edited by A.V. Maslihin. Ryazan, 1993.

2. *Poznyshv S.V. Basics of penitentiary science*. M., 1923.

3. *Struchkov N.A. Criminal responsibility and its realization in the struggle against criminality. Saratov, 1977.*

4. *Malko A.V. Short course of theory of state and law. Saratov, 2003.*

5. *Zubkov A.I., Dorofeev N.K. Strictly defined internal order in penitentiary establishment and its realization. Tomsk, 1972.*

Волосюк Евгения Александровна
ассистент кафедры уголовного права и процесса
Северо-Кавказского федерального университета
(тел.: 88652354446)

Грамматическое толкование и понимание норм уголовного закона

Статья содержит основные характеристики грамматического толкования уголовного закона. В ней рассмотрены главные правила такого толкования. Подчеркнута важность грамматического толкования для понимания норм уголовного закона.

Ключевые слова: уголовный закон, язык, грамматическое толкование и норма Уголовного закона.

E.A. Volosyuk, assistant of the chair of criminal law and procedure of the chair of criminal law and procedure of North Caucasian Federal University; tel.: 88652354446.

Grammatical interpretation and understanding of criminal statute's norms

This article contains basic characteristics of grammatical interpretation of criminal law. Main rules of such interpretation are shown also. The importance of grammatical interpretation for understanding of norms of criminal law has been underlined.

Key words: criminal law, language, Interpretation and norm of criminal law.

Составной частью применения уголовного закона является толкование его норм. В процессе толкования устанавливаются смысл нормы права, ее основная цель и социальная направленность, возможные последствия действия толкуемого акта. Толкование норм права представляет собой сложное, комплексное явление и его можно рассматривать в двух аспектах. Под толкованием, во-первых, понимают процесс мышления лица, изучающего правовую норму, уяснение смысла нормы и его объяснение. Во-вторых, толкование предполагает разъяснение содержания нормы, цель которой – обеспечить правильное и единообразное осуществление толкуемой нормы во всех случаях, на которые она рассчитана, устранить неясности и возможные ошибки при ее применении.

Практика применения действующего уголовного законодательства свидетельствует о наличии серьезных проблем, испытываемых следователями, прокурорами и судьями при толковании отдельных его норм. Толкование может как предшествовать уголовно-правовой квалификации деяния (при наличии логической программы), так и осуществляться на протяжении всего процесса квалификации. Задача толкования в аспекте, как уяснения, так и разъяснения – понять смысл того, что сформулировал законодатель. В данном случае будет рассмотрен разъяснительный аспект толкования.

Юристы не могут игнорировать концептуальные положения языкознания, которые (применительно к обозначенной теме) заклю-

чаются в следующем: а) общественная природа языка обнаруживается прежде всего в его лексике; б) основная значимая единица языка – слово; в) совокупность слов языка составляет его лексику; г) слово – важнейшая структурно-семантическая единица языка, служащая для наименования предметов, процессов, свойств, явлений, отношений действительности; д) в любом знаменательном слове совмещаются два значения – лексическое и грамматическое; е) лексическое значение – это содержание слова, отображающее в сознании и закрепляющее в нем представление о предмете, свойстве, процессе, явлении; ж) грамматическое значение слова выступает как добавочное к лексическому и определяет его принадлежность к определенной части речи, а также особенности его видоизменения; з) слова отличаются преимущественное употребление в соединении с другими словами в процессе общения из слов строятся словосочетания, а из последних – предложения.

В тех случаях, когда формулировки закона просты, доступны, точны и ясны (с точки зрения конкретного познающего субъекта), законодательная мысль, образно говоря, лежит на ладони интерпретатора. Но и тут, пусть и без акцентирования внимания, происходит перевод языка законодателя на язык правоприменителя с позиций специфики гуманитарной мысли, направленной на чужие мысли, смыслы, значения и т.п., реализуемые и данные исследователю только в виде текста. При уяснении смысла и содержания уголовного закона в таких случаях еще не требуется прибегать к

каким-либо специальным языковым правилам толкования оно происходит на уровне общих знаний правил русского языка, которых, к примеру, вполне достаточно для понимания альтернативности наказаний, перечисленных в санкциях через слова или, либо.

Очевидность их разделительного значения не задерживает внимание интерпретатора на том, что эти слова - союзы, являются служебной (незнамена-тельной) частью речи, по синтаксической функции относятся к сочинительным (служат для связи равноправных единиц в предложении), а по значению (т.е. по характеру выражаемых ими отношений) – к разделительным (выражают отношения взаимоисключения, чередования) [1, с. 39].

Однако подобных «простых» ситуаций немало, во-первых, положение меняется, если язык уголовного закона не соответствует требованиям точности, ясности, простоты и доступности; во-вторых, необходимо учесть, что сами эти понятия – достаточно субъективные категории. Это объясняется, так что просто и ясно для одного, может быть трудным и неясным для другого. Выбор того или иного варианта значения правовой нормы во многом предопределен миром повседневности интерпретатора, социально-культурными ценностями, полученными им в процессе социализации.

Поэтому при толковании уголовного закона наряду со знанием правил русского языка необходимо использование специальных правил языкового толкования, вытекающих из специфики права.

Проиллюстрируем сказанное на одном только фрагменте текста УК РФ. Он тем более показателен, что в качестве иллюстрации берутся те же незначительные слова - сочинительные союзы или, либо (разделительные), а равно (составной присоединительный).

В ч. 2 ст. 105 УК предусмотрена ответственность за умышленное убийство лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии, а равно сопряженное с похищением человека либо захватом заложника; убийство из корыстных побуждений или по найму, а равно сопряженное с разбоем, вымогательством или бандитизмом; убийство с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение, а равно сопряженное с изнасилованием или насильственными действиями сексуального характера. При этом союзы или, либо служат для связи однородных членов предложения, союз а равно - для связи частей сложносочиненного предложения. Из общезыкового толкования разделительных союзов или, либо и присоединительных союзов а равно, а также следует, что альтернативность признаков состава означает однородность характера и близкой степени их общественной опасности.

В этой связи М.Б. Кострова в качестве основных языковых правил предлагает: 1) наличие легальной дефиниции термина строго очерчивает его смысловое поле, в таком именно смысле он и должен пониматься («преступление», «соучастие» и др.); 2) значение термина, установленное законодателем для одной отрасли права («имущество» в ГК РФ, «доход» в НК РФ), нельзя без достаточных оснований распространять на терминологию уголовного закона; 3) при неясности или многозначности слова (термина) следует выбирать то значение, которое соответствует его ближайшему контексту (статья УК); 4) если значение слова (термина) не может быть определено в ближайшем контексте, необходимо обратиться к дальнему контексту, сопоставив параллельные места [1, с. 40-42].

При изучении примечания 1 к ст. 158 УК РФ, определяющего признаки хищения чужого имущества с помощью словосочетания «изъятие и (или) обращение имущества в пользу виновного или других лиц», позволяет заключить, что употребляемые в тексте соединительный союз «и» и разделительный союз «или» свидетельствуют о том, что хищение имеет место как в том случае, когда обращению имущества в пользу виновного или других лиц предшествует его изъятие из владения собственника, так и в том случае, когда обращение имущества в пользу виновного или других лиц происходит без его предшествующего изъятия [2, с. 577].

В российском законодательстве отсутствует легальное определение многих понятий, используемых в нормативных актах (например, в валютном законодательстве отсутствует определение «постоянного местожительства» физического лица; в законе о рынке ценных бумаг предусматривается создание фондовой биржи в форме некоммерческого партнерства, определение которого отсутствует в гражданском законодательстве). Представляется, что проблемы, вызываемые отсутствием легальных определений терминов, целесообразнее решать не путем издания законов о толковании, как это сделал английский законодатель, а путем повышения уровня законодательной техники, используемой в правотворческом процессе.

Зачастую принятому закону присваивается сокращенное название. Это позволяет экономно использовать текст законодательных и иных актов для ссылок. Одна из статей Закона о толковании устанавливает довольно подробные правила, касающиеся того, как нужно делать ссылки на законы. Необходимо заметить, что в российском законодательстве отсутствуют нормы, которые устанавливали бы порядок осуществления ссылок в нормативных актах,

что вызвано общей неразвитостью системы законодательства настоящего времени.

При интерпретации правовых норм, кроме Закона о толковании, используются также многочисленные правила обычного права, применяемые в случаях, когда отсутствуют законодательно установленные правила толкования норм. Поскольку они создавались в течение длительного периода развития английского права и являются источником последнего, им придается большое значение. Рассмотрим некоторые, наиболее важные и интересные.

«Золотое правило» толкования, нашедшее отражение в современном международном праве, означает, что обычно при толковании словам должно придаваться наиболее распространенное, обыденное значение. Придание словам иного значения, отличного от общеупотребительного, должно быть обосновано, доказано с помощью различных способов толкования, должно вытекать из легальных дефиниций и т.п. От обычного словоупотребления можно отойти тогда, когда оно приводит, например, к абсурдным результатам. Другое правило устанавливает, что если имеется легальная дефиниция термина или если законодательством иным образом определено его значение, то в этом значении, он и должен пониматься, несмотря на его иное значение в обыденном языке.

Еще одно правило гласит, что если в законе использованы технические или иные специальные термины, значение которых законодателем не определено, то им следует придавать тот смысл, который они имеют в соответствующих отраслях знания. Это правило требует обращения к специальным знаниям соответствующих отраслей науки, техники и т.п. Если в специальных отраслях знаний термины имеют различное значение, то уточнение значения таких терминов требует учета языкового кон-

текста толкуемой нормы права, а в более сложных случаях не исключается и специальная экспертиза, имеющая цель раскрыть значение термина применительно к конкретным обстоятельствам.

Правило «идентичных формулировок» налагает запрет на придание разных значений идентичным формулировкам в рамках одного и того же нормативного акта при отсутствии специальной оговорки об этом в самом акте. Отмеченное правило вытекает из предположения, что правотворческий орган последовательно придерживается однозначного употребления слов и выражений в одном и том же акте. Иное положение должно вытекать только из опровержения указанного предположения и быть доказано иными способами толкования.

И наконец, последнее правило устанавливает, что при толковании любого закона должны быть получены ответы на следующие вопросы: 1) какое обычное право существовало до принятия соответствующего Закона; 2) в чем состоял недостаток этого обычного права; 3) какое средство закон предусмотрел для преодоления этого недостатка; 4) в чем состоит основная причина использования именно этого средства?.

---

1. *Кострова М. Грамматическое или языковое толкование уголовного закона // Законность. 2002. № 2.*

2. *Современное уголовное право. Общая и Особенная части / Под ред. А.В. Наумова. М., 2007.*

---

1. *Kostrova M. Grammatical or linguistic interpretation of Criminal Statute // Zakonnost. 2002. № 2.*

2. *Modern criminal law. General and Particular Parts / Edited by A.V. Naumov. M., 2007.*

Галушкова Владислава Валерьевна
адъюнкт кафедры уголовного права
Краснодарского университета МВД России
(тел.: 88612583563)

Проблемы систематизации уголовно-правовых средств противодействия преступлениям в сфере незаконного оборота наркотиков

В статье анализируются проблемы систематизации уголовно-правовых средств противодействия преступлениям в сфере незаконного оборота наркотиков.

Ключевые слова: преступления, наркотические средства, психотропные вещества, незаконный оборот наркотиков, проблемы уголовно-правового регулирования.

V.V. Galushkova, adjunct of the chair of criminal law of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia; tel.: 88612583563.

Problems of systematization of criminal and legal means of counteraction to crimes in the drug trafficking sphere

In article problems of systematization of criminal and legal means of counteraction to crimes in the drug trafficking sphere are analyzed.

Key words: Criminal legislation; crimes in the drug trafficking sphere; drugs; psychotropic substances; drug trafficking; problems of criminal and legal regulation; problems of systematization of the criminal legislation.

Актуальность вопросов повышения качества системы правового противодействия незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ бесспорна. Верховный суд России в своем Постановлении № 14 от 15 июня 2006 г. отметил, что противодействие незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов продолжает оставаться важной проблемой национальной безопасности. Анализ судебной практики свидетельствует о том, что суды при разрешении уголовных дел о преступлениях указанной категории в основном правильно применяют нормы Уголовного кодекса Российской Федерации. Вместе с тем, в практике рассмотрения судами таких дел допускаются ошибки.

В целях обеспечения правильного и единообразного применения законодательства при рассмотрении дел о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными веществами или их аналогами Пленум Верховного Суда России принял вышеобозначенное Постановление, в котором постарался разъяснить наиболее сложные, дискуссионные вопросы уголовно-правового регулирования и квалификации преступлений в сфере незакон-

ного оборота наркотических средств и психотропных веществ.

Однако, ознакомление с содержанием обозначенного документа, системный анализ легальных определений и признаков составов преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов, их квалифицированных и особо квалифицированных видов, наказаний, регламентированных УК России за совершение обозначенных деяний, с нашей точки зрения, не позволяет позитивно охарактеризовать существующую систему уголовно-правового противодействия наркопреступности.

Такой вывод представляется одинаково справедливым и в части оценки законодательного определения преступности обозначенных деяний в УК России, и в части оценки (юридически рекомендательной, но фактически законодательной) деятельности верховного правоприменителя по разъяснению положений уголовного законодательства в данной области.

Отдельные положения норм УК об уголовной ответственности за преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов бессистемны, вступают в противоречие с законода-

тельно регламентируемыми принципами уголовного права (законности, вины, справедливости).

Толкование положений обозначенных уголовно-правовых норм Верховным Судом России, призванное, по сути, устранить правовые пробелы, часто не соответствует не только общепризнанным представлениям об основных институтах уголовного права (множественности преступлений, соучастия в преступлении, неоконченного преступления), но и противоречит ранее разъяснявшимся Верховным Судом аналогичным положениям, применительно к уголовно-правовому регулированию и квалификации иных видов преступлений.

Проблемы противодействия незаконному обороту наркотиков составили предмет исследования многих ученых: В.М. Алиева, Л.Н. Анисимова, Ю.Н. Аргуновой, А. Ашина, Т.А. Боголюбовой, А.А. Габиани, Т.Г. Газизовой, Л.Н. Галенской, Э.Г. Гасанова, Ю.В. Голика, К.С. Григоровой, А.А. Даниелян, М.А. Дроздовой, М.П. и Е.М. Журавлевых, Г.В. Зазулина, В.А. Зелика, Ю.Л. Казаринова, В.В. Князева, А.В. Корнилова, В.Н. Курченко, А.В. Масловой, В.В. Милинчук, А.А. Мишакова, В.И. Омигова, М.Ф. Орлова, М.Л. Прохоровой, Б.П. Прудникова, Л.И. Романовой, В.И. Рыжиченкова, П.Н. Сбирунова, С.Ю. Федорюка, А.И. Чучаева, А.С. Шурыгина и др.

Вместе с тем, исследования многих выше-названных авторов были проведены до изменений и дополнений, внесенных в уголовное законодательство России об ответственности за незаконный оборот наркотиков. В связи с этим, многие из перечисленных выше проблем систематизации законодательных мер в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков, на сегодняшний день, не получили должного освещения в науке уголовного права и не находят единообразного разрешения в практике правоприменения законодательства об ответственности за незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов.

К обозначенным недостаткам системы уголовно-правового противодействия преступлениям в сфере незаконного оборота наркотиков, на наш взгляд, можно отнести легальное определение аналогов наркотических средств и психотропных веществ как предмета наркопреступлений.

Статья 3 УК России запрещает применение уголовного закона по аналогии. Кроме того, принцип вины регламентирует возможность привлечения лица к уголовной ответственности только за виновное причинение вреда.

Представляется, что при всем многообразии аналогов наркотических средств и психотропных веществ исключительно технический во-

прос их перечисления в соответствующем перечне, вполне разрешимый с учетом современного уровня развития информатизации, станет, прежде всего, реализацией принципа законности как основополагающего принципа любого демократического государства, в частности, в процессе уголовного судопроизводства.

Необходимость использования в УК термина «их аналогов» отпадет после составления на основе химико-биологических и наркологических исследований исчерпывающего перечня запрещенных или ограниченных в гражданском обороте средств и веществ, оказывающих на организм человека психоактивное воздействие.

Кроме того, законодательное определение аналогов наркотических средств и психотропных веществ на сегодняшний день требует установления их схожести с запрещенными веществами и по структуре, и по свойствам, в связи с чем, буквальное толкование закона вполне может исключить возможность обоснованного правового запрета нового вещества, обладающего свойствами наркотического, но отличающегося от такового по химической структуре.

С другой стороны, расширительное толкование закона и ориентация только на структуру вещества в процессе признания его аналогом наркотического может стать причиной необоснованного осуждения.

Кроме того, в действующем уголовном законодательстве имеет место внутриотраслевая несогласованность рассматриваемых составов преступлений в части определения предмета преступления.

Так, с одной стороны, УК запрещает незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов. Вместе с тем, ст. 230 УК, регламентируя ответственность за склонение к потреблению наркотических средств и психотропных веществ, не запрещает склонение к потреблению их аналогов.

Подобного рода несогласованность наблюдается в регламентации ответственности за организацию и содержание наркопритонов.

Вызывает ряд вопросов регламентируемое в прим. 1 к ст. 228 УК России основание освобождения от уголовной ответственности в связи со специальным видом деятельного раскаяния. При этом, проблема его правовой регламентации проявляется, на наш взгляд, в двух аспектах: и в форме и в содержании.

Изложенное в двух предложениях, обозначенное примечание занимает 1/3 страницы Уголовного кодекса и включает 156 слов. При этом, слово «наркотические» повторяется в этих двух предложениях 9 раз, «психотропные» - 9 раз, «средства» - 12 раз, «вещест-

ва» - 12 раз; «содержащие» - 7 раз; «указанных» - 3 раза; слово «таких» - 3 раза; словосочетания «или их аналоги» - 5 раз; «растения или их части» - 5 раз. Необходимо отметить, что все эти многократно повторяющиеся слова и словосочетания призваны описать пусть и немаловажный, квалификационно значимый, как составообразующий, но, все-таки один признак состава преступления – его предмет.

В уголовном праве России вполне допустимо использование ссылочных диспозиций, которые позволяют уяснить суть уголовно-правового предписания только посредством системного анализа УК. Представляется, что 65 повторяющихся слов вполне возможно заменить фразой «предметы данного преступления». Подобного рода изменения, внесенные в прим. 1 к ст. 228 УК России позволят обеспечить лаконичность и ясность правового предписания, не оказав негативного влияния на его содержание, что обеспечит в процессе законотворческой деятельности соблюдение основных принципов законодательной техники.

Представляется не вполне обоснованным регламентируемое УК РФ законодательное определение признаков субъекта наркопреступлений, совершаемых в отношении несовершеннолетних, не содержащее указания на достижение субъектом восемнадцатилетнего возраста. С нашей точки зрения, ответственности за причинение вреда нормальному психическому и нравственному развитию несовершеннолетнего может подлежать только лицо, достигшее восемнадцатилетнего возраста, в связи с чем, привлечение несовершеннолетнего к повышенной ответственности на основании обозначенного признака, с нашей точки зрения, едва ли оправдано. При этом также наблюдается определенная бессистемность норм об ответственности за наркопреступления: субъект незаконного сбыта наркотиков несовершеннолетнему – вменяемое физическое лицо, достигшее восемнадцатилетнего возраста, а субъект склонения несовершеннолетнего к потреблению наркотических средств или психотропных веществ – общий.

Кроме того, на наш взгляд, не вполне обоснована бессистемность легального определения кратности соотношения крупных и особо крупных размеров наркотических средств или психотропных веществ. При этом для одних наркотических средств соотношение между

крупным и особо крупным размерами составляет 5 раз, для других – 50.

Обозначенные и многие другие проблемы уголовно-правового регулирования ответственности за незаконный оборот наркотиков, на наш взгляд, свидетельствуют о логической непоследовательности, внутри- и межотраслевой несогласованности и юридической необоснованности как отдельных уголовно-правовых нормативов, так и рекомендаций верховного правоприменителя по квалификации преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов.

В связи с этим, с нашей точки зрения, едва ли можно признать завершенным процесс совершенствования системы уголовно-правового противодействия преступлениям в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов, что, в свою очередь свидетельствует об актуальности и не только теоретической, но, безусловно, и практической значимости новых научных исследований в данной области.

Анализ общественных отношений в сфере применения уголовно-правовых норм об ответственности за незаконный оборот наркотиков, а также проблем внутри- и межотраслевой систематизации уголовно-правового регулирования ответственности за данные преступления, исследование международного, отечественного и зарубежного законодательства, материалов судебно-следственной практики позволит сформулировать предложения и рекомендации по разрешению вышеперечисленных проблем уголовно-правового регулирования ответственности за незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов. Достижению данной цели будет способствовать также анализ результатов ранее проведенных научных исследований, изучение оценок сотрудниками ФСКН, прокуратуры и суда существующих средств уголовно-правового противодействия незаконному обороту наркотиков

Результаты такого исследования могут быть использованы в качестве основы дальнейшей научно-исследовательской деятельности по разработке проблем уголовно-правового регулирования и квалификации преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков, а также проблем систематизации отечественного уголовного законодательства.

Ганченко Олег Игоревич

заместитель начальника научно-исследовательского отдела
Краснодарского университета МВД России
(тел.: 88612584767)

Компаративное исследование положений уголовного законодательства стран ближнего зарубежья об ответственности за шантаж

В статье рассматриваются особенности нормативного установления уголовной ответственности за шантаж по законодательству государств ближнего зарубежья.

Ключевые слова: уголовная ответственность, преступление, шантаж, вымогательство, психическая безопасность, угроза.

O.I. Ganchenko, Deputy head of the research department of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia; tel.: 88612584767.

Comparative research of provisions of the criminal law of the neighboring countries on the responsibility for blackmail

The article discusses the features of regulatory criminalization of blackmail under the laws of foreign countries.

Key words: criminal liability, crime, blackmail, extortion, and psychic security, threat.

Как известно, в действующем отечественном уголовном законодательстве не предусматривается отдельной нормы об ответственности за шантаж. Вместе с тем, шантаж по УК РФ влечет уголовную ответственность в рамках состава вымогательства, он является способом совершения похищения к действиям сексуального характера, принуждения к даче показаний.

В целях сравнительно-правового исследования соответствующих отечественных нормативных положений интерес представляет изучение уголовных кодексов иностранных государств и, прежде всего, стран ближнего зарубежья, поскольку таковые наиболее близки российскому законодательству, хотя и имеют оригинальные отличия.

Так, по УК Украины шантаж выступает способом доведения до самоубийства (ст. 120). При этом данный способ совершения преступления закреплен в диспозиции нормы наряду с принуждением к противоправным действиям [1, с. 112]. В ст. 303 УК Украины шантаж регламентирован в качестве способа принуждения либо вовлечения в занятие проституцией. При этом шантаж в этой норме альтернативен таким способам совершения преступления как угроза применения насилия, угроза уничтоже-

ния или повреждения имущества [1, с. 264]. Шантаж предусмотрен в качестве способа вовлечения в занятие проституцией в УК Кыргызской Республики (ст. 260), в УК Азербайджанской Республики (ст. 243) и в УК Республики Казахстан (ст. 270) [2, с. 300-301]. Но при этом альтернативными способами совершения данного преступления являются физическое насилие, угроза его применения, уничтожение имущества и обман [3].

В этой связи закономерно возникает вопрос о месте шантажа в ряду других способов совершения преступления. С одной стороны, шантаж «соседствует» с такими способами, как угроза применения насилия, уничтожения или повреждения имущества, которые очевидно являются весьма общественно опасными. А, с другой стороны, шантаж закрепляется и вместе с таким способом совершения преступления, как обман, куда менее общественно опасным по сравнению с угрозой применения насилия. Кроме того, шантаж в одних случаях включен в нормы, именуемые вовлечением в совершение, а в других – именуемые принуждением. Следовательно, можно предположить, что по уголовному законодательству стран ближнего зарубежья шантаж трактуется довольно широко.

Как и в УК РФ, шантаж выступает способом совершения преступления в ст. 170 «Понуждение к действиям сексуального характера» УК Республики Беларусь [4, с. 233], ст. 173 «Принуждение к действиям сексуального характера» УК Республики Молдова [5, с. 248], ст. 131 «Понуждение к действиям сексуального характера» УК Кыргызской Республики [3], в ст. 123 «Понуждение к половому сношению, мужеложству, лесбиянству или иным действиям сексуального характера» УК Республики Казахстан [2, с. 149]. Подобным образом шантаж предусмотрен как один из способов принуждения к даче показаний по УК Республики Беларусь (ст. 394) [4, с. 417].

Обращает на себя внимание тот факт, что законодатели указанных государств расходятся во мнении о том, является ли шантаж способом понуждения или способом принуждения. Стоит отметить, что принуждение и понуждение понятия не равнозначные, поскольку принуждение в данном случае предполагает более активное воздействие на волю потерпевшего, тогда как понуждение подразумевает под собой, как правило, лишь склонение лица, которое может быть осуществлено посредством уговоров, обмана или подкупа.

По УК Республики Молдова шантаж предусматривается и как квалифицирующий признак состава преступления. Таковым он выступает для преступления, регламентированного ст. 314 «Понуждение к даче ложных показаний, ложного заключения, осуществлению неправомерного перевода или уклонению от дачи показаний, заключения, осуществления перевода» [5, с. 349]. Следовательно, молдавский законодатель выделяет шантаж в качестве специального вида понуждения, отличающегося большей степенью воздействия на волю потерпевшего.

Как и в ст. 302 УК РФ, в ст. 325 УК Кыргызской Республики, в ст. 293 УК Азербайджанской Республики и в ст. 347 УК Республики Казахстан шантаж, наряду с угрозами (без конкретизации их содержания), выступает альтернативным способом совершения принуждения к даче показаний [3]. Такая ситуация несомненно ставит правоприменителя в затруднительное положение относительно понимания шантажа, поскольку неотъемлемым признаком шантажа выступают угрозы. Более того, имеются основания утверждать, что шантаж – это разновидность угрозы, подкрепляемая определенными требованиями.

Отдельного рассмотрения в рамках проводимого нами исследования заслуживает вопрос о законодательных конструкциях состава вымогательства. Известно, что по УК РФ шантаж, по сути, выступает альтернативным деянием в данном преступлении.

Так, украинский законодатель установил в качестве альтернативного способа совершения вымогательства угрозу разглашения сведений, которые потерпевший или его близкие родственники желают сохранить в тайне (ч. 1 ст. 189 УК Украины) [1, с. 165-166]. По УК Азербайджанской Республики, криминальным в составе вымогательства является только угроза распространения сведений, позорящих потерпевшего или его близких (ст. 182) [6, с. 200-201].

Однако, например, в УК Кыргызской Республики и в УК Республики Казахстан закреплен способ совершения вымогательства, аналогичный соответствующему в ст. 163 УК РФ – угроза распространения сведений, позорящих потерпевшего или его близких, либо иных сведений, которые могут причинить существенный вред правам или законным интересам потерпевшего или его близких [3, с. 200-201]. Таким же образом поступил кыргызский законодатель и при конструировании нормы об ответственности за принуждение к совершению сделки или к отказу от ее совершения (ст. 190 УК Кыргызской Республики) [3, с. 203-204].

По нашему мнению, наиболее прогрессивным способом нормативного закрепления ответственности за шантаж в рамках состава вымогательства является опыт украинского уголовного законодательства. Ведь угроза распространения позорящих сведений, а также угроза распространения сведений, которые могут причинить существенный вред правам или законным интересам потерпевшего или его близких успешно охватываются более емким понятием – угроза распространения сведений, которые потерпевший желает сохранить в тайне.

Угроза разглашения позорящих сведений является одним из способов понуждения свидетеля, потерпевшего, эксперта к отказу от дачи показаний или заключения (ст. 386 УК Украины) [1, с. 336]. Примечательно, что этот вид угрозы наряду со способом понуждения выступает и самостоятельным деянием, запрещенным указанной нормой украинского уголовного закона, поскольку угроза разглашения позорящих сведений из мести за ранее данные показания или заключение также влечет уголовную ответственность по ст. 386 УК Украины [там же].

Данные нормативные положения обуславливают необходимость в контексте проводимого нами компаративного исследования указать на два аспекта. Во-первых, на наш взгляд, украинский законодатель проявляет непоследовательность, указывая в одном случае на угрозу нежелательных к огласке сведений, а в другом случае – на угрозу распространения позорящих сведений. Хотя, как представляет-

ся, подразумевается один способ совершения преступления.

Во-вторых, уникальность уголовного законодательства Украины в части темы нашего исследования проявляется в том, что угроза разглашения позорящих сведений из мести выступает самостоятельным преступлением.

Весьма интересная норма в ракурсе проводимого нами исследования предусмотрена ст. 185 УК Республики Беларусь, именуемой «Принуждение». В диспозиции данной статьи описано следующее деяние: «Принуждение лица к выполнению или невыполнению какого-либо действия, совершённое под угрозой применения насилия к нему или его близким, уничтожения или повреждения их имущества, распространения клеветнических или оглашения иных сведений, которые они желают сохранить в тайне, либо под угрозой ущемления прав, свобод и законных интересов этих лиц, при отсутствии признаков более тяжкого преступления» [4, с. 244].

Следовательно, белорусский законодатель предусмотрел в своем УК общую норму об ответственности за принуждение, которой охватывается, в том числе и шантаж.

Очевидно, что специальная норма по отношению к изложенной установлена в ст. 384 УК Республики Беларусь «Принуждение к выполнению обязательств»: «Принуждение к выполнению договорных обязательств, возмещению причинённого ущерба, уплате долга, штрафа, неустойки или пени под угрозой применения насилия, уничтожения или повреждения имущества либо распространения сведений, способных причинить существенный вред правам и законным интересам потерпевшего или его близких, при отсутствии признаков вымогательства» [4, с. 412]. Думается, что эта норма является своего рода аналогом ст. 179 УК РФ «Принуждение к совершению сделки или к отказу от ее совершения». Однако при этом рассматриваемая норма дополнена и признаками, существенно расширяющими ее по сравнению с положениями ст. 179 УК РФ.

Угроза распространения клеветнических или оглашения иных сведений, которые потерпевший желает сохранить в тайне, является альтернативным способом вымогательства (ст. 208 УК Республики Беларусь) [4, с. 263]. Аналогичный способ совершения преступления предусмотрен и в ст. 288 «Принуждение лица к участию в преступной деятельности» [4, с. 330], ст. 365 «Вмешательство в деятельность работника милиции» [4, с. 339], ст. 389 «Угроза в отношении судьи или заседателя» [4, с. 414], ст. 404 «Принуждение свидетеля, потерпевшего или эксперта к отказу от дачи показаний или заключения либо к даче ложных

показаний или заключения» [4, с. 424] УК Республики Беларусь.

В данном случае стоит особо подчеркнуть, что белорусский законодатель прямо указывает на то, что сведения, распространением которых виновный угрожает, могут быть как истинными (нежелательными к огласке), так и вымышленными (клеветническими).

Весьма интересный законодательный опыт обнаружен нами в УК Республики Молдова, где шантажом именуется отдельное самостоятельное преступление (ст. 189): «Шантаж, то есть требование передачи имущества собственника, владельца или пользователя либо права на него или совершения иных действий имущественного характера под угрозой насилия над лицом или его родными и близкими либо оглашения позорящих их сведений, а равно под угрозой повреждения или уничтожения имущества собственника, владельца или пользователя либо похищения собственника, владельца или пользователя или их родных и близких» [5, с. 259-260].

При этом в ст. 247 УК Республики Молдова установлена ответственность за понуждение к заключению сделки или к отказу от ее заключения, где в диспозиции нормы указывается: «Понуждение к заключению сделки или к отказу от ее заключения, сопряженное с угрозой применения насилия, уничтожения или повреждения имущества, распространения сведений, которые могут причинить значительный ущерб правам и охраняемым законом интересам лица или его близких родственников, при отсутствии признаков шантажа» [5, с. 300].

Имеются основания утверждать, что ст. 189 УК Республики Молдова является аналогом российской нормы об ответственности за вымогательство, а ст. 247 УК Республики Молдова – нормы, предусмотренной ст. 179 УК РФ. В то же время, при таком подходе проводится тождество между вымогательством и шантажом, несмотря на то, что по опыту большинства уголовных законодательств стран ближнего зарубежья, а также УК РФ, шантаж, как правило, регламентируется в качестве разновидности вымогательства либо способа совершения отдельных преступлений.

Таким образом, опыт уголовного законодательства стран ближнего зарубежья характеризуется противоречивым пониманием шантажа, сопровождающимся непоследовательным нормативным закреплением данного признака. При этом отдельные аспекты в разрезе проводимого нами исследования имеют преимущества по сравнению с УК РФ. В частности позитивной оценки заслуживает формулировка, используемая в УК Украины, «угроза распространения сведений, которые потерпевший или

его близкие родственники желают сохранить в тайне».

1. Уголовный кодекс Украины / Научное редактирование и предисловие д.ю.н., проф. В.Я. Таця и д.ю.н., проф. В.В. Сташиса; перевод с украинского В.Ю. Гиленченко. – СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2001.

2. Уголовный кодекс Республики Казахстан / Предисловие министра юстиции Республики Казахстан, д.ю.н., проф. И.И. Рогова. – СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2001.

3. Уголовный кодекс Кыргызской Республики / Предисловие к.ю.н., зам. прокурора Санкт-Петербурга А.П. Стуканова, к.ю.н., зам. начальника управления прокуратуры С.-Петербурга П.Ю. Константинова. – СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2002. – С. 260; Уголовный кодекс Азербайджанской Республики / Научное редактирование, предисловие д.ю.н., проф. И.М. Рагимова. Перевод с азербайджанского Б.Э. Аббасова. – СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2001.

4. Уголовный кодекс Республики Беларусь / Предисловие проф. Б.В. Волженкина; Обзорная статья А.В. Баркова. – СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2001.

5. Уголовный кодекс Республики Молдова / Вступительная статья к.ю.н. А.И. Лукашова. – СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2003.

6. Уголовный кодекс Азербайджанской Республики / Научное редактирование, предисловие д.ю.н., проф. И.М. Рагимова. Перевод с азербайджанского Б.Э. Аббасова. – СПб.: Из-

дательство «Юридический центр Пресс», 2001.

1. Criminal Code of Ukraine / Scientific editing and preface of Doctor of law, prof. V.Ja. Taction and Doctor of law, prof. V.V. Stashis; translated from Ukrainian V.Yu. Gilenchenko. - SPb.: Publishing House "Press Law Center", 2001.

2. The Criminal Code of the Republic of Kazakhstan / Foreword Minister of Justice of Kazakhstan, Doctor of law, Prof. I.I. Rogov. - SPb.: Publishing House "Press Law Center", 2001.

3. The Criminal Code of the Kyrgyz Republic / Preface cand. law sc., deputy attorney St. Petersburg A.P. Stukanov, cand. law sc., deputy head of the St. Petersburg prosecutor P.Yu. Konstantinov. - SPb.: Publishing House "Press Law Center", 2002. - P. 260, Criminal Code of the Republic of Azerbaijan / Scientific editing, introduction cand. law sc., prof. I.M. Rahimov. Translation from Azerbaijan B.E. Abbasov. - SPb.: Publishing House "Press Law Center", 2001.

4. The Criminal Code of the Republic of Belarus / Preface prof. B.V. Volzhenkin; review article A.B. Barkov. - SPb.: Publishing House "Press Law Center", 2001.

5. The Criminal Code of the Republic of Moldova / Introduction by cand. law sc. A.I. Lukashov. - SPb.: Publishing House "Press Law Center", 2003.

6. The Criminal Code of the Azerbaijan Republic / Scientific editing, introduction Doctor of law, prof. I.M. Rahimov. Translation from Azerbaijani B.E. Abbasov. - SPb.: Publishing House "Press Law Center", 2001.

Шалахов Александр Николаевич

аспирант кафедры уголовного права и процесса
Северо-Кавказского федерального университета
(тел.: 88652354446)

Дискуссионные вопросы посредничества во взяточничестве

Статья посвящена актуальным вопросам квалификации посредничества во взяточничестве. Особое внимание уделено определению посредничества во взяточничестве в российском законодательстве.

Ключевые слова: взятка, взяточничество, посредничество во взяточничестве, коррупция.

A.N. Shalahov, post-graduate of the chair of criminal law and procedure of North Caucasian Federal University; tel.: 88652354446.

Debatable questions of mediation in bribery

This article is devoted to actual questions of qualification of mediation in bribery. The main attention is paid to definition of mediation in bribery in Russian legislature.

Key words: bribe, bribery, mediation in bribery, corruption.

Президент России в своем послании Федеральному собранию РФ от 22 ноября 2011 г. отметил, что «...масштабная и системная борьба с коррупцией только началась, и мы будем вести ее решительно, системно и последовательно». Одной из мер, направленных против взяточничества, стало введение Федеральным законом от 4 мая 2011 г. № 97-ФЗ в УК РФ новой ст. 291.1 «Посредничество во взяточничестве». Следует отметить, что такое посредничество наказывалось и в ранее действовавшем законодательстве.

Впервые посредничество во взяточничестве было упомянуто ст. 409 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.: «содействие мздоимству или лихоимству в каком бы то ни было виде, через принятие подарков или взятки вместо другого или через посредничество при требованиях передач или получении взяток или подарков...». Статья 660 Уголовного Уложения 1903 г. предусматривала ответственность служащего за «оказание заведомого содействия учинившему взяточничество... передачей взятки, принятием ее под своим именем или иным посредничеством...».

Посредничество во взяточничестве как самостоятельное преступление содержалось в декрете СНК РСФСР от 16 августа 1921 г. «О борьбе со взяточничеством», в УК РСФСР 1922 г., в УК РСФСР 1926 г. В первоначальной редакции УК РСФСР 1960 г. ответственность за посредничество во взяточничестве как за самостоятельное преступление не была предусмотрена. Однако уже 20 февраля 1962 г. Президиум Верховного Совета СССР Указом «Об усилении уголовной ответственно-

сти за взяточничество» специально оговорил ответственность за посредничество во взяточничестве.

Уголовный кодекс 1996 г. в первоначальной редакции не содержал отдельной статьи, направленной против посредничества во взяточничестве, что создавало определенные трудности у правоприменителя, на которые в своих работах обращали внимание многие ученые. В тот период времени посредничество квалифицировалось, согласно положениям постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2000 г. № 6, как соучастие в получении или даче взятки. В 2011 г. Федеральный закон № 97-ФЗ этот законодательный пробел был устранен.

Анализируя историю законодательства против посредничества во взяточничестве, мы обратили внимание на следующую тенденцию: некоторые моменты в законодательстве повторялись на протяжении определенных периодов, например, в УК РСФСР 1960 года была предусмотрена отдельная статья за посредничество во взяточничестве, в первоначальной редакции УК РФ аналогичная статья отсутствовала. Однако, Федеральный закон от 4 мая 2011 г. № 97-ФЗ вновь предусмотрел такую статью; что касается санкций, то они также изменялись под воздействием то карательной, то, наоборот, направленной на гуманизацию наказания, уголовной политики. Из этого мы сделали вывод, что законодательство о взяточничестве изменялось, чередуясь от одного цикла к другому; по сути, наиболее удачные положения ранее принятого, но утратившего силу закона, могут быть вновь включены

правотворцем в действующее законодательство.

Однако новая статья о посредничестве не лишена спорных моментов, вокруг которых уже развернулись дискуссии в научных кругах. Так, ч. 1 ст. 291.1 УК РФ предусматривает ответственность за посредничество во взяточничестве в значительном размере. С точки зрения В. Боркова, значительный размер взятки в данном случае был использован законодателем справедливо, так как «сговор субъектов преступлений, предусмотренных ст. 290 и 291 УК РФ, является приготовлением к совершению данных посягательств, а в соответствии с ч. 2 ст. 30 УК РФ ответственность наступает только за приготовление к тяжкому и особо тяжкому преступлению». По его мнению, в случае, если сумма взятки составила менее 25 тыс. руб., необходима квалификация деяния с учетом ст. 33 УК РФ и ст. 290 либо 291 УК РФ [1, с. 10]. П.С. Яни разделяет его точку зрения [2, с. 13].

По нашему мнению, если существует статья в УК, направленная непосредственно против посредничества во взяточничестве, то необходимо квалифицировать такие деяния только по ней, в противном случае будет иметь место не правильное толкование воли законодателя. Точку зрения В. Боркова относительно «справедливости» использования в ч. 1 ст. 291.1 УК РФ значительного размера взятки мы не разделяем, в связи с тем, что посредники, передавшие менее 25 тыс. руб. избежали бы ответственности, а таких субъектов довольно много. Об этом свидетельствуют данные социологического исследования, проведенного среди всех слоев населения в целях исполнения поручения президента РФ и в соответствии с национальным планом противодействия коррупции на 2010-2011 гг. По объему рынка коррупции лидирует здравоохранение, за ним ГИБДД, потом вузы, полиция и детсады. При этом сумма взятки, как правило, менее 25 тыс. руб. В связи с этим, полагаем, что необходимо исключить из ч. 1 ст. 291.1 УК РФ указание на значительный размер взятки, выведя его в отдельную часть.

Спорные моменты возникают и по отношению к ч. 5 ст. 291.1 УК РФ, предусматривающей ответственность за обещание или предложение посредничества во взяточничестве. С точки зрения Е. Крылова данное положение впервые в УК РФ устанавливает уголовную ответственность за «обнаружение умысла» лица, которое еще не предприняло никаких конкретных действий для совершения преступления. Лицо, обещавшее или предложившее посредничество во взяточничестве, возможно, в дальнейшем и не выполнит своего обещания, что сведет на нет возможность причинения

какого-либо вреда. Его удивляет, почему законодатель, решивший криминализировать «обнаружение умысла» в посредничестве во взяточничестве, «не предусмотрел уголовной ответственности, к примеру, за «обещание или предложение» совершить убийство кого-либо (то есть совершения более опасного преступления)». Таким образом, он полагает, что ответственности за обещание или предложение посредничества в УК РФ не должно быть [3, с. 7].

По мнению В. Боркова, данное обещание или предложение посредничества во взяточничестве образует квалифицированный состав по отношению к ч. 1 ст. 291.1 УК РФ, т.к. является разновидностью содействия взяткодателя или взяткополучателю [1, с. 12].

П.С. Яни считает, что обещание и предложение посредничества во взяточничестве может рассматриваться как частный случай содействия указанным лицам в достижении и реализации соглашения между ними о получении и даче взятки, но не по отношению к непосредственной ее передаче по поручению взяткодателя или взяткополучателя [4, с. 18].

С нашей точки зрения, обещание и предложение посредничества во взяточничестве были выделены в отдельную часть ст. 291.1 УК РФ с целью устрашения потенциальных посредников во взяточничестве, поскольку теперь даже предложив свои услуги и получив отказ, такие лица будут подлежать уголовной ответственности не за приготовление к преступлению, и получают наказание практически такое, как за совершение окончательных посреднических действий.

Имеются определенные вопросы и к примечанию ст. 291.1 УК РФ. В. Борков считает, что оно создает предпосылки к абсолютной безнаказанности посредников, в действиях которых содержатся все признаки соответствующего состава. Достаточно дать признательные показания, назвать время и место передачи взятки и о совершенном преступлении можно забыть. А между тем ряд составов, закрепленных в ст. 291.1 УК РФ, описывает посягательства, которые относятся к категориям тяжких и особо тяжких [1, с. 14].

В.И. Тюнин полагает, что в примечании имеет место определенная логическая непоследовательность в описании условий освобождения от уголовной ответственности: слово «пресечь» означает активное внешнее воздействие лица на поведение иных лиц, поэтому не ясно, что имел в виду законодатель, о пресечении какого преступления идет речь. Нельзя применить термин «пресечение» если имеются в виду действия, предшествующие передаче взятки, поскольку все формы преступного поведения составляют окончательное преступление.

Возможно, законодатель имел в виду пресечение преступлений, предусмотренных ст. 290 или ст. 291 УК РФ, совершаемых взяточполучателем или взяточдателем, но такое понимание пресечения выходит за рамки рассматриваемого преступления [4, с. 23].

С нашей точки зрения такое примечание необходимо, учитывая, что взяточничество относится к латентным преступлениям, и иной раз без сообщения о его проявлениях выявить указанные деяния не представляется возможным. Мы поддерживаем предложение Минюста относительно выплат вознаграждения за сигналы о коррупции. Такие выплаты (определенный процент от суммы, возвращенной в бюджет) позволят стимулировать граждан активной информировать правоохранительные органы о фактах взяточничества. С нашей точки зрения, такими информаторами, в первую очередь, будут посредники, ведь они не особенно заинтересованы в реализации целей, для которых передается взятка.

Таким образом, ст. 291.1 УК РФ «Посредничество во взяточничестве» является, по сути, достаточно продуманной, однако, дискуссии в научном мире и среди непосредственных правоприменителей по данному вопросу с внесе-

нием конкретных предложений, выявление слабых сторон, способных возникнуть при квалификации деяний по данной статье, позволят сделать ее более эффективной.

---

1. Борков В. Новая редакция норм об ответственности за взяточничество: проблемы применения // Уголовное право. 2011. № 4.

2. Яни П. Посредничество во взяточничестве // Законность. 2011. № 9.

3. Крылов Е. Борьба с коррупцией методом проб и ошибок // ЭЖ-Юрист. 2011. № 20.

4. Тюнин В.И. Посредничество во взяточничестве // Российская юстиция. 2011. № 8.

---

1. Borkov V. New redaction of norms on responsibility for bribery: problems of using // criminal law. 2011. № 4.

2. Yani P. Mediation in bribery // Legality. 2011. № 9.

3. Krylov E. Struggle against corruption by method of tests and mistakes // EJ-Jurist. 2011. № 20.

4. Tynin V.I. Mediation in bribery // Russian Justice. 2011. № 8.

Антонян Юрий Миранович

доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный деятель науки Российской Федерации,
главный научный сотрудник
Всероссийского научно-исследовательского института МВД России

Волконская Екатерина Константиновна

кандидат юридических наук,
преподаватель кафедры уголовного права и криминологии
Московского областного филиала Московского университета МВД Российской Федерации
(volkonskayaek@mail.ru)

Мотив преступного поведения: основные характеристики

Статья посвящена сущности мотива как многокомпонентного психологического образования, определяющего поведение человека, то, ради чего оно осуществляется. Утверждается, что мотив «многослоен», его бессознательный аспект обладает в ряде случаев определяющей силой. Без анализа мотива понять индивидуальные причины преступления невозможного.

Ключевые слова: мотивация, потребности; бессознательные мотивы.

Yu.M. Antonyan, Doctor of law, professor, honored worker of a science of the Russian Federation, the main research associate of Ministry of Internal Affairs All-Russian research institute of Russia;

E.K. Volkonskaya, Candidate of law, teacher of the chair of criminal law and criminology of the Moscow Regional Branch of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation; e-mail: volkonskayaek@mail.ru

Reason of criminal behavior: basic descriptions

Sanctified to essence of reason as multicomponent psychological education, qualificatory behavior of man, then, for the sake of what it comes true. It becomes firmly established that reason «is multi-layered», his unconscious aspect possesses in a number of cases qualificatory force. Without the analysis of reason to understand individual reasons of crime impossible.

Key words: reason, motivation, necessities, unconscious reasons.

Как известно, в основе любого мотива лежит потребность. Вместе с тем учеными разных научных школ по-разному оценивается степень ее влияния на мотив, некоторые из них придают основное значение именно ей, остальные – другим психологическим образованиям (цели, побуждению, намерению, устойчивым свойствам личности, психическому состоянию и т.д.). В то же время давно высказано мнение о том, что мотив является интегративным понятием, отражающим совокупность субъективных факторов, которые детерминируют поведение. Ряд ученых – Вундт, Е.П. Ильин, Д.Н. Узнадзе, М.Ш. Магомед-Эминов, В.А. Терентьев, А.Н. Леонтьев, В.Г. Леонтьев – сходятся во мнении, что мотив следует рассматривать как системное психологическое образование что, на наш взгляд, справедливо. Иными словами, в отличие от монистического представления о мотиве, понимание последнего как системного образования является результатом объединения ряда концепций в единую общую научную схему, рассматривающую мотив не как один опреде-

ленный психологический феномен, связанный с потребностью, целью или побуждением, а совокупный продукт таких феноменов.

В исследованиях проблем мотивации много внимания уделяется пониманию того, какие психологические феномены составляют мотив. В. Вундт объединяет в мотиве представления (основание) и чувства (побуждение) [1, с. 126]. В.А. Терентьев подходит к раскрытию структуры мотива с традиционных общепсихологических позиций, постулирующих трехкомпонентность всякого психического явления, т.е. наличие в мотиве интеллектуального, волевого и эмоционального компонентов [2, с. 37]. В.Г. Леонтьев внутреннюю психологическую структуру мотива представляет двумя подструктурами: подструктурой свойств, образующих мотивационное ядро (содержание, направленность, значимость, динамичность, эмоциональность, установка, волевые свойства), и подструктурой функций (действий), в которых проявляются его свойства (побудительная, селективная, когнитивная, целемоделирующая, смыслообразующая, регулятивная)

[3, с. 93-94]. Е.П. Ильин включает в мотив потребности, предпочтения, образ предмета, опредмеченное действие, опредмеченную цель и др. [4, с. 117].

Мы будем говорить о мотиве как о совокупности субъективных факторов, среди которых можно выделить волевые, эмоциональные, интеллектуальные, потребностные и иные детерминанты.

Современное сравнительное исследование существующих представлений о сущности мотива провел Ильин, результаты которого им отражены в работе «Мотивация и мотивы». Существующие монистические представления о сущности мотива в зависимости от того, какой психологический феномен принят за мотив, Ильин объединил в восемь концепций: 1) мотив как потребность; 2) мотив как цель (предмет удовлетворения потребности); 3) мотив как побуждение; 4) мотив как намерение; 5) мотив как устойчивые свойства (личностные диспозиции); 6) мотив как состояние; 7) мотив как формулировка; 8) мотив как удовлетворенность [4, с. 46-64]. Анализ указанных представлений позволил ему заключить, что монистические подходы к рассмотрению сущности мотива, когда за него принимают то потребность, то цель, то намерение, то побуждение, то свойства личности, то состояния, себя не оправдывают [4, с. 63]. Но в каждой из концепций он обнаружил рациональное зерно, отражающее одну из сторон мотива как основания действия, поступка, деятельности, поведения. Исходя из этого, Е.П. Ильин видит решение вопроса о сущности мотива в объединении существующих взглядов в единую и непротиворечивую концепцию. Отсюда он рассматривает мотив как «сложное интегральное (системное) психологическое образование» [4, с. 115].

Признавая справедливость системного подхода, мы не разделяем точек зрения тех авторов, которые сущность мотива определяют наряду с такими составляющими, как цель (предметом удовлетворения потребности), намерение, формулировка и удовлетворенность. По нашему мнению, системное представление мотива должно складываться из положений концепций: «мотив как потребность», «мотив как побуждение», «мотив как устойчивые свойства (личностные диспозиции)», «мотив как состояние», а, главное, мотив как то, ради чего действует человек.

Главную причину наших расхождений во взглядах, например, с Ильиным, видим в различиях в понимании структуры мотива и связанного с ней вопроса об осознаваемости мотива. Е.П. Ильин структуру мотива рассматривает шире и включает в нее помимо потребностей, интересов, склонностей, установок и др.

целевой блок (образ предмета, могущего удовлетворить потребность, опредмеченное действие, потребностную цель, представление процесса удовлетворения потребности. Вследствие этого он полагает, что мотивы всегда осознаваемы, что, на наш взгляд, ошибочно. Поэтому Е.П. Ильин находит «рациональные зерна» в представлениях «мотив-цель», «мотив-намерение», «мотив-формулировка», «мотив-удовлетворенность».

Для обоснования того, что сущность мотива следует определять системно, исходя из положений совокупности монистических представлений, но при этом не всех из них, рассмотрим каждую монистическую концепцию. Вначале приведем сжатый анализ концепций, в которых наряду с недостатками (поскольку монистическая концепция не может дать полноценного представления о мотиве) мы обнаружили положения, отражающие сущностные характеристики мотива, вследствие чего представляющие значение для определения сущности мотива. К ним относятся: «мотив как потребность», «мотив как побуждение», «мотив как устойчивые свойства (личностные диспозиции)», «мотив как состояние».

1. Мотив как потребность (А.Ф. Зелинский, В.С. Мерлин, С.Л. Рубинштейн).

Описание: побудителем действий (деятельности и поведения) человека является потребность («источником мотивообразования может стать актуальная потребность» [5, с. 63]); основой для этого служит то, что в значительной степени потребностью объясняется, почему человек хочет проявить активность, а также, откуда берется энергия для проявления человеческой активности (так как в потребности содержится стремление).

Недостатки: 1) потребность далеко не всегда позволяет судить о том, ради чего проявляется активность, в чем ее личностный смысл; 2) принятие потребности за мотив ведет к ошибочным утверждениям, когда говорят об удовлетворении мотива, а не потребности, о наследственных и приобретенных мотивах (В.С. Мерлин).

Достоинства: потребность позволяет объяснить причину конкретного противоправного действия (поступка, деятельности, поведения).

2. Мотив как побуждение (Б.С. Волков, М.И. Еникеев, В.И. Ковалев, В.Н. Кудрявцев, Г. Олпорт, И.М. Сеченов, Х. Хекхаузен).

Описание: 1) в качестве мотива рассматривается любая причина, вызывающая побуждение, любой стимул, объект (как внешний, так и внутренний (И.М. Сеченов, Г. Олпорт, В.Н. Кудрявцев)); либо 2) мотив рассматривается только как внутреннее осознанное побуждение, отражающее готовность человека к дей-

ствию или поступку (М.И. Еникеев, В.И. Ковалев, Х. Хекхаузен).

Недостатки: 1) принятие побуждения за мотив не позволяет объяснить причину и смысл проявляемой человеком активности. В.Н. Кудрявцев прямо указывает на то, что мотив не несет в себе смысла (значения): «смысл мотива - это лишь побуждение, но вовсе не весь механизм определенной деятельности», т.к. «содержание деятельности, ее регуляция определяются не только мотивом, но и целями, объектом, возможностями субъекта и всей сложившейся ситуацией» [6, с. 48]; 2) побужденность обладает не только само побуждением, но и потребностью, причем побуждение можно рассматривать как состояние внутреннего (потребностного) напряжения – состояние, одинаковое для разных мотивов [4, с. 58].

Достоинства: позволяет раскрыть энергетическую сторону мотива: мотив всегда побуждает либо что-то делать, либо не делать.

3. Мотив как устойчивые свойства (личностные диспозиции (Дж. Аткинсон, М.Ш. Магомед-Эминов, М. Мадсен, В.С. Мерлин, Х. Мюррей, К.К. Платонов).

Описание: в качестве мотивов, наряду с психическими состояниями, могут выступать и свойства личности. Б.В. Зейгарник, опираясь на введенный Г. Олпортом для обозначения механизма развития личности термин черта, считает, что это не черта личности, а черта-мотив, черта-интерес.

Недостатки: 1) свойства личности не объясняют, почему человек проявляет активность; 2) Ильин указывает, что «многие личностные свойства (диспозиции) скорее являются потребностями, например стремление к деятельности, к наслаждению, потребность в новых впечатлениях, либидо, потребность в самосохранении, в знаниях, стремление к самоуважению, к творчеству, художественная потребность» [4, с. 60].

Достоинства: личностные качества позволяют судить о смысле конкретного мотива для конкретной личности, иными словами ответить на вопрос «ради чего осуществляется активность?».

4. Мотив как состояние (Дж. Гилфорд, Р.А. Пилоян, Е.Р. Хилгард).

Описание: мотив рассматривается как особое состояние человека, заставляющее его действовать или бездействовать, в том числе как эмоция, которая, по существу, тоже является состоянием.

Недостатки: 1) мотив-состояние не объясняет причину своего существования – какова потребность, которая лежит в основе мотивационных состояний (принятие же за мотив-состояние «модель потребностного состояния» будет ошибочным, т.к. последняя является

одним из видов цели (целевым состоянием); 2) принимать за мотив эмоцию – значит ограничиваться лишь сферой в основном врожденно сформированных сигнализаторов смысла тех или иных действий, в то время как в регуляции поведения социализированной личности доминирующую роль играет воля, а не только эмоции.

Достоинства: мотивационные состояния (установки, интересы, желания, стремления, влечения) определяют, нужна ли активность, а эмоции – значимость активности, ее полезность или вредность; вместе они обеспечивают энергетическую мобилизацию организма.

Теперь приведем краткие результаты анализа концепций, которые, на наш взгляд, явно недостаточно отражают сущностные стороны мотива, вследствие чего не столь значимы для определения глубинного содержания мотива. К ним относятся: «мотив как цель», «мотив как намерение», «мотив как формулировка», «мотив как удовлетворенность».

1. Мотив как цель (предмет удовлетворения потребности (А.Н. Леонтьев, С.П. Манукян, С.Л. Рубинштейн).

Описание: предметы становятся объектами желаний и возможными целями действий субъекта, когда он включает их в практическое осознание своего отношения к потребности (С.Л. Рубинштейн).

Недостатки: поскольку цель – это «психическая модель возможного и необходимого результата действий» [7, с. 200], то: 1) цель не участвует в формировании мотива, но мотив, наряду с внешними обстоятельствами и личностными особенностями индивида, оказывает влияние на выбор лицом цели. Тем самым, цель указывает на предполагаемый результат действия, т.е. то, на что устремлена активность, но никак «не почему?» и «ради чего?» она осуществляется, поскольку цель есть самостоятельный элемент поведения и вторичный по отношению к мотиву; 2) выбор цели предполагает осознанность мотива, однако зачастую мотив не осознается субъектом. Неверно отождествлять мотив и цель, во многих случаях (в том числе при совершении преступлений) никакая цель и не ставится.

2. Мотив как намерение (Л.И. Божович, К. Левин).

Описание: прямо не отождествляя намерение с мотивом, за намерением признается побудительная сила и ее тесная связь с мотивацией и мотивом.

Недостатки: 1) поскольку намерение представляет собой «сознательно принимаемое решение достичь определенной цели с отчетливым представлением средств и способов действия» [8, с. 215], то: 1) аналогично цели намерение вторично по отношению к мотиву;

2) намерение обычно связано с сознательной детерминированной мотивацией, но мотивы зачастую бессознательны.

3. Мотив как формулировка (П.И. Иванов, К. Обуховский).

Описание: мотив – это формулировка цели и средств; он отражает лишь содержательную сторону. Формулировка помогает человеку уяснить цель действия и дает возможность принять решение о начале действия.

Недостатки: 1) формулировка не может быть вторичной по отношению к мотиву: она дает представление о том, как понимает мотив тот или иной автор, отражая направленность действия (поступка), обеспечивая осознанность цели и средств активности, она показывает, на что направлено действие и какими средствами его нужно осуществить, но не объясняет, чем вызвана активность и какой в ней личностный смысл; 2) мотив-формулировка, обеспечивая осознанность цели и средств активности, предполагает осознанность мотива, но зачастую мотивы не осознаются субъектом.

4. Мотив как удовлетворенность (неудовлетворенность) (В.Г. Асеев, А.Г. Ковалев, П.М. Якобсон).

Описание: человеческим поведением движет неудовлетворенность, которая возникает после реализации цели или же та удовлетворенность, которая открывает человеку перспективу новой деятельности (В.Г. Асеев [9, с. 30], А. Г. Ковалев) или удовлетворение (П.М. Якобсон).

Недостатки: 1) удовлетворение является следствием достижения цели – удовлетворения потребности; «это эмоциональное состояние, возникающее вследствие реализации мотива» [4, с. 63]. А значит, оно не может являться ни мотивом, ни фактором, влияющим на его формирование: удовлетворение – следствие реализации мотива; 2) удовлетворенность как положительное оценочное отношение к выполняемой деятельности может оказывать влияние на сохранение мотивационной установки ее дальнейшего выполнения, но удовлетворенность не является непосредственным побудителем этой деятельности; удовлетворенность может объяснить лишь причину выполнения на протяжении длительного времени одного и того же действия, но не причину самого действия.

Таким образом, проведенный анализ мониторинговых представлений о сущности мотива позволил нам обнаружить рациональные стороны в ряде из них. В частности, сущностные стороны мотива зафиксированы в следующих концепциях: «мотив как потребность», «мотив как побуждение», «мотив как устойчивые свойства (личностные диспозиции)», «мотив как

состояние». Значит обоснованным полагаем отражение в системном понимании сущности мотива таких его сторон, как потребностная, побуждающая, личностная и психического состояния.

Потребностная сторона отражает основополагающий компонент мотива – потребность. Побуждающая сторона показывает на детерминирующую силу мотива к активности. Личностная сторона свидетельствует о зависимости мотива от личностных особенностей субъекта. Сторона мотива как психического состояния свидетельствует о его наполнении мотивационными состояниями (установками, интересами, желаниями, стремлениями, влечениями) и эмоциями (мы не говорим о воле (волевом состоянии) как компоненте мотива, поскольку воля предполагает осознание значимости планируемого результата, в то время как мотив зачастую носит неосознанный характер).

Наше понимание сущности мотива основывается на представлении личности как системного образования, отражающего волевые, эмоциональные, интеллектуальные, потребностные и иные субъективные факторы, которые детерминируют поведение.

Мотивация – это внутренняя детерминация поведения и деятельности, психический процесс, преобразовывающий внешние воздействия во внутреннее побуждение. Поэтому внешние стимулы, которые хотя и могут оказать влияние на мотивацию, отождествлять с мотивом неверно (воздействие социального окружения, боль, вызванная насилием, препятствие на пути – это лишь внешние стимулы). Таким образом, сущность мотива отражает понимание его как многокомпонентного психологического образования.

Существенное значение в объяснении преступного поведения имеют внутренние, глубинные (смысловые), не осознаваемые личностью мотивы. Это мотивы бессознательной сферы. Именно бессознательные мотивы преступления, которые иногда могут совпадать с осознаваемыми, часто являются подлинными мотивами деяния. Указанные мотивы отражают основные личностные свойства и связаны с прожитой человеком жизнью. Бессознательные мотивы преступного поведения нередко связаны с особым отношением к смерти, спонтанным ожиданием агрессии, дезадаптацией, отчужденностью и повышенной тревожностью личности, на уровне психики они выполняют функции защиты – и физической, и психологической.

Таким образом, одни мотивы осознаются, другие нет; первые образуют рациональный уровень мотивации, вторые – смысловой. Первый выполняет функции непосредственного удовлетворения лежащих на поверхности по-

требностей: например, убийство из мести, желание завладеть чужим имуществом и тем самым повысить собственное благосостояние, второй позволяет понять, почему данному человеку необходимо повысить свое благосостояние, и т. п. Бессознательные мотивы образуют смысловой уровень мотивации, который возникает, развивается и реализуется на ином, глубинном уровне, и его содержанием является постоянное утверждение своего «я», защита своего биологического и социального существования. Теснейшим образом переплетаясь, взаимодействуя, взаимодополняясь, эти два уровня усиливают друг друга и детерминируют преступное поведение.

На первый взгляд, возникает представление о том, что речь идет о двух совершенно разных (самостоятельных) мотивах – рациональном мотиве и смысловом мотиве. А именно: в одном случае – о психологическом образовании, основанном на очевидных потребностях и тем самым имеющем вроде бы поверхностный характер, отображающем в сознании человека лишь предмет удовлетворения осознаваемой потребности. В другом случае – о более адекватном понимании мотива – о психологическом образовании, основанном на неосознаваемых потребностях и возникающем, развивающемся и реализующемся на бессознательном уровне.

Чтобы понять саму природу бессознательной мотивации человеческого поведения, необходимо обратиться к проблеме структуры человеческой психики. Она, на наш взгляд, состоит из трех частей: сознания, индивидуального бессознательного и коллективного бессознательного.

Индивидуальное бессознательное включает в себя невспоминаемые впечатления, в том числе и особенно детства и отрочества, которые вытеснены из сознания в силу их травматичности или неактуальности, ненужности в настоящее время, а также выработанные данным человеком автоматизмы и имеющиеся у него инстинкты. Названные впечатления приобретают автономное существование, они ригидны и могут не поддаваться внешним влияниям. Индивидуальное бессознательное формирует соответствующие мотивы, выявление которых способно объяснить такие, например, действия, как жестокая агрессия против детей и подростков.

Коллективное бессознательное состоит из приобретенных конкретной личностью архетипов, которые также направляют его поведение. Это архетипы отца, матери, Родины, бога, друга, врага, чужого, злодея и т.д., их достаточно много. Чрезмерная психологическая связь с архетипом Родины, например, может породить ложный патриотизм, чреватый терроризмом, а

архетип чужого – вызвать к жизни преступный экстремизм.

Если исходить из понимания мотива как многокомпонентного психологического образования, интегрирующего потребности, мотивационные состояния (установки, интересы, желания, стремления, влечения) и эмоции, внутренне детерминирующее поведение личности, то можно прийти к ложному выводу о том, что в двух указанных случаях речь идет об одном и том же мотиве в единственном его понимании: предметный уровень мотива – это внешняя форма мотива, который сформирован смысловым мотивом, находящимся изначально и/или так и остающимся как бы внутри, вне сознания личности. В основе мотива, осознаваемом или нет – не лежит одна и та же потребность, единая для обоих видов мотивов.

Для объяснения конкретного преступления нас интересуют мотивы любого уровня, которые детерминируют преступное поведение. Вместе с тем, как представляется, всегда необходимо выявлять смысловой мотив (мотивы). В одних случаях смысловой мотив будет совпадать с предметным и, соответственно, осознаваться преступником, в другом же случае смысловой мотив не будет совпадать с предметным и, следовательно, будет скрыт от сознания преступника.

Когда в уголовном законе говорится о мотивах преступления, имеется в виду осознаваемый мотив. Поэтому можно сказать, что бессознательные мотивы еще не получили правовой статус. Но знание о них, их выявление и оценка чрезвычайно важны для криминологии.

Однако не следует пренебрегать значением предметного мотива. Его значение велико для соблюдения принципа справедливости уголовной ответственности, требующего, чтобы наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, были справедливыми, т.е. соответствовали, в том числе, характеру общественной опасности преступления (ст. 6 УК РФ). А характер общественной опасности определяется мотивом (или мотивами) преступного посягательства.

Степень влияния бессознательных мотивов на поведении личности различна. Она определяется степенью зависимости субъекта от конкретных условий его существования. Чем более жесткой является эта зависимость, тем более вероятным оказывается совершение преступления, причем зависимость начинает управлять поведением в той степени, в которой он не осознает ее существования. Когда человек жестко привязан к конкретным внешним условиям, недостаточно выделяет сам себя из среды, без остатка растворяется в происходящем, он не может дать адекватный

анализ и оценку внешним условиям, действиям других лиц, а следовательно, и принять автономное решение. Поэтому преступники почти не способны подняться над возникшей жизненной ситуацией, взглянуть на нее со стороны, избрать иной, кроме противоправного, разрушительного, способ ее разрешения.

Таким образом, для того, чтобы понять мотивы преступления, необходимо установить, какую функцию (или функции) выполняют мотивы в отношении личности, какую «службу» ей служат, в чем для нее психологическая «выгода» от совершения преступных действий, побуждаемых данными стимулами. Любое субъективное побуждение должно освещаться с позиций личностного смысла, личностной значимости.

Значение данного подхода непереоценимо, поскольку признание за каждым поступком, в том числе преступным, определенного смысла, соответствующей личностной значимости не позволяет совершить как научными, так и практическими работниками следующих ошибок:

1) констатации отсутствия мотива преступления и/или принятия за мотив хулиганских побуждений, когда подлинный мотив выявить не умеют. М.И. Еникеев неверно указал: «Каковы побудительные механизмы, например, такого деяния, когда преступник неспровоцированно нападает на незнакомого человека, избивает его с особой жестокостью? В чем состоит мотив такого преступления? Его просто нет» [10, с. 145], объясняя это полезависимостью поведения субъекта, т.е. его преобладающей ориентацией на любые валентные (обладающие побудительной силой) для его психики объекты, появляющиеся в поле восприятия. В другой публикации М.И. Еникеев пришел к иному, на наш взгляд, верному выводу о том, что «даже самые на первый взгляд бессмысленные преступления всегда имеют определенный смысл для преступника, соответствующую личностную значимость для него. Каждое преступление определенным образом связано с потребностями, интересами или установками личности преступника или с его поведенческими стереотипами» [8, с. 311]; он писал, что «нельзя согласиться с теми юристами, которые считают преступления по неосторожности безмотивными. Только выявление мотива и позволяет установить отношение лица к наступившим преступным последствиям» [8, с. 344]. В случаях, когда сотрудникам правоохранительных органов, суду не удается установить мотив преступления, а уголовно-процессуальный закон предписывает его указание в обвинительном заключении (обвинительном акте), обвинительном приговоре, в качестве него указывают хулиганские побуж-

дения. Но чтобы понять мотивы внешне беспричинных действий, которые привычно относят к совершаемым по хулиганским побуждениям, необходимо найти ответ на вопрос: ради чего субъект поступает так, в чем здесь личный смысл, что он от этого выигрывает в психологическом отношении;

2) констатации неадекватных мотивов преступления. Встречаются случаи, когда, на первый взгляд, ничтожные поводы вызывают разрушительные и яростные вспышки, взрыв страстей. Не подходя к проблеме объяснения мотива с позиций личностного смысла, М.И. Еникеев полагал: «Более глубокий анализ этих преступных деяний показывает, что здесь имеет место накопление чувств, обусловившее переход за грань адекватных реакций. Подобные преступные деяния совершаются обычно импульсивно, при отсутствии развернутой мотивации» [8, с. 344]. Однако даже несмотря на то, что чаще всего виновными в таких случаях бывают лица с психическими аномалиями, которые не могут управлять своими эмоциями, их поведение мотивировано. Представляется, что ставить вопрос о существовании неадекватных мотивов, т.е. не соответствующих ситуациям, в которых они реализованы, можно лишь с очень большой долей условности, помня о том, что каждая ситуация, объективно существующая, всегда воспринимается с субъективных позиций. По внешним оценкам мотив может расцениваться как неадекватный внешним условиям, но он всегда будет строго соответствовать особенностям данной личности, потому что это ее мотив.

В криминологической литературе иногда выделяют так называемые псевдосоциальные мотивы. Здесь имеются в виду мотивы межгрупповых, агрессивно-насильственных столкновений, групповых хулиганских действий (ложнотоварищеские мотивы); коррупционных, должностных и имущественных преступлений, а также преступлений против правосудия (например, должностные подлоги, укрывательство преступлений, ведомственно-корпоративные мотивы). Предполагается, что в основе псевдосоциальных мотивов лежит предпочтение норм, интересов и ценностей отдельных социальных групп, противоречащих охраняемым законом нормам, интересам и ценностям общества в целом. Но поскольку в каждом случае виновный знает, что такой конфликт имеется и своими поступками он нарушает уголовно-правовой запрет, их мотив надо искать в том, в чем именно заключен для него смысл преступных действий, что психологически он выигрывает, совершая их. Вот почему мотивом является не ложно понятый интерес группы, а определенная польза для себя, хотя,

в чем именно она состоит, преступник не всегда четко осознает.

Таким образом, для успешного объяснения преступного поведения необходимо исходить из понимания того, что преступные действия субъектов внутренне закономерны, иными словами – субъективно целесообразны. Они закономерны в силу прожитой жизни, из-за отчуждения в детстве, закрепленной в психике отчужденности от окружающей среды. Практически ни одна ситуация однозначно не диктует субъекту совершить убийство или кражу, она всегда содержит в себе возможность и иного варианта поведения. Однако если субъект выбирает, пусть часто и бессознательно, преступный путь решения жизненной задачи, то происходит это в силу того, что он именно такой, а не какой-нибудь другой. Поэтому рассуждение типа: «Он мог и не красть» – недостаточно корректно, если иметь в виду не ситуацию, а самого человека. Но в большинстве случаев совершению преступлений предшествует дезадаптивный образ жизни.

Осознание самим преступником глубинных (смысловых) мотивов своего поведения затруднено рядом моментов. Можно выделить следующие три:

1) отсутствие понимания необходимости у самого преступника в углубленном анализе своего поведения и поиске истинного мотива;

2) подмена мотивов, когда истинное (смысловое, внутреннее) содержание мотива подменяется его внешним выражением (предметным), т.е. лишь предметом удовлетворения;

3) отсутствие желания понять (осознать) истинную причину своего поступка из-за нежелания выглядеть в собственных глазах безответственным (как следствие – вытеснение сознания информации в подсознание).

Однако намеренное осознание преступником глубинных мотивов своего поведения возможно: либо в случае наличия у него специальных психологических познаний, либо при включении в этот процесс другого человека, который бы поставил перед индивидом ряд вопросов, которые бы заставили его поглубже разобраться в причинах своего поступка. Либо, что очень значимо для исправления и в целом предупреждения преступлений, в целях установления истинных мотивов преступления, а затем – объяснения их преступникам, – необходима работа специалиста, владеющего методами выявления мотивов поведения как в процессе взаимодействия с преступником, так и без такового посредством изучения обстоятельств всей жизни преступника (беседы с родными, друзьями и т.д., анализ записей личного дневника, медицинской карты и т.д.).

Вместе с тем не следует преувеличивать роль бессознательной психической деятельно-

сти. Так, преувеличением значения бессознательного отличается позиция Х. Хекхаузена, полагающего, что в потоке сознания бессознательные процессы не составляют исключения, напротив, содержание сознания представляет собой фрагментарное и видоизмененное производное от непрерывной деятельности бессознательного. Такая деятельность построена не на пассивном реагировании организма на воздействия окружающей среды, а на активном устремлении и протиповорстве заложенных в живом существе сил.

1. Вундт В. *Очерки психологии*. СПб., 1897.

2. Терентьев В. А. *Эмоции в мотивах поведения // Материалы III научной конференции по проблемам психологии воли*. Рязань, 1970.

3. Леонтьев В.Г. *Мотивация и психологические механизмы ее формирования*. Новосибирск: ГП «Новосибирский полиграфкомбинат», 2002.

4. Ильин Е.П. *Мотивация и мотивы*. СПб.: Питер, 2011.

5. Зелинский А.Ф. *Криминальная психология*. Киев, 1999.

6. Кудрявцев В.Н. *Борьба мотивов в преступном поведении*. М.: НОРМА, 2007.

7. Еникеев М.И., Кочетков О.Л. *Общая, социальная и юридическая психология. Краткий энциклопедический словарь*. М.: Юрид. лит., 1997.

8. Еникеев М.И. *Основы общей и юридической психологии: учеб. для вузов*. М.: Юрист, 1996.

9. Асеев В. Г. *Мотивация поведения и формирование личности*. М., 1976.

10. Еникеев М.И. *Общая и юридическая психология (в двух частях). Часть II «Юридическая психология»*. Учебник. М.: Юрид. лит., 1996.

1. Vundt V. *Scetch of psychology*. SPb., 1897.

2. Terentyev V.A. *Emotions in motives of behavior // Materials III of scientific conference on problems of psychology of will*. – Ryazan, 1970.

3. Leontyev V.G. *Motivation and psychological mechanisms of its formation*. – Novosibirsk: «Novosibirsk printing combine», 2002.

4. Ilyin E.P. *Motivation and motives*. SPb.: Piter, 2011.

5. Zelinsky A.F. *Criminal psychology*. Kiev, 1999.

6. Kudryavtsev V.N. *Fight of motives in criminal behavior*. M: NORM, 2007.

7. Enikeev M.I., Kochetkov O.L. *General, social and legal psychology. Short encyclopedic dictionary*. M.: Legal literature, 1997.

8. Enikeev M. I. *Bases of the general and legal*

psychology: textbook for higher education institutions. M.: Lawyer, 1996.

9. Aseev V.G. *Motivation of behavior and personality formation. M, 1976.*

10. Enikeev M.I. *The general and legal psychology (in two parts). Part II «Legal psychology». Textbook. M: Legal literature, 1996.*

Ильяшенко Алексей Николаевич

доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника Краснодарского университета МВД России по научной работе (тел.: 88612584050)

Типология жертв насильственных преступлений, совершаемых в семье

Раскрывается роль потерпевшего в механизме совершения насильственных преступлений в семье. Дается типология жертв внутрисемейного насилия.

Ключевые слова: преступность, насильственные преступления, насилие в семье, механизм совершения преступлений, виктимология, жертва преступления, типология жертв.

A.N. Ilyashenko, Doctor of law, professor, Deputy chief of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (scientific work); tel.: 88612584050.

Typology of victims of the violent crimes committed in a family

The role of the victim in the mechanism of commission of violent crimes in a family reveals. The typology of victims of intra family violence is given.

Key words: crime, violent crimes, violence in a family, mechanism of commission of crimes, victimology, crime victim, typology of victims.

В последние годы в криминологической литературе все острее ставится проблема изучения жертв преступлений, более активного включения в процесс предупреждения преступности виктимологической профилактики.

Становится все более очевидным, что только комплексное и всестороннее изучение личности преступника и его жертвы, их взаимоотношений, объективной роли, которую каждый из них сыграл в противоправном акте, позволяют сделать точный и правильный вывод об ответственности виновного в преступлении, а также установить обстоятельства, способствующие его совершению. С другой стороны, знание личностных особенностей жертвы, ее роли в зарождении и развитии преступления, анализ и характеристика отношений между преступником и потерпевшим с позиций свойств жертвы и ее поведения значительно расширяют возможности профилактики и борьбы с преступностью.

Сложность исследования внутреннего мира жертв внутрисемейных насильственных преступлений требует создания типологии потерпевших, ибо если есть типичные, характерные формы виктимного поведения, то есть и та психологическая база, реализацией которой эти формы являются.

Проведенное исследование позволило выделить по характеру и роли поведения потерпевшего в механизме совершения внутрисемейного насильственного преступления шесть их типов.

1. Ситуативно-случайная жертва. По данным исследования, каждый десятый (11,1 %) изу-

ченный потерпевший относился к данному типу, из них 52,9 % были мужского, а 47,1 % – женского пола.

Потерпевшие данного типа до совершения против них преступления характеризовались положительно либо нейтрально, в целом были склонны к общепринятым правилам социального взаимодействия. Аморальные элементы сознания и поведения такой личности и ее микросреды, если имеются, то выражены незначительно. Внутрисемейное насильственное преступление совершалось против них впервые вопреки их общей социальной положительной направленности под решающим влиянием конфликтной ситуации, возникшей не по вине данных лиц и не вытекающей из их предшествующего поведения, всего образа их жизни. Пострадавшие этого типа, как правило, никак и ничем не содействовали возникновению и развитию криминальной ситуации, стали потерпевшими в силу неблагоприятно сложившейся ситуации.

Случайными данные жертвы являлись, поскольку не были для преступника заранее определенными. Изначально внутрисемейная агрессия была направлена против другого члена семьи, либо причиной возникновения этой агрессии был другой член семьи. То есть наблюдается отклонение, перенос внутрисемейной агрессии с «главной» жертвы на других членов семьи.

Вместе с тем, в рамках ситуативно-случайного типа можно выделить два подтипа.

А. Позитивно-активная жертва. Доля потерпевших данной категории в структуре рассматриваемого типа составила 64,7 %, а среди всех

изученных жертв – 7,2 %. По полу потерпевшие данного подтипа распределились следующим образом: мужчины – 54,6 %, женщины – 45,4 %.

Потерпевшие этого подтипа отличались активным поведением положительной направленности, что и явилось, в определенной степени, толчком к совершению против них внутрисемейного насильственного преступления. Их поведение неагрессивно и неконфликтно, но, в конечном счете, привело к причинению вреда им самим.

Положительное активное поведение жертвы, как правило, заключается в предъявлении члену семьи требований прекратить аморальный, антиобщественный образ жизни либо противоправное или агрессивно-насильственное поведение в семье, в частности, под угрозой обращения в правоохранительные органы (например, прекратить пьянство, супружеские измены, оскорбления, унижения, издевательства, побои в отношении других членов семьи); защите других членов семьи от нападения или иного преступного посягательства, исходящего от семейного дебошира.

Б. Пассивно-нейтральная жертва. Среди потерпевших ситуативно-случайного типа представители данной группы составили 35,3 % (из них 50,0 % – мужчины и 50,0 % – женщины), а среди всех изученных потерпевших – 3,9 %.

К этому подтипу относятся лица, поведение которых во всех отношениях безупречно (с точки зрения действующего права и общественной морали). Данные жертвы не внесли никакого вклада в механизм рассматриваемых преступлений (их поведение нейтрально) и не имели практической возможности предвидеть и предотвратить грозящую им опасность. Пассивность их поведения заключалась в том, что они не оказали противодействия преступнику в ходе совершения семейного насилия по различным причинам: в силу малолетства, старости, физической слабости, болезни, беспомощного состояния, либо внезапности перевода, обращения на них агрессии, гнева.

Члены семьи становятся потерпевшими данного подтипа в основном в силу того, что семейным насильником движет потребность глобальной деструкции, уничтожения всех вокруг. В других случаях такие потерпевшие воспринимаются психологическим продолжением «главной» жертвы, ее стороной, которая является объектом ненависти. В подобных ситуациях, например, совершается криминальное семейное насилие в отношении детей, которые по ощущению семейного деспота являются частью матери, на которую изливается основной гнев. Часто преступник на данных

потерпевших вымещает злость, возникшую в результате конфликта с другим членом семьи.

2. Длительно-пассивная жертва. Это самый распространенный тип потерпевших, пострадавших от насильственных преступлений в семье. Среди всех изученных жертв представителей данного типа оказалось 41,8 %, из них 20,3 % – мужчины, а 79,7 % – женщины.

Поведение потерпевших этого типа не носит толчкового характера, однако, создает реальную возможность совершения в семье насильственных преступлений, в силу чего является условием, способствующим их совершению.

Ситуации совершения указанных преступлений в отношении представителей данного типа отчасти создаются за счет длительного по времени отсутствия отпора насильственным действиям преступника со стороны потерпевшего. Например, семья на протяжении длительного времени терпит оскорбления, унижения, издевательства, угрозы, побои одного из ее членов и не обращается за защитой в компетентные органы. Тем самым создается, сохраняется и обостряется обстановка, способствующая совершению преступления.

В подобных случаях встречается не только отсутствие сопротивления преступнику, но в ряде ситуаций и активное противодействие самих потерпевших принятию мер по их защите. Причины такого поведения различны: от обычного страха перед мстью, до прямого расчета невыгодности ареста преступника по соображениям материального порядка. Нередко причиной молчания потерпевшего является нежелание «выносить сор из избы», обусловленное ложно понимаемым семейным благополучием. Терпимость потерпевших превращается в своеобразное «пособничество» преступнику, т.к. пассивность в плане оказания противодействия преступнику способствует возникновению у него чувства безнаказанности и в связи с этим дальнейшему продолжению агрессивно-насильственного поведения в семье.

Таким образом, в отличие от предыдущего типа и его подтипов, особенно от пассивно-нейтральных жертв, потерпевшие рассматриваемого типа заранее были известны для преступника, т.е. объект внутрисемейной агрессии заранее был определен, не являлся случайным для семейного насильника, и характеризовались многократной, длительной виктимизацией.

В зависимости от причин, по которым в течение длительного времени потерпевшими данного типа не оказывалось противодействие преступнику, можно выделить три подтипа.

А. Беззащитная жертва. Удельный вес жертв данной группы составил в структуре потерпевших длительно-пассивного типа 34,4 % (из них

31,8 % – мужчины, а 68,2 % – женщины), а среди всех обследованных – 14,4 %.

Данные жертвы живут в условиях многократной, длительной виктимизации в силу своей незащитности. Причем их незащитность была обусловлена, во-первых, объективной неспособностью к сопротивлению преступнику (малолетний или престарелый возраст, физическая слабость, врожденные или приобретенные физические дефекты и увечья, тяжелые хронические заболевания, в том числе психические расстройства), и во-вторых, отсутствием помощи, защиты со стороны государственных и общественных институтов, прежде всего со стороны правоохранительных органов. Жертвы рассматриваемого подтипа иногда обращались к последним за помощью, однако сталкивались либо с полным отказом сотрудников указанных органов вмешиваться во внутрисемейные конфликты, либо с их неадекватным реагированием на факты семейного насилия, в результате чего семейный дебошир, чувствуя свою безнаказанность, продолжал терроризировать членов своей семьи, более слабых, чем он. При этом потерпевшие, не получив защиты со стороны правоохранительных органов, в дальнейшем уже не обращались к ним за помощью в силу возникшей убежденности в неэффективности их деятельности и продолжали подвергаться оскорблениям, унижениям, издевательствам, угрозам и побоям со стороны семейного деспота.

Б. Жертва, живущая в страхе. Доля жертв данной категории в структуре длительно-пассивного типа составила 17,2 % (из них 27,3 % – мужчины, а 72,7 % – женщины), а среди всех потерпевших – 7,2 %.

Потерпевшие рассматриваемого подтипа объективно были способны самостоятельно оказать сопротивление преступнику, обладая при этом значительно меньшей физической силой, чем семейный насильник, либо обратиться за помощью в правоохранительные органы или к третьим лицам, однако этого не делали из-за боязни мести со стороны преступника или из-за страха за свою жизнь или жизнь других членов семьи, как правило детей.

Данные жертвы в течение длительного времени жили в условиях крайне острой конфликтной внутрисемейной обстановки, возникшей исключительно по вине самого семейного деспота, который практически каждодневно буквально терроризировал членов своей семьи, оскорбляя, унижая их, издеваясь над ними, постоянно высказывая в их адрес угрозы убийством или причинением вреда здоровью. Реальность высказываемых семейным дебоширом угроз регулярно подкрепляется фактическим нанесением членам семьи побоев или причинением им телесных повреждений.

В. Терпящая жертва. Среди жертв длительно-пассивного типа представители данной группы составили 48,4 % (из них 9,7 % – мужчины, а 90,3 % – женщины), а среди всех изученных потерпевших – 20,2 %.

Потерпевшие данного подтипа также, как и предыдущего, объективно были способны самостоятельно оказать сопротивление преступнику или обратиться за помощью в правоохранительные органы, однако этого не сделали из-за субъективно понимаемой невыгодности для них или других членов семьи привлечения семейного насильника к уголовной ответственности и (или) разрыва с ним семейных отношений.

Среди основных причин, по которым данные жертвы в течение длительного времени терпели оскорбления, унижения, издевательства, угрозы и побои со стороны семейного дебошира и не оказывали ему противодействия, можно выделить следующие: нежелание «выносить сор из избы»; привлекать к уголовной ответственности своих близких родственников (как правило, родителей, детей) и тем самым «калечить им жизнь»; лишить детей отца (матери); материальная зависимость от семейного насильника; невозможность разменять общую жилплощадь; надежда на то, что семейный насильник со временем самостоятельно изменит свое поведение, исправится; нежелание разорвать психологическую зависимость, хотя и травматичную, от мужа.

3. Жертва-преграда. Удельный вес потерпевших данного типа среди всех изученных жертв насильственной преступности в семье составил 3,9 %, из них 33,3 % – мужчины, а 66,7 % – женщины.

Виктимизация жертв рассматриваемого типа происходит в ситуациях, когда сам потерпевший или его поведение, причем только правомерное и не нарушающее норм морали, является преградой, препятствием для преступника на пути удовлетворения особо значимых для него потребностей, в том числе обретения личного благополучия, понимаемого, естественно, последним исключительно субъективно. В отличие от потерпевших ситуативно-случайного типа, данные жертвы были заранее известны, определены преступником, т.е. не являлись для него случайными.

Вместе с тем, в рамках данного типа можно выделить два подтипа.

А. Инициативная жертва. Доля потерпевших данной категории в структуре рассматриваемого типа составила 83,3 % (из них 20,0 % – мужчины, а 80,0 % – женщины), а среди всех изученных жертв – 3,2 %.

Как правило, эти потерпевшие являлись препятствием для приобретения преступником материальных благ, на которые последний не

имел законных оснований. Например, преступник, совершая против членов своей семьи насильственное преступление, в том числе убийство, стремился приобрести дополнительную долю в наследуемой собственности либо вообще незаконно исключить из числа наследников других родственников; ограничить право других членов семьи в пользовании имуществом, жильем или другой собственностью; полностью завладеть собственностью других членов семьи или совместно занимаемой с ними жилой площадью и т.п.

Это положительные потерпевшие, т.к. с точки зрения действующего права и общественной морали их поведение было безупречно. Вместе с тем их положительное поведение являлось толчком к совершению в семье насильственного преступления.

Одной из отличительных особенностей данных жертв является то, что их поведение было активным: они в рамках действующего права активно оказывали противодействие преступнику самостоятельно либо путем обращения в правоохранительные органы или в суд за защитой своих нарушенных прав, в частности, с требованием о взыскании алиментов, об устранении препятствий в пользовании жилым помещением, иной собственностью, о принудительном обмене жилой площади или принудительном выселении семейного дебошира, о восстановлении иных нарушенных прав.

Б. Нейтральная жертва. Удельный вес жертв данной группы составил в структуре потерпевших рассматриваемого типа 16,7 % (из них 50,0 % – мужчины и 50,0 % – женщины), а среди всех обследованных – 0,7 %.

Потерпевшие указанного подтипа характеризовались нейтральным поведением, которое никак не повлияло на развитие ситуации преступления, т.е. не было толчком и не создавало способствующих совершению внутрисемейного насильственного преступления условий. Их поведение нейтрально. Кроме того, данные жертвы, как правило, не имели практической возможности предвидеть и предотвратить грозящую им опасность.

В основном, это члены семьи, которые в силу различных обстоятельств стабильного или разового характера оказались помехой преступнику, а также самим фактом своего существования возлагали на преступника определенные обязанности. Обременительными для семейных насильников лицами чаще всего являются дети, а также тяжело больные и престарелые члены семьи. Так, иногда внутрисемейная агрессия в отношении потерпевших данного подтипа обуславливается желанием избавиться от забот, заключающихся в необходимости постоянно ухаживать за тяжело больным членом семьи. Встречаются случаи,

когда убивают детей или супруга, которые являются преградой на пути создания новой семьи.

Кроме того, член семьи может оказаться потерпевшим данной подгруппы, если он является владельцем имущества, на которое посягает преступник, или обладает правом на имущество, которое преступник стремится получить. Однако, в отличие от предыдущего подтипа, поведение данных жертв не носило активный характер, т.е. они не предпринимали никаких усилий по защите своих имущественных прав.

4. Легкомысленная жертва. По данным исследования, в общем числе лиц, пострадавших от насильственных преступлений в семье, представителей данного типа оказалось 5,9 %, из них 11,1 % – мужчины, а 88,9 % – женщины.

К потерпевшим этого типа относятся, прежде всего, лица, которые знают и понимают, что их поведение с определенной степенью вероятности может вызвать преступное нападение, но надеются, что этого не произойдет либо безразлично к этому относятся. Однако потерпевший может не предвидеть возможные последствия своего поведения.

Кроме того, к жертвам данного типа относятся члены семьи, которые демонстрируют неосмотрительность, пренебрежение собственной безопасностью, а чаще всего нежелание правильно оценить внутрисемейную конфликтную ситуацию и адекватно отреагировать на нее.

Следует отметить, что легкомысленное поведение жертв рассматриваемого типа не нарушало норм морали и права, они не вели аморальный, разгульный или антиобщественный образ жизни, не совершали административные правонарушения или преступления, т.е. их поведение не содержало прямой провокации внутрисемейных насильственных преступлений. Вместе с тем их легкомысленное поведение создавало реальную возможность совершения указанных преступлений и выступало в качестве условия, способствующего совершению преступления.

Чаще всего рассматриваемые жертвы характеризовались поведением (высказывания, поступки), сознательно или бессознательно направленным на возбуждение у партнера по браку чувства ревности. При этом отсутствовали признаки аморального поведения и достоверно установленные факты супружеской измены. В частности, данные потерпевшие бравовировали повышенным вниманием к ним со стороны представителей противоположного пола либо своей интимной жизнью до брака; периодически задерживались до поздней ночи на работе или в ином месте без предупреждения и без последующего объяснения причин за-

держания; легкомысленно вели себя по отношению к семье, выполнению своих семейных обязанностей; вызывающе демонстрировали свою независимость, свободу, безразличие к созданию прочной, благополучной семьи, к ее сохранению; совершали поступки вопреки интересам, просьбам других членов семьи.

5. Жертва–провокатор. Удельный вес потерпевших данного типа среди всех изученных жертв составил 20,3 %, из них 16,1 % – мужчины, а 83,9 % – женщины.

Поведение рассматриваемых потерпевших в механизме совершения внутрисемейных насильственных преступлений играет роль толчка, т.к. содержит явную и прямую провокацию этих преступлений.

Жертвы-провокаторы своими собственными действиями более или менее сознательно толкают потенциального преступника на насильственный акт, создают или способствуют созданию благоприятной обстановки для совершения преступления. Они прямо и непосредственно вызывают на себя преступную агрессию правонарушителя. Их поведение активно и часто, но не всегда, носит агрессивный характер. Провокационные действия данных жертв проявляются в различных нарушениях норм морали и права, иногда преступного характера, однако не связаны с физическим насилием или угрозой его применения.

Потерпевших рассматриваемого типа в зависимости от характера их провокационного поведения можно подразделить на три подтипа.

А. Унижающая жертва. Доля потерпевших данной категории в структуре рассматриваемого типа составила 35,5 % (из них 9,1 % – мужчины и 90,9 % – женщины), а среди всех изученных жертв – 7,2 %.

В этом случае толчком к совершению в семье насильственного преступления служит поведение, заключающееся в разного рода оскорблениях, нередко циничного характера, унижениях, в частности, мужского, национального достоинства, издевательствах психологической направленности, глумлениях и т.п., исходящих от потерпевшего в отношении причинителя вреда или других членов семьи. Данное поведение часто сопровождается систематически устраиваемые по инициативе рассматриваемых жертв внутрисемейные ссоры, скандалы.

Б. Правонарушающая жертва. В структуре жертв-провокаторов эти потерпевшие составили 16,1 % (из них 40,0 % – мужчины, 60,0 % – женщины), а в структуре всех обследованных потерпевших – 3,3 %.

Виктимное поведение жертв данного подтипа отличается нарушением при взаимоотношениях с членами своей семьи норм различ-

ных отраслей российского права, прежде всего, уголовного (за исключением насильственных преступлений), административного, гражданского, жилищного и семейного.

Как правило, указанные потерпевшие совершали различные правонарушения по поводу материальных благ. В частности, их провоцирующее поведение выражалось: в неправомерных действиях при наследовании имущества; повреждении, уничтожении или хищении личного имущества другого члена семьи; незаконном ограничении права пользования других членов семьи имуществом, жильем или другой собственностью; самовольном, вопреки установленному законом или иным правовым актом порядку совершении в отношении имущества каких-либо действий, правомерность которых оспаривалась другими членами семьи; неисполнении судебного решения о разделе между членами семьи имущества либо об определении порядка пользования имуществом (например, жилой площадью, подсобными помещениями, приусадебными постройками и участком).

В отличие от жертвы-преграды инициативного подтипа данные потерпевшие в ходе спора с причинителем вреда или другими членами семьи по поводу материальных благ сами допускали нарушение правовых норм, чем непосредственно провоцировали против себя внутрисемейную агрессию.

В. Аморальная жертва. Удельный вес этих потерпевших составил в структуре жертв-провокаторов 48,4 % (из них 13,3 % – мужчины, а 86,7 % – женщины), а среди всех изученных потерпевших – 9,8 %.

Провоцирующее поведение потерпевших данного подтипа, являющееся толчком к совершению криминального насилия в семье, заключалось в аморальном поведении, оказывающем воздействие на самые низменные инстинкты будущего причинения вреда. Как правило, это поведение было связано с супружескими изменами, аморальным, разгульным образом жизни. Эти жертвы легкомысленны, распушенны в сексуальном отношении, изменяют супругу, причем нередко не стремятся это скрыть, часто злоупотребляют спиртными напитками, ведут антиобщественный образ жизни, в том числе совершают административные правонарушения и преступления, но не в отношении членов своей семьи, легко идут на семейную ссору, нередко намеренно, часто не желают со-хранять семью, заниматься домашним хозяйством.

6. Жертва–насильник. Среди изученных потерпевших представителей данного типа оказалось 17,0 %, из них 73,1 % – мужчины, а 26,9 % – женщины.

Поведение данных потерпевших в механизме совершения семейно-бытовых насильственных преступлений также играет роль толчка и связано с физическим насилием или угрозой его применения в отношении причинителя вреда или других членов семьи. Их виктимное поведение, за некоторыми исключениями, одновременно является преступным и, как правило, заключается в нанесении побоев или причинении телесных повреждений указанным лицам.

Вместе с тем, совершение криминального насилия в семье может стать следствием исходящих со стороны потерпевшего длительных угроз убийством или причинением телесных повреждений. В таких случаях складывается ситуация, когда в определенный момент причинитель вреда, помня о постоянных угрозах, в оборонительных целях совершает насильственное преступление, хотя непосредственно для него опасности и не было. В этих ситуациях взаимодействие преступника и жертвы в основе своей является «упреждающим», как и при фактическом применении физического насилия, с той лишь разницей, что убедительности угроз оказалось достаточно для толчка к совершению убийства или причинению вреда здоровью.

Виктимное поведение жертв-насильников занимает ведущее место по криминогенной

значимости. Данные жертвы играют решающую роль в генезисе внутрисемейной насильственной преступности [1].

Таким образом, личность изученных потерпевших характеризуется сочетанием социально-правовых, нравственно-психологических и биофизических качеств, проявление которых в условиях ситуаций, характерных для семейно-бытовых насильственных преступлений, обусловливает их типичное поведение и связанную с этим поведением большую, чем для общей массы людей, вероятность пострадать от указанных преступлений.

---

1. В ходе построения и описания типологии лиц, пострадавших от насильственных преступлений в семье, помимо собственных изысканий нами также были использованы результаты исследования, проведенного Д.В. Ривманом и В.С. Устиновым. См.: Ривман Д.В., Устинов В.С. Виктимология. СПб., 2000. С. 89-98, 245-258.

---

1. During construction and the description of typology of persons, victims of violent crimes in a family, besides own researches we also used results of the research conducted by D.V. Rivman and V.S. Ustinov. See: Rivman D.V., Ustinov V.S. Victimology. SPb., 2000. P. 89-98, 245-258.

Малков Вадим Дмитриевич

доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ,
профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин
Московского государственного лингвистического университета
(тел.: 84991594024)

Уголовно-правовые и криминологические характеристики терроризма и его предупреждение в системе обеспечения национальной безопасности России

В статье рассматриваются вопросы, связанные с уголовно-правовыми и криминологическими характеристиками терроризма. Анализируются современные меры его общесоциального и специально-криминологического предупреждения.

Ключевые слова: терроризм, личность террориста, механизм совершения террористических актов, предупреждение терроризма.

V.D. Malkov, Doctor of law, professor, honoured worker of science of Russian Federation, professor of the chair of criminal and legal disciplines of the Moscow State linguistic University; tel.: 84991594024.

Criminal-legal and criminological characteristics of terrorism and its prevention in system of ensuring national security of Russia

In article the questions connected with criminal and legal and criminological characteristics of terrorism are considered. Modern measures of its all-social and special-criminological prevention are analyzed.

Key words: terrorism, identity of the terrorist, mechanism of commission of acts of terrorism, terrorism prevention.

Национальная безопасность как состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, обеспечивается сложным комплексом экономических и социально-правовых средств, реализуемым в различных направлениях жизнедеятельности страны.

Одним из таких направлений является сфера государственной и общественной безопасности, обеспечение которой во многом определяется борьбой с преступностью, в том числе с таким ее особо опасным проявлением, как терроризм.

Именно борьба с терроризмом направлена на достижение в стране общественной безопасности, такого состояния общества, которое характеризуется его спокойствием, стабильностью, неприкосновенностью личности и собственности, нормальным функционированием государственных институтов.

Успех в этой борьбе во многом определяет глубокий изучением и учетом в практиче-

ской деятельности криминологической характеристики терроризма, его детерминантов, личности преступников, мер общего и специального предупреждения.

Как никакое другое негативное социальное явление, терроризм теснейшим образом связан с социальными, политическими, экономическими, духовными противоречиями, существующими в мире, следствием которых является его глобализация, выход на международную арену ряда транснациональных террористических организаций, объединенных общей идеологией, целями, руководством, иерархическим построением, методами деятельности.

Масштабы, направленность, тяжесть последствий терроризма обуславливают его высочайшую общественную опасность. По мнению некоторых западных криминологов, человечество в настоящее время стоит на пороге новой «столетней войны», но теперь уже с терроризмом. Уникальность ситуации состоит в том, что мир впервые столкнулся с врагом, не

ставящим перед собой конкретных политических задач, выполнив которые, можно добиться спокойствия и процветания. Целью современных «нигилистов» является всеобщее разрушение, а средством для ее достижения – физическое уничтожение существующей цивилизации. Не случайно в стратегии национальной безопасности Российской Федерации увеличение масштабов терроризма, наряду с ростом организованной преступности, обострением межнациональных отношений и другими факторами, рассматривается в качестве одной из составляющих широкого спектра внутренних и внешних угроз национальной безопасности страны [1].

Терроризм в самом общем смысле – это «идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий» [2]. Иначе говоря, это преступная деятельность, выражающаяся в устрашении населения и органов власти с целью достижения преступных намерений. Такое общее определение нуждается в конкретизации, выделении уголовно-правовых и криминологически значимых сторон данного социального явления.

Уголовно-правовые характеристики терроризма свидетельствуют об отнесении к нему, наряду с совершением террористических актов, таких видов деятельности, как: организация, планирование, подготовка, финансирование и реализация террористического акта; подстрекательство к террористическому акту; организация незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации), организованной группы для реализации террористического акта, а также участие в такой структуре; вербовка, вооружение, обучение и использование террористов; информационное или иное пособничество в планировании, подготовке или реализации террористического акта; пропаганда идей терроризма, распространение материалов или информации, призывающей к осуществлению террористической деятельности либо обосновывающих или оправдывающих необходимость осуществления такой деятельности.

Кроме того, к преступлениям террористического характера относятся и такие совершаемые в целях воздействия на принятие решений органами власти или международными организациями деяния, как захват заложника; угон судна воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава; посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля; насильственный за-

хват власти и насильственное удержание власти; вооруженный мятеж; нападение на лиц или учреждения, которые пользуются международной защитой.

К криминологическим характеристикам терроризма относятся его значительное распространение в обществе; стабильный рост числа соответствующих преступлений, особая общественная опасность; причинение прямого и косвенного ущерба общественной безопасности в целом, безопасности личности, собственности; умышленный характер вины; приращение насилия, как способа совершения; использование в качестве орудия преступлений либо объекта посягательства предметов, являющихся источниками повышенной опасности (оружия, взрывчатых, радиоактивных материалов и т.п.).

Особая общественная опасность терроризма находит выражение также в его целях, характере средств их достижения, в последствиях террористической деятельности.

При наличии зафиксированной в уголовном законе (ст. 205 УК РФ) общей цели совершения террористического акта (воздействие на принятие решения органами власти или международными организациями) терроризм предполагает достижение многих частных конечных целей. Такими целями могут быть: изменение политического строя, политики государства, свержение руководства; нарушение территориальной целостности государства; навязывание в качестве официальной идеологии определенных национальных, этнических, религиозных стандартов общественных отношений; освобождение арестованных террористов; расшатывание стабильности, дезорганизация работы органов власти и управления; получение уступок от власти; причинение вреда международным отношениям; развязывание войны и военных конфликтов и т.п.

Различие целей террористической деятельности лежит и в основе существования разнообразных видов терроризма (политического, государственного, международного, религиозного, националистического, корыстного, внутрикриминального и т.п.). Так, в середине XX века в бывшем СССР ярко проявлялся государственный терроризм в отношении значительной части населения страны.

В настоящее время в России выделяются:

терроризм, инициируемый и организуемый из-за рубежа и являющийся способом ведения так называемой «суррогатной войны», преследующий определенные геополитические цели (ослабление российской государственности, фактическая ликвидация суверенитета, обеспечение свободного доступа к природным богатствам страны и др.);

сепаратистский терроризм, инициируемый и организуемый преимущественно теми жителями национальных образований, многие из которых, являясь участниками организованных преступных формирований, рассчитывают на отделение от России, поддержку из-за рубежа, вхождение во власть новых государственных образований, распоряжение национальным достоянием страны и уход от уголовной ответственности за прежние криминальные деяния; исламский терроризм, инициируемый и организуемый идеологами исламской экспансии; терроризм анархистов, носящий международный характер;

терроризм экстремистов, которые считают совершение преступлений террористического характера наиболее радикальным способом изменения социальной ситуации в желаемом ими направлении [3].

Поскольку политико-националистическими целями современных террористов Юга России являются обострение обстановки, ее дестабилизация, а в конечном счете отторжение Северного Кавказа от страны, в их преступной деятельности сочетаются практически все вышеперечисленные виды терроризма.

Терроризму также присущ сложный неправовой преступный характер средств, применяемых для достижения целей, использование при этом макиавеллиевского постулата: «Для достижения цели все средства хороши». Реализация или нереализация этого принципа лежит в основе разграничения терроризма и национально-освободительного движения. Так, при всей справедливости борьбы любого народа за свою независимость вряд ли ее можно оценить положительно в случаях, когда в качестве средств достижения этой позитивной цели широко используются террористические акции против мирного населения.

В основе любых применяемых террористами средств лежит устрашение людей, общества в целом, т.е. преднамеренное создание в обществе обстановки страха, подавленности, напряженности. Такое устрашение достигается в первую очередь использованием насилия, осуществляемого различными способами (убийства, взрывы, поджоги, захват заложников, диверсии, угон судна воздушного или водного транспорта, железнодорожного подвижного состава, отдельные террористические акты, насильственный захват власти, вооруженный мятеж, иные действия, создающие опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления экологической катастрофы или иных тяжких последствий).

Применяемые в настоящее время террористами средства насилия характеризуются увеличением посягательств на жизнь и здоровье

людей при некотором сокращении доли посягательств на материальные объекты. Наблюдается также рост масштабов применяемого насилия, увеличение числа человеческих жертв терроризма, эскалация насилия при неудовлетворении выдвигаемых требований.

Так, только в 2000 г. в России от террористических актов погибли более 200 человек, свыше 600 были ранены. Еще большее число жертв (свыше 500 человек) стало результатом серии терактов, совершенных в августе – сентябре 2004 г. в Москве и Беслане, а также в воздушном пространстве при взрывах пассажирских самолетов, либо совершенных в аэропортах, на станциях метро, путях железнодорожного транспорта.

Одновременно следует отметить усиление жестокости террористов, использование ими общеопасных средств, включая даже средства массового поражения.

Для современного терроризма также характерно несовпадение круга лиц, в отношении которых применяется конкретное насилие (например, заложников), и лиц, на которых одновременно оказывается психологическое воздействие в целях их склонения к определенному, выгодному для террориста поведению. Так, в качестве последних достаточно активно, по существу в защиту террористов, выступали родственники захваченных в Московском концертном зале в октябре 2002 г. заложников, что значительно осложнило проведение контртеррористической операции.

Применяемое террористами насилие может осуществляться путем совершения ряда и таких общеопасных действий, как минирование объектов, на которых находятся заложники; посягательства на объекты использования атомной энергии либо с использованием ядерных материалов, радиоактивных веществ или источников радиоактивного излучения либо ядовитых, отравляющих, токсичных, опасных химических или биологических веществ; разрушение системы энергоснабжения и жизнедеятельности населения; заражение местности радиоактивными или отравляющими веществами; распространение эпидемий, эпизоотий; совершение аварий различных механизмов; затопление местности и т.п.

Весьма значительным средством достижения террористами своих целей в настоящее время является использование ими средств массовой информации (и в первую очередь телевидения) в качестве своеобразного оружия массового поражения, нагнетание тем самым страха в обществе, пропаганда террористической деятельности. Именно телевидение начиная с 1963 г. (показ телевизионных картинок убийств Президента США Дж. Кеннеди и подозреваемого в совершении этого преступления

Ли Х. Освальда) периодически демонстрирует обществу все наиболее значимые акты терроризма, играя зачастую на руку террористам, пропагандируя их преступную деятельность.

Наконец, следует четко представлять особую тяжесть последствий терроризма, к которым относятся: дестабилизация общественного организма, его потрясение; гибель людей, нанесение вреда их здоровью; значительный имущественный ущерб; нарушение работы предприятий, общественного транспорта, средств связи; заражение местности; дезорганизация работы органов власти и всей системы жизнеобеспечения населения.

Общественная опасность указанных последствий дает основания для отнесения деятельности государства по их минимизации и ликвидации к важному компоненту решения задачи противодействия терроризму.

При этом государство осуществляет компенсационные выплаты физическим и юридическим лицам, которым в результате террористических актов был причинен ущерб, а также социальную (психологическую, медицинскую, профессиональную) реабилитацию пострадавших, оказание им правовой помощи, содействие в трудоустройстве, предоставление жилья. Одновременно государство возмещает вред, причиненный в результате террористического акта жизни, здоровью и имуществу лиц в связи с их участием в борьбе с терроризмом, а также выплачивает денежное вознаграждение лицам, оказывающим содействие в этой борьбе.

Немаловажное значение для криминологической характеристики терроризма и его предупреждения имеет сложный механизм совершения конкретных террористических действий. Их начальный этап предполагает особую организацию, привлечение значительных сил и средств, информационное, техническое, финансовое и иное ресурсное обеспечение. При этом важным условием успеха террористов служит эффект неожиданности их действий.

Основной этап террористической акции предполагает применение конкретных преступных действий; заключительный – выдвижение требований к органам власти, обращение за поддержкой к различным общественным силам.

Каждому этапу террористических действий органы власти, обеспечения правопорядка должны противопоставлять соответствующие обстановке оперативные, информационные, переговорные, боевые и другие действия с учетом как общей задачи борьбы с терроризмом, так и частных задач ликвидации конкретной террористической группы, освобождения заложников, устранения общественно опасных последствий.

Важной особенностью современного терроризма является публичный (рассчитанный на массовое восприятие, на устрашение) характер действий террористов. Именно поэтому они широко используют (часто с помощью СМИ) саморекламу, применяют насилие, пытаются вызвать страх и даже шок у населения и у власти.

Серьезную угрозу обществу наносит слияние политического и националистического терроризма с общеуголовной преступностью, существование своеобразного уголовного терроризма. Такое слияние осуществляется на основе общих интересов структур экстремистского толка и организованной экономической преступности.

Осуществление террористической деятельности предполагает и особенности ее организации. При этом современные террористы используют опыт как российских революционеров XIX-XX столетий, так и существующих шпионских резидентур. Члены параллельно действующих террористических ячеек, как правило, не знают друг друга, беспрекословно подчиняются своему непосредственному руководителю, который имеет право жестоко наказать и даже казнить тех из своих подчиненных, которые сеют панику или вносят раскол в их ряды.

Существующие на Северном Кавказе России террористические организации, наряду с боевиками, включают «легально» действующих участников. Последние максимально отдалены от криминальной деятельности. Они обязаны быть формально законопослушными, обладать достаточно высоким интеллектом, решать задачи по созданию дошкольных и учебных заведений с исламским уклоном, изданию соответствующей литературы, регистрации общественных организаций и благотворительных фондов, осуществлению «правозащитной» деятельности, установлению контактов с исламскими организациями России и других стран.

Боевики же, наоборот, полностью отключены от общественной, легальной деятельности. Вступая в ряды террористической группы, они принимают присягу на верность своему руководителю.

Организация террористической деятельности включает также создание незаконных вооруженных формирований (преступных групп и сообществ) для осуществления террористических актов, вербовку, вооружение и использование террористов; планирование и подготовку совершения террористических актов, их разнообразное ресурсное обеспечение.

Наряду с кадровым обеспечением, организация террористической деятельности предполагает приобретение и использование значи-

тельных финансовых средств. Источниками их получения чаще всего являются международные и зарубежные террористические организации. Кроме того, значительные суммы денег террористы получают от совершения преступлений: незаконного оборота наркотиков и оружия, похищения людей, рэкета физических и юридических лиц, имеющих теневые доходы, в том числе чиновников, причастных к незаконному присвоению бюджетных средств.

Криминологическая характеристика терроризма немыслима без уяснения особенностей личности террориста, знание которых является первейшим условием выявления соответствующих лиц, постановки их на оперативный учет, осуществления индивидуальной профилактической работы, успешного проведения контртеррористических операций.

Как свидетельствуют результаты исследования, террористами становятся, как правило, мужчины молодого (до 30 лет) либо зрелого (от 30 до 50 лет) возраста, недостаточно образованные (лишь 54,3 % из них имели среднее образование), зачастую (около 70 %) не имеющие постоянного источника доходов. Достаточно высока среди них доля бывших спортсменов, а также в прошлом военнослужащих – участников боевых действий при ликвидации межнациональных и иных конфликтов.

Личности террориста присущи черты насильственного преступника с эгоистически превалярованием собственного значения, с пренебрежением к иным людям, их правам и законным интересам. Мотивами их поведения, наряду с политическими и националистическими побуждениями, служат корысть, месть, несогласие с политическими решениями, общепризнанными духовными установлениями общества, экономическая и политическая конкуренция, а в отдельных случаях – даже молодежная романтика, самоутверждение.

В последние годы цивилизованное общество все чаще сталкивается с террористами-смертниками, которые готовятся в специальных лагерях, где подвергаются глубокой психологической обработке. В результате эти люди не понимают, какой цели они добиваются, согласившись стать живой бомбой, действуют как зомби, не размышляя о причине и последствиях своих поступков.

На формирование личности современного политического террориста немаловажное влияние может оказать разработанный Сергеем Нечаевым еще в XIX в. так называемый «катехизис революционера». В соответствии с ним революционер (а по существу – террорист) – человек обреченный, без своих интересов, чувств, дел, привязанностей, собственности и даже имени. Все в нем подчинено единой мысли, единой страсти – революции. Он не на

словах, а на деле разорвал всякую связь с гражданским порядком и со всем образованным миром, со всеми законами, приличиями, общепринятыми условиями, нравственностью этого мира. Он презирает общественное мнение. Нравственно для него все, что способствует торжеству революции.

Значительная часть террористов (до 40%) ранее совершали преступления, являлись членами организованных преступных формирований. Зачастую им присущ религиозный либо националистический фанатизм. Этой категории преступников также свойственны постоянное озлобление, готовность к насилию, решительность в действиях, преданность интересам преступной группировки, враждебность к иным лицам, отсутствие каких-либо сомнений в правильности своего поведения и колебаний в его осуществлении. Не случайно многие привлеченные к уголовной ответственности террористы (около 13%) не сожалеют о содеянном. Этот показатель для «бытовых» убийц составляет лишь 8%.

Все эти черты характеризуют личность террориста как особо опасного преступника, определяют специфику работы правоохранительных органов при проведении контртеррористических операций, необходимость решительных, стремительных действий в ее завершающей фазе.

Обобщение основных криминологических характеристик терроризма позволяет достаточно полно раскрыть его сущность. При этом представляется вполне обоснованным следующее определение терроризма. Терроризм как социальное явление – это публично совершаемые общеопасные действия или угрозы таковыми, направленные на устрашение населения или социальных групп, в целях прямого или косвенного воздействия на принятие в интересах террористов какого-либо решения или отказ от него. В этом определении четко прослеживаются такие криминологические особенности терроризма, как его общая опасность, публичный характер исполнения, преднамеренное создание обстановки страха, применение насилия и психологического воздействия в целях склонения власти к определенному поведению.

Существование и развитие терроризма определяются в значительной мере общими причинами преступности – противоречиями, существующими в различных сферах жизни общества. Так, к подобного рода противоречиям политического характера относятся: обострение политической борьбы различных партий и движений, отсутствие цивилизованного опыта ее проведения; обострение межнациональных отношений, проповедь национальной исключительности и превосходства, разжи-

гание национальной и религиозной вражды; требования национальной независимости отдельных народов, входящих в состав единого государства; разрыв между провозглашенными демократическими принципами и их реальным осуществлением; отсутствие тесной взаимосвязи центра государства с его регионами, отчуждение власти от населения, неэффективность политических преобразований; глубокое размежевание общества с формированием социальных слоев и групп с противоположными интересами.

Противоречиями экономического характера, причинно связанными с терроризмом, являются: расслоение населения по уровню жизни; инфляционные процессы; общий кризис экономики, ее криминализация.

К противоречиям в сфере социальных отношений, духовной жизни следует отнести: нерешенность социальных (в том числе национальных и религиозных) проблем, вызывающую взаимную этническую неприязнь, вражду, ненависть, исключаящую компромисс; возникновение межнациональных конфликтов, переходящих в военные действия, в рамках которых терроризм становится частью последних; существование нелегальных общественных организаций, наделяющих себя правом вырабатывать «единственно верные» постулаты; наличие исторических традиций использования терроризма как якобы эффективного средства социальных преобразований; отсутствие эффективной системы социальных гарантий населения и резкое снижение его социальной защищенности; снижение духовных, нравственных, моральных устоев общества, культурного уровня и правосознания населения; широкую пропаганду культа жестокости и насилия средствами массовой информации и, более того, их превращение в своего рода «оружие массового поражения».

Общемировой причиной терроризма, проявляющей себя и в современной России, является одновременное существование в мире стран и социальных групп, резко отличающихся по уровню материального благосостояния, культуры и в целом цивилизации от своих ближних и далеких соседей, диктующих свою волю другим народам и государствам.

Отмеченные разнообразные детерминанты терроризма проявляют себя при наличии достаточно широкого круга лиц, групп, течений, не соглашающихся с существующей в конкретном государстве системой организации общественной жизни, желающих изменить ее в нужном для них направлении в сжатые сроки без приложения значительных усилий.

Наряду с указанными выше общими причинами, можно выделить и ряд факторов, играющих роль условий, способствующих проявлению

в обществе терроризма. В качестве таких являются: ослабление государственной власти, ее институтов, правоохранительных органов, недостатки в их деятельности; открытость государственных границ и проникновение в страну зарубежных террористов; недостатки правового механизма предупреждения и пресечения терроризма, отсутствие жесткости при его реализации; наличие в обществе значительного числа лиц, являющихся фактическим резервом для террористических структур (бывшие военнослужащие и сотрудники спецслужб, участники организованных преступных формирований, в том числе наемники и профессиональные убийцы); ослабление контроля за оборотом оружия, взрывчатых веществ и общеполитических материалов; издержки работы СМИ и в целом воспитания населения.

Предупреждение терроризма, как и противодействие ему в целом, в настоящее время базируется на определенных законом принципах: обеспечения и защиты основных прав и свобод человека и гражданина; законности; сотрудничества государства с общественными и религиозными объединениями, международными и иными организациями, гражданами; приоритета защиты прав и законных интересов лиц, подвергающихся террористической опасности; системности и комплексного использования социально-экономических, политических, информационно-пропагандистских, правовых, специальных и иных мер; приоритета мер предупреждения терроризма; минимизации и (или) ликвидации его последствий; соразмерности применяемых мер степени террористической опасности; сочетания гласных и негласных мер; конфиденциальности сведений о специальных средствах, технических приемах, тактике осуществления мероприятий по борьбе с терроризмом, а также о составе их участников; недопустимости политических уступок террористам и неотвратимости их наказания за осуществление террористической деятельности; единоначалия в руководстве привлекаемыми силами и средствами при проведении контртеррористических операций [4].

Выявление и устранение основных причин терроризма, снижение их негативного влияния на общество лежит в основе осуществляемого в рамках противодействия терроризму общего предупреждения террористической деятельности. В целом такое предупреждение, требующее колоссальных материальных, людских, временных ресурсов, включает меры по стабилизации всех сторон жизни общества, устранению в нем конфликтности, привитию гражданам положительных ценностных ориентаций, созданию для них жизненной перспективы.

Значительно легче реализовать меры специально-криминологического предупреждения

терроризма, направленные в основном на устранение условий, способствующих этой преступной деятельности. Данные меры, базирующиеся на мониторинге криминогенной ситуации, включают: выявление и последующее устранение конкретных причин и условий, способствующих терроризму; постоянную анти-террористическую пропаганду; противодействие процессам, создающим почву для совершения террористических действий, в том числе осуществление контроля за националистической, фундаменталистской, экстремистской средой, за информацией, представляющей интерес для террористов, за хранением оружия, взрывчатых веществ и материалов повышенной опасности, охрану режимных объектов; поддержание в постоянной готовности ведомственных систем противодействия терроризму, создание единого для них банка данных, их материально-техническое, финансовое, организационное обеспечение; предотвращение замышляемых и пресечение совершаемых актов террористической деятельности; психологическую и виктимологическую подготовку населения и его инструктаж о поведении в условиях совершения террористических действий и их ликвидации; подготовку и проведение контртеррористических операций.

Реализация специально-криминологических мер предупреждения терроризма возложена на всю систему правоохранительных органов России. Однако основную роль в их осуществлении играют органы ФСБ и внутренних дел, действующие под руководством специально созданных Национального антитеррористического комитета и региональных комиссий по противодействию терроризму.

Особое значение в предупреждении терроризма имеет выявление органами внутренних дел причин и условий, способствующих совершению этого преступления, принятие в пределах своей компетенции мер по их устранению. На основе мониторинга оперативной обстановки и анализа информации сотрудники органов внутренних дел выявляют существующие террористические группы, принимают меры по их разоблачению, задержанию участников этих групп как на этапах подготовки преступлений, так и в процессе проведения антитеррористических операций и пресечения преступлений. Постоянной задачей сотрудников органов внутренних дел являются правовая пропаганда и информирование населения о правилах поведения в ситуациях, складывающихся в результате совершения актов терроризма, а также предупреждение преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия, наркотических средств. К числу предупредительных мер также относятся выявление и перекрытие органом внутренних дел каналов финансирования тер-

роризма, проверка финансово-хозяйственной деятельности лиц, в отношении которых имеется информация о причастности к финансированию терроризма. Немаловажное профилактическое значение имеет и участие сотрудников органов внутренних дел в проведении предполетного и послеполетного досмотров пассажиров, багажа, бортовых запасов воздушного судна, грузов и почты.

Наряду с отмеченными мерами общего и специально-криминологического предупреждения, противодействие терроризму осуществляется в результате непосредственной борьбы с ним, включающей:

а) выявление замышляемых и пресечение совершаемых террористических актов, их раскрытие и расследование;

б) обезвреживание террористов, обеспечение безопасности физических лиц, организаций и учреждений, достигаемые в результате проведения контртеррористических операций – комплекса специальных,

оперативно-боевых, войсковых и иных мероприятий с применением боевой техники, оружия и специальных средств;

в) минимизацию и (или) ликвидацию последствий проявления терроризма.

Противодействие терроризму, осуществляемое на основе указанных принципов и мер, направлено на обеспечение безопасности граждан, общества и государства от разнообразных угроз террористического характера, а в целом на обеспечение национальной безопасности страны

1. Пункты 36-37 стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г., утвержденной Указом Президента Российской Федерации № 537 от 12 мая 2009 г. (СЗ РФ. 18 мая 2009 г. № 20. Ст. 2444).

2. Ст. 3 Федерального закона Российской Федерации от 06.03.2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» (СЗ РФ. 2006 г. № 11. Ст. 114).

3. Тенденции преступности, ее организованности. Закон и опыт борьбы с терроризмом / Под ред. А.И. Долговой. М.: Российская криминологическая ассоциация. 2006. С. 50.

4. Ст. 2 Федерального закона Российской Федерации от 06.03.2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» (СЗ РФ. 2006 г. № 11. Ст. 114).

1. Points of 36-37 strategy of national security of the Russian Federation till 2020, President of the Russian Federation No 537 approved by the Decree of May 12, 2009 (SZ Russian Federation. On May 18, 2009 No 20. Art. 2444).

2. Art. 3 of the Federal law of the Russian Federation of 06.03.2006 No 35-FZ "About counterac-

tion to terrorism" (SZ Russian Federation. 2006 No 11. Art. 114).

3. *Tendencies of crime, its organization. The law and experience of fight against terrorism / Under the editorship of A.I. Dolgova. M.: Russian criminological association. 2006. P. 50.*

4. Art. 2 of the Federal law of the Russian Federation of 06.03.2006 No 35-FZ "About counteraction to terrorism" (SZ Russian Federation. 2006 No 11. Art. 114).

Пономарев Евгений Георгиевич

доктор юридических наук,
профессор кафедры теории и истории государства и права
Северо-Кавказского федерального университета
(тел.: 89624018364)

Коррупция в России: истoki и условия преодоления

В статье рассмотрены наиболее значимые проблемы, обуславливающие коррупционность, без решения которых прогресс общества станет невозможным.

Ключевые слова: коррупция, причины коррупции, взяточничество, злоупотребление властью.

E.G. Ponomarev, Doctor of law, professor of the chair of theory and history of state and law of North Caucasian Federal University; tel.: 89624018364.

Corruption in Russia: origins and conditions of overcoming

So the relevance of this problem are evident, consequently, subject of the article was chosen because corruptibility is one of the biggest problems has always without a cardinal solution, which is impossible progress to society.

Key words: corruption, causes of corruption, bribery, abuse of authority.

Все попытки обратиться к сознанию человека в контексте борьбы с коррупцией, его совести, разуму, стыду, наконец, как показывает тысячелетняя практика, обречены на провал. Восьмая заповедь Закона Божьего «Не воруй!» две тысячи лет обращена к человеку и человечеству. Говорить однозначно о положительном результате мы, к сожалению, не можем не только в современной России, но и практически во многих странах мира. Коррупция, мздоимство, взяточничество, казнокрадство – эти и другие понятия, характеризующие вороватых чиновников разного уровня власти, прочно вошли в реалии российской государственности и имеют свои исторические истоки.

Французские передовые мыслители конца XVIII – начала XIX вв. обратились к человеку с благородной идеей спасения общества: «Нужно лишь объяснить людям, как жить лучше, и они будут жить лучше и счастливее». Как ясно и просто! Только вот на деле во все времена люди не хотели и не умели жить лучше. Так суровая правда жизни разрушила мечты философов-гуманистов. Этим они вошли в историю человеческой мысли под именем утопистов, то есть беспочвенных мечтателей.

Самоограничение противоречит самой сути человека, который не может сам себя изменить без серьезной мотивации, а она, в конечном итоге, должна быть выгодна самому человеку.

Взывать же к сознанию, совести человека, на наш взгляд, абсолютно бесполезно и бесперспективно. В этом смысле значительно более уместно и здраво звучал лозунг Н.И. Бухарина, обращенный к крестьянству в конце двадцатых годов прошлого столетия: «Обогащайтесь!» Этот лозунг был понятен каждому жителю страны Советов, даже неграмотному, но противоречил большевистским идеям строительства социализма и поэтому не был реализован.

Может ли человек отказать себе в удовольствии не воровать, не брать чужого, не пытаться улучшить свое материальное положение за счет другого?! Что для этого нужно сделать? Объяснять? Просить? Воспитывать? Стращать и наказывать, наконец? То есть попытаться изменить самого человека? По нашему убеждению, за последние 10-20 тыс. лет по сути своей человек не изменился, и меняться не собирается. Разве что хочет жить все лучше и лучше, окружая себя материальными благами и комфортом. Значит, нужно попытаться изменить условия, возможности, границы и законы, регулирующие и определяющие поведение людей. Это возможно, но, на наш взгляд, не очень просто и быстро. Рецидив имеет слишком продолжительную историю.

В современной России отношение к коррупции и мздоимству особое. По оценкам разных источников, взяточоборот в стране сравним с

ВВП. По данным Wikileaks, эта сумма достигает 300 млрд долларов США в год. Как показывает статистика, около 20-30 % опрошенных россиян относятся к взяткам с пониманием. Это имеет глубокие исторические корни.

Российская государственность и формирование государства исторически строились на своеобразной основе финансового содержания государственного аппарата. Князь в оплату за службу старшим дружинникам и всем, кто помогал ему в управлении княжеством, то есть своей служивой бюрократии, платил не фиксированное денежное жалованье, а выделял землю, крестьян, которые «кормили» древнерусского государственного чиновника. Система кормления просуществовала на Руси более полутысячи лет. Она официально была отменена только Иваном IV в середине XVI в.

Таким образом, мировоззрение, психология, менталитет российской бюрократии формировались в условиях, когда они сами содержали себя за счет подвластного населения: собирали налоги в пользу князя, а затем государя, совершенно официально оставляя себе часть (в силу возможностей, своего понимания или жадности). А понимание у каждого было разным, поскольку человек слаб и часто свой карман перевешивал царский и государственный. Почувствовав этот беспредел чиновников, Иван IV впервые в истории российского права в Судебнике 1550 г. ввел статью, предусматривающую наказание чиновника за взятки.

Проходили столетия, однако общий принцип кормления государственных служащих от своего места службы продолжался и в Российской Империи и при Советской власти. С пониманием к этому относились все: и на верху, и на самом низу. Разве что проблема была в одном – чувстве меры. Дабы упорядочить статус и полномочия государственных чиновников, Петр I принял «Табель о рангах», где определялись 14 рангов прохождения государственной службы не по родовитости, а по уму и заслугам. Очевидно отсюда – осуждение взяток в российском обществе приобрело своеобразный характер: «Плохи не те, кто взятки берет, а те, кто меры не знает». Среди отечественных бюрократов осуждение коллег-мздоимцев заключалось в формулировке «не по чину берешь!»

Особенности российской государственности предусматривали прямую связь понятий: власть – богатство. Государственная должность приносила достаток, а ее потеря лишала

не только власти, но и материального благополучия. XVI – XIX вв. – время становления и расцвета Российского государства – сопровождалось тотальной коррупцией. Николай I в обращении к своему сыну (будущему императору Александру II) говорил: «Мне кажется, что во всей России только ты да я не ворую». На вопрос «Что нового в России?» во все времена актуален ответ великого русского историка Н.М. Карамзина: «Воруют».

Как ни парадоксально, но негативное отношение к коррупции со стороны высших государственных чиновников России осуждалось не только их окружением, но и оставил уничтожительно-отрицательный след в исторической памяти русского народа. Честный, порядочный, принципиальный борец с казнокрадами и мздоимцами А.А. Аракчеев вошел в отечественную историю как гонитель всего прогрессивного, а период его правления и сама фамилия стали синонимом реакции, консерватизма и социального негатива – «аракчеевщина».

Да и в советское время большевики с пониманием относились к мелким подношениям. На предложение Сталина повысить зарплату советским служащим он ответил: «Хорошего учителя, врача и попа народ сам прокормит».

Действительно, даже поверхностный взгляд на историю свидетельствует, что борьба с коррупцией в современной России будет непростой. И дело здесь не в национальной русской беде – вороватости, не в человеке – хорошем, честном или плохом, корыстном, а в условиях, которые определяют возможности и среду деятельности того или иного чиновника. Таким образом, еще раз хочется подчеркнуть, что необходимо менять не человека, а условия, ограничивающие или допускающие «свободу коррупции».

Чтобы добиться реального положительного результата, на наш взгляд, нужно менять общие принципы и саму основу власти и государственного управления, способствующие коррупции или ограничивающие ее до невозможности.

Российское право в своем формировании пошло по пути романо-германской правовой системы. Ее основополагающим принципом является разрешительный подход к регулированию не только общесоциальных, но и частных отношений. Это означает, что регулирующее и надзирающее присутствие государства посредством своих чиновников охватывает все сферы человеческой жизни и деятельности.

Действительно, начиная с рождения гражданина, и через все этапы его жизни, кончая смертью, он вынужден получать разрешения и согласовывать свои действия с государством. Это происходит не только в сфере производства и общественных отношений, но и в частной жизни.

Вся наша жизнь протекает под надзором государственных чиновников, с их согласия и разрешения, а нередко и несогласия, и неразрешения. Таким образом, чиновники разного ранга, во многом определяющие жизнь обывателя, становятся чуть ли не главной фигурой, от которой, на переломных этапах, без преувеличения, зависит судьба человека. Кстати, судьба «маленького человека» в «серой шине-ли», задавленного чиновниками и государством, нашла блестящее отражение в русской классической литературе.

Одно из самых бюрократических государств XIX в. – Российская Империя – насчитывало около восьмисот тысяч чиновников. Современная Россия XXI в. обновляющаяся, демократизирующаяся, формирующая рыночную экономику, поставившая перед собой задачи строительства правового государства и гражданского общества, несет на своих плечах значительно больше чиновников федерального и местного масштабов. Их численность даже в период финансового кризиса продолжает увеличиваться. Причем, даже более значительными темпами. Каждый из них, «неся бремя ответственности» перед государством, стремится поруководить, то есть разрешить или не разрешить что-либо гражданам в силу своей компетентности. Но, к сожалению, количество чиновников увеличивается, а население России уменьшается с каждым годом. Таким образом, на каждого из нас, их приходится все больше и больше. То, что по Конституции РФ, наше государство является социальным, т.е. главная и основная задача его, а, следовательно, и его чиновников – это забота о благе человека, их, похоже, не очень интересует.

Вспомните хотя бы одну из здравых инициатив муниципальных властей, которая называется «одно окно», то есть общение гражданина с властью, с государственными чиновниками, должно носить обезличенный анонимный характер. Поэтому коррупционная возможность резко ограничивается. Но, как всегда, здравая идея хоронится в пассивном саботаже сплоченного клана чиновников. Как тут не вспомнить знатока российских нравов и изворотливой натуры бюрократа М.Е. Салтыкова-

Щедрина: «Строгость российских законов смягчается необязательностью их исполнения».

Современное российское законодательство жестко и однозначно квалифицирует и определяет уголовное преследование за коррупционные действия. УК РФ в ст. 285, 290, 291 и ряде других коррупционные преступления относит к общественно опасным деяниям, преследуемым по закону.

В 2012 г. в российском обществе практически незаметно прошел 20-летний юбилей, касающийся нашей проблемы. В апреле 1992 г. Президент РФ Б. Ельцин издал указ «О борьбе с коррупцией в системе государственной службы», который в условиях формирующейся рыночной экономики запрещал государственным чиновникам заниматься коммерческой деятельностью. В год юбилея мы можем подвести предварительные итоги. Государственные мужи столь рьяно «исполняли» этот указ, что за двадцать лет их капиталы, нажитые на службе Отечеству, сделались столь весомыми, что национальные банки стали уже малы для их обслуживания. Государственная Дума РФ, очевидно, в сентябре-октябре 2012 г. под давлением общественного мнения вынуждена будет во втором чтении обсуждать проект антикоррупционного закона о запрете чиновникам и их ближайшим родственникам открывать счета в иностранных банках и покупать недвижимость за границей. На наш взгляд, это следствие того, что в России проблема мздоимства приобрела за эти годы иные масштабы и требует принятия качественно иных правовых решений. Госслужащие не только высших эшелонов власти, но и «средней руки», не стесняясь, открыто на глазах всего общества готовят себе пути к отступлению и комфортному проживанию в теплых странах. Именно поэтому многие из них определили своих детей на учебу в престижные вузы Европы и США (что также предусматривается пресечь новым законопроектом).

На решение проблемы взяточничества некоторым странам, например Сингапuru, понадобилось всего несколько лет. У нас же на это уже ушло два десятка. Давайте попытаемся вспомнить основные вехи истории этой безуспешной борьбы.

После принятия упомянутого указа Президента РФ Б. Ельцина в Верховном Совете России был подготовлен закон «О борьбе с коррупцией», но не он, не Госдума РФ и Совет Федерации РФ за 10 лет так и не смогли найти

компромиссное решение принятия этого закона. В 2001 г. потерпел фиаско и проект закона «О противодействии коррупции». Одним из немногих положительных результатов, по нашему мнению, можно назвать указ в мае 1997 г. Президента РФ № 484, который обязывал чиновников ежегодно предоставлять декларации о доходах и имуществе, а также работающую более 10 лет антикоррупционную комиссию по экспертизу проектов законов, вносимых на рассмотрение Госдумы РФ.

В 2002 г. Президент РФ В. Путин в своем указе сформулировал принципы служебного поведения государственных служащих. В следующем г. он создал совет по борьбе с коррупцией, который в 2007 г. упразднил как бездействующий. Примечательно, что в 2008 г. новый Президент Д. Медведев сформировал свой совет. В декабре 2008 г. Госдума РФ наконец-то приняла закон «О противодействии коррупции», где дано четкое определение этому антисоциальному явлению, устанавливался более жесткий контроль за финансовым состоянием чиновников. Наряду с этим, более чем в 30 действующих федеральных законов внесены антикоррупционные поправки.

В апреле 2011 г. Госдума РФ внесла изменения в УК РФ, предусматривающие кратные штрафы за дачу, получение и посредничество взяток. Принятие Думой РФ поправок, противодействующих коррупции, в ряд законов позволяет теперь увольнять госчиновников в связи «утратой доверия», за непредоставление или недостоверные данные о доходах и т.п.

С середины 2000-х гг. началась ратификация ряда международных антикоррупционных документов, что должно демонстрировать мировому сообществу намерения политической власти, так как в 2011 г. рейтинг России по уровню коррупции среди 182 стран занял 143-151 места (данные Transparency International). Это Конвенция ООН против коррупции (2006), Конвенция Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию (2006), Конвенция ОЭСР о подкупе иностранных должностных лиц (2012).

Вот такая получилась «краткая история» борьбы с коррупцией в постсоветской России. Современное ее состояние, масштабы, формы и особенности, на наш взгляд, могут составить самостоятельный предмет исследования. В то же время для нас понятно, что дать точную и объективную оценку этого явления крайне затруднительно. Очевидно: значительно боль-

шая часть коррупционных проявлений, как у айсберга, находится вне зоны видимости и досягаемости. Но то, что это зло оценивается как порог национальной катастрофы, звучало и звучит в оценках президентов России, ответственных и иностранных политиков, специалистов, да и в массовом сознании граждан. В докладе «Коррупция в России: 2011» со ссылкой на департамент экономической безопасности МВД РФ средний размер взятки на июль 2011 г. составил 300 тыс. руб., что в 7 (!) раз выше прошлогоднего. Напрашивается вывод: брать страшно, поэтому берут по-крупному. Взятничество уже давно стало реальным тормозом модернизации и развития национальной экономики.

12 января 2004 г. на заседании Совета при президенте по борьбе с коррупцией В. Путин констатировал: «Как вы знаете, власть в России неоднократно и громко заявляла о необходимости борьбы с коррупцией, разрабатывались целые программы, делались отдельные, достаточно жесткие шаги, но прямо нужно сказать: большого эффекта они, к сожалению, не дали». Будучи еще Президентом, Д. Медведев 13 января 2011 г. на заседании по противодействию коррупции подвел промежуточные итоги: «Успехов в борьбе с коррупцией в России пока мало».

Падение доверия к чиновнику, а, следовательно, к российскому государству можно оценить как реальную угрозу самой государственности. Согласно данным Аналитического Центра Юрия Левады (Левада-Центр), по итогам опроса российского населения, проведенного 21-24 января 2011 г., 80 % считают коррупцию одной из основных проблем нашей страны; степень доверия и одобрения гражданами России деятельности своего правительства упала с 54 % за январь 2010 г. до 50 % за январь 2011 г. В «самой счастливой стране мира» 2010 г. Дании, по сведениям кампании Gallup, кредит доверия датчан органам власти и государственным структурам достигает 98 %. Там интересы личности ставят выше государственных: не датский гражданин служит бюрократии, а наоборот.

Очевидно, необходимо менять не человека, облеченного властью, а условия, ограничивающие или допускающие «свободу коррупции», т.е. ставить чиновника в условия, исключающие возможность получения любого вознаграждения (помимо официального) за исполнение им своих служебных обязанностей.

Чтобы добиться реального положительного результата, на наш взгляд, нужно менять общие принципы и саму основу власти и государственного управления, допускающего возможность получения взятки. Как это не парадоксально прозвучит, нужно резко уменьшить полномочия и властные функции миллионной армии чиновников в целом и каждого бюрократа в отдельности.

По нашему убеждению, одним из кардинальных путей решения проблемы коррупции могло бы стать постепенное изменение самой природы национальной правовой системы России в сторону использования принципов англосаксонской. Основной ее принцип в реализации интересов и прав граждан - уведомительный. Он функционирует как бы автоматически, без участия чиновников, на основе действующего законодательства и традиций обычного права. Попросту говоря: реализуя

свои права, дееспособный гражданин не испрашивает разрешения у государственного чиновника, а уведомляет его о своих намерениях и действиях в целях регистрации и осуществления государственного контроля.

В этой ситуации бюрократ становится обыкновенным статистом, который помогает, а не мешает гражданину реализовывать свои права. Кроме того, повышение правосознания россиян, их участие в создании гражданского общества невозможно без того, чтобы государство не предоставило им возможность самим распоряжаться своими правами. Отсюда следует основное направление борьбы с коррупцией, в котором мы убеждены, – резкое сокращение в разы аппарата государственного управления всех уровней сверху донизу и развитие местного самоуправления. Только зрелое гражданское общество способно победить коррупцию.

Щербакова Людмила Михайловна

доктор юридических наук, доцент,
 профессор кафедры уголовного права и процесса
 Северо-Кавказского федерального университета
 (тел.: 88612581676)

Проблемы оптимизации криминологических исследований

Статья раскрывает значение криминологических исследований как в накоплении новых научных знаний в сфере предупреждения преступности в современном обществе, так и для выработки эффективных рекомендаций для юридической практики.

Ключевые слова: преступность, криминальная ситуация, методы познания, системный, социокриминологический подход, ущерб от преступлений экономической направленности.

L.M. Shcherbakova, Doctor of law, associate professor, professor the chair of criminal law and procedure North-Caucasian Federal University; tel.: 88612581676.

Optimisation problems in criminal sciences

The article explains the meaning of criminological research in of accumulation of new scientific knowledge in the field of crime prevention in modern society, and to develop recommendations for the effective practice of law.

Key words: crime, criminal situation, the methods in the knowledge, system, sotsio-criminology approach, damage from crimes economic orientation.

Анализ современных криминологических исследований показывает, что одним из методов познания выступает категориальный аппарат, когда термины и понятия являются главным инструментарием. Для характеристики криминальных процессов используются самые разнообразные смысловые понятия и термины. Вместе с тем, многообразие определений одного и того же явления, наполнение одних и тех же понятий различным содержанием существенно влияют на эффективность криминологических исследований и размывают предмет и границы исследования. Более того, в учебниках по криминологии (как отечественных, так и зарубежных) обычно приводятся лишь рабочие гипотезы, касающиеся различных криминологических явлений и процессов, но отсутствуют точная терминология, реальные криминологические теории.

В определенной мере объяснить это можно тем, что «познание и оценка преступности – серьезная проблема, прежде всего, в силу сложности самого явления, трудностей операционализации его определения» [1], а также традиционно описательными подходами, принятыми в классической криминологии.

Как правильно отмечают Ю.Е. Аврутин и Я.И. Гишинский, «сложность глубинного, сущностного определения преступности как обособленного, четко отграниченного от других социальных процессов явления носит объективный характер и обусловлена ее исторической относи-

тельностью, изменчивостью, качественной неоднородностью деяний, признаваемых преступными в том или ином обществе» [2].

Изучение различных взглядов относительно понимания феномена преступности в криминологической литературе советского и постсоветского периода из множественности подходов к ее решению, позволяет выделить два основных:

1) определения преступности на основе формальных признаков преступления в целях ее дальнейшей количественно-качественной интерпретации;

2) сущностно-содержательные определения, в целях исследования преступности как относительно обособленной социальной системы (подсистемы), обладающей свойствами самодетерминации и самовоспроизводства.

Сторонники первого подхода, как правило, воспроизводят тезис криминологов эпохи возрождения данной науки, согласно которому при исследовании преступности подлежат изучению ее состояние, структура и динамика. Однако при состоянии, зачастую, имеется в виду только совокупность преступлений, динамика отрывается от состояния, а термин «структура» часто не разъясняется, не конкретизируются критерии выделения подструктур. Доминирует подход к преступности как конкретной («в данном регионе», «на данной территории») статистической (совокупность отдельных (единичных) преступных актов), зафиксированной в определенных количественных показателях

категории. В этом случае предметом исследования служит сама по себе совокупность преступлений и из анализа характерных черт этой совокупности делаются попытки установить закономерности (причины, условия) возникновения преступности и тенденции ее развития.

Второе направление впитывает в себя традиции позитивистской школы криминологии и предполагает проведение эмпирических исследований, углубленное изучение лица, совершившего преступление, условий их социализации и т.д. Этот подход заключается в том, что преступность изучается не сама по себе, а как результат состояния самого общества – тех структур, из которых общество складывается (статистические элементы общества, обеспечивающие его устойчивость), и тех процессов, которые в обществе протекают (динамика общественного развития). Как утверждает А.М. Яковлев, социокриминологический подход предполагает выяснение того, как функционируют общественные структуры, каковы общественные процессы, как они влияют на преступность, что позволяет понять и оценить преступность не «саму по себе», а как результат (функцию) соответствующих структур и процессов [3].

В этой связи заслуживает внимания точка зрения Д.А. Шестакова: «Система преступности вплетена в жизнь общества в виде триады «О-П-О» («общество – преступность – общество»). С одной стороны, общество, извечная его дисгармония являются питательной почвой для преступности, с другой – преступность оказывает влияние на общество, нанося ему ущерб» [4].

Ущерб от преступности весьма значительный. Так, по данным МВД России, в 2005 г. ущерб от преступлений только экономической направленности, выявленных правоохранительными органами, составил 1 399,6 млрд рублей, или примерно 49 млрд долларов. В 2009 г. материальный ущерб от преступлений экономической направленности по оконченным уголовным делам составил 1 трл 75 млрд 675 млн 295 тыс. рублей. Это составляет 93,8 % от суммы ущерба от всех зарегистрированных преступлений по оконченным уголовным делам [5]. С учетом латентности этого вида преступлений можно сказать, что выявляется как минимум только каждое десятое деяние (значит, в целом ущерб от этого вида преступлений будет в десять раз больше).

Ущерб от мошенничества в предпринимательстве может оцениваться в пределах 100 млрд долларов в год [6]. Ущерб от коррупции составляет 240 млрд долларов в год – такую цифру назвал в ноябре 2006 г. первый заместитель Генерального прокурора РФ А.Э. Буксман [7]. Фонд ИНДЕМ (Г.А. Сатаров) в

2005 г. дал чуть большую оценку – 319 млрд долларов в год [8].

Подход Д.А. Шестакова к данной научной проблеме весьма продуктивен, т.к. не только связан с оценкой преступности как социальной системы, но и стимулирует поиск природы преступности в свойствах социума.

А.И. Долгова, последовательная сторонница системного анализа преступности и социума, в своей работе «Криминальная ситуация в России: оценка изменений» [9] указывает, что исследование, анализ преступности – это единство познания и оценки. В процессе познания исследователь получает фактические данные о такой преступности, как бы ее «фотографию». Правда, речь идет о специфической фотографии, отраженной в системе показателей (общее количество зарегистрированных преступлений, организованных групп, выявленных преступников, мотивов их поведения и т.д.). При оценке криминальной ситуации решаются задачи выявления фактического, а отнюдь не статистического положения дел.

По ее мнению, появление понятия «криминальная ситуация» продиктовано необходимостью иметь в виду комплекс криминологически значимых обстоятельств:

оценку реальной (а не только зарегистрированной) преступности;

изменение форм общественно опасного поведения лиц, совершающих или совершавших преступления, преступных формирований, и реагирование на них, в том числе недостатки криминализации таких новых форм;

просчеты государственного реагирования на преступность, сопровождающиеся, в том числе, процессами криминализации самой правоохранительной системы, органов государственной власти, утратой доверия к государству со стороны населения;

особенности реагирования населения и организаций на преступность в условиях ее эскалации и последствий этого (выделение крупных материальных затрат на укрепление объектов, содержание сотрудников охраны, ведение своеобразных разведки и контрразведки, самостоятельную расправу с виновными, в том числе на наемной основе, требование материального возмещения вреда и т.д.);

более широкие социальные последствия, заключающиеся, например, в широкой пропаганде всесиилия криминального мира, создании инфраструктуры, обслуживающей его интересы, привычки, обычаи поведения, формирования облика «привлекательного и победоносно-го» криминального лидера и т.п.

В статистике отражается далеко не вся преступность, даже просто не все ее проявления (преступления, организованные преступные формирования и др.). Существует латентная,

скрытая ее часть. (По-латински *latens (latentis)* – скрытый, внешне не проявляющийся). Латентной частью преступности, или иногда для краткости «латентной преступностью», называют то множество преступлений, которое не получило отражения в уголовной и судебной статистике.

Информация о некоторой части совершенных преступлений не попадает в официальную статистическую отчетность по ряду причин:

1) жертвы в силу различных причин не хотят или не могут заявить о преступлении;

2) лица, совершившие преступления, по понятным причинам, довольно редко пишут явки по повинной;

3) лица, которым известно о совершении преступления, в силу различных причин не информируют официальные органы;

4) лица, ответственные за регистрацию преступлений, сами укрывают некоторые преступления от учета, например, неочевидные и трудно раскрываемые, чтобы не ухудшать показатели работы отдельных служб органов внутренних дел [10, с. 65-66].

Механизм образования латентной части преступности крайне сложен и многообразен, он различается применительно к видам преступлений. В.В. Лунев справедливо разделяет латентную преступность по механизму образования на три вида: незаявленные преступления, неучтенные преступления и неустановленные преступления, отмечая при этом, что масштабы латентной преступности в точности не известны. Они определяются путем применения различных социологических, статистических и аналитических методик (сравнительный анализ взаимосвязанных показателей уголовной статистики; сопоставление сведений уголовного учета с данными административных и дисциплинарных нарушений, с данными медицинских учреждений об оказании помощи по поводу телесных повреждений, со статистикой жалоб, заявлений, писем граждан в правоохранительные и другие государственные органы; опросы граждан, осужденных и заключенных; экспертные оценки специалистов) [11].

Представление о реальном числе совершенных на данной территории преступлений может быть получено только с помощью статистико-вероятностных методов.

Следует подчеркнуть, что изучая криминологические явления (процессы) исследователи должны стремиться к получению строгих научных результатов. При этом основу научного инструментария должны составлять математические методы исследования, в том числе, методы математического анализа, теории вероятностей и математической статистики, с помощью которых осуществляется поиск истины в различных областях мироздания – уста-

новление физических, биологических, социальных и других законов, закономерностей, тенденций, построение других математических моделей, ведется оптимизация и т.д.

Традиционно используемые в криминологии методы исследований – наблюдение, сравнение, анкетирование, интервьюирование, эксперимент, изучение истории вопроса, анализ прессы, использование первичной статистической отчетности, «мозговой штурм» и т.п. – сами по себе не дают научных результатов, а лишь ведут к накоплению данных, подлежащих соответствующей математической обработке.

Разделяем мнение ученых, которые считают, что преступность – строго закономерное, а, следовательно, объясняемое, прогнозируемое и управляемое социально-правовое явление, вполне поддающееся математической формализации, которая позволяет на основе конкретных эмпирических и теоретических данных устанавливать явные и латентные связи между преступностью и разнообразными физическими, биологическими и социальными явлениями, в большей или меньшей степени связанные между собой. Зная такие связи, можно разработать эффективную систему профилактических мер (правовых, организационных, оперативно-розыскных, следственных, военных), распределения сил и средств правоохранительных органов, нацеленных на минимизацию уровня преступности и ее отдельных структурных составляющих, найти пути оптимизации деятельности органов и лиц, оказывающих противодействие преступности [10, с. 9-10].

В наиболее общем виде криминологическое исследование можно определить как систему логически последовательных методологических, методических и организационно-технических процедур, связанных между собой единой целью: получить достоверные данные об изучаемом явлении или процессе, о тенденциях и противоречиях их развития, чтобы эти данные могли быть использованы на практике в ходе жизни общества.

1. Долгова А.И. *Преступность и общество. Серия: Актуальные вопросы борьбы с преступностью в России и за рубежом. Вып. 3. М., 1992. С. 47.*

2. Аврутин Ю.Е., Гилинский Я.И. *Криминологический анализ преступности в регионе. Л., 1991. С. 224.*

3. Яковлев А.М. *Криминология: социология преступности. Учебное пособие. М., 1996. С. 9.*

4. Шестаков Д.А. *Криминология. Преступность как свойство общества. СПб.: изд-во «Лань», 2001. С. 76.*

5. URL: <http://www.mvd.ru>

6. Бабков Д.В., Быков В.Н. Экономическая безопасность нации и криминальная экономическая деятельность // Тенденции развития государства, права и политики в России и мире: Материалы Третьей международной научно-практической конференции / КФ РПА Минюста России. Редкол.: А.В. Ченцов, А.П. Котельников, Л.И. Потапова. Отв. ред. В.М. Быченков. Калуга: Полиграф-Информ, 2010. С. 49.

7. Российская газета. 2006. 7 нояб. № 4215. Интернет-версия: URL: <http://www.rg.ru/2006/11/07/buksman.html>

8. URL: <http://www.indem.ru>

9. Долгова А.И. Криминальная ситуация в России: оценка изменений // Новая криминальная ситуация: оценка и реагирование. Под ред. профессора А.И. Долговой. М., Российская криминологическая ассоциация, 2009. С. 5-6.

10. Ольков С.Г. Аналитическая криминология (курс лекций): учеб. пособие / С.Г. Ольков. 20е изд., доп. и испр. Казань: Познание, 2008.

11. Криминология: учебник; под ред. В.Н. Кудрявцева и В.Е. Эминова.-2-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2002. С. 125-126; Горяинов К.К. Латентная преступность / К.К. Горяинов, А.П. Исаченко, Л.В. Кондратюк. М., 1994. С. 30-49.

1. Dolgova A.I. *Crime and Society. Series: Issues of Crime in Russia and abroad. Is. 3.* М., 1992. P. 47.

2. Avrutin Yu.E., Gilinsky Ya.I. *Criminological analysis of crime in the region.* L., 1991. P. 224.

3. Yakovlev A.M. *Criminology: the sociology of crime. Training work.* М., 1996. P. 9.

4. Shestakov D.A. *Criminology. Property crime as a society.* SPb.: Publishing House "Lan", 2001. P. 76.

5. URL: <http://www.mvd.ru>

6. Babkov D.V., Bykov V.N. *Economic security of the nation and the crimitional economic activity // Trends in the state, law and politics in Russia and the World: Proceedings of the Third International of scientific and practical conference / CF RPA Russian Ministry of Justice. Editorial board.: A.V. Chentsov, A.P. Kotelnikov, L.I. Potapova. Ed. V.M. Bychenkov. Kaluha: Polygraph- Inform, 2010. - P. 49.*

7. Russian newspaper. 2006. November 7. № 4215. Internet version: URL: <http://www.rg.ru/2006/11/07/buksman.html>

8. URL: <http://www.indem.ru>

9. Dolgova A.I. *Criminal situation in Russia: estimation of changes // New criminal situation: assessment and response. Ed. professor A.I. Dolgova. M., Russian Criminological Association, 2009. P. 5-6.*

10. Olkov S.G. *Analytical Criminology (lectures): studies. work / S.G. Olkov. 20nd ed., ext. and cor. Kazan: Cognition, 2008.*

11. *Criminology: textbook, ed. V.N. Kudryavtsev and V.E. Eminov.-2nd ed., rev. and ad. M.: Yurist, 2002. P. 125-126; Goryainov K.K. Latent crime / K.K. Goryainov, A.P. Isachenko, L.V. Kondratyuk. M., 1994. P. 30-49.*

Сапронов Юрий Викторович
кандидат юридических наук, доцент,
начальник факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров
Краснодарского университета МВД России
(e-mail: sapronov_75@mail.ru)

Предупреждение преступлений на почве этнического, религиозного и политического экстремизма

В статье рассматриваются причины возникновения и вопросы профилактики преступлений на почве этнического, религиозного и политического экстремизма. Предложены пути решения данной проблемы.

Ключевые слова: экстремизм, терроризм, ксенофобия, профилактика преступлений.

Yu.V. Sapronov, Candidate of law, assistant professor, chief of faculty of preparation of scientific and pedagogical and scientific shots of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia; e-mail: sapronov_75@mail.ru

The prevention of crimes because of ethnic, religious and political extremism

The article concerns the origin of crimes based on ethnic, religious and political extremism and problems of their prevention. The author suggests several ways of fighting such crime.

Key words: extremism, terrorism, xenophobia, crime prevention.

Не для кого не секрет, что при рассмотрении особенностей правового регулирования и борьбы с экстремизмом отправной точкой является законодательное определение самого понятия «экстремизм». Это - ключевая для всей антиэкстремистской деятельности задача переходит из области теоретических рассуждений в практическую плоскость. Законодатель до сих пор до конца не определился с понятием экстремизма. В уголовном праве, юридической теории и политическом языке понимание экстремизма весьма неоднозначно. На данный момент существуют три основных взаимосвязанных и взаимообусловленных подхода к данной проблеме, порой противоречащих друг другу.

Все ученые, интересующиеся данной проблемой, сходятся во мнении, что вопрос определения понятия «экстремизма» - одна из серьезнейших проблем, решение которой имеет исключительное значение для эффективной борьбы с этим явлением, ведь именно определение экстремизма позволяет выявить круг общественных отношений, затрагиваемых борьбой с этим явлением, выработать механизмы регулирования этих отношений как правового, так и внеправового характера.

Данное в ст. 1 Федерального закона от 25 июля 2002 г. №114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» [1] определение экстремизма имеет крайне расширительное толкование. Из него видно, что законодатель к

понятию «экстремизм» относит не только пропагандистскую, террористическую и диверсионную деятельность, но и осуществление массовых беспорядков, хулиганских действий и актов вандализма на соответствующей почве. Следовательно, правоприменитель находится в весьма затруднительном положении при квалификации тех или иных противоправных действий в качестве экстремистских, не говоря уже о сложной процедуре доказывания экстремистской деятельности, когда мнения различных экспертов расходятся, и суд не в состоянии принять ту или иную точку зрения за основу. Возникает спорная ситуация, которая в соответствии с принципами нашего законодательства должна быть разрешена в пользу обвиняемого.

Рассматривая этнический, политический и религиозный экстремизм в качестве одних из форм проявления экстремизма, необходимо отметить, что в современной научной литературе, изданной как у нас в стране, так и за рубежом, очень часто наблюдается смешение понятий «экстремизм» и «терроризм». Многие авторы отождествляют их, что видится не совсем верным.

В политическом плане экстремизм выступает против сложившихся социальных структур и политических институтов, пытаясь подорвать их стабильность, ослабить и низвергнуть ради достижения своих целей - как правило силовыми методами. Для этого используются зара-

зительные лозунги и призывы, откровенная демагогия; организуются и провоцируются беспорядки, акты гражданского неповиновения, террористические акции; иногда используются приемы партизанской войны. Лидеры экстремистов обычно отрицают компромиссы, переговоры, соглашения; они не идут на взаимные уступки, следуя принципу «все или ничего».

Однако необходимо отметить, что экстремизм не возникает из ничего. Для возникновения и процветания экстремизма должна быть подготовлена плодородная почва. И такая почва на данный момент имеется на территории России в целом и Северо-Кавказского федерального округа в частности.

Осуществление крупных социальных реформ в СССР и России в конце 80-90 гг. прошлого века привело к значительному снижению совокупного социального статуса привилегированных групп советского общества (часть партбюрократии, военных), а также глубоко затронуло уровень благосостояния средних классов населения. Наблюдается разрыв доходов между бедными и богатыми, когда 80 % населения получают только 20 % всех доходов в стране, заработная плата 80 % россиян ниже средней [2, с. 11]. Несмотря на принимаемые меры, сохраняется высокий уровень смертности, происходит снижение социальных позиций определенных групп российского общества, углубление его социальной дифференциации. Сюда относится и общее обнищание масс на фоне обогащения небольшой группировки собственников, передел собственности, которая еще вчера принадлежала всему народу, а сегодня - нескольким олигархам и высшему чиновничеству. Далее, это «классовые» процессы, когда происходят столкновения между формально законными владельцами предприятий и их коллективами за право владения ими. Все это послужило мощным фактором социальной агрессивности, обострения политического противоборства, нередко приобретающего резко насильственный характер.

К этому нужно добавить, что резкое расслоение общества на богатых и бедных, огромный разрыв между ними, ведет к люмпенизации значительной части населения. В свою очередь, эта прослойка, при условии ее количественного роста, имеет тенденцию сливаться с криминальными элементами, превращается в дестабилизирующую, разрушительную силу, предвидеть масштабы которой невозможно. При этом надо учитывать - идеологами и организаторами экстремистских и террористических группировок и организаций чаще становятся люди образованные, состоятельные, с характерной социальной, культурной и психологической ментальностью. А вот «пушечным мясом» выступают низшие слои социума.

Особенно сильно разбалансированность экономики бьет по молодежи - самой активной части населения. Такой фактор, как массовая безработица, объединяет молодежь в группы, а наличие большого количества свободного времени приводит к тому, что для них участие в делах группы становится основной формой деятельности. В зависимости от личных качеств человека (отсутствие трудолюбия, желание быстро разбогатеть, привлечь к себе внимание хоть на некоторое время, стать популярным в своей среде) обстоятельства могут сделать его, а также других членов группы податливым материалом в руках сторонников экстремистских и террористических организаций.

Многие ученые считают, что основными социальными факторами, усиливающими экстремистскую активность и удобряющими для него почву, служат не исходящие со стороны, а внутренние причины: они - не от «происков внешних врагов», как еще недавно считалось, а от наших собственных неурядиц и проблем, которые мы или загнали вглубь, или не смогли эффективно разрешить. «Основная наша беда - либо негодная политика верховной власти, либо вообще отсутствие таковой - национальной, экономической, военной» [3, с. 9]. Скорее всего, так оно и есть. Вся проблема в том, что именно ошибочная политика насильственных реформ в России конца XX в. привела к тому, что Чечню превратили в главную базу экстремизма и терроризма. Ученые пишут: «Давайте отбросим расистские сказки о «генетической» предрасположенности горцев к разбою. Еще 20-25 лет назад ...генетически те же самые чеченские юноши под руководством секретаря райкома ВЛКСМ Радуева готовили Праздник урожая, Яндарбиев кропал свои стишки, а Масхадов гонял свою роту на плацу. Ради какого-то терроризма или ваххабизма никто не только под арест не желал попасть, но и получить выговор с занесением в личное дело. Та жизнь устраивала людей... Массовая преступность и насилие в Чечне - прежде всего следствие тяжелейшего обеднения, вызванного реформой, а не Хаттабом. Обеднение разрушило рамки сознания. В 1980 г. доходы жителя Чечни в среднем были в 2,6 раза меньше, чем у москвича, а в 1992 году стали в 9,1 раза меньше. Это уже был опасный разрыв, он перешел красную черту. Средний москвич купил в 1992г. товаров и продуктов на 52,3 тыс. руб., а житель Чечни - на 3.3 тыс. Это в 17 раз меньше» [4].

В настоящее время на всем Северном Кавказе наблюдается состояние напряженности, вызванное, прежде всего большим уровнем безработицы, низким прожиточным минимумом, социальной незащищенностью граждан и

т.д. Все это заставляет людей организовываться в группы (в основном по национальному, тейповому или клановому признакам) для решения своих насущных проблем, что в свою очередь создает предпосылки для возникновения конфликтов на этнической или религиозной почве. Так, проводимые в разное время исследования показали, что почти 2/3 опрошенных граждан Ставропольского края не исключают своего участия в такого рода конфликтах. Причем стоит отметить, что четверть респондентов указала, что они, безусловно, поддержат представителей своей этнической группы в конфликте. При этом обращает на себя внимание следующий факт: положительный ответ дали не только респонденты младших и средних возрастных групп, но и люди пожилого возраста. Эти данные лишней раз демонстрируют достаточно высокий уровень готовности населения к участию в этнических конфликтах. Учитывая возросшую в последнее время конкуренцию, возникающую между этническими группами на почве несовместимых интересов и ценностей, увеличившееся распространение негативных стереотипов и социальных установок, стремление к росту сплоченности внутри своей группы, усиления напряженности в межэтнических отношениях в целом – можно сказать, что в случае возникновения серьезных конфликтных ситуаций столкновения на межэтнической основе действительно могут принять на территории края массовый характер. Данную точку зрения еще в 2002 году высказали авторы монографии подготовленной на базе Ставропольского государственного университета под руководством профессора В.А. Авксентьева [5, с. 85]. Нельзя не согласиться с мнением данных ученых о том, что этническая напряженность до сих пор не вылилась в открытые столкновения в силу влияния социализации, которая у людей среднего и старшего возраста проходила по советским стандартам, среди которых не последнее место занимала такая черта, как неконфликтность, т.е. установка на бесконфликтное сосуществование с представителями иных этнических групп (теперь это называется модным словом – толерантность). Однако, имеющийся потенциал неконфликтности, заложенный еще советской системой социализации и образования не безграничен. У нас уже выросло практически целое поколение, на которое не оказывалось подобного положительного влияния.

В подтверждение сказанного приведем лишь несколько примеров: «21 октября. Двенадцать мужчин, которые недавно исполнили зажигательную лезгинку в центре Ставрополя, сопровождая ее оскорблениями в адрес прохожих, получили десять суток административного ареста» [6].

«25 октября 2011 г. в Ставрополе возбуждено уголовное дело по статье «хулиганство» в отношении неизвестных, обстрелявших из травматического оружия группу молодых людей слушавших очень громкую музыку и танцевавших кавказские танцы» [7].

«9 ноября 2011 г. в центре Москвы задержаны 13 уроженцев Чечни за стрельбу на площади трех вокзалов» [7].

«В ночь на 27 ноября 2011 в городе Зеленокумске Ставропольского края произошло столкновение между местными казаками и чеченцами. В ходе стычки и последовавшей стрельбы ранения и травмы получили семь казаков и один уроженец Чечни» [7].

«30 сентября 2012 года в московскую полицию поступил звонок о том, что в центре города, на Тверской улице, раздаются выстрелы. Выехавшие на место сотрудники дорожно-патрульной службы выяснили, что боезапас отстреливает свадебный кортеж, состоящий из 15 машин. Полиция заблокировала кортеж в районе Моховой улицы: гости вновь начали "салютовать" новобрачным. По результатам полицейской операции 15 человек задержали, у одного из стрелявших изъяли травматический пистолет. Его наказали штрафом в 2 тысячи рублей. Первого же октября Мировой участок столичного Тверского суда арестовал на 15 суток за мелкое хулиганство гостя свадьбы Мурада Агаларова: запредельной лексикой он бурно выражал свой протест против задержания полицией. 5 суток за сопротивление сотрудникам полиции получил другой участник скандальной свадьбы - Али Илясов» [8].

В связи с эти, по-видимому, следует признать ошибочным положение, ставшее нормой Конституции РФ (ч. 2 ст. 13), что «никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной». Думается, что государство, безусловно, должно участвовать в определении базовых, жизненно важных ценностей и их формировании, а так же нести за это ответственность. Сейчас многие чуть что кивают на Америку и практически во всем пытаются брать с нее пример. Почему бы не брать пример с положительных сторон жизни американцев? Посмотрите, например, насколько патриотичны американцы! Как они любят свою родину! С каким чувством гордости исполняют гимн своей страны! И что мы наблюдаем у нас? Большинство наших граждан даже не знают слова гимна своей страны!

Еще одна немаловажная проблема – «очковитительство» со стороны представителей властей. Большинство конфликтов, реально возникших на межнациональной или религиозной почве, в дальнейшем перекалфицируются в хулиганство или иные так называемые общеуголовные преступления. Подобные дей-

ствия только еще больше разжигают недовольство в обществе и приводят к эскалации конфликтов, в ходе которой представителям властей становится все труднее «списывать» происходящее на банальные хулиганские действия и бытовые конфликты. Подтверждением тому стал факт сбора жителями Ставропольского края в конце 2011 г. подписей за выход из Северо-Кавказского федерального округа. Подписи собирали с использованием сети Интернет. За период проведения акции в поддержку обращения «О выходе Ставропольского края из СКФО» выступили 10 тыс. 736 пользователей Интернета. По окончании акции группа, инициировавшая сбор подписей, направила петицию Президенту РФ.

В этой связи необходимо поддержать мнение авторов, считающих, что если распространение экстремистских идеологий не встречает отпора со стороны государства, то начинается коррозия всей общественно-политической жизни, размывание государственных устоев [9, с. 4], поскольку:

существенно снижается уровень дозволенного в политике и, следовательно, приоритетными становятся конфронтационные методы в ущерб методам консолидирующим – компромиссам, консультациям, договоренностям и т.п.

в обществе все шире распространяется нетерпимость, а, следовательно, все менее устойчивой становится политическая система, снижается уровень стабильности;

насилие все более воспринимается как допустимый и даже наиболее предпочтительный метод достижения целей.

Не маловажное значение в профилактике преступлений на почве этнического, религиозного и политического экстремизма имеет формирование идеологии общества с использованием средств массовой информации. Именно они сегодня самые авторитетные наставники и собеседники, они подсказывают, что думать и, главное, как думать относительно тех или иных социально-политических процессов и явлений. Более того, уместно говорить в определенном смысле даже о медиа-конструировании социальной реальности – и в странах Запада и в современной России. Огромное значение имеет исследование деятельности масс-медиа в роли трансляторов экстремизма как идейной базы терроризма.

Надо признать, что часто и мировое и российское общественное мнение, выражаемое СМИ, в целом бывает весьма снисходительным к тем, кто под флагом борьбы за независимость прибегает к террору, в особенности, если это направлено против России. Так, издевательства чеченских боевиков во главе с Ш. Басаевым в Буденновске (1995 г.) многими

представителями российской либерально-западнической интеллигенции и диссидентско-правозащитников расценивались как отчаянный шаг борцов за независимость Чечни в контексте национально-освободительной борьбы чеченского народа. Известный правозащитник С. Ковалев даже назвал Басаева «Робин Гудом с гранатометом» [10, с. 132].

Другой аспект деятельности СМИ, отрицательно влияющий на умы и сердца подрастающего поколения – постоянная демонстрация наличия в окружающем мире жестокости, крайних форм насилия. Всплески терроризма, постоянно транслируемые с экрана телевизоров, подготавливают сознание молодых людей к постоянному присутствию жестокости, крайних форм борьбы. Необходимо также помнить, что жестокость обладает очень страшным свойством – к ней можно привыкнуть. И тот порог агрессии, который раньше казался крайним, через какое-то время может стать привычным и порог отодвигается дальше, к еще более изощренным их формам. На сегодняшний день многие ученые прогнозируют увеличение потенциала насилия, связывая это с разрушительным влиянием СМИ. Например, О.М. Хлобустов приводит такие цифры: «К 18-ти годам каждый американец просматривает в среднем 40 тысяч виртуальных насильственных актов по телевидению. Для сравнения, согласно подсчетам отечественных социологов, среднестатистический юный россиянин к 17-летнему возрасту знакомится благодаря «ящику Пандоры» с 17-тью тысячами таких случаев. На наших телеэкранах сейчас в течение недели показывают 5-6 фильмов, наченных террористическими действиями: захваты заложников, организация взрывов, политические убийства и т.п. И последствия (разумеется, с учетом всего комплекса социально-политических и экономических условий и причин) не заставляют себя ждать».

Необходимо учитывать, что значение имеет и манера подачи, жанр подачи акта насилия на телеэкране. Отрицательный эффект показа минимален в том случае, если агрессор на телеэкране наказывается, осуждается, если показываются негативные последствия агрессии, а сам агрессор не выглядит положительным героем, вызывающим сочувствие как борец за справедливость. В ином случае показ провоцирует реальную агрессию, а если насилие на телеэкране поощряется, не имеет негативных последствий и социально одобряется – то упрощается рекрутирование в экстремистские и террористические организации.

В этой связи трудно переоценить значение вступившего в силу Федерального закона от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью

вью и развитию". Данный документ, устанавливающий возрастные ограничения при распространении информационной продукции, в зависимости от ее опасности для здоровья и развития детей, можно назвать «первым шагом» нашего правительства в верном направлении нравственного воспитания молодежи.

Подводя итог изложенному, не умаляя значения той деятельности, которая проводится в Российской Федерации в целях противодействия этническому, политическому и религиозному экстремизму, следует отметить, что она нуждается в определенном переосмыслении, упорядочении и систематизации.

Хотелось бы выделить три основных блока профилактики данных видов преступлений:

1. Идеологическое противодействие проявлениям экстремизма, в том числе с привлечением средств массовой информации и образовательных учреждений.

2. Объединение и координация деятельности всех органов государственной власти, осуществляющих борьбу с данными преступлениями, с четко налаженным взаимодействием между ними по интересующим вопросам.

3. Совершенствование законодательной базы, предусматривающей ответственность за преступления экстремистской направленности.

В завершении хочется подчеркнуть крайнюю необходимость разработки и реализации комплексной целевой программы по противодействию экстремизму и терроризму в Северо-Кавказском федеральном округе, с привлечением не только всех заинтересованных субъектов, но и тех, кто пытается не замечать этой проблемы.

1. *О противодействии экстремистской деятельности: Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ (ред. от 29.04.2008 г.).*

2. *Аршба О.И. Современный правый экстремизм в Европе // ВМУ. Серия 18. Социология и политология. - 2002. - № 4.*

3. *Терроризм в современной России: состояние и тенденции («круглый стол») // Социологические исследования. - 2001. - № 5.*

4. *Кара-Мурза А.А. Манипуляция сознанием. URL: http://www.ru/politech/121817/se_index_t*

5. *Авксентьев В.А., Бабкин И.О., Медведев Н.П., Хоц А.Ю., Шнюков В.В. Ставрополье: этноконфликтологический портрет: Коллективная монография. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2002.*

6. *Информационно-аналитическая газета «Евро СМИ» // URL: www.eurosmi.ru*

7. *Новости. Информационное агентство Росбалт // URL: www.rosbalt.ru.*

8. *По факту стрельбы на свадьбе в Москве возбуждено уголовное дело // Российская газета. 2012. 08 окт. URL: <http://www.rg.ru/2012/10/06/mvd-anons.html>*

9. *Краснов М. Политический экстремизм – угроза государственности // Российская юстиция. - 1999. - № 4.*

10. *Цит. по: Кива А.В., Федоров В.А. Анатомия терроризма // Общественные науки и современность. - 2003. - № 1.*

1. *About counteraction to extremist activity: Federal law issued July 25 2002 № 114-FL (in ed. 29.04.2008)*

2. *Arshaba O.I. Modern righteous extremism in Europe // VMU. Ser. 18. Sociology and politology. - 2002. - №4.*

3. *Terrorism in modern Russia: it's status and tendencies ("round work table") // Sociological researches. - 2001. - №5.*

4. *Kara-Murza A.A. Manipulation with consciousness. URL: http://www.ru/politech/121817/se_index_t*

5. *Avksentev V.A., Babkin I.O., Medvedev N.P., Chots A.Y., Shnykov V.V. Stavropol region: ethno-conflict portrail: Collective monograph. - Stavropol region: PH SSU, 2002.*

6. *Informational-analytical newspaper "Euro SMI" // URL: www.eurosmi.ru*

7. *News. Informational agency Rosbalt // URL: www.rosbalt.ru.*

8. *According to the fact of shooting in Moscow a criminal case was commenced // Russian newspaper. 2012. October. 8. Access mode: URL: <http://www.rg.ru/2012/10/06/mvd-anons.html>*

9. *Krasnov M. Political extremism menace of statehood // Russian Justice. - 1999. - № 4.*

10. *Quoted Kiva A.V., Fedorov V.A. Anatomy of terrorism // Public sciences and the present. - 2003. № 1.*

Азарова Ирина Владимировна

соискатель кафедры уголовного права и процесса
Елецкого государственного университета имени И.А. Бунина
(тел.: 89507510916)

Предупреждение и актуальные проблемы борьбы с преступностью

Статья посвящена раскрытию наиболее актуальных проблем, связанных с борьбой с преступностью. В работе анализируются мнения ученых с точки зрения развития современного уголовного законодательства. Рассматриваются отдельные приемы и методы, направленные на снижение преступности в мире и даны рекомендации совершенствования уголовного законодательства.

Ключевые слова: борьба с преступностью, понятийный аппарат, тенденции преступности, криминологические черты, приемы и способы борьбы с преступностью.

I.V. Azarova, post-graduate of the chair of criminal law and process of Elets State University named I.A. Bunin; tel.: 89507510916.

Warning and topical issues in the fight against crime

The article deals with the disclosure of the most pressing problems relating to combating crime. The work examines the views of scholars from the point of view of the development of contemporary criminal law. Examines selected tools and techniques designed to reduce crime in the world and made recommendations to improve the criminal law.

Key words: crime control, conceptual framework of crime, criminological trends, techniques and ways of features to combat crime.

Борьба с преступностью – одна из проблем, которые тревожат и беспокоят человечество уже не одно столетие. Поиски приемов обуздания этой социальной негативной стихии не прекращались все это время. Успехи, конечно же, были, но они всегда носили точечный и кратковременный характер.

Сегодня ежегодно в мире совершается свыше 100 млн преступлений, из них в России, по официальным данным, – около 3 млн, а по экспертным оценкам (с учетом латентности), – 10-12, а то и все 15 млн [1]. Мир становится все более преступным. Общество сопротивляется, как может, но преступность «наступает по всем направлениям». «Доминирующей криминологической тенденцией в начале нового тысячелетия остаются продолжающийся рост преступности в мире, увеличение ее тяжести и общественной опасности с одновременным отставанием социально-правового контроля от растущей мобильной и мимикрирующей криминализации общественных отношений» [2].

Если в 70-х гг. прошлого века американские криминологи говорили об «их» преступном обществе [3], то сегодня всем нам впору говорить о нашей преступной планете.

На этом мрачном фоне криминологи и криминалисты – ученые и практики в сфере борьбы с преступностью, а также в сфере современных социальных технологий управления общественными процессами и самим обще-

ством – продолжают интенсивные поиски эффективных методов борьбы с преступностью.

Данные поиски позволяют нам сделать вывод о том, что борьба с преступностью в первую очередь, является социально-управленческой сферой, воздействуя на причины и условия, порождающие преступления и преступность, влияющие на их развитие, а в частности на лиц, совершающих преступления, саму преступность в целях недопущения рецидива преступлений и само детерминации преступности.

Таким образом, в сферу противодействия преступности входит правоохранительная деятельность по раскрытию и пресечению преступлений, выявлению виновных и их наказанию.

Обратим внимание на тот факт, что в последнее время особенно часто ставится под сомнение допустимость применения термина «борьба с преступностью». Его предлагают заменить другими: «контроль», «противодействие» [4].

Думается, что такая замена, еще больше породит противоречий среди ученых-криминологов, чем «борьба с преступностью».

Так, дефиниция слова «борьба» в словарях русского языка определяется как активное столкновение противоположных интересов, групп, мнений и т.д. в целях приобретения господства одних над другими. Сама по себе борьба с преступностью всегда сопровождается

ся достижением определенной цели. Ведь преступность является носителем таких интересов и ценностей, которые проявляются в полном противоречии с интересами охраняемыми законом.

Цель в данном случае – прежде всего не допустить массового нарушения уголовного закона путем воздействия на процессы детерминации и причинности преступности, а в случае его нарушения – применить к виновным меры государственного принуждения для того, чтобы добиться их отказа от преступного поведения. Компромисс здесь не допускается ни государством, ни обществом.

Другими словами, борьба с преступностью – это активное столкновение общества с преступностью для обеспечения господства закона и охраняемых им интересов, ценностей, норм поведения, осуществляемое в форме целенаправленной наступательной деятельности на причины, условия преступности и ее саму.

Профессор С.В. Бородин пишет: «Мы исходим из того, что борьба с преступностью как социально-политическая категория есть целенаправленная деятельность, проводимая государством и обществом на основе материалистического понимания преступности и ее причин» [5].

Что касается «контроля», то в русском языке это слово обозначает проверку чего-либо, кого-либо, наблюдение за кем-либо, чем-либо с целью проверки. Использование этого понятия в криминологии до сих пор не было убедительным, о чем совершенно обоснованно писал И.И. Карпец. Примером может служить и учебник «Криминология», где говорится, что «Криминология – общетеоретическая наука о методах контроля за преступностью и борьбы с ней (включая в понятие борьбы с преступностью и ее предупреждение на всех стадиях и во всех выработанных наукой и практикой формах)» [4].

На наш взгляд, уязвимость позиции авторов, стремящихся заменить термин «борьба» на «контроль» не вызывает сомнений. Тем более, полностью от употребления термина «борьба» ученые не отказываются. Также давно уже известно, что предупредительная деятельность включает и меры социального контроля как социально-системного воздействия общества и социальных групп на личность и малые группы.

«Противодействие» как термин означает уничтожение другого действия, идти наперекор чему-либо, мешать чему-либо. Предполагается, что данная терминология не отражает сути, такой деятельности как борьба с преступностью. Так как данная дефиниция не охватывает

весь комплекс мер воздействия на преступность как на социальное явление.

Хотелось бы отметить, что общество, каким бы гуманным и снисходительным оно ни было, не может допустить существование преступного поведения. Оно всегда будет пресекать, и применять к виновным различные меры государственного принуждения. В противном случае это повлечет расплатой десятками тысяч жизней, здоровьем, честью, достоинством, спокойствием, имуществом своих членов. Да и граждане не потерпят правительства, которое лишает их права не быть жертвой преступлений. Преступность и политика всегда были тесно взаимосвязаны.

Исходя из выше изложенного, следует трактовать именно борьбу с преступностью и в полном ее объеме. Ведь неотъемлемой частью борьбы с преступностью является упорядоченный и максимально точный как понятийный аппарат, так и ее теоретическое осмысление. Что несет в себе очень важное практическое значение.

Хотелось бы отметить тот факт, что Организация Объединенных Наций проводит конгрессы по борьбе с преступлениями и обращению с правонарушителями. Эта уважаемая организация последнее время подвергается интенсивной критике со всех сторон, но заменить-то ее пока нечем, да и работает она не так уж и плохо. Конечно, деятельность ООН нельзя назвать совершенной, но если тот или иной субъект международного права не выполняет решений ООН или просто не в состоянии понять и оценить суть и масштабность этих решений, то проблема – в нем самом, а не в ООН. Впрочем, наш мир вообще несовершенен.

ООН – организация универсальная, занимающаяся всеми проблемами планеты. В рамках ООН с 1955 г. действует Конгресс ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию (до 2000 г. он назывался несколько иначе: Конгресс ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями). Конгресс собирается раз в пять лет и обсуждает самые насущные проблемы борьбы с преступностью в текущем периоде.

В наши дни изменения в самой преступности и в сфере борьбы с преступностью происходят настолько стремительно, что данные, полученные в результате аналитической работы, очень быстро устаревают.

Предполагается, что доминирующими тенденциями преступности за последние столетия являются: ее интенсивный рост, обгоняющий по своим темпам рост народонаселения; расширение сфер преступной деятельности; повышение ее организованности, технической вооруженности и само защищен-

ности; использование все более разрушительных средств и способов совершения преступлений; рост причиняемого преступностью ущерба; транснационализация преступной среды; феминизация субъектов преступлений; увеличение общественной опасности преступной деятельности и т.д.

И все это связано не с изменениями наследственности (определенное влияние которой на человеческое поведение бесспорно), а с бурными изменениями среды, условий жизни и деятельности людей.

Определенное и всевозрастающее значение для преступного мира имеет область властных политических отношений. Сегодня она является сферой интересов наиболее крупных преступных образований и в основном их лидеров, стремящихся к созданию своего лобби в парламенте, занятию важных постов, которые предоставляют широкий круг полномочий, дополнительные возможности по формированию нелегального капитала или вложению нелегально полученных доходов.

На наш взгляд, выявление криминологических значимых черт и свойств международной преступности как системно структурированного социального явления необходимо не только для формулирования уголовно-правовой характеристики с целью выработки конкретных правовых мер борьбы с ней и совершенствования профилактических мер государственного и социального контроля, но и для понимания того жесткого факта, что современная преступность «вписывается» в мир глобализации намного быстрее и эффективнее, чем социальная политика государств, чья деятельность должна давать возможность, как для нормального социального развития, так и для снижения вала преступности и ее тяжести путем пресечения негативного воздействия социальных криминогенных детерминант.

Определяющей тенденцией преступности в мире является ее абсолютный и относительный рост (относительно населения, экономического развития, культуры и т.д.). Это не означает, что преступность в любой стране всегда только растет. Есть страны, где преступность в какие-то периоды их развития сокращается или ее уровень стабилизируется.

По данным Организации Объединенных Наций, общая тенденция свидетельствует о том, что в мире доля зарегистрированных преступлений ежегодно увеличивается на 1,5-2 %. Однако следует отметить, что данные, касающиеся вышеуказанной тенденции, могут зависеть от различий в структуре представления информации о преступности в рамках Обзора ООН на региональном и национальном уровнях.

Анализ региональных особенностей мировой преступности приводит исследователей к выводу о том, что самый высокий уровень преступности наблюдается в наиболее индустриально развитых, социально обустроенных и демократических регионах. Подтверждается трудно воспринимаемый вывод: чем выше развитие, тем выше преступность. Наряду с этим, идет процесс унификации деяний и их глобализации.

Среди индустриально развитых государств особое криминологическое значение приобретают несколько стран: США, Франция, Германия, Англия и Уэльс, Япония, Россия. Анализ криминологических данных свидетельствует о высоком уровне преступности во всех этих странах (кроме Японии), высоких темпах ее роста и среднегодового прироста.

Учитывая все это, государствам необходимо:

продолжать осуществлять сотрудничество в разрешении международных проблем экономического, социального, культурного и гуманитарного характера;

поощрять и развивать уважение к правам и основным свободам человека;

бороться против современных форм расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с этим нетерпимости;

расширять международное сотрудничество в целях предотвращения перевода доходов от незаконной деятельности через национальные границы преступными организациями, которые используют недостатки международного сотрудничества, чтобы тем самым избежать обнаружения;

развивать программы технического сотрудничества, направленные на укрепление демократических институтов, законности и национальных инфраструктур по обеспечению прав человека;

проводить такие оперативные мероприятия, как оказание консультативных услуг, осуществление программ подготовки кадров, распространение информации и обмен ею;

разрабатывать стратегию в области предупреждения преступности и уголовного правосудия, учитывающих региональные политические, экономические, социальные и культурные потребности;

расширять международное сотрудничество в целях борьбы с пагубным влиянием транснациональной преступности, особенно организованной преступности, включая незаконный оборот наркотиков, экономическую преступность, коррупцию, незаконный перевод денежных средств, экологические преступления и преступления против культурной собственности;

создать на федеральном уровне и в субъектах Федерации при органах исполнительной власти подразделения единой Криминологической службы. Данная служба могла бы в сквозном порядке организовывать борьбу с преступностью во всех ее аспектах, исключая те, которые законом возложены на другие органы [4]. Но это требует хорошо подготовленных кадров криминологов и развития научных криминологических исследований.

Контролировать средства массовой информации, концентрируя внимание на насилии, в частности, в фильмах и репортажах, которые могут вызывать негативные последствия;

сообща осуществлять активное многостороннее сотрудничество под эгидой Организации Объединенных Наций.

Подводя итог нашему исследованию, хотелось бы отметить тот факт, что поиски приемом и способов обуздания преступности не прекратятся ни при каких условиях – в противном случае человечество просто погибнет.

Более того, в новом столетии появятся новые механизмы социальной контроле с использованием современной техники электронного слежения и контроле. Возможности естественных и точных наук все более интенсивно и эффективно будут использоваться в правоохранительной деятельности различных стран и международных организаций, занимающихся изучением и организацией дела борьбы с преступностью. Законодательство разных стран должно быть готово к адекватной оценке нововведений. Некоторые из этих вопросов уже поднимались на последних Конгрессах ООН

1. Цыплакова О.Г. *Организованная преступность в России: факторы развития и меры контроле* / О.Г. Цыплакова // *Организованная преступность в России: философский и социально-политический аспекты*. М.: Криминологическая ассоциация, 2010. С. 115.

2. Лунев В.В. *Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции* / В.В. Лунев. М.: Волтерс Клувер, 2011. С. 237.

3. Шур Э.М. *Наше преступное общество* / Э.М. Шур. М.: Знание, 2004. С. 143.

4. Долгова А.И. *Криминология* / А.И. Долгова. М.: Знание, 2000. С. 343.

5. Бородин С.В. *Борьба с преступностью: теоретическая модель комплексной программы* / С.В. Бородин. М., 2009. С. 275.

1. Cyplakova O.G. *Organized crime in Russia: development factors and control measures* / O.G. Cyplakova // *Organized crime in Russia: philosophical and socio-political dimensions*. M.: Criminological Association, 2010. P. 115.

2. Lunev V.V. *Crime of the twentieth century: global, regional and domestic trends* / V.V. Lunev. M.: Walters Kluver, 2011. P. 237.

3. Shur E.M. *Our criminal society* / E.M. Shur. M.: Knowledge, 2004. P. 143.

4. Dolgova A.I. *Criminology* / A.I. Dolgova. M.: Knowledge, 2000. P. 343.

5. Borodin S.V. *Fighting crime: theoretical model of integrated program* / S.V. Borodin. M., 2009. P. 275.

Гончарова Мария Витальевна

кандидат юридических наук, доцент,
докторант ВНИИ МВД России
(e-mail: maria-g2009@yandex.ru)

Социальные последствия рецидива корыстных преступлений

В статье осуществлена попытка оценить социальные последствия рецидива корыстных преступлений, которые выражаются в негативных изменениях в правовых, экономических и нравственных общественных отношениях и касаются не только общества и государства, но и личности корыстного рецидивиста.

Ключевые слова: корыстное преступление, рецидив преступлений, социальные последствия преступности, ущерб, издержки, преступник.

M.V. Goncharova, Candidate of law, assistant professor, doctoral candidate of All-union scientific research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia; e-mail: maria-g2009@yandex.ru

Social consequences of the relapse of mercenary crimes

The author of the article tries to assess the social consequences of the relapse of mercenary crimes which are expressed in negative changes in the legal, economic and moral public relations and are related not only to society and a state but personality of the mercenary recidivist.

Key words: mercenary crime, repetition of crime, the social consequences of crime, damage, costs, criminal.

Под последствиями преступности в широком смысле понимаются вредные и опасные социальные изменения, которые возникают как результат совершения отдельных преступлений и существования преступности вообще. В узком смысле – это реальный вред, причиняемый преступностью и выражающийся в совокупности причинно связанных с преступными действиями прямых и косвенных, непосредственных и опосредованных негативных изменений (ущерб, урон, потери, убытки и т.п.), которым подвергаются социальные ценности, а также совокупность издержек общества, связанных с организацией борьбы с преступностью и профилактикой преступлений [1, с. 91]. Имеется в виду вред, причиненный преступлениями как фактический объем всего того, что государство, общество и граждане теряют и переживают в результате преступных посягательств.

Будучи социальным явлением, преступность затрагивает весь спектр существующих в обществе отношений, деформируя их. Наиболее существенными последствиями рецидивных корыстных преступлений (кражи, мошенничества, присвоения или растраты) являются негативные изменения, происходящие в правовых, экономических и нравственных общественных отношениях.

Правовые последствия рецидивной преступности, в том числе корыстной, прежде всего, касаются и самого рецидивиста:

рецидив является обстоятельством, отягчающим наказание (п. «а», ч. 1 ст. 63 УК РФ);

при рецидиве применяется особый порядок назначения наказания и назначается более строгое наказание (ст. 68 УК РФ);

рецидив влечет особые правила отбывания лишения свободы (ст. 58 УК РФ);

для такого лица исключается возможность освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием (ч. 1 ст. 75 УК РФ), или примирением с потерпевшим (ч. 1 ст. 76 УК РФ), или по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности (ч. 1 ст. 76.1 УК РФ);

за ним может быть установлен административный надзор (ч. 1 ст. 3 Федерального закона от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы»), уклонение от которого влечет уголовную ответственность (ст. 314.1 УК РФ).

Кроме уголовно-правовых последствий могут быть выделены и общеправовые последствия осуждения для рецидивиста:

при заполнении официальных анкет лицо обязано сообщить о своей судимости (например, при оформлении заграничного паспорта), а в отдельных случаях при регистрации лица в качестве индивидуального предпринимателя представить справку о наличии судимости и (или) факта уголовного преследования либо прекращении уголовного преследования по реабилитирующим основаниям (Постановле-

ние Правительства РФ от 16 апреля 2011 г. № 285);

лица, имеющие судимость за умышленные тяжкие преступления, не допускаются к педагогической деятельности (ст. 331 Трудового кодекса РФ (в ред. от 15.12.2011 г.));

лицо, имеющее или имевшее судимость, не может быть судьей (п. 2 ч. 1 ст. 4 Закона РФ № 3132-1 от 26 июня 1992 г. (в ред. от 8.12.2011 г.) «О статусе судей в РФ»);

лица, имеющие неснятую или непогашенную судимость, не могут быть присяжными заседателями и кандидатами в присяжные заседатели (п. 2 ч. 1, ч. 3 Федерального закона РФ № 113-ФЗ от 20 августа 2004 г. (в ред. от 29.12.2010 г.) «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в РФ»);

граждане, имеющие судимость, в том числе снятую или погашенную, не могут находиться на службе в полиции (ст. 29 Федерального закона РФ № 3-ФЗ от 7 февраля 2011 г. (в ред. от 6.12.2011 г.) «О полиции»);

признание лица судом рецидивистом, нахождения его под судом или следствием за тяжкое преступление, наличие неснятой судимости за такое преступление служит основанием для отказа должностному лицу или гражданину в допуске к государственной тайне (ст. 22 Закона РФ № 5485-1 от 21 июля 1993 г. (в ред. от 8.11.2011 г.) «О государственной тайне»);

не может быть выдана лицензия на право заниматься частной детективной деятельностью гражданам, имеющим судимость за совершение умышленного преступления (п. 3 ст. 6 Закона РФ № 2487-1 от 11 марта 1992 г. (в ред. от 3.12.2011 г.) «О частной детективной и охранной деятельности РФ»);

лицу, имеющему неснятую или непогашенную судимость за преступление, совершенное умышленно, не выдается лицензия на приобретение оружия (ст. 13 Закона РФ от 13 декабря 1996 г. (в ред. от 6.12.2011 г.) «Об оружии»);

не подлежат призыву на военную службу граждане, отбывающие наказание в виде обязательных работ, исправительных работ, ограничения свободы, ареста или лишения свободы, имеющие неснятую или непогашенную судимость за совершение преступлений (ч. 3 ст. 23 Федерального закона РФ от 28 марта 1998 г. (в ред. от 8.12.2011 г.) «О воинской обязанности и военной службе»).

Корыстное преступление лишает потерпевшего возможности фактически обладать и распоряжаться похищенными либо утраченными вещами. Поэтому не только сама стоимость этих вещей, но и отсутствие результатов использования их полезных свойств (получение дохода, прибыли, выгоды, приращение имуще-

ства) создают экономические последствия этого преступления.

Экономические последствия корыстной преступности, в том числе рецидивной, можно классифицировать на личностном и государственном уровнях. На личностном уровне они подразделяются на три группы:

- 1) материальный ущерб;
- 2) неполученный доход;

3) иные потери материального характера, связанные с недополучением заработка, вызванного отвлечением потерпевшего от основного занятия для участия в уголовном судопроизводстве; с расходами на приобретение предметов, аналогичных похищенным или утраченным и обеспечением безопасности от корыстных посягательств.

Несовершенство статистического учета [2] позволяет дать лишь примерное представление о размерах материального ущерба, причиняемого рецидивными корыстными преступлениями, которые являются составной и значительной частью всех зарегистрированных корыстных преступлений.

Так, по делам о кражах в 2010 г. сумма ущерба установлена 32334,2 млн руб., при этом наложен арест на имущество лишь на 145,3 млн руб. и на 3768,9 млн руб. изъято имущества, денег, ценностей и добровольно погашено. По делам о мошенничествах и присвоениях или растратах эти суммы представлены, соответственно, - 61487,1 и 900299,6, 11496,1 и 2150,0, 10589,1 и 2040,6 млн руб.

Общий размер материального ущерба от всех преступлений, установленного на стадии предварительного расследования составил 2622572,6 млн руб., из которого 15 546,7 млн руб. – сумма ущерба от хищений, определенная по судебному акту. Так, 5 000,9 млн руб. были признаны судом погашенными до вынесения судебного акта. В результате из суммы 10 538,2 млн руб., присужденной к взысканию по исполнительным листам, выданным взыскателям было погашено лишь 3 349,6 млн руб.

Анализируя представленные цифры, а также динамику материального ущерба с 2007 по 2010 гг. легко заметить, что ежегодно погашается не более трети причиненного хищениями ущерба.

На государственном уровне:

1) материальные издержки, связанные со снижением производительности труда у потерпевших (снижение качества продукции, ее недовыпуск и т.д.);

2) материальные издержки, порожденные обеспечением правоохранительной деятельности по раскрытию, расследованию и судебному разбирательству по делу;

3) материальные издержки по исполнению наказания и осуществлению административно-го надзора.

Экономические последствия на государственном уровне преимущественно будут складываться из убытков, связанных с функционированием системы уголовной юстиции по первому преступлению, и экономических издержек, которые будет испытывать общество в связи с необходимостью преследования лица за второе и последующие преступления.

Подсчитать стоимостное выражение экономических последствий преступности, связанных с затратами на профилактическую деятельность, выявление преступников, их преследование и наказание, крайне затруднительно. Тем не менее, анализ бюджетного законодательства РФ позволяет составить весьма определенное представление об объемах финансирования органов и учреждений, обеспечивающих профилактику преступности, причем расходы эти ежегодно увеличиваются.

Так, если в 2005 г. на судебную систему было израсходовано 42360626,2 тыс. руб., то в 2010 г. эта сумма составила 109009577,6. За пять лет на органы прокуратуры расходы увеличились с 20734371,9 до 51171805,6 тыс. руб., на органы внутренних дел – с 146804643,2 до 288838800,1 тыс. руб., органы юстиции – с 19599463,9 до 39070843,7 тыс. руб., уголовно-исполнительную систему – с 61493678,2 до 149129483,6 тыс. руб.

Приведенные цифры отражают в целом расходы государства на профилактику преступности. Конкретизировать представления о направлениях и объемах расходования средств можно обратившись к некоторым программным документам Правительства РФ. Так, на реализацию федеральных целевых программ «Развитие УИС (2007-2016 годы)», «Развитие судебной системы России (2007-2012 годы)», утвержденных Постановлениями Правительства РФ № 540 от 05.09.2006 г. и № 583 от 21.09.2006 г., планируется потратить соответственно 54588,2 и 59338,9 млн. руб.

Анализ представленных данных показывает, что содержание органов, осуществляющих борьбу с преступностью, в среднем расходует 7,5 % бюджетных средств в год и эти расходы постоянно растут, а определяются при отсутствии необходимых исходных данных: не известны реальные масштабы преступности и ее последствий. Итогом оказывается парадоксальная ситуация: рассматриваемые расходы не зависят и никак не коррелируют ни с динамикой преступности, ни с эффективностью борьбы с ней.

Перечень сумм можно продолжать, учитывая расходы на социальную и психологическую реабилитацию преступников и их жертв. Сле-

дует также учесть убытки обусловленные пребыванием в исправительных учреждениях здоровых трудоспособных людей, не занятых трудом либо используемых на работах, не соответствующих квалификации; а также расходы, которые несет общество из-за необходимости обеспечить семью осужденного минимальными средствами существования и т.д.

Указать какова сумма издержек непосредственно связанных с существованием и предупреждением рецидивной преступности и тем более рецидивной корыстной невозможно. Но, если считать, что выделяемые средства распределяются пропорционально между всеми преступлениями, а рецидивные составляют не менее четверти, при этом в их структуре преобладают корыстные деяния, то можно предположить, факт существования рецидивной преступности свидетельствует о бесполезности четверти всех трат на преступность [3, с. 89].

Таким образом, экономические последствия рецидивных корыстных преступлений можно определить как выраженный в натурально-вещественной и стоимостной формах, имеющих количественно-качественные и пространственно-временные характеристики материальный вред, причиняемый личности и государству, выражающийся в совокупности детерминированных кражами, мошенничествами, присвоениями и растратами ущерба, неполученного дохода, иных материальных издержек, а также стоимости правоохранительной деятельности.

Нравственные последствия корыстных преступлений, в том числе рецидивных, можно рассмотреть на личностном и общественном уровнях.

На личностном уровне характерно преобладание чувственно-эмоциональных составляющих. Рассматриваемые преступления воспринимаются потерпевшими как умаление человеческого достоинства. Корыстные преступления вызывают у потерпевших отрицательные эмоции и чувства: страх, горе, ненависть, страдание, депрессию, гнев, подозрительность, недоверие, тревожность и др.

В 2011 г. ВЦИОМ проводилось изучение общественного мнения об уровне безопасности личности и деятельности органов внутренних дел Российской Федерации. Опрос проводился в 83 субъектах Российской Федерации, в нем участвовало 41 500 респондентов. Результаты показали, что респонденты боятся рецидивистов и ранее судимых лиц (38 % и 27 % соответственно). Что касается конкретных криминальных угроз, то большинство россиян, не зависимо от уровня материального достатка, опасается стать жертвами воров (71 %), грабителей (68 %) и мошенников (65 %).

В качестве других явных нравственных последствий преступности, в том числе рецидивной корыстной, можно выделить социальную запущенность определенной части населения, криминальную пораженность разных сфер жизнедеятельности, влияние криминала на государственные структуры и институты гражданского общества, расшатывание цивилизованной, защищаемой правом ценностно-нормативной системы общества, распространение преступной идеологии и психологии, снижение активности населения в противостоянии преступности, приспособление к ней.

Нравственные последствия отражаются не только на обществе в целом и на правопослушных гражданах, но и на самой личности преступника. Преступная деятельность углубляет и умножает отрицательные черты личности, дезадаптирует в обществе, создавая дополнительные предпосылки для повторных преступлений.

В этой связи важно обратить внимание, что существование прослойки рецидивных, в том числе корыстных, преступников непосредственно связано с формированием, поддержанием и развитием криминальной субкультуры, в которой как раз и аккумулируется противоположная общепринятой система ценностей и криминальный опыт. Криминальная субкультура оказывает негативное криминогенное воздействие на общество как минимум в двух направлениях.

1. Определенная небольшая по численности часть ее представителей – авторитеты, среди которых подавляющее большинство – рецидивисты – не только сохраняет, но и активно распространяет нормы и ценности преступного мира в обществе через механизмы вовлечения в преступную деятельность приобщения и навязывания криминальных стандартов.

2. Само по себе ее существование способствует тому, что определенные элементы криминальной субкультуры внедряются в качестве естественных в сознание значительной части населения. Их проникновение в сознание и поведение законопослушных граждан, их тиражирование в рамках социальных институтов гражданского общества, политики и т.п. свидетельствует об изменении культурных установок самого социума. Это тревожный показатель, отражающий в целом формирование смягченной позиции общества в отношении преступного мира. Сочувственное отношение к преступникам и преступлениям заметно снижает возможности социального контроля и раннего выявления преступлений.

Психологическое заражение общества нормами и ценностями преступного мира имеет серьезное значение в механизме самодетерминации преступности. Вовлечение в крими-

нальную среду и преступную деятельность подростков, нравственно неустойчивых лиц, осуществляемое рецидивистами, передача опыта и навыков преступного поведения начинающим правонарушителям со стороны лиц, неоднократно судимых; криминогенное влияние микросреды в местах лишения свободы – таков далеко неполный перечень путей и средств участия рецидивной преступности в «заражении» общества.

Еще одна сторона негативных нравственных последствий рецидивной корыстной преступности связана с тем, что, в известной мере подтверждая неэффективность правоохранительной и уголовно-исполнительной систем, такая преступность своим генезисом и существованием оказывает негативное влияние на общественное мнение в части доверия к правоохранительным органам. Такой скептицизм ведет к снижению их авторитета, и без того подорванного коррупционными проявлениями, широко афишируемыми средствами массовой информации. По данным ВЦИОМ, 38 % опрошенных россиян, подвергавшихся различным преступлениям, не обращались за помощью в органы внутренних дел так, как не уверены в ее получении, 15 % таких респондентов не хотят быть втянутыми в уголовное производство, 1 % прибегали к услугам представителей криминальной среды.

Таким образом, нравственные последствия рецидивных корыстных преступлений можно определить как причиняемый отдельными индивидам, обществу в целом и самому рецидивисту моральный вред, выражающийся в совокупности детерминированных этими преступлениями негативных изменений чувственно-эмоционального и номативно-ценностного характера.

1. Бабаев М.М., Квашиц В.Е. *Цена преступности: проблемы методологии и уголовной политики. Современные проблемы и тенденции развития уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Республики Казахстан: мат-лы междунаро. научно-практич. конф.: в 2-х т. Караганда, 2009. Т. 1. С. 91.*

2. *Статистические сведения ФГБУ «ГИАЦ МВД России» содержат сведения о материальном ущербе от всех и от корыстных преступлений, установленном по расследованным уголовным делам и разрешенным материалам, данные Судебного департамента при Верховном Суде РФ – об ущербе от хищений в целом, не выделяя ущерб по отдельным составам, ни по лицам, совершившим преступления.*

3. Щербачков С.В. *Рецидивная преступность: криминологическая характеристика и*

проблемы предупреждения. Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 89.

1. Babayev M.M., Kvashis V.E. *Crime price: problems of methodology and criminal policy. Modern problems and tendencies of development of criminal law, criminology and criminal and executive right of the Republic of Kazakhstan: mat-Is word. scientific pr. conf.: in the 2nd vol. Karaganda, 2009. T. 1. P. 91.*

2. *Statistical data of Federal State Budgetary Institution «GIATs MVD Russia» contain data on*

a material damage from all and from the crimes for profit, established on the investigated criminal cases and the resolved materials, data of Judicial department at the Supreme Court of the Russian Federation – about a damage from plunders as a whole, without allocating a damage on separate structures, on the persons who have committed crimes.

3. Shcherbakov S.V. *Recurrent crime: criminological characteristic and prevention problems. Dis. ... cand. law scien. M., 2009. P. 89.*

Камалова Алена Камильевна
адъюнкт кафедры криминологии
Московского университета МВД России
(e-mail: Kamalova_A_K@mail.ru)

О некоторых сторонах механизма преступного поведения

Статья посвящена определению и анализу понятия «механизм преступного поведения», рассмотрению сущности этого механизма. Кроме того, в статье рассматривается значение для криминологии исследования механизма преступного поведения в конкретных преступлениях.

Ключевые слова: механизм преступного поведения, механизм, противоправное поведение, формирование личности, конкретная ситуация.

A.K. Kamalova, adjunct of the chair of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia; e-mail: Kamalova_A_K@mail.ru

Some aspects of the mechanism of criminal behavior

The article is devoted to the definition and analysis of the concept "the mechanism of criminal behavior," the essence of the consideration of this mechanism. In addition, the article discusses the value for criminology research on the mechanism of criminal behavior in specific crimes.

Key words: mechanism of criminal behavior, mechanism, illegal behavior, personality formation, concrete situation.

Для науки криминологии важен вопрос не только «почему» совершается то или иное преступление, т.е. причинный аспект, но и «как», что означает инструментальный аспект. Важно знать, как формировалась личность преступника; что предшествовало совершению преступления; каково было поведение лица, его совершившего; что повлияло на принятие им решения о совершении преступления; а также возможно ли предупредить его преступное поведение. Для анализа этой проблемы разработано понятие «механизм преступного поведения». Чтобы понять сущность механизма преступного поведения, необходимо разобраться с такими понятиями, как «механизм», «поведение», «преступное поведение».

Согласно философскому энциклопедическому словарю, механизм – это система движений или событий, а также устройство или приспособление, в котором и посредством которого совершаются эти движения, определяемые законами природы [1].

По С.И. Ожегову, механизм: 1) система, устройство, определяющие порядок какого-нибудь вида деятельности; 2) последовательность состояний, процессов, определяющих собой какое-нибудь действие, явление [2].

Как утверждает Г.А. Аванесов, и с его мнением автор статьи согласен, говоря о человеческом поведении, понятие «механизм» можно использовать только условно. Криминология изучает «механизм» с учетом специфики своей отрасли знания [3]. В

криминологической литературе слово «механизм» используется при описании различных процессов, но чаще всего оно используется при рассмотрении вопросов детерминации и генезиса индивидуального поведения лиц, совершающих преступления. Нередко прибегают к рассмотрению механизма преступного поведения для объяснения происхождения преступления «вообще» безотносительно к его конкретной форме» [4].

Таким образом, можно сделать вывод, что механизм – это система определенных элементов, которые взаимодействуют между собой, и тем самым, порождают свойственные для этой системы, действия или явления.

Если рассматривать механизм конкретного поведения, то элементами такой системы будут являться индивидуальные качества личности и конкретная жизненная ситуация, которые во взаимосвязи и будут порождать определенные действия человека.

Преступления как факты реальной действительности являются результатом человеческой деятельности, человеческого поведения. Под поведением в психологии понимается целенаправленная система последовательно выполняемых действий, осуществляющих практический контакт организма с окружающими условиями, опосредствующих отношения живых существ к тем свойствам среды, от которых зависит сохранение и развитие их жизни, подготавливающих удовлетворение потребностей организма, обеспечивающих достижение определенных целей [5].

С точки зрения Ю.М. Антоняна, поведение – это отдельные действия (бездействия) или цепь действий, а также образ жизни человека, в которых проявляется его активность и определенная линия мотивации и которые обусловлены его природными задатками, воспитанием и социализацией в целом, реализуясь во взаимодействии с конкретными жизненными ситуациями [6].

По словам Г.А. Аванесова, поведение есть превращение внутреннего состояния человека в действия по отношению к социально значимым объектам. Оно представляет собой внешне наблюдаемую систему действий (поступков) людей, в которой реализуются внутренние побуждения человека [7].

Специфика преступного поведения заключается не в том, что в этом поведении содержатся какие-то особые психические или физиологические механизмы, отличающиеся от правомерного поступка. Специфика состоит не в форме, а в содержании функционирования этих механизмов. А это означает, что механизм преступного поведения содержит по форме те же психологические элементы, что и механизм правомерного поступка, но наполненные другим социальным мировоззренческим содержанием. В нем, как и при совершении общественно полезных действий, отражается внешняя среда, в которой действует человек, но это отражение, как правило, дефектно. А это означает, что сущность преступного поведения в том, что оно противоречит существующим общественным отношениям, причиняет или способно причинить вред правам и интересам граждан, организаций и общества в целом.

Довольно часто в юридической литературе отмечается, что «преступное поведение» – более широкое понятие, чем «преступление».

Например, В.Н. Кудрявцев считает, что «преступное поведение есть

процесс, развертывающийся в пространстве и времени и включающий внешние, объективные действия, образующие состав преступления, а также внутренние, предшествующие им психологические явления, которые детерминируют совершение преступления» [8].

Кроме того, в литературе встречается мнение, что «преступное поведение рассматривается как более широкое понятие, чем преступление в уголовно-правовом смысле» [9].

Ю.М. Антонян считает иначе: «Принято думать, что преступное поведение – более широкое понятие, чем преступление. Это заблуждение, поскольку оба термина подразумевают одно и то же явление социальной жизни. Разница между ними состоит лишь в том, что первый описывает и оценивает его с правовых, а второй – с криминологических, точнее кри-

минологическо-психологических позиций. Но речь всегда идет об одном и том же» [10].

В ч. 1 ст. 14 Уголовного кодекса Российской Федерации четко прописано, что «преступлением признается виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное Уголовным кодексом под угрозой наказания». Из этого определения следует, что речь идет о внешне выраженном акте человеческого поведения, который причинил ущерб объекту посягательства или поставил его под угрозу причинения вреда. Поэтому, по мнению А.В. Яшина [11] и других авторов, будет преждевременным считать, что те психологические явления, которые предшествуют совершению преступления, тоже относятся к преступному поведению. Эти явления будут отражать лишь криминогенную мотивацию поведения личности вообще, но пока в деянии субъекта не будут признаков состава преступления, его поведение нельзя считать преступным. С одной стороны с данным мнением можно согласиться, т.к. любому поведению предшествует субъективный элемент, т.е. формирование определенного намерения, определенного мотива. Мотив действительно может быть криминогенным, но пока этот мотив не трансформировался в поступок, запрещенный Уголовным законом, нельзя говорить о преступном деянии субъекта, как нельзя привлечь к уголовной ответственности лицо лишь за обнаружение преступного умысла.

Но с другой стороны, при изучении преступного поведения, именно с криминологической точки зрения, интересно не только внешнее общественно опасное и противоправное действие, но и его истоки: возникновение мотивов, постановка целей, выбор средств, принятие субъектом будущего преступления различных решений и т.д. Содержание данного термина – криминологическое. Это значит, что указанное понятие используется не для определения оснований ответственности за содеянное, а главным образом для раскрытия причин индивидуального преступного поведения и его механизма, а также на их основе, выработке мер по предупреждению такого поведения.

По мнению многих авторов, преступление, как правило, не происходит спонтанно; если не считать «случайных» правонарушителей, оно почти всегда подготовлено более или менее длительным процессом формирования личности, принятия решения и выбора средств для его осуществления. Ему, следовательно, предшествует ряд этапов психической деятельности субъекта, которые постепенно формируют антиобщественную направленность поступка и его фактическое осуществление [12]. Автор придерживается той точки зрения, что «преступление» и «преступное поведение»

относятся к одному и тому же явлению социальной жизни, но описывают и раскрывают его по-разному.

Таким образом, преступное поведение человека представляет собой процесс, который разворачивается как в пространстве, так и во времени, и который включает не только сами действия, изменяющие внешнюю среду, но и предшествующие им психологические явления и процессы, которые определяют генезис противоправного поведения. Важным аспектом изучения преступного поведения является анализ его механизма.

Именно механизм преступного поведения показывает, как зарождается преступное поведение, как из обычного поведения субъекта оно перерастает в уголовно наказуемое, и как это преступное поведение угасает и вновь переходит в непротивоправное. В самом общем виде он характеризуется как «переработка личностью воздействий внешней среды на основе социальной и генетической информации, формирование отношения к деятельности и деятельность, определяемая психологическими процессами и воспрещенная уголовным законом» [13].

В учебном пособии «Криминология» под редакцией С.Н. Иншакова дается следующее определение: «механизм преступного поведения» или «механизм преступления», - это система стадий взаимодействия человека и внешней среды, создающей преступное поведение и осуществляющей это поведение. Кроме того в самом понятии «механизм преступного поведения» воплощена идея непосредственной психологической причины конкретного преступления – стремления лица удовлетворить потребность в чем либо вопреки уголовному запрету [14].

Механизм преступного поведения, как считает О.Л. Дубовик, представляет собой динамическое явление, определенное взаимодействием составляющих его элементов [15].

По мнению В.Н. Кудрявцева, механизм преступного поведения – связь и взаимодействие внешних факторов объективной действительности и внутренних, психических процессов и состояний, детерминирующих решение совершить преступление, направляющих и контролирующих его исполнение [16].

Г.Ш. Глонти определяет механизм преступного поведения как «процесс взаимодействия факторов внешней среды (конкретной жизненной ситуации, повода и иных обстоятельств) с социальными, психологическими и биологическими свойствами и характеристиками личности (мотивация, принятие решения, выбор путей и средств и пр.), обуславливающий намерение и решимость лица совершить пре-

ступление и контролирующий его совершение» [17].

Таким образом, говоря о сущности механизма преступного поведения необходимо выделить следующее: во-первых механизм преступного поведения - это некая система (процесс), т.е. нечто целое, содержащее в себе определенные взаимосвязанные и взаимозависимые элементы, а это говорит о сложности системы; во-вторых механизм преступления – порядок взаимодействия (связи), т.е. отношение взаимной зависимости, обусловленности, общности между составляющими его элементами.

Любое взаимодействие подразумевает определенную деятельность. По мнению А.И. Леонтьева и Д.Ю. Попова, термином «деятельность» обозначается сложная совокупность процессов, объединенных общей направленностью на достижение определенного результата, который вместе с тем является объективным побудителем этой деятельности, той конкретно определенной потребностью, которая удовлетворяется в результате деятельности [18].

Термин «действие» означает относительно самостоятельный процесс, подчиненный сознательной цели. В отличие от деятельности, действие отвечает не самостоятельному побуждению, а побуждению той деятельности, в которую оно входит. Если результат деятельности осознается как конечная цель, то цель действия представляет собой промежуточную цель.

Любое действие человека совершается в общественной среде, поэтому оно имеет определенное содержание и выступает в качестве акта поведения или поступка. Действия человека определяются как множество социальных явлений, конкретных жизненных ситуаций, так и потребностями, интересами и т.д. Но следует учитывать, что даже самая неблагоприятная ситуация необязательно приводит к совершению преступления. Ухудшение жизни людей, обнищание и безработица, падение нравственности и другие негативные явления, несомненно, оказывают влияние на рост как отдельных преступлений, так и преступности в целом. Но эти проявления социального характера опосредованно влияют на преступное поведение. Они воздействуют на нравственно-психологическое состояние людей, изменяя мотивацию поведенческой установки личности. Ситуация лишь способствует проявлению сущностных основ личности, являясь показателем того, в каких условиях она способна совершить преступление. По мнению М.И. Еникеева, «понять поведение преступника – значит, понять его поведенческие стереотипы и устойчивые мотивы поведения» [19].

Ситуация вызывает тот или иной поступок, лишь преломляясь через психику человека, взаимодействуя с его личностными качествами, порождая потребности и мотивы. Чем сложнее характер ситуации, тем сложнее механизм такого взаимодействия. В тоже время разнообразие условий человеческой деятельности предопределяет множество типов взаимодействия человека с окружающей средой, в том числе и с ситуацией.

Если преступление – общественно опасное виновное поведение человека, то никакая ситуация сама по себе не может служить причиной преступления. Если человек действовал виновно, значит неблагоприятная ситуация давала ему возможность выбора варианта поведения, но он в силу своих социальных качеств выбрал преступный путь разрешения этой ситуации из числа возможных. Конкретная жизненная ситуация может быть отнесена лишь к условиям, которые способствовали преступлению.

Поэтому, все же, решающая роль в совершении преступления принадлежит конкретному человеку с его системой взглядов, наклонностей и стремлений. Внешнее поведение человека является определенной формой выражения его внутреннего мира.

Общее понятие механизма преступного поведения не только не исключает, но предполагает существование его в различных вариантах. Это относится не только к различиям, связанным с видами преступлений или формами вины субъекта, но и к особенностям развития преступной деятельности в рамках одного и того же состава. Тот факт, что мотивация и поведение различных лиц приобретают антиобщественный характер в разных звеньях рассматриваемого механизма, зависит как от особенностей внешней среды, так и от свойств данной личности.

Разнообразие вариантов механизма преступного поведения весьма велико; можно даже утверждать, что каждый такой механизм не менее индивидуален, чем личность преступника. Но так же, как возможна типология личностей преступника, включающая определенное число характерных групп личностей, возможна и типология механизмов преступного поведения. В ее основу должно быть положено классифицированное разнообразие тех элементов поведения, которые были вовлечены в процесс формирования преступных намерений, принятия решений и их осуществления.

Рассматривая с этой точки зрения механизмы преступного поведения, наиболее часто встречающиеся в реальной действительности, остановимся на четырех основных группах:

а) механизмы преступного поведения, связанные с деформацией потребностей и интересов личности;

б) механизмы, связанные с расхождением (противоречием) между потребностями (интересами) и возможностями субъекта;

в) механизмы, связанные с деформацией нравственных и правовых представлений, ценностных ориентаций и социальных установок личности;

г) механизмы, связанные с дефектами процесса принятия и осуществления решений [20].

Представляет прямой практический интерес выяснение не только разновидностей этих механизмов применительно к конкретным видам преступлений, но и анализ их распространенности в реальных исторических условиях.

В изучении механизма преступного поведения особое место занимают вопросы, связанные с интересами, потребностями, мотивами поведения людей, их целями и стремлениями. И это понятно, т.к. объективные общественные процессы действуют не автоматически, а через сознание и поведение людей.

Личность человека формирует социальная среда, в которой он находится. С детства его окружают родители, друзья, воспитатели, учителя и просто незнакомые люди, с которыми приходится сталкиваться ежедневно. Вступая во взаимосвязи с окружающими людьми, человек усваивает нормы поведения, нравственные и правовые понятия и представления, социальные и культурные ценности, приобретает новые потребности, интересы и стремления. Вместе с тем, он вовсе не является «игрушкой в руках судьбы» или пассивным объектом воздействия социальных условий; человек сам в известных пределах формирует условия своей жизни, а, следовательно, и собственную личность. Неблагоприятное формирование личности, которое происходит с конкретными людьми в наше время, скажется на их поведение далеко не сразу – тогда, когда, возможно, отпадут объективные условия, послужившие источником их «уродливой» психологии [21]. Так и личности с преступным поведением, которые имеются сейчас, формировались в свое определенное время, со своими особенностями, которые необходимо учитывать при их изучении.

Таким образом, анализ содержания и особенностей функционирования механизма преступного поведения очень важен как с теоретической, так и с практической точки зрения. Во-первых он важен потому, что раскрывает свойства личности преступника и те стороны внешней социальной среды, которые образуют причины и условия, способствующие совершению преступлений. Во-вторых, - потому, что помогает определить меры по предупрежде-

нию преступлений, а также помогает изменить направленность личности правонарушителя.

1. *Философский энциклопедический словарь*. – М.: ИНФРА-М, 1999. С. 266.

2. См.: Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. *Толковый словарь русского языка*. М.: Азбуковник, 1999. С. 354.

3. См.: Аванесов Г.А. *10 глав о мотивациях и мотивах. Через призму науки криминологии: монография* / Г.А. Аванесов. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2012. С. 69-70.

4. См.: Самовичев Е.Г. *Анализ преступного поведения в системе методов уголовно – правовой науки // Методологические проблемы уголовно-правового регулирования общественных отношений*. М., 1989. С. 78.

5. *Большой психологический словарь*. М.: Прайм-ЕВРОЗНАК / Под ред. Б.Г. Мещерякова, акад. В.П. Зинченко. 2003.

6. Антонян Ю.М. *Понятие преступного поведения // Криминологические проблемы преступного поведения*. М.: ВНИИ МВД СССР, 1991. С. 8.

7. См.: Аванесов Г.А. *10 глав о мотивациях и мотивах. Через призму науки криминологии: монография* / Г.А. Аванесов. М.: ЮНИТИ-ДАНА. Закон и право. 2012. С. 63.

8. Кудрявцев В.Н. *Механизм преступного поведения. Юридическая психология* / Под ред. Т.Н. Курбатовой. СПб.: Питер, 2001. С. 112.

9. *Криминология: Учебник для вузов* / Под ред. А.И. Долговой. М.: Издательство НОРМА, 2001. С. 67.

10. Антонян Ю.М. *Понятие преступного поведения // Криминологические проблемы преступного поведения. Сборник научных трудов*. М.: ВНИИ МВД СССР, 1991. С. 3.

11. См.: Яшин А. В. *Постпреступное поведение: Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08*. Саратов, 2005. С. 10-17.

12. Дубинин Н.П., Карпец И.И., Кудрявцев В.Н. *Генетика, поведение, ответственность: (О природе антиобщественных поступков и путях их предупреждения)*. М.: Политиздат, 1982. С. 154.

13. Дубовик О.Л. *Принятие решения в механизме преступного поведения и индивидуальная профилактика преступлений*. М., 1977. С. 4-5.

14. *Криминология. Учеб. Пособие* / Под ред. С.Н. Иншакова. М., 2005. С 92-93.

15. *Механизм преступного поведения*. М., 1981. С. 31.

16. См.: *Природа преступного поведения и его механизм // Механизм преступного поведения*. М., 1981. С.30

17. См.: Глонти Г.Ш. *О механизме преступного*. В сб.: ВНИИ МВД РФ. *Криминологиче-*

ские проблемы преступного поведения. Сборник научных трудов. М., 1991. С.14.

18. Леонтьев А.Н., Попов Д.Ю. *Психология человека и технический прогресс // Философские вопросы физиологии высшей нервной деятельности и психологии* М., 1963. С. 415-422.

19. Еникеев М.И. *Юридическая психология*. М., 1999. С. 517.

20. *Курс советской криминологии: Предмет. Методология. Преступность и ее причины*. Преступник. М.: Юрид. лит. 1985. С. 361-362.

21. Кудрявцев В.Н., Эминов В.Е. *Причины преступности в России: криминологический анализ*. М.: Норма, 2006. С. 20.

1. *Philosophical encyclopedic dictionary*. – М.: INFRA-M, 1999. P. 266.

2. See: Ojegov S.I., Shvedova N. Yu. *Explanatory dictionary of Russian*. М.: Azbukovnik, 1999. P. 354.

3. See: Avanesov G.A. *10 chapters about motivations and motives. Through a prism of science of criminology: monograph* / G.A. Avanesov. М.: YuNITI-DANA: Law and right, 2012. P. 69-70.

4. See: Samovichev E.G. *The analysis of criminal behavior in system of methods criminally – legal science // Methodological problems of criminal and legal regulation of the public relations*. М., 1989. P. 78.

5. *Big psychological dictionary*. М.: Prime-EVROZNAK / Under the editorship of B.G. Meshcheryakov, Acad. V.P. Zinchenko. 2003.

6. Antonyan Yu.M. *Concept of criminal behavior // Criminological problems of criminal behavior*. М.: All-union scientific research institute of the Ministry of Internal Affairs of the USSR, 1991. P. 8.

7. See: Avanesov G.A. *10 chapters about motivations and motives. Through a prism of science of criminology: monograph* / G.A. Avanesov. М.: YuNITI-DANA. Law and right. 2012. P. 63.

8. Kudryavtsev V.N. *Mechanism of criminal behavior. Legal psychology* / Under the editorship of T.N. Kurbatova. SPb.: St. Petersburg, 2001. P. 112.

9. *Criminology: Textbook for higher education institutions* / Under the editorship of A.I. Dolgova. М.: Publishing house of NORMA, 2001. P. 67.

10. Antonyan Yu.M. *Concept of criminal behavior / Criminological problems of criminal behavior. Collection of scientific works*. М.: All-union scientific research institute of the Ministry of Internal Affairs of the USSR, 1991. P. 3.

11. See: Yashin A.V. *Post-criminal behavior: Dis. ... cand. law scien.: 12.00.08* Saratov, 2005. P. 10-17.

12. Dubinin N.P., Karpets I.I. Kudryavtsev V.N. *Genetics, behavior, responsibility: (About the na-*

ture of antisocial acts and ways of their prevention). M.: Politizdat, 1982. P. 154.

13. Dubovik O.L. *Decision-making in the mechanism of criminal behavior and individual prevention of crimes*. M., 1977. P. 4-5.

14. *Criminology. Studies. Grant / Under the editorship of S.N. Inshakov*. M., 2005. P. 92-93.

15. *Mechanism of criminal behavior*. M., 1981. P. 31.

16. See: *Nature of criminal behavior and its mechanism // Mechanism of criminal behavior*. M., 1981. P. 30.

17. See: Glonti G.Sh. *About the mechanism of the criminal*. On col.: *All-union scientific research institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. Criminological prob-*

lems of criminal behavior. Collection of scientific works. M., 1991. P. 14.

18. Leontyev A.N. Popov D.Yu. *Psychology of the person and technical progress // Philosophical questions of physiology of the highest nervous activity and psychology*. M., 1963. P. 415-422.

19. Enikeev M. I. *Legal psychology*. M., 1999. P. 517.

20. *Course of the Soviet criminology: Subject. Methodology. Crime and its reasons. Criminal*. M.: Law lit. 1985. P. 361-362.

21. Kudryavtsev V.N., Eminov V.E. *Crime and Russia reasons: criminological analysis*. M.: Norm, 2006. P. 20.

Соломоненко Геннадий Геннадьевич
аспирант кафедры уголовного права и процесса
Северо-Кавказского федерального университета
(тел.: 88652354446)

Борьба с убийствами по найму в сфере шоу-бизнеса

Статья обозначает пути борьбы с заказными убийствами в сфере российского шоу-бизнеса. Автор предлагает комплекс мер по их предупреждению.

Ключевые слова: шоу-бизнес, заказные убийства, причины преступности, предупреждение преступлений.

G.G. Solomonenko, post-graduate of the chair of criminal law and procedure of North Caucasian Federal University; tel.: 88652354446.

Struggle against hired murders in the sphere of show-business

This article shows ways of struggle against hired murders in the sphere of Russian show-business. The author proposes the complex of measures for prevention of this.

Key words: show-business, hired murders, reasons of criminality, prevention of crimes.

Заказные убийства, связанные с профессиональной деятельностью в области шоу-бизнеса, являются довольно специфической областью преступности. Комплекс мер, который в идеале направлен на искоренение определенного вида преступления, на практике все же позволяет лишь усиливать и увеличивать контроль над количественными и качественными показателями совершения преступления. Поэтому для создания эффективного перечня мер по предупреждению заказных убийств в области шоу-бизнеса стоит обратиться к истокам преступности в целом, ведь именно «изучение причин преступности – основа разработки мер борьбы с этим явлением» [1, с. 9].

Причины преступности в области шоу-бизнеса из-за специфики этой социальной сферы кроются в социальных, морально-нравственных и экономических отклонениях. Меры противодействия заказным убийствам в нашей стране к середине 90-х гг. XX в. все-таки были приняты, хотя и не совсем своевременно. В Постановлении Правительства РФ от 17 мая 1996 г. № 600 говорилось о необходимости разработать «методики расследования и раскрытия серийных преступлений против личности и убийств, совершаемых по найму, криминалого-криминалистические модели лиц причастных к их совершению (заказчик, посредник, исполнитель)».

Исходя из особенностей преступности в сфере шоу-бизнеса, условно разделим меры противодействия заказным убийствам на две части. Первая, наиболее объемная и существенная группа, будет относиться к явлению заказного убийства в целом, вторая же будет

относиться в большей степени именно к специфике этого преступления в области шоу-бизнеса. Таким образом, мы разделяем меры по профилактике и предупреждения данной преступности на две общепринятые в криминологической науке категории: общесоциальная профилактика насильственных преступлений и специально-криминологическая профилактика и предупреждение насильственных преступлений.

Стоит отдельно отметить необходимость конкретизированной и углубленной предупредительной деятельности для достижения высокого профилактического уровня путем истребления потребностей потенциальных преступников к совершению заказных убийств. Здесь, на наш взгляд, не стоит стесняться пользоваться положительным зарубежным опытом. Так, английские авторы отмечают, что «предупреждение преступлений предполагает разрушение механизмов, явившихся причиной их совершения» [1, с. 245]. Из всех законодательных актов, принятых в разных странах в области профилактики и предупреждения убийств по найму, на наш взгляд, самым продуктивным является так называемый закон «РИКО» (RICO, Racketeer Influenced and Corrupt Organization Act – Закон об организациях, подверженных рэкету и коррупции), принятый в США. Примечательной в данном законе является не только и не столько исправительная составляющая, а скорее сама цель существования подобных преступлений. Особый акцент сделан на борьбе с наживой. Так, «РИКО» позволяет конфисковать любую прибыль или собственность, незаконно добытую группировкой или отдельным ее участником, а так-

же позволяет пострадавшим предъявлять иски о возмещении ущерба в тройном размере. Поскольку именно нажива и получение сверхприбылей являются основной версией заказных убийств, совершенных в шоу-бизнесе, подобные меры, направленные на ее пресечение, могут иметь довольно ощутимые результаты.

На наш взгляд, комплекс предупредительных мер применительно к заказным убийствам в шоу-бизнесе должны составлять общие меры, направленные на устранение недостатков урегулирования социально-деловых отношений в этой сфере. Тем не менее, следуя тенденциям более ранних криминологических изысканий в сфере заказных убийств, главное внимание нами все-таки будет направлено на исследование специальных профилактических мер, поскольку: а) эти меры более приближены к практике; б) их внедрение в большинстве случаев не требует значительных материальных затрат; в) результаты их внедрения в большинстве случаев видны через непродолжительное время, что позволяет оценить степень их эффективности [3, с. 160].

Для успешной борьбы с заказными убийствами в шоу-бизнесе можно также использовать общие направления, которые рекомендуются в борьбе с преступностью в целом. Так, В.Н. Кудрявцев обозначает следующие направления: 1) продуманная социальная политика, ориентированная на человека; 2) развитие профилактики в соответствии с современным уровнем; 3) рациональная уголовная политика, а именно поддержание баланса более строгих и более мягких мер; 4) кардинальная перестройка и смена ориентирования пенитенциарной системы, а именно ориентация на европейские и мировые стандарты исправления, перевоспитания и адаптации к законопослушной жизни, а не извлечение экономической выгоды и изоляции от общества; 5) широкое и последовательное использование научных рекомендаций в сфере борьбы с преступностью [2, с. 197].

Все эти меры, безусловно, являются основополагающими в борьбе как с преступностью в целом, так и с убийствами по найму в шоу-бизнесе. Однако для эффективной борьбы с заказными убийствами в современных условиях, на наш взгляд, необходимы также специфические меры. Мы считаем крайне необходимым улучшение мер по защите свидетелей и потерпевших. Также необходимо внедрение мер по защите информаторов, что на самом деле имеет крайне важное и существенное значение, т.к. напрямую влияет на быстрое и полное раскрытие как совершенного заказного убийства, так и находящегося в стадии подго-

товки. Это неосцимемо важно для профилактики предупреждения всех заказных убийств.

Также, на наш взгляд, стоит придать борьбе с убийствами по найму устрашающий демонстративный, в крайней степени «рекламный» характер. А именно: в средствах массовой информации следует акцентировать внимание на положительных результатах борьбы с заказными убийствами и другой подобной преступностью, на суровых санкциях, принимаемых против заказчиков, исполнителей и посредниках.

Положительный эффект от подобных действий СМИ мы можем наблюдать уже сейчас. После того как пристальное внимание СМИ было привлечено к террористическим актам, число их существенно сократилось. Безусловно, это результат работы проделанной правоохранительными органами, но существенное влияние СМИ не стоит недооценивать. Тем самым СМИ способно формировать у общественности мнение, кардинально противоположное сложившемуся, что особым образом направлено именно на предупреждение преступности.

Сейчас устоялось мнение, что заказное убийство если и может быть раскрыто, то скорее совершенно случайно, нежели соответственно проведенному расследованию. И подобный пример есть в шоу-бизнесе. Пожалуй, единственное заказное убийство в области шоу-бизнеса было раскрыто не вследствие организованных целенаправленных действий правоохранительных органов, а в результате удачного стечения обстоятельств. В ходе расследования другого преступления были выявлены сведения, касающиеся убийства генерального директора звукозаписывающей фирмы «Zeko records» Зеленова. Данное дело должно было, как и остальные подобные, зайти в тупик. Однако, во время расследования серии разбойных нападений в районе, где было совершено убийство Зеленова, одна из задержанных на допросе показала, что она несколько раз сопровождала неизвестного ей мужчину по приказу главаря банды по одному и тому же маршруту. Из детального рассказа допрашиваемой, оперативники определили, что она вместе с соучастником следила за жертвой будущего заказного убийства. Сделав запрос о фактах совершения заказного убийства в период, указанный задержанной, они получили ответ о совершении убийства Зеленова, имевшего явные признаки заказного. Таким образом, фактор случайности помог раскрыть заказное убийство.

Поскольку заказное убийство фактически является довольно сложным по раскрываемости преступлением, необходимы также специальные меры со стороны правоохранительных

органов. Для раскрытия особенно важных и громких заказных убийств было бы эффективно временно формировать сборные подразделения сотрудниками полиции ФСБ и прокуратуры, анонимно привлекая к их деятельности специалистов в соответствующей профессиональной области, а именно бизнесменов, административных и иных деятелей в нашем случае шоу-бизнеса. Тем самым, противодействуя коррумпированности правоохранительных органов и подкрепляя деятельность подразделения компетентным мнением.

Исходя из специфики такой деятельности как шоу-бизнес, можно с уверенностью заключить, что практически любое заказное убийство в области шоу-бизнеса раскрываемо. При должном внимании к обстоятельствам дела, к показаниям свидетелей, сотрудников и близких можно легко очертить круг делового общения и интересов жертвы, поскольку он всегда довольно узок. Обратившись к финансовым бизнес и шоу-бизнес специалистам, легко можно вычислить круг лиц, с которыми у жертвы были деловые разногласия. В общем, при детальном подходе к любому громкому убийству в области шоу-бизнеса мы будем иметь достаточно ограниченный круг лиц, разработка которых будет иметь высокие шансы на раскрытие преступления.

Собрав по пунктам комплекс мер, мы получим самодостаточную программу по предупреждению заказных убийств в области шоу-бизнеса, включающую в себя: 1) усиление государственного регулирования финансовых отношений в области шоу-бизнеса; 2) оценку

специалистами финансовой выгоды других лиц от совершенного заказного убийства в сфере шоу-бизнеса; 3) создание меры по дискредитации финансовой или иной выгоды, а также введение материальных санкций как для заказчика, так и для исполнителя; 4) защиту свидетелей и информаторов вплоть до поощрения лиц, способствующих раскрытию преступления; 5) демонстративное, особое внимание к наказанию за убийство по найму; 6) борьбу с коррупцией в правоохранительных органах; 7) усиление агентурной работы, «тотальные» хорошо организованные оперативно-розыскные мероприятия; 8) ужесточение системы подбора работников правоохранительных органов.

---

1. Ведерникова О.Н. *Теория и практика борьбы с преступностью в Великобритании*. М., 2001.

2. Кудрявцев В.Н. *Генезис преступления*. М., 1998.

3. Локк Р.В. *Заказные убийства (криминологический анализ)*. М., 2003. С. 160.

---

1. Vedernikova O.N. *Theory and practice of struggle against criminality in Great Britain*. M., 2001.

2. Kudryavtsev V.N. *Genesis of crime*. M., 1998.

3. Lokk R.V. *Hired murders (criminological analysis)*. M., 2003. P. 160.

Ульянов Владимир Геннадьевич

доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовного процесса
Кубанского государственного университета
(тел.: 89180000999)

Порядок приостановления уголовных дел нуждается в совершенствовании

В статье излагаются соображения относительно направления реформирования института приостановления уголовных дел, позволяющих избежать порочной правоприменительной практики, а также нарушений прав и свобод участников уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: уголовное дело, предварительное расследование, приостановление, права, свободы, законность, надзор, прокурор, неустановление лица.

V.G. Ulyanov, Doctor of law, professor, professor of the chair of criminal trial of the Kuban State University; tel.: 89180000999.

Order of stay of criminal cases needs improvements

In article reasons concerning the direction of reforming of institute of stay of the criminal cases, allowing to avoid vicious law-enforcement practice, and also violations of the rights and freedoms of participants of criminal legal proceedings are stated.

Key words: criminal case, preliminary investigation, stay, rights, freedoms, legality, supervision, prosecutor, not establishment of the person.

Уходящая эпоха президентства Д.А. Медведева запомнится нам как период очередного активного реформирования уголовного и уголовно-процессуального законодательства. По общему признанию ученых и практиков, действительно, вклад Президента в либерализацию указанных отраслей права огромный. Вместе с тем, остался незабываемым институт приостановления производства по уголовным делам [1]. И речь, прежде всего, идет о таком основании приостановления расследования, который предусмотрен п. 1 ст. 208 УПК РФ. Формулировка этого положения закона сложилась много лет назад, и, несмотря на кардинальную реформу уголовно-процессуального законодательства в последнее десятилетие, сохранилась в прежнем виде и по сей день. Как представляется, положения этой нормы нуждаются в совершенствовании по следующим основаниям.

Общеизвестно, что на протяжении длительного времени в юридической литературе учеными-процессуалистами и практиками дискутировалась проблема незаконных отказов в возбуждении уголовного дела. Приводилась сокрушительная статистика количества отмененных постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела прокуратурой. В конце концов, незаконные постановления об отказе в возбуждении уголовного дела стало возмож-

ным обжаловать в суде, независимо от позиции надзирающего прокурора.

При этом, все, и ученые, и практические работники единогласно сошлись во мнении, что незаконный отказ в возбуждении уголовного дела лишает граждан возможности реализовать конституционный принцип доступа к правосудию, нарушает права жертв преступлений, предусмотренные ст. 52, 53 Конституции РФ. Безусловно, нарушается при этом, и принцип неотвратимости наказания, когда вследствие незаконного отказа в возбуждении уголовного дела безвозвратно утрачиваются улики преступления, а надежда на изобличение виновных и привлечения их к уголовной ответственности таят пропорционально прошедшему времени с момента совершения преступления.

На поверхности лежат и причины, из-за которых незаконные отказы в возбуждении уголовных дел приобрели уже критические масштабы, как по стране в целом, так и в отдельно взятом регионе страны, в частности. Пресловутая погоня за процентом раскрываемости преступлений – вот одна из главных причин, когда при явных признаках, указывающих на наличие состава преступления, тем не менее, уголовные дела не возбуждаются. Если сложить количество возбужденных по представлениям прокуратуры уголовных дел из «отказных материалов» с количеством уголовных дел, которые были возбуждены в результате обжалова-

ния незаконных постановлений об отказе в возбуждении дела в суде, то по итогам 2011 г. получается почти 25 % от общего количества всех возбужденных в прошлом году дел [2].

Не меньший интерес представляют результаты расследования «таких уголовных дел». Умышленно взял эту категорию дел в кавычки, поскольку, речь идет об уголовных делах, которые, получается, были возбуждены помимо воли и правосознания должностных лиц, проводивших доследственные проверки и принявших решения в порядке ст. 144, 145 УПК РФ. Иначе говоря, возбуждение этих дел стало возможным только после вмешательства прокуратуры или в результате судебного обжалования заинтересованными лицами постановлений об отказе в возбуждении уголовных дел. А нежелание изначально возбуждать уголовные дела связаны, прежде всего, с отсутствием на этой стадии процесса перспектив раскрытия и успешного расследования уголовных дел.

Если вновь обратиться к официальной статистике Генеральной прокуратуры РФ об итогах работы ведомства в 2010 г., то увидим, что число оконченных расследованием уголовных дел исследуемой категории составит меньше 42 % [3]. В конечном итоге получается, что почти 60 % «таких уголовных дел» по результатам расследования, а, если еще точнее, то по истечении установленного УПК РФ срока расследования или дознания «благополучно» приостанавливаются, как раз, по основаниям, указанным в п.1 ст. 208 УПК РФ: в связи с неустановлением лица, совершившего преступление и подлежащего привлечению к уголовной ответственности.

За многолетнюю прокурорскую практику приходилось много раз проверять в порядке надзора приостановленные производством уголовные дела именно по основаниям, предусмотренным п. 1 ст. 208 УПК РФ. При их огромном количестве, даже по меркам рядового районного отдела внутренних дел, большинство уголовных дел представляют из себя «худые» по объему папки с традиционным набором – перечнем произведенных следственных действий. Анализ интенсивности расследования таких дел свидетельствует, что руки следователя или дознавателя прикасались к материалам дела всего несколько раз за два календарных месяца предварительного расследования, отведенного законом срока для изобличения виновного, доказывания его вины, закрепления всех доказательств и направления дела прокурору для утверждения обвинительного заключения (или акта).

Таким образом, если на стадии возбуждения уголовного дела правоохранители всячески не желали возбуждать уголовные дела (поскольку

преступления неочевидные и без видимых перспектив его раскрытия), чтобы не «портить» показатели оперативно-служебной деятельности, то и по возбужденным уголовным делам (в каждом втором случае) реальных мер по раскрытию и расследованию преступления правоохранительными органами, в большинстве случаев, фактически не принимается.

Как говорится «проблема вернулась на круги своя». В сознании граждан – потерпевших от преступлений, которым причинен реальный ущерб, и которые лишены возможности компенсировать его путем предъявления гражданских исков, постепенно утрачивается вера в эффективность правоохранительных органов, а, следовательно – вера в государство. Неспособность отдельных следователей и дознавателей, а иной раз и нежелание исполнять ими свой служебный долг должным образом, наносит существенный урон репутации правоохранительной системе страны в целом.

В соответствии со ст. 52 Конституции РФ, права потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью охраняются законом. Декларируется доступ потерпевших к правосудию и компенсацию причиненного им ущерба. Таким образом, речь идет ни много, ни мало – о невыполнении государством гарантированных Конституцией России прав и свобод граждан. Как быть в таких случаях жертвам преступлений? Совершенно очевидно, что необходимо следовать букве основного закона страны. В ст. 53 Конституции РФ декларируется, что каждый имеет право на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц. И необходимо отметить, что исков о взыскании ущерба, причиненного в результате бездействия должностных лиц из года в год, становится все больше.

Результаты изучения приостановленных уголовных дел по основаниям п. 1 ст. 208 УПК РФ свидетельствуют, как правило, о том, что расследование проводилось поверхностно, без применения существующих криминалистических методик по расследованию конкретных категорий дел, слабо организовывалось взаимодействие с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, не выдвигались и не исследовались все возможные по делу версии. Но самое удивительное, что сплошь и рядом, следствием и дознанием не проверялись в полном объеме и надлежащим образом доводы потерпевших по делу лиц.

Вот как охарактеризовал положение дел на этом участке прокурорской деятельности Генеральный прокурор России Ю.Я. Чайка на итоговой коллегии работы органов прокуратуры РФ в 2010 г.: «... из-за низкой результативно-

сти оперативно-розыскной деятельности, ошибки, которые допускаются в ходе расследования, а порой откровенного бездействия необоснованно приостанавливается расследование по значительному числу уголовных дел, в том числе о тяжких и особо тяжких преступлениях. Подавляющее их большинство – ввиду неустановления лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого. В 2009 г. около 1,5 млн. – почти половина от всех принятых к производству» [4].

Подавляющее количество незаконно приостановленных уголовных дел отменяются именно по жалобам потерпевших по «таким уголовным делам» лиц. Будучи неудовлетворенными ходом и результатами следствия, потерпевшие из года в год направляют огромное количество жалоб в адрес руководителей следственных подразделений, надзирающих прокуроров, а также в суд. По стране в целом каждая вторая такая жалоба по результатам ее рассмотрения удовлетворяется. Незаконные постановления о приостановлении уголовных дел отменяются, и возобновленные производством дела направляются для дальнейшего расследования. При этом, надзирающими прокурорами, как правило, даются конкретные указания по делам, которые, как показывает практика, выполняются не в полном объеме, зачастую, формально, и в конечном итоге производство по делу, по прошествии отведенного законом месячного срока, вновь приостанавливается.

В Ведомственных научно-исследовательских институтах и академиях (которые имеются, кстати, при каждом правоохранительном органе РФ) из года в год разрабатываются передовые методики раскрытия и расследования преступлений, появляются достойные внимания практических работников диссертации, проводятся различного рода исследования, анализы и обобщения. Все они призваны служить повышению эффективности практики борьбы с преступностью. Все научные результаты нацелены, в конце концов, на практическую значимость и реальное внедрение в практику. С другой стороны, все дознаватели и следователи систематически проходят аттестации, целью которых является, в том числе, и определение их профессиональной пригодности, а также получения ими знаний обо всех существующих передовых методиках расследования преступлений различных категорий.

Почему же тогда при плановых проверках законности приостановления уголовных дел прокуратурой «пачками» отменяются незаконные постановления о приостановлении уголовных дел? А в судебском корпусе имеется укorenившееся мнение о том, что общее качество расследуемых дел из года в год снижается.

Причин неудовлетворительного состояния качества расследования уголовных дел много. Это тема отдельного исследования. Но одна из причин из-за которой некачественно расследованные уголовные дела после их приостановления «благополучно» ложатся на полки архивов – это несовершенство закона в части порядка приостановления дел производством по основаниям не установления лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого.

Когда на всю страну «прогремела» ст. Куцевская со всеми перипетиями, о которых в СМИ было сказано достаточно много, в регион приехала комплексная следственно-оперативная группа, составленная из следователей и оперативников как центральных аппаратов МВД и СК РФ, так и прикомандированных сотрудников из других регионов страны. Помимо успешного расследования зверского убийства семьи Аметовых и других противоправных деяний преступной группы С. Цапка, приезжие следователи заинтересовались и десятками уголовных дел прошлых лет, приостановленных местными следователями прокуратуры и органов внутренних дел по п. 1 ст. 208 УПК РФ.

Фактом остается то, что нераскрытые уголовные дела, которые годами «пылились» на полках архивов, успешно были расследованы. Виновные лица установлены и изобличены, а затем уголовные дела были направлены в суд. Только потому, что не все еще уголовные дела рассмотрены судом на текущий момент, подводить окончательные итоги и приводить статистику, полагаю неуместным.

Одним из основных выводов из такого явления как «куцевка» является то, что при наличии квалифицированного подхода к организации расследования, надлежущего ведомственного контроля, а также системного прокурорского надзора, могут раскрываться и расследоваться, а также иметь судебную перспективу и дела, считавшиеся много лет безнадежными «висяками».

Уверен, что таковыми («висяками») уголовные дела становятся, в том числе, и по причине несвоевременного прокурорского надзора, а также ненадлежащего ведомственного контроля за ходом и результатами расследования. Сейчас, в соответствии с законом, следователь (дознаватель) приостанавливая производство по делу, выносит соответствующее постановление, копию которого направляет прокурору, то есть, порядок приостановления уголовных дел носит, так называемый, «уведомительный характер» (п. 2 ст. 208 УПК РФ).

Предполагается, что надзирающий за законностью процессуальной деятельности органов предварительного следствия и дознания прокурор обязательно должен проверить закон-

ность вынесения постановления о приостановления каждого конкретного уголовного дела. Все знают, что на практике этого не происходит. Не по причине недоработки прокуратуры, а в силу того, что – это объективно невозможно. В распоряжении прокурора есть только постановление о приостановлении производства по делу. В каждом случае для проверки, прокурору необходимо запрашивать приостановленное уголовное дело. С учетом существующего объема работы и нагрузки на работников прокуратуры, как показала практика последних лет, эффективность ведомственного контроля и прокурорского надзора за законностью приостановления уголовных дел крайне низкая.

Мое предложение по совершенствованию порядка приостановления производством уголовных дел по основанию, предусмотренного п. 1 ст. 208 УПК РФ сводится к следующему. Если уголовное дело возбуждено в результате отмены по представлению прокурора незаконного постановления об отказе в возбуждения дела, то и приостановлено оно может быть, тоже, только лишь с согласия прокурора. То есть, следователь или дознаватель по прошествии срока расследования не только уведомляют прокурора о принятом процессуальном решении, путем направления копии постановления, а должны будут представить уголовное дело за трое суток до истечения двухмесячного первоначального срока расследования.

Предлагаемый порядок приостановления уголовных дел позволит прокурору отслеживать каждое уголовное дело, возбужденное по его представлению, влиять на законность и обоснованность принимаемых следователем по делу процессуальных решений, создаст реально работающих механизм по предупреждению бездействия и формальности по «не-

очевидным» уголовным делам. Уверен, что при таком механизме, надзирающий за следствием и дознанием прокурор будет более тщательно изучать дела и делать свой вывод соглашаться ли с приостановлением производства по делу, или же, вернуть дело для дополнительного расследования с установлением дополнительного срока следствия и дачей конкретных указаний о направлении расследования. Безусловно, повысится значимость и ответственность ведомственного контроля в лице руководителя следственного подразделения.

1. Колосович М.С., Колосович О.С. *Институт приостановления производства по уголовному делу и обеспечение прав и законных интересов участников уголовного процесса при реализации его норм.* Волгоград, 2011. С. 5.

2. *Информационный бюллетень Генеральной прокуратуры «О состоянии законности и правопорядка в РФ в 2010 г.».* Издательство типографии ГП РФ. 2011. С. 11.

3. Там же. С. 12.

4. *Официальный сайт Генеральной прокуратуры РФ:* URL: www.genproc.gov.ru

1. *Kolosovich M. S., Kolosovich O.S. Institute of stay of production on criminal case and ensuring the rights and legitimate interests of participants of criminal trial at realization of its norms.* Volgograd, 2011. P. 5.

2. *The newsletter of the Prosecutor General's Office "About a condition of legality and a law and order in the RF in 2010".* GP Russian Federation printing house publishing house. 2011. P. 11.

3. *In the same place.* P. 12.

4. *Official site of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation:* URL: www.genproc.gov.ru

Хайдаров Альберт Анварович

кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры уголовного процесса
Казанского юридического института МВД России
(тел.: 88432787271)

Особенности судебного следствия по делам лиц, в отношении которых ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера

Автор исследует вопросы состава суда для данной категории уголовных дел, предмета доказывания, процессуального статуса лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера.

Ключевые слова: судебное следствие, принудительные меры медицинского характера, уголовные дела, предмет доказывания.

A.A. Haydarov, Candidate of law, senior teacher of the chair of criminal trial of the Kazan legal Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia; tel.: 88432787271.

Features of judicial examination for persons concerning whom production about application of a coercive measure of medical character is conducted

The author investigates questions of structure of court for this category of criminal cases, a subject of proof, the procedural status of the person concerning which production about application of coercive measures of medical character is conducted.

Key words: judicial examination, coercive measures of medical character, criminal cases, proof subject.

Судебное следствие в ходе производства о применении принудительных мер медицинского характера ведется по общим правилам, предусмотренным УПК РФ (гл. 35, 37), с присущими этому производству особенностями.

В гл. 51 УПК РФ не регламентируются вопросы, связанные с составом суда. Отсутствуют по этому вопросу какие-либо указания или ограничения в ст. 440 УПК, в которой лишь сказано, что судья, получив уголовное дело о применении принудительной меры медицинского характера, назначает его к рассмотрению в судебном заседании в порядке, установленном гл. 33 УПК «Общий порядок подготовки к судебному заседанию». В ст. 441 УПК «Судебное разбирательство» также не рассматриваются подобного рода вопросы. В ст. 441 УПК указывается, что рассмотрение уголовного дела производится в общем порядке с изъятиями, предусмотренными гл. 51 УПК.

В ст. 31-36 УПК также не указывается, в каком составе суда должны быть рассмотрены дела по применению принудительных мер медицинского характера.

Косвенно вывод о вопросах состава суда по данной категории дел можно сделать на основе анализа ряда статей УПК. Так, в ст. 444 УПК сказано, что постановление суда может быть обжаловано в кассационном порядке или в порядке надзора потерпевшим, его представителем, а также лицом, в отношении которого велось или ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера, его защитником, законным представителем или близким родственником и прокурором. Из сказанного выше можно сделать однозначный вывод о том, что рассматриваемую категорию уголовных дел не вправе рассматривать мировой судья, в противном случае в ст. 444 УПК была бы указана апелляционная инстанция, куда должно быть обжаловано постановление мирового судьи. Учитывая, что в рассматриваемом производстве окончательное решение выносится в форме постановления, то согласно п. 23 и п. 25 ст. 5 УПК речь идет о единоличном рассмотрении уголовного дела, а также о невозможности рассмотрения подобной категории дел в составе трех судей федерального суда общей юрисдикции и судь-

ей федерального суда общей юрисдикции и коллегии из двенадцати присяжных заседателей. В разъяснениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 7 апреля 2011 г. № 6 «О практике применения судами принудительных мер медицинского характера» [1] указано, что такие дела не подлежат рассмотрению судом с участием присяжных заседателей.

Таким образом, единственно возможным и законным будет порядок, в соответствии с которым подобные дела разрешаются единолично судьей федерального районного суда.

Подсудность дел о применении принудительных мер медицинского характера определяется по общим правилам подсудности уголовных дел, установленным в ст. 31 УПК РФ.

Производство о применении принудительных мер медицинского характера ведется только в отношении лица, совершившего запрещенное уголовным законом деяние в состоянии невменяемости, или лица, у которого после совершения преступления наступило психическое расстройство, делающее невозможным назначение наказания или его исполнение.

При производстве процессуальных действий в ходе судебного следствия судье следует учитывать, что лицо, в отношении которого ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера не является подсудимым, а, значит, не обладает соответствующим правовым статусом.

Ряд авторов полагает, что в ходе судебного разбирательства указанное лицо обладает всеми правами подсудимого [2], другие же отмечали, что лицу, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера, права подсудимого (обвиняемого) могут быть предоставлены только в той степени, в какой это позволяет состояние его психического здоровья [3]. Третья группа авторов указывает на то, что при определении процессуального статуса лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера, необходимо учитывать, что такое лицо не является субъектом преступления, следовательно, на него не могут быть распространены по аналогии права, которыми пользуются в уголовном процессе подозреваемый, обвиняемый, подсудимый, а в УПК следует предусмотреть отдельную уголовно-процессуальную норму с указанием прав подобной категории лиц [4].

Дискуссия по данному вопросу была прекращена после того, как в ст. 437 «Участие лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера, и его законного пред-

ставителя» [5] было предусмотрено, что такому лицу предоставляется право лично осуществлять принадлежащие ему и предусмотренные ст. 46 и 47 УПК процессуальные права лишь в случае, если его психическое состояние позволяет ему осуществлять такие права. В ст. 437 УПК ничего не сказано о правовом положении подсудимого и может ли судья предоставить права и возложить обязанности, предусмотренные ст. 247 УПК, на указанное лицо. Очевидно, что лицо, в отношении которого ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера, не может ходатайствовать о рассмотрении его уголовного дела о преступлении небольшой или средней тяжести без его участия (ч. 4 ст. 247 УПК), также как и невозможно применить принудительные меры медицинского характера без личного участия, за исключением случаев, когда лицо находится в психиатрическом стационаре, либо по состоянию здоровья не может оставить место своего пребывания либо иные случаи, связанные с болезнью лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера и препятствующие его участию в судебном заседании.

Во всех остальных случаях судья должен принимать меры к обеспечению участия в ходе судебного следствия лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера, в том числе доставлять в судебное заседание указанное лицо, не явившееся без уважительных причин по правилам ст. 113 УПК.

В случае невозможности судебного разбирательства вследствие неявки в судебное заседание указанного лица, судья принимает процессуальное решение об отложении судебного заседания.

Приостановление судебного разбирательства в соответствии со ст. 253 УПК возможно в том случае, если рассматриваемое лицо скрылось. Если психическое расстройство лица, в отношении которого ведется производство, исключает возможность его явки в судебное заседание, то судья продолжает производство по уголовному делу.

Кроме того, лицу, в отношении которого ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера, может быть отказано в личном участии в судебном заседании, если его психическое состояние не позволяет ему участвовать в судебном заседании. Очевидно, что данное процессуальное решение судья принимает в ходе судебного заседания на этапах предшествующих судебному следствию.

При решении вопроса об участии в судебном заседании лица, в отношении которого

ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера, а также о предоставлении права лично осуществлять принадлежащие ему процессуальные права, судья должен учитывать заключение экспертов, участвующих в производстве судебно-психиатрической экспертизы, и при необходимости медицинское заключение данное экспертами психиатрического стационара.

Показания такого лица могут учитываться судом при оценке его психического состояния, а также опасности лица для самого себя или других лиц либо возможности причинения им иного существенного вреда, при определении вида принудительной меры медицинского характера.

Особенностью производства по такого рода делам является то, что судебное следствие начинается не с изложения государственным обвинителем предъявленного подсудимому обвинения, а с изложения прокурором доводов о необходимости применения к лицу, которое признано невменяемым или у которого наступило психическое расстройство, принудительной меры медицинского характера.

Определение порядка исследования доказательств и само исследование их производится в соответствии со ст. 274 УПК без каких либо ограничений.

Однако по делам о применении принудительных мер медицинского характера в ходе судебного производства судье необходимо учитывать данные о личности, в частности, каким психическим заболеванием страдает лицо, в отношении которого ведется производство. Данное обстоятельство может иметь решающее значение при производстве судебных действий, поскольку уровень восприятия информации, внушаемость лица, в отношении которого ведется производства зависит от его заболевания. В том случае, если судья придет к убеждению о необходимости предоставить указанному лицу права, предусмотренные ст. 46, 47 УПК, ему необходимо будет учитывать подобные обстоятельства в ходе рассмотрения уголовного дела.

Судья в ходе судебного следствия должен также обратить внимание на то, что в ходе производства о применении принудительных мер медицинского характера подлежат доказыванию следующие обстоятельства:

- 1) время, место, способ и другие обстоятельства совершенного деяния;
- 2) совершено ли деяние, запрещенное уголовным законом, данным лицом;
- 3) характер и размер вреда, причиненного деянием;
- 4) наличие у данного лица психических расстройств в прошлом, степень и характер психического заболевания в момент совершения

деяния, запрещенного уголовным законом, или во время производства по уголовному делу;

5) связано ли психическое расстройство лица с опасностью для него или других лиц либо возможностью причинения им иного существенного вреда.

Данный перечень обстоятельств, подлежащих доказыванию, является не совсем полным. Учитывая тот факт, что действие ст. 73 УПК не распространяется на производство о применении принудительных мер медицинского характера, судье следует устанавливать также следующие иные обстоятельства:

способность лица осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими вследствие психического расстройства;

обстоятельства, способствовавшие совершению деяния, запрещенного уголовным законом;

способность лица осознавать характер совершаемых действий либо руководить ими во время производства по делу.

Обстоятельства, способствующие совершению деяния, запрещенного уголовного закона должны устанавливаться по уголовному делу. На данный факт было обращено внимание в разъяснениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 7 апреля 2011 г. № 6 «О практике применения судами принудительных мер медицинского характера», в котором сказано, что целью применения принудительных мер медицинского характера является, в том числе, предупреждение совершения лицом, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера новых предусмотренных уголовным законом общественно опасных деяний. На необходимость установления указанных обстоятельств обращалось также внимание в ряде научных работ [6].

Участие законного представителя в ходе судебного следствия является обязательным. Суд обязан обеспечить законному представителю возможность осуществления его процессуальных прав в ходе рассматриваемого этапа судебного разбирательства, предусмотренных ч. 2 ст. 437 УПК РФ, в том числе прав участвовать в судебном разбирательстве уголовного дела, заявлять ходатайства и отводы, представлять доказательства и др. В случае необходимости суд может принять решение о допросе законного представителя лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера, в качестве свидетеля при его согласии, о чем выносит постановление (определение) и разъясняет ему права, указанные в ч. 4 ст. 56 УПК РФ. При допросе законный представитель предупреждается об

уголовной ответственности только за дачу заведомо ложных показаний. Если законный представитель действует в ущерб интересам представляемого им лица, он отстраняется судом от участия в деле, и законным представителем лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера, признаются другие лица, указанные в п. 4 ст. 5 УПК РФ, а при их отсутствии - орган опеки и попечительства.

Особенностью судебного следствия по делам лиц, в отношении которых ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера, является также обязанность судьи возвратить уголовное дело прокурору, если есть необходимость составления обвинительного заключения или обвинительного акта по уголовному делу, направленному в суд с постановлением о применении принудительной меры медицинского характера.

Судья также принимает решение о возвращении дела прокурору, если при производстве о применении принудительных мер медицинского характера не принимал участие защитник с момента вынесения постановления о назначении в отношении лица судебно-психиатрической экспертизы (если защитник ранее не участвовал в данном уголовном деле), либо принимал эпизодическое участие, а также в том случае если был принят отказ от защитника судом (судьей) (п. 12 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 7 апреля 2011 г. № 6).

Согласно разъяснению Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 7 апреля 2011 № 6 «О практике применения судами принудительных мер медицинского характера», если в ходе судебного разбирательства дела, поступившего с обвинительным заключением, будет установлено, что подсудимый во время совершения деяния находился в состоянии невменяемости или у подсудимого после совершения преступления наступило психическое расстройство, лишаящее его возможности осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими, суд выносит постановление об освобождении этого лица от уголовной ответственности или от наказания и о применении к нему принудительных мер медицинского характера, в порядке, предусмотренном гл. 51 УПК РФ, не возвращая дела прокурору. Когда указанные обстоятельства будут установлены по делу, поступившему с обвинительным актом, такое дело также подлежит возвращению прокурору, поскольку с учетом положения ч. 1 ст. 434 УПК РФ по делам данной категории

производство предварительного следствия обязательно.

В завершение рассмотрения вопроса об особенностях судебного следствия по делам лиц, в отношении которых ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера, судьей должны быть исследованы следующие вопросы:

1) имело ли место деяние, запрещенное уголовным законом;

2) совершило ли деяние лицо, в отношении которого рассматривается данное уголовное дело;

3) совершено ли деяние лицом в состоянии невменяемости;

4) наступило ли у данного лица после совершения преступления психическое расстройство, делающее невозможным назначение наказания или его исполнение;

5) представляет ли психическое расстройство лица опасность для него или других лиц, и возможно ли причинение данным лицом иного существенного вреда;

6) подлежит ли применению принудительная мера медицинского характера и какая именно.

Таким образом, при рассмотрении уголовных дел о применении принудительной меры медицинского характера судье следует иметь в виду, что:

лицо, в отношении которого ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера не является преступником, а следовательно, и подсудимым;

судье необходимо руководствоваться гл. 51 УПК, не забывая о том, что при таком производстве не действует ряд общих положений УПК (например, ст. 73 УПК);

уголовные дела о применении принудительных мер медицинского характера рассматриваются единолично судьей федерального районного суда;

в ходе такого производства возникают специфические основания для возвращения уголовного дела прокурору в порядке ст. 237 УПК;

при судебном следствии подлежат исследованию по рассматриваемым уголовным делам вопросы, указанные в ст. 442 УПК

1. *Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2011. № 7. С. 2-4.*

2. *Хомовский А.А. Производство по применению принудительных мер медицинского характера в советском уголовном процессе: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1967. С. 14; Овчинникова А.П. Применение, изменение и отмена судом принудительных мер медицинского характера. М., 1975. С. 15-16.*

3. *Улицкий С.Я. Проблемы принудительных мер медицинского характера: учебное посо-*

бие по уголовному праву и уголовному процессу. Владивосток, 1973. С. 19.

4. Говрунова А.И. Уголовно-процессуальные проблемы применения принудительных мер медицинского характера. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2009. С. 4-5.

5. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 29.11.2010 N 323-ФЗ (с изм. от 29.12.2010) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2010. № 49. Ст. 6419.

6. Шагеева Р.М. Проблемы применения принудительных мер медицинского характера в уголовном процессе: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Уфа, 2005. С. 6-7.

1. *Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation.* 2011. № 7. P. 2-4.

2. Homovsky A.A. *The application of compulsory measures of a medical character in the Soviet criminal proceedings: Autoref. dis. ... cand. law scien. M., 1967. P. 14; Ovchinnikova A.P. Applica-*

tion, amendment and cancellation of the court of compulsory measures of a medical nature. M., 1975. P. 15-16.

3. Ulichkiy S.Ya. *The problem of compulsory measures of a medical nature: a training manual for criminal law and criminal process. Vladivostok, 1973. P. 19.*

4. Govrunova A.I. *The criminal-procedural problems of the application of compulsory measures of a medical nature: Autoref. dis. ... cand. law scien. Krasnodar, 2009. P. 4-5.*

5. *On introduction of amendments to the Criminal procedural code of the Russian Federation: the Federal law from 29.11.2010 N 323-FZ (with amendments from 29.12.2010) // Collection of legislation of the Russian Federation. 2010. № 49. Art. 6419.*

6. Shageeva R.M. *Problems of application of compulsory measures of a medical character in the criminal process: Autoref. dis. ... cand. law scien. Ufa, 2005. P. 6-7.*

Пастельняк Антон Викторовичаспирант кафедры теории и истории государства и права
Северо-Кавказского федерального университета
(тел.: 88652354446)

Состязательность как принцип судебного правоприменения

В статье проанализирована реализация принципа состязательности в современном российском процессуальном законодательстве. Определено значение данного принципа для судебного правоприменения.

Ключевые слова: судебное правоприменение, состязательность, процессуальная форма, российское процессуальное законодательство

A.V. Pastelnyak, post-graduate of the chair of theory and history of state and law of North Caucasian Federal University; tel.: 88652354446.

Adversarial as a principle of judicial enforcement

An implementation of the principle of competition in the modern Russian procedural legislature is analyzed in the article. The meaning of this principle for the judicial enforcement is defined.

Key words: judicial enforcement, adversarial, procedural form, Russian procedural legislature.

Судебная защита прав и свобод гарантируется каждому человеку и гражданину в Российской Федерации посредством особой формы реализации права – судебного правоприменения. Отправление правосудия является особым видом осуществления государственной власти.

Проблему представляет закрепление состязательности как принципа судебного правоприменения на уровне теории права. Согласно ч. 3 ст. 123 Конституции РФ, судопроизводство осуществляется на основе состязательности и равноправия сторон. Аналогичные нормы содержат и отраслевое законодательство. Осуществление правосудия по гражданским и уголовным делам на основе состязательности и равноправия сторон закреплено в ч. 1 ст. 12 ГПК РФ, ч. 1 и ч. 4 ст. 15 УПК РФ, ч. 1 ст. 9 АПК РФ.

Следует отметить, что регламентированные уголовно-процессуальным законом досудебные процедуры оказывают влияние на понимание состязательности в уголовном правосудии [1].

Состязательность сторон выражается в следующих пяти правилах: 1) функции обвинения, защиты и разрешения уголовного дела отделены друг от друга, они не могут быть возложены на один и тот же орган или одно и то же должностное лицо; 2) исследование доказательств осуществляется сторонами обвинения (государственным обвинителем, потерпевшим, гражданским истцом и их представителями) и защиты (защитником, гражданским ответчиком и его представителем); 3) стороны обвинения и защиты равны перед судом в правах на заяв-

ление отводов и ходатайств, представление доказательств, участие в их исследовании, выступление в прениях сторон, представление суду письменных формулировок по вопросам, указанным в п. 1-6 ч. 1 ст. 299 УПК, на рассмотрение иных вопросов, возникающих в ходе судебного разбирательства; 4) суд не является органом уголовного преследования, не выступает на стороне обвинения или на стороне защиты; 5) суд создает необходимые условия для исполнения сторонами их процессуальных обязанностей и реализации предоставленных им прав, а также разрешает уголовное дело [2].

В этой связи, Конституционный Суд РФ отметил, что, согласно ст. 123 Конституции РФ, судопроизводство «осуществляется на основе состязательности и равноправия сторон. Несмотря на то, что данный принцип должен распространяться на все стадии уголовного судопроизводства, в полной мере он все же проявляется лишь на судебных стадиях» (Постановление Конституционного Суда РФ от 14 февраля 2000 г. № 2-П).

Имея конституционную основу, принцип состязательности и равноправия сторон закреплен в ст. 35 Федерального Конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» [3]. При этом следует со всей определенностью констатировать, что нормы о состязательности являются главными, базовыми нормами, а нормы, допускающие в некоторых случаях активность суда, можно считать исключениями из основного правила [4].

Подробно состязательность раскрывается законодателем в ч. 2 ст. 9 АПК РФ: «Лица, участвующие в деле, вправе знать об аргумен-

тах друг друга до начала судебного разбирательства. Каждому лицу, участвующему в деле, гарантируется право представлять доказательства арбитражному суду и другой стороне по делу, обеспечивается право заявлять ходатайства, высказывать свои доводы и соображения, давать объяснения по всем возникающим в ходе рассмотрения дела вопросам, связанным с представлением доказательств. Лица, участвующие в деле, несут риск наступления последствий совершения или не совершения ими процессуальных действий».

Доктринальные комментарии позволяют более полно понять смысл состязательности, заложенный законодателем в это понятие. Например, в комментарии к ст. 12 ГПК РФ «Осуществление правосудия на основе состязательности и равноправия сторон» А.А. Мохов рассматривает принцип состязательности, как «... правило, по которому заинтересованные в исходе дела лица вправе отстаивать свою правоту в споре путем представления доказательств, участия в исследовании доказательств, представленных другими лицами, путем высказывания своего мнения по всем вопросам, подлежащим рассмотрению в судебном заседании. Сущность данного принципа состоит в том, что стороны состязаются перед судом, убеждая его при помощи различных доказательств в своей правоте в споре. Состязательное начало процесса является отражением естественного или адекватного поведения сторон с противоположными интересами в суде» [5].

Комментируя ст. 12 ГПК РФ, А.П. Рыжаков полагает, что «... основное содержание принципа состязательности сторон в гражданском процессе составляют следующие правила: исследование доказательств осуществляется сторонами; стороны равны в правах (ч. 3 ст. 38 ГПК РФ); суд руководит процессом, создавая необходимые условия для всестороннего и полного исследования обстоятельств дела; разрешает дело суд» [6].

Примечательно, что отраслевые процессуальные формы имеют отличия, если рассматривать их с позиций состязательной модели построения судебного правоприменения. Например, в ч. 3 и ч. 4 ст. 65 АПК РФ установлены нормы-правила для раскрытия доказательств: «... каждое лицо, участвующее в деле, должно раскрыть доказательства, на которые оно ссылается как на основание своих требований и возражений, перед другими лицами, участвующими в деле, до начала судебного заседания или в пределах срока, установленного судом, если иное не установлено настоящим Кодексом. Лица, участвующие в деле, вправе ссылаться только на те доказательства,

с которыми другие лица, участвующие в деле, были ознакомлены заблаговременно».

В действующий ГПК РФ такой состязательный процессуальный институт законодателем не введен. Указанные различия негативно сказываются на системном развитии отраслевого процессуального законодательства и следующей за ним судебной практики.

Важны для реализации конституционного требования о состязательности определения понятия «правоприменения» и «судебного правоприменения», как вида правоприменения, предлагаемые современной правовой доктриной.

Например, применение государственного права определяется А.В. Поляковым, как принудительно-властная деятельность государства (его органов и должностных лиц), направленная на разрешение конкретных поведенческо-правовых коллизий в соответствии с нормами права [7].

В диссертационных работах начала XXI в. понятие судебного правоприменения исследовалось такими авторами, как А.В. Аверин, Р.Р. Рафиков, Е.И. Волкова. Так, А.В. Аверин судебным правоприменением называет специфическую форму реализации права компетентным органом – судом, осуществляемую в определенном законом порядке, направленную на реализацию правовых предписаний, непосредственным результатом которой является разрешение правового конфликта посредством издания акта судебного правоприменения по конкретному юридическому делу [8].

Существенных противоречий определения судебного правоприменения, приводимые указанными авторами, не содержат.

Соглашаясь с позициями ученых, отметим иные ключевые, на наш взгляд, моменты в судебном правоприменении, как особой формы реализации права, отражающие правовую природу этого понятия.

Судебное правоприменение, как форма реализации права, есть процессуальная деятельность суда по установлению фактической и юридической основы судебного дела и на их основе по разрешению судебного спора.

В числе принципов, оказывающих влияние на правоприменительную деятельность, в науке общей теории права называются требования законности, обоснованности, целесообразности [9, с. 278-279]. Как представляется, указанные принципы-требования к судебному правоприменению должны быть дополнены требованием состязательности.

1. Давлетов А.А. Проблема состязательности решена в УПК РФ неудачно // *Российская юстиция*. 2003. № 8.

2. Рыжаков А.П. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации по состоянию на 30 июля 2010 // СПС «Консультант плюс».

3. Витрук Н.В. Конституционное правосудие. М., 2005.

4. Воронов А. Ф. Принципы гражданского процесса: прошлое, настоящее, будущее. М., 2009.

5. Мохов А.А. Комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) // СПС «Гарант».

6. Рыжаков А.П. Комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации по состоянию на 8 августа 2011. 6-е изд. // СПС «Консультант плюс».

7. Поляков А.В. Общая теория права: проблемы интерпретации в контексте коммуникационного подхода. СПб., 2004.

8. Аверин А.В. Судебное правоприменение и формирование научно-правового сознания судей (проблемы теории и практики): Автореф. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2004.

9. Сырых В.М. Теория государства и права. М., 2001

1. Davletov A.A. The problem of competition solved in the criminal procedure code of the Russian Federation failed // Russian justice. 2003. № 8.

2. Ryzhakov A. P. The commentary to the Criminal-procedural code of the Russian Federation as of 30 July 2010 // SPS «Consultation Plus».

3. Vitruk N.V. Constitutional justice. M., 2005.

4. Voronov A.F. Principles of civil process: past, present, future. M., 2009.

5. Mohov A.A. The commentary to the code of Civil procedure of the Russian Federation (clause-by-clause) // SPS «Garant».

6. Ryzhakov A.P. The commentary to the code of Civil procedure of the Russian Federation as of 8 August 2011. 6th ed. // SPS «Consultation Plus».

7. Polyakov A.V. The General theory of the law: problems of interpretation in the context of the communication approach. SPb., 2004.

8. Averin A.V. Judicial enforcement and the formation of the scientific and legal consciousness of judges (problems of theory and practice): Autoref. ... doc. law sc. Saratov, 2004.

9. Syryh V.M. Theory of state and law. M., 2001.

Ларичев Василий Дмитриевич

доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ,
главный научный сотрудник ВНИИ МВД России
(тел.: 84956671515)

Выявление и документирование преступлений, связанных с рейдерскими захватами имущественных комплексов

В статье рассматриваются поводы для проведения оперативно-розыскных мероприятий по выявлению и документированию преступлений, связанных с рейдерскими захватами имущественных комплексов. Раскрываются признаки подготовки рейдерских захватов, рекомендуются гласные действия и негласные оперативно-розыскные мероприятия по документированию указанных преступных действий.

Ключевые слова: преступления, признаки подготовки рейдерских захватов, оперативно-розыскные мероприятия, выявление преступлений, документирование преступлений.

V.D. Larichev, Doctor of law, professor, honoured worker of Russian Federation, main research associate All-union scientific research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia; tel.: 84956671515.

Identification and documenting of crimes, connected with raider captures of property complexes

In article reasons for carrying out operational search actions for identification and documenting of the crimes connected with raider captures of property complexes are considered. Signs of preparation of raider captures reveal, public actions and private operational search actions for documenting of the specified criminal acts are recommended.

Key words: crimes, signs of preparation of raider captures, operative-search actions, detection of offenses, documenting of crimes.

Одной из основных криминальных угроз в сфере экономической деятельности в настоящее время является рейдерство, которое в последние годы получили широкое распространение в России. Многочисленные рейдерские акции потрясают экономику государства, в результате чего происходит очередной криминальный передел собственности. В ходе такой криминальной деятельности банкротятся эффективные производства, снижается инвестиционная привлекательность целых отраслей, при этом давление рейдеров на бизнес ежегодно отнимает у страны до 1 % экономического роста.

В 2008 г. общая оценка сделок по слияниям и поглощениям на российском рынке составляла 110 398,9 млрд долларов [1]. По оценкам экспертов, объем рейдерских поглощений составляет около 40% от общего объема таких сделок [2], т.е. около 55 млрд долларов в год.

Рейдерство в России связано с такими угрозами экономической безопасности, как увеличение коррумпированности государственных служащих и представителей судейского корпу-

са, повышение уровня безработицы, монополизация ряда сегментов рынка, утрата конкурентоспособности, разрушение и спад производства, дискредитация представителей федеральной и региональной власти, правоохранительных органов и судов, ухудшение инвестиционного климата, деформация правовой идеологии и распространение правового нигилизма и др. Рейдерство оказывает дестабилизирующее воздействие на состояние экономической деятельности, приводит к значительному ухудшению криминологической обстановки в стране и наносит огромный ущерб развитию предпринимательской активности населения.

В связи с отмеченным, вопросы рейдерского захвата предприятий в 2008-2009 гг. стали объектом внимания высших должностных лиц государства. Одним из приоритетных направлений деятельности Правительства России на период до 2012 г. в сфере обеспечения национальной безопасности является «комплекс мероприятий по противодействию криминальным захватам имущественных комплексов (рейдерству), наносящим значительный ущерб

экономике России и имеющим большой общественный резонанс» [3].

31 июля 2008 г. Президентом РФ Д.А. Медведевым утвержден Национальный план противодействия коррупции, п. 9 раздела IV которого руководителю Следственного комитета при прокуратуре и начальнику Следственного комитета при МВД России поручено усилить контроль за законностью и обоснованностью процессуальных решений, принимаемых по уголовным делам, касающимся захвата имущества, имущественных и неимущественных прав, денежных средств предприятий, так называемого рейдерства. Тем самым официально признано, что рейдерство является проблемой государственного масштаба, решение которой требует контроля на самом высшем уровне, а так же то, что основной путь противодействия этому криминальному явлению - борьба с ним с помощью уголовно-правовых мер.

2 февраля 2009 г. на заседании коллегии ФСБ и 5 ноября 2009 г. на совещании с членами Совета Федерации [4] Д.А. Медведев заявил, что в настоящее время главными проблемами в стране являются рейдерство и коррупция.

Министром внутренних дел Российской Федерации Р.Г. Нургалиевым борьба с преступлениями, связанными с рейдерскими захватами, отнесена к приоритетным направлениям деятельности органов внутренних дел РФ, что требует от подразделений экономической безопасности органов внутренних дел повышения эффективности в данном направлении.

В то же время, надлежащей результативности в вопросах координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с рейдерством не наблюдается. Усилия органов внутренних дел не носят упреждающего характера, а принимаемые меры недостаточно эффективны для реального восстановления прав потерпевших.

Оперативно-розыскная работа по выявлению и пресечению преступлений указанной направленности надлежщим образом не организована, носит бессистемный, эпизодический характер.

Данные регистрирующих органов и организаций-депозитариев в качестве дополнительных источников оперативной информации не используются, в связи с чем сохраняется тенденция неучтенных преступных деяний.

Проведенное исследование показало, что поводом для проведения оперативно-розыскных мероприятий по выявлению и документированию преступлений, совершаемых при рейдерских захватах имущественных комплексов, являлись:

получение заявления от потерпевшей стороны – 68,3 % от общего количества опрошенных оперативных сотрудников;

публикации и сообщения средств массовой информации – 17,8 %;

получение сообщений от государственных органов – 5 %, в том числе: от Межведомственной комиссии по взаимодействию государственных структур в области банкротств; Федеральной регистрационной службы;

получение сообщений от негласных сотрудников - 29,7 %;

оперативная информация из других подразделений ОВД или других правоохранительных органах – 13,8 %;

самостоятельное установление признаков подготовки рейдерских захватов – 16,8 %;

анонимные сообщения – 1 %.

Таким образом, в подавляющем большинстве случаев оперативно-розыскные мероприятия начинают проводиться после получения заявления потерпевшей стороны. Причем, заявление от потерпевшей стороны о совершении рейдерского захвата имущественного комплекса предприятия получается:

на этапе подготовки рейдерского захвата при установлении признаков такой подготовки – 10,9 % от общего количества опрошенных оперативных работников;

при проведении силовых захватов – 49,5 %;

после осуществления рейдерского захвата – 53,5 %.

Исходя из приведенных данных видно, что оперативная работа по выявлению и раскрытию рассматриваемых преступлений начинается либо при осуществлении рейдерского захвата, либо после его проведения. К этому времени, как правило, рейдеры уже захватывают предприятие и перепродают его цепочке «добросовестных приобретателей». Поэтому, даже в случае успешного документирования преступной деятельности и возбуждения уголовного дела, незамедлительное принятие мер к недопущению отчуждения имущества предприятия, в том числе оборудования, техники, зданий и сооружений, являющееся одной из главных задач расследования преступлений данной категории, становится невозможным, поскольку подлежащее аресту имущество, ставшее предметом преступного посягательства со стороны неустановленных преступников, оказывается у так называемых «добросовестных приобретателей». Возбуждение уголовного дела в отношении неустановленного лица, также зачастую, делает невозможным наложение ареста на имущество, т.к., в соответствии со ст. 115 УПК РФ, арест может быть наложен на имущество подозреваемого, обвиняемого или лиц, несущих по закону материальную ответственность за их действия, и суды

нередко отказывают в удовлетворении ходатайств следователей по таким делам.

В связи с этим, даже при успешном расследовании уголовного дела, собственник имущества не может вернуть его от «добросовестных приобретателей» и, таким образом, теряет все свое имущество.

Исходя из этого, оперативным сотрудникам следует построить свою работу таким образом, чтобы проводить оперативно-розыскные мероприятия не после осуществления захвата имущественного комплекса, когда в оперативно-розыском плане практически уже ничего нельзя сделать и документирование осуществляется практически гласным официальным путем на основе официальных документов, а в момент его подготовки и проведения. В этом случае с использованием оперативно-розыскных сил средств и методов удается доказать связь рейдеров с «добросовестными приобретателями», выявить всех участников рейдерских захватов имущественных комплексов или большинство из них.

Своевременное (упреждающее) выявление преступлений данной категории возможно путем:

получения информации от негласных сотрудников о подготовке или совершении рейдерского захвата;

установления признаков подготовки рейдерского захвата имущественного комплекса и дальнейшей оперативно-розыскной работы по документированию преступлений;

внедрения в структуры рейдерских групп штатных работников ОВД или негласных сотрудников, своевременного получения от них информации о намерении совершения рейдерского захвата, его документирования и пресечения на ранней стадии.

К признакам подготовки рейдерской атаки можно отнести следующие:

получение данных о сборе информации о компании-цели – на это указало 48,5 % опрошенных оперативных сотрудников и 22,2 % работников предприятий, подвергшихся рейдерским захватам имущественных комплексов, или иных лиц, сталкивавшихся в своей деятельности с рейдерскими захватами;

внезапная активность миноритарных акционеров 9,9 % и 17,8 % соответственно;

неожиданные судебные процессы – 34,7 % (28,9 %);

проведение различного рода проверок, связанных с выемкой документов – 27,2 % (48,9 %);

скупка акций (долей) на рынке – 24,8 % (31,1 %);

интенсивная информационная компания в СМИ по дискредитации собственников и топ-менеджеров – 4 % (11,1 %).

При установлении этих и других признаков оперативные работники проводят оперативно-розыскные мероприятия, направленные на установление заказчика и исполнителей рейдерских захватов, для чего проводится весь комплекс ОРМ, в первую очередь, таких, как ПТП, наблюдение и др.

Для выявления и уточнения роли участников рейдерских захватов, схемы его осуществления и т.п. оперативные сотрудники лично либо через негласных сотрудников могут ориентироваться также на следующие действия участников рейдерской атаки, могущих выступать в качестве признаков подготовки и совершения рассматриваемых преступлений:

БТИ: получение документов для регистрации прав собственности, обременений по объектам недвижимости; ускорение получения документов в БТИ, а также легализация несогласованных перепланировок.

ИФНС: проведение "поддельных" регистраций с целью перехвата контроля в обществе; обеспечение своевременной информации по юридическому лицу и собственности, намечающейся к рейдерскому захвату.

ФРС: ускоренное проведение нескольких переходов прав собственности; получение своевременной информации об активах.

Государственные экспертные учреждения: получение сфальсифицированных экспертиз, легализация подлинности документов, уничтожение документов; неустановление факта фальсификации документов, используемых рейдерами.

ФСФР: получение информации и давление на компанию-мишень (эмитента); получение своевременной информации по эмитенту

Департамент земельных ресурсов: помощь в переоформлении земель в собственность и оформлении иных прав на землю (блокирование действий собственников).

ОВД, Прокуратура, Управление Государственного пожарного надзора ГУ МЧС России, Роспотребнадзор, Минюст РФ, ФСКН РФ: давление на собственников с целью установки переговорной позиции и покупки собственности по устраивающей рейдеров цене; защита недружественных действий рейдера с целью доказательства фальсификации правоустанавливающих документов; уничтожение либо «потеря» документов уголовного дела.

ССП (служба судебных приставов): возбуждение исполнительного производства для того, чтобы получить право провести или заблокировать то или иное действие собственника.

Суд: вынесение мер, блокирующих деятельность собственника, легализация решений, закрепление полномочий судебными решениями.

Как было отмечено выше, еще одним направлением своевременного выявления преступлений данной категории возможно путем внедрения в структуры рейдерских групп штатных сотрудников ОВД, негласных сотрудников, своевременного получения от них информации о намерении совершения рейдерского захвата и его документирования и пресечения на ранней стадии.

Здесь следует отметить, что оперативные сотрудники подразделений БЭП должны анализировать уголовные дела, средства массовой информации, сообщения негласных сотрудников с целью установления групп (фирм, ОПГ), занимающихся рейдерскими захватами имущественных комплексов, заказчиков таких захватов и проведения в отношении них оперативно-розыскных мероприятий, среди которых одним из наиболее эффективных является оперативное внедрение.

Кроме того, перечень юридических лиц (фирм), имеющих отношение к недружественным поглощениям, в отдельных случаях появляются в СМИ, аналитических материалах ОВД.

Примером успешного документирования преступлений данной категории является возбужденное по материалам проверки сотрудников УБЭП ГУВД Алтайского края уголовное дело № 158749 по ч. 4 ст. 159 УК РФ по факту незаконного завладения имуществом ОАО «Шипуновский элеватор». Данное уголовное дело было возбуждено в результате полученной оперативной информации в рамках дела оперативного учета.

При получении заявления от потерпевшей стороны о совершении рейдерского захвата имущественного комплекса предприятия оперативные работники проводят следующие гласные действия и негласные оперативно-розыскные мероприятия:

установление потерпевшей стороны – на это указало 23,8 % опрошенных оперативных работников;

установление подставных лиц, от имени которых в налоговые органы были направлены заявления о внесении изменений в регистрационные документы - 43,6 %;

получение, изучение и анализ регистрационных и иных документов потерпевшей стороны – 28,7 %, в том числе реестр акционеров, учредительные документы, протоколы совещаний, приказы, иные документы финансово-хозяйственной деятельности предприятия;

исследование документов на предмет установления поддельных подписей и печатей – 50,5 %;

установление состава и структуры рейдерских групп – 33,7 %;

наблюдение, прослушивание телефонных переговоров, снятие информации с технических каналов связи, используемых участниками рейдерских групп – 34,7 %;

обследование помещений, зданий, сооружений, занимаемых организацией-рейдером – 16,8 %;

наведение справок и проведение опросов в целях проверки и анализа полученной информации – 40,6 %.

При наведении справок и проведении опросов необходимо:

получить юридические документы потерпевшей стороны, а также документы, подтверждающие законность владения либо пользования недвижимостью или другим имуществом (в том числе акциями, облигациями, векселями, иными ценными бумагами), являющимися объектами преступных посягательств;

получить документы, на основании которых был произведен захват организации;

опросить вышеуказанных лиц об обстоятельствах захвата с предъявлением полученных документов.

При этом в обязательном порядке опрашиваются сотрудники ИФНС России, принявшие на регистрацию поддельные уставные и учредительные документы, и сотрудники ГУ ФРС России, принявшие на регистрацию поддельные документы, отражающие переход права собственности на объекты недвижимости. Опросы данных сотрудников необходимы для установления лиц, подавших документы на регистрацию.

Также должны своевременно проводиться оперативно-розыскные мероприятия, направленные на установление местонахождения и изъятие поддельных документов. Несвоевременное их установление в дальнейшем приводит к их утрате и невозможности привлечения виновных лиц к уголовной ответственности.

Так, по уголовному делу № 140917, возбужденному по признакам преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ в отношении Ф., который подозревался в совершении хищения здания, расположенного в г. Москве, в связи с неустановлением местонахождения представленных в ГУ ФРС России по г. Москве фиктивных документов, уголовное преследование в отношении Ф. прекращено.

В то же время, своевременное возбуждение, обнаружение в ходе выемок и обысков подлинников правоустанавливающих документов, проведение по ним экспертиз позволило следователям ГСУ г. Москвы в короткие сроки раскрыть и предотвратить преступную деятельность организованной группы в составе Т., Х. и Б., незаконно завладевшими зданиями, расположенными в центре города Москвы,

общей площадью более 3 тыс. кв. м., принадлежащими ЗАО «Бизнес Центр».

При сборе образцов для сравнительного исследования получают:

образцы подписей и почерка учредителей, руководителей и иных представителей потерпевшей стороны, имеющих право подписи документов (в том числе на основании доверенностей);

оттиски печатей, штампов организации, действовавших на период захвата предприятия.

Затем производится исследование документов потерпевшей стороны на предмет установления признаков их подделки (с использованием полученных образцов почерка и подписей), а также исследование оттисков штампов и печатей, содержащихся на документах потерпевшей стороны (с использованием полученных образцов оттисков печатей и штампов).

В полном объеме должен проводиться комплекс ОРМ в отношении руководителей юридических и физических лиц, которые становятся учредителями обществ в результате регистрации поддельных уставных и учредительных документов, а также лиц, которые приобрели право собственности на объекты недвижимости в результате совершенных преступлений. Проведение данных ОРМ требуется для установления механизма незаконного отчуждения имущества и перерегистрации организаций.

Кроме того, для документирования преступных действий применяются такие технические средства, как: кино съемка, фотосъемка, видеозапись, аудиозапись и др.

Следует также отметить, что в ряде случаев такие ОРМ по документированию преступных действий своевременно не проводятся, что позволяет злоумышленникам уходить от ответственности. Примером такого ненадлежащего исполнения своих обязанностей со стороны оперативных служб может служить уголовное дело № 190177, возбужденное по признакам преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ по факту завладения 100 % долей уставного капитала ООО «РПО Концерн ХИМПЛАСТ».

В отношении подозреваемых по данному делу М. и К. уголовное преследование прекращено по причине неустановления их причастности к совершённом преступлению. Это стало возможным из-за ненадлежащего документирования их преступных действий сотрудниками ОБЭП, которые при проведении контролируемой встречи М. и К. не осуществили аудио и видеозапись их разговора. На указанной встрече произошла передача документов и печатей ООО «РПО Концерн ХИМПЛАСТ». Также указанными сотрудниками не было осуществлено прослушивание телефонных пере-

говоров М. и К., что могло бы сформировать необходимую доказательную базу.

При этом необходимо отметить, что только в случае хорошей оперативной разработки возможно раскрыть роль каждого участника от руководителя до исполнителя и привлечь их к уголовной ответственности.

Так, по факту покушения на хищение акций ОАО «Михайловский ГОК» и захвату данного предприятия в отношении неустановленных лиц возбуждено уголовное дело № 128203. В результате слаженной работы следователей ГСУ, оперативных сотрудников УБЭП и ФСБ в короткие сроки установлена организованная группа в составе В., Ж. и П., которые были осуждены. По завершении расследования дела от должности отстранены два судьи, наложившие запрет на акции на основании явно подложных документов, на судебного пристава-исполнителя возбуждено и расследуются прокуратурой уголовное дело.

Отрицательно на выявлении и раскрытии преступлений по «недружественным поглощениям» сказывается неисполнение требований временной инструкции «Об особенностях взаимодействия подразделений органов предварительного следствия по расследованию организованной преступной деятельности и оперативных подразделений криминальной милиции», утвержденной приказом МВД России № 215-дсп от 07 марта 2002 г.

Необходимо отметить, что низкая раскрываемость рейдерских захватов обусловлена ненадлежащим взаимодействием следственных и оперативных подразделений в рамках расследования уголовных дел. Например, по уголовному делу № 110611, возбужденному по факту завладения уставным капиталом и активами ООО «Хава» возникла необходимость в одновременном проведении обысков в жилищах в г. Москве и Московской области. Следователем было дано соответствующее поручение в ОБЭП, однако своевременно обыски проведены не были.

Зачастую ненадлежащее взаимодействие следственных подразделений с оперативными службами выражается в отсутствии оперативного сопровождения процесса раскрытия преступления со стадии возбуждения уголовного дела до судебного разбирательства. Практически интерес к уголовному делу у оперативных работников пропадает после его возбуждения. Взаимодействие носит принудительный характер и, как правило, основано на приказах, создании следственно-оперативных групп по конкретным уголовным делам и формальном выполнении отдельных поручений следователей.

Серьезные упущения имеют место и в организации работы самих СОГ, создаваемых для

расследования конкретных уголовных дел, где ведущая роль принадлежит следователям. По некоторым делам участие оперативных сотрудников в их составе сводится к формальному исполнению отдельных поручений следователей, а руководителями оперативных служб работа сотрудников контролируется недостаточно.

В состав групп, где нужна постоянная, кропотливая работа, включаются малоопытные оперативные работники, уходящие в отпуск, часто болеющие, либо переводящиеся на другую работу. Поскольку выделяемые в состав СОГ оперативные сотрудники не освобождаются от обязанностей по основному месту работы, взаимодействие происходит в обычном порядке в виде выполнения отдельных поручений, а следователи, являясь руководителями СОГ, не осуществляют должной координации действий членов СОГ и контроля исполнения.

1. Горбань С.И. *Стратегия и тактика поведения корпорации на рынке в условиях слияний и поглощений* // *Вестник Московского университета МВД России*. 2009. № 6. С. 61.

2. Радыгин А. *Российский рынок слияний и поглощений: этапы особенности, перспективы* // *Вопросы экономики*. 2009. № 10. С. 29.

3. *Распоряжение Правительства РФ от*

17 ноября 2008 г. № 1663-р «Об утверждении основных направлений деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2012 года» // *СЗ РФ*. 2008. № 48. Ст. 5639 (с послед. изм.).

4. *Стенографический отчет о встрече с членами палаты Совета Федерации* // *Официальный сайт Президента*: URL: <http://news.kremlin.ru/transcripts/5928>

1. Gorban. S.I. *Strategy and tactics of behavior of corporation in the market in the conditions of merges and absorption* // *Messenger of the Ministry of Internal Affairs Moscow University of Russia*. 2009. No 6. P. 61.

2. Radygin A. *Russian market of merges and absorption: stages of feature, prospect* // *Economy questions*. 2009. No 10. P. 29.

3. *The order of the Government of the Russian Federation from November 17, 2008 of No 1663-r «About the statement of the main activities of the Government of the Russian Federation for the period till 2012»* // *SZ Russian Federation*. 2008. No 48. Art. 5639 (about a placenta. amendment).

4. *The verbatim record about a meeting with members of chamber of the Federation Council* // *Official site of the President*: URL: <http://news.kremlin.ru/transcripts/5928>

Буякова Галина Александровна

старший юрист-консульт правового управления
ГУ МВД России по Краснодарскому краю
(e-mail: galinbuyakov@yandex.ru)

К вопросу о криминалистической характеристике нецелевого расходования бюджетных средств

В статье рассматривается вопрос о криминалистической характеристике преступления, связанного с нецелевым расходованием бюджетных средств. Автор приводит свое видение этой проблемы, предлагая разработку рекомендаций для практических работников по выявлению и расследованию данной категории дел как в части теории доказательств, так и в части конкретных криминалистических методик выявления расследования нецелевого расходования бюджетных средств.

Ключевые слова: предмет доказывания, способ совершения преступления, время и место совершения преступления, бюджетные средства, бюджетное законодательство.

G.A. Buyakova, main legal adviser of legal department GU of the Ministry of Internal Affairs of Russia across Krasnodar region; e-mail: galinbuyakov@yandex.ru

To a question of the criminalistic characteristic of a no-purpose expenditure of budgetary funds

The question of the criminalistic characteristic of the crime connected with a no-purpose expenditure of budgetary funds is considered in the article. The author gives the vision of this problem, offering development of recommendations for practical workers on investigation of this category of affairs, both regarding the theory of proofs and the criminalistic techniques of identification of investigation of a no-purpose expenditure of budgetary funds

Key words: criminal investigation, the method of committing the crime, the time and place of commission of the crime, the budgetary funds of budget legislation.

В настоящее время в России продолжается реформирование системы государственного управления и бюджетных отношений. Серьезную угрозу порядку бюджетного финансирования, выполнению важнейших задач государственного управления представляет преступление, предусмотренное ст. 285.1 Уголовного кодекса Российской Федерации. Уяснив характер и степень общественной опасности некоторых из нарушений бюджетного законодательства, восполнение данного пробела было осуществлено путем закрепления в Уголовном кодексе Российской Федерации Федеральным Законом № 162 от 8 декабря 2003 г. две нормы, предусматривающих уголовную ответственность за нецелевое расходование бюджетных средств (285.1, 285.2). Опыт расследования уголовных дел данной категории незначителен, ввиду недавней истории уголовно-правового предмета. Однако он имеется и, соответственно, требует анализа и обобщения. По данным ГИАЦ МВД России, в 2004 г. было выявлено 7 лиц, совершивших преступление, предусмотренное 285.1 УК РФ. В 2005 году – 31, в 2006 – 66, в 2007 – 116, в 2008 – 160, а в 2009 году – 179.

Для сравнения проанализируем информационные данные ИЦ ГУ МВД России по Краснодарскому краю. «Так, в 2004 году было выявлено 1 преступление, в возбуждении которого было отказано на основании п.2 ч.1 ст.24 УПК Российской Федерации, в 2005 году – 2, из которых одно направлено в суд, в 2006 году – 6, по всем приняты решения об отказе в возбуждении уголовного дела, в 2007 году – 8, одно из которых направлено в суд, в 2008 году выявлено – 19, в суд не направлено не одного, в 2009-20, приняты решения об отказе в возбуждении уголовного дела, 2010 году – 15, 4 уголовного дела направлены в суд, и только по одному вынесено наказание в виде штрафа 100 000 рублей и 1 года лишения права занимать должность, в 2011 году – 9, приняты решения о прекращении уголовных дел и об отказе в возбуждении уголовных дел. За 3 месяца 2012года выявлено 3 преступления, решения по которым на данный момент не приняты [1].

Анализ правоприменительной практики в бюджетной сфере показывает, что существует тенденция к росту данного вида преступления, однако уголовных дел, связанных с нарушени-

ем бюджетного законодательства возбуждается очень мало, что свидетельствует о том, что преступления в сфере распределения и расходования бюджетных средств носят латентный характер.

Выявление и расследование преступлений данной категории представляет определенную сложность, что не в последнюю очередь связано с особенностями юридического состава преступления данного вида. Квалификацию бюджетных преступлений необходимо рассматривать с учетом действующих норм гражданского, бюджетного, уголовного и уголовно-процессуального законодательства России, совокупность которых и определяет уголовно-правовую сущность бюджетных преступлений. [2, с. 17]

Предметом преступной деятельности данных видов преступлений являются бюджетная система государства. Это основанная на экономических отношениях и юридических нормах совокупность всех бюджетов, действующих на территории России. Предмет преступления характеризуется одним общим и тремя отличительными признаками. Суть общего признака заключается в том, что предметом каждого из этих преступлений являются бюджетные средства (государственные бюджетные средства-деньги). К отличительным признакам следует отнести: 1) размер, 2) правовой статус и 3) адресат (получатель или распорядитель) государственных бюджетных средств.

Бюджетные средства - денежные средства, находящиеся в ведении государства и поступающие в безвозмездном и безвозвратном порядке в соответствии с законодательством Российской Федерации в распоряжение органов государственной власти, органов государственной власти субъектов РФ и органов местного самоуправления предназначены для финансового обеспечения задач и функций государства в области промышленности, сельского хозяйства, транспорта, связи, социальной защиты населения, развития рыночной инфраструктуры, обеспечение охраны окружающей среды, охраны и производства ресурсов и в других сферах социально-экономической, политической жизни [3, с. 16].

Особенность денег как непосредственного объекта посягательства заключается в том, что они не лежат «мертвым грузом», а, являясь средством платежа, находятся в постоянном движении. Зачастую, чтобы установить первоначальный источник денежных средств (в нашем случае - бюджет любого уровня), необходимо восстановить длительную цепочку связей-расчетов между различными организациями. Особенность денег (и особенность дел, с ними связанных) заключается также в том, что денежные средства на длительном пути своего

следования от распорядителя кредита до получателя средств плавно перетекают из безналичной формы, в наличную форму, постепенно исчезая. И получается, что деньги на зарплату учителям и врачам федеральным центром перечислены, а до конечного адресата не дошли [4, с. 278].

Относительно форм нецелевого расходования бюджетных средств следует указать, что они бывают различными. Например, к ним следует отнести следующие: использование средств на цели, не предусмотренные бюджетной росписью и лимитами бюджетных обязательств на соответствующий финансовый год; использование средств бюджетных кредитов и ссуд на цели, не предусмотренные договором (соглашением) на их получение; использование средств, полученных в виде субсидий или субвенций, на цели, непредусмотренные условиями их предоставления; иных видов нецелевого использования средств федерального бюджета, установленных бюджетным законодательством; использование средств на цели, не предусмотренные в утвержденных сметах доходов и расходов на соответствующий финансовый год [5, с. 87].

Следует отметить, что субъект преступления, предусмотренного ст. 285.1 - специальный, поскольку кроме общих требований, предъявляемых к субъектам преступления «должностное лицо обладает специфическими чертами, специально предусмотренными в законе. А.М. Лазарев указывает, что специальный субъект преступления - это «лицо, которое кроме необходимых признаков (вменяемость, достижение возраста) обладает особыми дополнительными признаками, возложенными на него в силу выполнения определенных обязанностей по роду деятельности [6, с. 81]. Нельзя не согласиться с В.Г. Павловым, отмечающим, что особенности субъекта преступления определяются спецификой совершения преступления [7, с. 198].

Таким образом, субъектами совершения нецелевого расходования бюджетных средств являются:

1) должностные лица, получатели бюджетных средств, лица, постоянно, временно или по специальному полномочию осуществляющие функции представителя власти либо выполняющие организационно-распорядительные, и административно-хозяйственные функции в государственных органах, органах местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждениях, а также в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках и воинских формированиях Российской Федерации;

2) преступления совершаются ими в связи с выполнением профессиональных функций,

возложенными на них распорядительных функций, появлением корыстных целей и личной заинтересованности;

3) для этих преступлений характерны нарушения действующего порядка организации деятельности бюджетного законодательства, системы материальной ответственности, организации учета и контроля бюджетных средств, регулирующих порядок и условия осуществления государственной политики

Способы совершения нецелевого расходования и распределения бюджетных средств многообразны. Они, как правило, имеют трехзвенную структуру, характеризующую образ действия субъектов до, во время и после совершения преступления. Причем все три стадии способа в данных преступлениях проявляются довольно рельефно.

По мнению Г.А. Корнилова, центральным элементом криминалистической характеристики преступлений в сфере нецелевого расходования и распределения бюджетных средств являются именно способы совершения преступлений. Одним из способов являются финансовые операции, которые можно условно сгруппировать следующим образом:

1) операции в области механизма расчетов при денежном (в том числе, валютном) обращении бюджетных средств, использующие несовершенство правового регулирования механизма расчетов между контрагентами или контроль за его функционированием;

2) операции в области обращения платежных документов или ценных бумаг, основанные на несовершенстве организационно-правовых и технических методов защиты этих финансовых инструментов;

3) операции в области заемных ресурсов, основанные на неправомерном получении бюджетных денежных средств под видом заемных ресурсов, нецелевом их использовании или присвоении [8, с. 4].

По мнению А.П. Кузнецова, способом совершения нецелевого расходования бюджетных средств является расходование бюджетных средств на цели, не соответствующие условиям их получения, определенным утвержденными бюджетом, бюджетной росписью (документ, который составляется и ведется главным распорядителем бюджетных средств (главным администратором источника финансирования дефицита бюджета) в соответствии с Бюджетным кодексом в целях исполнения бюджета по расходам (источникам финансирования дефицита бюджета), устанавливающий распределение бюджетных ассигнований между получателями бюджетных средств и составляемый в соответствии с бюджетной классификацией Российской Федерации) либо иным документом, являющимся основанием

для получения бюджетных средств, совершенных в крупном размере [9, с. 47].

Совершая преступления в бюджетной сфере, должностные лица осуществляют активную деятельность по их сокрытию, часто связанные с уничтожением документов, искажением бухгалтерской, статистической и иной отчетности, увольнением лиц, осведомленных о совершенных преступлениях.

Есть определенная специфика в механизме совершения преступлений данного вида и, соответственно, в способах и приемах их выявления и изобличения. Особую актуальность вопрос о нецелевом распределении и расходовании бюджетных средств, приобретает в свете реализации национальных проектов, под которые в бюджетах разных уровней выделяются большие средства.

Говоря о криминалистической характеристике нецелевого использования бюджетной средств необходимо отметить специфичность таких элементов, как место и время совершения вышеуказанного преступления.

Местом совершения преступления - рабочий кабинет или другое место, где должностное лицо получателя бюджетных средств поставило свою роспись на соответствующий документ либо то место, где этот бухгалтерский документ был оформлен с соответствующего счета. Эти действия совершаются банком на основе документов, представленных соответствующим распорядителем бюджетных средств. Однако, несмотря на то, что место совершения преступления является одним из элементов криминалистической характеристики, и обстоятельством, подлежащим доказыванию в соответствии со ст.73 УПК РФ, не всегда следователем устанавливаются конкретные бухгалтерские документы и место, а констатируется формально, что денежные средства, перечисленные на цели, не предусмотренными условиями их выделения.

Временем совершения преступления, предусмотренного ст. 285.1 УК РФ, признается момент направления и использования средств федерального бюджета на цели, не соответствующие условиям получения указанных средств, т.е. оформление бухгалтерских документов о списании соответствующих денежных средств с бухгалтерского счета, произведенное с нарушением порядка, установленного законодательством в сфере распределения бюджетных средств.

Обстановка, складывающаяся или создаваемая преступниками для возможности совершения указанных преступлений, формируется прежде всего из-за различного рода нестыковок, противоречивых неразвитых положений, имеющихся в законодательстве, регулирующем финансовую сферу; непродуманности

отдельных решений и механизма их реализации в действиях соответствующих должностных лиц и др.

Негативное воздействие на экономическую ситуацию в стране оказывает организованная преступность. Продолжаются процессы активного проникновения организованной преступности в экономику страны, особенно в наиболее доходные ее отрасли, усиления коррупционных связей в органах государственной власти и управления.

Поэтому для криминалистической характеристики преступлений, совершаемых в бюджетной сфере, целесообразно также учитывать данные о специфике того региона, в котором действует определенная ОПГ. Региональный аспект влияет на выбор базового вида финансовых преступлений, на совершение которых нацеливается данная ОПГ, и наиболее доступные и эффективные способы их совершения [10, с. 70, 72].

Особенности обстоятельств, подлежащих установлению по делам о преступлениях, связанных с нецелевым расходованием и распределением бюджетных средств, как элемента криминалистической характеристики всецело определяются отличительными свойствами самих преступлений.

Совокупность обстоятельств, подлежащие установлению входит в предмет доказывания и является его количественной характеристикой. Качественной – являются пределы доказывания, которые характеризуют либо степень вероятности выводов субъектов доказывания об обстоятельствах предмета доказывания, либо достоверность этих выводов.

С количественной стороны они должны гарантировать достоверность установления этих элементов. Если предмет доказывания отвечает на вопрос о направленности доказывания, то пределы последнего говорят о средствах обеспечения достоверности познания фактов и обстоятельств, составляющих предмет доказывания. Таким образом, взаимодействие между предметом и пределами доказывания есть взаимодействие между конечным продуктом и средствами его достижения. Доминирующая роль принадлежит средству доказывания, поскольку именно оно составляет объективную предпосылку установления тех или иных пределов доказывания. Именно на этой основе решается, какие фактические данные относятся к делу, должны быть собраны, проверены, оценены и какие процессуальные действия для этого должны быть проведены

Среди обстоятельств, установления которых необходимо при расследовании нецелевого расходования бюджетных средств необходимо выделить следующие:

конкретные нормативно-правовые акты и их положения, нарушение которых имело место со стороны преступников; наличие реальной возможности соблюдения ими соответствующих требований;

в чем конкретно выразилось нарушение нецелевого использования средств, определенных бюджетом, бюджетной росписью, уведомлением о бюджетных ассигнованиях, сметой доходов и расходов либо иным документом, являющимся основанием для получения бюджетных средств;

обстоятельства, свидетельствующие о направленности умысла преступников;

характер и размер причиненного ущерба, а также иные квалифицирующие признаки (наличие преступной группы, крупный (особо крупный ущерб);

круг участников преступной деятельности, характер деятельности и степень участия каждого;

велась ли учетно-отчетная бухгалтерская, кадровая, техническая, технологическая и иная документация, отражающая объем полученных бюджетных средств, содержание и иные характеристики деятельности (их место нахождения и состояние);

обстоятельства, способствовавшие совершению преступления.

Важность установления этой группы обстоятельств определяется тем, что они часто связаны с иными правонарушениями и преступлениями, в том числе совершаемыми ответственными должностными лицами (государственными и муниципальными служащими).

Следовательно, по делам, связанным с нецелевым использованием бюджетных средств, подлежат установлению два важных блока обстоятельств: во-первых, как в соответствии с нормативными требованиями должно было осуществляться распределение и фактическое использование денежных средств и, во-вторых, как оно осуществлялось в действительности и какие при этом допускались отступления от требований закона [11, с. 61].

Резюмируя, необходимо отметить, что увеличение преступлений, связанных с нецелевым расходованием бюджетных средств, и их латентный характер, делает востребованным разработку рекомендаций для практических работников по расследованию данной категории дел, как в части теории доказательств, так и в части конкретных криминалистических методов выявления и расследования нецелевого расходования бюджетных средств.

1. Анализ статистической информации о выявленных преступлениях и направленных уголовных дел в суд, по преступлениям, предусмотренным ст. 285.1 Уголовного

кодекса Российской Федерации в Краснодарском крае // ИЦ ГУ МВД России по Краснодарскому краю.

2. Анисимов Ю.Л. *Квалификация преступлений в сфере бюджетных правоотношений. Автореф. ...дис. на соиск. учен. степ. канд. юрид. наук. - Н. Новгород, 2002. С. 17.*

3. Аснис А.Я. *Об уголовной ответственности за нецелевое расходование и использование бюджетных средств // Адвокат. 2009. № 4. С.16.*

4. Ермолович В.Ф. *Криминалистическая характеристика преступлений. Минск. 2001. С. 278.*

5. Светлов А.Я. *Ответственность за должностные преступления. - Киев: Наукова Думка, 1978. С. 87.*

6. Лазарев А.М. *Субъект преступления. - М.: ВЮЗИ, 1981. С.81*

7. Павлов В.Г. *Субъект преступления - СПб.: Издательство «Юридический центр» Пресс», 2001. С. 198.*

8. Корнилов Г. А. *Общая криминалистическая характеристика преступлений в финансово-кредитной сфере // Российский следователь. 2003. № 8. С. 4.*

9. Кузнецов А.П. *Специальные познания как основа взаимодействия в деятельности по борьбе с налоговыми преступлениями // Информационный бюллетень. М., 1996. № 10. С. 47.*

10. Шматов М.А. Хадиков В.Д. *Содержание и значение оперативно-розыскной характеристики экономических преступлений для их раскрытия и расследования // Криминалистические проблемы борьбы с преступниками в сфере экономики. Волгоград. 2003. С. 70, 72.*

11. Подольный Н. *Проблема избыточных следственных действий // Уголовное право. - 2002. № 4. С. 61.*

1. *Analysis of statistical information on the revealed crimes and the directed criminal cases in court, on the crimes provided by Art. 285.1 of Criminal code of the Russian Federation in Krasnodar region // IZ GU of the MIA of Russia across Krasnodar region.*

2. Anisimov Yu.L. *Qualification of crimes in the sphere of the budgetary legal relationship. Autoref. ...dis. on competit. of a scientific degree of cand. of law. - N. Novgorod, 2002. P. 17.*

3. Asnis A.Ya. *About criminal liability for a no-purpose expenditure and use of budgetary funds // Lawyer. 2009. No 4. P. 16.*

4. Yermolovich V.F. *Criminalistic characteristic of crimes. Minsk. 2001. P. 278.*

5. Svetlov A.Ya. *Responsibility for malfeasances. - Kiev: Naukova Dumka, 1978. P. 87.*

6. Lazarev A.M. *Subject of a crime. - M.: VTuZI, 1981. P. 81.*

7. Pavlov V.G. *Subject of a crime. - SPb.: Publishing house «Legal center» Press», 2001. P. 198.*

8. Kornilov G.A. *General criminalistic characteristic of crimes in the financial and credit sphere // Russian inspector. 2003. № 8. P. 4.*

9. Kuznetsov A.P. *Special knowledge as an interaction basis in activities for fight against tax crimes // Newsletter. M., 1996. № 10. P. 47.*

10. Shmatov M.A. Hadikov V.D. *Contents and value of the operational search characteristic of economic crimes for their disclosure and investigation // Criminalistic problems of fight against criminals in the economy sphere. Volgograd. 2003. P. 70, 72.*

11. Podolny N. *Problema of superfluous investigatory actions // Criminal law. - 2002. № 4. P. 61.*

Федотова Диана Викторовна
адъюнкт кафедры уголовного процесса
Краснодарского университета МВД России
(тел.: 89284139556)

Особенности предварительного расследования в отношении подозреваемого или обвиняемого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве

Анализ содержания гл. 40.1 УПК РФ, в которой нашел свое нормативное закрепление институт досудебного соглашения о сотрудничестве, приводит к выводу о том, что в ней закреплены лишь отдельные фрагменты механизма реализации полномочия следователя на получение и разрешение ходатайства подозреваемого или обвиняемого о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве.

Ключевые слова: досудебное соглашение о сотрудничестве, предварительное следствие, форма предварительного расследования, ходатайство, обязательство, следователь, подозреваемый, обвиняемый, защитник.

D.V. Fedotova, adjunct of the chair of criminal trial of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia; tel.: 89284139556.

Features of preliminary investigation concerning the suspect or accused with which the pre-judicial cooperation agreement is concluded

Analysis of maintenance of art. 40.1 UPK of Russian Federation in which the institute of pre-trial agreement found the normative fixing about a collaboration, results in a conclusion that in it the separate fragments of mechanism of realization of authority of investigator are fastened only on a receipt and permission of solicitor of the pre-trial agreement suspected or accused about a conclusion about a collaboration.

Key words: pre-trial agreement about a collaboration, preliminary investigation, form of the pre-trial hearing, solicitor, obligation, investigator, suspected, defendant, defender.

Досудебное соглашение о сотрудничестве представляет собой соглашение между сторонами обвинения и защиты, где указанные стороны согласовывают условия ответственности подозреваемого или обвиняемого в зависимости от его действий после возбуждения уголовного дела или предъявления обвинения.

С вступлением в силу Федерального закона от 29.06.2009 № 141-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» [1] был дополнен Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (в ред. от 18.07.2009) [2] (далее – УПК РФ) новой гл. 40.1 «Особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве».

Надо отметить, что существование уже только одной гл. 40 в УПК РФ вызвало в среде отечественных юристов жаркие споры. Представители уголовно-правовой науки и практики разделились на два лагеря: сторонников [3] и противников [4] досудебного соглашения о сотрудничестве. При этом если теоретики вправе последовательно придерживаться своей позиции, то практикующие следователи, прокуроры и судьи вне зависимости от своего внутреннего одобрения этого уголовно-процессуального института обязаны исполнять предписания УПК РФ и совершать сделки между правосудием и лицом, привлекаемым к уголовной ответственности.

Но что сделано, то сделано, досудебное соглашение о сотрудничестве получило свое закрепление и на протяжении двух с половиной лет плохо или хорошо действует на территории РФ. Здесь хотелось бы процитировать

А.Н. Чашина: «...текст гл. 40.1 УПК РФ в ее первоначальной (и действующей сейчас) редакции, с учетом практики правоприменительной работы отечественных следственных, прокурорских и судебных органов, не дает особых оснований надевать «розовые очки», через которые видны исключительно вереницы следующих в места лишения свободы осужденных из состава в корне подорванных преступных сообществ, провожаемые гордыми взглядами их бывших соучастников, успевших заключить с прокурором досудебное соглашение о сотрудничестве. Статьи уголовно-процессуального кодекса, регламентирующие особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, прописаны настолько поверхностно и неконкретно, что допускают широкий спектр своих толкований, которые в «благодатной» российской среде не замедлят появиться» [5].

Итак, исследуя проблематику особенностей предварительного следствия в отношении подозреваемого или обвиняемого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, хотелось бы сразу оговориться, что: во-первых, поскольку в гл. 40.1 УПК РФ в настоящее время не упоминается о дознавателе, обвинительном акте, то форма расследования одна – предварительное следствие. Хотя в юридической литературе отстаивается и другое мнение. В частности, авторы обращают внимание на то обстоятельство, что к подследственности органов дознания относятся уголовные дела о преступлениях, совершенных в соучастии: п. «г» ч. 2 ст. 112; ч. 2 ст. 165; ч. 2 ст. 175; ч. 2 ст. 214; ч. 2 ст. 244; ч. 2 ст. 245; ст. 256; ч. 3 ст. 258; ч. 2 ст. 326 УК РФ. Представляется не логичным, утверждает Д.В. Татьяна, лишать подозреваемого права на заключение досудебного соглашения о сотрудничестве по уголовному делу только в связи с тем, что производство по нему должно производиться органами дознания, а не предварительного следствия [6]. Заместителем председателя Комитета Госдумы по безопасности Геннадием Гудковым был предложен Проект Федерального закона № 451832-5 от 09.10.2010 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации», в котором предусмотрены изменения и дополнения, позволяющие распространить положения указанной главы и на случаи, когда расследование осуществляется в форме дознания. До настоящего времени данный законопроект одобрен не был [7]; во-вторых, рассматривать на возможность заключения досудебного соглашения о сотрудничестве может лишь лицо, достигшее на момент совершения

преступления совершеннолетия. Каких-либо ограничений по заключению ходатайств о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве с несовершеннолетними гл. 40.1 УПК РФ не содержит. В то же время при производстве предварительного расследования и судебного разбирательства по уголовным делам о преступлениях, совершенных несовершеннолетними, следует учитывать необходимость установления в каждом случае условий жизни и воспитания несовершеннолетнего, уровня психического развития, других особенностей его личности и иных обстоятельств, указанных в ч. 1, 3 ст. 421 УПК РФ. В особом же порядке судебного разбирательства невозможно установить развернутые сведения о личности несовершеннолетнего обвиняемого. К тому же ч. 2 ст. 420 УПК РФ содержит прямое указание на производство по уголовному делу о преступлении, совершенном несовершеннолетним, в общем порядке. На это обстоятельство обращено внимание в п. 28 и 15 соответственно постановлений Пленума Верховного Суда РФ от 5 марта 2004 г. №1 «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» и от 1 февраля 2011 г. №1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних». То обстоятельство, что с несовершеннолетними не должны заключаться досудебные соглашения о сотрудничестве, не может поставить их в худшее положение в сравнении со взрослыми обвиняемыми, подсудимыми при назначении им меры наказания [8], к тому же, как известно, совершение преступления лицом, не достигшим 18-летнего возраста, рассматривается законом в качестве смягчающего наказание обстоятельства (п. б ч. 1 ст. 61 УК РФ).

Анализ содержания гл. 40.1 УПК РФ, в которой нашел свое нормативное закрепление институт досудебного соглашения о сотрудничестве, приводит к выводу о том, что в ней закреплены лишь отдельные фрагменты механизма реализации полномочия следователя на получение и разрешение ходатайства подозреваемого или обвиняемого о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве. Такое положение может порождать проблемы при разрешении следователями ходатайств подозреваемых или обвиняемых о заключении досудебных соглашений о сотрудничестве и поэтому механизм реализации рассматриваемого полномочия следователя нуждается в совершенствовании.

Прежде всего, необходимо усовершенствовать процедуру установления следователем оснований для решения вопроса о том, каким способом следует разрешить ходатайство по-

дозреваемого или обвиняемого о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве. Согласно ч. 3 ст. 317.1 УПК РФ, следователь разрешает ходатайство подозреваемого или обвиняемого о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве одним из следующих способов:

1) возбуждает перед прокурором ходатайство о заключении с подозреваемым или обвиняемым досудебного соглашения о сотрудничестве, составляет об этом постановление, согласовывает его с руководителем следственного органа и направляет постановление вместе с ходатайством подозреваемого или обвиняемого прокурору;

2) отказывает в удовлетворении полученного ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве.

Способ разрешения ходатайства подозреваемого или обвиняемого о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве зависит от убеждения следователя в том, что действия, которые обязуется совершить подозреваемый или обвиняемый, действительно могут быть средствами достижения целей, указанных в ч. 3 ст. 317.1 УПК РФ: содействие следствию в раскрытии и расследовании преступления, изобличении и уголовном преследовании других соучастников преступления, розыске имущества, добытого в результате преступления.

Таким образом, для того чтобы разрешить ходатайство подозреваемого или обвиняемого о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, следователь должен убедиться в том, что:

1) подозреваемый или обвиняемый действительно располагает сведениями, которые могут содействовать раскрытию и расследованию преступления, изобличению и уголовному преследованию других соучастников преступления, розыску имущества, добытого в результате преступления;

2) сведения, которые может сообщить подозреваемый или обвиняемый, не получены из других источников в ходе доследственной проверки или предварительного следствия;

3) в рамках предполагаемого сотрудничества с участием подозреваемого или обвиняемого могут быть произведены необходимые для достижения указанных в ч. 2 ст. 317.1 УПК РФ целей следственные и иные процессуальные действия.

Поскольку подозреваемый или обвиняемый, составляя ходатайство о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, может ограничиться изложением своих намерений содействовать следствию, не сообщая при этом сведений, которыми он располагает, и не указывая конкретные действия, которые он обязуется выполнить в рамках предполагаемо-

го сотрудничества, поскольку у следователя возникает необходимость в проведении проверки обоснованности полученного ходатайства. Для этого следователь как минимум должен задать подозреваемому или обвиняемому ряд уточняющих и (или) контрольных вопросов. Однако при этом вопросы должны быть сформулированы таким образом, чтобы для ответа на них подозреваемому или обвиняемому не пришлось сообщить весь объем информации, которой он располагает и которую намерен сообщить лишь в случае заключения с ним досудебного соглашения о сотрудничестве.

Так, например, следователь не вправе задать подозреваемому или обвиняемому прямой вопрос о том, где находится имущество, добытое в результате преступления. Если подозреваемый или обвиняемый ответит на этот вопрос, то смысл заключения досудебного соглашения о сотрудничестве в определенной степени утрачивается. Поэтому следователь в данном случае должен ограничиться постановкой такого вопроса, ответ на который дает основание полагать, что подозреваемый или обвиняемый знает, о каком имуществе идет речь, а значит, в случае заключения досудебного соглашения о сотрудничестве может указать место его нахождения.

В связи с этим возникает вопрос, должны ли быть зафиксированы и каким способом ход и результаты такой проверки ходатайства подозреваемого или обвиняемого о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве?

На взгляд автора, вопросы следователя подозреваемому или обвиняемому и полученные на них ответы целесообразно фиксировать в протоколе уточнения обязательств подозреваемого или обвиняемого по оказанию содействия следователю. Предлагаемая форма процессуального закрепления хода и результатов проверки обоснованности ходатайства подозреваемого или обвиняемого, в свою очередь, позволит проверить обоснованность решений следователя, принятых по результатам проведенной проверки, как прокурором, при принятии решения о заключении соглашения или об отказе в этом, так и руководителем следственного органа, в том числе и при разрешении жалобы подозреваемого или обвиняемого на решение следователя об отказе в удовлетворении ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве.

Для того, чтобы убедиться в том, что сведения, которые может сообщить подозреваемый или обвиняемый в рамках предполагаемого сотрудничества, не получены в ходе доследственной проверки или предварительного следствия, следователю достаточно сопоставить информацию, полученную в ходе проверки обоснованности ходатайства подозреваемо-

го или обвиняемого о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, с материалами уголовного дела.

Некоторую сложность представляет решение вопроса о том, какие конкретно следственные и иные процессуальные действия могут быть произведены с участием подозреваемого или обвиняемого в рамках предполагаемого сотрудничества. Это обусловлено тем, что в момент разрешения ходатайства следователь не всегда может предвидеть, какие именно следственные и иные процессуальные действия будут производиться в ходе предварительного следствия и возникнет ли необходимость участия в их производстве подозреваемого или обвиняемого. По этой причине от подозреваемого или обвиняемого нельзя потребовать, чтобы он указал конкретные следственные и иные процессуальные действия, в которых он обязуется принять участие. Достаточно, если подозреваемый или обвиняемый даст письменное обязательство участвовать в производстве следственных и иных процессуальных действий. В последующем данное обязательство может быть конкретизировано при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве.

При определении действий подозреваемого или обвиняемого, выполнение которых является предметом досудебного соглашения о сотрудничестве, может возникнуть вопрос по поводу возможного участия подозреваемого или обвиняемого в оперативно-розыскных мероприятиях, проводимых в рамках производства по уголовному делу.

Представляется, что следователь вправе потребовать от подозреваемого или обвиняемого согласия на участие в оперативно-розыскных мероприятиях, проводимых органом дознания по поручению следователя. Во всяком случае, в следственной практике такие прецеденты существуют.

Приведенные соображения дают основание для вывода о том, что механизм реализации полномочия следователя на получение и разрешение ходатайства подозреваемого или обвиняемого о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве может быть усовершенствован путем внесения в ст. 317.1 УПК РФ следующих изменений и дополнений.

1. Часть 3 ст. 317.1 УПК РФ изложить в следующей редакции: «3. Ходатайство о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве представляется прокурору подозреваемым или обвиняемым, его защитником через следователя. Следователь, получив указанное ходатайство, в течение трех суток производит проверку ходатайства с целью установления наличия или отсутствия оснований для заключения с подозреваемым или обвиняемым до-

судебного соглашения о сотрудничестве. В ходе проведения проверки ходатайства следователь вправе задавать подозреваемому или обвиняемому контрольные и (или) уточняющие вопросы, для того чтобы выяснить, располагает ли подозреваемый или обвиняемый сведениями, которые могут содействовать раскрытию и расследованию преступления, изобличению и уголовному преследованию других соучастников преступления, розыску имущества, добытого в результате преступления. В случае необходимости следователь уточняет перечень действий, которые подозреваемый или обвиняемый обязуется совершить в целях содействия следствию, и получает согласие подозреваемого на участие в производстве следственных и иных процессуальных действий, а также в проводимых по поручению следователя оперативно-розыскных мероприятиях. Ход и результаты выполнения указанных действий фиксируются в протоколе уточнения обязательств подозреваемого или обвиняемого по оказанию содействия следствию».

2. Дополнить ст. 317.1 УПК РФ самостоятельной частью следующего содержания: «3.1. По окончании проверки ходатайства следователь либо направляет его прокурору вместе с согласованным с руководителем следственного органа мотивированным постановлением о возбуждении перед прокурором ходатайства о заключении с подозреваемым или обвиняемым досудебного соглашения о сотрудничестве либо выносит постановление об отказе в удовлетворении заявленного подозреваемым или обвиняемым ходатайства» [9].

Далее необходимо отметить то, что право на заявление ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве и связанные с ним другие правовые возможности должны быть разъяснены подозреваемому (обвиняемому) следователем своевременно. Следует иметь в виду, что подозреваемые (обвиняемые), а также их защитники нередко смешивают институты, предусмотренные гл. 40 и 40.1 УПК РФ.

Полагаем, что было бы целесообразно в ст. 46, 47 УПК РФ закрепить: лично принадлежащие подозреваемому (обвиняемому) права на заявление ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве; обжалование постановления следователя об отказе в удовлетворении ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве руководителю следственного органа, прокурору, в суд; обжалование постановления прокурора об отказе в удовлетворении ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве вышестоящему прокурору и в суд; добровольно и при участии защитника участвовать в заключении досудебного согла-

шения о сотрудничестве; получать копии досудебного соглашения о сотрудничестве, представления прокурора об особом порядке судебного заседания и подавать на него замечания, постановления о прекращении досудебного соглашения о сотрудничестве, постановления об отказе во внесении представления, предусмотренного ст. 317.5 УПК РФ, с разъяснением порядка их обжалования. Получение копий вышеперечисленных документов, за исключением копии представления прокурора, предусмотрено п. 1.10, 1.16, 1.17 Приказа Генеральной прокуратуры РФ от 15 марта 2010 г. № 107 «Об организации работы по реализации полномочий прокурора при заключении с подозреваемым (обвиняемым) досудебных соглашений о сотрудничестве по уголовным делам». Представляется, что эти права также должны явиться предметом законодательного регулирования [10].

При принятии ходатайства подозреваемого или обвиняемого о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве следователям необходимо иметь в виду, что данное ходатайство подписывается также защитником, который впоследствии присутствует при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве и подписывает его. Следователи обязаны обеспечить участие защитника в тех случаях, когда он не приглашен самим подозреваемым или обвиняемым, его законным представителем или по поручению подозреваемого или обвиняемого другими лицами.

Определенный интерес и затруднения на практике вызывает вопрос о возможности (необходимости) выделения уголовного дела в отношении обвиняемого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, в отдельное производство. Данная норма обусловлена наличием угрозы безопасности подозреваемого (обвиняемого). В Приказе Генеральной прокуратуры № 107 в п. 1.11 разъяснено, что достаточным основанием для выделения уголовного дела в отдельное производство в отношении подозреваемого (обвиняемого) необходимо считать факт заключения с ним досудебного соглашения о сотрудничестве.

В соответствии с ч. 2 ст. 154 УПК РФ, выделение уголовного дела в отдельное производство для завершения предварительного расследования допускается, если это не отразится на всесторонности и объективности предварительного расследования и разрешения уголовного дела, в случаях, когда это вызвано большим объемом уголовного дела или множественностью его эпизодов. Из чего следует, что в названных ситуациях следователь вправе уголовное дело не выделять.

В юридической литературе специалисты пишут о том, что в ходе рассмотрения уголов-

ного дела может случиться, что вина участников преступной группы в предъявленном обвинении не будет доказана и какой-либо из квалифицирующих признаков из обвинения будет исключен. В этом случае обвинительный приговор лица, осужденного особым порядком, будет противоречить приговору, вынесенному в отношении его соучастников и, следовательно, будет подлежать пересмотру. Образно говоря, необходимо будет «ломать» приговор, который вынесен обвиняемому, с которым заключено досудебное соглашение. В связи с этим получается, что приговор по первому участнику группы выносится преждевременно, что не устраивает судей [11]. Представляется, что данная ситуация требует своего дальнейшего обсуждения для поиска наиболее оптимального решения.

В соответствии с ч. 1 ст. 317.4 УПК РФ, особенностью производства по выделенному делу является то, что оно проводится в порядке, установленном гл. 22-27 и 30 УПК РФ, т.е. законодатель исключил применение гл. 28 и 29 УПК РФ, регулирующих приостановление и возобновление предварительного расследования, а также прекращение уголовного дела. Но наличие соглашения не исключает возможности появления оснований для принятия данных процессуальных решений по выделенному уголовному делу.

Согласно ч. 2 ст. 317.3 УПК РФ, в соглашении должны указываться: виновность лица в совершении преступления, форма его вины и мотивы, обстоятельства, характеризующие обвиняемого, характер и размер вреда, причиненного преступлением. Между тем на начальном этапе расследования преступления следствие далеко не всегда располагает этими сведениями в полной мере. Категорическая формулировка о содержании соглашения и в то же время отсутствие в нем по объективным причинам некоторых из вышеперечисленных обстоятельств могут поставить под сомнение законность соглашения [12]. Также в практике могут возникнуть ситуации, когда после заключения досудебного соглашения о сотрудничестве обвиняемому необходимо предъявить обвинение в совершении более тяжкого преступления. Следовательно, прокурор должны предложить ему внести соответствующие изменения в ранее заключенное соглашение о сотрудничестве. При отказе обвиняемого от дальнейшего сотрудничества прокурором должно быть вынесено постановление о прекращении сотрудничества. Уголовное дело в таких случаях должно быть рассмотрено в суде в общем порядке. Представляется, что оказанное обвиняемым содействие правоохранительным органам суду следует учитывать как обстоятельство, смягчающее наказание.

Все эти и многие другие вопросы не только не способствуют единообразной следственной, прокурорской и судебной практике, но и не стимулируют, во-первых, правоохранительные органы и суды к применению такого порядка судопроизводства из опасения допустить профессиональные ошибки, во-вторых, самих подозреваемых или обвиняемых к заявлению ходатайств о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве.

Сказанное подчеркивает острую необходимость в научных разъяснениях и практических рекомендациях, предопределяет поиски путей совершенствования института досудебного соглашения о сотрудничестве.

1. *Собрание законодательства РФ*. 2009. № 26. Ст. 3139.

2. *Собрание законодательства РФ*. 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4921.

3. Александров А.С. Основание и условия для особого порядка принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением // *Государство и право*. 2003. № 12. С. 43–52; Лазарева В. Теория и практика судебной защиты в уголовном процессе. Самара, 2000. С. 184–202; Лазарева В. Легализация сделок о признании вины // *Российская юстиция*. 1999. № 5. С. 40–41; Пономаренко С.С. Сделки о признании вины в российском уголовном процессе // *Правоведение*. 2001. № 5. С. 131–135; Совет судей голосует за сделки о признании вины // *Российская юстиция*. 1998. № 6. С. 4.

4. Махов В., Пешков М. Сделка о признании вины // *Российская юстиция*. 1998. № 7. С. 17–19; Михайлов П. Сделки о признании вины - не в интересах потерпевших // *Российская юстиция*. 2001. № 5. С. 37–38; Петрухин И. Сделки о признании вины чужды российскому менталитету // *Российская юстиция*. 2001. № 5. С. 35–36; Петрухин И. Теоретические основы реформы уголовного процесса в России. Часть 1. М., 2004. С. 83–85.

5. Чашин А.Н. Особенности предварительного и судебного следствия в отношении подозреваемого или обвиняемого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве // *Советник юриста*. 2010. № 3.

6. Зувев С. Новая глава УПК // *Законность*. 2009. № 9. С. 17–18.

7. Отчет законопроектной деятельности депутата Государственной Думы Гудкова Г.В. за 2010-2011 гг. // *электронный ресурс*. URL: <http://gudkov.ru/>

8. Конярова Ж.К. Стороны досудебного соглашения о сотрудничестве // *Уголовно-процессуальное законодательство в современных условиях: проблемы теории и прак-*

тики. М.: Волтерс Клувер, 2010. С. 192.

9. Шумилин С.Ф. Механизм реализации полномочия следователя на разрешение ходатайства подозреваемого или обвиняемого о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве нуждается в совершенствовании // *электронный ресурс* // URL: <http://justicemaker.ru/about.Php>

10. Борисевич Г.Я. Обеспечение реализации законного интереса подозреваемого (обвиняемого), предусмотренного гл. 40.1 УПК РФ. *Вестник Пермского университета*. 2011. № 2.

11. Ильин А.В. Применение положений главы 40.1 УПК РФ Следственным управлением при МВД по Удмуртской республике // *Проблемы применения досудебного соглашения о сотрудничестве по уголовным делам*. Ижевск, 2010. С. 28.

12. Брусницын Л.В. Сотрудничество со следствием: какие трудности в реализации новых норм УПК РФ ожидают правоприменителя // *Уголовный процесс*. 2009. № 12. С. 13–18.

1. *Collection of legislation of Russian Federation*. 2009. № 26. It. 3139.

2. *Collection of legislation of Russian Federation*. 2001. № 52 (ch. 1). It. 4921.

3. Aleksandrov A.S. Foundation and terms for the particular order of acceptance of court decision on the consent of defendant with the produced prosecution // *State and right*. 2003. № 12. P. 43–52; Lazareva V. Theory and practice of judicial defence in criminal procedure. Samara, 2000. P. 184–202; Lazareva V. Legalization transactions about confession of guilt // *Russian justice*. 1999. № 5. P. 40–41; Ponomarenko S.S. Transactions about confession of guilt in Russian criminal procedure // *Jurisprudence*. 2001. № 5. P. 131–135; Advice of judges votes for transactions about confession of guilt // *Russian justice*. 1998. № 6. P. 4.

4. Makhov V., Peshkov M. Deals about confession of guilt // *Russian justice*. 1998. № 7. P. 17–19; Mikhaylov P. Deals about confession of guilt - not in behalf of victims // *Russian justice*. 2001. № 5. P. 37–38; Petrukhin I. Deals about confession of guilt alien Russian mentality // *Russian justice*. 2001. № 5. P. 35–36; Petrukhin I. Theoretical bases of reform of criminal procedure in Russia. P. 1. M., 2004. P. 83–85.

5. Chashin A. Features of preliminary and judicial investigation in regard to suspected or accused, with which a pre-trial agreement is celled about a collaboration // *Adviser of lawyer*. 2010. № 3.

6. Zuev S. New head of UPK // *Legality*. 2009. № 9. P. 17–18

7. Report of law activity of deputy of State Duma Gudkova G.V. for 2010-2011 // electronic resource. URL: <http://gudkov.ru/>

8. Konyarova Zh.K. Sides of pre-trial agreement about the collaboration // Legal-processual legislation in modern terms: problems of theory and practice. M.: Volters Kluver, 2010. P. 192.

9. Shumilin S.F. Mechanism of realization of authority of investigator on permission of solicitor of the pre-trial agreement suspected or accused about a conclusion about a collaboration needs perfection // electronic resource // URL: <http://justicemaker.ru/about.php>

10. Borisevich G. Providing of realization of le-

gal interest suspected (defendant), foreseen a ch. 40.1 UPK of Russian Federation. Announcer of the Permsky University. 2011. № 2.

11. Ilyin A.V. Application of positions of ch. 40.1 UPK of Russian Federation by the Investigation management at MVD on the Udmurtskaya Republic // Problem of application of pre-trial agreement about a collaboration on criminal cases. Izhevsk, 2010. P. 28.

12. Brusnicyn L.V. Collaboration with investigation: what difficulties in realization of new norms of UPK RF expect legal of deal // Criminal procedure. 2009. № 12. P. 13-18.

Степанов Самвел Дживанширович
соискатель кафедры криминалистики
Краснодарского университета МВД России
(тел.: 89184435640)

Криминалистически значимые сведения о лицах, совершивших преступления, связанные с незаконными захватами имущественных комплексов юридических лиц (рейдерство)

Автор статьи в процессе исследования криминалистически значимых сведений о лицах, совершивших преступления, связанные с незаконными захватами имущественных комплексов юридических лиц (рейдерство), анализирует судебно-следственную практику и определяет криминалистические особенности организованных преступных групп, обуславливающие действия их участников в процессе совершения преступлений и в ходе предварительного расследования.

Ключевые слова: рейдерский захват, уголовная ответственность, криминалистическая характеристика, преступление.

S.D. Stepanov, post-graduate of the chair of criminalistics of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia; tel.: 89184435640.

Criminalistic the significant data on the persons who have made crimes, connected with illegal captures property complexes legal entities (raiding)

The author of article in the course of research criminalistic significant data on the persons who have committed crimes, connected with illegal captures of property complexes legal entities (raiding), analyzes judicial and investigative practice and defines the criminalistic features of organized criminal groups causing actions of their participants in the course of commission of crimes and during preliminary investigation.

Key words: raider capture, criminal liability, criminalistic characteristic, crime.

В современных условиях рейдерство представляет угрозу нормальному функционированию рыночных отношений, препятствует развитию бизнеса и привлечению инвестиций в экономику, способствует возрастанию социальной напряженности.

Как правило, рейдерством занимаются организованные преступные группы со строго упорядоченной структурой и высоким уровнем подготовки. Организованная группа – это устойчивая с иерархической структурой и собственными нормами поведения организация людей, представляющая собой разновидность малой неформальной группы, сформировавшаяся с целью получения выгод преступным путем [1].

Анализ судебно-следственной практики показал, что организованными группами совершено 44,5 % незаконных захватов. В тоже время анализ материалов уголовных дел, по которым к уголовной ответственности за преступления, связанные с рейдерством, привлечены одиночки, показал, что информация о других соучастниках имелась, однако ее было недостаточно для доказывания их вины. Это свидетельствует о проблемах расследования подобных дел и необходимости разработки адекватных методических рекомендаций.

Рейдеры - интеллектуальные преступники. Большинство рейдеров - очень грамотные, высокообразованные люди. Они, как правило, обладают серьезными познаниями в уголовном законодательстве, мастерски ориентируются в

вопросах юриспруденции и экономики. Проведенный нами анализ показал, что 45 % преступников имели высшее экономическое образование, 30 % - высшее юридическое образование. Кроме того, основная возрастная группа лиц, совершающих рейдерские захваты, - это люди в возрасте от 40 до 50 лет (56,25 %), что свидетельствует о наличии у них большого жизненного опыта. Все они ранее не судимы.

Организованные преступные группы являются многочисленными. Однако к уголовной ответственности, как мы уже отмечали, привлекаются не все соучастники. Поэтому данные, полученные в результате изучения уголовных дел, не в полной мере отражают реальную ситуацию. Так, к уголовной ответственности были привлечены группы в составе от 2 до 5 человек в 63,6 % случаев, в составе более 5 человек - 36,4 %. Однако практика показывает, что в эти группы входили люди, вина которых не доказана.

Как правило, такое преступное объединение возглавляет могущественная олигархическая финансово-промышленная группа. В большинстве случаев она имеет обширные связи в федеральных и региональных государственных органах. Вплоть до того, что ее представители могут занимать выборные должности в органах государственной власти. Как правило, эту сторону деятельности рейдеры скрывают, и благодаря активным пиар-акциям их знают как образцовых налогоплательщиков и благотворителей. В практике расследования привлечь к уголовной ответственности представителей мощных финансово-промышленных групп, государственных органов удается крайне редко. Так, по изученным уголовным делам к уголовной ответственности были привлечены 1 % депутатов и 2 % государственных служащих администраций района или области.

В процессе планирования и подготовки к ведению преступной деятельности руководители организованных групп разделяют вошедших в ее состав основных участников на подразделения, отвечающие за разведку, юридический анализ полученных данных, набор подставных лиц на роли руководителей, фиктивных лиц, осуществляющих силовую поддержку и т.д.

Основное звено преступного объединения - группа адвокатов, имеющих экономическую специализацию, опыт судебной и следственной практики, обширные связи в исполнительных и правоохранительных органах. Они изу-

чают информацию об объекте, интерес к которому проявил заказчик, выявляют нарушения, допущенные в ходе приватизации и текущей хозяйственной деятельности. Определяются слабые места потенциальной жертвы, рассчитывается бюджет, необходимый для планируемых мероприятий, оплата услуг представителей властных структур. Однако юристы, разрабатывающие план захвата, к уголовной ответственности также привлекаются крайне редко - всего 2 % по изученным уголовным делам.

Отдельно готовятся мощные пиар-акции. Для этого на постоянной основе привлекается какое-нибудь пиар-агентство. Но есть и исключения из правил. Так, в ходе корпоративного захвата пивного завода в Тверской области нападающей стороне удалось договориться с местной администрацией, которая дала команду всей региональной прессе поддерживать «поглотителей» [2].

Организованную преступную группу, занимающуюся рейдерскими захватами, характеризуют следующие признаки:

- осуществление постоянного руководства со стороны главарей группы;
- длительное знакомство участников группы между собой;
- наличие дружеских отношений у участников преступной группы;
- продолжительный период их преступной деятельности;
- организационное построение;
- строгое распределение ролей между участниками;
- подчинение руководителям участника;
- наличие общей преступной цели.

Действия организованной преступной группы характеризуются разработкой общего плана осуществления на системной основе комплекса тщательно организованных, последовательных и взаимосвязанных действий юридического, технического, силового и информационного характера, направленных на завладение преступным путем правом на чужое имущество - уставной капитал различных юридических лиц, и затем - на принадлежащие последним объекты имущественного комплекса.

Подобные экономические преступления невозможно совершить без участия - их молчаливого согласия или даже активного содействия - со стороны коррумпированных должностных лиц. Так, к уголовной ответственности по изученным уголовным делам были привлечены:

сотрудники налоговой инспекции - 4,1 %; следователи - 3 %. Так, готовясь к силовому захвату "Оборонснабсбыта", преступники подкупили следователя УВД Железнодорожного района, который возбудил в отношении настоящих директоров предприятия незаконные уголовные дела и в "день икс" вызвал их якобы для проведения следственных действий [3];

судьи - 3 %. По тому же уголовному делу преступникам с помощью районного судьи Нижнего Тагила удалось получить решение суда о восстановлении О. – участника организованной преступной группы в должности генерального директора предприятия [4].

Наиболее часто членами организованных преступных групп являются мужчины (92,9 %), в тоже время 7,1 % составляют женщины, которые могут занимать и ведущее место в группе.

Характеризуя лиц, совершающих преступления, связанные с рейдерскими захватами имущественных комплексов юридических лиц, необходимо несколько слов сказать об осуществляемом ими противодействии работе правоохранительных органов. Способность противодействовать правоохранительным органам является отличительным качеством организованной группы, более сложным, чем устойчивость. Эта способность объединяет ряд свойств, присущих, в основном, системам управления группы. К таким свойствам относятся надежность связи между членами группы, использование коррумпированных лиц в правоохранительных органах, возможность эффективного использования в своих целях средств массовой информации, о чем мы уже говорили, и действия во время предварительного расследования.

Вопросы противодействия раскрытию и расследованию преступлений в России стали активно разрабатываться с начала 90-х гг. Их исследованием в различных аспектах занимались такие ученые, как В.Н. Карагодин, В.В. Трухачев, И.А. Бобраков, И.А. Николойчук, С.Ю. Журавлев и др. [5].

Наиболее полно, на мой взгляд, раскрыта сущность противодействия (в том числе и противодействия, оказываемого организованными преступными формированиями) в определении, которое дали А.Ф. Волынский, В.П. Лавров. Противодействие раскрытию и расследованию преступлений есть совокупность противоправных и иных действий преступников и связанных с ними лиц, направленных на воспрепятствование установлению истины право-

охранительными органами в их деятельности по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений [6].

Целью противодействия расследованию является исключение возможности выхода следствия на основную часть организованного преступного формирования, локализация провала даже путем «выдачи» следствию доказательств против арестованных подозреваемых [7].

Именно эту цель (и довольно успешно) преследуют рейдеры, когда уголовное дело уже возбуждено. Через своих людей они оказывают активное сопротивление следствию и суду. Когда милиция начинает расследование их преступной деятельности, юристы тщательно инструктируют лиц, вызываемых на допросы, принимаются меры к уничтожению доказательств. Задействуется множество лжесвидетелей, поддельных документов. Это свидетельствует о сплоченности участников группы, что порождает дополнительные сложности в доказывании их вины и установлении всех соучастников.

1. См.: Субботина М.В. Проблемы методики расследования преступлений, совершенных организованными группами несовершеннолетних: Дис. ...канд. юрид. наук. Волгоград, 1996. С. 29; Радаев В.В., Субботина М.В. Расследование групповых преступлений несовершеннолетних: Учеб. пособие. Волгоград: ВЮИ МВД России, 1998. С. 29.

2. Архив областного суда Тверской области. Дело № 1-34/03.

3. Землянова А. Преступники работают под дилетантов: Довести до суда дело о рейдерском захвате предприятия чрезвычайно трудно // Росс. газета. 2008. 4 сент.

4. Землянова А. Указ. соч.

5. Карагодин В.Н. Преодоление противодействия предварительному расследованию. Свердловск, 1992; он же: Основы криминалистического учения о преодолении противодействия расследованию: Дис....д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 1992; Трухачев В.В. Преступное воздействие на доказательственную информацию: правовые и криминалистические средства предупреждения, выявления, нейтрализации. Воронеж, 2000.

6. Волынский А.Ф., Лавров В.П. Указ. раб. С. 95.

7. Основы борьбы с организованной преступностью / Под ред. В.С. Овчинского, В.Е. Эминова, Н. П. Яблокова. М., 1996. С. 290.

1. See: Subbotin M.V. *Problems of a technique of investigation of the crimes committed by organized groups of minors: Dis. ... cand. law scien.* Volgograd, 1996. P. 29; Radayev V.V., Subbotin M.V. *Investigation of group crimes of minors: Studies. grant.* Volgograd: VYul Ministry of Internal Affairs of Russia, 1998. P. 29.
2. Archive of regional court of the Tverskaya region. Business No 1-34/03.
3. Zemlyanova A. *Criminals work under laymans: It is extremely difficult to bring to court case of raider capture of the enterprise // Russian newspaper.* No 4743 of September 4, 2008.
4. Zemlyanova A. *Decree work.*
5. Karagodin V. N. *Counteraction overcoming to preliminary investigation.* Sverdlovsk, 1992; it: *Bases of the criminalistic doctrine about counteraction overcoming to investigation: Dis. ... doc. law. scien.* Yekaterinburg, 1992; Trukhachev V.V. *Criminal impact on evidentiary information: legal and criminalistic warning facilities, identifications, neutralizations.* Voronezh, 2000.
6. Volynskiy A.F., Lavrov V.P. *Accusative laurels.* Decree. slave. P. 95.
7. *Bases of fight against the organized crime / Under the editorship of V.S. Ovchinskoy, V.E. Eminov, N.P. Yablokov. M., 1996. P. 290.*

Табакова Наталья Александровна
адъюнкт кафедры криминалистики
Краснодарского университета МВД России
(тел.: 88612583181)

Особенности выявления и расследования налоговых преступлений в условиях их частичной декриминализации

В статье рассматриваются вопросы, возникающие в ходе выявления и расследования налоговых преступлений.

Ключевые слова: налоговое преступление, повод для возбуждения уголовного дела, налоговая проверка, основания прекращения уголовного преследования, решение налогового органа.

N.A. Tabakova, adjunct of the chair of criminalistics of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia; tel.: 88612583181.

Distinctions of tax crime revelation and investigation in contexts of their partial decriminalization

Problems arising in the course of tax crime revelation and investigation are under consideration in the article.

Key words: tax crime, reason for initiation of criminal case, fiscal assessment audit, arguments for termination of criminal prosecution, judgment of tax department.

Реализуемая в последние три года корректировка уголовной политики государства по противодействию налоговой преступности может привести к непредсказуемым последствиям, т.к. не все предлагаемые меры способствуют честному ведению бизнеса.

Вступивший в силу с 1 января 2010 г. Федеральный закон РФ «О внесении изменений в часть первую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» № 383-ФЗ от 29 декабря 2009 г., вызвал широкий общественный резонанс и большое количество вопросов в правоприменительной практике, в том числе вопросов о возможности возбуждения уголовного дела без проведения налоговым органом соответствующей проверки. По истечении двух лет противоречивой практики государство решило уточнить свою позицию по данному вопросу.

Федеральным законом РФ «О внесении изменений в ст. 140 и 241 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» № 407-ФЗ от 6 декабря 2011 г. внесены изменения в ст. 140 УПК РФ, которая дополнена ч. 1.1. Согласно вступившим в законную силу изменениям, уголовные дела о налоговых преступлениях будут возбуждаться только

по материалам [1], предоставляемым налоговыми органами.

Теперь в соответствии с новым законом «поводом для возбуждения уголовного дела о преступлениях, предусмотренных ст. 198-199.2 УПК РФ, служат только те материалы, которые направлены налоговыми органами в соответствии с законодательством о налогах и сборах для решения вопроса о возбуждении уголовного дела».

Таким образом, без проведения соответствующей налоговой проверки и вынесения по ее результатам решения о привлечении лица к ответственности за нарушение налогового законодательства, следователь не вправе возбуждать уголовные дела о налоговых преступлениях.

Передача функции выявления налоговых преступлений в компетенцию узкоспециализированного ведомства потребует дополнительных мер, без которых будет существенно снижена эффективность противодействия налоговой преступности.

Для того, чтобы иметь представление о примерном количестве преступлений, которые будут выявляться с учетом изменений в законодательстве без принятия дополнительных мер, обратимся к статистике. Согласно исследований, проведенных Г.К. Смирновым [2], всего по России в 2009 г. налоговые органы

направили в следственные органы 13 859 материалов, по результатам рассмотрения которых в 1676 случаях были приняты решения о возбуждении уголовного дела; в 2010 г. направлено 8544 таких материалов, из которых возбуждено 1038 уголовных дел. Как видим, из всего массива преступлений всего 8 % было выявлено налоговыми органами.

Относительно невысокое выявление преступлений налоговыми органами обусловлено тем, что для этих органов задача противодействия налоговой преступности – сопутствующая [2]. Основной их задачей является осуществление налогового администрирования и налогового контроля, в ходе которых налоговые органы проверяют правильность исчисления налогоплательщиками сумм налогов, осуществляют доначисления выявленных недоимок и принимают меры, направленные на обращение взыскания на денежные средства и имущество недобросовестных налогоплательщиков. Для реализации названных задач налоговые органы наделены полномочиями, объем которых соразмерен возможностям привлечения налогоплательщиков к ответственности за налоговые нарушения. При этом налоговые органы не обладают правом проведения оперативно-розыскной деятельности, по результатам которой в основном и выявляются сложные преступные схемы уклонения от уплаты налогов, связанные с фальсификацией бухгалтерской отчетности.

Основным недостатком направляемых налоговыми органами материалов является то, что они классифицируются по формальным признакам величины недоимки или суммы сокрытых налогов [3, с. 154]. При этом работники налоговых органов, не являясь правоохранителями, не уделяют внимания фиксированию и сохранению следов совершенных преступлений, документированию умысла на совершение от уплаты налогов. Налоговые органы выявляют обстоятельства, позволяющие лишь предполагать совершение налогового преступления.

Традиционно функцию противодействия налоговой преступности осуществляли правоохранительные органы (до 1992 г. – органы внутренних дел, с 1993 г. – Департамент налоговой полиции, в 1995 г. переименованный в Федеральную службу налоговой полиции, а с 2003 г. – вновь органы внутренних дел). Следственная практика свидетельствует о том, что поводом к возбуждению уголовных дел, как правило, являлось непосредственное обнаружение признаков налоговых преступлений сотрудниками оперативных подразделений органов внутренних дел в процессе осуществления ими оперативно-розыскной деятельности, в ходе проведения которой они самостоятельно

и информацию, представляющую оперативный интерес могут получать из самых различных источников.

В целях сохранения эффективности противодействия налоговой преступности в случае фактического отстранения органов внутренних дел от процесса выявления данного вида преступления, можно наделить ФНС России полномочиями органа дознания, в рамках которых она будет вправе осуществлять оперативно-розыскную деятельность, направленную на фиксацию первичных данных, указывающих на наличие в действиях налогоплательщика признаков преступления, с последующим принятием решения об отказе в возбуждении уголовного дела либо направлением материалов в следственные органы для возбуждения уголовного дела [2]. Также, можно рассмотреть вопрос о создании нового ведомства – финансовой полиции России с функцией противодействия преступлениям, посягающим на финансовую систему государства в целом. Существующая практика лишней раз подтверждает тот факт, что налоговые преступления должны выявляться не только методами налогового контроля, но и специфическими методами оперативно-розыскной деятельности.

Федеральным законом № 383-ФЗ от 29 декабря 2009 г. фактически созданы предпосылки для безнаказанного нарушения налогового законодательства. Введенная указанным законом ст. 28.1 УПК РФ предусматривает в качестве безусловного основания прекращения уголовного преследования виновного, возмещение им в полном объеме ущерба, причиненного бюджетной системе Российской Федерации в результате преступления вне зависимости от того, совершено преступление впервые или повторно. Следовательно, возместив ущерб, лицо может продолжать свою преступную деятельность, связанную с уклонением от уплаты налогов.

Конструкция введенного указанным законом института освобождения от уголовной ответственности за налоговые преступления не вписывается в традиционную концепцию деятельного раскаяния. В данном случае имеет место усеченный состав деятельного раскаяния, создающий максимально благоприятные для налогоплательщика условия для защиты его интересов в споре с государством [4, с. 100]. Специфика основания для прекращения уголовного преследования (дела) и освобождения лица от уголовной ответственности, предусмотренного ст. 28.1 УПК РФ и соответствующим статьям Особенной части УК РФ, заключается в том, что в него не входит требование о признании обвиняемым своей вины, поскольку допускается продолжение спора относительно начисленных на него налогов (сборов),

штрафов, пеней в арбитражном суде. Следователю не надо доказывать наличие так называемой субъективной стороны деятельного раскаяния, что обычно требуется при прекращении уголовного преследования по данному основанию, не нужно устанавливать добровольность в действиях обвиняемого (подозреваемого) по уплате начисленных ему сумм. Необходимо лишь погашение виновным лицом задолженности, возникшей в связи с неуплатой налогов, что прямо следует из примечаний к ст. 198, 199 УК РФ, ст. 28.1 УПК РФ. Таким образом, уголовно-процессуальное законодательство не содержит необходимых правил, служащих обеспечению установлению истины по уголовному делу о налоговом преступлении, содержанием которой являются точные, неопровержимые знания о каждом обстоятельстве совершенного преступления, подлежащем доказыванию по уголовному делу согласно закона, отражающие сущность конкретного преступления и являющиеся основанием постановления приговора.

Возможность привлечения лица к уголовной ответственности за налоговое преступление поставлена в зависимость от исполнения или неисполнения им требования налогового органа о погашении имеющейся задолженности, а также возникших в связи ней штрафов и пеней. В результате этих изменений серьезно искажается понимание уклонения от уплаты налогов. Можно уклоняться от уплаты налогов, главное – выполнить требование налогового органа об уплате недоимки, а также пеней и штрафов. Если в ходе проверки будет выявлено уклонение от уплаты налогов, но лицо не согласно платить, то оно будет иметь дело со следователем. То есть под уклонением от уплаты налогов теперь будет пониматься нежелание выплатить суммы, требуемые налоговым органом.

Для действующего УК РФ подобная норма не является новшеством [3, с. 34]. Специальный случай освобождения от уголовной ответственности за совершение налоговых преступлений был введен в конце 90-х гг. На практике подобная норма действовала в ущерб принципу неотвратимости наказания, поскольку, как и сегодня, позволяла избегать уголовной ответственности в случае только возмещения причиненного ущерба. Прибавим сюда практическое сведение к нулю профилактического значения уголовно-правового запрета.

Существуют еще несколько моментов, крайне осложняющих возможность привлечения лица к ответственности за совершение налоговых преступлений. Следственные органы могут принять решение о возбуждении уголовного дела только после привлечения недобросовестного налогоплательщика к налого-

вой ответственности. Налогоплательщик, в свою очередь, сразу после возбуждения уголовного дела может обжаловать решение налогового органа о привлечении его к налоговой ответственности в порядке п. 2 ст. 101.2 НК РФ, и уже в ходе предварительного следствия или даже на стадии судебного разбирательства по уголовному делу решение налогового органа может быть признано недействительным, в том числе по чисто формальным основаниям. Например, лицу, в отношении которого проводилась проверка, не была предоставлена возможность лично или через представителя участвовать в рассмотрении ее материалов. В данном случае, из-за действующего режима преюдиции возникают непреодолимые препятствия для продолжения уголовного судопроизводства и привлечения лица к уголовной ответственности.

Также, существуют ситуации, когда преступность деяния образуют действия, совершавшиеся не весь проверяемый налоговым органом период времени и не по всем налогам, отраженным в решении налогового органа о привлечении лица к ответственности.

Возможны ситуации, когда лицо, фактически совершившее налоговое преступление будет уведено от уголовной ответственности, по причине невозможности в ряде случаев получить решение налогового органа. Уже существуют способы уклонения от мер налогового контроля (утрачены документы, налогоплательщик снят с учета, продажа предприятия, слияние, перевод в иной налоговый орган под предлогом перевода бизнеса и т.п.). Кроме того, сам Налоговый кодекс предусматривает ряд условий, при которых проведение проверки и соответственно принятие решения налоговым органом невозможно (истечение сроков давности привлечения к ответственности за совершение налогового правонарушения – 3 года, налоговые органы не вправе проводить две и более выездные налоговые проверки по одним и тем же налогам за один и тот же период т.п.).

Сумма недоимки, отраженная в решении налогового органа ранее могла быть скорректирована экспертом органов внутренних дел, заключение которого составлялось с учетом обстоятельств уголовного дела, не установленных во время налоговой проверки. Правило о возможности установления суммы недоимки только решением налогового органа исключает в настоящее время такую возможность, а также противоречит общим началам уголовного судопроизводства. В соответствии с принципом свободы оценки доказательств, предусмотренным ст. 17 УПК РФ, следовательно, суд и другие публично-правовые участники уголовного судопроизводства оценивают собранные доказательства в совокупности, и

никакие доказательства не имеют заранее установленной силы.

Не совпадают сроки давности привлечения к ответственности [5, с. 26-27]. В ст. 113 НК РФ установлен трехлетний срок давности привлечения к ответственности за совершение налогового правонарушения, исчисляемый со дня его совершения либо со следующего дня после окончания налогового периода, в течение которого было совершено правонарушение. За пределами этого срока налоговый орган не вправе применять штрафные санкции. Сроки давности существуют и для уголовной ответственности. За налоговые преступления средней тяжести он составляет 6 лет после совершения деяния, за тяжкие – 10 лет. Органы следствия в пределах срока давности привлечения к уголовной ответственности вправе расследовать факт уклонения от уплаты налогов в пределах трех финансовых лет подряд.

Например, в 2012 г. налоговые органы не вправе проводить выездные налоговые проверки за 2007-2008 гг., поскольку истекли сроки давности (3 года).

Общее правило хранения документов предусмотрено пп. 8 п. 1 ст. 23 НК РФ, который обязывает налогоплательщика обеспечивать сохранность данных бухгалтерского и налогового учета и других документов, необходимых для исчисления и уплаты налогов, а также подтверждающих доходы, расходы и уплаченные налоги в течение четырех лет.

Таким образом, с 01.01.2012 г. истекает срок хранения документов бухгалтерского и налогового учета, которые относятся к 2007 г., и налогоплательщик получает право такую документацию уничтожить. Представляется, что по истечении сроков хранения документов налоговые органы не вправе их запрашивать. Вывод: лицо уходит от ответственности.

На практике возможны ситуации, когда в ходе расследования уголовного дела следователю, оперативному работнику поступит информация от участников уголовного судопроизводства о совершенном налоговом преступлении (поступит заявление от работника предприятия, явка с повинной самого подозреваемого и т.д.), либо прокуратура в ходе проведения проверки деятельности предприятия сама выявит признаки преступлений, предусмотренных ст. 198-199.2 УК РФ, т.е. появляются иные поводы для возбуждения уголовного дела, предусмотренные ст. 140 УПК РФ. Однако в связи с принятыми Федеральным законом № 407-ФЗ от 06.12.2011 г. изменениями, следователь не может проводить проверку полученного сообщения о преступлении и решить вопрос о возбуждении уголовного дела о налоговом преступлении без вступившего в законную силу решения налогового органа о привлечении

лица к ответственности за нарушение налогового законодательства.

На сегодняшний день, существует проблема, когда лицо, совершившее налоговое преступление, может уклониться от наказания, из-за недостаточной разработанности необходимых современных методик расследования налоговых преступлений, из-за несовершенства налогового и уголовного законодательства и, как следствие, неоднозначного толкования отдельных его положений. Координально изменился порядок выявления и возбуждения уголовных дел по налоговым преступлениям, что требует комплексной разработки теоретических и практических основ методики расследования налоговых преступлений, которая поможет оптимизировать практическую деятельность следователей по уголовным делам данной категории, которая пока еще не отличается требуемым качеством.

Предполагалось, что изменения в законодательстве, внесенные Федеральным законом РФ № 383-ФЗ от 29 декабря 2009 г., а также Федеральным законом РФ № 407-ФЗ от 6 декабря 2011 г. будут стимулировать развитие бизнеса в стране, однако отказ от принципа неотвратимости наказания может привести к противоположному эффекту. Одной из особенностей преступлений в сфере налогообложения является то, что они посягают не только на фискальные публично-правовые интересы государства, но и на экономику страны в целом [2]. Недобросовестный налогоплательщик изначально ставится в значительно более выгодное конкурентное положение, нежели добросовестный. В результате, последний вынужден либо сталкиваться со снижением рентабельности, либо уподобиться недобросовестному налогоплательщику и уклоняться от надлежащего исполнения налоговых обязанностей.

Поэтому вполне обоснованным представляется опасение многих экспертов о том, что отказ от обеспечения принципа неотвратимости наказания за преступления в сфере налогообложения повлечет за собой ее тотальную криминализацию, а что еще опаснее – укоренение в правосознании налогоплательщиков деформированных представлений о допустимости уклонения от уплаты налогов.

Дальнейшее ослабление правоохранительной и в целом контрольной функции государства в области налогообложения в совокупности с повышением ставок налогов и деформированным правосознанием налогоплательщиков приведет к еще большему уходу налогооблагаемого капитала «в тень», т.е. сокрытию его от налогового администрирования и налогового контроля, с учетом и так высокой латентности данного вида преступности, из которых, по

разным данным, остаются невыявленными от 60 до 70 % преступлений.

1. Состав передаваемых материалов несколько различается в зависимости от того, в отношении совершения какого именно налогового преступления имеется соответствующее предположение у налогового органа.

2. Смирнов Г.К. Налоговые преступления: пределы либерализации. URL: <http://www.gazeta-yurist.ru/article.php?i=1781>

3. Соловьев И.Н. Налоговые преступления. Специфика выявления и расследования. М.: Проспект, 2011.

4. Александров А. Прекращение уголовного преследования по делам, связанным с нарушением законодательства о налогах и сборах (ст. 28.1 УПК) // Уголовный процесс. 2010. № 2.

5. Курченко В.Н. Применение ст. 28.1 УПК РФ: заключение эксперта как альтернатива

решению налогового органа // Уголовный процесс. 2011. № 2.

1. The contents of work materials to be transferred are somewhat differentiated depending on which specific tax crime commitment the Tax Department possesses adequate presumptions.

2. Smirnov G.K. Tax Crimes: Bounds for liberalization. URL: <http://www.gazeta-yurist.ru/article.php?i=1781>

3. Soloviev. I.N. Tax Crimes. Specificity of revelation and investigation: Prospect, 2011.

4. Alexandrov A. Termination of criminal prosecution with regard to cases associated with violation of Laws and Regulations on taxes and receipts (Art. 28.1 Code of Criminal Procedure) // Criminal Proceeding. 2010. No 2.

5. Kurchenko V.N. Application of Art. 28.1 RF Code of Criminal Procedure: The Expert's evidence as an alternative to the Tax Department judgment // Criminal Proceeding. 2011. No.2.

Гребенюк Ольга Борисовна
аспирант Академии Генеральной прокуратуры РФ
(e-mail: Olga_2368@mail.ru)

Состояние и перспективы осуществления деятельности органов прокуратуры в сфере защиты жилищных прав обманутых дольщиков

Статья посвящена защите жилищных прав дольщиков как одному из приоритетных направлений деятельности прокуратуры. Автор подчеркивает актуальность выбранной темы, поскольку в современных условиях строительства в России правового государства возрастает значимость прокурорского надзора за соблюдением Конституции Российской Федерации и исполнением законов, действующих на территории Российской Федерации.

Ключевые слова: защита, прокурорский надзор, жилищные права, обманутые дольщики.

O.B. Grebenyuk, aspirant of Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation; e-mail: Olga_2368@mail.ru

Condition and prospects of implementation of activity of bodies of prosecutor's office in the sphere of protection of the housing rights of the deceived shareholders

The article is dedicated to protection of the housing rights shareholders as one of the priority directions to activity of the public prosecutor's office. Author given subject very actual since in modern condition construction in Russia legal state increases value an prosecutor control for observance of the Constitutions to Russian and performance of the laws, acting on territory of the Russian Federation.

Key words: protection, prosecutor supervision, housing rights, defrauded shareholders.

В связи с тем, что в настоящее время особое значение приобретает эффективность деятельности органов прокуратуры в сфере защиты прав граждан - участников долевого строительства жилых домов - обманутых дольщиков, возникла необходимость проведения научных исследований, связанных с состоянием и перспективами ее осуществления. Вот почему в 2011-2012 гг. по разработанному нами опросному листу (анкете), утвержденному в НИИ Академии Генеральной прокуратуры РФ, в субъектах Российской Федерации было проведено анкетирование 819 респондентов, из которых 292 - прокурорские работники, а также судьи, адвокаты, депутаты законодательных (представительных) органов и представители органов государственной власти субъектов Федерации, органов местного самоуправления, студенты 5-го курса вузов юридического профиля, дольщики. При этом более 99 % опрошенных имели высшее и неоконченное высшее образование, в том числе почти 88 % - юридическое. Анкетирование проводилось на добровольной основе

с соблюдением анонимности заполнения опросного листа.

Вступивший на должность президента Российской Федерации В.В. Путин одним из первоочередных издал Указ от 07.05.2012 № 600 «О мерах по обеспечению граждан Российской Федерации доступным и комфортным жильем и повышению качества жилищно-коммунальных услуг» [1], в котором Кабинету министров поручено создать для населения «возможности улучшения жилищных условий не реже одного раза в 15 лет» и обеспечить «до 2020 года - предоставление доступного и комфортного жилья 60% российских семей, желающих улучшить свои жилищные условия».

В рамках исполнения поручения Президента Российской Федерации от 05.09.2011 Генеральной прокуратурой работа по предупреждению, выявлению и пресечению фактов нарушения законодательства Российской Федерации и прав граждан в сфере долевого строительства находится на контроле.

Вопросы восстановления прав участников долевого строительства многоквартирных до-

мов остро поставлены во многих субъектах Российской Федерации, являясь основанием для проведения различного рода массовых публичных мероприятий.

Проведенный Генеральной прокуратурой мониторинг исполнения законодательства в данной сфере показал, что его нарушения нередко вызваны отсутствием надлежащего контроля за деятельностью застройщиков со стороны уполномоченных органов.

Зачастую при наличии оснований меры к привлечению виновных лиц к ответственности не принимаются, порождая чувство безнаказанности, способствуя дальнейшему совершению правонарушений, в том числе нецелевому использованию либо хищению привлеченных средств дольщиков.

Во многих субъектах Российской Федерации потребовалось прокурорское участие в выявлении и пресечении правонарушений в сфере долевого строительства, понуждении региональных органов контроля к активизации использования предоставленных полномочий.

В ходе проверок выявлены факты незаконного строительства многоквартирных домов, невыполнения требований о государственной регистрации договоров участия в долевом строительстве, нарушений установленного порядка приема и использования средств дольщиков. От прекращения (приостановления) строительства по различным основаниям около 800 «проблемных» жилищных объектов пострадало около 75 тыс. человек.

В целях устранения нарушений органами прокуратуры только в 2010 – 2011 гг. внесено свыше 1,4 тыс. представлений. Оспорено более 100 незаконных актов органов власти, к административной и дисциплинарной ответственности привлечено 1,5 тыс. должностных лиц. В суды общей юрисдикции направлено 147 исков (заявлений). Правоохранительными органами возбуждено более 1,5 тыс. уголовных дела (в том числе 62 – по материалам прокурорских проверок). Сумма причиненного преступлениями ущерба составила свыше 15 млрд руб., из которых 4 млрд руб. возмещено в ходе следствия. По результатам рассмотрения судами уголовных дел вынесены обвинительные приговоры в отношении 102 лиц (учредители и руководители предприятий - застройщиков, должностные лица органов власти и другие). При этом в большинстве случаев суды применили наказание, связанное с лишением свободы (62 % от общего числа) [2].

Соответственно, защита жилищных прав обманутых дольщиков в настоящее время является приоритетным направлением прокурорской деятельности.

В связи с этим актуальны для научных исследований вопросы деятельности прокуратуры по осуществлению надзора за исполнением законов в сфере защиты прав граждан – участников долевого строительства – обманутых дольщиков.

Стоит отметить, что все прокуроры и прокурорские работники, участвовавшие в проведенном нами опросе, были знакомы с содержанием ФЗ от 30 декабря 2004 № 214-ФЗ "Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации". Причем, около 30 % прокуроров постоянно работают с этим законом. Большинство респондентов - 90,7 % (при 3,3 % затруднившихся дать четкий ответ) и 98 % прокурорских работников поддержали полностью мнение ученых и практиков о том, что осуществление прокурорского надзора может повлиять на укрепление законности в сфере защиты прав граждан - участников долевого строительства жилых домов – обманутых дольщиков.

Анализ результатов и материалов прокурорских проверок свидетельствует о некотором улучшении ситуации в обозначенной сфере. За 1 квартал 2012 г. общее количество «проблемных» объектов жилищного строительства уменьшилось до 676 (или на 21 объект, 3 %), восстановлены жилищные и имущественные права около 1,5 тыс. граждан, но проблема остается.

Одновременно отметим, что около 86 % принявших участие в анкетировании, 89 % прокурорских работников, почти 77 % прокуроров, 68 % студентов - выпускников юридических факультетов и институтов, 99,8 % обманутых дольщиков считают, что нарушения законодательства в сфере долевого строительства многоквартирных домов препятствуют реализации гражданами конституционного права на жилище. Такой результат подтверждает, что защита жилищных прав обманутых дольщиков является приоритетным направлением деятельности прокуратуры.

Респондентами были определены варианты наиболее часто встречающихся нарушений законодательства в исследуемой сфере. Так, 57,4 % от числа опрошенных указали на несвоевременный ввод строящихся многоквартирных домов в эксплуатацию; 54 % - нецелевое использование застройщиками привлеченных к строительству денежных средств граждан; 50,6 % - затягивание сроков передачи объекта долевого строительства по акту приема-передачи; 46,1 % - заключение двух и более договоров на одну и ту же квартиру; 40,5 % - осуществление строительства при отсутствии правоустанавливающей документации на зе-

мельный участок; 21,4 % - осуществление строительства многоквартирного дома без получения организацией-застройщиком разрешения на строительство либо без продления срока разрешения на строительство.

На вопрос: «Какие виды деятельности в исследуемой сфере, на Ваш взгляд, необходимо выполнять органам прокуратуры в первоочередном порядке?» были получены следующие ответы. На проведение надзорных проверок в организациях-застройщиках по вопросам соблюдения законодательства, касающегося долевого строительства жилья указали - 64,1 % от числа опрошенных; работу с обращениями граждан - 53,1 %; проведение надзорных проверок в контролирующих органах, органах исполнительной власти субъектов Российской Федерации органах местного самоуправления по вопросам соблюдения законодательства, касающегося долевого строительства жилья - 50,8 %; участие в гражданском судопроизводстве по делам, касающимся защиты прав граждан-участников долевого строительства - 26,6 %; координацию деятельности правоохранительных органов по вопросам защиты прав граждан-участников долевого строительства жилья - 25 %; разъяснение гражданам прав в сфере долевого строительства многоквартирных домов - 21 %; проведение проверок соответствия федеральному законодательству правовых актов органов исполнительной власти субъектов Федерации и органов местного самоуправления - 18 %; взаимодействие со средствами массовой информации для ознакомления граждан с ходом и результатами надзорной деятельности прокуратуры в данной области - 15,6 %; осуществление надзора за законностью административного производства по делам, касающимся долевого строительства многоквартирных домов - 12,5 %; иные виды деятельности - 1,6 %.

К наиболее часто применяемым мерам прокурорского реагирования на выявленные правонарушения в данной сфере в прокуратурах - 73,8 % прокурорских работников указали - представление об устранении нарушений законов; 26,2 % - возбуждение дела об административном правонарушении; 23,3 % - участие в гражданском, арбитражном судопроизводстве; 21,3% - направление материалов в порядке ст. 37 УПК РФ для проведения следственной проверки; 19 % - предостережение о недопустимости нарушения закона; протест на незаконный правовой акт; иные меры реагирования - 1,6 %. И вполне объяснимо, что к наиболее эффективным мерам прокурорского реагирования для восстановления законности в сфере защиты прав граждан - участников долевого строительства жилых домов - обманутых дольщиков были отнесены (указаны по

степени эффективности): представление об устранении нарушений законов, участие в гражданском, арбитражном судопроизводстве, возбуждение дела об административном правонарушении, направление материалов в порядке ст. 37 УПК РФ для проведения следственной проверки, протест на незаконный правовой акт, предостережение о недопустимости нарушения закона, иные меры реагирования.

К наиболее эффективным формам взаимодействия органов прокуратуры разных уровней в исследуемой сфере правовых отношений были отнесены (указаны по степени эффективности): разработка и направление методических рекомендаций по проведению проверок исполнения законов в сфере долевого строительства многоквартирных домов; проведение анализа практики прокурорского надзора в данной сфере с направлением информационных писем с обобщением практики надзора; выезды в нижестоящие прокуратуры для оказания практической и методической помощи; проведение заседаний коллегий прокуратуры и координационных совещаний правоохранительных органов на региональном уровне; организация и проведение семинарских занятий по различным проблемным вопросам этой деятельности; иные мероприятия.

При осуществлении надзора за исполнением законов в сфере защиты прав граждан - участников долевого строительства жилых домов - обманутых дольщиков прокурорскими работниками в основном проводятся проверки: текущие, в связи с обращениями в органы прокуратуры по фактам нарушений закона в области долевого строительства многоквартирных домов, в соответствии с заданиями, поступающими из вышестоящей прокуратуры, заранее запланированные.

В решении проблемы обманутых дольщиков важная роль справедливо отведена прокурорскому надзору за исполнением законов в этой сфере, результативность которого неразрывно связана с правильной организацией работы.

На вопрос: «Считаете ли Вы необходимым привлечение к проведению проверок в данной области соответствующих специалистов?» значительная часть опрошенных - 68,8 % ответила - да, следует; 31,1 % - нет, не следует. Зачастую на практике прокуроры сталкиваются с тем, что надзорные проверки коммерческих структур расцениваются как вмешательство в их хозяйственную деятельность. Мы также полагаем, что следует привлекать к проведению таких проверок специалистов либо поручать их проведение профильным контролирующим органам.

Одновременно отметим, что с мнением о необходимости более детальной регламента-

ции осуществления надзорной деятельности в сфере соблюдения прав граждан при участии в долевом строительстве многоквартирных домов путем издания соответствующего приказа или указания Генерального прокурора РФ согласились 90,2 % прокуроров (при 3,8 % несогласных); 88 % - прокурорских работников (при 3,8 % несогласных); 91,4 % - студентов юридических ВУЗов (2,9 % не согласны), 83,4 % - всех опрошенных (5,3 % не согласны).

При этом только 39,3 % прокуроров, 40 % прокурорских работников, 38,7 % всех участников опроса (соответственно при 53,9 %, 52 % и 51,2 % несогласных) считают, что меры прокурорского реагирования в исследуемой сфере являются эффективными, что свидетельствует о необходимости разработки новых подходов прокурорской деятельности в исследуемой сфере.

Причем 20,6 % опрошенных считают, прокурорами в субъектах Российской Федерации полно и своевременно принимаются меры к устранению нарушений прав граждан и восстановлению их прав, а 77 % опрошенных считают, что прокуроры не в полной мере и не своевременно принимаются меры к устранению нарушений законодательства и прав граждан, иное мнение имеют 2,4 % опрошенных. Поэтому не случайно, что меньшинство опрошенных – 44,1 % прокуроров, 45,2 % прокурорских работников, 30,4 % всех участников опроса обратили внимание на то, что у органов прокуратуры в настоящее время полномочий по защите прав обманутых дольщиков достаточно (соответственно при 54,4 %, 52 % и 60,3 % несогласных).

Причинами недостаточной эффективности прокурорского надзора в данной сфере правовых отношений участниками опроса названы: несовершенство законодательного регулирования долевого строительства жилья и федерального законодательства в целом – 53,2 %; недостаточность полномочий прокурора в данной сфере – 24,4 %; недостатки в организации работы в органах прокуратуры – 11,8 %; недостатки в аналитической работе - 5,3 %; отсутствие надлежащего информационного обеспечения – 4,6 %; иное мнение – 0,6 %.

Причем подавляющее число опрошенных – 97,1 % поддержали мнение, что работа органов прокуратуры Российской Федерации по предупреждению, выявлению и пресечению фактов нарушения законодательства Российской Федерации и прав граждан в сфере долевого строительства должна осуществляться в виде постоянного надзора вне зависимости от обращений граждан (при 2,9 % не согласных).

Участниками опроса были также названы меры, которые будут способствовать решению проблем граждан, участвующих в долевом

жилищном строительстве, обязательства перед которыми не исполняются застройщиками (излагаем в порядке значимости):

организация регулярного обмена информацией о выявленных нарушениях законности в сфере осуществления долевого строительства, принятых по ним мерах реагирования, устранении нарушений законов и восстановлении интересов государства и прав граждан – 42,7 %;

проведение совместных мероприятий по противодействию злоупотреблениям при расходовании бюджетных средств, выделенных на завершение строительства «проблемных» жилищных объектов – 38,8 %;

незамедлительное проведение соответствующих проверок с привлечением при необходимости уполномоченных органов регионального контроля – 38,8 % при поступлении информации о фактах нарушений законодательства в сфере долевого строительства, прав граждан – участников долевого строительства;

поручение проведения доследственных проверок, рассматриваемой категории наиболее опытным и квалифицированным сотрудникам – 36,4 %;

проведение проверок хозяйствующих субъектов, участвовавших в долевом строительстве «проблемных» многоквартирных домов, на предмет их включения в схемы хищения денежных средств дольщиков и легализации денежных средств или иного имущества, полученного преступным путем – 34,4 %;

проверка законности принятых решений о прекращении и приостановлении производства уголовных дел, об отказе в возбуждении уголовных дел по фактам правонарушений в сфере долевого строительства – 26,8 %;

усиление ведомственного контроля за полнотой и своевременностью мероприятий по делам оперативного учета в указанной сфере, законностью принятых процессуальных решений по материалам проверок сообщений о преступлениях и уголовным делам – 25,2 %;

информирование органов государственного и муниципального контроля о результатах рассмотрения представленных ими материалов о фактах нарушений, допущенных при долевом строительстве многоквартирных домов – 23 %;

анализ практики взаимодействия следственных органов Следственного комитета Российской Федерации и МВД России с органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации по предупреждению, выявлению и пресечению нарушений прав граждан недобросовестными застройщиками жилых домов и рассмотрения представлений следователей об устранении обстоятельств, способствовавших

совершению преступлений в сфере долевого строительства жилья – 22,1 %.

мониторинг ситуации в сфере размещения соответствующих заказов – 20,7 %;

обеспечение надлежащего учета материалов доследственных проверок и уголовных дел, возбужденных в сфере долевого строительства, а также эффективный контроль за их расследованием – 19,7 %;

осуществление мониторинга практики выявления и расследования преступлений, связанных с нарушениями при осуществлении долевого строительства многоквартирных домов (в том числе по результатам проверок сведений о правонарушениях в сфере долевого строительства, размещенных в средствах массовой информации) – 13,4 %;

обобщение результатов выполнения межведомственного плана совместных мероприятий Генеральной прокуратуры Российской Федерации, Следственного комитета Российской Федерации, МВД России, Минрегиона России по выявлению и устранению обстоятельств, способствующих совершению правонарушений при осуществлении долевого строительства ежеквартально – 9,5 %;

обобщение практики рассмотрения обращений граждан о нарушениях в сфере долевого строительства многоквартирных домов – 7,9 %.

К наиболее эффективным мерам защиты прав обманутых дольщиков респондентами указаны:

усиление уголовной ответственности за нарушение законодательства в области долевого строительства (необходимость внесения изменений в диспозицию ст. 171 УК РФ) – 66,9 % от числа опрошенных;

внесение изменений и дополнений в жилищное, градостроительное, административное законодательство, направленных на усиление правового механизма контрольных полномочий органов власти субъектов Российской Федерации в области долевого участия в строительстве, а также ответственности сотрудников саморегулируемых организаций, выдавших свидетельства о допуске недобросовестным застройщикам – 54,1 %;

введение страховой ответственности долевого застройщика 48,5 %;

введение процедуры лицензирования и аккредитации при долевым строительстве – 35 %;

анализ правоприменительной практики и рассмотрение вопроса о внесении в органы государственной власти предложений о совершенствовании федерального законодательства в сфере долевого строительства, в том числе об усилении контроля и надзора при его осуществлении, повышении гарантий защиты прав граждан – участников долевого

строительства многоквартирных домов – 31,8 %;

внесение изменений и дополнений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации и Закон о прокуратуре Российской Федерации – 21,5 %;

На вопрос анкеты: «Считаете ли Вы состояние федерального и регионального законодательства, регулирующего правоотношения в рассматриваемой сфере (обманутых дольщиков) удовлетворительным или оно требует улучшения?» примерно

87 % опрошенных лиц ответило, что оно требует улучшения, а примерно 3,7% респондентов отметило, что законодательство является удовлетворительным.

Также подавляющее число респондентов – 88 % от числа всех участников опроса считают, что законодательство, регулирующее доленое строительство многоквартирных домов и прежде всего жилищное, административное, уголовное, гражданско-процессуальное законодательство нуждаются в изменении, дополнении (при 3,2 % несогласных).

Абсолютное большинство участников опроса (97 %) высказывались за необходимость надления Генерального прокурора РФ правом законодательной инициативы в законодательных (представительных) органах субъектов Российской Федерации. Такая точка зрения ученых и практиков [3] единодушно поддержана профессиональными юристами, поскольку одной из проблем, возникающих при реализации механизмов защиты прав обманутых дольщиков является несовершенство законодательной базы. Отдельные вопросы никак не урегулированы на региональном уровне, что не способствует созданию единой правоприменительной практики.

Резюмируя сказанное, отметим, что динамика выявляемых прокурорами нарушений законов, коррупция в строительной отрасли, публичные выступления граждан против допускаемых органами власти и представителей бизнес-сообществ в этой сфере нарушений требуют усиления регулирующей роли государства за долевым строительством многоквартирных домов. В решении этой задачи важная роль справедливо отведена прокурорскому надзору за исполнением законов в сфере защиты прав граждан – обманутых дольщиков, результативность которого неразрывно связана не только с правильной организацией работы, но и с совершенствованием действующего законодательства как на федеральном, так и на региональном уровне.

Результаты надзорной деятельности свидетельствуют о том, что нарушения порядка осуществления долевого строительства допускаются на всех его этапах, в том числе при выда-

че разрешений на строительство, использовании земельных участков, ведении строительных работ, вводе жилых домов в эксплуатацию, привлечении денежных средств граждан и заключении договоров долевого участия в строительстве.

В первую очередь прокурорского внимания требует работа по приведению правовых актов в области строительства регионального и муниципального уровня в соответствие в федеральным законодательством.

В Челябинской области судом удовлетворены требования прокурора о приведении постановлений администрации г. Челябинска, которыми утверждены административные регламенты предоставления муниципальной услуги «Выдача разрешений на строительство (реконструкцию, капитальный ремонт) объектов капитального строительства» и «Выдача разрешений на ввод объектов капитального строительства в эксплуатацию», в соответствии с действующим градостроительным законодательством.

При оценке полноты правового регулирования вопросов участия граждан в долевом строительстве на соответствующей территории следует обратить внимание на положительный опыт реализации в Свердловской области регионального Закона от 24.06.2011 № 50-ОЗ «О поддержке граждан, пострадавших от деятельности юридических лиц по привлечению денежных средств граждан, связанному с возникновением у граждан права собственности на жилые помещения в многоквартирных домах».

Названным Законом предусмотрена поддержка граждан, пострадавших от недобросовестных застройщиков, в форме освобождения от оплаты по договору приобретения жилья стоимости количества квадратных метров жилого помещения, равной ранее оплаченной гражданином недобросовестному застройщику.

Согласно постановлению правительства Свердловской области от 03.10.2011 № 1317-ПП, устанавливающему порядок оказания такой поддержки, по итогам конкурсного отбора определяются застройщики для заключения с ними соглашения о предоставлении поддержки указанной категории граждан. В дальнейшем застройщиками, оказавшими в установленном порядке поддержку таким гражданам, предоставляются для жилищного строительства бесплатно в собственность земельные участки, находящиеся в государственной или муниципальной собственности, согласно действующему региональному законодательству, устанавливающему особенности регулирования земельных отношений на территории Свердловской области.

Реализация названного Закона позволит снизить социальную напряженность в регионе, связанную с действиями недобросовестных застройщиков. В этой связи целесообразно проинформировать органы исполнительной власти других субъектов Российской Федерации о возможности разработки и принятия аналогичных нормативных правовых актов.

Зачастую нарушения прав граждан, участвующих в долевом строительстве, связаны с мошенническими действиями недобросовестных застройщиков.

Между тем, изучение практики прокурорского надзора показало, что участие прокуратуры в урегулировании подобных ситуаций зачастую сводится к возбуждению уголовных дел, расследование большей части из которых затягивается. При этом должное взаимодействие с органами власти, контролирующими органами, направленное на возобновление строительства и возмещение причиненного гражданам ущерба, не осуществляется, что не позволяет решить проблемы пострадавших граждан.

В Свердловской области только после вмешательства прокуратуры в деятельности ЗАО «Европейской» устранены нарушения требований ч. 3 ст. 4 Федерального закона от 30.12.2004 № 214 –ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 214-ФЗ), допущенные при привлечении денежных средств граждан на строительство многоквартирного жилого дома по договорам долевого участия, не прошедшим государственную регистрацию, что привело к невозможности регистрации права собственности граждан на жилые помещения вновь возведенных объектов. В интересах граждан прокурором Ленинского района г. Екатеринбурга в суд направлено 23 исковых заявления к акционерному обществу о признании права собственности на квартиры, приобретенные на основании договоров долевого участия в строительстве, которые рассмотрены и удовлетворены.

В деятельности застройщиков допускаются нарушения, связанные с непредставлением в контролирующий орган необходимой отчетности, несвоевременным внесением изменений в проектные декларации, а также несоблюдением порядка опубликования.

Прокурорскими проверками вскрыты отдельные случаи несоответствия качества объекта долевого строительства предъявляемым требованиям.

Злободневными остаются вопросы незаконного распоряжения земельными ресурсами. В настоящее время по инициативе прокуратуры Краснодарского края в региональное законода-

тельство внесены положения о предоставлении земельных участков под объектами незавершенного строительства исключительно в аренду, что способствовало пресечению фактов неправомерной приватизации земли под такими объектами.

Во многих случаях неисполнение требований законодательства застройщиками, отсутствие у них необходимой разрешительной документации обусловлено недостатками в организации работы органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и местного самоуправления, их незаконными действиями (бездействием).

Данные обстоятельства послужили основанием для осуществления в марте-апреле текущего года внеплановых выездов комиссии управления Генеральной прокуратуры Российской Федерации в Уральском федеральном округе в прокуратуры Челябинской и Тюменской областей, в ходе которых установлено, что должное взаимодействие между органами государственной власти, местного самоуправления и органами прокуратуры по совместному решению проблем граждан, вложивших свои средства в строительство многоквартирных домов, не налажено.

Прокурорами не реализовывались полномочия по обращению в суд в защиту граждан, пострадавших от неправомерных действий застройщиков. Принимаемые правоохранительными органами меры по решению проблем в сфере долевого строительства жилья не всегда являлись достаточными и своевременными.

К примеру, в Уральском федеральном округе, всего в 2011-2012 гг. прокурорами выявлено 169 нарушений закона в области долевого строительства, с целью их устранения внесено 80 представлений, 63 лица наказаны в дисциплинарном порядке, к административной ответственности привлечено 25 лиц, объявлено 6 предостережений о недопустимости нарушений закона, в суд направлено 39 исков, из них 26 рассмотрено и удовлетворено, остальные иски находятся на рассмотрении, возбуждено 25 уголовных дел.

В связи с актуальностью данного вопроса предлагается продолжить практику прокурорского надзора за соблюдением законодательства и прав граждан в сфере долевого строительства многоквартирных домов, обеспечив его системность и комплексный характер.

При выявлении нарушений порядка осуществления строительства следует учитывать, что принимаемые прокурорами меры не должны усугублять сложившуюся ситуацию и являться причиной негативных последствий в виде замедления темпов строительства жилья

и нарушения сроков его ввода в эксплуатацию. В каждом случае необходимо применять индивидуальный, возможно, нестандартный подход к выбору мер реагирования, не допуская внесения актов по шаблонной схеме.

Основные усилия прокуроров должны быть направлены на создание эффективной системы взаимодействия с органами исполнительной власти, местного самоуправления, контролирующими и правоохранительными органами, принятие мер превентивного характера, выявление нарушений на ранних стадиях и их своевременное устранение.

1. URL: <http://www.duma.gov.ru/news/273/14820/> (дата обращения 10.05.2012).

2. По материалам докладных записок прокуратур субъектов Российской Федерации в Генеральную прокуратуру Российской Федерации. М., 2012.

3. См.: Рохлин В.И. Прокурорский надзор: защита прав человека / В.И. Рохлин, И.И. Сыдорук. СПб., 2001; Феоктистова Е.А. Прокурорский надзор за исполнением законов в сфере долевого строительства гражданами многоквартирных домов как условие эффективной реализации приоритетного национального проекта «Доступное и комфортное жилье - гражданам России» / Е.А. Феоктистова // Право и государство: теория и практика. 2009. № 2. С. 94-97; Сушина Т.Е. Особенности организации и осуществления прокурорского надзора за исполнением законов о долевом строительстве многоквартирных домов // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2009. № 1 (9). – С. 25-30.

1. URL: <http://www.duma.gov.ru/news/273/14820/> (date of the address 10.05.2012).

2. On material reports notes of the public prosecutor's offices subject to Russian Federation in General public prosecutor's office of the Russian Federation. M., 2012.

3. Refer to: Rohlin V.I. Prosecutor's control: protection of the human rights / V.I. Rohlin, I.I. Sydoruk. – SPb., 2001; Feoktistova E.A. Prosecutor's control for performance of the laws in sphere share construction by people much apartments houses as condition to efficient realization of the priority national project "Available and suitable home - a people to Russia" / E.A. Feoktistova // Right and state: theory and practice. 2009. № 2. С. 94-97; Sushina I.E. Particularities to organizations and realization prosecutor control for performance of the laws about share construction much apartments of the houses // Herald to Academies of the General public prosecutor's office Russian Federation. 2009. № 1 (9). P. 25-30.

Христинич Ирина Валерьевна

аспирант Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации

(тел.: 88612673661)

Федеральный государственный пожарный надзор как объект прокурорского надзора

В статье обосновывается положение о том, что деятельность органов федерального государственного пожарного надзора является контрольно-надзорной. Несмотря на достаточную самостоятельность, наличие иерархичной, строгоподчиненной системы органов исполнительной власти и контрольно-надзорных полномочий, органы федерального государственного пожарного надзора являются объектом прокурорского надзора.

Ключевые слова: пожарная безопасность, прокурор, объект, контроль, надзор, ОГПН.

I.V. Hristinich, post-graduate of the Academy of the General Prosecutor of the Russian Federation; tel.: 88612673661.

Federal state fire supervision as object of public prosecutor's supervision

The article substantiates the position that functions of the federal agency of the state fire control are supervisory. Despite its self-sufficiency and fact that the system of the executive authorities and the supervisory powers are hierarchical and subordinate, the federal agency of the state fire control is the object of Public Prosecutions.

Key words: fire safety, prosecutor, object, control, supervision, federal agency of the state fire control.

Объекты и субъекты прокурорского надзора – это две научные категории, которые длительное время не имели однозначного определения, а в некоторых случаях исследователями допускалось «смешение понятий «объект» и «субъект» надзора».

Например, А.А. Чувилева государственные органы, учреждения, организации, органы местного самоуправления, а также их деятельность, связанную с исполнением законов, отнесла к объектам прокурорского надзора, а В.Ф. Крюков эти же органы назвал поднадзорными субъектами.

Вместе с тем, в последнее время эти понятия начали четко разграничивать. Субъект прокурорского надзора – это прокурор, носитель прав и обязанностей, а объект прокурорского надзора – это те учреждения и организации, которые поднадзорны прокуратуре и в отношении которых осуществляются функции прокурорского надзора.

Следовательно, объектами прокурорского надзора за исполнением законов о пожарной безопасности выступают все те органы, учреждения, организации, которые задействованы в правоотношениях в области обеспечения пожарной безопасности.

В преамбуле Федерального закона «О пожарной безопасности» дается полный перечень лиц, задействованных в правоотношениях в сфере пожарной безопасности. Это органы

государственной власти, органы местного самоуправления, учреждения, организации, крестьянские (фермерские) хозяйства, иные юридические лица независимо от их организационно-правовых форм и форм собственности, общественные объединения, индивидуальные предприниматели, должностные лица, граждане Российской Федерации, иностранные граждане и лица без гражданства.

Наиболее удачно субъекты обеспечения пожарной безопасности классифицировал В.А. Гуциев в зависимости от организации общественных отношений: на субъекты государственной системы обеспечения пожарной безопасности и субъекты негосударственной системы обеспечения пожарной безопасности.

Исходя из этой классификации, учитывая требования ст. 21 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации», предполагается, что преимущественно объектами прокурорского надзора являются субъекты государственной системы обеспечения пожарной безопасности: федеральные министерства, федеральные службы, федеральные агентства, относящиеся к органам исполнительной власти, органы представительной и исполнительной власти субъектов Российской Федерации.

Определенной особенностью для объектов прокурорского надзора является их множественность.

Федеральным законом «О пожарной безопасности» система обеспечения пожарной безопасности представлена в виде единой системообразующей пожарной охраны, включающей в себя:

- Государственную противопожарную службу;
- Муниципальную пожарную охрану;
- Ведомственную пожарную охрану;
- Частную пожарную охрану;
- Добровольную пожарную охрану.

Федеральная противопожарная служба Государственной противопожарной службы (Главное управление) представлена как самостоятельное оперативное структурное подразделение МЧС Российской Федерации, возглавляющее систему Государственной противопожарной службы и осуществляющее свою деятельность через следующие органы управления, подразделения и учреждения [1]:

структурные подразделения центрального аппарата МЧС России;

структурные подразделения территориальных органов МЧС России – региональных центров по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий и органов, уполномоченных решать задачи гражданской обороны и задачи по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций по субъектам Российской Федерации;

органы государственного пожарного надзора;

пожарно-технические научно-исследовательские и образовательные учреждения;

подразделения обеспечения деятельности федеральной противопожарной службы Государственной противопожарной службы;

подразделения федеральной противопожарной службы Государственной противопожарной службы, созданные в целях обеспечения профилактики пожаров и (или) их тушения в организациях (объектовые подразделения);

подразделения федеральной противопожарной службы Государственной противопожарной службы, созданные в целях обеспечения профилактики и тушения пожаров в закрытых административно-территориальных образованиях, а также в особо важных и режимных организациях (специальные и воинские подразделения);

подразделения федеральной противопожарной службы Государственной противопожарной службы, созданные в целях обеспечения профилактики и тушения пожаров в населенных пунктах (территориальные подразделения);

подразделения федеральной противопожарной службы Государственной противопожарной службы, созданные в целях охраны

имущества организаций от пожаров на договорной основе.

Осуществлять проверки соблюдения требований пожарной безопасности организациями и гражданами, принимать соответствующие меры по их устранению относится к полномочиям органов Федерального государственного пожарного надзора, который с одной стороны является одним из элементов системы Федеральной противопожарной службы государственной противопожарной охраны, а с другой стороны имеет свою систему органов, представленных в структурных подразделениях всей иерархической системы МЧС России.

Таким образом, из вышеуказанной системы органов обеспечения пожарной безопасности наиболее актуальной для прокуратуры является деятельность органов государственного пожарного надзора, которая сопряжена с определенным вмешательством в оперативно-хозяйственную деятельность юридических лиц и граждан, а также наложением некоторых запретов и ограничений.

Изначально созданная в 1927 г. единая система государственного пожарного надзора, которая вместе с профессиональными городскими и объектовыми пожарными частями, добровольными пожарными дружинами была призвана обеспечить осуществление как предупредительных, так и оборонительных мер по борьбе с огнем в городах, сельской местности и на промышленных предприятиях [2], за вековой период неоднократно преобразовывалась и реформировалась.

Осуществление государственного пожарного надзора относилось к деятельности Государственной противопожарной службы Министерства внутренних дел СССР, РСФСР и Российской Федерации.

Указом Президента РФ от 09.11.2001 №1309 «О совершенствовании государственного управления в области пожарной безопасности» [3] Государственная противопожарная служба Министерства внутренних дел, преобразована в Государственную противопожарную службу Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий (МЧС России).

Объединение МЧС России и противопожарной службы имело задачу исключения дублирующих функций, параллелизма действий двух структур при условии сохранения стабильного функционирования системы государственной противопожарной службы, сохранения социальных льгот и гарантий для личного состава Службы [4].

За этот период государственный пожарный надзор причислялся то к органам ведомственного контроля, то административного надзора.

В последнее время органы государственного пожарного надзора относятся к органам контроля и надзора.

До включения Государственной противопожарной службы Министерства внутренних дел Российской Федерации в систему Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, государственная пожарная служба в большей степени имела признаки контролирующего органа [5].

Профессор В.Г. Бессарабов, разграничивая компетенцию контрольных органов государственной власти и прокуратуры, отнес деятельность Государственной противопожарной службы МВД Российской Федерации к органам административного надзора с ярко выраженной специализацией [6].

По мнению И.В. Жукова, в настоящее время Государственный пожарный надзор МЧС России, являясь структурным элементом государственного органа исполнительной власти, имеет все необходимые признаки административного надзорного органа. Одновременно с этим, в ходе проводимой в России административной реформы, законодателем у Госпожнадзора изъяты функции внешнего контроля, которыми он был наделен ранее [7].

После принятия Федерального закона от 26.12.2006 № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» (далее - Федеральный закон от 26.12.2006 № 294-ФЗ), государственный пожарный надзор многими исследователями административного права стал относиться к органам контроля и надзора [8].

В последнее время считается, что «современное российское законодательство, регулируя отношения в сфере государственного управления, не устанавливает принципиальных различий между государственным контролем и государственным надзором» [9].

В ст. 2 Федерального закона под государственным контролем (надзором) понимается деятельность уполномоченных органов государственной власти (федеральных органов исполнительной власти и органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации), направленная на предупреждение, выявление и пресечение нарушений юридическими лицами, их руководителями и иными должностными лицами, индивидуальными предпринимателями, их уполномоченными представителями (далее также - юридические лица, индивидуальные предприниматели) требований, установленных настоящим Федеральным законом, другими федеральными законами и при-

нимаемыми в соответствии с ними иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, законами и иными нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации (далее - обязательные требования), посредством организации и проведения проверок юридических лиц, индивидуальных предпринимателей, принятия предусмотренных законодательством Российской Федерации мер по пресечению и (или) устранению последствий выявленных нарушений, а также деятельность указанных уполномоченных органов государственной власти по систематическому наблюдению за исполнением обязательных требований, анализу и прогнозированию состояния исполнения обязательных требований при осуществлении деятельности юридическими лицами, индивидуальными предпринимателями.

Несмотря на объединение в одном определении понятий контроль и надзор, предполагается, что в нем заложены два самостоятельных направления деятельности:

деятельность, направленная на предупреждение, выявление и пресечение нарушений – что больше относится к контролю;

деятельность по систематическому наблюдению за исполнением обязательных требований, анализу и прогнозированию состояния исполнения обязательных требований при осуществлении деятельности юридическими лицами, индивидуальными предпринимателями – что можно отнести к надзору.

Также законодателем сформулировано понятие муниципального контроля - это деятельность органов местного самоуправления по организации и проведению проверок по вопросам местного значения.

Следовательно, с одной стороны контрольная деятельность законодательно отличается от надзорной, с другой стороны органы исполнительной власти, подпадающие под действия Федерального закона от 26.12.2006 № 294-ФЗ, наделены и контрольными и надзорными полномочиями.

В целях приведения в соответствие с Федеральным законом от 26.12.2006 № 294-ФЗ деятельности органов государственного пожарного надзора Правительством Российской Федерации принято новое Положение о Федеральном государственном пожарном надзоре [10], которым внесены изменения в его компетенцию и по-новому сформулированы задачи.

Так, если в п. 2 Положения о государственном пожарном надзоре [11] основной задачей являлась деятельность по проведению проверки соблюдения организациями и гражданами требований пожарной безопасности и принятие мер по результатам этой проверки, то в настоящее время органы государственного

пожарного надзора осуществляют деятельность, направленную на предупреждение, выявление и пресечение нарушений организациями и гражданами требований, установленных законодательством Российской Федерации о пожарной безопасности, посредством организации и проведения в установленном порядке проверок деятельности организаций и граждан, состояния используемых (эксплуатируемых) ими объектов защиты, а также на систематическое наблюдение за исполнением требований пожарной безопасности, анализ и прогнозирование состояния исполнения указанных требований при осуществлении организациями и гражданами своей деятельности.

Таким образом, в деятельности органов государственного пожарного надзора присутствуют как контрольные, так и надзорные полномочия. Поэтому, на наш взгляд, современные преобразования федерального государственного пожарного надзора, по праву обозначили эту деятельность как контрольно-надзорную, наделяя ее более эффективной, результативной и целесообразной самостоятельностью с иерархичной, строго подчиненной системой органов исполнительной власти.

Учитывая наличие специального контрольно-надзорного органа - органа государственного пожарного надзора, может возникнуть утверждение, что прокурор не должен подменять его специализированную деятельность, осуществлять надзор за исполнением законов о пожарной безопасности, а при выявлении таковых нарушений, соответствующую информацию должен отправлять в органы государственного пожарного надзора для принятия соответствующих мер в пределах предоставленных полномочий.

Вместе с тем, необходимо отметить, что прокурорское вмешательство во всех случаях будет обоснованным, если имеются достаточные данные о допуске нарушений требований законов о пожарной безопасности со стороны государственного пожарного надзора, деятельность которого в настоящее время полностью подпадает под «законодательные новеллы Федерального закона от 26.12.2006 № 294-ФЗ, закрепившие на самом высоком уровне роль прокуроров в обеспечении законности в предпринимательской сфере» [12].

1. *Постановление Правительства РФ от 20 июня 2005 № 385 «О Федеральной противопожарной службе Государственной противопожарной службы» в редакции постановления Правительства от 20.06.2011. № 484.*

2. *Маркин С.В. Пожарная безопасность в системе вопросов местного значения // Дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск. 2006. С. 78.*

3. *Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2001 № 1309 «О совершенствовании государственного управления в области пожарной безопасности» // СЗ РФ. 2001. № 46. Ст. 4338.*

4. *Кишкурно В.Т. Проблемы обеспечения пожарной безопасности в Российской Федерации // Пожарная безопасность. 2003. С. 10.*

5. *Жуков И.В. «Правовое регулирование деятельности единой системы государственных надзоров в сфере компетенции МЧС России в современных условиях // Дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2008. С. 27.*

6. *Бессарабов В.Г. «Организация и деятельность Российской Прокуратуры 1996-2006» // Нальчик «Эль-Фа». 2006. С. 234-236.*

7. *Жуков И.В. «Правовое регулирование деятельности единой системы государственных надзоров в сфере компетенции МЧС России в современных условиях // Дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2008. С. 27*

8. *Звоненко Д.П., Малумов А.Ю., Малумов Г.Ю. Административное право: Учебник // «Юстицинформ», 2007.*

9. *Филатова А.В., Митякина И.В. Перспективы становления государственного контроля (надзора) в Российской Федерации // Административное и муниципальное право. 2008. № 9.*

10. *Постановление Правительства от 12.04.2012 №290 «О федеральном государственном пожарном надзоре» // Российская Бизнес-газета. 2012. 24 апреля. № 16.*

11. *Постановление Правительства от 21.12.2004 № 820 «О государственном пожарном надзоре» отменено постановлением Правительства от 12.04.2012 № 290 «О федеральном государственном пожарном надзоре».*

12. *Винокуров А.Ю. Деятельность прокуратуры в сфере защиты прав субъектов предпринимательской деятельности // Законодательство и экономика. 2009. №4.*

1 *The resolution of the Government of the Russian Federation of June 20, 2005 No 385 "About the Federal fire service of the Public fire service" in edition of the government resolution 20.06.2011. No 484.*

2. *Markin S.V. Fire safety in system of questions of local value // Dis. ... cand. law scien. Chelyabinsk. 2006 . P. 78.*

3. *The decree of the President of the Russian Federation of 09.11.2001 No 1309 "About improvement of public administration in the field fire safety" // SZ Russian Federation. 2001 . No 46. Art. 4338.*

4. *Kishkurno V.T. Problems of ensuring fire safety in the Russian Federation // Fire safety. 2003 . P. 10.*

5. Zhukov I.V. "Legal regulation of activity of uniform system of the state supervisions in the sphere of competence of Emercom of Russia in modern conditions // Dis. ... cand. law scien. SPb., 2008 . P. 27.

6. Bessarabov V.G. "Organization and activity of the Russian Prosecutor's office 1996-2006" // Nalchik "Ale Pha". 2006 . P. 234-236.

7. Zhukov I.V. "Legal regulation of activity of uniform system of the state supervisions in the sphere of competence of Emercom of Russia in modern conditions // Dis. ... cand. law scien. SPb. 2008 . P. 27

8. Zvonenko D.P., Malumov A.Yu., Malumov G.Yu. *Administrative law: Textbook* // "Yustitsinform", 2007.

9. Filatova A.V., Mityakina I.V. *Prospects of formation of the state control (supervision) in the Russian Federation* // *Administrative and municipal it is right*. 2008. No 9.

10. The government resolution of 12.04.2012 No 290 "About federal state fire supervision" // *the Russian Business newspaper*. 2012. April 24. No 16.

11. The government resolution of 21.12.2004 No 820 "About the state fire supervision" is cancelled by the government resolution of 12.04.2012 No 290 "About federal state fire supervision".

12. Vinokurov A.Yu. *Prosecutor's office activity in the sphere of protection of the rights of subjects of business activity* // *Legislation and economy*. 2009. No 4.

Жеребцов Алексей Николаевич
 доктор юридических наук, доцент,
 профессор кафедры административной деятельности
 и организации деятельности ГИБДД
 Краснодарского университета МВД России
 (тел.: 89282616713)

Административно-правовая обязанность в охранительном правоотношении правового принуждения, не связанного с осуществлением юридической ответственности

В статье рассматривается понятие государственного принуждения, особенности правоотношений в рамках которых осуществляется такой специфический вид государственно-правового принуждения, который не связан с осуществлением юридической ответственности субъекта. Это позволяет автору рассмотреть структуру административно-правовой обязанности сотрудников полиции при применении указанных мер принуждения в соответствии с законодательством о полиции, проанализировать их модель, выраженную в правовой норме, и механизм долженствования в реальном публичном правоотношении.

Ключевые слова: принуждение, обязанность, правоотношение, юридическая ответственность, государственно-правовое принуждение, долженствование.

A.N. Zherebtsov, Doctor of law, assistant professor, professor of the chair of administrative activity and organization of activity of traffic policy of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia; tel.: 89282616713.

Administrative and legal responsibility in the security relation of legal coercion, not associated with the implementation of legal responsibility

This article explains the concept of state compulsion, especially of relations in the framework of this particular kind of State legal coercion, which is not associated with the implementation of the legal responsibility of the subject. This allows the author to consider the structure of the administrative and legal responsibilities of police officers in the application of coercive measures in accordance with the law on the police, analyze them, expressed in the model law, and the mechanism was in real public relation.

Key words: compulsion, obligation, legal, legal responsibility, public-legal coercion, the imperative.

Достаточно широкой группой административных охранительных правоотношений являются правоотношения, в рамках которых осуществляется правовое принуждение, не связанное с осуществлением юридической ответственности. Сфера применения мер принуждения весьма обширна и осуществляется в связи с реализацией властных полномочий государства (его органов или должностных лиц). Это и административные, финансовые, налоговые и т.п. виды принуждения, осуществляемые в рамках различных отраслей российского права. Вместе с тем следует обратить внимание на принципиальный вопрос: существуют ли различия между

охранительными правоотношениями юридической ответственности и охранительными правоотношениями, в которых осуществляются иные виды правового принуждения и касаются ли эти особенности правовой (юридической) обязанности как элемента структуры и состава административного охранительного правоотношения?

Отвечая на данный вопрос, следует, прежде всего, разобраться с проблемой соотношения понятий «принуждение», «правовое принуждение», «государственное принуждение», «отраслевые виды принуждения». «Принуждение» в общесоциальном смысле может быть определено как отрицание воли под-

властного и внешнее воздействие на его поведение, или как метод воздействия на поведение людей с целью их подчинения определенной воле (воле принуждающего), как правило, вопреки воле тех, на кого оказывается это принуждение. «Принуждение», как социальное явление имеет место в любой социальной общности и является необходимым элементом всякой социальной организации. Социальное принуждение следует рассматривать как метод воздействия, который обеспечивает совершение действий людьми вопреки их воле, в интересах принуждающего. При помощи социального принуждения могут пресекаться нежелательные и негативные для общества поступки человека. В этой связи «принуждение» может быть присуще как самому государству, так и праву, приобретая характер государственного принуждения и правового принуждения.

Правовое принуждение необходимо понимать двояко: как принуждение, осуществляемое посредством права, и как принуждение, осуществляемое на основе права. Принуждение, осуществляемое посредством права, представляет собой метод правового регулирования. Аналогичная точка зрения не раз высказывалась и в теоретической науке. Так, И.Н. Сенякин отмечает, что «...в качестве особых методов правового регулирования используются убеждение и принуждение, которые выступают как необходимые способы воздействия на сознание и поведение людей. В определенном сочетании они существовали и существуют во всех правовых системах. Они характерны как для права в целом, так и для отдельных его отраслей» [1, с. 356]. В.В. Серегина подчеркивает, что «...признание и учет принципа диалектического единства, взаимосвязи и взаимообусловленности государства и права имеют принципиальное методологическое значение для решения многих государственно-правовых проблем, в т. ч. и проблемы отнесения государственного принуждения к специфическим методам правового регулирования. Крайне недостаточно характеризовать принуждение, а вслед за этим и убеждение, только как метод государственного руководства. Это одновременно и метод правового регулирования общественных отношений» [2, с. 7-8]. Принуждение, осуществляемое на основе права, есть государственное принуждение, меры которого с безусловностью находят нормативно-правовое закрепление. В этом контексте правовое и государственное принуждение неразрывные явления. Не может быть государственное принуждение неправовым (или такового быть не должно). В юридической науке высказывалось мнение о том, что не следует считать государственное принуж-

дение только как правовое [3, с. 16, 20]. «К сожалению, в нынешнее время далеко не всегда государственное принуждение применяется исключительно в правовой форме, не всегда основывается на праве и осуществляется по отношению к людям и хозяйствующим субъектам для подчинения их поведения правовым нормам, а не интересам правящей элиты или отдельного чиновника. И здесь мы опять сталкиваемся с различным содержанием понятий государственного принуждения и принуждения правового» [4, с. 23-24]. С таким подходом вряд ли можно согласиться. Любая деятельность государства, в том числе по осуществлению принуждения, имеет правовую форму. Вне правовой формы осуществление принуждения государством приобретает характер государственного произвола и насилия, а поскольку оно совершается определенными должностными лицами, то такая деятельность является преступлением. В этой связи, мы считаем, что государственное принуждение всегда является правовым, поскольку облекается в правовые формы и имеет нормативно-правовое и процессуальное закрепление. В заключение следует отметить, что понимание правового принуждения следует рассматривать во взаимодействии с принуждением государственным. Такой подход изложил С.Н. Кожевников, который отметил, что: «...оно (правовое принуждение – отм. А.Ж.) представляет собой внешнее воздействие на поведение, основанное на организованной силе государства и обеспечивающие безусловное утверждение государственной воли» [5, с. 48-49]. Таким образом, государственно-принуждение и государственно-правовое принуждение являются синонимами.

«Отраслевые виды принуждения» представляют собой обусловленные спецификой предмета и метода правового регулирования отрасли права и закрепленные в ней меры государственного (государственно-правового) принуждения. Эти положения в полной мере касаются и административно-правового принуждения.

Отвечая на вопрос о различии между охранительными правоотношениями юридической ответственности и охранительными правоотношениями, в которых осуществляются иные виды правового принуждения, и особенностей правовой (юридической) обязанности как элемента структуры и состава административного охранительного правоотношения, следует отметить, что «законодатель проводит четкую грань между вводимыми им мерами правовой ответственности и установлением иных юридических санкций с тем, чтобы ориентировать практику на различную значимость этих мер и, следовательно, на различные условия их при-

менения» [6, с. 320]. Нам представляется, что данное утверждение весьма обоснованно, хотя оно и подвергалось критике в гражданско-правовой науке [7, с. 35-36]. Сама юридическая ответственность отличается от иных мер государственного принуждения той целью, которую она преследует и которую законодатель определяет в нормативно-правовом акте, ее закрепляющем. О.С. Иоффе и М.Д. Шаргородский в качестве признака, различающего юридическую ответственность и государственное принуждение, выделяют общественное осуждение поведения лица (правонарушителя), которое характерно лишь для юридической ответственности [6, с. 316]. В обществе возникает обширный круг волевых общественных отношений, где не последнее место занимают властеотношения с участием государства (в лице его органов и должностных лиц). Осуществляя социальное управление, государство воздействует на волю подвластного, добиваясь желаемого положительного результата. Но поскольку воля подвластного обладает определенной автономией, то далеко не всегда властвующий субъект может добиться желаемого результата. В этой связи и возникает необходимость закрепления за государственным механизмом определенных специфических методов, с помощью которых достигается цель социального управления. Очевидно, что далеко не всегда существует потребность применения крайнего вида государственного принуждения – юридической ответственности. Дефект воли подвластного иногда можно устранить с помощью иных видов государственного принуждения, не связанного с осуществлением юридической ответственности. Можно говорить и о других факторах, позволяющих различать юридическую ответственность от иных видов государственного принуждения, в частности: а) различие выражается в более детальной процессуальной регламентации порядка привлечения к юридической ответственности; б) различных правовых последствиях, которые неизбежно наступят при осуществлении юридической ответственности; в) преимущественно внесудебном порядке применении иных видов государственного принуждения; г) меры государственного принуждения, не связанные с осуществлением юридической ответственности, часто способствуют осуществлению юридической ответственности; д) различие выражается в самой специфике мер государственного принуждения, не связанных с реализацией юридической ответственности, под которыми следует понимать материальное, психическое или физическое воздействие на сознание и поведение субъекта с целью принудить его к должному поведению, либо к подчинению установленным за-

претам (ограничениям), либо предупредить о нежелательности и недопустимости определенного поведения и не связанного с применением санкции правовой нормы; е) нормы, устанавливающие возможность государственного принуждения адресованы не лицам, в отношении которых они применяются, а к органам и должностным лицам, их осуществляющим; ж) «единственным основанием для применения мер административного принуждения (как вида государственного принуждения) может являться отказ лиц от добровольного исполнения предписаний, содержащихся в правовых нормах, т.е. противоправное поведение, правонарушение, неисполнение предписаний участниками правоотношений добровольно» [8, с.175].

Приведенная дифференциация государственного принуждения, на связанную с осуществлением юридической ответственности и не связанную с таковой, не является новой. Так, И.И. Веремеенко отмечает, что принуждение в праве следует рассматривать в широком и узком смыслах. В широком – «как принуждение в самом правиле поведения, которое находит свое проявление в том, что государство властно решает те или иные вопросы независимо от воли индивидуума» [9, с. 16]. В узком – как принуждение, осуществляемое в связи с совершенным правонарушением [там же]. Развивая идею широкого подхода к пониманию государственного принуждения, В.Д. Ардашкин отмечает, что принуждение следует рассматривать как взаимосвязь двух сторон «объективной (необходимости единой власти, нормативного регулирования, подчинения в обществе) и субъективной (волевого психическое отношение индивида к воздействию публичной власти)» [10, с. 34]. Подобное разграничение принуждения лежит в плоскости качественной характеристики термина «принуждение». «Правовое принуждение» характеризуется констатацией властной природы права, его обеспеченности государственным принуждением. В свою очередь «государственное принуждение» - это принуждение субъекта, волевого поведение которого «характеризуется игнорированием правовых требований и даже убежденно отрицательным отношением к ним» [там же, с. 35]. В данном случае принуждение рассматривается как властная волевая деятельность государства, исходящую от государства в лице его органов и должностных лиц, осуществляемую в связи с совершенным правонарушением и выраженного в правовой форме. Столь узкий подход к пониманию государственного принуждения находил как своих сторонников [11, с. 23, 27-28], так и противников [12, с. 13; 7, с. 38, 22-23]. Нам представляется, что ошибочность узкого подхода к пони-

манию государственного (правового) принуждения косвенно вытекает и из дискуссии о предмете административно-деликтного права.

Подводя итог, следует признать, что категория «государственное принуждение» понимается как применение уполномоченным органом государства, его должностным лицом или негосударственными организациями установленных правовыми актами мер, состоящих в понуждении к исполнению гражданами, должностными лицами правовых обязанностей в целях предупреждения, прекращения противоправных действий, привлечения лица к ответственности, а также обеспечения общественной безопасности, жизни, здоровья и нравственности и осуществления полномочий должностных лиц.

Видовое многообразие государственного принуждения также влияют на специфику правоотношений, осуществляемых при их применении. В этой связи уместно выделить следующие виды государственного принуждения: а) в зависимости от предмета правового регулирования отрасли права, которых они обеспечивают: конституционно-правовое, административно-правовое, финансово-правовое, налогово-правовое, гражданско-правовое, гражданское процессуально-правовое и т.п. виды государственного принуждения; б) по целевому назначению: предупредительные, пресекающие, восстановительные, меры юридической ответственности; в) по отношению к совершенному правонарушению: меры юридической ответственности, меры процессуального обеспечения осуществления юридической ответственности и меры не связанные с совершенным правонарушением необходимо признать иными видами мер государственного принуждения. В этой связи мы склонны согласиться с мнением тех ученых, которые не сводят меры государственного принуждения лишь как реакции государства на совершенное лицом правонарушение [13, с. 474-475, 52-55, 7-9].

Очевидно, что применение иных мер государственного принуждения (меры процессуального обеспечения осуществления юридической ответственности и меры не связанные с совершенным правонарушением) возможно лишь в рамках публичных правоотношений, а поскольку они направлены на принуждение к должному поведению, либо к подчинению установленным запретам (ограничениям), либо направлены на предупреждение нежелательности и недопустимости определенного поведения и имеют цель принудить к должному

поведению, не применяя меры юридической ответственности, то данные отношения могут быть лишь публичными охранительными отношениями. Следовательно, применение иных мер государственного принуждения осуществляется в рамках публичных охранительных правоотношений, направленных на обеспечение общественного порядка, безопасности, жизни, здоровья и нравственности населения.

Рассмотрим прагматическое и формально-юридическое содержания видов публичных охранительных правоотношений осуществления иных видов мер государственного принуждения: а) мер процессуального обеспечения осуществления юридической ответственности; б) мер не связанных с совершенным правонарушением.

Меры процессуального обеспечения осуществления юридической ответственности наиболее распространенная система мер государственного принуждения, особенно в административном праве (гл. 27 КоАП РФ). По справедливому замечанию Г.Д. Денисова «психомотивационная природа принуждения определяется конфликтом между государственной волей, выраженной в законодательстве, и индивидуальной волей субъектов, нарушивших правовые установления. Волевые устремления отдельных субъектов, руководимых своими личными (индивидуальными) интересами входят в противоречие с государственной волей, которая аккумулируется в нормативных правовых актах. В этом случае для того, чтобы обеспечить надлежащее состояние правопорядка, необходимо прибегнуть к применению мер административного принуждения» [14, с. 475]. В основе данного вида принуждения лежит совершенное лицом правонарушения, т.е. конфликт между государственной волей, выраженной в законодательстве, и индивидуальной волей субъектов, нарушивших правовые установления. Юридическая ответственность осуществляется, как мы ранее указывали, в рамках материальных охранительных правоотношениях. Задача же отношений по применению мер процессуального обеспечения направлена на обеспечение нормального течения публичного охранительного отношения юридической ответственности. Эти обстоятельства как раз и порождают необходимость применения процессуальных мер государственного принуждения. Поэтому наряду со вспомогательными процессуальными правоотношениями, возникающими как необходимое условие осуществления юридической ответственности, могут возникать и часто возникают вспомогательные процессуальные правоотношения, в которых осуществляются процессуальные меры обеспечения юридической ответственности.

Основанием возникновения приведенных вспомогательных правоотношений является факт совершения правонарушения и наличия мер обеспечения осуществления юридической ответственности за данное правонарушение, предусмотренное действующим законодательством. Рассматриваемый вспомогательный вид охранительного правоотношения-модели в своей структуре имеют правовую обязанность, которая характеризуется с одной стороны обязанностью уполномоченного государственного органа или должностного лица в случае необходимости обеспечения осуществления юридической ответственности и при наличии предусмотренных законом оснований применить принудительные меры к лицу, совершившему правонарушение, а с другой стороны – лицо, совершившее правонарушение, обязано подвергнуться мерам государственно-принудительного воздействия, необходимого для осуществления, в отношении правонарушителя, юридической ответственности. Во вспомогательном охранительном правоотношении - юридическая обязанность имеет место лишь у уполномоченного государственного органа или должностного лица, а у лица, совершившего правонарушение, юридической обязанности в данном отношении не существует. В этом, по нашему мнению, выражается принудительный смысл применяемых мер. Внутренняя структура правовой обязанности уполномоченного государственного органа или должностного лица в случае необходимости обеспечения осуществления юридической ответственности происходит в следующей системе долженствований: 1) долженствование совершить действия по применению мер обеспечения осуществления юридической ответственности, предусмотренные законом; 2) долженствование способствовать осуществлению юридической ответственности за совершенное правонарушение; 3) долженствование подвергнуться мерам государственного принуждения при неисполнении долженствования применить меры государственного принуждения; 4) долженствование не препятствовать осуществлению предусмотренных законом мер обеспечения осуществления юридической ответственности.

Правовая обязанность лица, совершившего правонарушение, подвергнуться иным мерам государственно-принудительного воздействия, необходимого для осуществления в отношении правонарушителя юридической ответственности, имеет следующую систему долженствований: 1) долженствование подвергнуться мерам государственного принуждения, необходимых для осуществления юридической ответственности; 2) долженствование не препятствовать применению мер государственного принужде-

ния, необходимых для осуществления юридической ответственности; 3) долженствование подвергнуться мерам государственного принуждения при неисполнении установленных мер государственного принуждения; 4) долженствование не препятствовать осуществлению в отношении правонарушителя предусмотренных законом мер обеспечения осуществления юридической ответственности.

Другой группой мер государственного принуждения являются меры не связанные с совершенным правонарушением. Подобного рода мер достаточно много. Например, проверка документов удостоверяющих личность, установление карантина, досмотр вещей, товаров, ручной клади, багажа и т.п. Принятый 7 февраля 2011 г. Федеральный закон № 3-ФЗ «О полиции» [15] (далее – ФЗ о полиции) содержит гл. 4, посвященную отдельным мерам государственного принуждения, применяемых полицией. Среди них к числу мер государственного принуждения, не связанных с совершенным правонарушением, относятся задержание лица не в связи с совершенным правонарушением (ч. 2 ст. 14), вхождение (проникновение) в жилые и иные помещения, на земельные участки и территории (ч. 3 ст. 15), оцепление (блокирование) участков местности, жилых помещений, строений и иных участков местности (ч. 2 ст. 16), формирование и ведение банка данных о гражданах (ч. 3 ст. 17). Публичное охранительное правоотношение, в рамках которых осуществляются меры государственного принуждения не связанные с совершенным правонарушением, возникает на основе компетенции государственного органа или должностного лица, полномочного применять данные меры, а вернее сказать на основе предоставленной им законом правовой обязанности. В данном правоотношении-модели правовая обязанность является первичной, так как на государственном органе или его должностном лице лежит обязанность применить меру государственного принуждения и эта правовая обязанность является элементом его правового статуса. Правовая обязанность применить меры государственного принуждения, не связанных с совершением правонарушения (иначе их следует называть меры государственного принуждения, предназначенные для обеспечения общественного порядка, безопасности, жизни, здоровья и нравственности населения), имеет цель предотвратить возможные неблагоприятные последствия человеческой деятельности, пресечь совершаемое правонарушение и т.п. и в этой связи они применяются постоянно в рамках функционирования определенных правовых режимов управления специальными объектами.

В соответствии с ч. 3 ст. 15 ФЗ о полиции, сотрудник полиции вправе проникнуть в жилые помещения, в иные помещения и на земельные участки, принадлежащие гражданам, в помещения, на земельные участки и территории, занимаемые организациями, в случаях, предусмотренных законодательством РФ, а также, напиме: 1) для спасения жизни граждан и (или) их имущества, обеспечения безопасности граждан или общественной безопасности при массовых беспорядках и чрезвычайных ситуациях; 2) для задержания лиц, подозреваемых в совершении преступления; 3) для пресечения преступления; 4) для установления обстоятельств несчастного случая. Как видно из положений закона данная мера государственного принуждения может применяться как для обеспечения привлечения лица к юридической ответственности, так и для обеспечения общественного порядка и государственной безопасности, т.е. быть не связанной с правонарушением. Осуществляя указанное право, сотрудник полиции обязан: 1) перед тем как войти в жилое помещение, уведомить находящихся там граждан об основаниях вхождения, за исключением случаев, если промедление создает непосредственную угрозу жизни и здоровью граждан и сотрудников полиции или может повлечь иные тяжкие последствия; 2) при проникновении в жилое помещение помимо воли находящихся там граждан использовать безопасные способы и средства, с уважением относиться к чести, достоинству, жизни и здоровью граждан, не допускать без необходимости причинения ущерба их имуществу; 3) не разглашать ставшие известными ему в связи с вхождением (проникновением) в жилое помещение факты частной жизни находящихся там граждан; 4) сообщить непосредственному начальнику и в течение 24 часов представить рапорт о факте вхождения (проникновения) в жилое помещение. Как видно из положений ст. 15 ФЗ о полиции права и обязанности участников правоотношений по осуществлению рассматриваемой меры государственного (административного) принуждения конкретно и широко определены законодателем. Рассматриваемое публичное охранительное правоотношение выглядит следующим образом. Уполномоченное должностное лицо, обладающее правом применения меры государственного принуждения, в соответствии с основаниями предусмотренными законом обязан применить меру государственного принуждения, не связанную с правонарушением, для реализации, возложенной на него правовой обязанности. Лицо, в отношении которого применяется мера государственного принуждения, обязан не препятствовать законным действиям лица, применя-

ющего меру государственного принуждения, либо эта мера государственного принуждения применяется по мимо его воли. Таким образом, законодатель, формируя публичное охранительное правоотношение-модель в котором реализуется мера государственного принуждения, не связанная с правонарушением, предписывает должностному лицу правоохранительного органа круг обязанностей, которые он может выполнить, в том числе, путем применения мер государственного принуждения. С другой стороны, в рассматриваемой модели правоотношения, лицо, в отношении которого применяется мера принуждения, наделяется обязанностью не препятствовать ее осуществления, либо данная мера осуществляется по мимо его воли, т.е. то, как данное лицо относится к реализуемой мере государственного принуждения не имеет юридического значения. Это означает, что в рассматриваемом правоотношении субъект к которому применяется мера государственного принуждения либо обязан не препятствовать ее реализации, либо не имеет вообще какой-либо обязанности (воля, выраженная в его действиях (поступках), не имеет для должностного лица ни каких юридических последствий). Таким образом, моделируемое публичное охранительное правоотношение в норме действующего законодательства совпадает с реально осуществляемым публичным охранительным правоотношением. Следует отметить, что принятый в последнее время ФЗ о полиции приблизился к формированию модели публичного охранительного правоотношения, в котором реализуются меры государственного принуждения, не связанные с правонарушением. Например, для исполнения правовой обязанности, закрепленной в п. 3 ч. 1 ст. 12 ФЗ о полиции, заключающейся в обязанности оказать первую помощь лицам, пострадавшим от преступлений, административных правонарушений и несчастных случаев, а также лицам, находящимся в беспомощном состоянии либо в состоянии, опасном для их жизни и здоровья, если специализированная помощь не может быть получена ими своевременно или отсутствует, может быть реализована, в отдельных случаях, лишь посредством применения меры государственного принуждения не связанной с правонарушением. Такая мера в частности предусмотрена в п. 1 ч. 3 ст. 15 ФЗ о полиции, которая предписывает, что проникновение сотрудников полиции в жилые помещения, в иные помещения и на земельные участки, принадлежащие гражданам, в помещения, на земельные участки и территории, занимаемые организациями, допускается в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации, а также для спасения жизни граждан и (или) их имуще-

ства, обеспечения безопасности граждан или общественной безопасности при массовых беспорядках и чрезвычайных ситуациях... В свою очередь, ч. 2 ст. 15 указанного закона закрепляет положение о том, что «сотрудники полиции не вправе входить в жилые помещения помимо воли проживающих в них граждан иначе как в случаях и порядке, установленных федеральными конституционными законами, настоящим Федеральным законом и другими федеральными законами».

Правовая (юридическая) обязанность субъекта публичного охранительного правоотношения реализации мер государственного принуждения, не связанных с правонарушением, характеризуется тем, что она является активной обязанностью, так как рассматриваемая мера государственного принуждения как раз и закрепляется в законе для того, чтобы субъект правоотношения мог осуществить, возложенную на него правовую обязанность. Следовательно, в основе публичного охранительного правоотношения реализации мер государственного принуждения, не связанных с правонарушением, лежит абсолютное регулятивное правоотношение, в рамках которого должностные лица органов государства исполняют возложенные на него правовые обязанности. Невозможность исполнения указанной правовой обязанности, предоставляет ему право применить меру государственного принуждения, не связанную с правонарушением. Это обстоятельство порождает (является основанием) возникновения публичного охранительного правоотношения реализации мер государственного принуждения

1. *Теория государства и права. Курс лекций / Под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. М.: Юристъ, 1997.*

2. *Серегина В.В. Государственное принуждение по советскому праву. Воронеж, 1991.*

3. *Дворяк А.И. Меры административно-процессуального пресечения, применяемые милицией. Дис... канд. юрид. наук. М., 1997.*

4. *Коркин А.В. Институт административно-правового принуждения: меры, применяемые сотрудниками милиции. Дис... канд. юрид. наук. Челябинск, 2004.*

5. *Кожевников С.Н. Государственное принуждение: особенности и содержание // Советское государство и право. 1978. № 5.*

6. *Иоффе О.С., Шаргородский М.Д. Вопросы теории права. М.: Госюриздат, 1961.*

7. *Флейшиц Е.А. Общие начала ответственности по Основам гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик // Советское государство и право, 1962. № 3.*

8. *Дихтиевский П.В. Административно-правовое принуждение в механизме обеспечения личной безопасности. Дис... док. юрид. наук. М., 2004.*

9. *Веремеенко И.И. Административно-правовые санкции. М., 1975.*

10. *Ардашкин В.Д. О принуждении по советскому праву // Советское государство и право. 1970. № 7.*

11. *Студеникина М.С. Соотношение административного принуждения и административной ответственности // Советское государство и право, 1968. №10.*

12. *Попов Л.Л. Убеждение и принуждение. М., 1968; Базылев Б.Т. Государственное принуждение и правовые формы его осуществления в советском обществе. Автореф. дис... канд. юрид. наук. Киев, 1968; Серегин А.В. Советский общественный порядок и административно-правовые средства его укрепления. М., 1975.*

13. *Общее административное право. Учебник / Под ред. Ю.Н. Старилова. Воронеж: ВГУ, 2007; Макарейко Н.В. Методы государственного управления. Учебное пособие. Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2002; Маслеников М.Я. Административная ответственность по российскому законодательству. Учебное пособие. Тверь, 2000.*

14. *Общее административное право. Учебник / Под ред. Ю.Н. Старилова. Воронеж: ВГУ, 2007.*

15. *Собрание законодательства РФ, 2011. № 7. Ст. 900.*

1. *Theory of State and law. Course of lectures // Ed. N.I. Matuzov and A.V. Malko. M.: Lawyer, 1997.*

2. *Seregina V.V. State compulsion on Soviet law. Voronezh, 1991.*

3. *Dvorak A. Measures of the administrative procedure, used by the police. Dis. ... cand. law scien. M., 1997.*

4. *Korkin A.V. Institute administrative legal coercion: the measures applied by the police. Dis. ... cand. law scien. Chelyabinsk, 2004.*

5. *Kozhevnikov S.N. Public coercion: features and content // Soviet State and law. 1978. № 5.*

6. *Joffe O.S., Shargorodsky M.D. Questions of legal theory. M.: Gosurizdat, 1961.*

7. *Fleshits E.A. General the responsibility on the fundamentals of civil legislation of the Union of SSR and the Union republics // Soviet State and law, 1962. № 3.*

8. *Dikhtievskiy P.V. Administrative-legal coercion mechanism to ensure personal safety. Dis. ... doc. law scien. M., 2004.*

9. *Veremeenko I.I. Legal and administrative sanctions. M., 1975.*

10. Ardaskin V.D. *of coercion on Soviet law // Soviet State and law*. 1970. № 7.

11. Studenikina M.S. *Ratio of administrative coercion and administrative responsibility//Soviet State and law*. 1968. № 10.

12. Popov L.L. *Persuasion and coercion*. M., 1968; Bazylev B.T. *State coercion and legal forms of its implementation in the Soviet society*. Auto-ref. Dis. ... cand. law scien. Kiev, 1968; Seregin A.V. *Soviet public order and administrative and legal means to strengthen it*. M., 1975.

13. *General administrative law. Tutorial / ed. Yu.N. Starilov*. Voronezh: VSU, 2007; Makareyko N.V. *Methods of State management. Tutorial*. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2002; Maslenikov M. *Administrative liability under Russian law. Tutorial*. Tver, 2000.

14. *General administrative law. Tutorial / ed. Yu.N. Starilov*. Voronezh: VSU, 2007.

15. *Collected legislation of RF*, 2011. № 7. Art. 900.

Дмитриев Сергей Николаевич

доктор юридических наук,
профессор кафедры административной деятельности
и организации деятельности ГИБДД
Краснодарского университета МВД России
(тел.: 88612583770)

Особенности возникновения правового акта в германском административном процессе

Исследуется процесс и основания подготовки административного акта, согласно положениям немецкого законодательства. Значимость и особый смысл представляет принцип неформальности оставляющий большую степень свободы для органа управления, который обязан руководствоваться при этом целесообразностью и должным усмотрением. При всем этом, обоснование принятого решения обязательны для любого письменного акта.

Ключевые слова: административный акт, административный процесс, постановляющая часть, обоснование, разъяснение в отношении средств правовой защиты, заявление, решение по долгу службы.

S.N. Dmitriev, Doctor of law, professor of the chair of administrative activity and organization of activity of traffic policy of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia; tel.: 88612583770.

Features of emergence the legal act in german administrative process

Process and the bases of preparation of the administrative act, according to provisions of the german legislation is investigated. The importance and special sense represents the principle of informality leaving big degree of freedom for governing body which is obliged to be guided thus by expediency and a due discretion. At all this, justification of the made decision are obligatory for any written act.

Key words: the administrative act, the administrative process, deciding part, justification, explanation concerning remedies, the statement, decision as obliges.

В процессе возникновения административного акта на территории Германии действует принцип неформальности, нашедший закрепление в § 10 Закона об административном процессе, это означает, что при проверке условий, подготовки и издании административного акта орган власти не связан определенными формами.

Ход административного обычного процесса полностью определяется тем видом и той формой административного акта, на издание которого он направлен. Административные акты разграничиваются по тому основанию, на котором они принимаются. Одним основанием может быть заявление, ходатайство заинтересованных лиц. Другим – решение по долгу службы. Законом предусмотрены случаи, когда орган может начать административный процесс только по заявлению гражданина. В большинстве же случаев орган самостоятельно решает, проводить ли ему процесс и когда. Изданный в ходе такого административного процесса акт представляет собой решение по усмотрению, которой следует отличать от свя-

занного правом административного акта. В отношении последнего орган обязан начать процесс издания на том основании, которое предусмотрено законом. Все это определяет ход административного процесса.

Если в основе административного акта лежит заявление, тогда подача последнего в орган является исходным пунктом процесса принятия административного акта. Если же в его основе - действие по долгу службы, тогда исходный пункт - получение информации об обстоятельствах, с наступлением которых наступает повод для служебного действия. Такая информация может также поступать в орган власти в виде заявлений граждан, однако в отличие от первого случая, издание административного акта не оговаривается обязательным наличием такого заявления. В последнем случае речь идет о так называемых односторонних административных актах, которые противоположны актам, требующим содействия третьих лиц. Это содействие как раз и осуществляется в виде заявлений и ходатайств. Примером административного акта,

требующего содействия, является разрешение органа на открытие ресторана. Обязательным основанием этого разрешения является ходатайство. Односторонним административным актом будет отмена органом такого разрешения, поскольку установлено нарушение санитарных требований в этом ресторане.

На процесс выяснения фактической стороны дела, необходимого для издания соответствующего административного акта, может также повлиять его вид. Вид административного акта определяется формой воздействия государственного управления на общественные отношения. Выделяют управление посредством вмешательства и управление посредством предоставления услуг и льгот [1]. В соответствии с этим делением можно говорить об обременяющих и содействующих административных актах.

Обременяющий административный акт вмешивается в права затрагиваемого лица. Это может выступать в виде наложения обязанности совершить какое-либо действие, либо воздержаться от такового, либо претерпеть неблагоприятные последствия совершения действия кем-либо другим. Обременяющий акт ограничивает или даже упраздняет чье-либо право. Как правило, управление посредством вмешательства касается сферы общественного порядка, обеспечения здоровья населения, безопасности государства и граждан, охраны моральных устоев, покоя и доверия граждан в их частно-правовых отношениях. Однако обременяющий административный акт может издаваться и в других сферах, на-пример, при упразднении какой-либо сомнительной льготы в области социального обеспечения.

Способствующий административный акт обосновывает или оформляет чье-либо право, упраздняет какое-либо бремя, устанавливает благоприятные последствия. Существуют также смешанные административные акты, которые одновременно вмешиваются в права третьего лица и несут для него же благоприятные последствия. Многие способствующие акты имеют двойной эффект: благоприятствуя одним, они вмешиваются в права других.

Указанные различия в видах административных актов прямо воздействуют на ход процесса. Требования соблюдения правил заинтересованного лиц при издании обременяющего административного акта приводят к более жестким процессуальным ограничениям деятельности органа, чем при издании способствующего акта. Это относится к возложенной на орган обязанности учитывать благоприятные обстоятельства для заинтересованных лиц. Орган, далее, должен предоставить возможность высказаться заинтересованному лицу перед принятием того административного

акта, который вмешивается в его права. В отношении ряда административных обременяющих актов предусмотрен формальный процесс, где требования к издающему органу на много строке, чем в обычном административном процессе.

На ход процесса оказывает влияние не только вид административного акта, но и его форма. Согласно Закону об административном процессе предусмотрена письменная, устная или иная форма [2]. Письменная форма является основной. Устные административные акты могут быть письменно подтверждены, если в этом имеется чей-либо интерес, защищенный правом либо, если затрагиваемое лицо требует этого безотлагательно. Письменное подтверждение вовсе не означает повторное издание акта, но лишь его фиксирование. Подтверждение содержит в себе указание на содержание административного акта, его обоснование и время издания. Такое подтверждение необходимо для защиты интересов заинтересованных лиц, но также может использоваться в ходе ведомственной проверки деятельности нижестоящих органов. Издание административных актов в иной форме происходит преимущественно в виде знаков. Для таких актов законодатель не предусмотрел письменного подтверждения. Устные и изданные в форме знаков административные акты применяются в основном в полицейском и дорожном праве. Соответствующее регулирование издания таких актов содержится в специальных нормах особого административного права. Общее административное право имеет дело преимущественно с письменным актом. Поэтому, большинство предписаний федерального и земельных законов об административном процессе касаются письменного административного акта, который несомненно доминирует в практике публичного управления.

Несвязанность органа власти какими-либо строгими предписаниями характерна не только для начала обычного процесса, проверки условий, подготовки и издания административного акта, но и для содержания последнего. В определении содержания акта принцип неформальности предоставляет большую степень свободы для органа, который обязан руководствоваться при этом целесообразностью и должным усмотрением. Закон только требует, чтобы административный акт «должен по содержанию быть достаточно определенным» [3]. Определенность подразумевает в себе, что для затрагиваемого этим актом лица не должно быть никаких сомнений относительно издающего органа, того вопроса, который данный орган хочет урегулировать, относительно способа этого урегулирования и основания, почему орган предписывает так, а не иначе. На

этом основываются требования Закона об административном процессе. «Письменный административный акт должен указывать издающий орган и содержать подпись либо воспроизведение имени руководителя органа, его заместителя или его уполномоченного».

Требования указания на издающий орган и обоснования принятого решения обязательны для любого письменного акта или в целом определяют всю его структуру. В немецкой правовой практике сложилась следующая схема административного акта:

- 1) заглавие,
- 2) постановляющая часть,
- 3) обоснование,
- 4) разъяснение в отношении средств правовой защиты,
- 5) подпись,
- 6) служебная печать.

1) Заглавие должно содержать, как минимум, указание на издающий орган, в соответствии с требованием Закона об административном процессе, и указание на адресата, то есть на то заинтересованное лицо, в отношении которого издан соответствующий акт. На практике, однако, в заглавии содержится гораздо больше информации, которая помогает заинтересованному лицу связаться с органом власти по поводу принятой меры. Помимо регистрационного номера, места и даты принятия решения, в заглавии может указываться точный адрес, имя, номер кабинета должностного лица, номер телефона, время приема посетителей и т.д.

2) Постановляющая часть административного акта является центральной. Она содержит непосредственное решение органа, влекущее для заинтересованного лица наступление правовых последствий. Содержание этой части определяет вид административного акта. Оно может состоять из велений совершить, воздержаться или претерпеть какое-либо действие, предоставление какой-либо льготы, разрешение или дозволение, установление взаимных прав и обязанностей между органами власти и заинтересованным лицом. В отношении постановляющей части также действует требование определенности административного акта. Это значит, что ее содержание должно быть кратким, точным и понятным.

Содержание этой части может включать кроме основного регулирования дополнительные установления, требование немедленного приведения в исполнения, угрозу принуждения. Обязательно должно присутствовать решение о расходах, поскольку последние имеют место.

Дополнительные установления представляют собой связанное с основным дополнительное регулирование, или детально приспособивают еще достаточно неточное основное

регулирование постановляющей части административного акта к обстоятельствам конкретного дела. Дополнительные установления были заимствованы административным правом из области частного права. Однако применение их при принятии административного акта ограничено рамками §36 Закона об административном процессе: «Административный акт, на издание которого настаивает право, может быть обеспечен дополнительным установлением только, если оно допускается правовым предписанием либо, если оно должно гарантировать, чтобы установленные условия административного акта были выполнены». Такие акты называются связанными правом. Орган обязан издать их либо по долгу службы, либо по заявлению заинтересованного лица. При этом, орган не может уклониться от процесса, направленного на издание актов, обязательных по закону. Дополнительные установления, изданные для обеспечения таких актов, не должны вступать в противоречие с последними. Этот же принцип действует в отношении административных актов, изданных по усмотрению. В отличие от актов, связанных правом, административные акты по усмотрению не являются обязательными по закону, т.е. закон не обязывает орган власти при наличии определенных юридических фактов издавать соответствующий им акт, но предоставляет ему свободу усмотрения в выборе меры и средств для разрешения стоящей перед ведомством задачи.

При издании административных актов по должному усмотрению орган обладает большой свободой в использовании дополнительных установлений. В Законе об административном процессе перечислены следующие виды таких установлений: ограничение сроком, условие, оговорка отмены, дополнительная обязанность, оговорка о дополнительной обязанности. Ограничение сроком - установление, согласно которому льгота или обязанность, указанная в постановляющей части административного акта, начинает либо заканчивает действовать в определенный момент времени. Примером может служить разрешение на выставление политического плаката в общественном месте, где дополнительным установлением будет месячный срок до проведения выборов, когда этот плакат может быть вывешен. Условие - такое установление, согласно с которым действие административного акта связывается с неопределенным наступлением будущих событий. Примером такого установления является разрешение на строительство только при условии отведения места под автомобильную стоянку около проектируемого строения. Такого рода установления широко используются также в частном праве, где вы-

деляют отсрочивающее условие и расторгающее условие. Они заимствуются административным правом. Первое связано с началом действия административного акта, второе - с его упразднением. Оговорка отмены является одним из видов расторгающего условия. Так, например, в принятом административном акте, оформляющем служебные отношения, устанавливается, что эти отношения могут прекратиться путем отмены данного акта после окончания определенного срока. Дополнительная обязанность - следующий вид установления, который касается адресата способствующего акта и обязывает его совершить, воздержаться либо претерпеть определенное действие. Это действие должно находиться в связи с той льготой, которую предоставляет данный акт. Примером такой обязанности может служить требование органа к химическому предприятию реконструировать очистительные сооружения в дополнительном установлении постановляющей части административного акта, предоставляющего этому предприятию налоговые льготы. Необходимость в установлении подобной обязанности может возникнуть уже после издания административного акта. Учитывая это органу управления необходимо оговорить в постановляющей части возможность установления дополнительной обязанности впоследствии. Поскольку такая оговорка не была сделана, дополнительное установление обязанности к уже изданному административному акту не допускается.

Кроме дополнительного установления, постановляющая часть административного акта может содержать приказ о немедленном исполнении данного акта, а также угрозу принуждения того заинтересованного лица, который не исполнит требование органа власти. Приказ о немедленном приведении в исполнение является исключительной мерой. Он означает, что затрагиваемое лицо по существу не может обжаловать административный акт до того, пока оно его не исполнит. В большинстве случаев гражданин имеет право обжаловать решение до его исполнения, при этом формальное обжалование - возражение в административном порядке и иск в судебном - приостанавливает действие административного акта до вынесения решения по обжалованию. Приказ о немедленном приведении в исполнение может отдаваться только в случаях специально предусмотренных законом, в частности, если этого требует неотложный общественный или частый интерес. Орган может издать приказ в виде составной части административного акта либо после его издания.

Приказ о немедленном приведении в исполнение обеспечивает выполнение обременяющего административного акта. То же самое

относится и к угрозе принудительных мер. Она может быть связана с требованием немедленного исполнения и издаваться после принятия акта.

В заключение постановляющей части обычно находится решение о расходах. Это регулируется Законом об административных расходах [4].

Такой закон существует как на федеральном, так и на земельном уровне. Кроме того, общины, реализуя свое право на самостоятельное решение своих дел, имеют собственные положения о расходах. Административные расходы подразделяются на пошлины и издержки. Пошлины представляют собой оплату действий органа власти. Издержки - это то расходы, которые произвел орган своими действиями, например, за пользование телефоном, при сборе информации и так далее. Обязанности нести расходы возлагается на того, кто явился инициатором данного административного акта, либо тот, интересу которого служит изданный акт. Определенные действия органа власти не влекут за собой оплату ведомственных расходов. Далее, субъекты публичного управления освобождены от уплаты административных пошлин. В решении о расходах указывается сумма, которую заинтересованное лицо должно уплатить. Если оно освобождается от уплаты, тогда на это также должно быть указано.

3) Обоснование. В административном акте оно выполняет двоякую функцию. С одной стороны оно служит задаче убеждения гражданина в необходимости принятия данной меры. Убеждение является гораздо лучшим средством применения права, чем принуждение. Это доказал убедительно еще Платон в своих «Законах». С другой стороны, обоснование служит контролю за принимаемым решением. Такой контроль осуществляет суд, вышестоящий орган и тот орган, который принимает решение, в качестве самоконтроля. Требование наличия обоснования в административном акте содержится в § 39 Закона об административном процессе: «Письменный либо письменно подтверждаемый административный акт должен быть обоснован в письменной форме» [5]. Обоснование должно указывать важные фактические и юридические основания, которые побудили орган принять данный административный акт. В отношении административных актов, которые были приняты по усмотрению органа, требуется обоснование точки зрения, из которой исходил орган при принятии решения.

Фактические основания должны содержать все важные сведения и доказательства, которые орган получил в процессе проверки условий административного акта. Юридические

основания можно разделить на формальные и материальные. Первые заключают в себе процессуальные условия принятия решения - компетентность органа, дееспособность заинтересованного лица, соблюдение формы заявления и срока его подачи. Материальные основания должны указывать на те юридические нормы, которыми орган руководствовался в применении права, и которые предусматривают наступление соответствующих правовых последствий для заинтересованного лица. Обоснование распространяется не только на основное регулирование постановляющей части, но и на дополнительные установления, требования немедленного исполнения, угрозы принуждения и решения о расходах, поскольку они имеют место в административном акте.

Закон об административном процессе содержит в себе условия, когда можно отказаться от включения обоснования в административный акт. Обоснования не требуется, если: 1) орган принимает способствующий административный акт исходя из заявления заинтересованного лица и данный акт не вмешивается в права другого, 2) точка зрения органа в отношении фактических и юридических оснований административного акта известна заинтересованному лицу, либо без письменного обоснования будет ему ясна. В обоих случаях поводом для отказа в обосновании служит информированность граждан о причинах принятой государственной меры. Кроме того, орган может отказаться от обоснования, если это ему разрешено на основе нормативного акта, а также, если включение обоснования в административный акт затруднено технически, это происходит в случае издания административного актов в большой количестве с помощью автоматических устройств, при этом обоснование не дается только в отношении единичного случая, но оно должно присутствовать, поскольку в отношении такого количества актов имеется общее фактическое или юридическое основание. У органа нет возможности, как правило, дать обоснование общему распоряжению, если оно публично объявляется. Тем не менее, во всех случаях заинтересованные лица имеют право дополнительно обратиться в издающий орган за получением разъяснений.

4) Разъяснение в отношении средств правовой защиты следует в административном акте сразу после обоснования принятой меры. Оно должно предоставить по возможности полную информацию о праве граждан обжаловать оспоримый административный акт и способах реализации этого права.

Обязательное наличие в административном акте разъяснения о средствах правовой защиты имеет не только большое юридическое значение в целях обеспечения защиты граждани-

на от противоправных действий органов управления. Это также способствует воспитанию чувства ответственности у должностных лиц и проявлению доверия к принимаемой государственной мере со стороны гражданина. Требование предоставления такого разъяснения - незначительный факт административной практики, но вместе с другими он служит краеугольным камнем высокой правовой культуры.

5) Подпись согласно пар. 37 Закона об административном процессе является необходимым элементом административного акта. Подписывать его должен руководитель ведомства, его заместитель либо уполномоченный. Вместо подписи может присутствовать воспроизведение их имени. В том же законе также предусмотрено, что подпись и воспроизведение имени могут отсутствовать в тех письменных актах, которые издаются с помощью автоматических средств. Подобная практика справедливо подверглась критике в научной литературе. Законодатель посчитал, что у руководителя органа либо другого лица подписывающего документ, нет необходимости просматривать все документы, размноженные с помощью автоматических устройств, а подписывать только подлинники. Именно с этим связано отсутствие целесообразности в подписании всех идентичных административных актов.

Однако отсутствие подписи снижает у заинтересованного лица доверие к изданному акту. Следует также учитывать, что современное состояние развития автоматических устройств дает возможность копировать подпись и воспроизведение имени.

Служебная печать служит заверением и подтверждением истинности административного акта.

Такова, в общем, структура административного акта, изданием которого заканчивается административный процесс в значении § 9 соответствующего закона [6]. Однако, законодатель, при кодификации административного процесса, вышел далеко за рамки проверки условий, подготовки и принятия административного акта. Это обусловлено тем, что действие административного акта определяется полностью процессом его принятия. Само определение административного акта, данного в § 35 Закона об административном процессе, содержит основу для выхода за рамки процесса принятия акта для того, чтобы проследить непосредственно внешнее воздействие данной меры.

Административный процесс не заканчивается подписью и заверением печатью изданного документа, он продолжает проводиться в жизнь вместе с действием административного акта, который невозможно отождествлять с какой-либо формой, письменной или устной.

Он есть, прежде всего, реализованная воля суверена. Издание административного акта следует рассматривать как его действие.

---

1. См.: Knapp B. *Grundlagen des Verwaltungsrechts*. Frankfurt am M. 2003. S 21.

2. См.: VwVfG. § 37. Abs. 2.

3. См.: VwVfG. § 37. Abs. 1.

4. См.: *Verwaltungskostengesetz (VwKG)*.

5. См.: VwVfG. § 39. Abs. 1.

6. См.: VwVfG. § 9.

---

1. See: Knapp B. *Grundlagen des Verwaltungsrechts*. Frankfurt am M. 2003. S 21.

2. See: VwVfG. § 37. Abs. 2.

3. See: VwVfG. § 37. Abs. 1.

4. See: *Verwaltungskostengesetz (VwKG)*.

5. See: VwVfG. § 39. Abs. 1.

6. See: VwVfG. § 9.

Ищенко Станислав Андреевич
 доктор юридических наук, профессор,
 профессор кафедры административной деятельности
 и организации деятельности ГИБДД
 Краснодарского университета МВД России
 (e-mail: amy7@mail.ru)

Административно-правовое регулирование олимпийского движения в Российской Федерации

В статье анализируются правовые основы и состояние административно-правового регулирования национального олимпийского движения, выступающего составной частью международного олимпийского движения. На основе действующего российского административного законодательства представлена характеристика статуса российского олимпийского комитета, рассмотрены цели, задачи и основные направления его деятельности, включая взаимодействие с международным олимпийским комитетом, а также вопросы использования олимпийской символики.

Ключевые слова: государственное управление, физкультура и спорт, административно-правовой статус, Олимпийский комитет России.

S.A. Ishchenko, Doctor of law, professor professor of the chair of administrative activity and organization of activity of traffic policy of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia; e-mail: amy7@mail.ru

Administrative and legal regulation of the Olympic movements in the Russian Federation

In article legal bases and a condition of administrative and legal regulation of the national Olympic movement acting as a component of the international Olympic movement are analyzed. On the basis of the existing Russian administrative legislation the characteristic of the status of the Russian Olympic committee is submitted, the purposes, tasks and the main directions of its activity, including interaction with the international Olympic committee, and also questions of use of the Olympic symbolics are considered.

Key words: public administration, physical culture and sports, administrative legal status, Olympic committee of Russia.

В свете проблематики данной публикации, прежде всего, следует отметить, что олимпийское движение - это сложный социально-правовой институт, который выходит за рамки национального законодательного регулирования, имея международное значение.

Основными составляющими олимпийского движения являются:

международное олимпийское движение (далее - МОД);

международные спортивные федерации (далее - МФС);

национальные олимпийские комитеты (далее - НОК);

оргокомитеты по проведению Олимпийских игр.

Таким образом, российское олимпийское движение является составной частью международного олимпийского движения.

Вступивший в силу 30 марта 2008 года Федеральный закон от 27 декабря 2007 г. № 329-

ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» [1] внес существенные изменения в правовое регулирование спортивного движения в России в сравнении с ранее действовавшим одноименным Федеральным законом от 29 апреля 1999 г. № 80-ФЗ [2].

В соответствии со ст. 11 Закона о физкультуре и спорте целями российского олимпийского движения являются:

пропаганда и внедрение принципов олимпийского движения;

содействие развитию физической культуры и спорта;

укрепление международного спортивного сотрудничества;

участие в Олимпийских играх и других международных спортивных мероприятиях, проводимых под патронажем МОК.

Олимпийское движение России возглавляется НОК. В качестве такового в России с 1992 г. выступает Общероссийский союз

физкультурно-спортивных объединений «Олимпийский комитет России» (далее - ОКР).

Сегодня ОКР в соответствии с положениями Закона о физкультуре и спорте:

является субъектом физической культуры и спорта в РФ (п.5 ст. 5 Закона);

возглавляет Олимпийское движение России (ч. 2 ст. 11 Закона);

имеет статус общероссийского общественного объединения (ч. 2 ст. 11 Закона; ст. 5 Федерального закона от 19 мая 1995 г. 82-ФЗ «Об общественных объединениях» [3]);

осуществляет свою деятельность в соответствии с законодательством РФ об общественных объединениях, Олимпийской хартией МОК и на основе признания МОК, а также в соответствии со своим уставом (ч. 2 ст. 11 Закона);

пользуется признанием и поддержкой государства в реализации уставных целей (ч. 2 ст. 11 Закона).

Являясь союзом общественных объединений, ОКР создается и функционирует на основе добровольности, равноправия его членов, самоуправления и законности. ОКР свободен в определении своей внутренней структуры, целей, форм и методов своей деятельности.

Важнейшим элементом правосубъектности ОКР является признание его международным олимпийским комитетом.

В соответствии с пар. 5 ст. 32 Олимпийской хартии до того, как НОК учреждается и получает право так называться, организация должна получить признание МОК.

Согласно официальному разъяснению МОК к ст. 32 для получения такого признания НОК-кандидат должен:

выполнять условия, изложенные в Олимпийской хартии;

представить на утверждение МОК свой устав в 2-х экземплярах на французском или английском языках;

обратиться в каждую МСФ, членом которой является национальная федерация, входящая в его состав, с просьбой представить аттестацию, удостоверяющую МОК, что данная национальная федерация является полномочным членом этой МСФ;

НОК-кандидат, устав которого утвержден МОК, должен направить в МОК экземпляр устава вместе с просьбой о признании и списком членов своего исполнительного органа, причем верность всех 3-х документов заверяется президентом и генеральным секретарем НОК.

Устав каждого НОК должен соответствовать Олимпийской хартии и содержать четкие ссылки на нее. В случае каких-либо сомнений, коллизий и противоречий высшую силу имеют положения Олимпийской хартии.

Любые последующие изменения в уставе, первоначально одобренном МОК, также должны направляться в МОК для утверждения. В МОК должны направляться экземпляры протоколов заседаний, на которых проводились выборы или замена членов НОК. Все эти документы должны заверяться президентом и генеральным секретарем НОК.

Олимпийской хартией (гл. IV) определяются основополагающие принципы формирования национальных олимпийских комитетов.

Так, в соответствии с Олимпийской хартией миссией НОК является развитие и защита олимпийского движения в своих странах в соответствии с Олимпийской хартией.

НОК должны:

пропагандировать на национальном уровне, в рамках спортивной деятельности, основополагающие принципы олимпизма;

обеспечивать соблюдение Олимпийской хартии в своей стране;

поощрять развитие спорта высших достижений, а также массового спорта;

оказывать помощь в подготовке спортивных кадров;

бороться против использования препаратов и процедур запрещенных МОК или МСФ, в частности привлекая компетентные власти своей страны с тем, чтобы медицинский контроль мог быть осуществлен в оптимальных условиях.

эффективно бороться за создание программ по распространению спорта на всех уровнях.

НОК имеют право (ст. 6 гл. IV Олимпийской хартии):

формулировать предложения, адресуемые в МОК, в отношении Олимпийской хартии и олимпийского движения вообще, включая организацию и проведение Олимпийских игр;

излагать свое мнение относительно кандидатур на проведение Олимпийских игр;

сотрудничать в подготовке олимпийских конгрессов;

участвовать по просьбе МОК в деятельности комиссий МОК.

МОК может оказывать НОК помощь в выполнении их миссий через свои департаменты и Олимпийскую солидарность.

В выполнении своей миссии НОК могут сотрудничать с неправительственными и правительственными органами. Однако они никогда не должны быть причастными к деятельности, противоречащей Олимпийской хартии.

Кроме мер и санкций, предусмотренных в случае нарушений Олимпийской хартии, МОК может после заслушивания НОК исключить его или лишить своего признания (ст. 9 гл. IV Олимпийской хартии):

в случае, если деятельности НОК препятствуют действующие в стране правовые поло-

жения или акции со стороны других - спортивных или иных - учреждений данной страны;

если формированию или выражению воли национальных федераций или других органов, являющихся членами НОК или представленных в нем, препятствуют правовые положения или порядки, действующие в данной стране, или акции со стороны других - спортивных или иных - учреждений данной страны.

Членами ОКР в соответствии с его Уставом могут быть: российские юридические лица — общественные объединения физкультурно-спортивной направленности, признающие устав ОКР, оказывающие поддержку ОКР и уплачивающие членские взносы в установленном ОКР порядке.

В соответствии со ст. 4 Устава ОКР членами ОКР являются:

общероссийские спортивные федерации (союзы) по видам спорта, включенным в программу Олимпийских игр (далее - Олимпийские федерации);

общероссийские общественные объединения - союзы (ассоциации) зимних и летних видов спорта, входящих в программу Олимпийских игр;

региональные общественные объединения, созданные для развития спорта, пропаганды и популяризации олимпийского движения, по одному от каждого субъекта РФ; и др.

Членами ОКР в порядке исключения в соответствии с Олимпийской хартией МОК и Законом о физкультуре и спорте являются члены МОК - граждане России.

Российские юридические лица - общественные объединения принимаются в члены ОКР Олимпийским собранием ОКР не менее чем 2/3 голосов участников Олимпийского собрания ОКР, при наличии кворума. Права члена ОКР возникают с момента принятия решения Олимпийским собранием ОКР.

ОКР не вправе принять в члены ОКР более одной российской спортивной федерации по одному виду спорта.

Члены ОКР - юридические лица - общественные

объединения - могут в любое время прекратить свое членство в ОКР, уведомив об этом Исполком ОКР в письменной форме.

В структуре ОКР могут быть филиалы и представительства, не являющиеся юридическими лицами, и действующие в соответствии с положениями, утверждаемыми Исполкомом ОКР. При этом ведется реестр членов ОКР.

Структура управления ОКР включает в себя в соответствии со ст. 8 Устава следующие руководящие органы: Олимпийское собрание; Исполком; Президент; Исполнительный директор.

Для контроля за финансово-хозяйственной деятельностью ОКР ежегодно обеспечивается проведение аудиторской проверки, материалы которой представляются на рассмотрение Исполкома ОКР.

Для этой цели Олимпийским собранием ОКР сроком до очередного отчетно-выборного Олимпийского собрания ОКР избирается контрольно-ревизионная комиссия ОКР, которая представляет Олимпийскому собранию ОКР отчет и вносит предложения по финансово-хозяйственной деятельности ОКР (ст. 17 Устава). Контрольно-ревизионная комиссия ОКР проводит ежегодные проверки финансово-хозяйственной деятельности ОКР, о чем составляет соответствующий акт.

В соответствии со ст. 18 Устава из числа лиц, находившихся в должности президента ОКР не менее двух сроков и внесших большой личный вклад в развитие и укрепление олимпийского движения, Олимпийским собранием могут пожизненно избираться почетные президенты ОКР. Почетные президенты ОКР избираются тайным голосованием на Олимпийском собрании ОКР.

Одновременно в ОКР может быть не более двух Почетных президентов ОКР. Почетные президенты ОКР выполняют представительские и другие обязанности, устанавливаемые Исполкомом ОКР. Почетные президенты ОКР имеют рабочий аппарат и им создаются соответствующие условия, необходимые для выполнения их полномочий.

В ОКР может создаваться и действовать Совет почета ОКР, состоящий из физических лиц, внесших значительный вклад в развитие олимпийского движения России.

Согласно ст. 20 Устава с целью всемерной поддержки деятельности ОКР, в том числе финансовой, культурной, социальной и иной поддержки, в ОКР может создаваться и действовать Совет содействия ОКР, в состав которого могут входить представители членов ОКР, представители органов государственной власти, органов местного самоуправления, организаций различных организационно-правовых форм и форм собственности, спортсмены, специалисты в области спорта, видные деятели политики, культуры и иные лица, заинтересованные в совершенствовании деятельности ОКР и развитии олимпийского движения в России.

В ОКР создается и действует постоянная Комиссия спортсменов ОКР, в состав которой входят действующие спортсмены, являющиеся призерами Олимпийских игр (ст. 21 Устава).

В соответствии со ст. 22 Устава в ОКР также создается и действует постоянная Комиссия по этике, задачей которой является выработка и совершенствование основных этических прин-

ципов олимпийского движения в России, включая кодекс этики, основанный на ценностях и принципах, закрепленных в Олимпийской хартии МОК. Комиссия ОКР по этике рассматривает жалобы и заявления, связанные с несоблюдением этических принципов в деятельности ОКР и его членов, включая нарушение Кодекса этики ОКР, а также осуществляет иные полномочия, определенные Исполкомом ОКР.

Задачи создания НОК регламентированы Олимпийской хартией (параграф 8 ст. 32 гл. IV). Кроме того, национальным олимпийским комитетам рекомендуется (пар. 9 ст. 32 гл. IV Олимпийской хартии):

регулярно (по возможности ежегодно) организовывать Олимпийский день или неделю с целью популяризации олимпийского движения;

включать в свою деятельность заботу о пропаганде культуры и искусства в области спорта и олимпизма;

участвовать в программах Олимпийской солидарности;

изыскивать источники финансирования, которые позволят им сохранить свою автономию во всех отношениях.

Указанные в Олимпийской хартии, а также в Законе о физкультуре и спорте полномочия конкретизированы в ст. 3 Устава ОКР.

Согласно ч. 4 ст. 11 Закона о физкультуре и спорте ОКР часть своих полномочий реализует во взаимодействии с федеральным органом исполнительной власти в области физической культуры и спорта (Минспорттуризм России) и общероссийскими спортивными федерациями:

развитие спорта высших достижений и массового спорта (п. 1 ч. 3 ст. 11 Закона);

участие в разработке и осуществлении мер, направленных на обеспечение необходимого уровня подготовки российских спортсменов для участия в Олимпийских играх и других международных спортивных мероприятиях, проводимых под патронажем МОК (п. 6 ч. 3 ст. 11 Закона).

Правилом 17 гл. I Олимпийской хартии закрепляются исключительные права МОК на олимпийские символ, флаг, девиз и гимн.

Согласно официальному разъяснению к правилам 12, 13, 14, 15, 16 и 17 МОК может принимать все соответствующие меры для приобретения юридической защиты на национальном международном уровне олимпийских символов, флага, девиза и гимна. Даже если национальное законодательство или регистрация торгового знака предоставляют НОК защиту олимпийского символа, такой НОК может использовать вытекающие из этого права только в соответствии с инструкциями, полученными от Исполкома МОК.

Каждый НОК несет перед МОК ответственное за соблюдение в своей стране Правил 12-17 Олимпийской Хартии, а также официально-го разъяснения к ним. Он должен принять меры для запрещения любого использования олимпийского символа, флага, девиза или гимна, которое бы противоречило этим правилам или официальному разъяснению к ним. Он должен тоже постараться обеспечить защиту в интересах МОК наименований «олимпийский» и «Олимпиада».

НОК может в любое время обратиться за помощью МОК в приобретении предусмотренной выше защиты олимпийских символов, флага, девиза или гимна и в урегулировании любых разногласий, которые могут возникнуть в подобных вопросах с третьими сторонами.

НОК вправе использовать олимпийские символ, флаг, девиз и гимн только в рамках своей деятельности, проводимой не для извлечения прибыли, при условии, что такое использование будет способствовать развитию олимпийского движения и не ущемлять его достоинства, а также при условии получения соответствующими НОК предварительного согласия Исполкома МОК на такое использование.

МОК в сотрудничестве с НОК соответствующих стран поощряет использование олимпийского символа на почтовых марках, выпускаемых, в согласовании с МОК, компетентными национальными органами. Исходя из этого он может дать разрешение использовать олимпийскую символику в соответствии с условиями, определенными Исполнительным бюро МОК.

Также следует отметить, что МОК может создать одну или несколько олимпийских эмблем, которые может использовать по своему усмотрению.

Олимпийская эмблема может быть создана НОК или ОКОИ. Исполком МОК может утвердить дизайн олимпийской эмблемы при условии, если он сочтет, что не существует вероятности совпадения между указанной эмблемой и олимпийским символом или другими олимпийскими эмблемами.

Олимпийская эмблема НОК должна отвечать следующим требованиям:

дизайн эмблемы должен быть таким, чтобы четко идентифицировалась ее связь со страной соответствующего НОК;

отличительный элемент эмблемы не должен быть ограничен одним названием (или аббревиатурой названия) страны, к которой относится этот НОК;

отличительный элемент эмблемы не должен содержать ссылок на Олимпийские игры или на отдельную дату или событие, не быть ограничен во времени;

отличительный элемент эмблемы не должен содержать девизов, наименований, других словосочетаний общего характера или других выражений, которые создают впечатление универсальных или международных по своей природе;

эмблема должна быть смоделирована так, чтобы четко идентифицировать ее связь с Олимпийскими играми, организуемыми соответствующими ОКОИ;

отличительный элемент не должен ограничиваться одним названием (или аббревиатурой) страны соответствующего ОКОИ;

отличительный элемент эмблемы не должен содержать девизов, наименований или других словосочетаний, которые создают впечатление универсального или международного характера.

Право использования олимпийской эмблемы в рекламных или коммерческих целях или в целях извлечения прибыли принадлежат только МОК.

Использование олимпийской эмблемы в рекламных или коммерческих целях или в целях извлечения прибыли должно отвечать условиям, изложенным в п. 10 и 11 Официального разъяснения к правилам 12-17.

Олимпийский символ и олимпийские эмблемы МОК могут использоваться МОК или уполномоченным им лицом на территории любого национального олимпийского комитета, при условии соблюдения следующих правил:

при заключении соглашений о спонсорстве, поставках и в отношении всех коммерческих инициатив, должно соблюдаться условие, что такое использование не нанесет ущерба интересам соответствующего НОК и что решение должно приниматься Исполкомом МОК при консультациях с этим НОК, который получит часть чистого дохода от такого использования;

при всех лицензионных соглашениях должно соблюдаться условие, что НОК получит половину чистой прибыли от такого использования после вычета всех налогов и положенных сборов.

НОК будет заранее извещен о любом таком мероприятии.

МОК по своему усмотрению может уполномочивать телевизионные компании, ведущие репортажи с Олимпийских игр, использовать олимпийский символ и олимпийские эмблемы МОК и ОКОИ для пропаганды передач с Олимпийских игр.

Кроме того, МОК оставляет за собой все права любого рода, касающиеся использования олимпийского огня и олимпийских факелов.

В соответствии с положениями Международного договора от 20 сентября 1981 г. «Найробский договор об охране олимпийского

символа» любое государство-участник обязано отказывать в регистрации или признавать недействительной регистрацию в качестве знака и запрещать путем соответствующих мер использование в качестве знака или другого обозначения в коммерческих целях любого обозначения, состоящего из олимпийского символа или содержащего этот символ в таком виде, как это определено в Уставе МОК, кроме тех случаев, когда на это имеется разрешение МОК (ст. 1). Описание олимпийского символа приведено в приложении к данному договору.

В соответствии с ч. 6 ст. 11 Закона о физкультуре и спорте ОКР в соответствии с Олимпийской хартией МОК осуществляет меры по защите принадлежащих МОК прав на использование олимпийского символа, девиза, флага и гимна, наименований «Олимпийские игры» и «Игры олимпиады» на территории РФ. Кроме того, в соответствии с ч. 5 и 6 данной статьи ОКР принадлежат исключительные права на:

использование собственного наименования и официального наименования «Олимпийская команда России»;

олимпийскую эмблему Олимпийского комитета России, девиз, флаг и иную российскую олимпийскую символику.

Использование третьими лицами в коммерческих и рекламных целях указанных наименований и образованных на их основе слов и словосочетаний осуществляется на основании соглашений, предусмотренных в письменной форме с Олимпийским комитетом, за исключением случаев использования этих наименований образованных на их основе слов и словосочетаний:

в целях информационного обеспечения;

в связи с осуществлением указанного права третьими лицами, являющимися приобретателями права на освещение в средствах массовой информации Олимпийских игр и других международных спортивных мероприятий, проводимых под патронажем МОК.

Россия, являясь участницей Найробского договора (с 17 апреля 1986 г.), приняла на себя обязательство:

отказывать в регистрации в качестве товарного знака;

признавать недействительной регистрацию товарного знака;

запрещать путем соответствующих мер использование в качестве товарного знака (или другого обозначения) в коммерческих целях любого обозначения, состоящего из олимпийского символа или содержащего этот символ.

Исключением из названного правила является наличие соответствующего разрешения МОК.

Олимпийской хартией закрепляется право МОК на «олимпийскую собственность». Так,

предусмотрено, в частности, на олимпийский символ, флаг, девиз, обозначения (включая слова «Олимпийские игры» и «игры Олимпиады»), знаки, эмблемы, огонь и факелы (включая их технические решения) являются «Олимпийской собственностью», и все права на каждый из них в отдельности и на все элементы Олимпийской собственности принадлежат исключительно МОК, включая, но, не ограничиваясь, использование для получения дохода, в коммерческих и рекламных целях. Согласно упомянутой правовой норме МОК может лицензировать все свои права или их часть на условиях, регламентируемых Исполкомом МОК.

Особые правила использования олимпийской символики установлены Федеральным законом от 1 декабря 2007 г. 310-ФЗ «Об организации и проведении XXII Олимпийских зимних игр и XI Паралимпийских зимних игр 2014 г. в городе Сочи, развитии города Сочи как горноклиматического курорта и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (п. 2 ст. 7) [4].

Таким образом, российское олимпийское движение является основной частью такого сложного многогранного явления как международное олимпийское движение, в связи с чем его организационно-правовые основы регулируются как нормами международного права, так и национальным законодательством в физической культуре и спорте

1. Федеральный закон от 27.12.2007 г. № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2007. № 50. Ст. 6242.

2. Федеральный закон от 29.04.1999 г. №80-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» // СЗ РФ. 1999. № 18. Ст. 2206.

3. Федеральный закон от 19.05.1995 г. № 82-ФЗ «Об общественных объединениях» // СЗ РФ. 1995. № 21. Ст. 1930.

4. Федеральный закон от 01.12.2007 г. № 310-ФЗ «Об организации и проведении XXII Олимпийских зимних игр и XI Паралимпийских зимних игр 2014 года в городе Сочи, развитии города Сочи как горноклиматического курорта и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2007. № 49. Ст. 6071.

1. The Federal law of 27.12.2007 No 329-FL "About physical culture and sport in the Russian Federation" // CL Russian Federation. 2007. No 50. Art. 6242.

2. The federal law of 29.04.1999 No 80-FL "About physical culture and sport in the Russian Federation" // CL Russian Federation. 1999. No 18. Art. 2206.

3. The federal law of 19.05.1995 No 82- FL "About public associations" // SZ Russian Federation. 1995. No 21. Art. 1930.

4. The federal law of 01.12.2007 No 310- FL "About the organization and carrying out the XXII Olympic winter Games and the XI Paralympic winter games of 2014 in the city of Sochi, a development of the city of Sochi as mountain resort and modification of separate acts of the Russian Federation" // CL Russian Federation. 2007. No 49. Art. 6071.

Труфанов Михаил Егорович
 доктор юридических наук, доцент,
 профессор кафедры административной деятельности
 и организации деятельности ГИБДД
 Краснодарского университета МВД России
 (e-mail: mihail.trufanov@mail.ru)

Профилактика правонарушений несовершеннолетних в системе элементов административной правоприменительной политики

В статье представлен аналитический взгляд на эффективность отдельных элементов правовой политики в сфере реализации комплекса правовых и социальных мер по ликвидации детского неблагополучия. В отличие от директивной части правоприменительной политики, которая достаточно динамична, организационная ее часть более консервативна и формализована

Ключевые слова: правоприменительная политика, научно-теоретический элемент, директивное содержание, организационная и оценочная составляющая.

M.E. Trufanov, Doctor of law, assistant professor, professor of the chair of administrative activity and organization of activity of traffic policy of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia; e-mail: mihail.trufanov@mail.ru

Prevention of offenses of minors in system elements of the administrative law-enforcement policy

The analytical view of efficiency of separate elements of legal policy is presented in article in the sphere of realization of a complex of legal and social measures for elimination of children's trouble. Unlike directive part of law-enforcement policy which is rather dynamic, its organizational part is more conservative and formalized.

Key words: law-enforcement policy, scientific-theoretical element, directive contents, organizational and estimated component.

Применение норм права всегда составляло объект пристального внимания отраслевых юридических наук. Это обуславливается, в первую очередь, тем, что в процессе применения права достигается наиболее результативное воздействие государства на регулируемые общественные отношения в целях их упорядочения и совершенствования.

Правоприменительная политика современного государства, по мнению А.В. Малько, это вид деятельности государства, который сегодня чуть ли не значимее правотворчества. Причинами тому автор называет неисполнение или плохое исполнение законов, потребность исполнителей в «обрамлении» закона массой приказов и инструкций, потерю законом своего первоначального содержания после уточнения подзаконными актами, расширение сферы усмотрения чиновника [1]. С таким утверждением трудно не согласиться, но несколько лаконичнее выглядит правовая позиция С.С. Алексеева. Он пишет: «Применение права

это второй по значению после правотворчества, а при известных социальных и правовых условиях и не менее важный фактор, существенно влияющий на правовое регулирование» [2].

Становление и реализация правовой политики в сфере государственного администрирования выразительно проявляется в ходе реализации комплекса правовых и социальных мер по ликвидации детского неблагополучия. Политика правоприменения воплощает в себе, как одно из направлений, стратегию и тактику профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних.

Существование и специфика правовой политики в области применения норм административного права обусловлена, главным образом, следующими факторами: а) наличием многофункциональной, сложноорганизованной системы потенциальных субъектов административно-правовых отношений, успешное взаимодействие которых предполагает проведение в этой сфере единой государственной

политики; б) необходимостью эффективной реализации воли законодателя, с учетом динамики общественных отношений. Что, в полной мере, свойственно сложившейся сегодня в России системе властного воздействия на девиантное поведение подростков.

Научно-обоснованная правовая политика в области применения административно-правовых норм это, прежде всего, необходимая гарантия обеспечения прав и свобод личности, ее чести и достоинства. Вопросы гарантированности прав несовершеннолетних, укрепления законности и правопорядка, неотвратимости юридической ответственности и другие актуальнейшие проблемы современного российского государства здесь переходят из категории популярных терминов в сферу их практической реализации.

Определяя содержание правовой политики в области применения административно-правовых норм, очень важно подчеркнуть следующий момент. Реализация норм данной отрасли права возможно как органами и должностными лицами исполнительной власти, так и органами правосудия. Ее сущностное проявление характеризуется наличием научно-теоретического, директивного, организационного и оценочного элементов.

Научно-теоретический элемент административной правоприменительной политики включает в себя научно-мировоззренческое обоснование исходных положений применения норм административного права, места и роли в системе средств обеспечения интересов государства, общества и личности; определение форм правоприменительной деятельности с учетом особенностей общественных отношений. Проблема в том, что этот компонент имеет огромное значение, но он не всегда стабильный. Наиболее значительные, кардинальные изменения в административной правоприменительной политике происходят как раз тогда, когда существенно трансформируется ее концептуальная часть.

Общая концепция административной правоприменительной политики, вырабатываемая высшими органами государственной власти, должна учитывать то тревожное состояние, которое отмечают российские ученые. Все чаще в молодежной среде проявляются элементы противоправной самоорганизации, остро встает вопрос о профилактике преступлений, совершаемых подростками в группах. Особую тревогу вызывает состояние рецидивной преступности несовершеннолетних.

Правоприменителю сложно видеть наиболее значимые направления работы в условиях, когда оценка результативности профилактики правонарушений среди несовершеннолетних, в отдельных случаях, несопоставима. Так, по

мнению представителей МВД России, на определенном этапе удалось достичь определенных позитивных результатов профилактической работы среди несовершеннолетних [3]. В тот же период, представители Генеральной прокуратуры высказывают мнение о том, что активность органов внутренних дел по предупреждению правонарушений несовершеннолетних, падает [4]. Такое положение ни практически, ни теоретически обосновать невозможно.

Научно-теоретическое осмысление данной проблемы ведет к тому, что необходима реконструкция ранее утраченной координационной функции. Учитывая необходимость активизации действий государственных органов по ликвидации детской беспризорности и правонарушений, МВД России вышло с предложением к Правительству РФ о формировании Правительственной комиссии с возложением координирующих функций на Министерство внутренних дел. Сомнения по поводу такой инициативы связаны с тем, что органы прокуратуры, основываясь на п. 2 ст. 1 Закона «О прокуратуре Российской Федерации», могут претендовать на обладание координационной функцией по исследуемому вопросу.

Директивная часть административной правоприменительной политики представляет собой результат познания и оценки государственной властью сложившейся практики применения норм административного права с точки зрения ее соответствия интересам общества, основополагающим требованиям права. На этом уровне в общий курс вносятся необходимые коррективы в виде целевых комплексных программ, национальных планов действий в интересах молодежи, нормативно-правовых актов субъектов Российской Федерации, приказов и указаний министерств, решений разного уровня коллегий и координационных совещаний. Политический аспект в данном случае состоит в том, чтобы обеспечить единообразное использование наиболее оптимальных при данных условиях средств административно-правового воздействия на систему профилактики правонарушений несовершеннолетних. Однако к настоящему времени в Российской Федерации образовался огромный разрыв между моделями общественных отношений, которые формируются законодательством о правах ребенка и действительной ситуацией в данной сфере.

Организационный компонент административной правоприменительной политики конкретизируется в основных направлениях и формах организационного обеспечения правоприменения. Сюда относятся вопросы кадрового обеспечения уполномоченных органов, определение эффективных форм контроля их

деятельности, информационно-методическое и материально-техническое обеспечение правоприменительной деятельности. Суть данного аспекта в вопросах профилактики противоправного поведения несовершеннолетних в, создании организационных ресурсов, необходимых для решения поставленных задач. Недооценка данного аспекта может превратить административную правоприменительную политику из инструмента эффективного государственного управления в набор декларативных форм.

Анализ ситуации свидетельствует, что попытки стабилизировать в подростковой среде мерами организационного характера, решениями федеральных органов исполнительной власти не подкреплены активными действиями субъектов профилактики на местах. Серьезную проблему образует уровень квалификации потенциальных субъектов профилактической работы. Во многих случаях инспекторский состав федеральных служб и агентств не соответствует тем профессиональным требованиям, которые бы позволили эффективно решать возложенные на них задачи. Подобную проблему может образовать резкое увеличение численного состава соответствующих должностей.

Первоочередными задачами являются: неуклонное проведение в жизнь принципа профессионализма во всех звеньях системы профилактики правонарушений несовершеннолетних, занятых вопросами властной реализации административно-правовых норм; повышение социального статуса субъектов профилактической работы; повышение социально-экономических и политико-правовых гарантий их деятельности; качественное усовершенствование основ подготовки и переподготовки специалистов.

В отличие от директивной части, которая весьма динамична, организационная часть более консервативна и формализована. В нашем случае нельзя обойти вниманием проблему деятельности субъектов системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних по исполнению Федерального закона № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних». Отчасти она обусловлена несовершенством существующей нормативно-правовой базы, корректировка которой осуществляется крайне медленно и неэффективно.

Серьезные нарекания имеют место в работе территориальных комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав. Это основное звено не получило штатного и ресурсного наполнения и функционирует, по существу, на общественных началах. На наш взгляд, следу-

ет согласиться с мнением А.С. Дугенца о том, что комиссии обязаны защищать несовершеннолетних от любых противоправных действий против подрастающего поколения. А вершить правосудие в отношении их по аналогии с оправдавшим себя зарубежным опытом должны представители судебной власти [5].

Оценочную часть административной правоприменительной политики образуют ее результаты и перспективы. Все усилия заинтересованных субъектов, в конечном счете, направлены на то, чтобы добиться соответствующего качества правоприменительной деятельности, обеспечить решение тех задач, которые рассматриваются действующей властью как наиболее важные, существенные и сегодня, и в перспективе. Достаточно отчетливой характеристикой государственной политики в исследуемой сфере являются новые, зарождающиеся формы профилактической работы. Так, например, можно отметить активизацию военно-патриотического воспитания молодежи.

Разработка и официальное утверждение системы административных процедур, формирование и введение в действие судов ювенальной юстиции, вызывает бурные споры но, вместе с тем, достаточно отчетливо характеризует общую линию государства на совершенствование системы административно-правового регулирования, придание ей большей гибкости и социальной чувствительности. Позитивные результаты последнего времени в исследуемой сфере были связаны с использованием административных рычагов, реализацией поручений Президента Российской Федерации, решений Правительственной комиссии, Межведомственного оперативного штаба.

1. Малько А.В. *Формы реализации и виды правовой политики/ Российская правовая политика: Курс лекций. Под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. М.: НОРМА, 2003. С. 166.*

2. Алексеев С.С. *Восхождение к праву. Поиски и решения. 2-е изд. перераб. и доп. М.: Издательство НОРМА, 2002. С. 266.*

3. Голубовский В.Ю. *Совершенствование деятельности органов внутренних дел и других субъектов системы профилактики по предупреждению правонарушений несовершеннолетних / Совершенствование деятельности органов внутренних дел, других субъектов системы профилактики по предупреждению безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: Материалы «круглого стола». 29 апр. 2005 г. М.: ВНИИ МВД России, 2005. С. 17-14.*

4. Манаенкова Н.В. *К вопросу о совершенствовании деятельности органов внутренних дел, других субъектов системы профилактики по предупреждению безнадзорности*

и правонарушений несовершеннолетних / Указ. сборник. С. 49-56.

5. Дугенец А.С. Некоторые проблемы деятельности комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав / Совершенствование деятельности органов внутренних дел, других субъектов системы профилактики по предупреждению безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: Материалы «круглого стола». 29 апр. 2005 г. М.: ВНИИ МВД России, 2005.

1. Malko A.V. Forms of realization and types legal politic / Russian legal policy: Course of lectures / Under the editorship of N.I. Matuzov, A.V. Malko. M.: NORM, 2003. P. 166.

2. Alekseev S.S. Ascension to the right. Searches and decisions. 2nd prod.: reslave and ad. M.: NORM publishing house, 2002. P. 266.

3. Golubovskiy V.Yu. Grow of activities of law-enforcement bodies and other subjects of system of prevention for the prevention of offenses mi-

nors / Improvement of activity of law-enforcement bodies, other subjects of system of prevention according to the prevention of neglect and offenses of minors: Materials of "a round table", 29 Apr. 2005. M.: All-union scientific research institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2005. P. 17-14.

4. Manayenkova N.V. To a question of improvement of activity of law-enforcement bodies, other subjects of system of prevention according to the prevention of neglect and offenses minors / Decree collection. P. 49-56.

5. Dugenets A.S. Some problems of activity of the commissions on affairs of minors and protection their rights / Improvement of activity of law-enforcement bodies, other subjects of system of prevention according to the prevention of neglect and offenses of minors: Materials of "a round table". 29 Apr. 2005. M.: All-union scientific research institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2005.

Данилов Давид Борисович

кандидат юридических наук, преподаватель
кафедры гражданского права и гражданского процесса
Краснодарского университета МВД России
(тел.: 89282213705)

Специфика судебных актов по делам об административном правонарушении за незаконное использование товарного знака

В данной статье рассматриваются виды и характеристика судебных актов, выносимых при рассмотрении арбитражными судами дел об административном правонарушении за незаконное использование товарного знака.

Ключевые слова: товарный знак, незаконное использование товарного знака, протокол об административном правонарушении, судебный акт.

D.B. Danilov, Candidate of law, senior teacher of the chair of civil law and civil process of the Krasnodar university of the Ministry of Internal Affairs of Russia; tel.: 89282213705.

Specifics of judicial acts on cases of an administrative offense for illegal use of the trademark

In given article kinds and the characteristic of judicial certificates taken out are considered at consideration by arbitration courts of affairs about an administrative offence for illegal use of a trade mark.

Key words: trade mark, illegal use of a trade mark, the report on an administrative offence, the judicial certificate.

Результаты деятельности органов судебной власти по обеспечению реализации прав, свобод, законных интересов граждан и организаций находят свою объективацию в судебных актах.

Давая характеристику судебным актам, С.К. Загайнова отмечает, что все они имеют общие признаки, присущие любому акту органов государственной власти, и вместе с тем обладают специфическими чертами, которые отличают акты органов судебной власти от актов иных органов государственной власти [1].

В целом, на основании анализа научных мнений и положений норм процессуального законодательства, можно сделать вывод, что правовая природа судебных актов, обусловленная спецификой и характером судебной власти, носит смешанный характер и является прецедентно-правоприменительной.

Относительно судебных актов, выносимых по делам о незаконном использовании товарного знака, следует констатировать, что в АПК РФ и КоАП РФ имеются различия в характере принимаемых судебных актов по результатам рассмотрения дел данной категории.

В соответствии с ч. 1 ст. 29.9 КоАП РФ, суд выносит постановление о назначении административного наказания или о прекращении производства по делу в установленных случа-

ях. Согласно ч. 2 ст. 206 АПК, по результатам рассмотрения заявления суд принимает решение о привлечении к административной ответственности или об отказе в удовлетворении требования административного органа о привлечении к административной ответственности. Аналогичное разъяснение содержится и в ранее указанном Постановлении Пленума ВАС РФ от 2 июня 2004 г. № 10, где говорится о том, что по результатам рассмотрения дела о привлечении к административной ответственности арбитражный суд принимает не постановление, а одно из двух видов решений в соответствии со ст. 206 АПК РФ.

В этой связи, по нашему мнению, в целях исключения несоответствия положений АПК РФ и КоАП РФ необходимо внести изменения в ч. 1 ст. 29.9 КоАП РФ, которую предлагаем изложить в следующей редакции:

Статья 29.9. Виды постановлений, определений и решений по делу об административном правонарушении.

1. По результатам рассмотрения дела об административном правонарушении может быть вынесено:

1) постановление о назначении административного наказания;

2) постановление о прекращении производства по делу об административном правонарушении;

3) решение суда о привлечении к административной ответственности, вынесенное в соответствии со ст. 206 АПК РФ;

4) решение суда об отказе в удовлетворении требования административного органа о привлечении к административной ответственности.

1.1. ...

2. ...».

При назначении административного наказания виновному юридическому лицу или индивидуальному предпринимателю судья арбитражного суда учитывает следующие положения КоАП РФ:

1) о презумпции невиновности (ст. 1.5);

2) о действии законодательства об административных правонарушениях во времени и в пространстве (ст. 1.7);

3) о возможности освобождения от административной ответственности при малозначительности административного правонарушения (ст. 2.9);

4) об ответственности юридического лица при его реорганизации (ст. 2.10);

5) об общих правилах назначения административного наказания (ст. 4.1). Арбитражный суд не может назначить наказание ниже низшего предела, предусмотренного в санкции соответствующей статьи КоАП РФ;

6) об обстоятельствах, смягчающих и отягчающих административную ответственность (ст. 4.2, 4.3);

7) о назначении административного наказания за совершение нескольких административных правонарушений (ст. 4.4);

8) о давности привлечения к административной ответственности (ст. 4.5)[ ].

В удовлетворении заявления должно быть отказано при наличии обстоятельств, предусмотренных ст. 24.5 КоАП РФ, а также в случае объявления устного замечания (ст. 2.9 КоАП РФ).

Следует также отметить, что в ч. 2 ст. 29.9 КоАП РФ предусмотрено вынесение определения о передаче дела на рассмотрение по подведомственности (учитывая терминологию КоАП РФ, речь идет и о подсудности), если выяснено, что рассмотрение дела не относится к компетенции рассмотревшего его судьи.

В ч. 1 ст. 29.10 КоАП РФ определен перечень сведений, которые должны быть указаны в постановлении по делу об административном правонарушении. В отличие от КоАП РФ, АПК РФ определяет содержание лишь резолютивной части решения. В ч. 1 ст. 206 АПК РФ установлено, что арбитражный суд принимает решение по делу о привлечении к администра-

тивной ответственности по правилам гл. 20 АПК РФ. Это означает, в частности, что согласно ч. 1 ст. 170 АПК РФ решение арбитражного суда должно состоять из вводной, описательной, мотивировочной и резолютивной частей. При этом перечень сведений, которые должны содержаться в резолютивной части решения о привлечении к административной ответственности, определен в ч. 3 ст. 206 АПК РФ. Содержание остальных частей решения определяется в соответствии с гл. 20 АПК и ст. 29.10 КоАП РФ с учетом характера данных дел.

Множество вопросов, связанных с вынесением решения по делу о привлечении к административной ответственности и назначением наказания, разрешены Постановлением Пленума ВАС РФ от 10.12.2011 г. № 71, которое внесло ряд изменений и дополнений в Постановление Пленума ВАС РФ от 02.06.2004 № 10, в частности, оно дополнено п.15, устанавливающим, что в силу ч. 1.1 ст. 29.10 КоАП РФ в случае наложения административного штрафа в постановлении по делу об административном правонарушении должна быть указана информация о получателе штрафа, необходимая в соответствии с правилами заполнения расчетных документов на перечисление суммы административного штрафа. При применении названной нормы судам следует учитывать, что эта информация указывается и в решении арбитражного суда о привлечении лица к административной ответственности и наложении административного штрафа.

В случае отсутствия соответствующей информации в заявлении органа или должностного лица, обратившегося с требованием о привлечении к административной ответственности, такое заявление подлежит оставлению без движения ввиду несоблюдения требований к его содержанию, которые вытекают из п. 4 ч. 2 ст. 125 АПК РФ в его взаимосвязи с ч. 1.1 ст. 29.10 КоАП РФ.

Кроме того, принимая решение о привлечении к административной ответственности, судам необходимо учитывать положения ч. 2 и 3 ст. 29.10 КоАП РФ, устанавливающие правила об обязательном разрешении вопроса об изъятых вещах и документах, вещах, на которые наложен арест, а также об указании в решении на размер ущерба, сроки и порядок его возмещения, если при рассмотрении данного дела решался вопрос о возмещении имущественного ущерба.

Конфискация орудия совершения или предмета административного правонарушения является видом административного наказания (ст. 3.2, 3.7 КоАП РФ), а, следовательно, может быть применена арбитражным судом только при принятии решения о привлечении лица к

административной ответственности и назначении административного наказания и только в том случае, если такой вид административного наказания предусмотрен соответствующей статьей (частью статьи) Особенной части КоАП РФ.

При применении административного наказания в виде конфискации орудия совершения или предмета административного правонарушения (ст. 3.7 КоАП РФ) судам надлежит учитывать следующее.

За исключением случаев, определенных законом, указанный вид административного наказания не может быть применен судом при привлечении лица к административной ответственности, если в ходе рассмотрения дела судом на основании представленных доказательств установлено, что указанное лицо не является собственником вещей, явившихся орудием совершения или предметом административного правонарушения и изъятых в рамках принятия мер обеспечения производства по делу об административном правонарушении.

При этом на основании ч. 3 ст. 29.10 КоАП РФ соответствующие вещи, если они не изъяты из оборота, подлежат возвращению законному владельцу (при его не установлении передаются в собственность государства в соответствии с законодательством Российской Федерации), а вещи, изъятые из оборота, - передаче в соответствующие организации или уничтожению.

Кроме того, если вещи, явившиеся орудием совершения или предметом административного правонарушения, не были изъяты в рамках принятия мер обеспечения производства по делу об административном правонарушении и при этом установлено, что лицу, совершившему административное правонарушение, к моменту вынесения судом решения уже не принадлежат или уничтожены, указанный вид наказания также не может быть применен судом [2].

Между порядком вступления в законную силу решения по делу о привлечении к административной ответственности и постановления по делу об административном правонарушении имеется существенное различие. Если решение арбитражного суда согласно ч. 4 ст. 206 АПК РФ вступает в законную силу по истечении 10 дней со дня его принятия (если не подана апелляционная жалоба), то постановление, в соответствии с ч. 1 ст. 30.3 и п. 1 ст. 31.1 КоАП РФ, - по истечении 10 суток со дня вручения или получения его копии (если постановление не было обжаловано). Представляется, что во втором случае порядок вступления судебного акта в силу более соответствует задаче гарантирования прав лицам,

привлекаемым к ответственности. Тем не менее, законодательно приоритет отдается правам, установленным АПК РФ, а гарантии прав лиц в данном случае содержит п. 13 Постановления Пленума ВАС РФ от 02.06.2004 № 10 (в ред. Постановления Пленума ВАС РФ от 10.12.2011 г. № 71), согласно которому при исчислении десятидневного срока, установленного для подачи апелляционной жалобы на решение суда по делу о привлечении к административной ответственности (ч. 4 ст. 206 АПК РФ), заявления об оспаривании решения административного органа о привлечении к административной ответственности (ч. 2 ст. 208 АПК РФ), а также апелляционной жалобы на решение суда по делу об оспаривании постановления административного органа о привлечении к административной ответственности (ч. 5 ст. 211 АПК РФ) необходимо руководствоваться нормой ч. 3 ст. 113 АПК РФ, согласно которой в сроки, исчисляемые днями, не включаются нерабочие дни.

Пропущенный по причине позднего получения обжалуемого решения срок подачи апелляционной жалобы может быть восстановлен судом на основании ходатайства обратившегося с жалобой лица в порядке, предусмотренном арбитражным процессуальным законодательством. Соответствующая апелляционная жалоба в силу ст. 264 АПК РФ не рассматривается и возвращается заявителю, если отсутствует ходатайство о восстановлении пропущенного срока. В целях исключения лишней волокиты по восстановлению пропущенного срока, что в свою очередь также требует и затраты времени и расходы на осуществление судебной деятельности, а также исключения противоречий положений норм АПК РФ и КоАП РФ, считаем целесообразным внести предложение о необходимости приведения в соответствие АПК РФ и КоАП РФ в указанной части, т.е. ч. 4 ст. 206 АПК РФ изложить в следующей редакции: «Решение по делу о привлечении к административной ответственности вступает в законную силу по истечении десяти суток со дня вручения или получения его копии, если не подана апелляционная жалоба».

В ч. 5 ст. 206 АПК РФ установлен трехдневный срок направления копии судебного акта участникам дела, который совпадает со сроком, установленным в ст. 29.11 КоАП РФ.

Еще одной особенностью деятельности арбитражного суда является то, что он может направить копию решения также в вышестоящий в порядке подчиненности административного органа по отношению к административному органу, подавшему заявление о привлечении к административной ответственности.

Решение по делу о привлечении к административной ответственности, если размер ад-

министративного штрафа за административное правонарушение не превышает для юридических лиц сто тысяч рублей, для индивидуальных предпринимателей - пять тысяч рублей, может быть обжаловано в арбитражный суд апелляционной инстанции. Такое решение, если оно было предметом рассмотрения в арбитражном суде апелляционной инстанции, и постановление арбитражного суда апелляционной инстанции, принятое по данному делу, могут быть обжалованы в арбитражный суд кассационной инстанции только по основаниям, предусмотренным ч. 4 ст. 228 АПК РФ. В других случаях решения по делам о привлечении к административной ответственности обжалуются в порядке, установленном ст. 181 АПК РФ. (ч. 4.1 ст. 206 АПК РФ) [3].

В случае отсутствия документа, свидетельствующего об уплате административного штрафа, по истечении 30 дней со дня вступления в законную силу решения суда либо со дня истечения срока отсрочки или срока рассрочки исполнения указанного решения, на основании ч. 4.2 ст. 206 АПК РФ исполнительный лист на основании судебного акта арбитражного суда по делу о привлечении к административной ответственности не выдается, принудительное исполнение производится непосредственно на основании этого судебного акта [4].

Постановлением Пленума ВАС РФ от 10.12.2011 г. № 71 были внесены дополнения в Постановление Пленума ВАС РФ от 02.06.2004 № 10, в частности, дополнены п.15.3-20.5, которые дают дополнительные разъяснения относительно процедуры исполнения решения арбитражного суда по делу о привлечении к административной ответственности.

Любое решение (судебный акт) по делу об административном правонарушении в отношении юридического лица или индивидуального предпринимателя, вынесенное арбитражным судом, может быть пересмотрено судами второй инстанции.

Решение арбитражного суда, вынесенное в порядке первой инстанции, может быть обжаловано в арбитражный апелляционный суд [5].

В кассационной инстанции пересматриваются уже вступившие в законную силу судебные акты арбитражных судов субъектов Российской Федерации и арбитражных апелляционных судов. Судами по проверке в кассационной инстанции законности вступивших в законную силу судебных актов являются федеральные арбитражные суды округов [6].

Вступившие в законную силу постановления по делу об административном правонарушении и решения по результатам рассмотрения жалоб могут быть пересмотрены в порядке надзора Высшим Арбитражным Судом РФ в соответствии с арбитражным процессуальным

законодательством (ч. 4 ст. 30.11 КоАП РФ). Вместе с тем, справедливо отмечает О.В. Коконова, что имеются противоречия между этой нормой КоАП РФ и арбитражным процессуальным законодательством. Во-первых, арбитражный суд выносит по результатам рассмотрения дела решение, а не постановление. Во-вторых, указанную норму КоАП РФ нельзя применить в том случае, когда дело об административном правонарушении не рассматривалось арбитражным судом и постановление вступило в законную силу, так как согласно ст. 292 АПК РФ предметом пересмотра в порядке надзора могут быть вступившие в законную силу судебные акты арбитражных судов в Российской Федерации [7].

Процедура пересмотра решений в судах второй инстанции регламентируется главами 34-36 АПК РФ [8].

В целом стоит констатировать тот факт, что в 2011 г. было обжаловано 17 дел о привлечении к административной ответственности за незаконное использование товарного знака, из них в Тринадцатый арбитражный суд - 9, в ФАС Северо-Западного округа - 8 административных дел [9].

Аналогично обстояло дело и за девять месяцев 2012 г. Из общего числа рассмотренных административных дел о незаконном использовании товарного знака в среднем было обжаловано 8-9 судебных решений [10].

Таким образом, следует подвести краткий вывод о том, что основными видами судебных решений по делам об административных правонарушениях и, в частности, по делам о незаконном использовании товарного знака являются: 1) решение о привлечении к административной ответственности и 2) решение об отказе в удовлетворении требования административного органа о привлечении к административной ответственности. Данные судебные решения подлежат обжалованию и рассмотрению в порядке, регламентированном главами 34-36 АПК РФ.

1. Загайнова С.К. Теоретические проблемы характеристики судебных актов в гражданском и арбитражном процессах. Проблемные вопросы гражданского и арбитражного процессов / Под ред. Л.Ф. Лесницкой, М.А. Рожковой. М.: Статут, 2008. С. 39.

2. Панова И.В. Административное судопроизводство и процедура внесудебного и досудебного рассмотрения административных дел. М., 2007. С.127.

3. Пункт 15.2. Постановления Пленума ВАС РФ от 10.12.2011 г. № 71.

4. Часть 4.1 ст. 206 АПК РФ введена Федеральным законом от 27.07.2010 № 228-ФЗ.

5. Часть 4.2 ст. 206 АПК РФ введена Федеральным законом от 27.07.2010 № 228-ФЗ.

1. Zagaynova S.K. *Theoretical problems of the characteristic of judicial acts in civil and arbitration processes. Problem questions of civil and arbitration processes / Under the editorship of L.F. Leshnitskaya, M.A. Rozhkova.* M.: Statute, 2008. P. 39.

2. Panova I.V. *Administrative legal proceedings and procedure of extrajudicial and pre-judicial*

consideration of administrative affairs. M., 2007. P. 127.

3. Items 15.2. *Resolutions of Plenum VAS the Russian Federation of 10.12.2011 No 71.*

4. Part 4.1 of art. 206 agrarian and industrial complexes of the Russian Federation is entered by the Federal law of 27.07.2010 No 228-FL.

5. Part 4.2 of art. 206 agrarian and industrial complexes of the Russian Federation is entered by the Federal law of 27.07.2010 No 228-FL.

Алексеева Анна Павловна

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права
Волгоградской академии МВД России
(e-mail: alexeeva.va-mvd@yandex.ru)

«Стратегия развития физической культуры и спорта в Российской Федерации на период до 2020 года»: достоинства и недостатки

Статья посвящена анализу «Стратегии развития физической культуры и спорта в Российской Федерации на период до 2020 года», целесообразности и обоснованности ее положений. Поскольку данный документ охватывает своим действием все население страны, то ряд важных вопросов требует более детальной проработки.

Ключевые слова: стратегия, физическая культура, спорт, школа, дополнительные занятия.

A.P. Alexeeva, Candidate of law, assistant professor, assistant professor of the chair of criminal law of the Volgograd Academy of the Ministries of Internal Affairs of Russia; e-mail: alexeeva.va-mvd@yandex.ru

«Strategy of development of physical culture and sport in the Russian Federation for the period till 2020»: merits and demerits

The article is devoted to the analysis of the «Strategy of development of physical culture and sports in the Russian Federation for the period up to 2020», the viability and feasibility of its provisions. Since the document covers the entire population of the country, a number of important issues requires more detailed study.

Key words: strategy, physical culture, sports, school, extra classes.

Победа России в 2007 г. в конкурсе на право проведения Олимпиады-2014 в городе Сочи дала мощный импульс развитию всей физкультурно-спортивной отрасли страны. В 2008 г. началась разработка «Стратегии развития физической культуры и спорта в Российской Федерации на период до 2020 года» [1] (далее – Стратегия), которую в 2009 г. утвердило Правительство Российской Федерации. Указанный нормативно-правовой документ, безусловно, объединил усилия всех заинтересованных структур для решения глобальных проблем физкультуры и спорта в России, создал основу для дальнейшей деятельности в этом направлении и ее координации.

В Стратегии справедливо отмечается, что проделанная работа по популяризации физической активности среди граждан привела к положительному результату: улучшились основные показатели развития физической культуры и спорта, которые, впрочем, пока еще не в полной мере соответствуют общим позитивным социально-экономическим преобразованиям в стране.

Между тем, реализация положений Стратегии направлена на решение следующих острых проблем:

1) низкий уровень здоровья, физического развития и физической подготовленности населения;

2) отсутствие эффективной системы детско-юношеского спорта, отбора и подготовки спортивного резерва для спортивных сборных команд страны;

3) усиление глобальной конкуренции в спорте высших достижений;

4) значительное отставание от ведущих спортивных держав в развитии и внедрении инновационных спортивных технологий.

Большинство из перечисленных вопросов касается спорта высших достижений и профессионального спорта. Тогда как максимальный охват населения России имеет массовый спорт. Именно с помощью развития доступности спортивных и физкультурно-оздоровительных услуг можно улучшить здоровье населения страны, повысить его двигательную активность и физическую подготовленность. Для этого, по мнению авторов Стратегии, потребуется:

1) создание новой национальной системы физкультурно-спортивного воспитания населения;

2) разработка и реализация комплекса мер по пропаганде физической культуры и спорта как важнейшей составляющей здорового образа жизни;

3) модернизация системы физического воспитания различных категорий и групп населения, в том числе в образовательных учреждениях профессионального образования.

В результате к 2020 г. в России должно произойти:

1) увеличение доли граждан, систематически занимающихся физической культурой и спортом, до 40 %;

2) увеличение доли обучающихся и студентов, систематически занимающихся физической культурой и спортом, до 80 %;

3) достижение объема недельной двигательной активности населения до 6-12 часов при не менее чем трех-четыре разовых занятиях в зависимости от возрастных и других особенностей граждан;

4) повышение уровня обеспеченности населения спортивными сооружениями исходя из единовременной пропускной способности до 48 %.

Привлекать граждан к физическим занятиям планируется с помощью пропаганды здорового образа жизни, основными направлениями которой являются:

1) поддержка проектов по развитию физической культуры и спорта в средствах массовой информации;

2) расширение аудиторий и повышение качества пропагандистской работы по физической культуре и спорту, здорового образа жизни ведущих телевизионных каналов;

3) формирование государственного заказа на создание и распространение кинематографической, печатной и наглядной продукции, телерадиопрограмм и Интернет-ресурсов в области здорового образа жизни, физической культуры и спорта;

4) пропаганда нравственных ценностей физической культуры и спорта, идей Олимпизма;

5) разработка и реализация всероссийских информационно-пропагандистских кампаний;

6) оказание информационной поддержки населению в организации занятий физической культурой и спортом;

7) разработка системы мер по популяризации здорового образа жизни, физической культуры и спорта в образовательных учреждениях, по месту работы, жительства и отдыха населения, проведение всероссийских международных спортивных форумов.

Однако если взрослому населению авторы Стратегии еще оставляют самостоятельный

выбор варианта поведения, то для учащихся и студентов такой альтернативы на сегодняшний день уже нет. В соответствии с поручением Президента России и приказом Минобрнауки с 1 сентября 2011 г. в учебных заведениях страны в расписание введен третий обязательный урок физической культуры [2]. С помощью такой меры рассчитывается снизить уровень гиподинамии учащихся. Но на практике данная новелла не принесла пока желаемого результата в силу следующих причин.

1) Введение дополнительного урока по физкультуре не повлекло за собой изменение программы и методики его преподавания. В школах продолжают требовать от детей сдачи нормативов в беге, прыжках, подтягивании и т.д. Ученики вместо активного движения вынуждены пассивно наблюдать за тем, как учитель фиксирует результаты выполняемых физических упражнений каждым из их сверстников. А многие пытаются найти любой предлог, чтобы вообще не посещать эти скучные и неинтересные занятия. Для того чтобы урок по физкультуре достиг своей цели, нужно предоставить детям возможность выбора вариантов его проведения. В школах необходимо создать систему секций, в которые дети могли бы записаться в соответствии со своими предпочтениями. Совершенно очевидно, что большинство девочек изъявили бы желание заниматься фитнесом, а мальчики, как правило, выбирают подвижные игры (футбол, волейбол и т.д.).

2) Большинство чиновников сферы образования поддерживают идею создания и развития сети физкультурно-спортивных секций в школах, однако предлагают посещать их детям во внеурочное время. Хотя после занятий учащиеся вынуждены заниматься не физкультурой, а самоподготовкой, выполнением домашних заданий по учебным предметам. Объем информации, предусмотренной школьной программой, год от года только возрастает. И если 15-20 лет назад можно было надеяться, что после школы дети будут посещать дополнительные занятия, то теперь справиться со всеми требованиями обязательных дисциплин им так крайне сложно. Поэтому предложение об изменении методики преподавания физкультуры, включенной в расписание обязательных занятий, приобретает повышенную актуальность.

3) Расписание занятий любого учебного заведения имеет ограниченные размеры. Инициатива введения дополнительного урока по какому-либо предмету означает уменьшение часов на другие, не менее важные дисциплины. Так, введение дополнительного урока по физкультуре привело к сокращению часов изучения литературы и русского языка в школе. Притом что Единый государственный экза-

мен (ЕГЭ) по русскому языку является обязательным, его положительный результат требуется при поступлении в аккредитованные вузы и ссузы, а получение неудовлетворительной оценки влечет за собой отказ в получении аттестата о среднем образовании. ЕГЭ по физкультуре пока в школьной программе отсутствует.

Считаем такое перераспределение учебного времени не совсем целесообразным. Хотя ситуация в будущем может еще больше осложниться, поскольку планируется введение еще одного предмета – начальной военной подготовки. По мнению авторов этой идеи, с помощью данной дисциплины школьники смогут «получить навыки, необходимые им для прохождения военной службы и быстрой адаптации в армейских условиях, сформировать патриотическое мировоззрение и подлинную гражданственность» [3]. В программу должны войти теоретические занятия по военному делу и практическая отработка действий на специальных сборах, максимально приближенных к армейской обстановке. Школьники получают развернутую информацию о современных видах вооружения, методах ведения боевых действий в XXI в. Вопрос только в том, какой из существующих предметов заменит эта дисциплина, как это скажется на сдаче школьниками ЕГЭ и нужны ли подобные знания девочкам. Если для мальчиков такой урок еще может представлять определенный интерес в свете обязанности прохождения военной службы по призыву, то для девочек, по нашему мнению, требуется тогда введение альтернативного предмета, учитывающего их интересы. Хотя целесообразность введения подобных изменений в принципе вызывает у нас серьезные сомнения.

Таким образом, развитие физической культуры и спорта, несомненно, является одним из приоритетных направлений социальной политики России. Однако важно учитывать, какими средствами достигается эта благая цель. Не нанесут ли внедряемые коррективы ущерба другим сферам жизни и деятельности жителей нашей страны.

Реализация Стратегии, безусловно, позволит привлечь к систематическим занятиям физической культурой и спортом большинство населения страны, что, в конечном счете, положительно скажется на улучшении качества жизни граждан. Однако стоит ли это делать принудительно или может попытаться все же убедить людей сделать осознанный выбор в сторону здорового образа жизни. Полагаем, что принципам правового государства, кото-

рым, согласно действующей Конституции Российской Федерации, является наша страна, соответствует все же свободное волеизъявление каждого человека. Роль же государства в этом процессе – обеспечить возможность выбора социально одобряемых форм поведения и поддержать человека в его начинаниях.

Исследование проводилось на средства государственного научного гранта Волгоградской области № 164-юр от 15 ноября 2011 г.

1. *Об утверждении Стратегии развития физической культуры и спорта в Российской Федерации на период до 2020 года: распоряжение Правительства Российской Федерации № 1101-р от 07 августа 2009 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 2009. № 33. Ст. 4110.*

2. *Совместное заседание Совета по развитию физической культуры и спорта и Фонда поддержки олимпийцев России [Электронный ресурс] // Президент РФ: сайт. URL: <http://президент.рф/news/11743> (дата обращения: 16.06.2012).*

3. *Журавлев А. Зачем школьникам начальная военная подготовка [Электронный ресурс] // Добровольческое движение общероссийского народного фронта в поддержку армии, флота и оборонно-промышленного комплекса: сайт. URL: <http://dobrovol.info/novosti/197-zachem-shkolnikam-nvp> (дата обращения: 18.06.2012).*

1. *About the adoption of Strategy of development of physical culture and sport in the Russian Federation for the period till 2020: the order of the Government of the Russian Federation of No. of 1101-R from August 07, 2009 // Collection of the legislation of Russian Federation. 2009. No 33. Art. 4110.*

2. *Joint meeting of Council for development of physical culture and sport and Fund of support of Olympians of Russia [Electronic resource] // President of the Russian Federation: site. URL: <http://президент.рф/news/11743> (address date: 16.06.2012).*

3. *Zhuravlyov A. Why to school students initial military preparation [Electronic resource] // Voluntary movement of the All-Russian popular front in support of army, fleet and defense industry complex: site. URL: <http://dobrovol.info/novosti/197-zachem-shkolnikam-nvp> (address date: 18.06.2012).*

Данилова Марина Ивановна
 доктор философских наук, профессор,
 заведующая кафедрой философии
 Кубанского государственного аграрного университета
 (тел.: 88612593740)

Образование в глобальном мире

В статье автор анализирует уровень образования граждан, который стал ключевым фактором, определяющим возможности страны в рамках глобальной конкуренции. Он подчеркивает, что самореализация личности является целью новой парадигмы образования.

Ключевые слова: глобальная конкуренция, личностно-ориентированное образование, когнитивное общество, самореализация личности.

M.I. Danilova, Doctor of philosophical sciences, professor, head of the chair of of the Kuban State agrarian University; tel.: 88612593740.

Education in the global world

In article the author analyzes an education level of citizens which became the key factor defining possibilities of the country within the global competition. He emphasizes that self-realization of the personality is the purpose of a new paradigm of education.

Key words: the global competition, the personal focused education, cognitive society, personality self-realization.

Глобальная конкуренция стала реальностью наших дней. Какие страны побеждают в этом процессе и какова стратегия их развития в современных условиях? Ситуация обостряется и усложняется тем, что венчурная (рисковая) экономика стала органической и даже сущностной частью инновационной (креативной) экономики.

Финансовый кризис, разразившийся в мировом масштабе, подтверждает выше сказанное. Неолиберальные теории 50-60 гг. отождествляли развитие с ростом. Экономический рост соотносили с показателем прогресса. Предполагалось, что политика роста должна привести к обществу повышенного благосостояния. Результаты оказались противоположными ожидавшимся: богатые становились богаче, а бедные беднее. Объем мирового потребления вырос на протяжении XX в. в 16 раз. В конце столетия на долю богатейшей части мирового населения приходилось 86 % всей суммы потребительских расходов, а на долю беднейшей пятой части – только 1,3 % [1, с. 209].

По мнению Э. Валленстайна [2, с. 116], в 1967-1973 гг. наступил конец «славного тридцатилетия» (роста мировой экономики после войны), он характеризуется стагнацией и регрессом мировой экономики (наступлением фазы «Б» кондратьевского цикла), а также мировой революцией 1968 г. Причем фаза «Б» является следствием успешной фазы «А». Торговля стала столь выгодной, что в мире стали бороться за рынки сбыта, что характеризовало классический случай перепроизводства. Норма прибыли во всем мире сокращает-

ся, сокращается и занятость. Сильные державы стремились свести к минимуму потери из-за общего спада, «экспортируя» проблемы (сокращение производства, безработица) в другие страны. Происходил перевод производственных предприятий из стран центра (где стоимость производства высока) в страны полупериферии (где производственные затраты ниже, при том, что операционные – выше). Стремление не слишком опускать планку текущих расходов привело к росту задолженности (а затем создало проблему возвращения долгов). Долговые мини-кризисы в 70-е гг. касались социалистических стран и стран третьего мира, в 80-х гг. США и транснациональных корпораций; в 90-е - настала очередь потребителей (особенно в Северной Америке). В любом случае, пишет в 1983 г. Э. Валленстайн, достаточно десяти лет, чтобы разразился долговой кризис. И это случилось, но несколько позже [там же, с. 117].

Проблема усугубляется процессами, которые происходят параллельно и называются глобализационными. И хотя спор между глобалистами и антиглобалистами не утихает, никто из них не будет спорить с тем, что можно выявить систему идей, отражающую интенсивные, охватывающие весь мир социальные отношения, связывающие страны и регионы. События, происходящие в одной из стран, определяют события, имеющие место в географически далеких от них местностях, и наоборот.

Экономическая сила, которая в свое время содействовала суверенитету отдельных госу-

дарств, сегодня действует в противоположном направлении, создает угрозу их независимости. Национальные границы становятся все более прозрачными и все менее значимыми с экономической точки зрения, это создает новую политическую угрозу для развития национального государства и для утверждения национальной демократии.

Вместе с исчезновением национальной идеи, как очевидной, наглядной и доступной пониманию идеологической основы в Западной Европе, в центр внимания ставится индивид, его личный потенциал и его собственный интерес.

Если в европейском национализме XIX в. либеральная и этническая концепции развивались независимо друг от друга, то в странах «третьего мира» и бывшего Советского Союза эти концепции конвергировались [3]. Здесь скрыты дополнительные проблемы и трудности в реформировании нашей страны, в том числе в системе образования.

Не только Европа, но и Япония в изменившихся условиях техногенной цивилизации создала специальную программу перехода общества из «царства групп» в «царство личностей». По мнению авторов программы, в стране необходимо создать условия, которые не позволили бы традициям и обычаям подавлять новые идеи. Личная ответственность должна лежать в основе всех преобразований: из страны управляемой по вертикали Япония должна превратиться в страну горизонтальных взаимосвязей. Авторам отечественных реформ следует изучить опыт наших восточных соседей по воспитанию активных ответственных и предприимчивых членов общества. В отличие от Американского индивидуализма в Японии сложилась «уникальная система межличностных связей». Речь идет о «взаимопроникновении индивидуального и общественного при невозможности отдельного их существования». Чтобы человек не изолировался в плюралистическом обществе, «нужно между единичными людьми и обществом создать различного рода малые группы». Это так называемый «новый индивидуализм», «мягкий индивидуализм», где «подлинная личность» рождается и сохраняется в малых группах создаваемых обществом, не желающим всепоглощающего господства.

Приоритеты в развитии мирового экономического сообщества сегодня таковы, что уровень могущества каждой страны определяются не только обеспеченностью основными видами стратегических материальных ресурсов, но напрямую зависят от достижений государства в области инноваций, его научно-технического потенциала, способности создавать и эффективно использовать новые знания, выступаю-

щие необходимым условием успешной конкуренции и экономического роста.

При этом следует указать на немаловажное, и даже в какой-то степени определяющее значение психологических аспектов инновационной деятельности, играющих решающую роль в преодолении инертности участников процесса. Возникает объективная необходимость изменить отношение людей к новой реальности, психологию восприятия ими нововведений, развить творческий потенциал и побудить их к активным преобразованиям.

Право каждого иметь свои собственные цели и задачи все чаще воспринимается как принцип, формирующий образовательную политику. Во все возрастающей мере индивид становится той силой, которая явственно заявляет обществу о своем существовании. Растущий интерес к проблемам развития человека, наблюдаемый на протяжении последних 25-30 лет, обусловил определенную переориентацию образовательных программ, предпринимаемых государствами. Именно человек, отдельная личность, а не церковь, государство, нация или класс, образуют фокус недавнее возникшей концепции, именуемой «индивидуализация». Ее идеологическая противоположность – концепция глобализации [4, с. 40].

Личностное развитие, рост и личностно ориентированное просвещение – это ключевые понятия новой концепции просвещения и в парадигме общего образования, которая возникает в канун нового тысячелетия. Нельзя изменить общество, не изменив предварительно сознание людей.

Есть немалая группа людей, которая не может приспособиться к правилам игры общества личной инициативы. Активности и предпринимательству следует обучать. Стремление справиться со стоящими задачами, направить усилия в сторону органической модернизации, приводит к мысли о перестройке сознания, которое следует осуществлять через реформу системы образования в России. При этом следует учитывать этнические, социокультурные, национальные и региональные особенности трансформаций в обществе.

Материальное благополучие и хорошая работа во многом зависят от активной деятельности жизни и предприимчивости. Психотерапевт В. Завьялов профессор Новосибирского мединститута считает, что часто «бедный» — это тот, кто отказывается управлять тем, что имеет. Такой человек отказывается от осознания уникальности своей личности, от творчества, от активности, от своих прав и свобод, позволяет себе быть слабым, несчастным и, как следствие, становится управляемым. Но за этим стоит сознательный выбор. Это, могли бы добавить мы — холистический подход к миру:

когда индивид подчиняется целому, когда его потребность в эмансипации ощущается менее заметно, чем потребность в регламентации, стандартизации поведения и единении. Такой человек не может выстроить свое экономическое поведение. Он часто не работает, не умеет строить деловые отношения, вступать в переговоры.

Другой подход - это брать на себя ответственность за выбор активной жизненной позиции и добиваться перемен к лучшему. Это тем более важно в период третьей промышленной революции, которую мы переживаем. Она основывается на успехах в коммуникациях и информационных процессах, на быстрых переменнах в образе жизни отдельного поколения. «Сжатие исторического времени» требует от человека все больших усилий для доказательства собственной значимости не столько другим, сколько самому себе. Сейчас происходит крах «цивилизации присваивающей», и ее ценностей. Богатство уже не является главной ценностью. Более важно иметь возможность реализовать себя, чем просто иметь.

Ответственность «сверху вниз» ничего, кроме безответственности, не порождает. Находящийся «внизу», исполняя не свою волю, будет всячески уклоняться от принятия самостоятельных решений. Когда ответственность разделяют многие, она теряет определенность.

Доктрина современного российского образования достаточно быстро меняется: в процессе воспитания и образования мы должны культивировать творчество и оригинальность, поощрять инициативу и поиск, уметь развернуть полемику, показав возможные точки зрения, различные позиции, альтернативы, а право выбора оставить за студентом, оценивать знания, а не убеждения. То есть отказаться от авторитарного стиля преподавания. Научить находить разумные компромиссы даже, казалось бы, в безвыходных ситуациях.

Организация теоретических знаний является первостепенной для нововведений, а интеллектуальные институты становятся центральными в социальной структуре. Кроме того, ускоряется процесс старения знаний. В течение XX столетия объем научной информации увеличился в 10 раз. Темпы старения знаний неодинаковы в различных отраслях знания: от 5-7 лет в наиболее быстро развивающихся научных направлениях, до 10-12 во многих областях науки и техники и до 15 лет в некоторых научно-прикладных отраслях знания и инженерно-технических специальностях.

Именно уровень интеллектуального развития молодежи является фактором, обеспечивающим прорыв в научных и иных областях жизни, экономической и национальной без-

опасности. «Особенностью современного этапа развития образования в мире является ведущая роль умственной деятельности, переход к когнитивному обществу», указывает доклад комиссии ЮНЕСКО «Образование: сокровище». Образование стало основным фактором, определяющим повышение профессиональной квалификации человека на всем протяжении его жизни. Кроме того, оно стало основным фактором, определяющим конкурентную способность фирм и предприятий на мировом рынке продукции. Жизнеспособная компания – это компания, где учеба стала постоянным процессом. Стать первым среди других в такой учебе – цель бизнеса и конкуренция здесь, как способ достижения этой цели. Причем, превзойти другого не столь важно, сколь важно превзойти себя вчерашнего, а завтра себя сегодняшнего. Н. Бердяев указывает на неадаптивный характер творчества, он пишет, что любовь к творчеству есть нелюбовь к «миру», невозможность оставаться в границах этого мира. В творчестве необходимы активное начало, борьба, преодоление.

Становится актуальным лозунг гуманистов Возрождения: «Нет ничего похвальней, чем посредством учености (знаниями индивидуально достигнутыми) подняться на ступень над другими и столь почтенными трудами возвысится над самим собой». Уровень образования граждан стал ключевым фактором, определяющим возможности страны в рамках глобальной конкуренции. А самореализация личности является целью новой парадигмы образования. В этой ситуации важно сохранить творческое начало, как ныне принято выражаться – креативность.

Креативностью называется способность человека к нестандартному, оригинальному мышлению и поведению. При этом необходимо отметить созидательный, конструктивный характер такого мышления и поведения. Креативность проявляется многообразно: это оригинальность и быстрота мышления, способность находить неожиданные решения, казалось бы, в безвыходной ситуации, богатое воображение, чувство юмора, создание новых оригинальных продуктов (физических и интеллектуальных). Эти способности в себе надо развивать. Возрастает ответственность человека за выбор активной жизненной позиции, а также настроенность его на обучение в течение всей своей жизни. Чрезвычайно высоки требования к психическим, волевым и этическим возможностям человека.

Почти каждый молодой человек хочет иметь хорошее образование, престижную работу, крепкую семью и стабильную страну. Успешные люди делают себя сами, за этим стоит большой труд и целеустремленность. Анкет-

ный опрос, проведенный в студенческой и аспирантской среде Кубанского государственного аграрного университета, выявил чаяния и болевые точки современного образования и тенденции его преобразования при переходе на двухуровневую систему.

В основу учебного процесса должно быть положено овладение способами приобретения знаний и умений, а не просто их усвоение. Необходимо сочетание репродуктивного (60-70 % учебного времени) и развивающего обучения, в частности – выполнение проектов (30-40 % учебного времени). Здесь в силу вступает развитие творческих способностей, а именно деятельности порождающей нечто качественно новое и отличающееся неповторимостью, оригинальностью и общественно-исторической уникальностью. Подлинная цель образования – дать возможность раскрыть свои возможности, познать себя.

Умение удивляться и познавать, умение находить решение в нестандартных ситуациях, нацеленность на открытие нового и способность к глубокому осознанию своего опыта отличает творческую натуру. Творчество можно определить как успешный полет мысли за пределы известного. Оно дополняет знания, способствуя созданию вещей, которые не были известны ранее. Решающие моменты творческой деятельности связаны с особым напряжением и подъемом сил и способностей человека, «неотступным думанием» (И.П. Павлов). Для творчества необходимы широкие наблюдения по интересующему кругу явлений, глубокий их анализ, знание и критическое рассмотрение того, что уже сделано другими по данному вопросу.

Мало обладать творческими способностями, важно уметь их проявить, «ибо всякому имеющему дается и приумножается, а у не имеющего отнимается и то, что имеет». Таланты должны быть востребованы и использованы, возвращены с прибылью, они должны работать не столько на себя, сколько на людей, обеспечивать взаимные результаты труда. Талант часто не раскрывается из-за страха, робости, отсутствия свободы. Неиспользованный талант обедняет не только его владельца, но и всех окружающих, делает жизнь безрадостной и мало интересной.

В этой связи приобретают важную значимость новые способы управления интеллектуально-человеческим потенциалом, его стимулирование и активизация, способность эффективно отвечать на вызовы современности, работать в постоянно меняющихся условиях. Люди, активно отвечающие на вызовы рынка и кризисные ситуации соответствующими знаниями и умениями, гарантируют себе обеспеченность работой на долгие годы.

Деловая и образовательная среда начинает действовать по принципу мирового научного сообщества, в рамках которого «национальные отделения» науки выступают частями единой глобальной научной «сети». Именно это обстоятельство позволяет добывать достоверные знания и обеспечивать конкуренцию научных идей. Когда каждый ученый заинтересован в высоком качестве собственной идеи, и в жестком тестировании идей всех своих конкурентов, а результатом такой заинтересованности является достижение общего компромисса в отношении действительно самой достойной идеи. Современная наука есть реально действующая модель сочетания конкуренции и кооперации [5, с. 34-35].

Феномен современной науки заключается в превращении созидательной мощи интеллектуального творчества, лишённого предрассудков на пути добывания истины, в общественную идеологию. А сами ученые – тот интеллектуальный слой общества, который благодаря принадлежности всему обществу, а не какой-то социальной группе, способен объединить частичные знания (и частичные истины) разных социальных групп, «видеть» все знание, быть способными постигать истину (Т. Веблен). Ученый – это человек, увлеченный наукой. Догадка, вдохновение, страсть, риск, одаренность и труд, представленные в личности одновременно, дают феномен ученого. Причем быть превзойденным в научном отношении – это судьба ученого и цель одновременно. Ученый не может работать, не питая надежды на то, что другие пойдут дальше него. Прогресс науки уходит в бесконечность [6, с. 131-133]. Фигура ученого видится неким общественным идеалом в современных постоянно меняющихся социально-экономических условиях информационного общества. А поскольку наука сосредоточена в университетах и вузах ее образовательный потенциал трудно переоценить.

Поэтому выигрывают в результате те страны, кто больше всего вкладывает в систему образования и науки. Дж. Несбитт определяет нынешнее время как время великого брожения, полное благоприятных возможностей. И если мы сумеем сделать неопределенность нашим союзником, то сможем преуспеть больше, чем в стабильные эпохи.

1. Вебер А. *Две модели мирового развития и новые протестные движения // Альтер глобализм. Теория и практика «антиглобалистского» движения. М. Изд. УРСС, 2003.*

2. Валленстайн Э. *Исторический капитализм // Альтер глобализм. Теория и практика «антиглобалистского» движения. М.: Изд. УРСС, 2003.*

3. Этнонационализм. Сводный реферат // *Россия и ее соседи*. М., 1998.

4. Ове Корсгард. *Борьба за просвещение*. СПб. – Москва. ООО «ФАНТЕРА», 2000.

5. Пирер Х. *Управление глобализационной компанией, или менеджмент в информационную эпоху* // *Организационно-управленческие системы информационного общества*. М.: Изд. ИНИОН РАН, 2003.

6. Вебер М. *Наука как призвание и профессия* // *Самосознание европейской культуры XX века*. М.: Изд. политич. лит-ры, 1991.

---

1. Weber A. *Two models of world development and new protest movements* // *Alter globalism. Theory and practice of "antiglobalistic" movement*. М.: Izd. URSS, 2003.

2. Vallenstayn E. *Historical capitalism* // *Alter globalism. Theory and practice of "antiglobalistic" movement*. М.: Izd. URSS, 2003.

3. *Ethnonationalism. Summary paper* // *Russia and its neighbors*. М., 1998.

4. Ove Korsgard. *Fight for education*. SPb.-M. ООО «FANTERA», 2000.

5. Pirer H. *Management of the globalization company, or management during information era* // *Organizational and administrative systems of information society*. М.: Izd. INION of the Russian Academy of sciences, 2003.

6. Weber M. *Science as calling and profession* // *Consciousness of the European culture of the XX century*. М.: Izd. polit. lit., 1991.

Урютова Юлия Анатольевна

соискатель кафедры философии

Кубанского государственного аграрного университета

(тел.: 89622683415)

Риски информационной эпохи и проблема сохранения национально-культурной идентичности

В статье рассматриваются общественные явления, происходящие в процессе развития нового информационного общества. Анализируются риски информационной эпохи и проблемы сохранения национально-культурной идентичности в киберпространстве.

Ключевые слова: информационная эпоха, информатизация, риски, культура, идентичность, сетевое сообщество.

Ju.A. Uryutova, post-graduate of the chair of philosophy of the Kuban State agrarian University; tel.: 89622683415.

Risks of the information era and the problem of preserving national and cultural identity

The article deals with social phenomena that occur during development of the new information society. Analyzed the risks of the information age and the problems of preserving national and cultural identity in cyberspace.

Key words: information age, informatization, risks, culture, identity, net-community.

Новая информационная эпоха отражает перспективы нового этапа развития цивилизации. Для него характерно появление и развитие новых информационных технологий, медийных средств, а также формирование новых потребностей и соответствующего им образа жизни. Сейчас информация становится одной из главных ценностей в жизни современного общества.

Для теории информации информация – это «мера устранения неопределенности знания у получателя сообщения о состоянии объекта или о каком-либо событии» [1]. Бесспорно, информационные технологии способны обеспечить общество своевременными и надежными знаниями во всех сферах человеческой деятельности. В информационном обществе приоритет приобретает направленность на управление не материальными объектами, а символами, идеями, образами, интеллектом, а также на занятость производством, хранением и реализацией информации, особенно ее высшей формы – знаний.

Информационная онтология определяет, что реальность тождественна информации. Информатизация охватила государственные и коммерческие структуры, производство и сферу услуг, а также социальные идеалы и культурные ценности [2].

Информатизация общества переплетается с концептом глобалистики. Глобализация – это результат важных процессов обмена информацией со всем миром. Одной из главных проблем формирования информационного общества является преодоление возникающих противоречий: между мировой глобализацией и различными уровнями идентичности конкретного общества; между обезличивающим технологизмом киберпространства и присутствием в нем тех национальных и культурных групп, которые пытаются сохранить свое своеобразие [3].

В научных исследованиях глобализация определяется сегодня как изменяющееся равновесие сил в современном обществе, которое способно уменьшить значение традиционных политических, социокультурных факторов. Так, Н. Луман справедливо полагает, что нам в связи с появлением глобальной мировой системы придется изменять традиционное политическое значение понятия "общество". Согласно его позиции, «...современное общество в настоящее время находится в фазе "турбулентной эволюции" без предсказуемых результатов. Есть опасность, что общество примет "метакод" включения/исключения, когда некоторые люди будут личностями, а другие только индивидами...» [4]. Технический прогресс вступает в противоречие с растущей потребно-

стью в независимости и культурной идентичности, связанной с понятием традиции как результатом непрерывных трансформаций, объединяющих настоящее и прошлое. «Традиция тесно связана с памятью, она содержит элемент ритуала; она имеет дело с тем, что можно назвать формульным понятием истины; она имеет своих хранителей; она обладает ... обязывающей моральной и эмоциональной силой», - пишет А. Гидденс [2].

Культура и идентичность – это две базовые позиции, когда речь заходит об информационном обществе и обществе знаний (конечной стадии формирования информационного общества). Возникают они тогда, когда речь идет о взаимосвязи и взаимовлиянии между технологией, обществом и культурой в целом. Огромный информационный поток – может оказывать как позитивное, так и негативное влияние на общество и его культуру. Становится актуальным исследование рисков информационного общества. Это и замена духовной культуры на одномерные, узкоспециализированные знания, и опасные тенденции изменения досуга в сторону ориентации на низкопробные развлечения, вытеснение реального живого общения виртуальным, формализация человеческого мышления и т.д. Кроме того, стоит отметить также и опасность разрыва между «информационной элитой» и простыми потребителями.

Информационная эпоха формирует культуру в двух направлениях. Первое направлено на разрушение идентичности на всех ее уровнях: размывание национальных границ культуры, границ между такими формами культуры, как наука, искусство, образование, преодоление языковых барьеров, и т.д.

Для второго характерно то, что любому человеку предоставлена возможность не только пассивно воспринимать содержание культуры, но и влиять на мир культуры. К примеру, с появлением Интернет подрываются основы однородного начала в культуре, возникает возможность для активного диалога.

Таким образом, информационное общество провозглашает появление культуры всеобъемлющего диалога, в которой каждому из участников важно осознавать как никогда свою принадлежность (культурную, национальную, политическую, гражданскую).

Информационная эпоха формирует ориентацию культуры на глобальное творчество и индивидуальный вклад каждого. Таким образом, расширив степень свободы, информационное общество должно решать помимо проблем правовой, моральной ответственности личности, также проблему новой культуры. Интегрировав конкретное общество в целостность мирового сообщества и мировой культу-

ры, информационная эпоха оставляет это общество наедине с собой и проблемой сохранения своего национально-культурного своеобразия.

И отсюда возникает закономерный вопрос: как же быть с тем культурным архетипом, который всегда был основным ядром национального и культурного своеобразия общества, который присутствовал в нем на протяжении веков его существования? Исследователи полагают, что учитывая интенсивность информационного потока, возникает проблема выбора информации для целей, определяемых факторами традиционной культуры, которая является важным элементом национальной идентичности для любого общества.

Изменения социокультурного пространства способствуют разрастанию кризиса идентичности молодежи, которая стала утрачивать целостность и устойчивость, становясь более изменчивой и дезинтегрированной, активнее проявляя склонность к отрицанию прежних коллективных идентичностей в пользу новых индивидуальных ценностей [5].

Такие «социальные» объединения формируются по мере того, как возникают точки пересечения индивидов, имеющих общие интересы (дискуссии, конференции и пр.) или проявляющих интерес к определенной теме и т.д. На этой базовой основе выстраиваются дальнейшие «зоны взаимного интереса», способствующие взаимопониманию и готовности принять иные ценности. Так, в Интернет-среде создается уникальная ситуация, формирующая определенные субкультуры, в которых «утрачивают свое значение многие социальные стереотипы, предрассудки и статусно-ролевые условности, играющие роль коммуникативных преград в реальной жизни, поскольку пользователь Интернета не может видеть собеседника в киберпространстве – знать его пол, возраст, национальное и расовое происхождение, его профессию, внешность, уровень дохода. Сетевая идентичность может быть отнесена к культурологическим категориям, определяющим степень отождествления себя с «людьми сети», имеющими достаточно высокий уровень владения компьютерной техникой и технологиями, стилевыми и языковыми особенностями коммуникации. При этом Интернет-среда – это пространство сетевой культуры, где реализуют себя виртуальные сообщества – не может рассматриваться как территория «всеобщего равенства» и безграничных возможностей. Порождение необычных эффектов, таких как изменение ценностно-смысловых оснований и ментально-поведенческих моделей у отдельных индивидов и групп, образующих субкультуры, связано с попытками перенесения в сеть закономерностей реального мира, что влечет за собой формирование «сетевой идентично-

сти». Этим понятием характеризуется составная часть социокультурной идентичности личности, которая относится к осознанию своей принадлежности к определенной (не всегда фиксируемой в реальном социуме) общности, осуществляющей деятельность (в основном, потребление и передача знаний и информации) в информационно-коммуникативных средах, прежде всего – в компьютерном виртуальном пространстве Интернета.

«Сетевая» идентичность, как усложненная, открытая идентичность (в этом и заключается парадокс новых моделей идентичности в информационном обществе), позволяет человеку, не отказываясь от своей родной культуры и языка, при входе в сеть «представляться» по особому и реализовать себя, сообразно принципам и нормам, которые являются общепринятыми в виртуальном пространстве. Сетевая идентичность, более чем другая, предполагает проявление в человеке игрового начала. Причем, от степени его проявления зависит, насколько «расщепление» личности будет естественно или противоречиво, даже конфликтно для каждого человека, и общества в целом. Таким образом, сетевая культура формирует особый тип личности, становление и развитие которой во многом определяется системой сетевых взаимодействий.

Понятие «игровой» идентичности, которое появилось в связи с особыми приемами самопрезентации в Интернете менее объемно по смысловому наполнению, чем сетевая идентичность, ибо основано на других признаках. «Игровая» идентичность в сетевом пространстве предполагает вхождение в сеть в «маске» и создание соответствующего образа или даже мифа о самом себе, т.е. выступает формой самоидентификации, складывающейся из набора желаемых преставлений о себе. Более всего склонны к такого рода «мистификациям» подростки, для которых уход в виртуальный мир чаще всего связан с проблемами в реальной жизни. Создание виртуальной личности, физическое тело которой остается в реальном мире, а некая духовная субстанция реализует себя в информационно-коммуникативной среде Интернета – это своего рода попытка компенсировать социокультурные неудачи. Для подростков с еще несложившейся психикой создание виртуальных двойников и частая «смена» ролей еще больше могут усилить потерю интереса к реальной жизни. Люди разных возрастов экспериментируют в сети, общаясь в воображаемой реальности, воспринимаемой за подлинную социокультурную реальность. Чем дольше длится их пребывание в виртуальном пространстве Интернета, тем ближе и понятнее становятся законы информационно-коммуникативной среды. Возможно, именно поэтому программисты всего мира

работают сегодня не столько над достижением большей реалистичности изображений, сколько над повышением «когерентности» среды, усилением эффекта присутствия в другой реальности. При этом в сетях формируется культура нового типа – «культура глобального диалога», которая не имеет стержневых организационных структур. «Если на секунду, – пишет И.А. Третьяков, представить себе весь этот глобальный «хор» Интернета, то картина будет безрадостной. Это или вавилонского масштаба склад, но склад, по которому основательно прошелся цунами, или, что вернее, всемирная помойка культуры, где всевозможные культурные объекты свалены в единую кучу, не образуя при этом, что самое главное, никакой умопостигаемой на настоящий момент системы» [7].

Дело в том, что лежащий в основе функционирования Интернета принцип сетевой самоорганизации отличается от привычных «системных» закономерностей, от известных структурных принципов центра и периферии, «ядерных» схем и т.д., поэтому современное компьютерное поколение открывает для себя эту новую территорию и полагает, что открывает для себя весь мир новой культуры.

Новая информационная эпоха породила ситуацию, при которой господствующие в информационно-коммуникативном пространстве ценности и смыслы могут рождать угрозу другим идентичностям. Особо актуальной становится задача: соединить ценности информационного общества и национально-культурное своеобразие. Она решается, если будут созданы механизмы, способные адаптировать средства Глобальной сети для сохранения национального своеобразия. Национально-культурная идентичность, которая формируется через систему образования, через обращение к прошлому для создания будущего, через сохранение в новых условиях своего культурного архетипа может получить новые условия своего развития.

Особое значение для сохранения национально-культурной идентичности имеет система образования. На систему образования общество по-прежнему возлагает ответственность за становление личности. Хотя этот процесс длится всю жизнь и требует огромных усилий общества и максимального напряжения жизненных сил и способностей от каждого человека, он в большей мере связывается с созданием благоприятных условий и возможностей, позволяющих индивиду стать социально конкурентоспособной и мобильной личностью, со сложившимися ценностными ориентациями и духовным миром. Особые надежды общество возлагает на систему высшего образования, которая должна способствовать тому, чтобы люди, и особенно молодежь, смогли обрести

необходимую интеллектуальную и культурную компетентность, а также помогать новому поколению на начальном этапе жизненного пути, укрепить его возможности найти свое место в обществе. Возникновение новых образовательных структур в виртуальной среде в рамках дистанционного образования должно быть ориентировано на сохранение и воспроизводство особенностей национально-культурной идентичности.

1. Клевцова Е.В. *Диалектика ценностей и потребностей в информационном обществе: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://tsu.ru>*

2. Лукина Н.П. *Информационное общество: состояние и перспективы: социально-философского исследования: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://www.tsu.ru>*

3. Там же.

4. Луман Н. *Глобализация мирового сообщества: как следует системно понимать современное общество // Социология на пороге XXI века: новые направления исследований. - М.: Интеллект, 1998. – С. 96.*

5. Чупров В.И., Зубок Ю.А., Уильямс К. *Молодежь в обществе риска: 2-е изд. - М., 2003. - С. 200.*

6. Третьяков И.А. *«Цветущая сложность» глобального мира или свалка культуры? Ин-*

тернет в свете теории социокультурной стратификации // Культурологические записки. Вып. 8. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL:

<http://www.nbu.gov.ua/portal/natural/vkhnu/TkPO/776/Astafeva.pdf>

1. Klevtsova E.V. *Dialectics of values and needs for information society: URL: [Electronic resource]. – Access mode: <http://tsu.ru>*

2. Lukina N.P. *Information society: condition and perspective: social-philosophical research: [Electronic resource]. – Access mode: URL:<http://www.tsu.ru>*

3. *In the same place.*

4. Luman N. *Glob alization of the world community: properly systemically to understand modern society//Sociology on a threshold of the XXI century: new directions of researches. – M.: Intelligence, 1998. – P. 96.*

5. Tchuprov V.I., Zubok Yu.A., Williams K. *Youth in the society of risk: 2nd prod. – M., 2003. – P. 200.*

6. Tretjakov I.A. *"Blossoming complexity" global world or a culture dump? The Internet in the light of the theory of sociocultural stratification // Culturological notes. Is. 8. [Electronic resource]. – Access mode: URL: <http://www.nbu.gov.ua/portal/natural/vkhnu/TkPO/776/Astafeva.pdf>*

Чернышева Юлия Андреевна

преподаватель кафедры уголовного права и процесса
Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина
(тел.: 84746740175)

Уголовно-правовые вопросы распоряжения человека своим телом

В статье автор подчеркивает, что на сегодняшний день возникла необходимость более углубленного теоретического анализа, т.к. Уголовный кодекс РФ не предусматривает уголовной ответственности за некоторые деяния, связанные с нарушением телесной неприкосновенности личности.

Ключевые слова: «соматические права» человека и гражданина, биомедицинские технологии, уголовно-правовое регулирование, причинение вреда здоровью гражданина.

Ju.A.Tchernysheva, senior teacher of the chair of criminal law and process of the Yelets State University of I.A. Bunin; tel.: 84746740175.

Criminal and legal questions of the order of the person the body

In article the author emphasizes that today arose need of more profound theoretical analysis since the criminal code of Russian Federation doesn't provide criminal liability for some acts connected with violation of corporal integrity of human beings.

Key words: «the somatic rights» the person and the citizen, biomedical technologies, criminal and legal regulation, infliction of harm to health of the citizen.

В современной российской юридической науке [1, с. 37] обсуждается новая классификация прав индивида - личностные («соматические») права, в комплекс которых включены права на жизнь, смерть, изменение пола, гомосексуальные контакты, трансплантацию органов, употребление наркотиков или психотропных средств, на искусственное репродуцирование, стерилизацию, аборт, клонирование.

Рассматривая правомочия человека и гражданина по распоряжению собственным здоровьем, целесообразно отметить, что во всех случаях не исключено причинение вреда здоровью гражданина. Однако некоторые из причинений оправданы высокими целями - спасением другой человеческой жизни, рождением ребенка для бездетной семьи.

Уголовно-правовое регулирование общественных отношений (как элемент в общей системе правового регулирования) осуществляется путем установления уголовно-правовых запретов и санкций за их нарушение, раскрывается через систему правовых средств (уголовно-правовых норм и правоотношений), при помощи которых реализуется уголовно-правовое воздействие на отношения в различных областях жизнедеятельности человека [2, с. 25-27], обеспечиваются легальные формы их реализации. Правда, по мнению Б.Т. Разгильдиева, уголовное право не может регулировать общественные отношения, поскольку не способно улучшить их, в отличие от

правовых отраслей с регулятивно-дозволительными функциями [3, с. 5].

Однако следует согласиться с позицией А.В. Наумова, включающего в предмет уголовно-правового регулирования не только охранительные уголовно-правовые отношения, возникающие по поводу совершения лицом преступления (т.е. нарушения тех или иных общественных отношений), но и отношения, связанные с удержанием лица от совершения преступления посредством угрозы наказания, содержащейся в уголовно-правовых нормах (в частности, отсылающих и к отрасли медицинского права), а также отношения, связанные с наделением лица правами на причинение вреда при наличии обстоятельств, исключающих преступность деяния, определяемых уголовно-правовыми нормами [4, с. 5-10]. «Такая опосредованная и косвенная форма признания и защиты общественно полезного представляет максимально возможную меру свободы, соответствующую потребностям и интересам членов общества и необходимую для общественного прогресса» [5, с. 90].

В настоящее время внимание к человеческому телу со стороны закона значительно повысилось. Прежде всего, такая тенденция объясняется бурным развитием биологии и медицины. Новейшие биомедицинские технологии принесли серьезные результаты в избавлении человека от многих заболеваний. Однако в связи с огромным положительным потенциалом данных технологий новые научные

достижения стали камнем преткновением определенных трудностей. Медицинское вмешательство в жизнедеятельную среду человеческого организма повлекло за собой возникновение серьезных этических и правовых проблем. При этом многие из них не имеют однозначного решения и являются предметом научных дискуссий.

Россия, следуя курсам реформ, восприняла основные требования, принципы, стандарты мирового сообщества в гуманитарной сфере, взяла на себя определенные обязательства по соблюдению прав человека, согласилась с тем, что эти права являются естественными и неотчуждаемыми, даны человеку от природы, обязательно для всех и прежде всего для самой власти, призванной гарантировать их беспрепятственное осуществление.

В целом, все современные политические, социальные, экономические и юридические новации вполне укладываются в традиционное общепринятое учение о субъективном праве, ибо главное в этом учении - это возможность притязать на конкретный - минимум социальных благ и определенное поведение соответствующих контрагентов (общества, государства, должностных лиц, граждан, органов и организаций), обращаться в компетентные инстанции за защитой своих интересов, опираясь на прямое действие новых конституционных законов и деклараций. Гарантии прав человека обеспечиваются путем реализации государством своих властных полномочий по восстановлению нарушенного права. Восстановив нарушенное право, государство, являясь гарантом прав человека. Разработка проблем правового регулирования основополагающих, фундаментальных личных неимущественных прав вообще, в том числе прав на жизнь и на достойную естественную смерть, важна для юриспруденции в целом и для развития ряда фундаментальных положений теории государства и права в частности. В федеральном законодательстве не закреплено право на естественную смерть. В то же время социальное значение проблем смерти, смертной казни, искусственного прерывания беременности достаточно велико [6, с. 157].

В настоящее время с учетом приоритета личности, ее прав и свобод возникла необходимость координально пересмотреть роль и особенности в Особой части УК ряда специальных составов преступлений, непосредственным дополнительным объектом которых являются личные права и свободы человека: жизнь, здоровье, честь, достоинство, свобода и личная неприкосновенность.

Системное изучение норм УК РФ о защите личных прав и свобод человека и гражданина позволяет дать им критическую оценку, а, со-

ответственно, и внести предложения по усовершенствованию практики их применения.

Нормы уголовного закона направлены на запрет незаконного применения новейших биотехнологий, вследствие чего можно выделить в действующем УК РФ ряд составов преступлений, дающих уголовно-правовую оценку соответствующим деяниям. Так, в УК РФ предусмотрена:

ответственность за преступления в сфере медицинской генетики (ч. 1 ст. 137, ст. 237); ответственность за преступления в сфере производства генно-модифицированных объектов (ст. 238, 1711); ответственность за преступления в сфере производства биологического оружия (ст. 248, 355); ответственность за военные преступления с применением биотехнологий (ст. 355); ответственность за преступления в сфере трансплантологии применительно к человеку (п. «м» ч. 2 ст. 105, ст. 109, п. «ж» ч. 2 ст. 111, ст. 112, 118, 120, 1271); ответственность за преступления в сфере производства биомедицинских экспериментов на человеке (ст. 109, 111, 112, 117, 118).

Однако специальных норм, которые предусматривали бы уголовную ответственность за преступные деяния в сфере новейших биотехнологий, УК РФ не содержит.

Следует с сожалением констатировать существенное отставание национального законодательства в вопросах уголовно-правовой регламентации ответственности за следующие общественно опасные деяния: незаконное изменение генотипа человека и другие манипуляции с генами человека, приводящие к утрате им генетической индивидуальности; производство репродуктивного клонирования человека; незаконное производство терапевтического клонирования человека; незаконный оборот органов, тканей человека и иных фрагментов тела человека; незаконное изъятие органов, тканей человека и иных фрагментов тела человека; рекламу незаконной трансплантации органов, тканей человека и иных фрагментов тела человека; принуждение к даче согласия на аборт в целях изъятия эмбриональных тканей для клеточной терапии, косметологии, производство мезотерапии или в иных целях; незаконное производство искусственного оплодотворения и имплантации эмбриона; заведомо ложную рекламу; незаконное осуществление медицинских, научных или иных экспериментов на человеке. Необходимо также отметить, что объективная оценка состояния преступности, связанной с использованием современных биотехнологий, сегодня, к сожалению, максимально затруднена по ряду причин. Во-первых, действующий уголовный закон не содержит специальных норм, устанавлива-

ющих уголовную ответственность за совершение преступлений с использованием биотехнологий, в том объеме, который соответствовал бы фактически сложившейся ситуации или (в идеале) был бы ориентирован на вполне реалистичные прогнозные оценки [7, с. 121-122].

Проблемы российского уголовного законодательства в части регулирования отношений, возникающих в связи с распоряжением человека своим телом требуют со стороны законодателя активного и координального реагирования.

На доктринальном уровне имеет место весьма существенное расхождение во взглядах и подходах в отношении прав человека по распоряжению человека своим телом.

В этой связи квалификация данных деяний в ряде случаев требует оценки по усмотрению правоприменителя.

Все это свидетельствует о необходимости более углубленного теоретического анализа проблем, связанных с уголовно-правовым регулированием прав человека по распоряжению своим телом, сферой его целенаправленного влияния, определением пределов, механизма реализации.

При отсутствии надлежащего уголовно-правового регулирования правоотношений по распоряжению человека своим телом значительно возрастет степень общественной опасности для нормального функционирования общества и государства, что в свою очередь создаст существенную угрозу для общественных отношений. В уголовном праве РФ образовался правовой вакуум, когда общественные отношения, подлежащие уголовно-правовому регулированию, имеют место, однако действующий закон не имеет в своем арсенале средств их регулирования, т.е. соответствующие нормы не созданы.

1. Глушкова С.И. *Права человека в России*. М.: Юрист, 2005. 367 с.

2. Смирнов В.Г. *Функции советского уголовного права (предмет, задачи и способы уголовно-правового регулирования)*. Л., 1965. 350 с.

3. Разгильдиев Б.Т. *Задачи уголовного права Российской Федерации и их реализация*. Саратов: Изд-во Саратовск. ун-та. 1993. 430 с.

4. Наумов А. В. *Российское уголовное право. Общая часть: Курс лекций*. М., 1996. 427 с.

5. Нерсесянц В.С. *Философия права: Учебник*. М., 1997. 652 с.

6. Рубанова Н.А. *Право человека на жизнь в законодательстве Российской Федерации: понятие, содержание, правовое регулирование: Дис. ... канд. юрид. наук*. Ростов/Д., 2006. С. 257.

7. Трусов А.И. *Криминологические и уголовно-правовые аспекты предупреждения преступлений, связанных с использованием биотехнологий. Дис... канд. юрид. наук*. М., 2011. 228 с.

1. Glushkova S.I. *Human rights in Russia*. M.: Lawyer, 2005. 367 p.

2. Smirnov V.G. *Functions of the Soviet criminal law (subject, tasks and ways of criminal and legal regulation)*. L. 1965. 350 p.

3. Razgildiev B.T. *Questions of criminal law of the Russian Federation and their realization*. Saratov: Publishing house Saratovsk Un-ty. 1993. 430 p.

4. Naumov A.V. *Russian criminal law. General part: Course of lectures*. M., 1996. 427 p.

5. Nersesyants V.S. *Legal philosophy: Textbook*. M., 1997. 652 p.

6. Rubanova N.A. *Human right on life in the legislation of the Russian Federation: concept, contents, legal regulation: Dis. ... cand. law scien*. Rostov/D., 2006. P. 257.

7. Trusov A.I. *Criminological and law-legal aspects of the prevention of the crimes connected with use of biotechnologies. Dis ... cand. law scien*. M., 2011. 228 p.

Казанцев Виктор Германович
 доктор социологических наук, профессор,
 заместитель главного редактора российского научного журнала
 «Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки»
 (тел.: 89282683415)

Социоструктурные процессы в регионах в условиях трансформации современного российского общества

Статья посвящена исследованию федерального контроля конституционного порядка в аспекте сдерживания и ограничения деструктивных последствий нарушения федеральной конституции в регионах.

Ключевые слова: федеральный контроль, конституционный порядок, конституционное правосудие.

V.G. Kazantsev, Doctor of sociological sciences, professor, deputy editor-in-chief of the Russian scientific magazine "Humanitarian, social and economic and social sciences"; tel.: 89282683415.

Sociostructure processes in regions in conditions transformations of the modern russian society

Article is devoted to research of federal control of a constitutional order in aspect of control and restriction of destructive consequences of violation of the federal constitution in regions.

Key words: federal control, constitutional order, constitutional justice.

Стратегия конституционного правосудия имеет свои достоинства и ограничения, если учитывать тип конституционного порядка в регионах федерации. Эта стратегия эффективна при номинальном конституционном порядке, когда конституционные правонарушения не способствуют насильственной борьбе сепаратистских движений.

Стратегия конституционного правосудия эффективна при четырех условиях: готовность сторон юридического конфликта подчиниться решению суда; историческая память о деструктивных последствиях прошлой борьбы; рост правовых знаний; убеждение в способности федеральной власти принудительно контролировать выполнение судебных решений.

Субъекты федерации будут готовы в судебном порядке решать споры о компетенциях с федеральной властью, принимая во внимание возможность исхода спора не в свою пользу, если они убеждены в легитимности действий центра. Например, после принятия Конституции РФ 1993 г. ряд субъектов Федерации не согласились с отменой наименования республик «суверенными», но были согласны решать конфликт в судебном порядке, поскольку признавали легитимными требования федеральной власти на основании ст. 5 Конституции РФ [1]. Стратегия конституционного правосудия

предполагает способность сторон юридического конфликта к принятию совместной программы действия после решения суда. Напротив, в 90-х гг. Чеченская Республика стала на путь сецессии и отказалась от юридического урегулирования конфликта с Федерацией. Чечня не признавала требования федеральной власти легитимными и не была способной принять возможный исход юридического конфликта не в свою пользу.

Историческая память об опыте прежней деструктивной борьбы содействует судебному решению конфликта региона и федерального центра. Д. Геймс отмечает, что США после городских восстаний и этнического экстремизма 1960 гг. осуществили федеральную программу приведения в соответствие конституций штатов с Конституцией США. Судебные споры, вызванные программой, не переросли в насильственную конфронтацию. «В регионах, - пишет Геймс, - распространилось убеждение, что люди «пережили насильственную борьбу» и правосудие дает возможность выбора действия, которой можно воспользоваться» [2]. Узурпация ментального мира населения мифологическими версиями прошлой истории не способствует эффективности конституционного правосудия. В.А. Тишков полагает, что искажение памяти традиций прошлых войн было

характерно для чеченского этнонационализма, стремившегося убедить общество «в безальтернативности вооруженной борьбы» [3]. М. Магомедханов отмечает, что осознание на печальном опыте катастрофических последствий двух вооруженных конфликтов в Чечне 90-х гг., а также на своем опыте, «привело в конце XX в. к уменьшению потенциала насильственного этнонационализма в сообществе народов Северного Кавказа» [4].

Исследователи отмечают, что рост правовой культуры правительственных авторитетов и населения регионов увеличивает вероятность решения споров юридическими средствами [5]. В старых федерациях (Швейцария, Канада, Австралия) конфликты с федеральной властью редко перерастают в нелегитимную борьбу. Однако правовая культура оказывается недостаточным фактором нормативного ведения споров в ситуации обострения адаптационных проблем региона. Поэтому на эффективность конституционного правосудия влияет убеждение регионов в способности федеральной власти принудительно поддерживать режим ответственности. Эта способность ситуативно демонстрируется. Так, с целью принудительного осуществления решений федеральных судов о десегрегации школ Президент Д. Эйзенхауэр ввел в 60-е гг. войска в штат Арканзас, а Президент Кеннеди в 70-е гг. – в штаты Миссисипи и Алабама. Вводились войска в Вашингтон, когда его цент был подожжен взбунтовавшимися массами негритянского населения [6]. К.С. Гаджиев, В.А. Тишков, И.А. Умнова согласны в том, что очевидная утрата способности федеральной властью принудительно поддерживать конституционный порядок на Юге России способствовала в 90-х гг. возникновению двух чеченских войн и осетино-ингушского конфликта [7].

Таким образом, конституционное правосудие трансформирует номинальный порядок в нормативный при четырех условиях: готовность сторон юридического конфликта подчиняться решению суда, историческая память о деструктивных последствиях прошлой борьбы; рост правовых знаний; убеждение в способности федеральной власти принудительно контролировать выполнение регионами судебных решений.

Стратегическая цель примиренческого контроля конституционного порядка регионов федерации состоит в содействии достижению взаимоприемлемого соглашения между участниками межнационального конфликта в переговорном процессе. Примиренческая стратегия предполагает определение причин конфликта и расширение области переговоров, а затем – предложение проекта соглашения и убеждение в выгоды его принятия в ходе трехсторон-

них переговоров с учетом интересов сторон в присвоении ограниченных ресурсов.

Стратегия подавления, используемая федеральной властью, противодействует политическому экстремизму во внутри- и внешнерегиональных отношениях [8]. Политический экстремизм – это незаконное насилие или угроза его применения в целях изменения основ конституционного строя. Экстремистские организации существуют легально, входя в состав официально зарегистрированных общественных движений, политических партий, или нелегально. Наибольшую опасность представляют конспиративные террористические группы, предназначенные для практической реализации целей экстремистских организаций. Вследствие наиболее опасной угрозы для жизни личности, общества и государства, политический экстремизм запрещен конституциями зарубежных государств и Российской Федерации (ст. 13).

В контроле конституционного порядка стратегия подавления означает пресечение действий экстремистских организаций посредством силы государства. Подавление имеет свой набор тактических действий полиции, армии и официальной контрпропаганды. Д. Геймс различает несколько типов тактики подавления в зависимости от применяемых средств: 1) физическое подавление (использование смертоносных средств армии; полицейские операции по подавлению сопротивления, занятию помещений и конфискации собственности); 2) невооруженное подавление (угроза применения государственной силы, привлечение к уголовной правовой ответственности, введение информационных ограничений); 3) разоблачение организационных тайн экстремистских групп для их подавления; 4) контрпропаганда (поддержка авторитета федеральных органов власти, дискредитация лидеров, цели и тактики радикальных организаций) [2]. Следовательно, тактика стратегии подавления включает использование неюридических и юридических средств, предупреждающих и карающих методов.

В.Е. Чиркин отмечает, что во всех современных федерациях право центральной власти подавлять политический экстремизм имеет конституционное закрепление – институты чрезвычайного и военного положения. Например, в ФРГ при применении стратегии подавления может быть распущен парламент земли и назначен федеральный комиссариат, поддерживаемый полицией и армией. Аналогичные институты существуют в Австрии и Швейцарии. За годы действия Конституции Аргентины федеральное правительство вводило чрезвычайное и военное положение в различных штатах 220 раз [9].

Конституции РФ (ст. 13) запрещает политический экстремизм: «Запрещается создание и деятельность общественных объединений, цели или действия которых направлены на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации, подрыв безопасности государства, создание вооруженных формирований, разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни». Конституция РФ (ст. 80) наделяет Президента вводить чрезвычайное положение в случае крупных общественных беспорядков, внутрирегиональных вооруженных конфликтов, а также стихийных бедствий и технологических катастроф.

Следовательно, нормативными предпосылками подавления политического экстремизма в регионах федерации являются конституционный запрет политического экстремизма и конституционное право федеральной власти вводить чрезвычайное и военное положение.

Применение стратегии подавления политического экстремизма в регионах федерации является результатом решения центральной власти. К выбору этой стратегии и отказу от переговоров с экстремистами способствуют ситуативные условия: превосходство силы федерации над силами регионального экстремизма; акты агрессии регионального антиконституционного режима.

Одним из ситуативных условий является сила федеральной власти. Если федеральное правительство обладает полицейской и военной силой во взаимодействии с атакующим противником, оно склонно реагировать на конфликтный вызов тактикой подавлением. Данным фактором Л. Корявин объясняет решение правительства США 1968 г. о введении войск в Вашингтон для подавления насилия взбунтовавшихся масс негритянского населения [6].

Стратегия подавления политического экстремизма применяется в ответ на акты агрессии регионального антиконституционного режима. В международном праве применение вооруженных сил против суверенитета, территориальной неприкосновенности другого государства рассматривается тягчайшим международным преступлением. Например, чеченская война 1999-2000 гг. была вызвана агрессией чеченских незаконных вооруженных формирований и наемников против субъекта РФ Дагестана. В ходе военной операции, проведенной федеральными силами, незаконные формирования Ичкерии были разгромлены.

Таким образом, стратегия подавления означает систематическое пресечение действий политического экстремизма в регионах посредством применения силы федеративного государства. Нормативными предпосылками стратегии подавления являются конституционный

запрет политического экстремизма и конституционное право федеральной власти вводить чрезвычайное и военное положение. Выбору стратегии подавления способствуют два ситуативных условия: восприятие центральной властью своего силового превосходства над силами регионального экстремизма и акты агрессии регионального антиконституционного режима. Отсутствие этих ситуативных условий означает наличие препятствий выбору стратегии подавления.

Эффективность стратегии примирения участников межнационального конфликта зависит от ориентации сторон на прекращение борьбы. Наличие этой ориентации означает приемлемость посредничества для сторон, которая зависит от следующих условий.

Во-первых, участники регионального конфликта, для которого характерна стабильность организации и компетентность лидеров, могут быть готовыми к переговорам с противником. Этнические лидеры могут изучить возможности переговоров и прекратить конфликт, не опасаясь потерять свое лицо или подорвать свою репутацию. Отсутствие этих внутренних характеристик имеет тенденцию снижения шансов решения конфликтов. Если лидеры обладают ограниченным контролем над разнородным составом участников борьбы, то они не могут гарантировать их согласия в достижении соглашения.

Во-вторых, урегулированию регионального конфликта способствует прошлый опыт поддержания гармоничных отношений. Отсутствие этого вышеназванного условия будет препятствием сдерживать возможность урегулирования регионального конфликта.

В-третьих, сохранение толерантности сторон увеличивает шансы мирного решения региональных споров.

В-четвертых, увеличение шансов посреднического вмешательства в спор возрастет, если межнациональный конфликт зашел в тупик. Признание тупиковой ситуации позволяет скрытой оппозиции к конфликту выйти на политическую сцену, и готовность отказа от борьбы получает гражданскую поддержку.

Успех стратегии примирения более вероятен в межнациональном споре по нескольким проблемам, нежели по одной. Компромиссы не возможен, если оспариваемы ценности неделимы, например, неделимая территория субъектов федерации в осетино-ингушском конфликте. В многопроблемных спорах заключение соглашения более вероятно, например, возвращение беженцев на прежнее место проживания, размер материальных средств на их обустройство, гарантии трудовой занятости.

Эффективность стратегии примирения обусловлена природой межнационального кон-

фликта, затрагивает ли он интересы или ценностные приверженности сторон. Интересы направлены на объекты, которые в равной мере значимы для сторон – ресурсы, собственность, деньги, власть, в отличие от националистических или религиозных ценностей государственной независимости субъектов федерации. Компромиссы в области ценностной приверженности могут быть отвергнуты радикальными движениями по принципиальным соображениям.

Успех стратегии примирения предопределяется прошлыми отношениями, которые стороны желают или вынуждены сохранять, например, развитие региональной инфраструктуры, транспорта, связи, обуславливающих повышение уровня жизни субъектов федерации.

Стратегии примирения не может подменять правоохранительную деятельность, которая требует вмешательства федеральных властных структур. В этом случае миротворчество уступает место другим стратегиям федерального контроля – судебной или внесудебному подавлению экстремизма.

Эффективность стратегии примирения зависит от компетентности посредника, обоснованности предложений и умения руководить дискуссиями и переговорами, сохранять конфиденциальность, уважать чувства других людей, понимать их опыт и язык, быть объективным. К решающим условиям успеха миротворчества относятся способность посредника изыскивать дополнительные, в том числе федеральные ресурсы для регионального развития.

Таким образом, эффективность стратегии примирения зависит от следующих условий: готовности участников регионального конфликта к переговорам; исторический опыт поддержания гармоничных отношений; сохранение толерантности конфликтующих сторон. Успех стратегии примирения предопределяется природой межнационального конфликта; прошлыми отношениями, которые стороны желают или вынуждены сохранять; компетентностью посредника, способного изыскивать дополнительные, в том числе федеральные ресурсы для регионального развития.

Стратегия подавления в контроле конституционного порядка регионов федерации является предельным средством сохранения федеративных отношений, когда другие стратегии контроля оказываются недейственными. Стратегию подавления не следует абсолютизировать, поскольку она направлена против политического экстремизма, но не против региональных организаций избирающих нормативно одобряемые средства конфликта с федеральной властью. Абсолютизация стратегии подавления обусловлена привычкой правительственных авторитетов полагаться на силовые

структуры. Д. Торренс отмечает, что многие годы федеральное правительство Канады ограничивалось подавлением насильственных акций Квебекских сепаратистов: «Конфликтную ситуацию правительство рассматривало угрозой федерализму, требующей подавления, правительству не хватало глубины и широты понимания возможностей действия, содержащихся в ситуации националистического вызова и конфронтаций» [10]. Привычка ограничиваться стратегией подавления свидетельствует об игнорировании других стратегий контроля конституционного порядка.

Позитивные и негативные последствия стратегии подавления требуют учитывать два критерия, которые определяют ее эффективность: пресечение действий политического экстремизма и соблюдение прав граждан в регионах федерации. При несоблюдении первого критерия федеральный контроль конституционного порядка оказывается недостаточным и стратегия подавления – неэффективной. Если не учитывается второй критерий, федеральный контроль превращается в сверхреакцию и становится репрессивным. Он также оказывается неэффективным, поскольку не способствует восстановлению конституционного порядка в регионе поддерживаемого гражданским населением. Стратегия подавления остается эффективной, если она обладает значимостью в представлении населения региона.

Таким образом, демократическое общество ограничивает применение стратегии подавления требованиям соблюдения прав граждан региона, где проводится антиэкстремистская операция. Стратегия подавления является эффективной, если она адекватна. Показателем адекватности служит легитимность стратегии подавления, значимость в представлении населения региона.

1. Умнова И.А. Конституционные основы современного российского федерализма. М., 2000. С. 74.

2. Hims J. *Conflict and Conflict Management*. N.Y., 1980. P. 195-196.

3. Тишков В.А. *Общество в вооруженном конфликте*. М., 2001. С. 52.

4. Магомедханов М. *Дагестан: потенциал национализма // Материалы четвертого конгресса этнографов и антропологов*. М., 2001. С. 91.

5. Волков Ю.Г., Тапчанян Н.М. *Правосознание и правовое поведение: сущность, структура, связь*. М., 1998. С. 11-12; Краснов М.А. *Публично-правовая ответственность представительных органов за нарушение закона // Государство и право*. 1993. № 6. С. 48.

6. Корявин Л. *Американский федерализм*. М., 1993. С. 61.

7. Гаджиев К.С. Геополитика Кавказа. М., 2001, с. 86; Тишков В.А. Общество в вооруженном конфликте (этнография чеченской войны) М., 2001. С. 501; Умнова И.А. Конституционные основы современного российского федерализма. М., 2000. С. 242.

8. Авдеев Ю.И. О понятии типологии политического экстремизма и некоторых методах противодействия ему // Политический экстремизм в РФ и конституционные меры борьбы с ним. Материалы конференции. М., 1998. С. 99.

9. Чиркин В.Е. Основы конституционного права. М., 1997. С. 131-132.

10. Torrance J. The Response of Canadian Governments to the Violence // Canadian Journal of Political Science. 1989. № 10. P. 476.

---

1. Umnova I.A. Constitutional bases of modern Russian federalism. M., 2000. С. 74.

2. Hims J. Conflict and Conflict Management. N.Y. 1980. P. 195-196.

3. Tishkov V.A. Society in armed conflict. M., 2001. С. 52.

4. Magomedkhanov M. Dagestan: nationalism potential // Materials of the fourth congress of ethnographers and anthropologists. M., 2001. P. 91.

5. Volkov Yu.G., Tapchanyan N.M. Sense of justice and legal behavior: essence, structure, communication. M., 1998. P. 11-12; Krasnov M.A. Public responsibility of representative bodies for violation of the law // State and right. 1993. No 6. С. 48.

6. Koryavin L. American federalism. M., 1993. P. 61.

7. Gadzhiev K.S. Geopolitics of the Caucasus. M., 2001. P. 86; Tishkov V.A. Society in armed conflict (ethnography of the Chechen war) M., 2001. P. 501; Umnov I.A. Constitutional bases of modern Russian federalism. M., 2000. P. 242.

8. Avdeev Yu.I. About concept of typology of political extremism and some methods of counteraction to it // Political extremism to the Russian Federation and the constitutional measures of fight against it. Conference materials. M., 1998. P. 99.

9. Chirkin V.E. Bases of a constitutional law. M., 1997. С. 131-132.

10. Torrance J. The Response of Canadian Governments to the Violence // Canadian Journal of Political Science. 1989. No 10. P. 476.

Михайлов Дмитрий Антонович

аспирант кафедры социологии и психологии

Южно-Российского государственного технического университета

(Новочеркасский политехнический институт)

(e-mail: mikhaylov-dima@rambler.ru)

Социальный маркетинг как социальный институт: социологический анализ

Целью данной статьи выступает анализ социального маркетинга как социального института, с развитием которого в авторской концепции связана судьба российской модернизации. Это обуславливает необходимость глубокого научного исследования особенностей становления этого социального института в современных российских условиях.

Ключевые слова: социальный маркетинг, социальный институт, маркетинг, российское общество.

D.A. Mikhaylov, post-graduate of the chair of sociology and psychology of Southern Russian State technical University (Novocherkassk polytechnical Institute); e-mail: mikhaylov-dima@rambler.ru

Social marketing as social institute: sociological analysis

As the purpose of this article the analysis of social marketing as social institute with which development in the author's concept the destiny of the Russian modernization is connected acts. It causes need of in-depth scientific study of features of formation of this social institute for modern Russian conditions.

Key words: social marketing, social institute, marketing, Russian society.

Социальный маркетинг занимает в жизни современного западного общества значимое место в отличие от российского, в котором еще не произошло окончательного перехода к иной парадигме социального развития, основанной на производстве и воспроизводстве интеллектуальных и социальных ресурсов. Во многом причиной неразвитости в российском обществе принципов социального маркетинга выступает сложная социально-экономическая ситуация, определяющая рост социальной поляризации в стране, бедности и социальной несправедливости.

Ситуацию в сфере социального развития в России определяют следующие негативные факторы [1]:

массовое распространение бедности;

резкое снижение уровня жизни населения, в том числе работающего, что породило такой феномен, как «работающая бедность»;

резкое социальное расслоение российского общества и деформация его социальной структуры, в которой 1-2 % населения – богатые; 15-20 % - средние классы; 60-65 % - промежуточный слой между средними классами и бедностью; 15-20 % - бедные; 5-7 % - социальное «дно»;

низкая конкурентоспособность России на международной арене и ее отстраненность от глобальных процессов мирового развития;

кризисные явления в области демографического развития страны, угрожающие безопасности России;

рост конфликтов на почве межэтнического и межконфессионального противостояния.

Очевидно, российское общество остро нуждается в системе социального маркетинга как сфере инновационного развития общества, а также как сфере развития социальных услуг, связанных с удовлетворением фундаментальных потребностей человека в здоровье, образовании, рекреации, досуге.

Конечно, не следует рассматривать социальный маркетинг как панацею от острых проблем российской жизни, но и недооценивать его значение в формировании инновационной экономики и удовлетворении социальных потребностей населения не следует. Необходимо для разработки данной проблематики принимать во внимание не только функционирование социального маркетинга в определенных экономических, социально-политических и социально-культурных условиях, но и принимать во внимание влияние социальной макро и микросреды на поведение и общественное настроение.

Обозначенные выше положения свидетельствуют, что существует необходимость формирования концептуальных основ социального маркетинга в российском обществе.

Социальный маркетинг способствует решению социальных проблем, среди которых важнейшей является обеспечение инновационного развития экономики, повышения жизнеспособности общества в целом. Переход на новый, инновационный путь развития неразрывно связан с необходимостью применять и возможности социального маркетинга для развития инновационной сферы общества, но функции социального маркетинга как социального института инноваций в социальной и научно-инновационной сферах общества требуют углубленного исследования.

Социальный маркетинг становится объектом социологического анализа в неклассической социологии в 60-х гг. и связан с концепцией государств всеобщего благоденствия. Известный английский социолог Э. Гидденс [2] писал, что современное общество, являясь обществом социальной дифференциации, может надеяться на решение социальных проблем, если сформулирует такую схему взаимодействия рынка, общества и государства, в которой рыночная инициатива будет увязываться с принципами меритократии и гражданской ответственности.

В работах социологов «новой волны» подчеркивается, что переход к постиндустриальному обществу маловероятен вне системы общественного контроля и управления, вне системы социального маркетинга. Эта позиция реализуется в работах П. Друкера [3], Э. Тоффлера [4], Р. Инглегарт [5]. По их мнению, социальный маркетинг ориентирует общество на признание роли сферы социальных услуг, как сферы социального воспроизводства. И в этом отношении социальный маркетинг является фактором социального развития, придающим социальной динамике социально-ориентирующий смысл.

В исследовании социального маркетинга в зарубежной социологической мысли обозначилось, таким образом, два направления: функциональное и гуманистическое.

Функциональное направление связывает социальный маркетинг с социальными технологиями, с формированием необходимых институциональных и структурных параметров социального маркетинга. Главный упор в рамках данного подхода делается на организационную культуру, выстраивание иерархии целей, пропаганду миссии социального маркетинга.

Гуманистическое направление видит свою цель в определении социального маркетинга, как сферы сохранения и приумножения человеческого капитала, ориентированного не на эффективность, а на развитие.

В гуманистической социологии социальный маркетинг предстает сферой, в которой, инструментальная рациональность должна усту-

пить место коммуникативной, в которой отношение подчинения-доминирования должны быть замещены социальной самоорганизацией и настроениями в пользу коммунарных ценносте. Эта позиция просматривается в работах Этциони [6], Кастельса [7].

Российская социологическая мысль в интерпретации социального маркетинга придерживается в целом традиционной, организационной и этацентристской парадигм. Так, в исследованиях В.В. Иванова социальный маркетинг связывается с рационализацией управленческой деятельности, информации, с тем, что американский современный социолог Дж. Хасард связывает с инструментальной рациональностью [8].

В позиции А.Л. Темницкого [9], Т.З. Козловой [10] проблемы социального маркетинга осмысливаются, как проблемы повышения социальной и социально-профессиональной мотивации российского населения, становления социально-партнерских отношений. В данном подходе социальный маркетинг обладает не только необходимыми организационными показателями, но и связан с использованием новых возможностей для удовлетворения социальных услуг.

В исследованиях других российских исследователей социальный маркетинг рассматривается как сфера управления социальными услугами, связанными с оказанием социальной помощи преимущественно неадаптированным слоям населения. Так, Ю.А. Зубок [11], Т.В. Смирнова [12] рассматривают социальный маркетинг в контексте интеграции групп социального риска, к которым относится молодежь, социально-дезадаптированные семьи, пожилые люди. В работах К.Г. Чагина [13], Л.В. Пановой [14] социальный маркетинг рассматривается, как сфера управления социальной работой, как процесс минимизации социального неравенства, возможности удовлетворения потребностей в условиях неравного доступа к социальным благам и ресурсам. Социальный маркетинг интерпретируется, как особый вид социальной работы, социальной службы, сочетающей рыночные методы и методы социального обслуживания населения, связанные с гарантиями государства. В этом смысле предполагается, что социальный маркетинг преодолевает ситуацию клиентелизма, когда происходит привыкание к социальной помощи и качественно не решаются социальные проблемы.

В отличие от представленной выше позиции, которая трактует социальный маркетинг как внешне организационное условие, в позициях Е.Р. Ярской-Смирновой [15], О.Б. Козленко [16] социальный маркетинг интерпретируется как сфера реализации фундаментальных потреб-

ностей личности, как сфера социального саморазвития, которая делает возможным инициирование социальных изменений «снизу», социальной инициативы. Основываясь на западных стандартах исследования социального маркетинга, мы полагаем, что социальный маркетинг является, прежде всего, институтом социальной модернизации, который дает возможность перехода к новым социальным отношениям, связанным с принадлежностью к среднему классу.

Таким образом, социальный маркетинг является важным условием реконструкции изжившей системы социальной помощи, а также опорной точкой модернизации социальной сферы в целом, как механизм инновационного развития общества. Мы всецело соглашаемся с мнением Е.Г. Горяевой о том, что «социальный маркетинг - это новая концепция социальной ответственности всех членов общества, и он ставит своей целью изменить поведение больших групп людей к лучшему для достижения социальной гармонии в обществе» [17].

Теоретические обобщения и социально-прикладные результаты свидетельствуют об интерпретации социального маркетинга как условия институциональных и субъектных изменений в обществе, и на институциональном аспекте изучения этого феномена мы остановим свое пристальное внимание.

Сразу следует отметить, что социологический анализ социального маркетинга отмечается определенными теоретико-методологическими трудностями. Социальный маркетинг не дифференцирован в качестве самостоятельного концепта в системе социологического знания, что ограничивает возможность применения к исследованию социально-маркетинга институциональной парадигмы.

Поэтому актуальным представляется исследование социального маркетинга как социального института, формирующегося в условиях институциональных изменений в российском обществе. На данном основании социальный маркетинг выступает как социальный институт инновационного развития общества, как механизм реализации различных социальных и инновационных программ, позитивно влияющих на общество в целом, население, различные группы потребителей.

Отталкиваясь от определения социального института Т.И. Заславской (социальный институт – это целостный устойчивый комплекс формальных и неформальных «правил игры», т.е. принципов, норм, установок, способов контроля, поощрений и санкций, регулирующих системы ролей и статусов, образцы поведения и типы социальных практик в различных сферах человеческой деятельности [18]), социальный маркетинг рассматривается нами как

устойчивый комплекс формальных и неформальных правил, принципов, норм, регулирующих инновационную и социальную сферу человеческой деятельности и организующих их в систему ролей и статусов [19], определяющих целенаправленные способы решения практических задач, заключающие в себе систему познавательных процедур и практических действий, направленных на изменение социальных объектов в соответствии с заданными целями.

Социальный маркетинг выступает как единая научная концепция, синтезирующая в себе изучение и анализ процессов, протекающих в обществе, создание необходимой социальной модели и воплощение ее в жизнь посредством социальных стратегических программ, направленных на изменение общественного поведения, а также внедрения социально значимой идеи в одной или нескольких группах потребителей или обществе в целом [20].

Цель социального маркетинга — расширенное воспроизводство богатства человеческой природы, развитие индивидуальных способностей на основе предоставления равных возможностей каждому и расширения ресурсной базы собственно социального производства. В.Н. Минина [21] называет это социализацией управления и отмечает, что социальный маркетинг ориентирован на социальное развитие.

Таким образом, на макроуровне социальный маркетинг выступает как социальный институт инновационного и социального развития общества, реализации социальных и инновационных программ. Социальный маркетинг на микроуровне выступает как механизм согласования потребностей потребителей, производителей и общества в целом. На мезоуровне социальный маркетинг можно рассматривать как совокупность методов осуществления социальных программ государственными и общественными организациями, а также как социальные аспекты деятельности рыночных корпораций.

На благо общества в целом направлены большие государственные программы во всем мире и работа некоммерческого сектора. Когда несколько стран, объединяясь, проводят единые кампании по вакцинации детей от опасных болезней, кампании против СПИДА, против наркотиков – они занимаются социальным маркетингом

Социальный маркетинг создает новый образ мышления в решении социально – ориентированных управленческих задач. Формируется система мышления, т.е. комплекс умственных установок, направленных на оптимальное достижение конкретных целей в привязке к реальным возможностям их реализации, это своеобразная попытка использовать

все имеющиеся в наличии ресурсы и весь потенциал общества. Социальный маркетинг позволяет обосновать привлекательность определенных предложений, программ, продуктов на рынке и реализовать товар, даже если это абстрактная идея, инновация, модель поведения или партия. Цели социального маркетинга весьма разнообразны: достижение понимания (например, питательных ценностей продуктов питания); побуждение к единовременному действию (участие в кампании массовых прививок); стремление изменить поведенческие привычки (пользование автомобильными ремнями безопасности); изменение основополагающих представлений (например, у работодателей, что труд инвалидов также может быть высокоэффективным) и т.д.

Социальный маркетинг занимается решением следующих вопросов: убеждение (например, что курение опасно), социальная практика (побудить бросить курить), и социальный продукт (улучшение здоровья нации). Принципы социального маркетинга, сформулированные отечественными и зарубежными исследователями, эффективно применяются для достижения различных целей и решения ряда задач, к примеру, в решении вопросов сохранения энергии, водных ресурсов, охраны окружающей среды и др. Применение методов социального маркетинга влияет на традиционный подход к изменению поведения социума в целом, что с каждым годом все благотворнее сказывается на мировосприятии людей. Современный социальный маркетинг обладает зрелым арсеналом инструментов, концепций, идей, знаний, направленных на реализацию программ социальных изменений.

В завершении следует отметить, что социальный маркетинг как социальный институт со своими специфическими ценностями и функциями находится в российском обществе на стадии формирования, и его развитие зависит от того, насколько реализованы окажутся в итоге стратегии инновационного развития общества, обозначенные в проекте модернизации страны. Можно с уверенностью сказать, что в современной российской реальности, отличающейся явными дефектами и разрушительными тенденциями в области социальной структуры российского общества, его духовно-нравственного пространства и институционального развития, институционализация социального маркетинга будет носить противоречивый и деформированный характер, в результате чего за ним закрепится мифологический образ, уже имеющий определенные очертания ввиду мифологичности многих социальных программ, якобы эффективно реализуемых в России.

В условиях дисфункциональности институтов социальной опеки и регресса социального партнерства, социальный маркетинг в России не стал сферой социальной инновации. Достаточно слабо просматривается его субъектная специфика и функциональная структура. С этой точки зрения социальный маркетинг остро нуждается в повышении социальной эффективности, которая возможна в рамках институционализации в российском обществе определенных ценностей и норм, соответствующих концепции социального маркетинга и ее ключевой идее, состоящей в признании первостепенной значимости общественного благополучия и социальной гармонии как результата изменения поведенческих стратегий и ценностных ориентаций отдельных индивидов, социальных групп и общества в целом

1. Жуков В.И. *Россия в глобальной системе социальных координат: социологический анализ и прогноз // Социологические исследования. 2008. № 10. С. 34-37.*

2. Гидденс Э. *Социология. М., 1999. С. 148.*

3. Друкер П. *Новая реальность в правительстве и политике, в экономике и бизнесе, в обществе и мировоззрении. М., 1994. С. 166.*

4. Тоффлер Э. *Третья волна. М., 1998. С. 201.*

5. Инглегарт Р. *Модернизация и постмодернизация // Новая индустриальная волна на западе. Онтология. М., 1999. С. 89.*

6. Этциони А. *Концепция самоактивации // Новая постиндустриальная волна на Западе. М., 1999.*

7. Кастельс М. *Информационная эпоха. М., 2000.*

8. Иванов В.В. *Специфика маркетинговых исследований в условиях переходного периода современной России: Автореф. дис. канд. соц. наук. М., 2001. С. 17.*

9. Темницкий А.Л. *Собственность и стратегии трудового потенциала рабочих в условиях реформ // Социологические исследования, 2007, № 2, с. 46*

10. Козлова Т.З. *Мониторинг удовлетворенности пенсионеров материальным положением в 2000 годы // Социологические исследования, 2006. №5. С. 79.*

11. Зубок Ю.А., Чупров В.И. *Правовая культура молодежи в ракурсе трансформационных стратегий // Социологические исследования, 2006. № 6. С. 54.*

12. Смирнова Т.В. *Пожилые люди: стереотипный образ и социальная дистанция // Социологические исследования, 2008. № 8. С. 23.*

13. Чагин К.Г. *Опыт реализации адресной социальной помощи в сельской местности //*

Социологические исследования, 2006. № 10. С. 69.

14. Панова Л.В., Русинова Н.Л. Неравенство в доступе к первичной медицинской помощи // Социологические исследования, 2005. № 6. С. 56.

15. Ярская-Смирнова Е.Р., Романов П.В. Политика инвалидности. Проблемы доступности среды и возможности занятости // Социологические исследования, 2005. № 2. С. 72.

16. Козленко О.Б. Социальный маркетинг в работе благотворительной организации // Социологические исследования. 2008. № 11. С. 75.

17. Горяева Е.Г. Социальный маркетинг или как продвигать общественную организацию // URL: <http://klist.narod.ru/sossium/sossm.htm>

18. Заславская Т.И. Современное российское общество: Социальный механизм трансформации. М.: Дело, 2004. С. 102-103.

19. Касьянов В.В., Нечипуренко В.Н., Самыгин С.И. Социология. Ростов/Д, 2000. С. 217.

20. Дурандина О.А. Развитие рынка услуг в системе социального маркетинга на уровне муниципальных образований. Автореф. дис. канд. экон. наук. Екатеринбург, 2007. С. 8.

21. Минина В.Н. Смена парадигмы управления в контексте социальных изменений // Социология экономики и управления / Под ред. Л.Т. Волчковой. СПб., 1998. С. 91-107.

1. Zhukov V.I. Russia in global system of social coordinates: sociological analysis and forecast // Sociological researches. 2008. No 10. P. 34-37.

2. Giddens E. Sociology. M., 1999. P. 148.

3. Druker P. New reality in the government and policy, in economy and business, in society and outlook. M., 1994. P. 166.

4. Toffler E. Third wave. – M, 1998, page 201.

5. Inglegart R. Modernization and post-modernization // New industrial wave in the West. Ontology. M., 1999. P. 89.

6. Ettsioni A. Self-activation concept // New post-industrial wave in the West. M., 1999.

7. Kastels M. Information era. - M, 2000.

8. Ivanov V.V. Specifics of market researches in the conditions of a transition period of modern Russia: Avtoref. dis. ... soc. scien. M., 2001. P. 17.

9. Temnitsky A.L. Property and strategy of labor potential of workers in the conditions of reforms // Sociological researches, 2007. No 2. P. 46.

10. Kozlova T.Z. Monitoring of satisfaction of pensioners by financial position in 2000 // Sociological researches, 2006. No 5. P. 79.

11. Zubok Yu.A., Tchuprov V.I. Legal culture of youth in a foreshortening of transformatsionny strategy // Sociological researches. 2006. No 6. P. 54.

12. Smirnova T.V. Elderly people: stereotypic image and social distance // Sociological researches. 2008. No 8. P. 23.

13. Chagin K.G. Experience of realization of the address social help in rural areas // Sociological researches. 2006. No 10. P. 69.

14. Panova L.V., Rusinova N. L. An inequality in access to primary medical care // Sociological researches. 2005. No 6. P. 56.

15. Yarskaya-Smirnova E.R., Romanov P.V. Policy of disability. Problems of availability of the environment and possibility // Sociological researches. 2005. No 2. P. 72.

16. Kozlenko O.B. Social marketing in work of the charitable organization // Sociological researches. 2008. No 11. P. 75.

17. Goryaeva E.G. Social marketing or how to advance public organization // URL: <http://klist.narod.ru/sossium/sossm.htm>

18. Zaslavsky T.I. Modern Russian society: Social mechanism of transformation. M.: Business, 2004. P. 102-103.

19. Kasyanov V.V., Nechipurenko V.N., Samygin S.I. Sociology. Rostov/D., 2000. P. 217.

20. Durandina O.A. Development of the market of services in system of social marketing at level of municipalities. Avtoref. dis. ...econ. scien. Ye-katerinburg, 2007. P. 8.

21. Minina V. N. Change of a paradigm of management in a context of social changes // economy and management Sociology / Under the editorship of L.T. Volchkova. SPb., 1998. P. 91-107.

Ковелина Татьяна Афанасьевна
 доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии
 Кубанского государственного медицинского университета
 (e-mail: Kovelina.56@mail.ru)

Лагутин Александр Олегович
 кандидат культурологии, доцент, доцент кафедры философии
 Кубанского государственного медицинского университета
 (e-mail: Lagutin.76@mail.ru)

Онищенко Валерий Леонидович
 кандидат философских наук, доцент кафедры философии
 Кубанского государственного медицинского университета
 (e-mail: barbaros23@mail.ru)

Эгоизм как принцип жизненной ориентации в контексте этических концепций М. Штирнера и И. Бентама (историко-философский аспект)

В статье анализируется нравственная направленность принципа «эгоизма», раскрепощающего индивидуальное начало в человеке, соответствующая активизации субъективного фактора общественной жизни в период перехода от феодализма к капитализму. Автор подчеркивает, что в этических концепциях М.Штирнера и И.Бентама принцип «эгоизма» утверждался в качестве главного социально-этического принципа.

Ключевые слова: «эгоизм», солипсизм, эгоистический интерес, эмпирическая единичность, социальное, индивидуальное, общественная польза, общественный интерес.

T.A. Kovelina, Doctor of philosophical sciences, professor, professor of the chair of philosophy of the Kuban State medical University; e-mail: Kovelina.56@mail.ru;

A.O. Lagutin, Candidate of cultural science, assistant professor, assistant professor of the chair of philosophy of the Kuban State medical University; e-mail: Lagutin.76@mail.ru;

V.L. Onishchenko, Candidate of philosophical sciences, assistant professor of the chair of philosophy of the Kuban State medical University; e-mail: barbaros23@mail.ru

Egoism as principle of the vital orientation in a context of ethical concepts of M. Shtirner and I. Bentam (historic-philosophical aspect)

In article analyses moral orientation of the principle of the "egoism" liberating the individual beginning in the person, quite corresponded to activation of a subjective factor of public life during transition from feudalism by capitalism. Author said, that in M. Shtirner and I. Bentama's ethical concepts the principle of "egoism" was approved as the main social ethical principle.

Key words: "egoism", solipsism, egoistical interest, empirical singularity, social, individual, public advantage, public interest.

В известный период общественного развития в Западной Европе эгоизм как нравственный принцип стал своеобразной антитезой основных этических положений идеологии феодализма, поддерживающей с помощью теологии – различных религиозных доктрин – психологию абсолютной зависимости работников от феодалов. Он вполне соответствовал новым социально-экономическим потребностям общества, выросшим на почве буржуазных социальных преобразований, что, естественно, не могло не содействовать возникновению новых мораль-

ных представлений. В этом смысле нравственная направленность принципа «эгоизма», раскрепощающего индивидуальное начало в человеке, вполне соответствовала активизации субъективного фактора общественной жизни, освобождению человека как работника от устаревших критериев самооценки. Предпринимательская активность, инициативность как источник возможного преуспевания в новых социальных условиях возводились в ранг нравственных ценностей, которые усиленно культивировались в позитивных идеологических доктринах, поскольку все это нуждалось в

обосновании на уровне массового сознания в определенных теоретических положениях, мировоззренчески обеспечивающих психологическую уверенность в «законности» эгоистического компонента в нравственности, правомерности и этической оправданности «себялюбия», стремления к личной выгоде любой ценой.

В условиях свободного рынка и жесткой конкуренции эгоизм объективно становился важным моральным установлением, социальным идеалом, мерой нравственного кредита в обществе.

Диапазон трактовок принципа «эгоизма», отражающих новые объективно сложившиеся в XVII-XIX вв. социально-политические и социально-экономические связи, весьма широк: от идей крайнего индивидуализма до теории так называемого «разумного эгоизма». Эта теория не была случайным приобретением познавательного поиска, результатом творческой фантазии социальных прожектеров, пытающихся в благовидных целях в одной логической обойме соединить разнородные понятия. Она была вызвана к жизни реальной потребностью обосновать связь общественных и индивидуальных интересов в социуме.

Известно, что этическая концепция немецкого философа-младогегельянца Штирнера страдала крайней формой индивидуализма. Будучи «чистым» субъективным идеалистом, не свободным от солипсистских установок, Штирнер именно из этого источника выводил все этические нормы. Человек у него - абсолютно внесоциальное существо. Внешнее как объективная реальность для него как бы не существует. Оно подменяется реальностью мысли субъекта, который, абсолютизируя активность сознания, в сознании создает весь мир в совокупности всех его природных и социальных проявлений. Эта исходная бытийная замкнутость субъекта на себе придает его деятельности сугубо анархо-индивидуалистический характер, в силу чего она сводится к деятельности лишь для себя. Человек, по Штирнеру, есть «единственный» в себе и для себя существующий субъект. Он выпадает из объективных общественных связей, отрицает их наличие для человека в плане их законосообразности и необходимости. В противовес этому Штирнером предлагаются иллюзорные «право», «мораль», «государство» и сам «человек» как плоды иррациональной фантазии самодостаточного «Я». «Для меня не ничего выше Меня» [1, с. 9], - писал Штирнер. Здесь солипсистский синдром закономерно переходит в индивидуалистическую этику. Базисный философский постулат предопределяет все позиции «Я» в отношении других «Я», образующих «общество» эгоистических субъектов, где каждый как «единственный» связан с другими лишь в качестве их подчиняющей и использующей «субстанции».

Утверждая это в качестве главного социально-этического принципа, Штирнер не отрицает того, что данный принцип не может не провоцировать межличностные отношения, которые могут привести к драматическим последствиям. «Попробуй-ка стань не его собственностью а «своим», - замечал немецкий философ, - за то, что ты уклонился от его эгоизма, ты легко попадаешь в темницу» [там же, 8]. Это экспрессивное вопросительно-восклицательное замечание философа весьма характерно. Оно свидетельствует о том, что Штирнер, обращаясь к социуму со своим этическим проектом, хорошо осознавал его социальную ущербность, которая, по его мнению, должна позитивно перекрываться органически присущим индивиду эгоистическим интересом. Согласно Штирнеру, социальное, как всеобщее, свободно отторгается индивидом в силу его эмпирической единичности. Социальное как предикат не может стоять выше индивидуального. «Право общества», «право всех» не может быть выше права «Я», - подчеркивал он - «пусть каждый охраняет это право для себя и тогда все будут им пользоваться» [там же, 175]. Здесь позиция немецкого мыслителя в значительной степени сближается с идеей «правильно понятого интереса» Бентама, не теряя при этом своей крайней индивидуалистической сущности. Личность у Штирнера не должна ориентировать на общество. Единственная «связь» с обществом - беспредельный произвол не ограниченный ни объективно, ни субъективно соответствующей совокупностью социально обусловленных норм, правил и обязанностей. В обществе, по Штирнеру, действует только право единичных индивидов - право, которое целиком основывается на личной внесоциальной свободе. «Моей задачей, - указывал Штирнер, - должно быть не то, как я воплощаю общечеловеческое... Я сам - мой род, я свободен от норм, образца и т. д.» [там же, с. 170]. Даже то немногое, что может сделать над собой индивид, считает философ, «лучше того, что я даю сделать из себя другим путём насилия надо мной, посредством дрессировки, обычая, религии, закона, государства» [там же].

Конечно, как показывает история так называемых тоталитарных государств, такой подход имеет под собой определённое основание. Не случайно Э.Фромм, касаясь этого вопроса, отмечал, что Штирнер в отличие от Канта и Гегеля, которым он, безусловно, уступал как философ, все-таки сумел предложить идеи, которые защищали индивида от безграничной «диктатуры» государства, сумел «восстать против той части идеалистической философии, которая отвергала права конкретного индивида и тем самым помогала самовластному государству оставаться силой, подавляющей индивида» [2, с. 543].

Однако ясно, что этот позитивный момент в воззрениях философа не перекрывает той опасности, которая грозит человеческому обществу при реальной абсолютизации прямо противоположной тенденции, собственной теории Штирнера, воспевающего гегемонию личности, в своих действиях совершенно освобождённой от всяких моральных норм. «Штирнеровская» личность, как уже отмечалось, реализует собой деструктивное социальное начало, проистекающее из анархической трактовки свободы волеизъявления и практического действия.

Этическая теория, если так можно выразиться, более «мягкой» индивидуалистической трактовки, опирающейся на принцип «полезности», была предложена основоположником утилитаризма Бентамом. Феномен «полезности» он истолковал явно гедонистически как то, что доставляет субъекту удовольствие, приводит к чувственному наслаждению. Таким образом, из центральной философской установки выводился и основной этический принцип. Морально то, что позволяет добиться пользы, которая по своему непосредственному содержанию, есть не что иное, как удовлетворенная чувственная /или внечувственная/ потребность, приносящая удовольствие на уровне первичных впечатлений, не контролируемых какими-либо общими социальными критериями. Следовательно, и по Бентаму, частный интерес отдельной личности, ее эгоистический интерес становится основой морали. Общественная польза и общественный интерес складываются из частных интересов и частной пользы. В силу этого общество невольно рассматривается как сумма эгоистических интересов, из которых каждый выступает естественным стержнем своеобразной моральной автономии. Определяя пользу и благо как наслаждение, английский философ неизбежно приходит к трудно разрешимому вопросу о равнозначности блага отдельных индивидов, реальной дифференциации их автономных этических миров и критериях этой дифференциации.

Если к счастью всех можно прийти лишь через стремление к своему личному счастью, понятому с точки зрения гедонистической полезности, то возникает вопрос, как при этом удержать общество в едином этическом пространстве, как удержать его от морального распада и деградации?! В реальном обществе, в реальных, уже сложившихся на определенной исторической основе, отношениях противопоставление, столкновение и борьба интересов, опирающихся на личностный эгоизм,

неизбежны, более того, они существуют как факт, с которым нельзя не считаться! Бентам на этот вопрос не дает аргументированного ответа. И Бентам, и Штирнер пытаются придать своим этическим концепциям внеисторический смысл, определенный якобы изначально биологическими константами человеческого существования. Именно поэтому «штирнеровский» человек произвольно отторгается от общества и его отношений, выпадает из поля объективных социальных законов и, не сговывая себя никакими моральными нормами, совершенно волюнтаристски осуществляет присутствие ему биосоциальные потенции. Бентам также редуцирует социальное содержание субъекта, хотя и в более мягкой форме, к биологическим предикатам человеческой деятельности, натуралистически апеллирует к гедонистически понятому утилитаризму, что не имеет исторического лица и может быть использовано в качестве этического постулата в любом обществе.

Таким образом, во имя своеобразно понятой биологической естественности человеческого бытия фундаментально нарушается социально – историческая естественность этого бытия, в котором жизнь человека лишается общезначимого родового содержания. Природа нравственности, её нормы не выводятся из общества. Они исходят от человека, в данном случае никак не связанного с ним. Согласно теоретическим позициям этих мыслителей, общество по существу не формирует человека, оно противостоит человеку как чуждое ему образование разрозненных индивидов, выступающее по отношению к нему своеобразным «раздражителем» в процессе реализации им своих эгоистических потребностей. «Правильно понятый интерес» Бентама (впрочем, как и Штирнера) – это эгоистический интерес индивида, стремящегося удовлетворить свои естественные потребности за счет общества.

---

1. Штирнер М. *Единственный и его собственность*. Харьков, 1994.

2. Фромм Э. *Человек для себя* // Штирнер М. *Единственный и его собственность*. Харьков, 1994.

---

1. Stirner M. *The Ego and Its Own*. Kharkiv, 1994.

2. Fromm E. *Man for Himself* // Stirner M. *The Ego and Its Own*. Kharkiv, 1994.

Упоров Иван Владимирович

доктор исторических наук, кандидат юридических наук,
профессор, профессор кафедры конституционного
и административного права
Краснодарского университета МВД России
(e-mail: milena.555@mail.ru)

Девиантное поведение несовершеннолетних как предпосылка совершения ими преступных деяний

В статье говорится о девиантном поведении несовершеннолетних. Автор подчеркивает, что основными формами девиации несовершеннолетних как предпосылок их преступного поведения являются бродяжничество, проституция, наркомания, алкоголизм.

Ключевые слова: девиантность, повеление, несовершеннолетние, Россия, общество.

I.V. Uprov, Doctor of historical sciences, candidate of law, professor, professor of the chair of constitutional and administrative law of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia; e-mail: milena.555@mail.ru

Deviant behavior minors as precondition of commission by them criminal actions

In article to be spoken about deviant behavior of minors. Author said, that main forms of deviation of minors as preconditions of their criminal behavior are vagrancy, prostitution, drug addiction, alcoholism.

Key words: deviance, command, minors, Russia, society.

Девиантное поведение несовершеннолетних представляет собой отклонение от сложившихся социальных норм, при этом к основным негативным его формам в современном обществе следует отнести прежде всего наркоманию, алкоголизм, проституцию, бродяжничество, то есть те формы, которые являются социальной предпосылкой преступности. Иначе говоря, преступность среди несовершеннолетних прямо коррелирует с девиантным поведением, являясь крайним его выражением, что находит закрепление в уголовном законодательстве. Достаточно сказать, что, например, в России каждое третье преступление, совершаемое несовершеннолетними, осуществлялось ими в состоянии алкогольного или наркотического опьянения, 10% детей 8-14 лет регулярно принимают наркотики. Для работающих несовершеннолетних характерна частая смена работы, стремление к «легкому заработку», потеря нравственных идеалов. Растут женский алкоголизм, вовлечение несовершеннолетних и даже детей в секс-бизнес. Негативным социальным фоном развития преступности среди несовершеннолетних стали распад семейных связей, жестокое обращение с детьми в семьях и детских специальных заведениях (ежегодно

более 50 тыс. подростков уходят из семьи, более 20 тыс. покидают детские дома и школы-интернаты), невозможность адаптации подростков к современным социально-экономическим условиям, безотцовщина, нравственная деградация, психическая неполноценность [1]. В этих условиях до совершения несовершеннолетним преступления достаточного нередко незначительного повода.

По мнению некоторых ученых, массовый правовой нигилизм молодежи на фоне роста общей преступности может привести к введению чрезвычайных положений и мер, которые со временем станут обычной нормой жизни [2]. Также можно ожидать введения подобных мер в некоторых российских регионах, где нарастает вал преступности [3]. Мы полагаем, что такие оценки все же носят крайний характер, однако нельзя не согласиться с самой постановкой такого вопроса, которая отражает весьма тревожное состояние в данной сфере. Как представляется, преступность несовершеннолетних как крайнее проявление их девиантного поведения имеет определенные предпосылки. В их числе следует назвать следующие: отрицательные влияния в семье – по нашим данным, в 30-35 % случаев преступлений несовершеннолетних установлено прямое

отрицательное влияние родителей и старших членов семьи (пьянство, грубость, жестокость, асоциальный образ жизни), при этом типичными для родителей несовершеннолетних преступников являются низкая культура, престижно-потребительские установки; отрицательные влияния в ближайшем окружении: бытовом, учебном, производственном со стороны как сверстников, так и взрослых; проникновение в молодежную среду стереотипов поведения, не совместимых с общественными ценностями (пропаганда наркотиков, культ силы, половой распушенности); неумение и/или нежелание педагогов формировать позитивные идеалы у учащихся в условиях плюрализма мнений, давления демагогии, экстремизма; распад системы трудоустройства подростков и воспитания их в трудовых коллективах; длительное отсутствие вследствие этого определенных занятий у части молодежи.

Такого рода факторы формируют криминальную личность, для которой характерны утрата интереса к учебе, узкоутилитарное отношение к профессии, равнодушие к проблемам общества, существенные искажения нравственного и правового сознания, в частности, толкование долга, совести, дозволенности, исходя из личных желаний или групповой солидарности, ориентация на сиюминутные удовольствия, равнодушие к переживаниям и страданиям других людей, жестокость, лживость, несамокритичность. Сформированный криминальный тип личности уже готов к совершению преступления, и в соответствующей ситуации такой человек, мало задумываясь, совершает его. Часто в основе преступлений лежат конфликты: бытовые, межличностные, межнациональные и т.д. Нередко в их результате совершаются преступные действия, а в последние годы «выяснения конфликтных отношений» в преступной среде стали носить особо жестокий характер. Например, все чаще имеют место случаи, когда школьники избивают своих сверстников, снимают это на мобильные телефоны, а затем выкладывают в сети интернет.

Важным фактором, детерминирующим преступность среди несовершеннолетних, является детская безнадзорность, которую часто обозначают как бродяжничество. В настоящее время ни одна официальная служба не располагает точными данными о количестве безнадзорных детей в России, Специалисты же считают, что в каждом крупном городе России (с населением от 500 тыс. до миллиона) насчитывается от 20 до 45 тыс. безнадзорных подростков [4]. Ежегодно увеличивается количество исков о лишении родительских прав, удовлетворенных судами. Возросло число родителей, для которых установлено ограничение в

правах в отношении своих детей. Несовершеннолетние, чьи родители лишены родительских прав, длительное время (порой несколько лет) вынуждены проживать в крайне неблагоприятной семейной обстановке, так как вопрос об их жизнеустройстве решается органами опеки и попечительства крайне медленно. Лишенные родительского попечения, эти дети наиболее склонны к бродяжничеству, подвергаясь опасности стать жертвами насилия и преступлений, вступить в преступную деятельность.

Постоянно растут масштабы социального сиротства несовершеннолетних. В российских детских домах воспитываются 132 тыс. детей, оставшихся без родителей. По данным исследования, проведенного Детским фондом ООН (ЮНИСЕФ), среди выпускников детских домов и интернатов 40 % становятся преступниками, 30 % — алкоголиками и наркоманами, 10 % — склонных к суициду. Только 10 % выпускников школ-интернатов и детских домов имеют возможность устроиться на работу и вести нормальный образ жизни. Согласно данным того же фонда, каждое пятое преступление в России совершается подростком, 85 % преступных группировок и банд включают в себя детей. Каждый четвертый беспризорный подросток уже совершил уголовно наказуемое деяние, а в Москве — каждый второй [5]. В последние годы фиксируется устойчивый рост венерических заболеваний в среде несовершеннолетних, особенно среди социально дезадаптированных подростков, многие из которых становятся жертвами сексуального насилия.

Преступность несовершеннолетних как негативное социальное явление отражает, таким образом, еще и такое важное обстоятельство, как влияние на этот процесс семейных отношений. Дело в том, что, как справедливо отмечается в литературе, основная тяжесть материального обеспечения и воспитания несовершеннолетних ложится именно на семью как первичную ячейку любого общества. Однако сложность современного экономического положения, безработица и другие факторы приводят к тому, что многие семьи не готовы надлежащим образом выполнять эту важнейшую социальную функцию [6]. Не удивительно, что большинство несовершеннолетних преступников (почти три четверти) — это дети малообеспеченных, неполных, криминализованных и других неблагоприятных семей. Соответственно ослабляется традиционная форма социального контроля за поведением несовершеннолетних, реальные условия жизни ориентируют их на праздно-развлекательные формы досуга.

Форма девиантного поведения среди несовершеннолетних в виде проституции также представляет чрезвычайно тенденцию к ухуд-

шению. Проституция в России, практически совершенно неконтролируемая, достигла таких масштабов, что стала сродни стихийному бедствию [7]. В немалой степени этому способствовало то обстоятельство, что ранее, в советский период, данная проблема искусственно замалчивалась, в результате чего данное негативное социальное явление зашло в своем развитии в такую стадию, из которой его вывести представляет большие сложности. Следует вместе с тем согласиться с мнением о том, что в «эротическая тема чрезмерно эксплуатируется средствами массовой информации, чаще всего выраженная в бессодержательной, пошлой, вульгарной и однобокой форме. Особо следует отметить распространенность и легкодоступность порнографии, в том числе для несовершеннолетних» [8]. О сложности проблемы проституции среди несовершеннолетних свидетельствует все большее ее распространение на международном уровне. Соответственно в последнее время все большую озабоченность вызывает проблема защиты детей от всех форм сексуальной эксплуатации и сексуального совращения. Известно, что педофилия (сексуальное влечение к ребенку) наиболее распространена в развитых странах. Так, в Нидерландах детская проституция охватывает как местных детей, так и детей трудящихся-мигрантов и детей, завезенных контрабандным путем. В России эта проблема также усугубляется [9]. И хотя в последнее время принят ряд актов, усиливающих наказание на педофилию, проблема остается очень острой, поскольку остаются причины, приводящие к педофилии.

Следующая форма девиантного поведения несовершеннолетних не менее актуальная – наркомания. В литературе все чаще наркомания среди несовершеннолетних оценивается на уровне «национальной катастрофы» [10]. Основания для таких оценок имеются. Дело в том, что статистика свидетельствует о росте числа несовершеннолетних, потребляющих наркотические вещества, несмотря на принимаемые меры. В последние годы только официальное количество молодых наркоманов, которые проходят курс лечения в наркологических учреждениях России колеблется в районе тридцати тысяч человек [11]. В литературе указываются данные, согласно которым ежегодное увеличение числа несовершеннолетних, подвергаемых психическим заболеваниям в связи с употреблением наркотиков, составляет 20 % [12]. Прогрессирующее ухудшение наркоситуации в России сопровождается неуклонным «омоложением» современной российской наркомании. Одновременно с распространением наркотизации в детско-подростковой среде происходит абсолютный

рост числа несовершеннолетних, нуждающихся в помощи в связи с зависимостью от психоактивных веществ. А в последние годы в сфере наркомании наблюдается особенность, которая заключается в том, что все чаще потребителями наркотиков становятся достаточно социально адаптированные и благополучные подростки. Так, из числа лиц, обнаруживших тенденцию к употреблению наркотиков, более половины составляют студенты высших учебных заведений. В целом же подростков, потребляющих наркотические препараты, можно встретить в любой категории социально stratифицированного населения. Более того, все чаще несовершеннолетним становится необходимым ориентироваться в вопросах наркотизации, чтобы не прослыть «белой вороной». Сейчас все чаще в подростковом и юношеском сознании разрушаются барьеры, отделяющие человека от первой инъекции, и молодые люди, еще не попробовав наркотики, уже смотрят на мир глазами наркомана. Приобщаясь к кругам, где распространено потребление наркотиков, они перенимают их взгляды, ценности, образ жизни.

С наркоманией тесно связана другая форма девиантного поведения несовершеннолетних – алкоголизм, которая как хроническая болезнь распространена хотя и в меньшей степени, чем наркомания, однако также представляющая весьма негативное явление. При этом ранняя алкоголизация особо опасна по ряду причин: воздействие алкоголя на молодой организм приводит к более тяжелым последствиям медицинского и социального характера; резко сокращаются сроки перерастания пьянства в алкоголизм (2-4 года вместо 5-10 лет для взрослого человека); увеличивается риск рождения детей с физическими и психическими аномалиями; повышается вероятность криминального поведения. Следует заметить, что уровень потребления алкоголя в России существенно возрос во всех возрастных группах, но больше всего – среди несовершеннолетних.

Таким образом, можно констатировать, что основными формами девиации несовершеннолетних как предпосылок их преступного поведения являются бродяжничество, проституция, наркомания, алкоголизм. На определенном этапе пребывания несовершеннолетнего в одном из этой форм и тем более в их совокупности возникает высокая вероятность совершения им преступления как крайней формы девиантного поведения. Соответственно государству необходимо усиливать меры по профилактике девиантного поведения – с тем, чтобы не допустить его трансформации в преступные деяния.

1. Пашкова Е.Н. Девиантное поведение подростков как форма проявления дефицита морального и нравственного развития личности // Открытый урок / 1september.ru (дата обращения – 04. 07. 2012 г.); См. также более ранние данные: Юридическая социология. М., 2002. С. 251-252.

2. Щегорцов А.А. Перспективы молодежи в условиях социально-экономической трансформации российского общества // Аналитический вестник. 2010. № 15 (103). Молодежь в условиях социально-экономической трансформации российского общества. М., 2006. С. 31.

3. Россия в поисках стратегий: Общество и власть / Под ред. Г.В. Осипова. М., 2006. С. 36.

4. Молодежь в условиях социально-экономической трансформации российского общества. М., 2009. С. 21.

5. Гребешева И.И. Социальные аспекты репродуктивного здоровья и ответственного родительства // Социология и общество / Материалы конференции. М., 2008. С. 155.

6. Ревин В.П. Современные проблемы изучения и организации борьбы с преступлениями в сферах семейно-бытовых и молодежных досуговых отношениях. Дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1993. С. 77.

7. Каджая В. Несчастные жертвы или наперсницы разрата? // Независимая газета. 2005. 6 июля.

8. Щербакова А.В. Проституция несовершеннолетних // Проблемы профилактики правонарушений среди несовершеннолетних. Материалы региональной научно-практической конференции. Краснодар, 2000. С. 78.

9. Богуславская О. Страна непуганых педофилов // Московский комсомолец. 2011. 28 июня.

10. См., например: Попов В.А., Кондратьев О.Ю. Наркотизация в России – шаг до национальной катастрофы // Социологические исследования. 1998. № 8. С. 65; Жабский В.А. Наркотизм несовершеннолетних (правовой и криминологический аспекты). Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов/Д., 1999. С. 6 и др.

11. Юдин И. Наркобизнес переходит всякие границы // Щит и меч. 2008. 4 апреля.

12. Щербинина Г.А. Забракованный брак // Правда. 2006. 15 ноября.

1. Pashkova E.N. Deviant behavior of teenagers as a form of manifestation of deficiency of moral and moral development of the personality // Open lesson / 1september.ru (address date – 04. 07. 2012); See also earlier data: Legal sociology. M., 2002. P. 251-252.

2. Shchegortsov A.A. Youth prospects in the conditions of social and economic transformation of the Russian society // Analytical messenger. 2010. No 15 (103). Youth in the conditions of social and economic transformation of the Russian society. M., 2006. P.31.

3. Russia in search of strategy: Society and the power / Under the editorship of G.V. Osipov. M., 2006. P. 36.

4. Juvenile in the conditions of social and economic transformation of russian society. M., 2009. P. 21.

5. Grebesheva I.I. Social aspects of reproductive health and otkvetstvenny parents // Sociology and conference societies / Materials. M., 2008. P. 155.

6. Revin V.P. Modern problems of studying and the organization of fight against crimes in spheres the family and household and youth leisure relations. Dis. ... doc. law scien. M., 1993. P. 77.

7. Kadzhy V. Unfortunate victims or confidantes of debauchery? // Independent newspaper. 2005. July 6.

8. Shcherbakova A.V. Prostitution of minors // Problems of prevention of offenses among minors. Materials of regional scientific and practical conference. Krasnodar, 2000. P. 78.

9. Boguslavskya O. Country of untamed pedophiles // Moscow Komsomol member. 2011. June 28.

10. See, for example: Popov V.A. Kondratyev O.Ju. Narcotization in Russia – a step before national accident//Sociological research. 1998. No 8. P.65; Zhabsky V.A. Narkotizm of minors (legal and criminological aspects). Autoref. dis. ... cand. law scien. Rostov/D., 1999. P. 6, etc.

11. Yudin I. Drugbusiness passes any borders // the Board and a sword. 2008. April 4.

12. Scherbinina G.A. Defective marriage // Truth. 2006. November 15.

Бугаенко Юлия Юрьевна

кандидат философских наук,
докторант кафедры философии и социологии
Краснодарского университета МВД России
(тел.: 89184305957)

Концептуализация понятия правовая культура с позиций социальной философии

В данной статье автор подчеркивает, что правовая культура в ракурсе социально-философского исследования представляет собой относительно самостоятельную сферу культуры, которая, тем не менее, включена в общие социокультурные процессы в масштабе конкретного общества и современного мира в целом.

Ключевые слова: правовая культура, социальная философия, понятие, принципы, социальный институт.

Yu.Yu. Bugaenko, Candidate of philosophical sciences, doctorant of the chair of philosophy and sociology of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia; tel.: 89184305957.

Conceptualization of intention legal culture from positions of the social philosophies

In this article author sayed, that, legal culture in a foreshortening of social and philosophical research represents rather independent sphere of culture which is nevertheless included in the general sociocultural processes on the scale of concrete society and the modern world as a whole.

Key words: legal culture, social philosophy, concept, principles, social institute.

Правовая культура в ракурсе социально-философского исследования представляет собой относительно самостоятельную сферу культуры, которая, тем не менее, включена в общие социокультурные процессы в масштабе конкретного общества и современного мира в целом. Правовая культура - это специфический социальный институт, выполняющий функцию формирования у людей политического и правового сознания, ценностно-нормативных установок, а опосредованно и правового поведения [1]. В рамках правовой культуры можно выделить культуру правового поведения и культуру законодательства [2].

Правовая культура - это сфера человеческой практики, представляющая собой совокупность норм, ценностей, юридических институтов, процессов и форм, выполняющих функцию социо-правовой ориентации людей в конкретном обществе (цивилизации). А.Б. Венгеров пишет, что правовая культура - это «...более высокая и емкая форма правосознания» [3]. Однако такое понимание культуры, как считает исследователь И.В. Ковалева, вообще не может являться научным и правильным, так как затрагивает лишь сферу идеального, игнорирует деятельность и результаты деятельности обладающих правосознанием субъектов [4].

Под правовой культурой понимается также обусловленное всем социальным, духовным, политическим и экономическим строем качественное состояние правовой жизни общества; выражающееся в достигнутом уровне развития правовой деятельности, юридических актов, правосознания в целом и уровне правового развития субъекта (человека, различных групп всего населения), а также степени гарантированности государством и гражданским обществом свобод и прав человека. Правовая культура, по определению В.П. Сальникова, есть «...особое социальное явление, которое может быть воспринято как качественное правовое состояние и личности, и общества, подлежащее структурированию по различным основаниям» [5]. Правовую культуру и личности, и общества он рассматривает как важнейший результат общедемократических завоеваний, неотъемлемый компонент цивилизованности и правового государства.

Однако есть и иные точки зрения, И.А. Иванников предложил следующее определение правовой культуры: правовая культура - это одна из форм социально значимой творческой деятельности людей в сфере государственно-правовых отношений, которая выражается в правовых нормах, институтах, в способности оценки этих явлений и духовных продуктах жизнедеятельности, в навыках и

ценностях, которые влияют на их юридически значимое поведение [6].

Социально-философское исследование правовой культуры, должно затрагивать такие важные предметные области, как проблемы социальной детерминации культурно-правовых явлений, этнопсихологические и архетипические основания правового менталитета и правовой культуры. Таким образом, рассмотрение перечисленных проблем требует, прежде всего, комплексного социально-философского подхода.

Прежде, обратимся к термину «культура». От того, как мы понимаем культуру, зависит смысл, который вкладывается в словосочетание «правовая культура». Дело в том, что в мировой и отечественной культурологии нет не только единого понимания культуры, но и общего взгляда на пути ее изучения, хотя не единожды предпринимались попытки обобщения и систематизации теорий, концепций и дефиниций культуры [7]. Естественно, наиболее общее представление о культуре развивается в философии культуры. Однако и философы существенно различаются в своих подходах к пониманию и изучению культуры и, соответственно, в трактовках ее проявлений в разных сферах жизни, в том числе и в сфере права.

Культура иногда отождествляется практически со всей жизнедеятельностью человека, понимается как способ человеческой деятельности [8]. В теориях первых культурных антропологов и их последователей, а также в некоторых исторических школах [9] фактически синонимом культуры является слово «цивилизация». Правда, в немецкоязычной философско-культурологической традиции после О.Шпенглера цивилизация трактуется и в качестве обозначения периода «загнивания», кризиса культуры [10]. Существует целый ряд подходов к пониманию культуры со стороны ее семиотического или семантического – символического смысла [11], со стороны социологии [12], антрополого-этнографические подходы [13].

Среди этих подходов, как показал Г.П. Выжлецов [14], в XX в. очевидно выделяется аксиологический, развитый в философии неокантианцев (В. Виндельбанд, Г. Риккерт и др.), в философии жизни (Ф. Ницше, Г. Зиммель и др.), в экзистенциализме (А. Камю, Ж.-П. Сартр, К. Ясперс и др.), в феноменологии (М. Шелер, Н. Гартман и др.), а в России Н.А. Бердяевым, Н.О. Лосским, С.Л. Франком. В отечественной философии советского периода этот же подход по-разному раскрывался в работах О.Г. Дробницкого, М.С. Кагана, И.С. Нарского, В.П. Тугаринова и др.

На основе изучения культуры и ценностей, присутствующих той или иной культуре, современные

исследователи [15] выделили типологию правовых культур [16].

Первый тип культуры, который возможно выделить – теоцентристская правовая культура. Этот тип культуры свойствен правовым системам, основанным на обычном праве. В теоцентристской правовой культуре свобода человека и чувство справедливости основаны на апелляции к Богу как абсолютной истине. Человеку здесь отведена пассивная роль в создании духовных ценностей. В таких культурах право сливается с моралью и религиозной доктриной, нарушение норм рассматривается как грех. Законотворческая деятельность в таких культурах не развита, так как нормы – это закон Божий. По этой же причине нормы не могут оспариваться, подвергаться оценке.

Второй тип культуры – натурацентристская. Она строится на вере в разумную природу человека, в человеческий разум, являющийся в данном типе культуры высшей ценностью. В Западной Европе этот тип культуры начал формироваться с эпохи Возрождения. В сфере теории права это выражено позитивистски. Закон – продукт рациональной, позитивной, разумной деятельности – оказывается выражением высшей справедливости. Релятивизм ценностного бытия человека в этой культуре объясняется приматом рационального в познании. Человеческая свобода определяется буквой закона, а к понятию личность добавляется «правовая», что подразумевает – «соблюдающая закон». Таким образом, о внутренней, духовной свободе речь не идет, и человек рассматривается в качестве элемента механизма. Право отождествляется с законом, а мораль резко отделяется от права. Это нередко приводит к тому, что высокие нравственные идеалы оказываются оторванными от реального поведения, а отрицание ценности права и искажение ее сущности порождают разные формы правового нигилизма и идеализма.

Разновидностью натурацентристской культуры является характерная для России Нового и Новейшего времени социоцентристская (или системоцентристская) культура поскольку, несмотря на то, что за основу человеческого развития здесь берется не природа, а общество, оно все же понимается, согласно Марксу, как «естественно-исторический процесс», подчиняющийся общим законам [17]. Здесь нет места человеку, так как главной ценностью является общее благо, чему соответствует вся правовая система и оценки правовых и преступных деяний (например, размеры наказаний определены в зависимости от ущерба, причиненного обществу). Свобода человека при этом не является ценностью, поскольку подменяется понятием произвол. Поэтому право в социоцентристской культуре ассоциируется с

законом и основная его функция – принуждение, что развивает негативное восприятие права в правовом сознании.

Антропоцентристская правовая культура является единственным типом культуры, где основная ценность – свободная личность, а юридическая мысль ориентирует правовую систему на права человека. Коренное отличие этой теории от концепции «естественного права», или персонализма, которые представляют собой лишь вариант натуралистской культуры, заключается в том, что критерием свободы человека является сам человек, духовно развитый в ценностном и нравственно-эстетическом смысле, с высокой степенью ответственности за свою свободу. Может быть, точнее говорить о том, что, в сущности, правовая культура и может быть реализована на принципах антропоцентризма.

Культура такого типа стремится к устранению антагонизма между человеком и природой, человеком и обществом, человеком и буквой закона, между правом и моралью, между различными правовыми культурами, и к преодолению внутреннего для человека разлада, вызванного, в частности утратой религиозного чувства. Только правовая система, основанная на культуре, способной к коммуникации, может изменить отношение к праву как «инструменту насилия и принуждения», приобщить людей к правовой культуре, а, значит, соблюдению норм права на основе глубокого убеждения в их справедливости, на основе духовной свободы, которая означает ответственность по отношению к другим людям. В современном мире это – единственная возможность для человечества, и значит, необходимо вспомнить, что назначение права – способствовать сохранению человечества, регулируя поведение людей, создавая равновесие между добром и злом, справедливостью и несправедливостью, истиной и ложью, свободой и произволом. Причем, реализуемость принципа антропоцентризма в праве, очевидно, связана с утверждением в правовом сознании идей плюрализма и действенностью этих идей [18].

Правовая культура в ракурсе социально-философского исследования представляет собой относительно самостоятельную сферу культуры, которая, тем не менее, включена в общие социокультурные процессы в масштабе конкретного общества и современного мира в целом.

В правоведческой литературе феномен правовой культуры исследовался достаточно подробно. В кругу наиболее интенсивно разрабатываемых вопросов отчетливо выделяются два направления, которые условно могут быть обозначены как теоретико-правовое и при-

кладное, связанное с конкретным нормотворчеством. В первом случае исследуются проблемы, связанные с осмыслением зависимостей, возникающих между содержанием правовых положений и ценностями цивилизации (политическими, моральными, эстетическими, этическими и т.п.). Во втором случае речь идет, как правило, о том, как именно конкретные законодательные нормы, определяя поведение индивида в обществе, обеспечивают соблюдение и реализацию естественных прав личности.

Вопрос о структуре правовой культуры в отечественной научной литературе является дискуссионным.

Так, например, профессор В.П. Сальников считает, что структурными элементами правовой культуры выступают компоненты юридической действительности: «... право, правосознание, правовые отношения, законность и правопорядок, правомерная деятельность субъектов» [19]. Конечно, вышеназванные элементы правовой культуры пересекаются либо выступают составными частями других культурных структур. «Представить в полной мере сущность правовой культуры нельзя, не выделяя ее в логическую структуру, - отмечает В.П. Сальников. - В этой плоскости правовая культура представляет собой юридические понятия и категории, оценки (оценочные суждения) и деонтические модальности» [20]. Под деонтическими модальностями здесь имеются в виду нормативные суждения, включающие такие модальные операторы, как «обязательно», «разрешено», «запрещено», которые складываются на основе правовых знаний, оценок, и т.д.

Помимо названных выше структурных элементов правовой культуры другие авторы включают в нее еще и правовые учреждения, обеспечивающие правовой контроль, регулирование и исполнение права, а также критерии политической оценки права и правового поведения, правовую науку. В качестве элемента правовой культуры выделяют также уровень развития всей системы юридических актов (юридических документов). Однако это скорее не элементы, а аспекты правовой культуры. Суммируя все выделенные в литературе компоненты, получим следующий состав правовой культуры: правосознание; право; правовые отношения; законность и правопорядок; правомерная деятельность субъектов; государственно-правовые институты; юридическая наука; юридические акты.

Конечно, это не исчерпывающий перечень аспектов правовой культуры, т.к. в процессе аккультурации возможно количественное увеличение структурных элементов правовой культуры. Привнесение в одну правовую куль-

туру элементов другой культуры приводит к системным изменениям в обществе, государстве и в образе жизни людей [21]. По мнению А.Р. Ратинова и Г.Х. Ефремовой, в состав правовой культуры входят следующие наиболее крупные культурные комплексы:

право как система норм, выражающих государственные веления;

правоотношения, т.е. система общественных отношений, регулируемых правом;

правовые учреждения как система государственных органов и общественных организаций, обеспечивающих правовой контроль, регулирование и исполнение права;

правовое поведение как правомерное, так и противоправное;

правосознание, т.е. система духовного отражения правовой действительности, и правовая психология [22].

Таким образом, подробно проанализировав понятие правовой культуры - вывод, что оно теснейшим образом связано с такими категориями как правовое сознание и правовое поведение, которые во многом определяют состояние правовой культуры в обществе. Социально-философский анализ основных составляющих категории «правовая культура», показал, что с правовой культурой, которая на основе знаний и представлений формирует легитимные (общепризнанные) поведенческие образцы, нормы, ценности, стереотипы и правила в отношении к позитивному праву, регулирующие активность различных общественных субъектов, тесно связано правосознание

1. Чернышенко А.Г. *Правосознание: понятие, структура, сущность в контексте социокультурного анализа* // *Научная мысль Кавказа. Приложение. 2002. № 15. С. 38.*

2. Клейменова Е.В., Моралева К.А. *Правовая культура и ее стандарты в конституциях Российской Федерации* // *Правоведение. 2003. № 1. С. 52.*

3. Венгеров А.Б. *Теория государства и права. Ч. II. Теория права. М., 1996.*

4. Ковалева И.В. *Ценности правовой культуры в представлениях российского общества конца XIX - начала XX вв. Великий Новгород, 2002. С. 28.*

5. Сальников В.П. *Правовая культура* // *Актуальные проблемы теории права / Под ред. К.Б. Толкачева и А.Г. Хабибулина. Уфа, 1995. С. 150-151.*

6. Иванников И.А. *Теория государства и права. Ростов/Д., 2001. С. 295.*

7. См.: Kroeber A.L. and Kluckhohn C. *Culture. A Critical Review of Concept and Definitions. Harvard Univ., 1952; Kaplan D. and Manners R.A. Culture Theory. New York, 1972; Каган М.С. Философия культуры. СПб., 1996.*

8. Маркарян Э.С. *Теория культуры и современная наука. М., 1983.*

9. Ковалевский М. *Родовой быт в настоящем, недавнем и отдаленном прошлом. Опыт в области сравнительной этнографии и истории права. Вып. 1. Приложение к журналу «Вестник и библиотека самообразования». СПб.: Брокгауз-Ефрон. 1905; Тайлор Э. *Первобытная культура. М., 1989; Тойнби А.Дж. Постижение истории. М., 1991 и др.**

10. Шпенглер О. *Закат Европы. М., 1993.*

11. Гадамер Х.Г. *Истина и метод. М., 1988; его же: Актуальность прекрасного. М., 1991; Кассирер Э. Лекции по философии и культуре // *Культурология XX века. М., 1995; Лотман Ю.М. Культура и взрыв. М., 1992; его же: Статьи по типологии культуры. Тарту, 1970.**

12. Parsons T. *The Social System and Evolution of Action Theory. N.-Y., 1977; Sorokin P. Society, Culture and Personality. N.-Y., 1947; Сорокин П. Человек, цивилизация, общество. М., 1992.*

13. Boas F. *General anthropology. N.-Y. Boston, 1944; Malinovsky B.A scientific Theory of Culture and other Essays. N.-Y., 1969; Radcliffe-Brown A. Method in Social Anthropology. L., 1958 и др.*

14. Выжлецов Г.П. *Аксиология культуры. СПб., 1996.*

15. Ковалева И.В. *Ценности правовой культуры в представлениях российского общества конца XIX - начала XX вв. Великий Новгород, 2002. С. 31-33.*

16. В основу данной типологии положена модель типов культур М.С.Кагана. См.: Каган М.С. *Философия культуры. С. 389-393.*

17. Ковалева И.В. *Ценности правовой культуры в представлениях российского общества конца XIX - начала XX вв. Великий Новгород, 2002. С. 32.*

18. Ковалева И.В. *Указ.соч.С. 33.*

19. Сальников В.П. *Правовая культура* // *Актуальные проблемы теории права / Под ред. К.Б. Толкачева и А.Г. Хабибулина. Уфа, 1995. С. 152.*

20. Там же. С. 155.

21. Ковлер А.И. *Антропология права. М., 2002. С.368.*

22. Ратинов А.Р., Ефремова Г.Х. *Правовая психология и преступное поведение. Теория и методология исследования. Красноярск, 1988. С. 8.*

1. Chernyshenko A.G. *Sense of justice: concept, structure, essence of a context of the sociocultural analysis* // *Scientific thought of the Caucasus. Seraund. 2002. No 15. P. 38.*

2. Kleymenova E.V., Moraleva K.A. *Legal culture and its standards in constitutions of the Rus-*

- sian Federation // *Jurisprudence*. 2003. No 1. P. 52.
3. Vengerov A.B. *State and right theory. P. II. The theory is right*. M., 1996.
4. Kovalyova I.V. *Values of legal culture in representations of the Russian society of the end by XIX - the beginnings of the XX centuries Veliky Novgorod*, 2002. P. 28.
5. Salnikov V.P. *Legal's culture // Actual problems of the theory of the right / Under the editorship of K.B. Tolkachyov and A.G. Khabibulin*. Ufa, 1995. P. 150-151.
6. Ivannikov I.A. *State and right theory*. Rostov/D., 2001. P. 295.
7. См.: Kroeber A.L. and Kluckhohn C. *Culture. A Critical Review of Concept and Definitions*. Harvard Univ., 1952; Kaplan D. and Manners R.A. *Culture Theory*. New York, 1972; Kagan M.S. *Culture philosophy*. SPb., 1996.
8. Markaryan E.S. *Theory of culture and modern science*. M., 1983.
9. Kowalewskiy M. *A patrimonial life in the present, recent and remote past. Experience in area of comparative ethnography and right history*. Vyp. 1. Annex to the magazine «Messenger and self-education library». SPb.: Brockhaus-Efron. 1905; Taylor E. *Primitive culture*. M., 1989; Toynbee A.Jh. *History comprehension*. M., 1991, etc.
10. Spengler O. *Decline of Europe*. M, 1993.
11. Gadamer H.G. *Truth and method*. M., 1988; it: *Urgency of the fine*. M., 1991; Kassirer E. *Lectures on philosophy and culture // Cultural science of the XX century*. M., 1995; Lotman Yu.M. *Culture and explosion*. M., 1992; it: *Articles on culture typology*. Tartu, 1970.
12. Parsons T. *The Social System and Evolution of Action Theory*. N.-Y., 1977; Sorokin P. *Society, Culture and Personality*. N.-Y., 1947; Sorokin *Item Person, civilization, society*. M., 1992.
13. Boas F. *General anthropology*. N.-Y. Boston, 1944; Malinovsky B.A *scientific Theory of Culture and other Essays*. N.-Y., 1969; Radcliffe-Brown A. *Method in Social Anthropology*. L., 1958, etc.
14. Vyzhletsov G.P. *Culture axiology*. SPb., 1996.
15. Kovalyova I.V. *Values of legal culture in representations of the Russian society of the end by XIX - the beginnings of the XX centuries Veliky Novgorod*, 2002. P. 31-33.
16. The model of types of cultures of M.S.Kagan is put in a basis of this typology. See: Kagan M. S. *Culture philosophy*. Page 389-393.
17. Kovalyova I.V. *Values of legal culture in representations of the Russian society of the end by XIX - the beginnings of the XX centuries Veliky Novgorod*, 2002. P. 32.
18. Kovalyova I.V. *Values of legal culture in representations of the Russian society of the end by XIX - the beginnings of the XX centuries Veliky Novgorod*, 2002. P. 33.
19. Salnikov V.P. *Legal's culture // Actual problems of the theory of the right / Under the editorship of K.B. Tolkachyov and A.G. Khabibulin*. Ufa, 1995. P. 152.
20. *In the same place*. P. 155.
21. Kovler A.I. *The anthropology is right*. M., 2002. P. 368.
22. Ratinov A.R., Efremova G.H. *Legal psychology and criminal behavior. Theory and research methodology*. Krasnoyarsk, 1988. P. 8.

Горшенева-Долунц Илона Константиновна
соискатель кафедры философии и социологии
Кубанского государственного университета культуры и искусств
(тел.: 89649255555)

О сущности современной культурной политики

Автор анализирует содержание различных концепций, касающихся такого разнопланового понятия, как культурная политика.

Ключевые слова: право, источники права, обычное право, правовой обычай, правовой статус, правовой плюрализм, правовая система.

I.K. Gorsheneva-Dolunts, competitor of the chair of philosophy and sociology of the Kuban State University of culture and arts; tel.: 89649255555.

About essence modern cultural policy

The author analyzes contents of the various concepts concerning such versatile phenomenon as cultural policy.

Key words: right, right sources, common law, legal custom, legal status, legal pluralism, legal system.

Напомним, что культура как самостоятельная сфера бытия была «открыта» силой философской рефлексии и стала предметом самостоятельного рассмотрения во второй половине XIX в. Это произошло во многом благодаря разработке теории культуры как теории ценностей и символических форм в неокантианстве [1].

Баденская школа неокантианства исходила из признания качественного различия природы и свободы, которое было провозглашено в философии И. Канта. Развитие кантовской позиции происходило на методологической основе. В. Виндельбанд [2] в своих трудах классифицирует все суждения на два основных вида: абстрактно-логические и суждения чувственного удовольствия. Г. Риккерт противопоставляет логику и методологию естественнонаучного и гуманитарного познания [3]. Согласно Виндельбандту, вынесение оценок оказывается возможным, поскольку субъект является одновременно и носителем практического разума и единого идеального мира ценностей, обладающего характером долженствования. Сама возможность оценки есть проявление примата практического разума над теоретическим. Долженствование выделяет из всего многообразия оценок три их вида: логические, этические и эстетические. Только в них выражается не просто наше индивидуальное чувство удовольствия или неудовольствия от представляемого предмета, а норма оценки, а истина, добро и красота в единстве составляют ценностное ядро практического разума. Сфера влияния мира ценностей на эмпирический мир образует культуру [4], а философский

анализ культуры в баденском неокантианстве впервые связывается с изучением ее ценностного содержания.

Формирование культурно-исторических и цивилизационных концепций способствовало осознанию роли культуры в социальном и историческом процессе. Развитие образовательных стратегий государств, массовой культуры и другие факторы способствовали конституированию культуры в качестве важного фактора социального и политического процесса. Постепенно это привело к осознанию фундаментального значения культурной политики, наряду с экономической и социальной политикой. Однако, культурная политика является достаточно недавним явлением. Как отмечено в «Аналитическом докладе о стратегических направлениях культурной политики в странах СНГ» [5] культурная политика как самостоятельное направление деятельности государства сформировалась во второй половине XX столетия. «Право на культуру» и на свободное участие в культурной жизни сообщества было включено во Всеобщую декларацию прав человека (1948 г.), а в 1966 г. был ратифицирован Международный пакт ООН по экономическим, социальным и культурным правам. К концу XX в. в законодательстве большинства стран культурная политика была определена как деятельность государства по управлению, планированию и проектированию в области культуры. Так, в «Основах законодательства Российской Федерации о культуре» (1992 г.) дано следующее определение культурной политики: «Государственная культурная политика (политика государства в области культурного

развития) - совокупность принципов и норм, которыми руководствуется государство в своей деятельности по сохранению, развитию и распространению культуры, а также сама деятельность государства в области культуры». Данное понимание культурной политики было основано, в первую очередь, на достаточно традиционном понимании границ «сферы культуры» и на соответствующих представлениях о том, что нуждается в государственной поддержке: профессиональное искусство, «высокая культура» и ее популяризация. В то же время, к концу XX в. произошло переосмысление понятия «культура», во многом определенное благодаря деятельности ЮНЕСКО. Под культурой стали понимать образ жизни, способ совместного бытия, включая все виды человеческой деятельности [6].

Дискуссии в области культурной политики по всему миру привели к идее, активно разрабатываемой ЮНЕСКО, о необходимости нового подхода к структурированию культурной политики, которая будет соответствовать реалиям как устойчивого развития, так и мирного сосуществования. Ключевые элементы этой стратегии таковы:

интеграция планирования в сфере культуры в национальное планирование самого общего уровня, опирающееся на соответствующую инфраструктуру;

создание институциональных оснований, обеспечивающих связь между культурой и социальной сплоченностью, устойчивостью развития и благополучием людей, а также усиливающих синергетическое взаимодействие различных сфер политики и/или выход за пределы отдельных политических сфер (культурной, социальной, экономической и т.п.);

определение эффективных способов оптимизации деятельности по признанию ценности, сохранению и использованию разнообразных систем знания, включая традиционное знание, а также традиционные занятия людей, направленной на поддержку устойчивого развития;

нахождение соответствующих стратегий, направленных на развитие межкультурной компетентности субъектов государственного управления и планирования, а также нового гражданского мировоззрения и инициатив (организаций) гражданского общества, которые рассматривали бы инфраструктуру культуры как часть инфраструктуры, обеспечивающей национальное развитие в целом;

обновление и/или расширение форм деятельности в сфере культуры с учетом самых современных теоретических подходов и практических шагов в сфере межкультурных и межрелигиозных проблем, развития межкультурных компетенций и диалога, исторической и коллективной памяти, сохранения материаль-

ного и нематериального культурного наследия, поддержки многообразия форм культурного выражения и др.;

создание эффективных механизмов координации на региональном, национальном и местном уровнях с целью облегчить проведение в жизнь инновационных подходов поверх традиционных национальных, институциональных или культурных границ.

В зарубежной науке проблемы государственного регулирования сферы культуры пристально изучаются на протяжении последних шестидесяти лет (М. Пахтер, Ч. Лэндри, М. Драгичевич-Шешич, Б. Стойковича, Д. Тросби, Ф. Матарассо, А. Визанда, А. Пикока, С. Манди, Гейра-Вестхейма, Э. Гросжана и др. [7]). В отечественной социогуманитарной науке направление, посвященное вопросам управления развитием культуры, сформировалось в советские годы [8]. В них речь идет о социалистическом подходе к вопросам культурного строительства, обосновывается доминирующая роль государства.

В 1990-е гг. появились труды, представляющие разнообразные взгляды на проблему взаимодействия государства и сферы культуры; в теоретической сфере. Это работы А.И. Арнольдова, А.С. Балакшина, Т.Г. Богатыревой, Г.М. Галуцкого, О.И. Карпухина, Е.В. Мамедовой, В.В. Савельева, Г.А. Смирнова, др. [9].

Оригинальную концепцию государственной культурной политики представили В.С. Жидков и К.Б. Соколов [10], понимая под ней управление религией, наукой, искусством, через выработку и транслирование государственной идеологии с помощью системы образования и средств массовой коммуникации, при опоре на финансовые и материальные ресурсы.

Согласно А. Флиеру [11], культурная политика содержит собственно культурную политику и управление текущими культуротворческими процессами, которые представляют собой два уровня стратегии и тактики управленческой деятельности со своими целями, задачами, методами и инструментариями. Главным в культурной политике ученый видит необходимость осмысленной корректировки содержания отечественной культуры. Второй уровень - это комплекс оперативных действий по решению животрепещущих проблем существующих культуропроизводящих институтов. В этих работах авторы ориентируются на широкое культурологическое понимание культурной политики. Но появились и политологические работы на эту тему [12].

Так, Е.А. Страдина, делая выводы из своего анализа о государственной политике в сфере культуры 2007 г. делает важные заключения относительно взаимодействия государственной и региональной политики: роль органов

власти субъекта Российской Федерации и органов местного самоуправления, становится ведущей в системе регулирования развития культуры. Их деятельность не должна копироваться с центра, а быть ориентирована на потребности населения, проживающего на их территории, и самой сети организаций культуры.

Необходимость адаптации отечественной сферы культуры к новым условиям общественного развития инициировало исследование связи «государство и культура» специалистами отраслевых управлений, ведущими специалистами Министерства культуры Российской Федерации и творческих союзов [13]. Пристальное внимание уделяется насущным проблемам культурной деятельности в таких направлениях исследований: «культура и рынок» (К.Э. Разлогов, И.В. Абанкина, Т.В.Абанкина, Г.П. Иванов и др.); «финансирование культуры» (К.М. Гасратян, М.В. Кошкина и др.); «реформы и сфера культуры» (Б. Рудник, С. Шишкин, Е.Л. Игнатъева, Ю.А. Шубин и др.); «программирование и проектирование культурной деятельности» [14]. В России растет количество периодических специализированных изданий, целью которых является установление связи между теорией и практикой, предоставление возможности обмена опытом. Это такие издания, как «Ориентиры культурной политики», «Экология культуры», «Справочник руководителя учреждения культуры», «Материальная база сферы культуры», «Культура: управление, экономика, право», «АЛ-менеджер».

Важными для современной России являются исследования региональных аспектов государственной политики в сфере культуры. Анализ тенденций в разных регионах страны позволяет осмыслить конкретные проявления государственного регулирования культурной деятельности, что представлено в работах Г.А. Аванесовой, С.С. Ада辛ского, О.И. Астафьевой, Л.Е. Вострякова, И.И. Горловой, А.И. Голышева [15] и др.

Однако социальные и технологические трансформации конца XX начала XXI века еще более обострили внимание к этой теме. В Аналитическом докладе о стратегических направлениях культурной политики в странах СНГ [16] рассматриваются современные проблемы и направления развития культурной политики, ее приоритеты. Рассмотрим важнейшие из них.

Первый фактор, который отмечен в докладе – это изменение социального и культурного контекста. На месте бывшего СССР возникло множество независимых государств. В Европе и мире, наряду с экономической и финансовой интеграцией, наматились тенденции национальной дифференциации.

Информационное общество, наряду с тенденциями глобализации, также способствует росту социального и культурного многообразия. Концепт «культура» в этих условиях плавно трансформировался в концепт «культуры».

Крушение тоталитарной идеологии и утверждение новой экономической, политической и социальной реальности сформировало новый культурный ландшафт и новые правила игры в культурной политике. Как отмечено в докладе: «Культура как отрасль в традиционном ее понимании (искусство и наследие) потеряла свою значимость (и большую часть государственного финансирования), уступая местом массовым средствам массовой информации, знаменитостям системе «звезд», а также глобальной массовой культуре, которую обычно и не вполне корректно рассматривают как антикультуру и не-искусство». Так, в 1990 г. возникли условия для новой культурной политики. ... Исторически сложившиеся социально-культурная и политическая близость, экономическая взаимозависимость, миграционные потоки и личные связи стали играть роль главных скреп на пространстве Содружества Независимых Государств» [17].

Второй аспект новой культурной политики заключен в изменении фундаментального отношения «культура и производство». Переход от общества Модерна к обществу Постмодерна связан коренной переоценкой экономической эффективности культуры и культурных практик и технологий. Культурная политика становится инновационной, потому что в постиндустриальном обществе глобальная массовая культура XX и XXI вв., базирующаяся на принципе развлечения заявила о верховенстве экономических критериев, что было отражено и до сих пор отражается в политических документах.

Все сказанное не означает, что опыт государственной культурной политики СССР должен быть полностью проигнорирован. Напротив, важнейшей проблемой является использование этого опыта и переход к новой методологии культурной политики, с учетом как советского опыта, так и задач «новой экономики». Необходимость новой методологии культурной политики определяется следующими тенденциями: глобализация; рост культурного многообразия; переход к информационной цивилизации. Разработка методологии культурной политики современного социума на современных цивилизационных основах предполагает обращение к теме «модели культурной политики» [18] и рассмотрение приоритетов и направлений в этой области.

Для отечественной истории советского периода, которая предшествовала настоящему времени, была характерна стратегия патерна-

лизма, которая рассматривает культурную политику как оправдание и основание широкой государственной поддержки культуры. По инерции, многие согласятся с тем, что решающая роль в формировании и осуществлении культурной политики должна принадлежать государству. Альтернативный вариант - это концепция партнерства, которая прослеживается в действующей ныне Федеральной целевой программе «Культура России (2006–2010 годы)» [19]. Г.Г. Карпова считает, что – «это инновационный подход для России в том смысле, что впервые культурная политика рассматривается не только как затратная сфера. Предполагается, что культура может перейти с позиции «просителя» денег у государства на позицию «развития за счет собственных усилий» [20]. Она также полагает, что «следует попытаться преодолеть или уменьшить противоречия этих двух подходов путем совмещения политического курса и социальных программ, относящихся к разным концепциям культурной политики. Сосуществование альтернативных моделей культурной политики может быть объяснено тем, что эти концепции обслуживают различные по экономическим возможностям регионы [21]. Некоторые регионы могут действовать в рамках концепции патернализма, существовать только в условиях широкого патронирования сферы культуры со стороны государства, другие, имеющие больше ресурсов – в рамках концепции партнерства. Сегодня уже очевидно то, что, с одной стороны, старые подходы к менеджменту в сфере культуры входят в противоречие с управленческим стилем, который был сформирован со времен социализма, но, с другой стороны, тесная связь культуры и идеологии была и остается отличительной чертой государственной политики.

Идеологические изменения в российском обществе, сопровождающиеся экономическими реформами подразумевают как новые модели финансирования культуры государством, так и новую роль культуры в обществе и воспроизводстве. Поэтому работающими оказываются разные модели культурных стратегий. Работающей оказывается модель, связанная с культурной индустрией, шоу-бизнесом, коммерциализацией культуры и искусства. В то же время, прав и Д. Дондурей, считающий, что в условиях интенсивного роста коммерческой культуры государство обязано умножить усилия по поддержке культуры некоммерческой, защитить ценности, продукты и типы потребления, доступные немногим, сохранять необходимый баланс, поддерживая неприбыльное искусство от имени всего общества и будущих поколений [22]. С этой точки зрения подлинно демократическое государство благотворно для

культуры, т.к. именно такое политическое устройство по своей природе подразумевает создание равных условий и возможностей независимо от территории, социальной и др. группы.

Конкретным механизмом осуществления культурной политики является целевая программа «Культура России», которая в первый раз появилась в 2001 г. и была рассчитана на 2001–2005 гг. Подводя итоги реализации данной программы, А.В. Костина и Т.М. Гудима отмечают, что «она была профинансирована на 50 % от того, что планировалось в 2001 году» [23]. Затем была принята Федеральная целевая программа «Культура России (2006–2010 годы)» [24]. Общий объем финансирования данной программы составляет 64 млрд рублей, из них 54 млрд – из средств федерального бюджета. В целях реализации данной программы возобновлена работа Координационного Совета по культуре, на заседаниях которого обсуждаются важнейшие вопросы отраслевого развития, региональные проблемы. В ноябре 2005 года принято постановление о создании Совета по взаимодействию с организациями творческих работников при Министерстве культуры и массовых коммуникаций РФ, которое давало возможность ведущим представителям художественной интеллигенции принимать участие в разработке государственной политики в сфере культуры. Поиск направлен, с одной стороны, на сохранение национальных культурных ценностей, а с другой – на создание экономически рентабельных механизмов, позволяющих культуре эффективно развиваться в новых рыночных условиях и на обеспечение равенства культурного потребления. Таковы основные цели, определяющие современную культурную политику и ее приоритеты.

В числе целей – создание единого культурного пространства, что предполагает обеспечение равного доступа для всего населения страны к ценностям культуры, как это определено Конституцией РФ. В то же время дифференциация в обеспечении доступа населения к ценностям культуры настолько значительна, что говорить о едином культурном пространстве и интеграции в мировой культурный процесс можно только, как о желаемой перспективе. Равные возможности в приобщении к культурным ценностям отсутствуют как внутри отдельно взятого региона, где существенно различие доступа населения к культурным благам в городе и на селе; так и в рамках отдельно взятого городского пространства. Причина – социальное неравенство, отсутствие безбарьерной среды, которое приводит к ограничению выбора способов приобщения к культурным ценностям и практикам исключения из

единого культурного пространства людей с инвалидностью. Велика дифференциация регионов в осуществлении задач, поставленных программой. При очевидном дефиците выделяемых средств в современной России на культуру, закономерно то, что одна из обсуждаемых серьезных проблем развития культуры на современном этапе – необходимость адаптации культуры к рынку, системе рыночных отношений. Эта стержневая проблема прописана в программе. И здесь возникают определенные трудности. Главная сложность при планировании культурных процессов в условиях построения рыночных отношений – выработка системы количественных индикаторов развития культуры. В программе «Культура России» была предпринята попытка сформулировать экономические количественные индикаторы, показатели, критерии, оценки результативности. Их восемнадцать, и они расписаны по годам. Мы не можем отрицать, что все больше процессов, происходящих в культуре, регулируется посредством товарно-денежных отношений. На уровне государственного дискурса прослеживается явная тенденция рассматривать культуру как экономический ресурс [20], и это задает совершенно иной вектор культурной политики, требующей внедрения управленческих технологий в менеджмент организаций сферы культуры. Современные условия социально-экономического развития диктуют условия комплексного финансирования культуры, где одним из механизмов выступает частно-государственное партнерство. В программе обозначены две задачи: принятие закона и создание системы меценатства и спонсорства в стране как способ привлечения частного капитала к финансированию культуры и создание рынка культурных ценностей. Функционирование такого рынка требует практически отсутствующую в данный момент методику оценки культурных ценностей, без которой говорить о широком развитии рынка затруднительно. Все это означает также коренную реструктуризацию системы управления, как на государственном уровне, так и в приватной сфере. Многие учреждения образования, здравоохранения, социальной защиты и учреждения культуры вступают сегодня в отношения конкуренции и вынуждены переходить к новым формам и механизмам управления с целью сохранения жизнеспособности, экономической рентабельности. Особенно сложно данные процессы, на наш взгляд, протекают в сфере культуры, которая традиционно субсидировалась государством и в данный момент поставлена в жесткие рамки «недофинансирования», что порождает необходимость поиска «путей выживания», способов достижения эффективного существования.

Проблема экономической рентабельности сферы культуры обостряется, с нашей точки зрения, рядом факторов: кризисом прежней системы управления и регулирования, который проявляется в неэффективной работе музейных фондов и всей системы музеев, недвижимых памятников истории и культуры, как объектов культурного наследия, библиотечных и архивных фондов, в остаточном государственном финансировании, неэффективности существующих механизмов расходования бюджетных средств, неразвитости инфраструктуры культурной сферы, влечет огромные разрывы в доступе разных групп населения к культурным благам, разрыв культурного пространства и сокращение участия России в мировом культурном обмене; сокращение кадрового потенциала культуры в результате резкого снижения уровня доходов творческих работников, их оттока в другие сектора экономики и миграции за рубеж; снижение уровня обеспеченности населения культурными благами. В целом, проблему экономической и управленческой эффективности в сфере культуры мы будем рассматривать в другой статье.

1. См.: *Философия культуры. Становление и развитие / Под редакцией М.С. Кагана, Ю.В. Перова, В.В. Прозерского, Э.П. Юровской.* - СПб.: Издательство «Лань», 1998. С. 99-105.

2. В. Виндельбанд (1848-1915).

3. Риккерт Г. *Науки о природе и науки о культуре.* СПб., 1911.

4. Виндельбанд В. *Прелюдии.* СПб., 1905. С. 23.

5. *Аналитический доклад о стратегических направлениях культурной политики в странах СНГ. Подготовлен в соответствии с контрактом между Российским институтом культурологии и Бюро ЮНЕСКО в Москве для Региональной Конференции Содружества Независимых Государств (СНГ) с участием международных экспертов // Журнал «Государственная служба». 2010. № 1. С. 68-73. Аналитический доклад подготовлен Российским институтом культурологии при финансовой поддержке и консультативном содействии Бюро ЮНЕСКО в Москве на основе докладов экспертов из Армении, Азербайджана, Беларуси, Российской Федерации и участников специальной тематической секции «Экономическое и правовое регулирование культуры» в рамках VI Международной научной конференции «Человек, культура и общество в контексте глобализации» по теме «Социокультурная политика в эпоху глобализации» (Москва, 30 октября-1 ноября 2008 г.) и специальной тематической секции «Современная культурная политика: фундамен-*

тальные основания, механизмы и практика реализации» и круглого стола «Культурное разнообразие: вызовы и перспективы» в рамках работы II Российского культурологического конгресса с международным участием «Культурное разнообразие: от прошлого к будущему» (25-29 ноября 2008 г.).

6. Всемирная Декларация о культурном разнообразии (2001), Конвенция об охране и поощрении разнообразия форм культурного самовыражения (2005), Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия (1972), Международная конвенция об охране нематериального культурного наследия (2003) и др.

7. См.: Пахтер М., Лэндри Ч. Культура на перепутье. Культура и культурные институты в XXI веке. М., 2003; Культурная политика в Европе: выбор стратегии и ориентиры. Сборник материалов. М., 2002; Экономика современной культуры и творчества: Сб. статей / Пер. с англ. М.: Фонд исследований «Прагматика культуры», 2006 и др.

8. Чурбанов В.Б. Регулятивная функция культуры и культурная политика // Социологические исследования. - 1981. - № 4. - С. 24-29; Лукин Ю.А. Художественная культура развитого социализма: достижения, поиски, проблемы. - М., 1983; Столяров И.А. Управление культурой: (Организационно-экономический механизм). - М., 1989; Дискин И.Е. Культура: стратегия социально-экономического развития. - М., 1990.

9. Савельев В.В. От унитарной культурной политики в России - к федеративной // Вопросы национальных и федеративных отношений. М., 2003. С. 169-180; Балакшин А.С. Культурная политика: теория и методология исследования: Автореф. ... дис. д-ра филос. наук. Н. Новгород, 2005.

10. Жидков В.С., Соколов К.Б. Культурная политика России: теория и история. М., 2001; Соколов К., Жидков В. Теория культурной политики: понятийный аппарат и основные определения // Культурная политика: проблемы теории и практики. СПб., 2003. С. 5-12.

11. Флиер А.Я. О новой культурной политике России // Общественные науки и современность. 1994. № 5. С. 14-25.

12. Культурная политика России: история и современность. Два взгляда на одну проблему. М., 1998; Культура и культурная политика в России. М., 2000, [Электронный ресурс]: - Режим доступа: URL: <http://www.e-culte.ru/Articles/2006/Shubin.pdf>; Страдина Е.А. Государственная политика России в сфере культуры в условиях реформирования политической системы. Автореф. канд. ... дис. 23.00.02 Политические институты, этнопо-

литическая конфликтология, национальные и политические процессы и технологии. Ярославль, 2007.

13. Культура России: Информационно-аналитический сборник 2010 г. М., 2010; Культура России: Информационно-аналитический сборник 2009 г. М., 2009 и др.

14. Марков А.П., Бирженюк Г.М. Основы социокультурного проектирования: Учеб. пос. СПб, 1997; Междисциплинарный подход к разработке программы развития малого города и прилегающего района (на примере Московской области). М., 2001; Устюжанина Л.В. Принципы проектирования в культурной политике // Культура: управление, экономика, право. 2003. № 2. С. 10-12 и др.

15. Бардун Ю.Ю., Дементьева И.О., Сыроватко Л.В. Культурная политика в Калининградской области. Калининград, 2001; Политика и культура в российской провинции: Новгородская, Воронежская, Саратовская, Свердловская области / Люхтерхандт Г., Рыженков С., Кузьмин А. и др. М., СПб, 2001; Суховой А.Ф., Голова И.М. О подходах к реструктуризации бюджетных организаций культуры Свердловской области [Электрон. ресурс]. Екатеринбург, 2005. - Режим доступа: URL: <http://www.mkso.ru/normativ/1suhovei.doc>

16. Аналитический доклад о стратегических направлениях культурной политики в странах СНГ. Подготовлен в соответствии с контрактом между Российским институтом культурологии и Бюро ЮНЕСКО в Москве для Региональной Конференции Содружества Независимых Государств (СНГ) с участием международных экспертов // Журнал «Государственная служба». 2010. № 1. С. 68-73.

17. Там же.

18. См. например: Матвеев В.В. Модели государственной культурной политики в современном мире // Вопросы культурологии. Культура и управление. 11/2009.

19. Постановление Правительства РФ «О федеральной целевой программе «Культура России (2006–2010 годы)» от 08.12.2005. № 740 // URL: <http://pravo.roskultura.ru/law/resolution/08/12/2005/1/text/2857.html>

20. Карпова Г.Г. Государственное управление и общественные приоритеты в сфере культурной политики России // Журнал исследований социальной политики. Т. 7. № 1.

21. Зуев С. Отечественная культурная политика в поисках идентичности // Российское экспертное обозрение. 2007. № 6 (23). С. 11.

22. Дондурей Д. Культурная политика против культа политики // Российская газета. 2004. № 3646. 3 дек.

23. Костина А.В., Гудима Т.М. Культурная политика в современной России: соотношение этнического и национального. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. С. 200.

24. Постановление Правительства РФ «О федеральной целевой программе «Культура России (2006–2010 годы)» от 08.12.2005. № 740 // URL: <http://pravo.roskultura.ru/law/resolution/08/12/2005/1/text/2857.html>

1. See: Culture philosophy. Formation and development / Under M.S. Kagan, Yu.V.Perov, B.B. Prozersky, E.P. Yurovskaya edition. - SPb.: «Lan» publishing house, 1998. P. 99-105.

2. Vindelband V. (1848-1915).

3. Rikkert G. Sciences about the nature and sciences about culture. SPb., 1911.

4. Vindelband V. Preludes. SPb., 1905. P. 23.

5. The analytical report on the strategic directions of cultural policy in CIS countries. The Public service Magazine is prepared according to the contract between the Russian institute of cultural science and UNESCO Bureau in Moscow for the Regional Commonwealth of Independent States (CIS) Conference with participation of the international experts // Magazine «Government service». 2010. No 1. P. 68-73. The analytical report is prepared by the Russian institute culturologists with financial support and advisory assistance of UNESCO Bureau in Moscow on a basis of reports of experts from Armenia, Azerbaijan, Belarus, the Russian Federation and participants of the special thematic section "Economic and Legal Regulation of Culture" within the VI International scientific conference "The Person, Culture and Society in a Globalization Context" on the subject "Sociocultural Policy during a Globalization Era" (Moscow, on October-1 30 November, 2008) and special thematic section "Modern cultural policy: fundamental bases, mechanisms and practice realization" and round table "Cultural diversity: calls and prospects" within work of the II Russian culturological congress with the international participation "Cultural diversity: of the past to the future" (on November 25-29, 2008).

6. World Declaration on cultural diversity (2001), Convention on protection and encouragement of a variety of forms of cultural self-expression (2005), Convention on protection of the world cultural and natural heritage (1972), International convention on protection of non-material cultural heritage (2003), etc.

7. See: Pakhter M., Lendri Ch. Culture at the crossroads. Culture and cultural institutes in the XXI century. M., 2003; Cultural policy in Europe: choice of strategy and reference points. Collection of materials. M., 2002; Economy of modern culture and creativity: Col. articles / Trans. with Engl. M.: Fund of the researches "Culture Pragmatics", 2006, etc.

8. Churbanov V.B. Regulatory function of culture and cultural policy // Sociological researches. - 1981. - No 4. - P. 24-29; Lukin Yu.A. Art culture of the developed socialism: achievements, searches, problems. - M., 1983; Stolyarov I.A. Management culture: (Organizational and economic mechanism). - M., 1989; Diskin I.E. Culture: strategy of social and economic development. - M., 1990.

9. Savelyev V.V. From unitary cultural policy in Russia - to federal // Questions of the national and federal relations. M., 2003. P. 169-180; Balakshin A.S. Cultural policy: theory and research methodology: Autoref. ... dis. doc. phil. scien. N. Novgorod, 2005.

10. Zhidkov B.S., Sokolov K.B. Cultural policy of Russia: theory and history. M., 2001; Sokolov K. Zhidkov V. Theory of cultural policy: conceptual framework and main definitions // Cultural policy: theory and practice problems. SPb., 2003. P. 5-12.

11. Fliyer A.Ya. About new cultural policy of Russia // Social sciences and present. 1994. No 5. P. 14-25.

12. Cultural policy of Russia: history and present. Two views of one problem. M., 1998; Culture and cultural policy in Russia. M., 2000, [Electronic resource]: - Access mode: URL: <http://www.e-culte.ru/Articles/2006/Shubin.pdf>; Stradina E.A. State policy of Russia in the culture sphere in the conditions of reforming of political system. Autoref. cand. ... dis. 23.00.02 Political institutes, ethnopolitical conflictology, national and political processes and technologies. Yaroslavl, 2007.

13. Culture of Russia: Information and analytical collection of 2010. M, 2010; Culture of Russia: Information and analytical collection of 2009. M., 2009, etc.

14. Markov A.P. Birzhenyuk G.M. Bases of sociocultural design: Stud. settl.SPb., 1997; Interdisciplinary approach to development of the program of development of the small city and the adjacent area (on the example of the Moscow region). M., 2001; Ustyuganina L.V. The principles of design in cultural policy // Culture: management, economy, right. 2003. No 2. P. 10-12, etc.

15. Bardun Yu.Yu., Demytyeva I.O., Sirovatko L.V. Cultural policy in the Kaliningrad region. Kaliningrad, 2001; Policy and culture in the Russian province: Novgorod, Voronezh, Saratov, Sverdlovsk areas / Lyukhterkhandt G., Ryzhenkov S., Kuzmin A. etc. M., SPb, 2001; Syhovey A.F., Golova I.M. About approaches to restructuring of budgetary organizations of culture of Sverdlovsk region [An electron, a resource]. Yekaterinburg, 2005. - Access mode: URL: http://www.mkso.ru/normativ/1_suhovei.doc

16. The analytical report on the strategic directions of cultural policy in CIS countries. The Public service Magazine is prepared according to the

contract between the Russian institute of cultural science and UNESCO Bureau in Moscow for the Regional Commonwealth of Independent States (CIS) Conference with participation of the international experts // Magazine «Government service». 2010. No 1. P. 68-73.

17. *In the same place.*

18. *See for example: Matveenko V.V. Models of the state cultural policy in the modern world // Cultural science Questions. Culture and management. 11/2009 .*

19. *The resolution of the Government of the Russian Federation "About the federal target program "Culture of Russia (2006-2010)" of 08.12.2005. No 740 // URL: <http://pravo.roskultura.ru/law/resolution/08/12/2005/1/text/2857.html>*

20. *Karpov G.G. The state management and public priorities in the sphere of cultural policy of Russia // Magazine of researches of social policy. Vol. 7. No 1.*

21. *Zuyev S. Domestic cultural policy in search of identity // Russian expert review. 2007. No 6 (23). C. 11.*

22. *Dondurey D. Cultural policy against a policy cult//the Russian newspaper. 2004. No 3646. 3 Dec.*

23. *Kostina A.V., Gudima T.M. Cultural policy in modern Russia: ratio ethnic and national. M.: LKI publishing house, 2007. P. 200.*

24. *The resolution of the Government of the Russian Federation "About the federal target program "Culture of Russia (2006-2010)" of 08.12.2005. No 740 // URL:<http://pravo.roskultura.ru/law/resolution/08/12/2005/1/text/2857.html>*

Клейберг Юрий Александрович

доктор педагогических наук, доктор психологических наук,
профессор, президент Международной академии образования
и Международной академии социальной работы
(e-mail: klab03@rambler.ru)

Толерантность и деструктивная толерантность: понятие, подходы, типология, характеристика

В статье дается анализ понятия «толерантность», «конструктивная толерантность» и «деструктивная толерантность», научных подходов к изучению данных феноменов, приводится типология толерантности с авторскими дополнениями.

Ключевые слова: толерантность, конструктивная толерантность, деструктивная толерантность, типология толерантности.

Yu.A. Kleyberg, Doctor of pedagogical sciences, Doctor of psychological sciences, professor, president International Academy of Education and International academy of social work; e-mail: klab03@rambler.ru

Tolerance and destructive tolerance: concept, approaches, typology, characteristics

In article the analysis of the concept "tolerance", "constructive tolerance" and "destructive tolerance", scientific approaches to studying of these phenomena is given, the tolerance typology with author's additions is given.

Key words: tolerance, constructive tolerance, destructive tolerance, tolerance typology.

Толерантность и деструктивная толерантность – одни из наиболее существенных социально-психологических явлений и поведенческих характеристик индивидов и социальных групп. Следует учитывать тот факт, что число причин для проявления толерантности, а еще более – деструктивной толерантности в современной социокультурной и экономико-политической ситуации неуклонно возрастает и поэтому требует комплексного исследования и объяснения этих феноменов.

Формирование установок толерантного сознания, толерантного стиля поведения, а также превенция и профилактика различных форм деструктивной толерантности (экстремизм, фанатизм, фундаментализм, конфликты, агрессия, терроризм, аутодеструктивное поведение и т.п.) осознается учеными и практиками как глобальная проблема современности. Именно сегодня такое осознание происходит. При этом признается исторический характер самой толерантности и деструктивной толерантности, и поэтому воспитание подрастающих поколений в духе толерантности, естественно, – одна из наиболее актуальных общественных задач.

Все более осознается, что толерантность является важнейшим условием нахождения

компромиссов, преодоления конфликтов в обществе.

Толерантность во все времена считалась человеческой добродетелью. Она подразумевала терпимость к различиям среди людей, умение жить, не мешая другим, способность иметь права и свободы, не нарушая прав и свобод других.

Традиционно толерантность означала терпимость к чужому, готовность сосуществовать с ним. И это, прежде всего, относилось к различиям религиозным, к различиям в обычаях, образах жизни, привычках, культурных, эстетических ориентациях. Теперь ситуация меняется радикально. Все различия переносятся в общество и исходную ее ячейку – семью. Эрозия общих критериев нравственности в самосознании человека порождает деструктивные следствия для личности. Человек с неустойчивым социальным сознанием, лишенным общих критериев, обретает полную свободу. Однако парадоксальным образом эта свобода ведет к его саморазрушению. Выражением этой ситуации можно считать признание Генри Миллера: «Я во всем мгновенно распознавал противоположности и противоречия, иронию и парадокс реального и нереального. Я был самым страшным врагом самому себе» (курсив мой – Ю.К.) [1]. Толерантность как терпимое, не враждебное отношение к чему-то иному, чуждому, из-

давня являлась ценностью во многих культурах и религиях. Философы также не обходили ее своим вниманием: в качестве ярких примеров можно указать на работы Локка [2, с. 66-90] и Вольтера [3, с. 307-512].

В наше время проблема толерантности стала наполняться новым содержанием, обрела особую актуальность. Обусловлено это в первую очередь идущими в мире процессами глобализации. Можно спорить о том, существует ли единое экономическое или культурное пространство, но растущая взаимозависимость людей очевидна. Перед лицом таких проблем, как, например, экологические, каждая отдельная общность не может больше существовать в изоляции. Вступать в контакты друг с другом приходится самым различным народам, а значит и разным культурам. Причем именно на рубеже XX-XXI вв. межкультурное взаимодействие резко интенсифицируется в связи с бумом информационных технологий и делается практически повсеместным [1, с. 231], а толерантность к культурным отличиям становится необходимым условием диалога различных групп людей. И, несмотря на трудность реализации этого условия, на данный момент не существует какой-либо практически значимой альтернативы толерантности.

Впервые особое внимание теме толерантности было уделено в период становления классического либерализма. Тогда толерантность определялась, как проявление уважения к свободе каждого человека иметь свои собственные убеждения, даже если они не совпадают с господствующими убеждениями в обществе. Эти частные убеждения конкурировали с господствующими взглядами, служили альтернативой, позволяли человеку сделать выбор. В современном поликультурном обществе также имеет место конкуренция между различными мнениями, стилями жизни и культурными нормами. Но конкуренция возможна только между равными по статусу субъектами действия или влияния, пусть даже равными только в принципе, а не в конкретных обстоятельствах. Представление о конкуренции между начальником и подчиненным нелепо, поскольку они по сути своей не равны. Поэтому, когда говорится о толерантном отношении, речь не должна идти о группах, входящих в одну иерархию. Признаки, по которым выделяется субъект и объект толерантного отношения, должны указывать на их рядоположенность, а не соподчиненность или функциональную связанность. Такими признаками, например, могут являться национальность, вероисповедание, политические взгляды, сексуальная ориентация. Говорить же о толерантности «среднего класса» по отношению к высшему или законопослушных граждан по отно-

шению к преступникам смысла не имеет [4, с. 25].

Для понимания сущности толерантности принципиально важен еще один момент. Толерантность не означает отказа от собственных взглядов [5, с. 34], не требует от человека признания истинности убеждений, противоречащих его собственным. Напротив, она «является признаком уверенности в себе и сознания надежности своих собственных позиций, признаком открытого для всех идейного течения, которое не боится сравнения с другими точками зрения и не избегает духовной конкуренции» [6, с. 457]. Толерантность в обязательном порядке предполагает лишь «отказ от догматизма, от абсолютизации истины» [7]. Нет необходимости отказываться от собственных взглядов, но надо быть внимательным к иной точке зрения и признавать ее право на существование. Вместе с тем, обеспечивая, таким образом, мирное сосуществование как можно большего количества культур, толерантность не может быть безграничной.

Толерантность все больше находит свое отражение в зарубежной и отечественной психологической науке. Как заметил еще Е. Frenkel-Brunswik (1949) – один из первых, кто исследовал непереносимость неопределенности, – люди подчинены потребности «определенности» в большей или меньшей степени. Согласно известному исследованию Т. Odorno, Е. Frenkel-Brunswik, D. Levinson, R. Sanford (1950), низкая толерантность к неопределенности является характеристикой когнитивного стиля авторитарной личности, наряду с преувеличенным уважением к власти, неаналитичным взглядом на людей с серьезными личностными проблемами, готовностью использовать стереотипы.

С. Баднер (S. Budner, 1962) определял толерантность к неопределенности как тенденцию восприятия неопределенных ситуаций как желаемых, а противоположную ей характеристику как источник угрозы. В кросс-культурных исследованиях G. Hofstede (1984) и R.W. Brislin (1981) данная характеристика рассматривается как культуральная составляющая, определяющая отношение к риску и неоднозначности.

Можно выделить две группы определений толерантности. В первой группе под толерантностью подразумевается пассивное воздержание от определенных действий, во второй – она предстает как активное отношение к иному. В основе этих двух пониманий толерантности лежит двойное представление об индивидуальной свободе — как о негативной «свободе от» и позитивной «свободе для». Наиболее ярко их отличие показано Э. Фроммом, принадлежащим к одному из направлений критической теории Франкфуртской школы.

По мнению Фромма [8], негативная свобода является необходимой характеристикой человеческого существования потому, что поведение человека не детерминировано генетически заложенными инстинктами. Он каждый раз вынужден заново находить способы действия в той или иной ситуации. Именно отсутствие внешней детерминации обуславливает наличие свободы в негативном понимании. Такая свобода не зависит от свойств индивида и от его умения воспользоваться свободой. Ей соответствует пассивная форма толерантности; обычно она предстает как терпение или как безразличие. В словаре В.И. Даля слово «терпимость» трактуется как способность что-либо или кого-либо терпеть «только по милосердию, снисхождению» [9, с. 775]. Терпение или безразличие обеспечивают свободу от внешнего принуждения, но не более того. Большинство авторов считают пассивную толерантность несовершенной ее формой, однако, она, «по крайней мере, несет в себе заряд цивилизованного общения между людьми» [10, с. 22]. Пассивная толерантность не отражает всей сути понятия, но она есть уже шаг по направлению к полноценной толерантности, в ней уже присутствует понимание необходимости толерантного отношения к другому.

Позитивная свобода внутренне связана с самим человеком, зависит от силы его личности. «Право выражать свои мысли имеет смысл только в том случае, если мы способны иметь собственные мысли; свобода от внешней власти становится прочным достоянием только в том случае, если внутренние психологические условия позволяют нам утвердить свою индивидуальность» [8, с. 207]. Эта свобода наполнена содержанием, исходящим из самого человека, является условием преодоления его изначальной оторванности от природы и реализации его человеческой сущности. Человек при этом не испытывает страха за собственную личность и открыт для мира, и его принципиальная открытость не связана с какими-либо внешними факторами. Поэтому-то позитивная свобода и есть «свобода для» — для человека, для его способностей, талантов, творческой активности, а отвечающая ей активная толерантность, предполагает «заинтересованное отношение к другому, желание почувствовать его мироощущение, которое побуждает к работе разум уже потому, что оно — иное» [5, с. 34]. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона определяет терпимость как «направление ума, равно отличное от равнодушия (индифферентизма) и упорного при-знания истинности лишь своих мнений (фанатизма). Терпимость есть признак высокой культуры ума, результат борьбы и сомнений; она выражается в уважении к чужим

мнениям и убеждениям» [11, с. 61]. П.А. Сорокин замечает, что терпимость «обычно путают с пассивным воздержанием от действия», хотя «толерантность может требовать весьма серьезного внутреннего усилия, часто гораздо более серьезного, чем требуется для открытых действий» [12, с. 195]. В принятой ООН Декларации принципов толерантности, последняя определяется как «уважение, принятие и правильное понимание богатого многообразия культур нашего мира, наших форм самовыражения и способов проявлений человеческой индивидуальности» [7].

Активная толерантность, таким образом, есть не просто отсутствие агрессии: она заключается в заинтересованном отношении к отличиям, в одобрении самого факта их существования и в стремлении понять другого, найти с ним общий язык.

Деление на активную и пассивную толерантность является самым главным. В.А. Лекторский выделяет следующие типы [13, с. 49-54].

Первый тип — безразличие: «Толерантность... выступает как... безразличие к существованию различных взглядов и практик, так как последние рассматриваются в качестве неважных перед лицом основных проблем, с которыми имеет дело общество».

Второй тип — невозможность взаимопонимания. «Толерантность в данном случае выступает как уважение к другому, которого я вместе с тем не могу понимать и с которым не могу взаимодействовать».

Третий тип — снисхождение: «Толерантность выступает как снисхождение к слабости других, сочетающаяся с некоторой долей презрения к ним».

Четвертый тип — расширение собственного опыта и критический диалог: «Толерантность в этом случае выступает как уважение чужой позиции в сочетании с установкой на взаимное изменение позиций в результате критического диалога».

Из этих типов только последний обеспечивает активное отношение к представителям других групп. Здесь мы уже не просто оставляем в покое сторонников иных убеждений: мы должны попытаться сопоставить нашу позицию с чужой, понять основания каждой из них и, возможно, через это взаимодействие скорректировать свои взгляды. Именно данный тип толерантности Лекторский считает наиболее перспективным, наиболее полно отражающим природу данного явления.

При разработке инструментария исследования типология Лекторского была дополнена еще одним типом толерантности, который выделяет американский политолог М.Уолцер, — толерантностью как смиренным отношением к

различиям во имя сохранения мира [4, с. 25]. Этот тип не сводим ни к одному из выделенных Лекторским и является, по мнению Уолцера, историческим предшественником остальных.

Однако как отмечает Н.В. Кильберг-Шахзадова, современные философы дают свою трактовку исторической толерантности, основываясь на признаках толерантности и сознания. И автор дополняет существующие типы толерантности своей интерпретацией [14, с. 6-17]. Она выделяет семь типов толерантности.

Мы тоже добавляем к данной типологии недостающий, как нам кажется, важный тип толерантности – социально-психологический (девиантологический) [15]. И тогда схема будет выглядеть таким образом

Типы толерантности

1. Мифологический «скрытый»
2. Античный монотеистический»
3. Религиозный «парадоксальный»
4. Реформаторский «просвещенский»
5. Философский «классический»
6. Секулярный «культурологический»
7. Научно-общественный «научный»
8. Социально-психологический (девиантологический)

1. Мифологический «скрытый» тип толерантности базируется на различиях в системе нравственных и этических норм, обычаев, традиций. Концептуально толерантность здесь еще не осмыслена. Она носит латентный, скрытый характер.

2. Античный «монотеистический» тип. Его основой является новый тип сознания – монотеистического, т.е. последовательное внедрение в общественное сознание двух христианских постулатов духовной жизни: во-первых, христиане утверждали понятие Абсолюта, высшего и совершенного Бытия как Демиурга всего существующего, его начала и конца; во-вторых, они превратили философию в служанку религии, ограничивая движение мысли рамками основной догмы. Утверждение единственной абсолютной истины делает толерантность логически и нравственно невозможной.

3. Религиозный «парадоксальный» тип. Исторически толерантность – духовное, а не физиологическое явление – осмысливается и получает свое отражение вследствие мировоззренческого конфликта, становящегося предпосылкой религиозных войн. Эти войны провоцировались людьми, убежденными в том, что именно «они владеют абсолютной истиной».

4. Реформаторский «просвещенский» тип. Возник благодаря гуманистам эпохи Возрождения и Реформации, Просвещения (Дж. Локк «Очерки о терпимости», 1667 «Письма о терпимости», 1685; Волтер «Трактат о вороте-

рпимости»; П. Бейль «Философские сочинения» и др.). Классическое понимание принципа толерантности сформулировано Дж. Локком. Принцип толерантности имеет реальный смысл лишь в отношениях между людьми различных религиозных конфессий. Последовательность – нравственный императив принципа. Нарушая его, человек проявляет свою неуверенность в себе, слабоволие, недопустимые колебания. Он становится жертвой общественного презрения.

5. Философский «классический» тип. Оправданный и философски осмысленный скептицизм становится логической и нравственной основой толерантности, а затем и политики терпимости, отделения церкви от государства. Истина бытия осмысливается как процесс: она естественным образом соединяется с толерантностью. Абсолютная истина и абсолютная свобода – синонимы толерантности.

6. Секулярный «культурологический» тип формируется в результате признания истинных, универсальных, нравственных принципов. Толерантность здесь – следствие высокой духовной и нравственной культуры. Эрозия толерантности происходит в силу абсолютизации социальной роли определенного исторического субъекта (этноса, нации, класса, цивилизации), которому приписываются черты совершенства, исторического превосходства и универсальности. Секулярное (светское) сознание и порождает нетерпимость. Догматические постулаты в секулярном сознании не требуют эмпирического подтверждения и логических доказательств. Они обладают свойством самоподтверждения, поскольку совпадают со скрытым массовым устремлением. Любые выводы и суждения, противоречащие принятой догме, автоматически попадают в категории «клеветнических», «очернительных», «подрывных» представлений.

7. Научно-общественный «научный» тип толерантности – терпимость в сфере научной и общественной ментальности. Механизм осуществления идеи толерантности предполагает такой принцип, как сомнение, несовместимый с догматическим мышлением. Особенно опасен догматизм для науки, политики, культуры, поиска нового в разрешении национальных, социально-политических и других проблем. Сомнение – признак творческой личности, показатель духовной культуры личности.

8. Социально-психологический (девиантологический) тип. Толерантность как целостное образование имеет свою логику и свою структуру, которая выражается в соподчиненности ее компонентов. Их содержательное наполнение обусловлено различными видами деятельности и особенностями творческих, познавательных, преобразовательных проявлений

личности. Однако с точки зрения девиантологического аспекта толерантность в общественных отношениях можно разделить на две группы: конструктивную и деструктивную. Конструктивная толерантность способствует совершенствованию человеческого бытия (общества). Деструктивная толерантность направлена на создание условий для разрушения общественных отношений в обществе, попустительство разгула социальной деструктивной резистентности, то есть распространения настроений тревожности, недоверия, ненависти между людьми, социальными группами и слоями [15].

Далее. Толерантность – явление интегрированное, складывающееся под влиянием многих факторов: развития, формирования, становления. При этом, как указывает С.К. Бондырева, существует врожденная толерантность – неагрессивность, когда индивид изначально преднастроен на толерантность (в данном вопросе, аспекте, ситуации), и приобретенная (благодаря воспитанию) толерантность, когда последняя определяется сформированными у него установками, привычками, мировоззрением [16, с. 9].

Процесс формирования толерантности связан с социализацией личности, обеспечивающей адаптацию к активной деятельности человека, более глубокому осознанию мотивации труда, выработкой суждений, основанных на моральных ценностях.

В личностно-культурном плане проблема толерантности «снимается» в виде выделения и описания ее как социокультурной нормы и морального принципа. В настоящее время проблематика толерантности образует состав этики ненасилия. В ней существует солидная традиция действий многих деятелей человеческого мира. Сейчас эпистемология этики ненасилия и в ее контексте проблемы толерантности сосредоточивается на социально-психологическом аспекте – социальной мотивации и характере воздействия. Социокультурные нормы описываются в структуре отношения Я к Другому. Специалисты признают, что для стабильности и длительности функционирования многих социальных норм поведения требуется надлежащая мотивация и овладение образцами общения. Прежде всего, мотивационная позиция обусловлена личным, заинтересованным отношением индивида к другому человеку. Ненасильственный и толерантный мотив полагает воспринимать другого как равнодостоинного участника и субъекта в общении. Одномерность человека и есть его крайняя нетолерантность, часто приводящая его к негативной (деструктивной) толерантности.

Однако общий уровень в российском обществе значительно ниже, чем в развитых странах. Судя по данным мониторинга ВЦИОМ,

можно говорить о снижении уровня толерантности по «вертикальной оси» социального устройства: между представителями малообеспеченных и высокообеспеченных групп населения, руководителями и подчиненными, элитами и массами. Особенно выделяется повышение доли респондентов, считающих неприязнь между бедными и богатыми «очень сильной» – с 21 % в 1992 г. до 42 % в 1999 г. и 56 % – в 2010 г., а также достаточно явно выраженной неприязнь между «верхом» и «низом», которую считают реальной большинство опрошенных. Трудно считать толерантными отношения между властью и бизнесом, между самими предпринимателями.

Толерантность и деструктивная толерантность – понятия, связанные со многими аспектами психологии личности и социальных групп. Вот только некоторые из них: установка, мотивация, потребность, привычка, смысл жизни, запрет, иерархия, авторитет, недостаток в чем-либо, противоречие, чувство собственного достоинства, провокация, фанатизм, архетипы, эталоны, социальные нормы, знаковые системы, диспозиции, стигмация, самопрезентация и т.п. Понятно, что проявления толерантности и деструктивной толерантности могут распространяться на различные аспекты жизнедеятельности человека. Отсюда толерантность и деструктивная толерантность представляется, как гендерно-сексологическая, возрастная, образовательная, национально-этническая, религиозная, географическая, политическая, классово-социальная, маргинальная и т.д.

Таким образом, конструктивная толерантность – есть приобретенное человеком в процессе жизнедеятельности качество, отражающее такие типичные черты, как терпимость, сочувствие, сопереживание. При этом терпимость – главный признак духовного и интеллектуального развития человека, в то время как сочувствие и сопереживание есть свойства проявления активности к другому человеку или группе лиц.

Деструктивная толерантность направлена на разрушение (саморазрушение) социальных и личностных структур и связей, приводящих к дестабилизации, агрессии, конфликтам, девиациям, нарушению гармонии и социально-психологического гомеостаза как самой личности, так и общества в целом [17].

1. Сворцов Л.В. *Россия: истина жизни. Информационная культура и политика мультикультурализма // Социология культуры и искусства: Дайджест. Вып. III (7). М., 1998. Он же. Толерантность: иллюзия или средство спасения?*

2. Локк Дж. *Опыт о веротерпимости // Соч. М., 1988. Т.3.*

3. Вольтер. История Карла XII // Собр. соч. М., 1998. Т. 2. С. 307-512.
  4. Уолцер М. О терпимости. М., 2000.
  5. Валитова Р.Р. Толерантность: порок или добродетель? // Вестник МГУ. Сер. 7. Философия. - 1996. - № 1.
  6. Краткая философская энциклопедия. М., 1994.
  7. Декларация принципов толерантности: URL: <http://sckoolsector.relarm.ru/sckool/library/tolerance/index.htm>.
  8. Фромм Э. Бегство от свободы. М., 2007.
  9. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1994. Т.4.
  10. Хеффе О. Плюрализм и толерантность: легитимация в современной мире // Философские науки. - 1991. - № 12.
  11. Энциклопедический словарь / Ф.А.Брокгауз, И.А.Эфрон. СПб., 1901. Т. XXXIII.
  12. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992.
  13. Лекторский В.А. О толерантности, плюрализме и критицизме // Вопросы философии. - 1997. - № 11.
  14. Кильберг-Шахзадова Н.В. Толерантность в обществе и социальных институтах. Нальчик, 2003.
  15. Клейберг Ю.А. Девиантное поведение в вопросах и ответах. М., 2006; 2-е изд. М., 2008.
  16. Бондырева С.К. Толерантность (введение в проблему) / С.К. Бондырева, Д.Б. Колесов. М., 2003.
  17. Клейберг Ю.А. Социальная психология девиантного поведения. М., 2004; 2-е изд. М., 2005.
-
1. Scvorzov L.V. Russia: truth of life. Information culture and policy of multiculturalism // Culture and art Sociology: Digest. Is. III (7). M., 1998. It. Tolerance: illusion or resort?
  2. Lock Dzh. Experience about toleration // Col. M., 1988. Т. 3.
  3. Voltaire. Charles's XII history // Col. work. M., 1998. Т. 2. P. 307-512.
  4. Uoltser M. About tolerance. M., 2000.
  5. Valitova R.R. Tolerance: defect or virtue? // Messenger of the Moscow State University. Ser. 7. Philosophy. - 1996. - No 1.
  6. Short philosophical encyclopedia. M., 1994.
  7. Declaration of the principles of tolerance: URL: <http://sckoolsector.relarm.ru/sckool/library/tolerance/index.htm>.
  8. Fromm E. Flight from freedom. M., 2007.
  9. Dal V.I. Explanatory dictionary of living great Russian language. M., 1994. Т. 4.
  10. Heff O. Pluralism and tolerance: legitimation in modern the world // Philosophical sciences. - 1991. - No 12.
  11. Encyclopedic dictionary / F.A. Brokgauz, I.A. Efron. SPb., 1901. Т. XXXIII.
  12. Sorokin P.A. Person. Civilization. Society. M., 1992.
  13. Lectorsky V.A. About tolerance, pluralism and criticism // philosophy Questions. - 1997. - No 11.
  14. Kilberg-Shakhzadova N.V. Tolerance in society and social institutes. Nalchik, 2003.
  15. Kleyberg Yu.A. Deviant behavior in questions and answers. M., 2006; 2nd prod. M., 2008.
  16. Bondyreva S.K. Tolerance (introduction in a problem) / S.K. Bondyreva, D.B. Kolesov. M., 2003.
  17. Kleyberg Yu.A. Social psychology of deviant behavior. M., 2004; 2nd prod. M., 2005.

Шалин Виктор Викторович

доктор философских наук, профессор,
 профессор кафедры философии и социологии
 Краснодарского университета МВД России
 (тел.: 88612583516)

Роль образования и научно-исследовательской деятельности в формировании культуры толерантности студентов

Автор подчеркивает, что трансформация системы образования включает в себя дальнейшую гуманитаризацию, а также изменение методов преподавания всех видов дисциплин.

Ключевые слова: толерантность, система образования, интолерантное отношение.

V.V. Shalin, Doctor of philosophy, professor, professor of the chair of philosophy and sociology of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia; tel.: 88612583516.

Role of education and research activity in formation cultures of tolerance of students

Author says, that transformation of an education system includes a further humanitarizatsiya, and also change of methods of teaching of all types of disciplines.

Key words: tolerance, system of education, intolerance relation.

Воспитание нового типа личности немислимо без революционных изменений в системе образования. Рост неопределенности резко изменил жизненную ситуацию человека, «когда готовых решений нет и быть не может, когда нужно находить эти решения принимать их, нести за них ответственность. Повышение ранга принципа неопределенности автоматически способствовало повышению статуса принципа толерантности, т.к. стало очевидным, что нахождение адекватных решений теперь невозможно без диалога с другим человеком, природой, обществом.

Толерантность начинает выступать в качестве неотъемлемого элемента современного понимания свободы, являющейся высшей человеческой ценностью. Она же служит важной частью структуры творческого взаимодействия и творчества вообще. Но это, в свою очередь, означает, что принцип толерантности должен творчески применяться и во всех социальных отношениях. И прежде всего в образовательном процессе, во взаимоотношениях учителя и ученика.

Безусловно, в этом случае грубо истолкованный принцип толерантности, как диалог на равных, не должен иметь место – речь может идти, как считал Ю.М. Лотман, характеризуя

специфику университетского образования относительно отношений преподавателей и студентов, об отношении коллеги к младшему коллеге. «Здесь нет верха и низа – учителей и учеников – здесь все коллеги, то есть люди, которые работают вместе. Ведь работа высшего учебного заведения состоит в сотрудничестве, т. е. когда одни хотят учиться, а другие им помогают в этом...».

Принципы толерантности и неопределенности объединяются вместе в педагогике сотрудничества.

Обратим внимание на тесное взаимодействие, неразрывную связь и «нуждаемость» друг в друге принципов неопределенности, толерантности и выживания, а также всепроникающего диалога.

Чертой современного мира является новый ракурс социально-гуманитарного знания. Отсюда аксиоматичная потребность и необходимость освоения учащимися таких дисциплин, как «социология», «логика» и «культурология», которые являются базовыми для конструирования личностных идентичностей в динамично меняющейся социокультурной ситуации.

Общей целью дисциплин социология и культурология является формирование целостного мировоззрения студентов на основе представления о мире как многогранном процессе, про-

текающем во времени и пространстве, во взаимодействии с миром, природой и «Другими». Организация научно-исследовательской деятельности учащихся помогает решить проблему адекватного применения полученных знаний и способствует формированию наиболее высокого уровня образованности – методологической компетентности. Методологическая компетентность характеризуется способностью на базе теоретических знаний решать задачи в различных сферах деятельности на основе самостоятельного исследовательского подхода, в том числе, толерантного отношения к иным методологическим подходам.

Плодотворная научно - исследовательская деятельность возможна тогда, когда студенты владеют навыками квалифицированного информационного поиска и свободного общения. Поэтому, для достижения наилучшего результата занятия строятся через синкретическую систему объединения тем на втором уровне в три смысловых блока.

1. Занятия, направленные на формирование интеллектуальных и коммуникативных толерантных навыков.

2. Занятия, направленные на формирование основ информационной грамотности.

3. Занятия, направленные на освоение основ методики и техники научного исследования.

На первом этапе достигается формирование устойчивой исследовательской мотивации, т.е. желание понимать информацию и сообщать ее другим. Происходит расширение интеллектуального и коммуникативного толерантного репертуара студентов. Наиболее подходящей формой для формирования толерантной коммуникативной культуры, развития речевых способностей, а также развития аргументационных навыков студентов являются «круглые столы», которые проводятся во время семинарских занятий.

Игровые формы занятий не только делают их более интересными, но и позволяют снять психологические блоки, развить креативные способности учащихся и вовлечь их в реальную деятельность.

При этом важно методологическое различие социологии и культурологии. Если первая основана преимущественно на объективной информации (чаще в числовом выражении), то вторая в значительной степени замешана на «понимающей» методологии, предполагая органичное сочетание как «жестких» количественных, так и более «мягких» качественных методик.

Одной из форм исследовательской работы является написание реферата. Обучение реферированию как достаточно сложной интеллектуальной и коммуникативной деятельности

должно сочетаться с обучением основам информационной грамотности и научно-исследовательской деятельности.

Эти задачи решаются на втором этапе работы.

Наконец, на этапе работы над третьим тематическим блоком учащиеся знакомятся с теорией и практикой эмпирического культурологического и социологического исследования.

На кафедре гуманитарных дисциплин, педагогики и психологии прикладные исследования студентов являются обязательным условием усвоения такой дисциплины, как социология.

Главная задача современного образования видится в овладении специалистов методологией творческого преобразования мира.

Формирование профессионального мышления студентов — это, по сути дела, выработка творческого, проблемного подхода. Семинарские занятия по дисциплине «Логика» формируют у будущего специалиста необходимые творческие способности:

возможность самостоятельно увидеть и сформулировать проблему;

способность выдвинуть гипотезу, найти или изобрести способ ее проверки;

собрать данные, проанализировать их, предложить методику их обработки;

способность сформулировать выводы и увидеть возможности практического применения полученных результатов;

способность увидеть проблему в целом, все аспекты и этапы ее решения, а при коллективной работе – определить меру личного участия в решении проблемы.

Логика учит мыслить точно и последовательно, не допускать противоречий в своих рассуждениях, уметь вскрывать логические ошибки. Эти качества мышления имеют большое значение в любой области научной и практической деятельности. Кафедрой гуманитарных дисциплин, педагогики и психологии помимо предусмотренных учебным процессом занятий, планируется проведение регулярных студенческих конференций, о чем свидетельствует нынешний форум. Предполагается, что доклады, представленные на данных конференциях, будут отражать результаты собственных эмпирических исследований студентов. Среди такого рода исследований уже превалирует следующая проблематика: толерантность, преподаватель, глазами студентов, логика толерантного взаимодействия. Основным методическим инструментарием выступает анкета. Выборка обычно составляет от 30 до 50 респондентов. Мотивировкой участников является не только поощрение кафедрой лучших работ, но предоставление возможности участия в конференциях другого уровня – региональных, всероссийских, международных.

В результате обучения дисциплинам «социология» и «культурология» и «логика» студент приобретает следующие компетенции

а) общекультурные

1. Способность к восприятию, обобщению, анализу социологической и социокультурной информации, постановке цели и выбору путей её достижения;

2. Умение логически верно, аргументировано и ясно строить устную и письменную речь;

3. Готовность к кооперации с коллегами на толерантных началах, к работе в коллективе;

4. Способность находить организационно-управленческие решения в нестандартных ситуациях и готовность нести за них ответственность;

5. Умение использовать нормативные правовые документы в своей деятельности;

6. Стремление к саморазвитию, повышению своей квалификации;

7. Умение критически оценивать свои достоинства и недостатки, наметить пути и выбрать средства развития достоинств и устранения недостатков;

8. Осознание социальной значимости своей будущей профессии, обладание высокой мотивацией к выполнению профессиональной деятельности;

9. Способность использовать основные положения и методы социально-гуманитарных наук при решении профессиональных задач;

10. Способность анализировать социально-значимые проблемы и процессы;

11. Способность понимать сущность и значение информации в развитии современного общества, сознавать опасности и угрозы, возникающие в этом процессе, соблюдать основные требования неразрывную связь и «нуждаемость» друг в друге принципов неопределенности, толерантности и выживания, а также всепроникающего диалога.

б) профессиональные:

1. Способность применять в профессиональной деятельности базовые знания и навыки по основам социологической теории и методам социологического исследования;

2. Способность и готовность использовать знание методов и теорий социальных и гума-

нитарных наук при осуществлении педагогической, психологической и аналитической деятельности;

3. Умение использовать социологические методы исследования для изучения актуальных социальных проблем,

4. Способность использовать методы сбора, обработки и интерпретации комплексной социальной информации для решения организационно-управленческих задач, в том числе находящихся за пределами непосредственной сферы деятельности.

Таким образом, одним из главных социальных институтов, способствующих формированию толерантных начал в российском обществе, является образование. Однако выполнение им этой новой функции предполагает его коренную трансформацию, которая должна проходить под совместным влиянием принципов неопределенности мира и человека, толерантности, диалога и сотрудничества обучающей и обучаемой стороны.

Принцип диалога, неразрывно связанный с принципом толерантности, должен являться не только средством обучения, но и его целью. Всепроникающий характер принципов толерантности и диалога не означает их «одиночества» и особой выделенности среди других жизненных принципов: он свидетельствует о том, что без усиления их влияния под угрозой находится выполнение главного на сегодня принципа – принципа выживаемости.

В сфере высшего образования остро стоит проблема перехода к открытой модели преподавания, частью которой является интолерантное отношение преподавателя к студентам и их квалификации. Трансформация системы образования включает в себя дальнейшую гуманитаризацию, а также изменение методов преподавания всех видов дисциплин. Так, гуманитарным и социальным дисциплинам следует обучать методами, отличными от применяемых в преподавании естественнонаучных дисциплин. Определенная же часть последних нуждается в преподавании «в историческом и культурно-историческом плане» (В.А. Лекторский).

Скрипкина Алина Вячеславовна

кандидат педагогических наук, доцент,
доцент кафедры педагогики и психологии
Краснодарского государственного университета культуры и искусств
(тел.: 89286652879)

Корпоративная культура в формировании имиджа вуза

В статье рассматривается корпоративная культура в формировании имиджа вузов в контексте отечественной и зарубежной теории, определяются ее базис, принципы, признаки, функции, стержневые компетенции, интегрирующая направленность.

Ключевые слова: имидж, формирование, корпоративная культура, интеграция, корпоративная индивидуальность, корпоративная идентичность.

A.V. Skripkina, Candidate of pedagogical sciences, assistant professor, assistant professor of the chair of pedagogics and psychology of the Krasnodar State University of culture and arts; tel.: 89286652879.

Corporate culture in formation of image of higher education institution

In article the corporate culture in formation of image of higher education institutions in a context of the domestic and foreign theory is considered, its basis, principles, signs, functions, the rod competences, an integrating orientation are defined.

Key words: image, formation, corporate culture, integration, corporate identity, corporate identity.

В условиях динамично развивающейся системы высшего образования вузы вынуждены заниматься формированием своего имиджа, что в значительной степени определяет конкурентоспособность для поступающих в вуз, а также доверие со стороны работодателей и заказчиков многообразных услуг, которые предоставляет современное учебное заведение. И при этом необходимо позиционировать и презентовать корпоративную неповторимость вуза.

В законе РФ «Об образовании», в Национальной доктрине образования в Российской Федерации (на период с 2000 по 2025 г.) подчеркивается основная цель высшего профессионального образования, заключающаяся в подготовке специалистов, конкурентоспособных, компетентных, ответственных, свободно владеющих профессией, способных к постоянному профессиональному росту в конкурентной среде, что является значимым для формирования имиджа. Одним из основополагающих принципов подготовки профессиональных кадров Болонская декларация (1999 г.) объявляет принцип профессиональной мобильности и конкурентоспособности выпускников вузов. В этих документах декларируется повышение конкурентоспособности выпускников учреждений профессионального образования на рынке труда.

Корпоративная культура выступает фактором инновационных преобразований, выводящих на первое место «человеческий ресурс»,

который сегодня приобретает доминирующее значение в успехах современного вуза. Рассматривая проблемы формирования имиджа вузов, отметим, что каждая организация имеет свою корпоративную индивидуальность, которая определяется ценностями, суждениями и нормами поведения, разделяемыми в организации и определяющими сущность индивидуальной корпоративной культуры. Корпоративная индивидуальность – это то, что есть организация на самом деле, аналог личности, индивидуальности человека. Корпоративная идентичность – это то, что организация сообщает о себе, о своей индивидуальности. Все, что организация говорит, делает и создает, формирует ее идентичность. В образовательном учреждении это – услуги, формальные и неформальные коммуникации, политика организации, проведение различного рода мероприятий (образовательные, научные, художественно-творческие и др.), поступки ее руководства и персонала.

Внимание к феномену корпоративной культуры в контексте рассмотрения проблем формирования имиджа вузов определяется рядом причин, из которых наиболее важные – интеграция работников, выработка у них чувства преданности делам организации при необходимости постоянных изменений в деятельности корпораций в условиях современного динамично развивающегося рынка образовательных услуг и рынка труда молодых специалистов. Следует отметить, что сегодня практиче-

ски во всех образовательных учреждениях высшего профессионального образования уделяется повышенное внимание проблемам формирования корпоративной культуры, внедрения ее ценностей, норм, образцов в сознание и поведение всех сотрудников. Учет в управленческой деятельности присущей членам организации корпоративной культуры и, с другой стороны, целенаправленное воздействие на процессы ее формирования и укоренения в сознании квалифицированного персонала рассматриваются как один из самых действенных и необходимых видов управления.

Данная проблема широко обсуждается в трудах отечественных и зарубежных исследователей (Л.В. Аверин, И.В. Алешина, М. Армстронг, А.О. Блинов, В.Г. Изох, Э.А. Капитонов, А.Э. Капитонов, Л.А. Корчагина, Ю.Д. Крассовский, М.И. Магура, Р. Марра, М.А. Овчинников, Р. Питерс, Г. Уотерман, А.Г. Самарский, В.А. Спивак, Э.Г. Шейн, S.B. Vacharach, E.J. Lawler, T.A. Beehr, K.G. Love и др.). Корпоративная культура современного общества предстаёт не только своеобразной, оригинальной интеграцией ценностей, отношений, норм, привычек, традиций, форм поведения и ритуалов, характерных для конкретной организации, но и средой обитания и самоосуществления организации в виде присущего ей стиля отношений и поведения в социуме.

Рассматривая корпоративную культуру вузов в контексте формирования имиджа необходимо указать основные составляющие данного процесса: общая известность и репутация образовательного учреждения; скорость реагирования на изменения запросов потребителей; инновационный потенциал и его реализация; престиж образовательных программ; рекламная политика образовательного учреждения; уровень развития и характер зарубежных связей; финансовая обеспеченность (устойчивость); конкурентный статус.

Само понятие «корпоративная культура» имеет большую историю, и в настоящее время имеет ряд толкований. Так, М. Армстронг считает, что корпоративная культура в значительной мере влияет на ход выполнения работы, хотя и отсутствуют прямые инструкции, определяющие способ действий [1]. Точка зрения А.О. Блинова и О.В. Василевской заключается в том, что они рассматривают корпоративную культуру как «набор наиболее важных предположений, принимаемых членами организации и получающих выражение в заявляемых организацией ценностях, задающих людям ориентиры их поведения и действий, которые передаются через символические средства духовного и материального внутриорганизационного общения» [2]. Несколько по-иному трактует термин «корпоративная культура» Р.А. Кричев-

ский, включая в это понятие «большую часть явлений духовной и материальной жизни коллектива: доминирующие в нем моральные нормы и ценности, принятый кодекс поведения и укоренившиеся ритуалы», а также манеру персонала одеваться и установленные стандарты качества, выпускаемого продукта и т.д. [3].

Определить теоретическую основу данного феномена помогает также концепция исследователя В.А. Спивака, в которой автор определяет культуру корпорации как «очень сложное, многослойное, динамичное явление, включающее в себя систему материальных и духовных ценностей, проявлений, взаимодействующих между собой, присущих данной корпорации, отражающих её индивидуальность и восприятие себя и других в социальной и вещественной среде, проявляющихся в поведении взаимодействия, восприятии себя и окружающей среды» [4].

Заслуживает внимания и определение корпоративной культуры, данное А.Г. Самарским в его исследовании «Формирование корпоративной культуры в социальной организации». Исследователь отмечает, что на современном этапе развития общества, проявляются новые формы культуры, которые чаще всего называют «корпоративными». Сама же причина возникновения корпоративной культуры заключается в «необходимости разрешить противоречие дуализма развития современных социальных организаций между: рациональностью при достижении целей и эмоциональностью связей между членами организаций» [5]. А.И. Пригожий как «естественно-искусственное образование, характеризующее наиболее развитую личность организации (корпорации)» [6]. Исследователь говорит о возможности развить организационную культуру до уровня корпоративной культуры, когда интересы и действия работников максимально ориентированы на цели организации в целом, через умелое определение функций, мотивацию, развитие отношений между работниками, согласование интересов, вовлечение работников в выработку общих целей, т. е. посредством специальных методов.

Корпоративная культура способствует созданию среды жизнедеятельности в коллективе, ибо, как утверждает А.В. Аверин [7], сумма общепринятых значений позволяет членам группы жить и работать в мире, который они одинаково воспринимают, совершать действия, характер которых понятен всем остальным, регулировать социальные и производственные взаимодействия в рамках принятой конвенции данной организации. Человеческие ресурсы, действующие в рамках корпоратив-

ной культуры, объединенные корпоративным духом, позволяют существенно улучшить базовую характеристику современного учреждения.

Следовательно, базис корпоративности – это комплекс социальных норм поведения, ценностей, установок, атрибутики, традиций, которые и характеризуют феномен корпоративной культуры в вузе.

При формировании имиджа вуза корпоративная культура выступает как фактор, интегрирующий интересы работника и работодателя посредством закрепления определенных «правил игры», т. е. ожидаемых поведенческих установок для конкретной ситуации, поведенческих стереотипов, связанных с выполнением конкретной работы и соблюдением норм. Данная позиция носит социально-психологический аспект, имеющий влияние как на организацию в целом, так и на отдельную личность – члена этой организации, ее настроение, мотивы поведения, стимулирование, творческую работоспособность, комфортность, оптимизм. Следовательно, говоря о корпоративной культуре вуза отметим, что это объединение в рамках сотрудничества, направленное на решение социально-значимой задачи предоставления многообразных образовательных услуг.

Корпоративная культура динамична. Зная механизмы ее эволюции, ею необходимо управлять. Кроме того, она служит инструментом интеграции людей и процессов в организации, превращаясь в механизм управления. Если ее формируют не только для производительности и результативности, но и используют как средство управления, позволяющее решать наиболее сложные и неординарные вопросы, корпоративная культура превращается в тот рычаг, который способен стать действенным механизмом формирования имиджа и социального престижа вузов. Начало работы в этом направлении – создание системы корпоративных ценностей: воспитание на знании истории вуза, его «мифологии», уважении его ценностей, системы ресурсного обеспечения вуза; корпоративные праздники и др.

Систематизируя понятия корпоративной культуры, отметим, что корпоративная культура современного учебного заведения является практическим способом реализации определенной теоретической надстройки – корпоративной философии, где прописаны принципы, обязательства перед разными слоями общества, в том числе и перед собственными сотрудниками.

Корпоративная культура является мировоззренческим фундаментом в формировании имиджа вуза. Этические, правовые, социальные обязательства делают организацию более привлекательной для внешней аудиторией; с

другой стороны, утверждают принцип командного подхода, единого корпоративного творческого духа, создания гуманистического отношения к каждому работнику на его рабочем месте.

Важной составляющей формирования имиджа вузов является рассмотрение принципов, на которые следует опираться, знакомясь и оценивая состояние корпоративной культуры. К их числу относятся:

научность, использование достижений научных дисциплин, имеющих своим объектом человека, социальные общности, организации, труд;

системность в восприятии объектов исследования и управления, а также факторов, влияющих на поведение объектов и элементы их культуры;

гуманизм, основывающийся на признании личности наивысшей ценностью;

представление корпорации как части общества, как коллективного члена сообщества;

профессионализм, предполагающий наличие адекватного образования, опыта и контекстуальных навыков, позволяющих эффективно управлять корпоративной культурой.

Нетрудно заметить, что названные принципы помогают не только воспринимать корпоративную культуру целостно, системно, но и приводят к пониманию важнейшей миссии корпоративной культуры, выявляют ее социокультурное значение.

Для формирования имиджа вуза установлены основные ее признаки, которые заключаются в том, что корпоративная культура это:

современная организация по всем факторам культуры (материальным и духовным);

гармоничная организация, в которой отдельные элементы культуры по уровню своего развития, направленности, идеям, целям, задачам, способам достижения целей соответствуют друг другу;

организация, живущая по закону;

организация, опирающаяся на современные достижения наук;

организация, в которой люди воспринимаются как главная ценность;

развивающаяся организация, строящая свои отношения с субъектами внутренней и внешней среды на основе понимания их системной сущности и уникальности и не жалеющая усилий на получение все новых и новых знаний о деловых партнёрах и сотрудниках для их лучшего понимания [4, с. 27].

Корпоративная культура учебного заведения основывается на системной работе с персоналом, направленной не только на активизацию чисто профессиональных способностей, повышение квалификации и самоотдачи работников, но и на гармонизацию отношений и пси-

хологического климата, способствующих развитию личности. Возрастает, таким образом, значение человеческих ресурсов, качество которых все чаще включается в «нематериальный актив» корпораций, и укрепляется ориентация на диалог и партнерство руководства с персоналом.

С точки зрения выполняемых функций – корпоративная культура в формировании имиджа обеспечивает:

формирование морально-этических ценностей и установок жизнедеятельности корпорации, побуждающих потенциал интеллектуальной и духовной энергии человеческих ресурсов на эффективную реализацию её миссии;

упрочение связей (социальное партнерство) работников с руководством корпорации, чувства общности (солидарности) всех уровней работников вокруг ценностей, норм, традиций и повышение их ответственности за качество деятельности;

организацию работы и распоряжение человеческими ресурсами таким образом, чтобы деятельность вуза обеспечивала высокую мобильность, социальную защиту тех, кто в ней работает;

создание фирменного стиля, направленного на развитие культуры качества, процветание корпорации, стимулирования удовлетворенности трудом работников и повышение социального вклада в общество;

завоевание благожелательного отношения со стороны общественности, находящейся вовне корпорации [8, с. 308–309].

Корпоративность в контексте формирования имиджа вуза мы представляем как систему отношений сотрудничества между людьми, занятыми совместным решением социально-значимого комплекса задач образования и воспитания будущих специалистов. Сущность корпоративных явлений, законы, по которым они развиваются, подходы к корпоративному решению различных задач являются общими для корпоративности как системы общественных отношений. С другой стороны, конкретные социальные и социально-психологические проявления корпоративности носят уровневый и даже индивидуальный характер.

Является очевидным, что успешное развитие корпоративных отношений обеспечивает социальный прогресс на том уровне, на котором эти корпоративные отношения рассматриваются. В отношении вступают личности. Ориентируясь на успех и успешность корпорации, следует иметь в виду ориентацию на развитие личностей, образующих данную корпорацию.

Корпоративность высшего учебного заведения являет высокую степень интеграции, представляющей объединение не только по функциям деятельности, но и по человеческим от-

ношениям внутри организации, т.е. по уровню культуры деловых отношений. При формировании имиджа вузов особое значение имеют стержневые компетенции, которые являются коллективным знанием организации, направленным на координирование (синергетику) разнотипных видов деятельности, присущих учебному заведению. Осмысление стержневых компетенций обеспечивают вузу возможность проникнуть на рынок и успешно конкурировать на нескольких образовательных рынках, повысить значимость образовательных услуг в глазах потребителей по сравнению с его конкурентным аналогом. Для профильного вуза стержневые компетенции отражают такие свойства вуза, которые не могут быть воспроизведены конкурентами, образовательными услугами высокого уровня.

Объективная оценка имиджа через стержневые компетенции деятельности самого вуза и вузов конкурентов включает следующие направления:

общие сведения об образовательном учреждении;

образовательная деятельность как таковая (специальности и специализации, предлагаемые дополнительные образовательные услуги);

преподавательский состав;

учебно-методическое обеспечение;

система контроля результатов обучения и качества подготовки;

научные исследования, проекты;

материальное, информационное и техническое обеспечение учебного процесса;

особенность организации в проведении образовательных, научных и художественно-творческих программ;

система связей образовательного учреждения со стратегическими партнерами, местными органами власти;

маркетинговая и коммуникационная деятельности образовательного учреждения;

контакты с другими российскими и зарубежными образовательными учреждениями;

оценка финансового состояния образовательного учреждения;

система управления образовательным учреждением;

стратегия образовательного учреждения.

Таким образом, анализ внутренних возможностей учебного заведения является отправной точкой формирования имиджа и социального престижа вуза. С позиции компетентного подхода уровень образовательной деятельности вуза определяется способностью решать проблемы различной сложности на основе имеющихся знаний по выстраиванию его стратегии. Эта способность имеет несколько составляющих: мотивы деятельности; умение

ориентироваться в источниках информации; умения, необходимые для определения видов деятельности; теоретические и прикладные знания, необходимые для понимания сущности проблемы и выбора путей и механизмов ее решения.

1. Армстронг М. *Практика управления человеческими ресурсами*. СПб.: Питер, 2007. 134 с.

2. Блинов А.О., Василевская О.В. *Искусство управления персоналом*. М.: Гелан, 2001. С. 49.

3. Кричевский Р.Л. *Если вы руководитель: элементы психологии менеджмента в повседневной работе*. М.: 1998. 147 с.

4. Спивак В.А. *Корпоративная культура*. СПб., 2001. С. 13.

5. Самарский А.Г. *Формирование корпоративной культуры в социальной организации (социологический аспект): автореф.... дис. канд. социолог. наук. Волгоград, 2001. С. 76.*

6. Пригожий А.И. *Современная социология организаций*, М.: Фирма «Интерпракс», 1995. С. 208.

7. Аверин Л.В. *Корпоративная культура современного общества: дис. ... канд. философ. наук. Ставрополь, 2006. 189 с.*

8. Карташева Л.В., Никонова Т.В., Соломадина Т.О. *Поведение в организации*. М.; 1999. С. 68.

1. Armstrong M. *Praktice of management of human resources*. SPb.: St. Petersburg, 2007. 134 p.

2. Blinov A.O., Vasilevsky O.V. *Art management personnel*. M.: Gelan, 2001. P. 49.

3. Krichevsky R.L. *If you head: elements of psychology of management in daily work*. M.: 1998. 147 p.

4. Spivak V.A. *Corporate culture*. SPb., 2001. P. 13.

5. Samarsky A.G. *Formirovaniye of corporate culture in the social organization (sociological aspect): autoref. ... dis. cand. social. scien. Volgograd, 2001. P. 76.*

6. Prigojy A.I. *Modern sociology of the organizations*. M.: «Interpraks» Firm, 1995. P. 208.

7. Averin L.V. *Corporate culture of modern society: autoref. ... dis. cand. philosoph. scien. Stavropol, 2006. 189 p.*

8. Kartasheva L.V., Nikonova T.V., Solomadina T.O. *Behaviour in the organization*. M., 1999. P. 68.

Новоселецкая Дарья Ильинична
соискатель Краснодарского государственного
университета культуры и искусств
(тел.: 89184949465)

Компетентностный подход в формировании профессионально- коммуникативных качеств личности курсантов военных вузов

В статье рассматриваются значимость и содержание формирования профессионально-коммуникативной компетенции курсантов военных вузов, будущих специалистов по защите информации, в процессе изучения иностранного языка.

Ключевые слова: компетентность, компетенция, коммуникация, компоненты, содержание, функции.

D.I. Novoseletskaia, competitor of the Krasnodar State University of culture and arts; tel.: 89184949465.

Competence-based approach in formation of professional and communicative qualities identity of cadets of military higher education institutions

In article the importance and the content of formation of professional and communicative competence of cadets of military higher education institutions, future specialists in information security, in the course of learning of foreign language are considered.

Key words: competency, competence, communication, components, contents, functions.

Преобразования, характерные для современного этапа развития общества и образования, определяют необходимость подготовки инициативных специалистов, способных к постоянному взаимодействию, адекватному выполнению профессиональных функций, готовности к коммуникативному взаимодействию, расширению профессионально-коммуникативной компетенции, освоению новых сфер деятельности.

Важными в деятельности будущего офицера становятся не только собственно специальные знания, но и общая составляющая коммуникативной организации профессиональной деятельности в новых условиях современного социума. Поскольку коммуникативный аспект в профессиональной деятельности, будущих офицеров становится все более значимым, актуализируется и проблема формирования профессионально-коммуникативной компетенции курсантов военных вузов. Это позволяет выделить профессионально-коммуникативную компетенцию как одну из важных качеств образования будущего офицера. Мы определяем это качество, как общую способность, основанную на знаниях, умениях и навыках, которые приобретены в процессе профессионального образования и рассматриваются как возможность установления связи между знанием и

профессиональной ситуацией, то есть способность, позволяющая найти возможные практические варианты для решения конкретной задачи в сфере деятельности военного специалиста.

Современный офицер российской армии должен многое уметь и знать. К специалисту предъявляются все новые требования личностного качества: разносторонняя эрудиция, способность соответствовать новым требованиям деятельности, перспективно мыслить. В связи с этим возникла потребность в разрешении имеющихся противоречий, типичных для современной системы образования и подготовки курсантов военных вузов: прежде всего между потребностями в образовании самой личности и общественными ожиданиями, потребностью в высококвалифицированных специалистах и системой обучения этих специалистов. В педагогической науке для решения проблем формирования профессионально-коммуникативной компетенции у курсантов военных вузов необходимо решить ряд вопросов, связанных с формированием у будущих офицеров целостного и адекватного современным условиям представления о сфере профессиональной деятельности, адаптированной к современным социальным, экономическим и межкультурным формам службы.

Востребованность военных специалистов по защите информации предусматривает и конкретизирует задачи, связанные с дальнейшим развитием профессионально-коммуникативной направленности подготовки будущих офицеров. Система образования в области овладения иностранным языком в процессе обучения в военном вузе – интегрированный процесс, анализ которого показывает, что система формирования коммуникативной компетенции на основе изучения иностранного языка, находится в тесной связи со средой, в которой она существует и решается. Изменения социально-экономических условий неизбежно определяют изменения требований к системе формирования коммуникативной компетенции на основе изучения иностранного языка, к ее основным составляющим, к характеру отношений к ней. Прежде всего, это проявляется в отношении профессиональной сферы к изучению иностранного языка. Отмечена прямая зависимость: чем выше в обществе потребности в новых профессиональных, личностных, культурных, научных, коммуникативных контактах, чем реальнее возможности реализации указанных качеств, тем выше необходимость в освоении иностранного языка как средства общения, взаимопонимания, профессионального взаимодействия.

Государственные образовательные стандарты Высшего профессионального образования по специальности 075400 – «Комплексная защита объектов информации» ориентируют на осуществление процесса обучения будущих офицеров в русле целостной культуры во взаимодействии гуманитарных, естественнонаучных и технических составляющих. Они определяют не только общие требования к содержанию высшего образования, но и требования к уровню коммуникативной компетенции курсантов.

Современное обучение иностранным языкам в отечественной науке рассматривается в нескольких аспектах:

прагматический аспект связан с формированием определенного комплекса знаний, умений и навыков, совокупность которых позволяет успешно осуществлять межкультурную коммуникацию, иноязычное общение;

когнитивный аспект входит в сферу таких категорий, как знания, мышление и процессы понимания, задействованные в ходе приобщения к межкультурному взаимодействию, и рассматривается как развивающий аспект обучения;

общеобразовательный аспект означает рассмотрение обучения иностранному языку с позиции его образовательного воздействия на личность обучаемого [1].

Процесс формирования профессионально-коммуникативной компетенции курсантов военных вузов рассматривается в контексте указанных составляющих, т.к. в нем участвуют знания, умения и навыки коммуникации, процессы понимания, психические процессы, способности личности курсантов к профессионально-коммуникативной деятельности, к саморазвитию и самосовершенствованию, к приобретению новых знаний и их использованию в профессиональной деятельности.

Требования компетентностного подхода к подготовке военных специалистов по защите информации определяются не только особенностями экономического перераспределения ресурсов и зон влияния, обеспечивающих подготовку военных кадров, но и необходимостью поиска путей, которые направлены на изменение всей системы. Сущность термина «компетентность» рассматривается как обладание компетенцией; обладание знаниями, позволяющими судить о чем-либо [2]. В отечественной педагогике только в последней четверти XX в. это понятие начинает использоваться в качестве термина, описывающего какой-либо конечный результат. Существует множество определений этого понятия. Так, компетентность определяется как «качество личности, предполагающее, что человек владеет определенной компетенцией» [3]. Как правило, авторы отмечают, что средством «нового подхода к оценке качества профессиональной подготовки специалиста выступила компетентность как интегральная характеристика, определяющая его способность решать профессиональные проблемы и типичные профессиональные задачи, возникающие в реальных ситуациях профессиональной деятельности с использованием знаний, жизненного опыта, ценностей» [4].

Решая проблемы формирования профессионально-коммуникативной компетенции курсантов военных вузов в процессе изучения иностранного языка, нам близка точка зрения Э.Ф. Зеера, который утверждает, что компетентность – это содержательные обобщения теоретических и эмпирических знаний, представленных в форме понятий, принципов, смыслообразующих положений. Автор делит компетентности на два уровня: компетентности теоретического уровня, где находят обобщения внутренних связей и отношений предметов и явлений действительности. Их конкретизация выражается в понятиях, законах, принципах. Второй уровень – эмпирические компетентности, отражает внешние свойства предметов и явлений. Они имеют прикладной, действенный характер. Конкретизация этого уровня обобщения состоит в словах-терминах, символах,

знаках, процессуальных знаниях, иллюстрациях, примерах [5].

Исследователями в области компетентностного подхода в образовании определено, что компетентность имеет структуру, которая включает: 1) готовность к появлению компетентности; 2) владение знанием и содержанием компетентности; 3) опыт проявления компетентности в разнообразных стандартных и нестандартных ситуациях; 4) отношение к содержанию компетентности и объекту ее приложения; 5) эмоционально-волевая регуляция процесса и результата проявления компетентности [6].

А.В. Хуторской, обобщая результаты теоретико-методологического анализа психолого-педагогического содержания понятия «компетентность», считает что она: характеризует способность и готовность личности выступать в качестве целостного совместного субъекта саморазвития системы «человек-мир»; отражает субъективную позицию обучающегося в обучении, обеспечивает реализацию личностных смыслов; имеет метапредметный характер; реализует дидактический принцип связи обучения с жизнью через обогащение витального опыта выявления и решения проблем; проявляется и контролируется в процессе практического осуществления деятельности [8, с. 54].

Следовательно, профессионально-коммуникативная компетенция, как и другая компетенция, является системной характеристикой личностно-ориентированного обучения, поскольку относится исключительно к личности обучаемого и проявляется в процессе выполнения им комплекса действий. Поэтому проблема формирования профессионально-коммуникативной компетенции в наибольшей мере решается в процессе реализации личностно-ориентированного образования.

1. Гречко В.А. Теория языкознания: учеб. пособие / В.А. Гречко. – М.: Высшая школа, 2003. 375 с.

2. Словарь иностранных слов [Электронный ресурс] / URL: <http://www.onlinedics.ru/slovar/inyaz.html>. С. 241.

3. Краевский В.В. Методология педагогических исследований / В.В. Краевский. Самара, 1994. С. 34

4. Вершиловский С.Г. Теоретические и организационные проблемы постдипломного педагогического образования / С.Г. Вершиловский. СПб.: Педагогика, 2010. С. 108.

5. Зеер Э.Ф. Профессионально-образовательное пространство личности / Э.Ф. Зеер. Екатеринбург, 2002. С. 14.

6. Зимняя Н.А. Педагогическая психология: учебник для вузов / Н.А. Зимняя. – 2-е изд., доп., испр. и перераб. М.: Логос, 2005. С. 88.

7. Ермаков Д.С. Компетентностный подход в образовании / Д.С. Ермаков // Педагогика. – 2011. № 4. С. 13.

8. Хуторской А.В. Педагогическая инноватика / А.В. Хуторской. М.: Изд. центр «Академия», 2008.

1. Grechko V.A. Linguistics theory: studies. grant / V.A. Grechko. – M.: The higher school, 2003. 375 p.

2. Dictionary of foreign words [Electronic resource] / URL: <http://www.onlinedics.ru/slovar/inyaz.html>. P. 241.

3. Krayevsky V.V. Methodology pedagogical researches / V.V. Krayevsky. - Samara, 1994. P. 34

4. Vershilovsky S.G. Theoretical and organizational problems of post-degree pedagogical education / Of this year Vershilovsky. SPb.: Pedagogics, 2010. P. 108.

5. Zeer E.F. Professional personality / E.F. Zeer. Yekaterinburg, 2002. P. 14.

6. Zimnya N.A. Pedagogical psychology: textbook for higher education institutions / N.A. Zimnyaya. 2nd prod., add., ed. and resl. M.: Logos, 2005. P. 88.

7. Ermakov D.S. Kompetentnosting an approach in Education / S. Ermakov // Pedagogics. – 2011. No 4. P. 13.

8. Hytorskoy A.V. Pedagogical innovatics / A.V. Hytorskoy. – M.: Prod. center «Akademy», 2008.

Щуров Евгений Андреевич

кандидат юридических наук, доцент
Краснодарского университета МВД России
(тел.: 89184949465)

Моделирование педагогических условий формирования правового сознания студентов вузов социокультурной сферы

Данная статья посвящена рассмотрению основных вопросов информационной компетентности в формировании профессиональной культуры курсантов в процессе обучения в вузе МВД России.

Ключевые слова: информационная компетентность, профессиональная культура, процесс обучения, специалист органов внутренних дел, информационная среда, правоохранительная деятельность

E.A. Shurov, Candidate of law, assistant professor of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia; tel.: 89184949465.

Modeling of pedagogical conditions of formation of legal consciousness of students of higher education institutions of the sociocultural sphere

This article is devoted to consideration of the main questions of information competence of formation of professional culture of cadets in the course of training in higher education institution of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Key words: information competence, professional culture, training process, specialist of law-enforcement bodies, information environment, law-enforcement activity.

Необходимость непрерывного совершенствования профессиональной информационной культуры специалиста органов внутренних дел определяется как изменением его функциональных обязанностей в процессе службы в МВД России, так и изменением характера профессионального труда в целом с учетом тенденций развития информационной среды профессиональной деятельности.

Стратегическая роль информации в развитии образования актуализирует социальный заказ общества на подготовку компетентных сотрудников полиции, что отражено в приоритетном национальном проекте «Образование», Национальной доктрине образования Российской Федерации до 2025 г. и других нормативно-правовых документах сферы образования. Изменение характера и условий правоохранительной деятельности актуализирует проблему формирования информационной компетентности специалистов МВД России, выступающей в качестве одной из важнейших целей их профессиональной подготовки, определяющей как уровень профессионализма специалиста, так и возможности его дальнейшего профессионального роста. Как заметил Министр внутренних дел России Р.Г. Нургалиев, специалист

органов внутренних дел должен владеть современными информационными технологиями – это главный критерий оценки при любом его перемещении по службе.

Определяющее значение в формировании информационной компетентности будущего специалистов системы МВД России использованию информационно-коммуникационных технологий. В данном аспекте ряд исследователей выделяют проблемы, которые связаны с быстрым развитием электронных образовательных ресурсов, информационных технологий, их массовым внедрением в образовательный процесс. Необходимы качественно новые информационно-педагогические технологии, повышающие компьютерную грамотность и компетентность обучающихся с учетом конкретизации требований профессиональных стандартов и уровней образования.

Информационной компетентности специалиста достаточно широко представлена в исследованиях отечественных ученых (А.В. Гоферберг, Н.Г. Витковская, Д.В. Голубин, Н.В. Евладова, Т.Г. Головкин, В.Л. Акуленко, М.Г. Дзугоева, О.Б. Зайцева, А.Л. Семенов, Н.Ю. Таирова, О.М. Толстых и др.). Авторы признают: несмотря на то, что проблема профессиональной компетентности далеко не

новая, вопросы формирования информационной компетентности специалиста, стала разрабатываться совсем недавно.

Сегодня отмечается недостаточная компьютерная подготовленность абитуриентов вузов МВД, а также практически отсутствуют для педагогической работы доступные инструментальные программные средства по созданию и использованию цифрового образовательного контента, отсутствуют методики работы с курсантами, особенно с использованием Интернета [1].

Анализ исследований по данной проблеме, свидетельствует, что в этой связи существуют противоречия между: потребностью общества в подготовке специалиста МВД России, обладающего широким набором компетенций, позволяющих ему успешно реализовать свои профессиональные знания и творческие способности в условиях глобальной информатизации и недостаточной ориентацией ведомственной системы профессиональной подготовки специалиста органов внутренних дел Российской Федерации на формирование его целостной профессиональной культуры; необходимостью совершенствования процесса профессиональной подготовки специалистов МВД России с учетом современных требований и тенденций развития правоохранительной деятельности и недостаточной разработанностью теоретического обоснования содержания информационной подготовки специалистов, внедрения и использования информационно-педагогических технологий в образовательном процессе учебных заведений МВД России.

В Федеральном государственном образовательном стандарте высшего профессионального образования по направлению подготовки (специальности) 030901 Правовое обеспечение национальной безопасности в требованиях к результатам освоения основных образовательных программ подготовки специалиста указано, что будущий сотрудник полиции должен обладать «способностью работать с различными источниками информации, информационными ресурсами и технологиями, применять основные методы, способы и средства получения, хранения, поиска, систематизации, обработки и передачи информации (ОК-16)».

Ожидать от информатизации повышения эффективности и качества образования можно лишь при условии, что новые учебные продукты будут обладать некоторыми инновационными качествами, которые заключаются:

в обеспечение всех компонентов образовательного процесса получением образовательной информации;

в организации практических занятий, направленных на формирование информационной компетентности;

в постоянном контроле за уровнем сформированности данных профессиональных качеств у курсантов в процессе обучения в вузе.

Информационная компетентность способствует использованию в учебном процессе интерактивных, инновационных форм, направленных на расширение возможностей самостоятельной работы и самообразовательной деятельности курсантов за счет использования активно-деятельностных форм обучения. Информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) создают возможность более полноценного обучения вне аудитории. Электронные образовательные ресурсы позволяют курсантам выполнить вне аудитории значительную часть практических занятий, а преподавателям провести в более короткие сроки аттестацию знаний, умений, навыков, полученных курсантами в процессе обучения [2].

При использовании информационно-коммуникационных технологий меняется алгоритм организации учебного процесса:

1) получение информации в интерактивном режиме;

2) анализ представленных курсантами материалов в системе он-лайн;

3) анализ не только полученных знаний по изучаемой теме, но и путь поиска необходимой информации в интерактивном режиме;

4) эвристический диалог с курсантом, ориентированном на индивидуальный уровень владения ИКТ и определение траектории дифференцированного профессионального развития;

5) оценка (преподавателем) и самооценка (курсантом) проведенной работы.

Для определения сформированности информационной компетентности у курсантов вуза МВД было проведено анкетирование на основе ряда вопросов:

1) Чувствуете ли Вы себя уверенно в обращении с техникой и программами?

2) Как Вы реагируете на отсутствие навыков в поиске необходимой информации в сети интернет?

3) Используете ли Вы медиасредства при самостоятельной работе?

4.) Необходимо ли переводить теоретическую часть лекционного курса в режим ИКТ?

5) Как Вы видите перспективу развития Вашей профессиональной культуры на основе использования ИКТ?

Результаты свидетельствуют, что:

28 % курсантов чувствуют затруднения в пользовании программами;

44 % отмечают необходимость в формировании навыков работы в сети интернет;

только 14 % используют при самостоятельной работе медиасредства;

58 % курсантов считают, что использование ИКТ в теоретической части обучения была бы более эффективна;

практически все курсантов связывают перспективу профессионального роста с умениями и навыками использования информационно-коммуникационных технологий.

Следовательно, успех инновационных процессов, происходящих сегодня в системе высшего образования вузов МВД, во многом зависит от внедрения в учебный процесс новых информационных технологий. Одной из целей применения информационных технологий в вузе, особенно в связи с переходом на двухуровневую систему обучения, является повышение качества образовательного процесса, что является хорошей платформой для применения новых информационных технологий. Вместе с тем, овладение ИКТ это лишь средства обучения: необходимы новые технологии обучения в новых условиях образования. Эффективность этой работы может обеспечиваться тотальным переходом на сетевые технологии работы, применением централизованных многопользовательских баз данных и баз знаний, автоматизацией рутинных операций на основе специального программного обеспечения.

Применения информационно-коммуникационные технологии для обучения курсантов, следует предусматривать наличие следующих составляющих: механизма «передачи» знаний курсантам; механизма контроля знаний; обеспечение курсантов консультациями в процессе освоения учебного материала (тьютерство). Сегодня можно говорить о более или менее успешной реализации в рамках новых технологий первых двух компонент.

Для решения проблемы более эффективно формирования знаний, разработано много методик. Наиболее эффективными следует считать телекоммуникационные технологии, которые обеспечивают коллективный доступ, как к обучающим материалам, так и средствам тестирования и консультаций. Этим требованиям отвечают интернет технологии, имеющие легко осваиваемый интерфейс пользователя в виде браузера интернет, гипертекстовую систему связей между документами, возможность встраивания в документ анимированных рисунков, видео и звуковых фрагментов. Сетевые каталоги и электронные пособия в интрасети являются основой для проведения большинства занятий в режиме он-лайн. Известно, что доступ в интернет возможен с любого компьютера, что позволяет проводить занятия с использованием интернет и опираться на интернет-ресурсы в самостоятельной работе.

При всей неоднозначности к автоматизации контроля знаний, он, тем не менее, становится

все более популярным, поскольку имеет много положительных сторон. Компьютерное тестирование, в частности, является неотъемлемой частью процедуры аттестации вуза. Поэтому целесообразным является внедрение этих методов в вузе на различных уровнях подготовки курсантов. Данные новые технологии являются способом контроля не только как данности, но и как процесса. И эта целесообразность вполне согласуется с общим процессами формирования информационной компетентности курсантов, с одной стороны. А с другой – преподаватели стали понимать, что грамотно сделанный тест позволяет не только объективно проверить знания курсантов, но и предоставляют обширный материал для анализа успешности преподавательского труда, высвободить значительную часть динамики развития курсантов, что позволяет путем тренировок повысить уровень этих знаний.

Важным звеном в формировании информационной компетентности как составной части профессиональной культуры будущего сотрудника полиции, является библиотека. Здесь сосредоточены основные информационные ресурсы, используемые в образовательном процессе. Перевод библиотеки на новые технологии работы с библиотечной информацией, позволяющие пользователю получать мгновенный доступ если не к самим текстовым материалам, то хотя бы к их структуре (каталогу) с возможностью удобного поиска по произвольным библиотечным атрибутам и автоматизированного формирования заказа на найденную литературу – это тоже элемент информационной компетентности курсанта и фактор повышения качества образовательного процесса.

Таким образом, характеризуя формирование информационной компетентности курсантов через овладение информационными технологиями, отметим и проблемы, возникающие в ходе данного процесса. Эти проблемы связаны с переходом на новые образовательные стандарты, что вызывает необходимость внесения существенных изменений не только в сам образовательный процесс, но и в обеспечивающие его базы данных. Эта работа требует постоянной поддержки и модернизации со стороны руководителей образовательного учреждения. Без такой поддержки новые информационные технологии, как и любые другие компоненты образовательного процесса, трудно адаптируются в практике современного учебного заведения.

1. Лазутин В.В. *О развитии информатизации образования в рамках реализации приоритетного национального проекта «Образование» и федеральных целевых программ*

[Текст] / Лазутин В.В. // Информатизация образования и науки. - 2009. - № 4. - С. 3.; Тихонов А.Н. Применение ИКТ в высшем образовании Российской Федерации: текущее состояние, проблемы и перспективы развития [Текст] / Тихонов А.Н. // Информатизация образования и науки. - 2009. - № 4. - С. 10; Каталог ЭОР Федерального центра информационных образовательных ресурсов [Электронный ресурс]. - Режим доступа. - URL: <http://fcior.edu.ru>

2. Ваграменко Я.А. Информационные технологии и модернизация образования [Текст] / Я.А. Ваграменко // Педагогическая информатика. - 2000. - № 2. - С. 12-18.; Григорьев С.Г. Методико-технологические основы создания электронных средств обучения [Текст] / С.Г. Григорьев, В.В. Гриншкун, С.И. Макаров. - Самара: Изд-во Самарск. гос. эконо. акад., 2002.

1. Lazutin V.V. About development of informatization of education within implementation of the priority national Education project and federal target programs [Text] / Lazutin V.V. // Informatization of science and education. - 2009. - № 4. - P. 3. ; Tikhonov A.N. ICT application in the highest formation of the Russian Federation: current condition, problems and development prospects [Text] / Tikhonov A.N. // Informatization of science and education. - 2009. - No 4. - P. 10; EOR catalog of the Federal center of information educational resources [Electronic resource]. - Access mode. - URL: <http://fcior.edu.ru>

2. Vagramenko Ya.A. Informative technologies and modernization of education [Text] / Ya.A. Vagramenko // Pedagogical informatics. - 2000. - No 2. - P. 12-18. ; Grigoriev S.G. Methodico-technology of a basis of creation of electronic means of training [Text] / S.G. Grigoriev, V.V. Grinshkun, S.I. Makarov. - Samara: PH of Samarsk. State econ. Akkad., 2002.

**НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
"ОБЩЕСТВО И ПРАВО"**

Редактор: Н.К. Алексаньян
Редактор: С.Н. Тельнова

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного наследия ПИ № ФС77-29917
от 25 октября 2007 г.

Подписано в печать 12.11.2012
Формат 60x84 1/8. Усл. печ. л. 40,1
Тираж 1050 экз. Заказ 280
Цена свободная.

Отпечатано в редакционно-издательском отделе
Краснодарского университета МВД России
350005, Краснодар, ул. Ярославская, 128
тел. (861) 258-32-49